10.5.50

М. Т. Ин.
БИБЛИОТЕКА
№ 479
Отд.

В. А. Богородицкій,
заслуж. проф. Императорскаго Казанскаго Университета.

ОБЩІЙ КУРСЪ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

(ИЗЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ЧТЕНІЙ).

Изданіе 3-ье, значительно дополненное.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1911.

ПРОВ. 1953

Р3
208/
Бог
Общ

АКАДЕМИИ

137
36

Предисловіе.

Въ настоящее 3-ье изданіе Общаго курса русской грамматики, помимо мелкихъ дополненій, вошли слѣдующія болѣе значительныя: 1) очеркъ исторіи грамматической разработки русскаго языка (стр. 6 — 15); 2) сравнительно-грамматическое выясненіе «чередованій» гласныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ (стр. 98—102); 3) образцы склоненія и спряженія въ фонетической транскрипціи рядомъ съ орѳографическою передачей, съ цѣлью иллюстрировать тѣ особенности, которыя выступаютъ при анализѣ произношенія (см. гл. VIII стр. 163 сл., гл. XI стр. 248 и 256); 4) нотная транскрипція простыхъ и сложныхъ предложеній, имѣющая въ виду установить нѣкоторыя общія правила измѣненія тона въ живой рѣчи (см. гл. XIII и XIV); 5) главы по діалектологіи и исторіи русскаго языка, которыя раньше были изданы особо; 6) новая глава о заимствованныхъ словахъ; 7) библіографическія указанія къ отдѣльнымъ главамъ. Однако, не смотря на всѣ эти пополненія, я еще далеко не считаю свой трудъ законченнымъ, въ особенности сознавая необходимость расширить отдѣлы морфологіи и синтак-

сиса, дать главнѣйшія свѣдѣнія по русской палеографіи, а также представить карту нарѣчій и говоровъ современнаго русскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь къ усовершенствованію своего труда, я не премину воспользоваться всѣми указаніями серьезной критики. Въ заключеніе позволю себѣ выразить глубокую признательность за сотрудничество М. И. Бергъ.

Авторъ.

Замѣченныя опечатки:

Стр. 2_5	вм. моајбј должно стоять:	моајбј
Стр. 43_7	вм. тѣ жо	тѣ же
Стр. 92_{14}	вм. φόρος>	φόρος<
Стр. 181_2	вм. das	des
Стр. 192_{13}	вм. изученіе	изученіи
Стр. 214_1	вм. ἠδός	ἡδύς.

Кромѣ того, въ таблицѣ звуковъ, помѣщенной между стр. 28 и 29, выраженіе «съ меньшей сонорностью» (стоящее надъ вертикальнымъ столбцомъ согласныхъ *в*, *в'*, *з* и пр.) должно замѣнить выраженіемъ «съ средней сонорностью».

Оглавленіе.

стр.

I. Предметъ научной грамматики русскаго языка и ея раздѣленіе. Очеркъ исторіи грамматической разработки русскаго языка. 1

II. Физіологія звуковъ русскаго языка 16

III. Принципы русскаго правописанія 37

IV. Фонетика. Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики 45

V. Вокализмъ: неударяемые гласные; измѣненіе орѳографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ; разъясненія сравнительно-грамматическія 61

VI. Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны; разъясненія сравнительно-грамматическія. 104

VII. Морфологія. Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ 125

стр.

VIII. Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія 149

IX. Имя существительное со стороны словообразованія. Такъ называемыя корневыя существительныя; существительныя первообразныя и производныя. 182

X. Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи 209

XI. Глаголъ въ отношеніи семазіологическомъ: понятіе о залогѣ, видѣ и проч. Классификація спряженій и удареніе въ нихъ 218

XII. О нарѣчіи и частицахъ 258

XIII. Синтаксисъ. Предметъ синтаксиса. Понятіе о предложеніи и его объемѣ. Простое нераспространенное предложеніе—его составъ и типы . 269

XIV. Распространеніе простаго предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи 290

XV. Очеркъ діалектологіи современнаго русскаго языка 313

XVI. Очеркъ исторіи русскаго языка. 361

XVII. О заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ. 448

Глава I.

Предметъ научной грамматики русскаго языка и ея раздѣленіе. Очеркъ исторіи грамматической разработки русскаго языка.

Исходнымъ пунктомъ при нашихъ занятіяхъ грамматикою русскаго языка будетъ служить современный *литературный языкъ*, какъ онъ является въ живомъ произношеніи, а также въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей.

Уже изъ элементарной или школьной грамматики читатель отчасти знакомъ съ послѣдней стороной изученія русской рѣчи, такъ какъ во всѣхъ школьныхъ грамматикахъ въ отдѣлѣ синтаксиса въ качествѣ поясняющихъ примѣровъ приводятся выраженія изъ лучшихъ писателей. Требованія отъ научнаго изслѣдованія языка разумѣется бо́льшія. Научная грамматика почерпаетъ изъ произведеній писателей матеріалъ не для одного синтаксиса, но и для другихъ своихъ отдѣловъ, при чемъ она не ограничивается случайными примѣрами, но заботится о такой полнотѣ матеріала, чтобы на основаніи его можно было составить характеристику языка писателя. За послѣдніе годы появился уже рядъ изслѣдованій по языку писателей, и, дѣйствительно, нельзя не признать важности подобныхъ изслѣдованій, если принять во вниманіе, что писатели своими произведеніями способствуютъ выработкѣ и развитію литературнаго языка.

Письменный литературный языкъ слѣдуетъ изучать въ связи съ живою разговорною рѣчью, такъ какъ эта послѣдняя

служитъ настоящимъ источникомъ письменнаго литературнаго языка. Можно даже сказать, что именно разговорная рѣчь является истиннымъ объектомъ науки о языкѣ, и если изслѣдователь будетъ пренебрегать подобнымъ изученіемъ, то это отразится на его изслѣдованіяхъ такъ же неблагопріятно, какъ отражается пренебреженіе живыми образцами въ искусствѣ. Послѣдняя четверть минувшаго столѣтія, благодаря изслѣдованіямъ именно живой разговорной рѣчи, ознаменовалась столь крупными успѣхами въ области языковѣдѣнія, что считается началомъ новаго періода въ развитіи этой науки.

Не одинъ литературный языкъ въ его устномъ и письменномъ употребленіи составляетъ предметъ изслѣдованія научной грамматики, но также и *народные говоры*, такъ какъ иначе изученіе живаго языка не могло бы считаться полнымъ. Въ современномъ народномъ русскомъ языкѣ различаются слѣдующія главныя подраздѣленія на діалекты: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* или окающіе и *южные* или акающіе; южно-великорусскіе говоры дѣлятся далѣе на *собственно южно-великорусскіе* (восточные) и *бѣлорусскіе* (западные). Въ основѣ произношенія современной русской *литературной* рѣчи лежитъ говоръ Москвы, принадлежащій къ великорусской группѣ; такое расширеніе въ употребленіи этого говора объясняется тѣмъ, что въ области московскаго нарѣчія долго сосредоточивалась государственная власть. Впрочемъ и живой литературный языкъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества не является вполнѣ одинаковымъ, но представляетъ нѣкоторыя различія, отражающія въ ослабленномъ видѣ особенности мѣстныхъ народныхъ говоровъ. [1])

---

[1]) Такъ, интеллигентный вятичъ нерѣдко произноситъ моаjój вм. мâjéj, казанецъ — з'ъмл'ан'ікá вм. москов. з'ъмл'ін'ікá, а малороссъ долгое время сохраняетъ произношеніе ɣ вм. г, напр. jəwɣэ́nij т. е. «Евгеній», и т. д. Но если разговорный литературный языкъ и представляетъ различія въ оттѣнкахъ произношенія, то все-таки онъ несравненно болѣе однообразенъ,

Далѣе надо замѣтить, что наша рѣчь, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ измѣняется во времени. Поэтому научная грамматика изучаетъ явленія языка не только въ ихъ *современномъ* состояніи (или иначе говоря—статически), но и въ *историческомъ* развитіи (динамически), пользуясь дошедшими до насъ отъ прежнихъ временъ письменными памятниками. Здѣсь умѣстно вспомнить изъ исторіи, что русскій народъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ по сравненію съ народами Западной Европы въ томъ отношеніи, что никогда не былъ принужденъ признавать чуждый языкъ орудіемъ богослуженія, законодательства и литературы. Принимая христіанство, русскій народъ получилъ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, написанныя на нарѣчіи, отличавшемся сравнительно немногимъ отъ его нарѣчія. Книги эти, написанныя на старо-славянскомъ языкѣ и затѣмъ переписывавшіяся, легли въ основаніе древне-русской письменности и, соотвѣтственно своему важному значенію, вліяли на дальнѣйшій ея ходъ, а также—что вполнѣ естественно—и на устную рѣчь древне-русскихъ книжныхъ людей. Слѣды церковно-славянскаго вліянія мы въ изобиліи встрѣчаемъ и въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ, отчасти и въ народныхъ говорахъ.

Многія явленія русскаго языка ведутъ свое происхожденіе отъ временъ, предшествовавшихъ появленію у насъ письменности, восходя къ эпохѣ праславянской (основно-славянской). Это обстоятельство заставляетъ расширить область изслѣдованія сравненіемъ явленій русскаго языка съ родственными явленіями *другихъ славянскихъ языковъ* и прежде всего *старо-славянскаго,* письменность котораго отражаетъ наиболѣе

чѣмъ народные говоры; въ виду этого, его для краткости называютъ также *общерусскимъ*, но въ такомъ случаѣ этотъ терминъ уже не слѣдуетъ примѣнять въ смыслѣ «прарусскій».

древнее языковое состояніе въ сравненіи съ другими славянскими письменностями. [1])

Нѣкоторыя явленія современнаго намъ русскаго языка еще болѣе древняго происхожденія и возникли на почвѣ *аріо-европейскаго праязыка*; поэтому въ изслѣдованіе наше приходитъ сравненіе явленій русскаго языка съ явленіями другихъ аріо-европейскихъ языковъ. [2])

Обозначивъ предметъ изученій научной грамматики русскаго языка, скажемъ теперь нѣсколько словъ о подраздѣленіи послѣдней.

Грамматику обыкновенно раздѣляютъ на *этимологію* и *синтаксисъ*. Этимологія занимается изученіемъ словъ въ от-

---

[1]) Славянскіе языки, съ точки зрѣнія географическаго расположенія, представляютъ три обширныя области: *восточную* или область русскаго языка, *западную* или область языковъ польскаго, кашубскаго, исчезнувшаго полабскаго, обоихъ лужицкихъ и чешскаго съ словацкимъ, и *южную* или область языковъ болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго съ резьянскимъ. Южные славяне населяютъ области къ югу отъ нижняго Дуная и его притока Дравы, а западные занимаютъ области къ сѣверо-востоку отъ линіи верхняго Дуная; обширная область русскаго языка служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между западнымъ и южнымъ отдѣломъ славянства.

[2]) Всѣ языки земнаго шара учеными подраздѣляются на большее или меньшее число семействъ (пока еще не установившееся), напр. аріо-европейское, турецко-татарское, угро-финское, китайское и т. д., при чемъ доказать родство между этими отдѣльными семействами языковъ современная наука не въ состояніи. Къ аріо-европейскому семейству относятся въ Азіи вѣтви индійская, иранская и армянская, а въ Европѣ—греческая, албанская, италійско-романская, кельтская, германская, балтійская или литовская и славянская. Языки этого семейства называются также индо-европейскими, а у нѣмецкихъ ученыхъ индо-германскими. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ семействахъ и, въ частности, семействѣ аріо-европейскомъ съ принадлежащими къ нему славянскими языками читатель найдетъ въ моемъ трудѣ «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ» (1910)[3] стр. 1—25; еще подробнѣе объ языкахъ аріо-европейскаго семейства говорится въ моей книгѣ «Курсъ сравн. грам. аріо-европейскихъ языковъ», тетрадь 1-ая (Изд. 2-е, 1904 г.), стр. 13—87.

цѣльности, не въ предложеніи; въ синтаксисѣ же изслѣдуются сочетанія словъ въ предложеніи и соединеніе предложеній. Первая часть распадается на два отдѣла — *фонетику* или ученіе о звукахъ въ словахъ и *морфологію* или ученіе о формахъ словъ, объ образованіи словъ изъ знаменательныхъ [1]) частей, о производствѣ словъ однихъ отъ другихъ; при этомъ въ морфологіи обращается вниманіе на двѣ стороны—внѣшнюю или *собственно морфологическую* и внутреннюю или *семазіологическую* (смысловую). Вторая часть грамматики или синтаксисъ раздѣляется на синтаксисъ простаго и сложнаго предложенія. Нужно впрочемъ оговориться: въ настоящее время терминъ „этимологія“ въ указанномъ выше смыслѣ оставленъ и теперь подъ нею разумѣютъ изученіе словъ даннаго языка на почвѣ сравненія съ соотвѣтствующими словами родственныхъ языковъ. Такимъ образомъ, теперь грамматику подраздѣляютъ прямо на три части—фонетику, морфологію и синтаксисъ. Не трудно замѣтить, что названные отдѣлы грамматики слѣдуютъ одинъ за другимъ въ порядкѣ увеличивающейся сложности предмета изученія. Нельзя при этомъ забывать, что всѣ эти отдѣлы тѣсно связаны между собою, такъ какъ каждое слово нашей рѣчи представляетъ собою одновременно фактъ фонетическій, морфологическій и синтаксическій. Собственно во всѣхъ отдѣлахъ грамматики объектъ изученія — одинъ и тотъ же (именно языкъ), но по причинѣ его сложной природы разныя его стороны въ наукѣ излагаются особо.

Все вышесказанное о раздѣленіи грамматики можно дополнить слѣдующимъ табеллярнымъ представленіемъ:

---

[1]) т. е. имѣющихъ значеніе, каковы — корень, суффиксъ и пр. (см. гл. VII, начало).

А. область чистаго языковѣдѣнія	а) Грамматика (какъ литературнаго, такъ и народнаго языка въ ихъ современномъ состояніи и въ историческомъ развитіи).	1) Фонетика. 2) Морфологія (со стороны семазіологической и формальной). 3) Синтаксисъ.
	б) Лексикологія или словарь (слова и ихъ значеніе какъ литературнаго, такъ и народнаго языка, въ современномъ употребленіи и въ письменныхъ памятникахъ прошлаго).	
Б. Область приложеній языковѣдѣнія.	а) къ вопросамъ культурно-исторической жизни, б) къ вопросамъ учебно - педагогическимъ.	

Въ заключеніе настоящей главы бросимъ общій взглядъ на *исторію грамматической разработки* русскаго языка, начавъ съ древнѣйшаго времени.

На самыхъ первыхъ порахъ русской письменности видимо еще не существовало грамматическихъ руководствъ, необходимыя же свѣдѣнія въ этой области получались грамотниками путемъ непосредственнаго наблюденія надъ текстами, на основаніи котораго самобытно составлялись орѳографическія и грамматическія правила, подобно тому, какъ это и теперь мы можемъ наблюдать у не вполнѣ грамотныхъ лицъ. [1]) Вполнѣ понятно, что эти правила у разныхъ грамотниковъ представляли различія, въ чемъ мы наглядно убѣждаемся при

---

[1]) Такого рода оригинальныя правила малограмотныхъ приводятся въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3]—въ статьѣ «Изученіе малограмотныхъ написаній».

разсмотрѣніи древнихъ текстовъ, въ орѳографіи которыхъ можно установить разные типы. Первымъ трудомъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ русской грамматикѣ, можетъ считаться компилятивная статья, составленная по византійскимъ пособіямъ вѣроятно въ XIV в. (нѣкоторыми учеными ошибочно приписывавшаяся Іоанну экзарху болгарскому X в.)—*О восьми частяхъ слова* [1]); она дошла въ спискахъ XV—XVII в. и представляетъ интересъ своими терминами и опредѣленіями. [2]) Кромѣ этой и нѣкоторыхъ подобныхъ статей также византійскаго происхожденія выдается русская передѣлка латинской грамматики *Донатуса* (Доната), [3]) съ пропускомъ

---

[1]) т. е.—о восьми частяхъ рѣчи; именно такое число принималось въ византійскихъ грамматическихъ трактатахъ, слѣдовавшихъ въ этомъ отношеніи какъ первоисточнику—Діонисію ѳракійскому (ученику знаменитаго Александрійскаго критика Аристарха, жившему въ концѣ II в. по Р. Х.), который указывалъ слѣдующія части рѣчи: 1) ὄνομα т. е. «имя», 2) ῥῆμα «глаголъ», 3) μετοχή «причастіе», 4) ἄρθρον «членъ», 5) ἀντωνυμία «мѣстоименіе», 6) πρόθεσις «предлогъ», 7) ἐπίῤῥημα «нарѣчіе», 8) σύνδεσμος «союзъ».

[2]) Названія восьми частей рѣчи приводятся здѣсь въ слѣдующемъ видѣ: *имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣсто-имене, предлогъ, нарѣчіе, союзъ*; объ имени замѣчено: «рекохомъ, яко осмь частій суть слова, имя же всѣхъ яко основаніе, прочая убо части оглаголанія (т. е. опредѣленія, объясненія) суть имени»; подобно греческому въ имени отмѣчается пять *паденій* (т. е. падежей)—*права* (именит.), *рóдна* (родит.), *виновна* (винит.), *дательна, звательна*, при чемъ падежи поименованы въ формѣ ж. р., т. е. какъ и въ греческомъ, гдѣ слово «падежъ»—πτῶσις ж. р.; спряженіе обозначается терминомъ *супружество* (очевидно, по причинѣ свойства личнаго глагола согласоваться съ своимъ подлежащимъ); наклоненія называются *изложеніями*, при чемъ говорится объ изложеніи *повелѣномъ* (т. е. повелит.), *молитвеномъ*, *вопросномъ*, *повѣстномъ* (т. е. изъявит.) и отдѣльно отъ нихъ указывается еще *необавное* (т. е. неопредѣл., какъ бы—безъ явнаго лица); времена въ глаголѣ: *мимошедшее* или *предшбывшее*, *настоящее* и *будущее*; по отношенію къ залогу указываются—*дѣйственыя* рѣчи и *страдалныя*; о причастіи говорится: «причастіе же есть глаголъ (т. е. слово) имѣяй нѣкая послѣдствующа рѣчи и нѣкая послѣдствующа именю.» И проч.

[3]) Грамматика эта имѣла столь широкое распространеніе на западѣ, что имя ея автора Доната (римскаго грамматика IV в. по Р. Х.) превратилось въ нарицательное, какъ названіе всякой элементарной латинской грамматики.

латинскихъ парадигмъ и замѣною ихъ русскими, при чемъ русская терминологія представляетъ уже больше сходствъ съ современной школьной.[1]) Эти скромные зачатки грамматическаго знанія въ старой Руси имѣли однако извѣстное значеніе для своего времени, предлагая грамматическій матеріалъ въ болѣе или менѣе простой и краткой формѣ. Въ самой элементарности ихъ заключалось уже нѣкоторое достоинство, потому что она, не связывая развитія литературнаго русскаго языка, не мѣшала совершаться въ послѣднемъ естественному процессу дифференціаціи между природными элементами и элементами церковно-славянскими. Что же касается пробѣловъ въ грамматическихъ свѣдѣніяхъ, то они—надо думать—попрежнему пополнялись чтеніемъ текстовъ и составленіемъ по нимъ собственныхъ правилъ. Кромѣ чисто грамматическихъ опытовъ въ древней Руси существовали еще и такъ наз. *Азбуковники*, объяснявшіе непонятныя слова, въ томъ числѣ иностранныя (древнѣйшій изъ нихъ встрѣчается въ Новгородской Кормчей 1282 г.). Появленіе ихъ въ такое раннее время было вполнѣ естественно, удовлетворяя потребности точнѣе понимать письменный языкъ, уже значительно развившійся по сравненію съ простонароднымъ. Такимъ образомъ, эти азбуковники играли ту же роль, какъ и тѣ словарики, которые въ настоящее время составляются иногда для себя лицами, не знакомыми съ иностранными языками.

Въ послѣдней четверти XVI в. у насъ появляются уже и печатныя грамматическія руководства, правила которыхъ однако болѣе относились къ славянскому языку, чѣмъ къ русскому; этотъ смѣшанный характеръ грамматическаго матеріала соотвѣтствовалъ и смѣшанности тогдашняго письменнаго языка; кромѣ того, возникши въ юго-западныхъ русскихъ

---

[1]) Срв. напр.: «м у з и к и а, имя есть нарица́тельное, рода женьскаго, числа единьственаго, образа единороднаго иже есть простаго (т. е. простое, а не сложное), паденіа именовательнаго» и т. п.

областяхъ, грамматики эти содержали въ своихъ примѣрахъ не мало мѣстныхъ особенностей, напр. въ удареніи. Въ числѣ первыхъ по времени появилась *Славянская грамматика* Зизанія, напечатанная въ Вильнѣ въ 1596 г., а въ началѣ слѣдующаго столѣтія (въ 1619 г.) была издана грамматика Мелетія Смотрицкаго въ Эвю (близь Вильны), сдѣлавшаяся на долгое время руководствомъ, правиламъ котораго слѣдовали въ письмѣ и печати. Грамматика Смотрицкаго занимаетъ замѣтное положеніе и въ исторіи русскаго языкознанія, какъ потому, что терминологія ея уже почти приблизилась къ современной школьной, такъ и потому, что содержитъ нѣкоторыя цѣнныя наблюденія надъ свойствами русскаго языка. Но въ общемъ и М. Смотрицкій все-таки не могъ много подвинуть впередъ грамматическую теорію русскаго языка, такъ какъ смѣшивалъ еще стихіи церковно-славянскую и собственно русскую; впрочемъ позднѣйшее, московское, изданіе этой грамматики (1648 г.) значительно исправило примѣры и парадигмы въ ихъ окончаніяхъ и удареніи согласно русскимъ формамъ. [1]) Настоящая научная разработка собственно русской грамматики начинается съ замѣчательнаго произведенія М. В. Ломоносова (1711—1765).

Россійская грамматика Ломоносова, явившаяся въ печати въ 1755 г., распадается на шесть отдѣловъ, названныхъ имъ наставленіями: 1-ое наставленіе „О человѣческомъ словѣ вообще“ излагаетъ на немногихъ страницахъ вопросы, которые теперь разсматриваются въ курсахъ общаго языковѣдѣнія; 2-ое наставленіе „О чтеніи и правописаніи россійскомъ“ представляетъ собою изложеніе фонетики и правилъ правописанія, съ указаніемъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ написаній, встрѣчавшихся въ то время [2]); 3-ье наставленіе „О имени“

[1]) Напр. поставлено *снохѣ* вм. *снóсть* (Д. ед.), *отцѣ* вм. *отцíй* (Мѣстн. ед.), *лодíй* вм. *лáдія* и *мрéжи* вм. *мрéжя* (Р. ед.), *снохáмъ* вм. *снóжамъ*, *твóритъ* вм. *твóритъ*, и т. д.

[2]) Эти написанія могутъ служить также и для выводовъ относительно тогдашняго литературнаго произношенія.

трактуетъ довольно обстоятельно о существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ со стороны какъ словообразованія, такъ и склоненія; 4-ое наставленіе „О глаголѣ“ классифицируетъ русскіе глаголы перваго и втораго спряженія на частныя группы съ многочисленными примѣрами и заканчивается образцами спряженій; 5-ое наставленіе посвящено остальнымъ частямъ рѣчи и, наконецъ, 6-ое излагаетъ сжато вопросы синтаксиса. Главнѣйшими достоинствами этой книги являются: во первыхъ, самый способъ составленія, при которомъ авторъ, идя индуктивнымъ путемъ, какъ натуралистъ собиралъ примѣры изъ живаго языка и по нимъ уже составлялъ грамматическія правила; если же разнообразіе живаго языка не укладывалось въ рамки правилъ, Ломоносовъ совѣтовалъ руководствоваться обычаемъ; [1]) другимъ важнымъ достоинствомъ разсматриваемаго труда является разграниченіе элементовъ чисто-русскаго и церковно-славянскаго и тщательное выясненіе ихъ смысловыхъ оттѣнковъ и употребленія. Однако въ этомъ геніальномъ произведеніи Ломоносова, не утратившемъ своего значенія и до сихъ поръ, имѣются и нѣкоторыя слабыя стороны, происшедшія отъ того, что онъ не могъ не отдать дани господствовавшему тогда въ Европѣ ложно-классическому направленію; увлеченный послѣднимъ, онъ ввелъ въ русскую грамматику совершенно не свойственное русскому языку многообразіе глагольныхъ временъ вмѣсто видовъ, намеки на которые были уже у Смотрицкаго, а вмѣсто свободнаго русскаго словорасположенія предпочиталъ искусственное латинское, съ обычнымъ помѣщеніемъ глагола-сказуемаго на концѣ.

Трудъ Ломоносова служилъ почти единственнымъ руководствомъ въ теченіе всей второй половины XVIII в. и въ на-

---

[1]) Такъ, въ § 238, говоря объ именахъ отечественныхъ и указавъ на невозможность подвести ихъ подъ правила, онъ замѣчаетъ: «того ради надлежитъ оставить общему всѣхъ учителю, повсядневному употребленію».

чалѣ слѣдующаго, когда появилась Русская грамматика краткая и полная А. Х. Востокова (1-ое изд. 1831 г.). Это сочиненіе замѣчательно въ особенности обработкою законовъ русскаго ударенія, сохраняя въ этомъ отношеніи и до настящаго времени свой интересъ и значеніе. Изъ другихъ трудовъ названнаго ученаго слѣдуетъ отмѣтить его изслѣдованія по старо-славянскимъ и древне-русскимъ памятникамъ, которыя отличаются большою точностью и начинаются замѣчательнымъ открытіемъ носоваго произношенія юсовъ (1820 г.); къ этимъ трудамъ относится также Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музея (1842 г.), гдѣ отличены уже редакціи памятниковъ по нарѣчіямъ болгарскому, сербскому и русскому съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на южнорусскія и сѣверноруссвія, и наконецъ—извѣстное изданіе Остромирова Евангелія съ грамматическимъ описаніемъ этого памятника (1843 г.).

Труды Востокова (р. 1781, ум. 1864), пролагавшіе новые пути къ историческому изученію русскаго языка, сложились самобытно, вытекая изъ его личныхъ склонностей; они развивались какъ бы внѣ того лингвистико-филологическаго движенія, которое началось въ это время въ европейской наукѣ, имѣя своими представителями германскихъ ученыхъ—*Франца Боппа*, основателя сравнительной грамматики языковъ нашего семейства, *Я. Гримма*, начавшаго историческое и культурно-археологическое изученіе нѣмецкаго языка, и наконецъ *В. Гумбольдта*, положившаго начало общему языковѣдѣнію. Послѣдующіе русскіе ученые уже отражаютъ въ своихъ трудахъ слѣды этихъ новыхъ теченій въ области языкознанія. Такъ Ѳ. И. Буслаевъ (1818—1897), подъ преимущественнымъ вліяніемъ трудовъ Гримма, написалъ свою *Историческую грамматику русскаго языка* (1-ое изд. 1858 г.), которая въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій оставалась единственнымъ трудомъ, заключавшимъ въ себѣ какъ факты литературнаго языка, такъ и историческія и діалектологическія

данныя, а въ области синтаксическаго изученія еще и до сихъ поръ остается незамѣнимымъ пособіемъ; прекраснымъ дополненіемъ къ названному сочиненію служитъ составленная тѣмъ же ученымъ по первоисточникамъ и снабженная комментаріемъ *Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ* (1861). [1]) Кромѣ того, Буслаевъ еще ранѣе выступилъ съ своимъ трудомъ *О преподаваніи отечественнаго языка* (1-ое изд. 1844 г., 2-ое изд. 1867 г.), въ которомъ вопросы по преподаванію роднаго языка были поставлены весьма широко, изгнавъ прежнюю рутину и открывъ путь для новыхъ педагоговъ, напр. Ушинскаго и др.

Изъ современниковъ Буслаева нужно назвать академиковъ И. И. Срезневскаго (1812—1880) и Я. К. Грота (1812—1893). Первый своимъ трудомъ *Мысли объ исторіи русскаго языка* (1849) еще до выхода въ свѣтъ Исторической грамматики Буслаева далъ какъ бы программу для дальнѣйшаго болѣе подробнаго изслѣдованія исторіи русскаго языка въ его діалектологіи и въ соотношеніи съ другими славянскими языками; [2]) позже Срезневскій обратился къ изслѣдованію древне-русскихъ памятниковъ, ихъ палеографіи и собиранію *Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка*, которые вышли въ свѣтъ уже послѣ его смерти, составивъ пособіе чрезвычайной важности для историческаго изученія

---

[1]) Попутно отмѣтимъ изслѣдованіе М. Каткова «Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка» (1845), въ которомъ авторъ старается освѣщать вопросы русской грамматики исторически и сравнительно-грамматически. Что касается нѣсколько ранѣе появившагося труда Павскаго «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка» (1-ое изд. 1841—42 г., 2-ое изд. 1850 г.), то они содержатъ не мало интересныхъ данныхъ, но въ общемъ представляютъ трудъ любителя безъ достаточно строгаго метода, какъ на это уже указывала и современная ему критика.

[2]) Къ этому труду близко примыкаетъ сочиненіе П. А. Лавровскаго (1827—1886) «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» (1852 г.), не только рисующее особенности сѣверно-русскаго нарѣчія, но и стремящееся представить послѣдовательность нарожденія новыхъ чертъ и утраты устарѣвшихъ въ исторіи русскаго языка.

русскаго языка, могущее быть сопоставленнымъ развѣ съ знаменитымъ Толковымъ словаремъ живаго великорусскаго языка В. И. Даля (р. 1801, ум. 1872). Другой современникъ Буслаева Я. К. Гротъ началъ свои грамматическія изслѣдованія статьей *Объ основныхъ формахъ русскаго глагола* (1845 г.) и далъ затѣмъ рядъ трудовъ, посвященныхъ фонетикѣ и морфологіи новаго литературнаго русскаго языка, а также исторіи русскаго правописанія съ Петра Великаго; всѣ эти труды, сохраняющіе свое значеніе и до сихъ поръ, собраны и изданы въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ *Филологическія разысканія* Я. Грота (1899)[1], составляющемъ второй томъ полнаго собранія его сочиненій.

Весьма разностороння дѣятельность проф. А. А. Потебни (р. 1835, ум. 1891), обнимавшая какъ литературный русскій языкъ, такъ и діалектологію и исторію его въ связи съ родственными языками. Она открывается замѣчательной статьей *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій* (1865 г.), которою поставлено на твердую почву діалектологическое изученіе современнаго народнаго русскаго языка; высказанныя здѣсь обобщенія, напр. о вліяніи ударенія на ослабленіе гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ, о вліяніи исчезновенія т. наз. глухихъ гласныхъ, становятся прочнымъ достояніемъ науки.[1]) Главный трудъ проф. Потебни, имѣющій заглавіе *Изъ записокъ по русской грамматикѣ* т. I—II, посвященъ глубокому анализу синтаксическаго строя русскаго языка, при чемъ авторъ широко пользуется не только данными древне-русска-

---

[1]) Упомянемъ о современникѣ Потебни—М. А. Колосовѣ (1839—1881), основателѣ журнала «Русскій Филологическій Вѣстникъ»; онъ совершилъ научную діалектологическую экскурсію по сѣверно-великорусскимъ губерніямъ, плодомъ которой явились *Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія* (1877). По исторіи русскаго языка замѣчателенъ его *Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе* (1872).

го языка и другихъ славянскихъ, но также и фактами остальныхъ аріо-европейскихъ языковъ, преимущественно литовскаго.

Здѣсь мы заканчиваемъ свой бѣглый очеркъ исторіи грамматическаго изученія русскаго языка и назовемъ теперь лишь имена послѣдующихъ изслѣдователей, такъ какъ дѣятельность ихъ еще не закончена и потому правильная оцѣнка ихъ трудовъ, которые мы будемъ указывать въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего курса, принадлежитъ будущему историку. Изъ русскихъ ученыхъ назовемъ, напр., Бодуэна-де-Куртенэ, Брандта, Будде, Булича, Житецкаго, Карскаго, Корша, Ляпунова, Михальчука, Некрасова, Овсянико-Куликовскаго, Соболевскаго, Фортунатова, Шахматова, Ягича и др., а изъ иностранныхъ — Лескина, Бернекера, Вондрака, Meillet, Boyer, Mazon, Broch, Lundell и др.

Такимъ образомъ, мы не можемъ пожаловаться на бѣдность изслѣдованій по научной грамматикѣ русскаго языка, но нельзя не признать, что труды названныхъ ученыхъ, обладающіе крупными научными достоинствами, все-таки не объединены въ одно цѣлое и не даютъ обыкновенному читателю общихъ оріентирующихъ идей. Цѣль настоящаго общаго курса русской грамматики нѣсколько восполнить указанный пробѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ возможно краткомъ, ясномъ и доступномъ изложеніи ввести читателя путемъ разъясненія явленій роднаго языка въ кругъ важнѣйшихъ идей современнаго языкознанія.

Библіографическія указанія сочиненій по исторіи развитія грамматическихъ изученій русскаго языка. Чудиновъ А. Н. О преподаваніи отечественнаго языка. Очеркъ исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку. Воронежъ 1872. Котляревскій А. А. Исторія изученія древне-славянскаго и древне-русскаго языковъ и письмъ (первоначально въ Фил. Зап. 1879—1880; затѣмъ въ акад. изданіи его сочиненій, т. IV, 1895 г., стр. 207—400, см. въ особенности стр. 347—375). Архангельскій А. С. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Библіографическіе матеріалы. Казань 1894. Буличъ С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I (XIII в. — 1825 г.). Съ прило-

женіемъ, вмѣсто вступленія, «Введенія въ изученіе языка» Б. Дельбрюка. СПб. 1904. Ягичъ И. В. Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ (въ Изслѣдованіяхъ по рус. яз., изд. Академіи наукъ, т. I, 1885—1895) и его же Исторія славянской филологіи. СПб. 1910 (составляетъ вып. 1-ый «Энциклопедіи славянской филологіи», изд. Отд. рус. яз. и слов. Академіи наукъ, подъ ред. орд. акад. И. В. Ягича). Будиловичъ А. С. Объ ученой дѣятельности Ломоносова по естествознанію и филологіи, СПб. 1869; Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. СПб. 1871. Владимировъ П. В. Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Кіевъ 1899. Памяти Ѳ. И. Буслаева. Изданіе учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. М. 1898 (статьи отдѣльныхъ ученыхъ о Буслаевѣ). Овсянико-Куликовскій Д., А. А. Потебня какъ языковѣдъ-мыслитель (отт. изъ «Кіевской Старины»), Кіевъ 1893; кромѣ того, статьи разныхъ ученыхъ о дѣятельности Потебни собраны въ 4-омъ томѣ «Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго общества» (1892). Карскій Е. Ѳ. Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ. Изъ исторіи русскаго языковѣдѣнія. (Изъ L т. «Рус. Фил. Вѣстн.»). Варшава 1903.

Глава II.

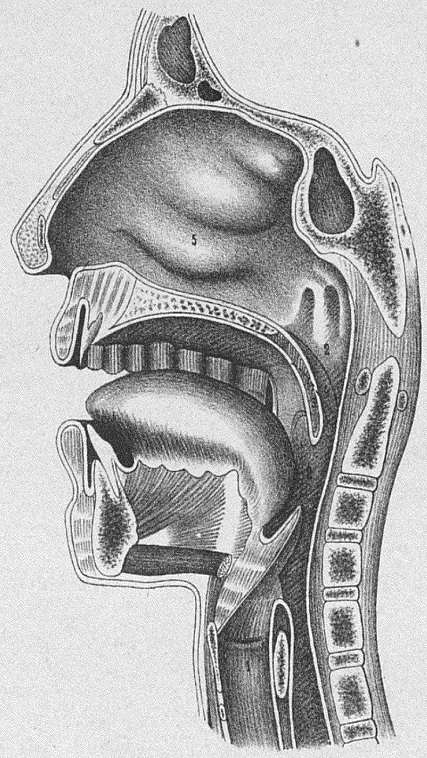
Физіологія звуковъ русскаго языка.

Первою частью грамматики является *фонетика* или ученіе о звукахъ. Для болѣе глубокаго пониманія фонетики необходимо предварительно ознакомиться съ *физіологіей звуковъ рѣчи*, изучающею устройство аппарата рѣчи и дѣятельность его частей при произношеніи, равно какъ и акустическую природу звуковъ рѣчи.

Знакомство съ физіологіей звуковъ рѣчи имѣетъ важное значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно приноситъ пользу при изученіи произношенія иностранныхъ языковъ, гдѣ встрѣчаются звуки, не существующіе въ нашемъ родномъ языкѣ или же нѣсколько отличные; напр. физіологія звуковъ учитъ, что при произношеніи нѣмецкаго *s* конецъ языка дальше отстоитъ отъ верхнихъ зубовъ, чѣмъ въ русскомъ языкѣ при произношеніи звуковъ *с* и *з*, вслѣдствіе чего звукъ пріобрѣтаетъ въ нѣмецкомъ нѣкоторую шепелеватость. Благодаря этому, нѣмецкое *s* въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ въ заимствованныхъ изъ нѣмецкаго словахъ передается иногда шипящимъ звукомъ; такъ напр. русск. *кошт*ъ, польск. ko*szt*= нѣм. Ko*st*, или польск. ż*egnać*, словин. ż*egnati*=нѣм. s*egnen* и др. Физіологія звуковъ можетъ оказывать также услугу при исправленіи недостатковъ произношенія; напр. нѣкоторые не произносятъ *с*, замѣняя его черезъ *ш*, а *з* черезъ *ж*, другіе не могутъ выговаривать твердаго *л*; зная же уложеніе языка при этихъ звукахъ, можно постепенно пріучить послѣдній къ требующимся укладамъ; равнымъ образомъ физіологія звуковъ представляетъ рядъ цѣлесообразныхъ упражненій для устраненія недостатка заиканія. Физіологія звуковъ уже нѣсколько столѣтій приноситъ неоцѣненную пользу при обученіи произношенію глухонѣмыхъ, которые пріучаются понимать рѣчь другихъ черезъ наблюденіе того, какъ укладываются органы произношенія у говорящихъ, затѣмъ сами привыкаютъ къ соотвѣтствующимъ укладамъ своего аппарата рѣчи и, благодаря упражненію, начинаютъ гово-

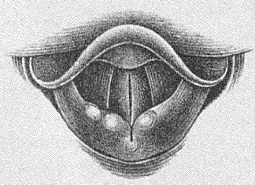
ВИДЪ ГОВОРИЛЬНАГО АППАРАТА

въ сагиттальномъ разрѣзѣ;

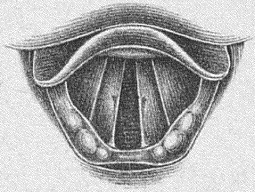


1. Правая голосовая связка.
2. Полость глотки.
3. Мягкое небо опущено.
4. Мягкое небо поднято и касается задней стѣнки глотки.
5. Полость носа.

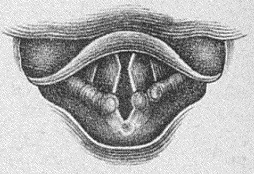
ВИДЪ ГОЛОСОВОЙ ЩЕЛИ:



а) при звучаніи



б) при дыханіи и глухихъ звукахъ



в) при шепотѣ

ЛИТ. УНИВЕРСИТЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

рить. Знакомство съ физіологіею произношенія не должно считаться лишнимъ и для начальнаго учителя, нерѣдко сталкивающагося въ своей практикѣ съ тѣми или другими недостатками рѣчи учащихся; кромѣ того, и при простомъ обученіи чтенію по звуковой методѣ знакомство съ физіологіей рѣчи будетъ полезно для него: оно укажетъ ему основанія для опредѣленія порядка звуковъ при первоначальномъ ихъ прохожденіи, разъяснитъ законы сочетанія и сліянія звуковъ, можетъ пригодиться и въ разныхъ другихъ случаяхъ.[1])

Каждый звукъ нашей рѣчи является результатомъ совокупности работъ отдѣльныхъ частей говорильнаго аппарата; эти части слѣдующія: 1) дыхательный аппаратъ; 2) гортань; 3) мягкое небо; 4) аппаратъ нижней челюсти и 5) органы произношенія.[2]) Къ частному разсмотрѣнію этихъ частей и ихъ работъ мы и перейдемъ.

1. **Дыхательный аппаратъ**, дающій необходимый для произношенія токъ воздуха, образуется грудною клѣткою съ находящимися въ ней легкими. Наше дыханіе представляетъ собою двѣ фазы—*вдыханіе и выдыханіе*; когда мы произносимъ какую-нибудь фразу, то при этомъ выдыхаемъ воздухъ; во время слѣдующаго затѣмъ вдыханія воздуха происходитъ пауза, послѣ которой, благодаря новому запасу воздуха, мы можемъ произнести новый рядъ словъ, и т. д. Здѣсь умѣстно указать на разницу между *простымъ* выдыханіемъ (т. е. не во

[1]) Напр. допустимъ, что ученикъ не можетъ припомнить произношенія буквы *р*, — тогда учитель можетъ намекнуть, что при выговариваніи этой буквы дрожитъ конецъ языка; и т. п. Само собой понятно, что при этомъ онъ долженъ избѣгать излишняго увлеченія, пользуясь своимъ знаніемъ физіологіи звуковъ рѣчи только въ случаѣ нужды.

[2]) Когда мы не говоримъ, указанныя части говорильнаго аппарата находятся въ покойномъ или «индифферентномъ» (безразличномъ) состояніи, а во время рѣчи исполняютъ требующіяся движенія или, какъ говорятъ, «артикулируютъ». Слово *артикуляція*, обозначающее въ анатоміи «сочлененіе», въ физіологіи звуковъ обозначаетъ «укладъ» или «уложеніе», свойственное частямъ аппарата рѣчи при произведеніи того или другаго звука, за исключеніемъ впрочемъ дыхательнаго аппарата, къ которому обыкновенно этотъ терминъ не примѣняется.

время рѣчи) и *фонаціоннымъ* выдыханіемъ (во время рѣчи): при обыкновенномъ покойномъ дыханіи обѣ его фазы — вдыханіе и выдыханіе—приблизительно одинаковы по своей продолжительности, и каждая изъ фазъ является непрерывною; между тѣмъ во время рѣчи фазы дыханія имѣютъ неодинаковую продолжительность: за сравнительно короткимъ и энергичнымъ вдыханіемъ слѣдуетъ болѣе продолжительное выдыханіе, служащее для рѣчи и разбивающееся на участки по отдѣльнымъ словамъ и въ каждомъ словѣ по слогамъ. При этомъ слоговые участки или слоговые толчки выдыхаемаго тока воздуха представляютъ неодинаковую силу и продолжительность въ зависимости отъ положенія слога относительно ударенія слова, напр.

па́	па		па	па́,
f	*p*	и	*mf*	*f*

а также оказываетъ на нихъ вліяніе положеніе слова въ фразѣ. Благодаря же различному строенію словъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, соотвѣтственно разнообразится въ этихъ языкахъ и регулированіе выдыхательнаго тока воздуха при произнесеніи какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и фразъ.

2. Слѣдующую часть нашего аппарата рѣчи составляетъ **гортань.** Въ ней имѣется голосовая щель, образуемая двумя голосовыми связками. Если послѣдніе приближены одна къ другой и натянуты, то выдыхаемый токъ воздуха приводитъ ихъ въ дрожаніе, вызывая тѣмъ музыкальный звукъ, какъ бываетъ при произношеніи „звонкихъ“ звуковъ, т. е. при гласныхъ и такихъ согласныхъ, какъ *б*, *д*, *з* и пр. При дыханіи, а также при выговариваніи „глухихъ“ согласныхъ (*п*, *т*, *с* и пр.) голосовая щель бываетъ расширена, и воздухъ безшумно проходитъ черезъ нее, шумъ же при согласныхъ получается отъ дѣйствія органовъ произношенія. При звонкихъ согласныхъ музыкальный звукъ гортани соединяется

съ шумомъ, происходящимъ отъ дѣйствія органовъ произношенія, между тѣмъ какъ при глухихъ согласныхъ имѣется одинъ только шумъ. Общность шума у глухихъ и соотвѣтствующихъ звонкихъ согласныхъ обусловливаетъ *парность* согласныхъ по звонкости и глухости, напр. звонкому *з* соотвѣтствуетъ глухой *с*, звонкому *г*—глухой *к* и т. п.; есть впрочемъ и звуки *непарные* въ отношеніи звонкости-глухости: такъ, звуки *ч* и *щ* произносятся только глухо и не имѣютъ соотвѣтствующихъ звонкихъ; гласные же звуки и согласный *j* (й), а также согласные *р*, *л*, *м*, *н* произносятся вообще только звонко.[1]) Прибавимъ, что при шепотѣ глухіе звуки остаются безъ измѣненія, а звонкіе замѣняются *шепотными*, при которыхъ голосовая щель представляетъ среднее положеніе между описанными двумя.

Распредѣленіе согласныхъ русскаго языка въ пары по звонкости и глухости можно видѣть изъ слѣдующей таблицы: [2])

Звонкіе согласные	б	м	в	д	н	з	ж	р	л	—	—	j	г	γ
Соотвѣтствующіе глухіе	п	—	ф	т	—	с	ш	—	—	ц	ч	—	к	х

Примѣчаніе. Вмѣсто обычнаго теперь обозначенія *звонкіе* ‖ *глухіе* (идущаго отъ Каткова) можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ старыхъ работахъ названіе *мягкіе* ‖ *твердые*, усвоенное еще Ломоносовымъ и представляющее

---

[1]) Упомянемъ здѣсь о слѣдующихъ звуковыхъ явленіяхъ русскаго языка: 1) вмѣсто звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ произносятся парные имъ глухіе, напр. *лоп* вм. *лоб*, рас вм. раз и т. д.; 2) передъ глухими звонкіе нерѣдко замѣняются въ произношеніи глухими и, наоборотъ, глухіе передъ звонкими нерѣдко переходятъ въ звонкіе, напр. *ф*ходить вм. *в*ходить, *з*дѣлать вм. *с*дѣлать и т. п. Съ большею подробностью объ этихъ явленіяхъ будетъ говориться въ фонетикѣ.

[2]) Въ приведенной таблицѣ черточки показываютъ, что нѣтъ соотвѣтствующихъ звонкихъ или же глухихъ согласныхъ; начертаніе γ обозначаетъ тотъ звукъ *г*, который слышится напр. въ словѣ «благо».

собою переводъ нѣмецкихъ терминовъ «weiche» ‖ «harte». Въ нѣмецкомъ произношеніи, дѣйствительно, въ звуковыхъ парахъ *б* ‖ *п* (b ‖ p) и пр. различіе сводится не столько къ звонкости, сколько къ болѣе слабой артикуляціи органовъ произношенія при звонкихъ по сравненію съ глухими; но и въ нѣмецкой лингвистикѣ уже почти перестали употребляться эти термины, смѣнившись на «tönende» ‖ «tonlose». По отношенію къ русскому языку, гдѣ противоположность звуковъ по дѣйствію гортани выступаетъ съ рельефностью, обозначеніе «мягкіе» ‖ «твердые» совсѣмъ не подходяще и потому уже оставлено (встрѣчаясь развѣ кое-гдѣ въ школьныхъ учебникахъ), хотя — какъ увидимъ — оно нашло себѣ иное примѣненіе, см. ниже стр. 25. Вышли изъ употребленія также термины *звучные* ‖ *отзвучные*, встрѣчающіеся у Буслаева. Гротъ сталъ примѣнять термины *голосовые* ‖ *безголосные*, близко подходящіе къ нѣмецкимъ терминамъ «tönende» ‖ «tonlose», отъ прежнихъ же терминовъ *громкіе* ‖ *шепотные*, заимствованныхъ имъ у Брюке, онъ отказался, въ виду того, что и при шепотѣ сохраняется различіе голосовыхъ звуковъ отъ безголосныхъ.

3. Теперь скажемъ объ участіи **мягкаго неба** или **небной занавѣски** при произношеніи. Если бы надъ гортанью не лежали полости, которыя, видоизмѣняя свою величину и форму, производятъ видоизмѣненія и въ голосѣ гортани, превращая его въ тѣ или другіе звуки, тогда не было бы и соотвѣтствующаго разнообразія звуковъ нашей рѣчи, но просто гортань издавала бы музыкальные звуки подобно звукамъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента. Но надъ гортанью простирается мѣшковидная полость глотки, имѣющая вверху отверстіе въ *полость рта* и еще выше—въ *полость носа*. Полость носа, лежащая надъ полостью рта, отдѣляется отъ послѣдней твердымъ и мягкимъ небомъ. Когда небная занавѣска (мягкое небо) опущена, то токъ воздуха проходитъ въ полость рта и въ полость носа, и такимъ образомъ звучащая воздушная струя, при томъ или другомъ уложеніи органовъ произношенія, пріобрѣтаетъ носовой резонансъ; въ этомъ случаѣ звуки получаются *рто-носовые*, называемые по характеру акустическаго впечатлѣнія и просто *носовыми—м* и *н*. Если же при произношеніи небная занавѣска, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ приближена или прижата къ задней стѣнкѣ глотки, то выдыхаемый воздухъ отражается въ полость рта, такъ что получаются

звуки *ртовые* (или—съ точки зрѣнія слуховой—*не-носовые, чистые*), куда относятся всѣ прочіе звуки русской рѣчи: *а, о...; п, б, с, з...* Значитъ, въ русскомъ языкѣ при произношеніи значительно преобладаетъ поднятое положеніе мягкаго неба, могущее соединяться съ одновременнымъ какъ звонкимъ уложеніемъ гортани (*а, о...; б, з...*), такъ и глухимъ (*п, с...*); что же касается опущеннаго положенія мягкаго неба (при носовыхъ согласныхъ), то оно соединяется обычно только съ звонкимъ уложеніемъ гортани, причина чего—не физіологическая, но **акустическая**: если мы будемъ произносить звуки *м* и *н* простымъ выдыханіемъ, то получится почти не замѣтный для слушателя акустическій эффектъ, а потому такое выговариваніе *м* и *н*, какъ непригодное, отсутствуетъ въ рѣчи, встрѣчаясь случайно въ исключительныхъ условіяхъ, какъ напр. послѣ глухихъ согласныхъ въ концѣ словъ (срв. конечное *м* въ словѣ „драхмъ", могущее и не имѣть звонкости, при чемъ однако трудно различить, произносится ли оно простымъ выдыханіемъ или же шелотомъ).

Примѣчаніе. И такъ, въ зависимости отъ того или другаго положенія мягкаго неба всѣ звуки рѣчи распадаются на *двѣ* группы—«чистые» ‖ «носовые»; между тѣмъ во многихъ элементарныхъ грамматикахъ русскаго языка группа «носовыхъ» согласныхъ помѣщается рядомъ съ группами по дѣйствующему органу произношенія—«губными» и проч., т. е. относящимися уже къ другому основанію классификаціи, что представляетъ очевидную нелѣпость, хотя она нѣкогда и была освящена авторитетомъ Буслаева (замѣтимъ кстати, что именно область классификаціи звуковъ и принадлежитъ къ слабымъ пунктамъ его грамматики).

4. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они произносятся при разной **ширинѣ раствора рта** или, другими словами, при разной степени *опущенія* или же *поднятія нижней челюсти* (напр. звукъ *а* произносится при широкомъ растворѣ рта, звуки *о* и *е*—при среднемъ растворѣ, остальные же звуки *у, і, ы* и всѣ согласные—при узкомъ, при чемъ, какъ увидимъ ниже, нужно до-

пустить разницу между узкимъ растворомъ согласныхъ и узкихъ гласныхъ). Здѣсь необходимо указать одно существенное различіе между гласными и согласными звуками. При усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ усиливается приближеніе нижней челюсти къ верхней, тогда какъ при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость; такимъ образомъ, хотя согласные и узкіе гласные по-видимому одинаково произносятся при узкомъ растворѣ рта, но нужно думать, что характеръ мышечной дѣятельности при этомъ не одинъ и тотъ же. Дѣло въ томъ, что работы осажденія и подниманія нижней челюсти совершаются особыми группами мышцъ, при чемъ въ *гласныхъ* перевѣсъ въ дѣйствіи принадлежитъ группѣ мышцъ, опускающихъ нижнюю челюсть, а въ *согласныхъ*—группѣ поднимающихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія чисто-физіологической (анатомо-физіологической) гласные могутъ быть опредѣлены какъ рто-раскрыватели, а согласные какъ рто-смыкатели. Мы увидимъ далѣе, что степень опущенія или же поднятія нижней челюсти стоитъ въ связи съ дѣйствіемъ органовъ произношенія, а потому и это послѣднее мы введемъ впослѣдствіи въ нашу анатомо-физіологическую характеристику гласныхъ и согласныхъ; здѣсь же нужно указать, что раскрытіе рта при произнесеніи гласныхъ представляетъ три главныя степени, а именно: широкая степень раскрытія рта при произнесеніи гласнаго *а*, средняя степень—при гласныхъ *о* и *э* и узкая—при *у*, *ы*, *і*. Если для образованія слога необходимо присутствіе гласнаго звука, то съ точки зрѣнія физіологической это значитъ, что въ образованіе слога должна входить работа раскрытія рта, число же и энергичность слоговыхъ раскрытій рта при произношеніи словъ стоятъ въ соотвѣтствіи съ числомъ и силою слоговыхъ толчковъ фонаціоннаго выдыханія. Нужно прибавить однако, что въ неударяемыхъ слогахъ, слабо произносимыхъ, указанная противоположность между гласными и согласными вслѣдствіе слабо-

сти артикуляцій уменьшается, неударяемый гласный въ своемъ ослабленіи стремится къ индифферентному укладу и можетъ затѣмъ даже совсѣмъ исчезнуть (значитъ, работы гласнаго раскрытія рта совсѣмъ не будетъ и слоговой составъ слова измѣнится), какъ напр. въ произношеніи „ты́шча“ изъ тысяча.

5. Собственно **органами произношенія** являются *губы* и *языкъ*. Это—активные органы, совершающіе разныя движенія, въ отличіе отъ пассивныхъ, т. е. зубовъ и твердаго неба; эти послѣдніе могутъ служить лишь пунктами, относительно которыхъ дѣйствуютъ органы подвижные или активные. При разсмотрѣніи работы (участія) органовъ произношенія нужно обращать вниманіе на двѣ стороны—*мѣсто* и *способъ* артикуляцій.

Относительно мѣста артикуляцій замѣтимъ слѣдующее. При участіи губъ дѣйствіе происходитъ или между обѣими губами (*п*, *б*, *м*; *о*, *у*), при чемъ при согласныхъ *п*, *б* и *м* губы по всей своей длинѣ сжимаются между собою, а при гласныхъ *о* и *у* выдвигаются впередъ, у угловъ касаясь одна другой, по серединѣ же образуя отверстіе, и это своеобразное уложеніе губъ соединяется съ одновременнымъ глубокимъ приближеніемъ задней части языка къ небу,—или же нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ (*ф*, *в*); отсюда *губные* звуки распадаются на *губно-губные* и *губно-зубные*. Языкъ можетъ артикулировать относительно неба [1]): переднею частью

[1]) Для опредѣленія тѣхъ мѣстъ на небѣ, относительно которыхъ артикулируетъ языкъ, прекраснымъ пособіемъ можетъ служить методъ окрашиванія. Языкъ на́-сухо вытираютъ, покрываютъ густымъ слоемъ туши и артикулируютъ для произнесенія извѣстнаго звука. Затѣмъ ротъ раскрываютъ и разсматриваютъ передъ зеркаломъ. Часть неба, прилегающую къ верхнимъ рѣзцамъ, можно видѣть, введя въ ротъ край тонкаго зеркала, обращеннаго къ небу, и въ то же время имѣя передъ собою другое зеркало,

(звуки *передне-язычные*, напр. *т*), среднею (звуки *средне-язычные*, напр. гласный *і* и согласный *й*, обозначаемый въ научной транскрипціи также буквою—j) и заднею (*задне-язычные*, напр. *к*); [1]) при этомъ въ дѣйствіи передней части языка различается дѣйствіе относительно верхнихъ зубовъ (*т*, *д*, *с*, *з*, *н* и *л*) [2]) и относительно твердаго неба нѣсколько выше зубовъ или, другими словами, относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ, т. е. челюстныхъ луночекъ верхнихъ зубовъ, одѣтыхъ десною и образующихъ небольшую выпуклость надъ верхними зубами при переходѣ къ своду твердаго неба (*ш*, *ж*, *р*), дѣйствіе же задней части языка различается болѣе глубокое (при *о* и *у*) и менѣе глубокое (при гласномъ *ы* и согласныхъ *к*, *г*, *х*, *γ* [3]); такимъ образомъ передне-язычные звуки подраздѣляются на *зубные* и *альвеолярные*, а задне-язычные—на *глубокіе* и *неглубокіе*. Дѣйствіе средней части языка можетъ

на которое должно отразиться изображеніе съ перваго зеркала, — это при самонаблюденіи; при наблюденіяхъ же надъ другими можно непосредственно обозрѣвать все небо. Читатель, который заинтересовался бы изученіемъ артикуляцій звуковъ общерусскаго языка посредствомъ метода окрашиванія и желалъ бы видѣть самыя палятограммы, можетъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ: *С. Ершовъ* Экспериментальная фонетика. Казань (1903), стр. 62—67, 80—91 и *В. Богородицкій* Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія, Казань 1909; къ обоимъ сочиненіямъ присоединенъ атласъ палятограммъ звуковъ русскаго языка.

[1]) Кромѣ указаннаго подраздѣленія язычныхъ согласныхъ по дѣйствующему органу произношенія, т. е. извѣстнымъ частямъ языка, употребляются также наименованія по частямъ неба, относительно которыхъ совершается дѣйствіе языка; самое правильное было бы параллельное обозначеніе съ той и другой точки зрѣнія, но здѣсь изслѣдованія пока не закончены и еще нѣтъ однообразія въ терминологіи.

[2]) При выговариваніи *л* происходитъ кромѣ прижатія передней части языка къ верхнимъ зубамъ еще ощущеніе боковъ языка; такое уложеніе языка можетъ быть опредѣлено какъ «передне-боковое».

[3]) При придувныхъ согласныхъ *х* и *γ* мѣсто артикуляціи лежитъ нѣсколько болѣе сзади по сравненію съ соотвѣтствующими взрывными, т. е. *к* и *г*.

соединяться съ прочими артикуляціями, чѣмъ производится мягкое произношеніе звуковъ (напр. *п'*, *т'* и пр.); отсюда получается *парность* согласныхъ по *твердости* и *мягкости*, т. е. „безъ участія“ и „съ участіемъ *средней части* языка“: губные—п || п', б || б', м || м', ф || ф', в || в'; передне-язычные—т || т', д || д', н || н', с || с', з || з', р || р', л || л'; задне-язычные—к || к', г || г', х || х', *γ* || *γ'*. Нѣкоторые согласные являются *непарными* по твердости и мягкости, произносясь или только твердо (ш, ж, ц), или же только мягко (ч' и j).

Примѣчаніе 1. «Задне-язычные» согласные въ школьныхъ руководствахъ обычно называются *гортанными*, т. е. какъ въ грамматикѣ Ломоносова; ошибочность примѣненія здѣсь этого послѣдняго термина вполнѣ очевидна послѣ того, что было изложено выше относительно участія гортани при произношеніи.

Примѣчаніе 2. Дѣленіе согласныхъ на твердые и мягкіе (*п* || *п'* и проч.), къ сожалѣнію, обыкновенно отсутствуетъ въ школьныхъ учебникахъ; вмѣсто этого дѣленія обычно говорится о твердыхъ и мягкихъ гласныхъ, при чемъ грубо смѣшиваются разныя понятія—произносимые звуки и ихъ буквенныя обозначенія въ общепринятомъ письмѣ; такъ напр. слогъ *пя* считается состоящимъ изъ звуковъ—согласнаго *п* и гласнаго *я* (или «йотированнаго» *а*), тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ слогъ образованъ изъ соединенія мягкаго согласнаго *п* и гласнаго *а*, т. е. $п'\frown а$. Если же мягкій согласный заканчиваетъ слово, то подъ вліяніемъ обозначенія мягкости такого согласнаго на письмѣ посредствомъ буквы ъ, этой послѣдней ошибочно приписывается значеніе особаго звука («мягкаго полугласнаго»), тогда какъ на самомъ дѣлѣ она выражаетъ лишь мягкость согласнаго. [1])

Что касается способа артикуляцій, то таковой, какъ мы указывали, находится въ связи съ раскрываніемъ и закрываніемъ рта, а потому мы его разсмотримъ соотвѣтственно различію звуковъ гласныхъ и согласныхъ. Обратимся сначала къ разсмотрѣнію способовъ артикуляцій при произношеніи гласныхъ звуковъ.

Изъ гласныхъ самый широкій—*а* произносится при простомъ раскрытіи рта безъ замѣтнаго участія органовъ произ-

[1]) Срв. стр. 32, а также начало слѣдующей главы.

ношенія (языка и губъ); если же приблизить среднюю часть языка къ небу при узкомъ растворѣ рта, то получится узкій гласный *i;* при произношеніи узкаго гласнаго *y* губы съуживаются и выдвигаются впередъ и въ то же время происходитъ поднятіе глубокой задней части языка, опять-таки при узкомъ растворѣ рта. Средину между широкимъ гласнымъ *a* и узкимъ *i* занимаетъ гласный звукъ *э*; въ русскомъ языкѣ онъ является въ двухъ различіяхъ—открытое (называемое также широкимъ) и закрытое (называемое также узкимъ) *э*: первое обозначается въ научно-фонетическихъ изслѣдованіяхъ посредствомъ начертанія æ или ä, а второе посредствомъ начертанія є; различіе же между тѣмъ и другимъ гласнымъ состоитъ въ томъ, что при æ имѣется большее удаленіе средней части языка отъ неба (при большемъ раскрытіи рта), нежели при є; широкое *э* слышится напр. въ словахъ—*уж*æ, *мѣ*рка, *мелко*, а узкое *э* въ словахъ—*мѣ*рить, *мель*. Гласный звукъ *о* занимаетъ среднее положеніе между *a* и *y*: для произношенія *о* губы образуютъ съуженіе, но не столь значительное, какъ для произношенія *y*, а также происходитъ одновременно меньшее по сравненію съ *y* приближеніе глубокой задней части языка къ небу (при среднемъ растворѣ рта). Къ узкимъ гласнымъ кромѣ *i* и *y* принадлежитъ еще звукъ *ы*, образующійся приближеніемъ къ небу менѣе глубокой задней части языка. Разнообразіе гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ гораздо большее, если имѣть въ виду кромѣ ударяемыхъ гласныхъ еще и неударяемые; эти послѣдніе указаны нами въ прилагаемой общей таблицѣ звуковъ, [1]) а подробнѣе будутъ разсмотрѣны въ фонетикѣ.

Что касается съуженныхъ или согласныхъ звуковъ, то они по способу произношенія подраздѣляются на *взрывные*

[1]) Въ этой таблицѣ мы даемъ классификацію гласныхъ (ударяемыхъ и неударяемыхъ) особо отъ согласныхъ; при этомъ въ таблицѣ согласныхъ мы указываемъ не только физіологическія категоріи, но также и акустическія (послѣднія—курсивомъ).

(напр. *п*, *т*...) и *придувные* (напр. *ф*, *с*...). Чтобы уяснить себѣ разницу этихъ двухъ способовъ произношенія согласныхъ, сравнимъ произношеніе звуковъ *т* и *с*. Для произнесенія звука *т* передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, образуя съ ними полную смычку, а затѣмъ, съ разслабленіемъ послѣдней, происходитъ мгновенно взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе; отсюда, такіе согласные, какъ *т*, называются *взрывными*.[1]) При произнесеніи же звука *с* передняя часть языка только *приближается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, образуя узкую щель или тѣснину для выхода воздуха; здѣсь, такимъ образомъ во все время артикуляціи воздухъ выдувается черезъ съуженіе, производя шумъ; поэтому такіе согласные, какъ *с*, называются *придувными* или *спирантами* (Spiranten — латинскій терминъ). Взрывные согласные, съ точки зрѣнія времени, называются *мгновенными*, а придувные—*длительными*. Напомнимъ по этому случаю замѣчаніе акад. Грота, что „названія длительныхъ и мгновенныхъ даны звукамъ только по отношенію къ возможности протягивать въ произношеніи одни изъ нихъ и къ неизбѣжной краткости другихъ; но это не значитъ, чтобы при обыкновенномъ произношеніи длительные звуки, напр. *в*, *с*, *ш*, были длиннѣе или протяжнѣе мгновенныхъ: *г*, *т*, *б* и т. п.“ [2]) Взрывные согласные въ русскомъ языкѣ подраздѣляются на *простые*, напр. *т*, *б* и проч., и *слитные*—*ц* и *ч*; послѣдніе получаются изъ тѣснаго соединенія взрывнаго элемента съ придувнымъ — т͡с и т͡ш, и такой звукъ слышится лишь въ моментъ взрыва, при продолженіи же слышится только одинъ второй компонентъ (т. е. цссс... или чшшш...); поэтому слитные согласные относятся къ категоріи взрывныхъ.

---

[1]) Такъ какъ взрыву предшествуетъ смычка, то на основаніи этого момента взрывные согласные называются также *смычными* (нѣм. Verschlusslaute).

[2]) Филологическія разысканія (1899)‘ стр. 554.

Слѣдующая таблица представляетъ распредѣленіе согласныхъ литературнаго русскаго языка на взрывные и соотвѣтствующіе имъ придувные: [1])

Взрывные	п	б	т	д	ч	—	ц	—	к	г	—	—	м	н
Придувные	ф	в	с	з	ш	ж	с	j	х	γ	р	л	—	—

Примѣчаніе. Въ представленной въ настоящей главѣ классификаціи звуковъ мы ограничиваемся лишь звуками русскаго литературнаго языка, но количество ихъ значительно возрастаетъ, если имѣть въ виду разнообразіе звуковъ также по діалектамъ и говорамъ, при чемъ тѣ или иныя звуковыя варіаціи, занимая опредѣленную діалектическую площадь, способствуютъ не только систематизаціи современныхъ говоровъ, но и лучшему уясненію самаго генезиса послѣднихъ. Но всѣ эти вопросы отнесены нами въ особую главу діалектологіи русскаго языка.

Ознакомившись съ произношеніемъ отдѣльныхъ звуковъ, мы можемъ представить въ своемъ воображеніи каждый звукъ подъ видомъ группы артикуляціонныхъ работъ, производящихъ его. Этимъ путемъ фонетическія явленія языка могутъ получать физіологическое разъясненіе, переставая казаться

[1]) Не всѣ однако согласные легко распредѣлить по этимъ двумъ категоріямъ, особенное затрудненіе представляютъ плавные (*р*, *л*) и носовые (*м*, *н*). Первые съ разсматриваемой точки зрѣнія болѣе подходятъ къ придувнымъ; въ самомъ дѣлѣ, хотя при *л* и образуется смычка переднею частью языка, но за то бока его опущены для свободнаго прохода воздуха, при произнесеніи же *р* ритмически чередуются смычка и спирантное отверстіе, что̀ и придаетъ ему типъ длительно-дрожащаго (ритмическаго взрывно-придувнаго) звука. Вторые же, т. е. *м* и *н*, съ точки зрѣнія ртоваго уклада принадлежатъ къ смычнымъ, но съ тою особенностью, что при этомъ открыта полость носа, благодаря чему произношеніе ихъ способно тянуться такъ же, какъ спирантовъ; въ виду этого Sievers (Grundzüge der Phonetik, 1901[5], § 140) считаетъ ихъ, какъ и *л*, «полусмычными» (Halbschusslaute); нельзя игнорировать при носовыхъ согласныхъ и моментъ взрыва, во время котораго они получаютъ наибольшую свою опредѣленность. О плавныхъ и носовыхъ, какъ звукахъ сонорныхъ, говоримъ дальше.

ТАБЕЛЛЯРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СИСТЕМЫ ЗВУКОВЪ ОБЩЕРУССКОЙ РѢЧИ.

Гласные ударяемые:

а^{i}, а

æ

о

є

і у

ы

Неударяемые гласные, по качеству приближающіеся къ представленнымъ въ таблицѣ ударяемымъ, встрѣчаются (исключая гласный *о*, который въ литературномъ произношеніи вовсе не примѣняется въ неударяемыхъ слогахъ) *въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному.*

Въ слабыхъ положеніяхъ внутри слова: ъ (ŭ) и ь (ĭ), ў; наблюдаются случаи слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ, равно какъ и мимолетнаго гласнаго.

Неударяемые гласные *въ концѣ слова*: -ă, -æ̆, -ĭ, -ы̆, -ў.

Согласные:

Присутствіе или отсутствіе звонкости.	*Глухіе.*	*Звонкіесъ меньшей сонорностью.*	*Глухіе.*	*Звонкіесъ меньшей сонорностью*	*Звонкіе съ наибольшей сонорностью.*			*Глухіе.*	
Уложеніе голосовой щели.	Расширена.	Съуж для звучан.	Расширена.	Голосовая щель съужена для звучанія.				Расширена.	
Присутствіе или отсутствіе носоваго оттѣнка.	*Чистые.*				*Носовые.*	*Чистые.*			
Положеніе мягкаго неба.	Мягкое небо при				Опущено.	поднято.			

Типъ П (Ф) и М.	Губные.	Губно-губные.	Губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ, языкъ находится въ индифферентномъ положеніи.	п	б			м				*Твердые.*
			Губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ + приближеніе къ небу средней части языка.	п'	б'			м'				*Мягкіе.*
		Губно-зубные.	Нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ, языкъ находится въ индифферентномъ положеніи.			ф	в					*Твердые.*
			Нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ + приближеніе къ небу средней части языка.			ф'	в'					*Мягкіе.*
Типъ Т (С) и Н.	Язычные.		Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ и ихъ десенъ.	т	д	с	з	н		л	ц	*Твердые.*
			Средне-передняя часть языка дѣйствуетъ относительно соотвѣтствующей части неба, а конецъ языка находится у нижнихъ зубовъ.	т'	д'	с'	з'	н'	р'	л'	ч	*Мягкіе.*
Типъ III, Р			Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ.			ш	ж		р			*Твердые.*
Типъ Ј.			Средняя часть языка приближается къ небу, а конецъ языка къ нижнимъ зубамъ.				j					*Мягкіе.*
Типъ К (Х).			Средне-задняя часть языка дѣйствуетъ относительно соотвѣтствующей части неба, а конецъ языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ.	к'	г'	х'	γ' ж					
			Не-глубокое дѣйствіе задней части языка, конецъ языка удаленъ отъ нижнихъ зубовъ.	к	г	х	γ					*Твердые.*
			Способъ произношенія.	Взрывные.		Придувные.		Замкнуто-придувные.	Дрожащіе.	Замкнуто-придувные.	Взрывные.	
				Простые.							Слитные.	

Примѣчаніе. Въ таблицѣ согласныхъ курсивомъ напечатаны названія категорій съ точки зрѣнія слуховой, а обыкновеннымъ шрифтомъ названія категорій съ точки зрѣнія анатомо-физіологической.

случайною смѣною буквъ. Но для этого нужно путемъ упражненія въ физіологическомъ разборѣ звуковъ достигнуть сначала умѣнья ясно представлять себѣ для каждаго звука сумму производящихъ его артикуляціонныхъ работъ. Возьмемъ напр. слово „*дѣму*“ и представимъ физіологическій разборъ составляющихъ его звуковъ: 1) *д*: выдыхательная работа грудной клѣтки совершается энергично, такъ какъ данный согласный принадлежитъ ударенному слогу, голосовыя связки натянуты и сближены для приведенія ихъ въ звучаніе выдыхательнымъ токомъ воздуха; мягкое небо приподнято, благодаря чему фонаціонный токъ воздуха направляется въ полость рта; нижняя челюсть притянута къ верхней съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; изъ органовъ произношенія работаетъ только языкъ такимъ образомъ, что его передняя часть упирается въ верхніе зубы и ихъ десны и опять-таки съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; звукъ производится посредствомъ взрыва; 2) *ѣ*: сильная выдыхательная работа; уложеніе гортани для звучанія; мягкое небо приподнято; нижняя челюсть осаждена съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; неглубокая артикуляція задней части языка; 3) *м*: слабая выдыхательная работа, такъ какъ согласный этотъ принадлежитъ слабому неударяемому слогу; съуженіе голосовой щели для звучанія, произведенное слабымъ напряженіемъ мышцъ; мягкое небо опущено для пропуска звучащаго тока воздуха въ носъ; нижняя челюсть слабо притянута къ верхней; губы слабо сжаты, и звукъ производится ихъ разнятіемъ при одновременномъ носовомъ резонансѣ; 4) *у*: слабая выдыхательная работа; слабая звучащая дѣятельность гортани; мягкое небо приподнято; слабое осажденіе нижней челюсти до степени узкаго раствора; узкое губное отверстіе при слабомъ напряженіи губъ и одновременно слабая артикуляція глубокой задней части языка. Изъ представленнаго нами физіологическаго разбора звуковъ не трудно замѣтить существованіе тѣсной взаимной связи артикуляціонныхъ работъ при произношеніи, при чемъ ока-

зывается какъ бы родъ антагонизма (борьбы) между фонаціоннымъ выдыханіемъ и прочими артикуляціонными работами; напряженіе послѣднихъ пропорціонально напряженію выдыхательной дѣятельности; припомнимъ также объ упоминавшейся раньше связи между работою раствора рта и движеніями органовъ произношенія относительно степени открытости или же съуженности.

Примѣчаніе. Кромѣ *физіологическаго* или артикуляціоннаго момента, комбинированіе работъ обусловливается также *слуховымъ моментомъ*. Отчего напр. ударяемые гласные въ словахъ нашей рѣчи произносятся только звонко? Физіологической необходимости тутъ нѣтъ никакой, такъ какъ всѣ гласные въ опытѣ можно произнести и при открытой голосовой щели, т. е. глухо. Но при глухомъ произношеніи гласные являются слишкомъ мало слышными,—между тѣмъ какъ наша рѣчь, служа *посредникомъ между говорящимъ и слушающимъ*, очевидно должна содержать элементы достаточно слышные (и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно различимые слухомъ одинъ отъ другаго). По этой же акустической причинѣ изъ согласныхъ плавные и носовые тоже являются вообще только звонкими (срв. сказанное выше на стр. 20).[1]) Что касается самаго качества *сонорности* (т. е. *звучности* и отсюда происходящей *слышности*), то степень его зависитъ отъ присутствія въ произношеніи голосоваго тона гортани и отъ полноты резонанса полостей, лежащихъ надъ гортанью, особенно же — полости рта, а такъ какъ послѣдняя при произнесеніи разныхъ звуковъ испытываетъ весьма существенныя перемѣны, то качество сонорности находится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ характеромъ артикуляцій, а именно—наибольшая сонорность въ случаѣ участія гортани принадлежитъ наиболѣе открытымъ звукамъ, а наименьшая—наиболѣе сжатымъ; поэтому степень сонорности слѣдующимъ образомъ послѣдовательно убываетъ въ физіологическомъ ряду категорій звуковъ: 1) гласные; 2) плавные и носовые; 3) звонкіе придувные; 4) звонкіе взрывные; 5) глухіе придувные и 6) глухіе взрывные. Гласные обладаютъ наибольшею сонорностью, такъ какъ они, будучи открытыми звуками, соединяютъ звучаніе гортани съ наиболѣе полнымъ резонансомъ. Плавные

---

[1]) Вполнѣ понятно, что высказанное здѣсь положеніе нуждается въ одной оговоркѣ. Дѣло въ томъ, что говорящіе даннымъ языкомъ уже не создаютъ теперь новыхъ звуковъ, но пользуются звуками, усвоенными отъ предшествующей генераціи; первоначальное же формированіе звуковъ лежитъ внѣ предѣловъ историческаго изслѣдованія, почему и разсужденіе объ условіяхъ комбинированія артикуляціонныхъ работъ имѣетъ характеръ предположенія.

и носовые согласные по своей сонорности близко стоятъ къ гласнымъ. Звонкіе взрывные менѣе сонорны по сравненію съ звонкими придувными, такъ какъ при взрывныхъ согласныхъ имѣетъ мѣсто полная замкнутость полости рта, такъ что столбъ звучащаго воздуха, напирая въ замкнутое пространство и уплотняясь, скоро долженъ прекращать свое звучаніе; срв. отдѣльное произнесеніе согласныхъ *б*, *д*, *г*. Звуки глухіе имѣютъ наименьшую сонорность, такъ какъ въ нихъ отсутствуетъ голосовой тонъ гортани, резонируется же лишь шумъ выдыхаемаго тока воздуха, происходящій отъ артикуляціонныхъ укладовъ полости рта; [1]) однако глухіе согласные становятся болѣе слышными, когда за ними слѣдуютъ наиболѣе сонорные звуки, срв. *п* въ отдѣльности и въ сочетаніяхъ *па* или *пра*.

Отъ физіологіи звуковъ въ отдѣльности обратимся къ изученію физіологіи соединенія звуковъ въ слоги, составляющіе слова. Произношеніе каждаго отдѣльнаго звука, какъ гласнаго, такъ и согласнаго, представляетъ собою три момента: 1) соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ своего индифферентнаго, т. е. спокойнаго, положенія двигаются къ положенію, нужному для произнесенія даннаго звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), 2) достигнувъ этого положенія, удерживаются въ немъ нѣкоторое время и 3) артикулирующія части снова переходятъ въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или возвращаются съ работы). Но если требуется произнести слогъ изъ согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ, то въ этомъ случаѣ рекурсія согласнаго совершается не къ индифферентному положенію, а сливается въ одинъ общій моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго. Извѣстный недостатокъ заиканія представляетъ собою разстройство именно въ такомъ слитіи согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ

---

[1]) По общепринятой терминологіи «сонорными» (нѣм. Sonorlaute) звуками считаются лишь звуки первыхъ двухъ изъ указанныхъ категорій (гласные звуки и согласные плавные и носовые), т. е. звонкіе звуки съ minimum'омъ шума; въ противоположность имъ остальные согласные, какъ звуки съ замѣтнымъ шумомъ, называются «шумными» (Geräuschlaute) при чемъ какъ бы безмолвно допускается, что послѣдніе лишены всякой сонорности. Однако такое рѣзкое разграниченіе этихъ двухъ звуковыхъ отдѣловъ намъ представляется не имѣющимъ достаточнаго основанія, такъ какъ даже и глухіе звуки не вполнѣ лишены качества сонорности.

и состоитъ въ томъ, что заикающійся нерѣдко отдѣляетъ согласный отъ слѣдующаго гласнаго и тѣмъ нарушаетъ цѣлостность слога, стараясь же исправить происшедшую порчу слога, онъ заикается на данномъ согласномъ. При нормальныхъ условіяхъ указанное слитіе рекурсіи согласнаго въ одинъ моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго является актомъ вполнѣ естественнымъ, хотя при начальномъ обученіи чтенію слитіе отдѣльно данныхъ согласнаго съ гласнымъ дѣтямъ дается не такъ легко. Послѣ всего сказаннаго ясно, что любой согласный будетъ неодинаковъ по своей рекурсіи въ сочетаніи съ разными гласными (напр. *т* въ сочетаніяхъ *та*, *то* и пр.), такъ какъ его рекурсія будетъ сливаться съ неодинаковою экскурсіей разныхъ гласныхъ; въ свою очередь одинъ и тотъ же гласный послѣ разныхъ согласныхъ будетъ неодинаковъ по своей экскурсіи, напр. *а* въ сочетаніяхъ *та*, *ка* и проч.; также и послѣ согласныхъ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ одинъ и тотъ же гласный различается по своей экскурсіи. Въ общепринятомъ письмѣ различіе твердой и мягкой экскурсіи гласныхъ выражается посредствомъ примѣненія особыхъ буквъ для гласныхъ въ томъ и другомъ случаѣ; срв. напр. *та* и *тя*, гдѣ все различіе отнесено къ начертанію гласныхъ, тогда какъ послѣднимъ принадлежитъ лишь различіе твердой и мягкой экскурсіи, основное же различіе твердости и мягкости звука принадлежитъ предшествующимъ согласнымъ (въ научномъ письмѣ орѳографическимъ написаніямъ *та* и *тя* будутъ соотвѣтствовать начертанія *та* и *т'а* и т. д.). Согласные *ш*, *ж* и *ц* въ древнерусскомъ языкѣ были мягки, а съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ отвердѣли, соотвѣтственно чему въ сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ экскурсія послѣдняго изъ мягкой перешла въ твердую, напр. *ш'а→ша*; гласный же *і* послѣ *ш*, *ж* и *ц* съ отвердѣніемъ ихъ измѣнился въ гласный *ы*, который однакожъ послѣ *ш* и *ж* имѣетъ и теперь въ общерусской рѣчи легкій нюансъ *і*, т. е. не вполнѣ твердъ.

Въ примѣрахъ, которые мы брали, за гласнымъ не слѣдовало никакого звука, такъ что работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго должны возвращаться въ свое спокойное положеніе. Но вѣдь за гласнымъ могутъ слѣдовать разные согласные того же слога, и въ этомъ случаѣ рекурсія гласнаго сливается съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же гласный при различіи слѣдующаго согласнаго является неодинаковымъ по своему концу. Срв. для примѣра произношеніе мат (=*орѳ.* матъ) : мат' (=*орѳ.* мать), кон : кон', дул : дул'; можно слышать, какъ разное окончаніе гласнаго передъ твердымъ и соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ отражается на воспринимаемомъ звукѣ гласнаго: послѣдній при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ пріобрѣтаетъ легкій палатальный оттѣнокъ (окраску гласнаго *і*)—ма^{і}т', ко^{і}н' и пр. [1]) Впрочемъ разныя лица обладаютъ не въ одинаковой мѣрѣ тонкимъ слухомъ, а потому неодинаково хорошо будутъ различать указанные оттѣнки звуковъ. Всего рѣзче различіе оттѣнковъ выступаетъ при гласномъ *э* (напр. йэ́л : йэ^{і}л'), при чемъ въ одномъ случаѣ слышится широкое *э*, а въ другомъ случаѣ узкое. [1]) Слоги, оканчивающіеся согласнымъ, называются *закрытыми* въ отличіе отъ

---

[1]) Этотъ вопросъ мы съ обстоятельностью трактовали въ нашемъ трудѣ—Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. 1-ая: Фонетика (1887) гл. VI =Р. Ф. В. т. XV (1886), стр. 136—157, гдѣ изложили также исторію вопроса съ критическими замѣчаніями; въ нѣсколько переработанномъ видѣ часть этой главы вошла въ наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)^{3} стр. 164—172.

[1]) Говоря о сочетаніяхъ гласныхъ съ согласными, мы должны коснуться одного спорнаго вопроса—о природѣ конечнаго звука въ сочетаніи *ай*, который одни считаютъ полугласнымъ і̯ (а все сочетаніе дифтонгомъ), другіе же согласнымъ j. Мы склоняемся къ послѣднему воззрѣнію, находя разницу въ произношеніи русскаго сочетанія *ай* и дѣйствительнаго дифтонга *аі*, встрѣчающагося напр. въ нѣмецкомъ, срв. русск. *май* ‖ нѣм. *Mai*: въ первомъ случаѣ гласный *а* и конечный звукъ являются рѣзче обособленными, чѣмъ во второмъ случаѣ, гдѣ имѣется болѣе постепенный переходъ отъ *а* къ *і*.

слоговъ, оканчивающихся гласнымъ, которые называются *открытыми*, напр. *то*—слогъ открытый, а *тот*—слогъ закрытый.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ физіологію звуковъ и ихъ сочетаній, покажемъ на какомъ-либо примѣрѣ способъ физіологическаго толкованія фонетическихъ явленій. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ произносится „схонно“ вм. „сходно“, и т. п.; посмотримъ, въ чемъ состоитъ измѣненіе сочетанія *дн* въ *нн* съ точки зрѣнія физіологической. Если мы будемъ сравнивать въ отношеніи артикуляціонныхъ работъ звуки *д* и *н*, то увидимъ, что они большею частью сходны по работамъ и лишь немного различны. Обозначая знакомъ + одинаковыя работы, имѣемъ:

		д		*н*
Дыхат. аппар.		+		+
Гортань		+		+
Мягкое небо		поднято	←	опущено
Аппаратъ	нижней челюсти	+		+
Органы произн.	мѣсто	+		+
	способъ	+		+

И такъ, лишь работа мягкаго неба не сходствуетъ, но и тутъ произошло распространеніе артикуляціи мягкаго неба со слѣдующаго звука на предшествующій, и въ результатѣ получилось измѣненіе группы *дн* въ *нн* или весьма обычное въ языкѣ явленіе ассимиляціи или уподобленія звуковъ. Между тѣмъ безъ физіологическаго анализа мы имѣли бы лишь мало понятную, какъ бы случайную смѣну буквъ. [1])

[1]) Чтобы показать, какъ физіологія звуковъ можетъ освѣщать и другіе фонетическіе факты, объяснимъ измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* въ

И такъ, знакомство съ физіологіей произношенія позволяетъ изслѣдователю представлять въ своемъ воображеніи перемѣны, происходящія въ говорильномъ аппаратѣ при измѣненіи звуковъ. Но, чтобы представленіе звуковыхъ явленій было болѣе полнымъ, нельзя ограничиваться однимъ внѣшнимъ говорильнымъ аппаратомъ, необходимо имѣть въ виду также мозговую дѣятельность, дающую импульсъ артикуляціоннымъ работамъ. Какъ мы знаемъ, при произнесеніи любаго звука происходитъ одновременное участіе разныхъ частей говорильнаго аппарата, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ посредствомъ цѣлой группы составляющихъ ее мышцъ,

---

южно-великорусскомъ произношеніи, напр. в а д а́ изъ *вода́*. Для произношенія гласнаго *о* губы выдвигаются впередъ и образуютъ съуженіе такимъ образомъ, что касаются одна другой лишь по краямъ, по срединѣ же образуютъ отверстіе. Это уложеніе губъ достигается дѣйствіемъ цѣлой группы мышцъ, окружающихъ отверстіе рта: изъ нихъ прежде всего назовемъ заложенную въ губахъ круговую мышцу, при сокращеніи которой губы стягиваются; къ этой работѣ присоединяется еще при среднемъ раскрытіи рта дѣйствіе другихъ мышцъ, радіально идущихъ къ круговой мышцѣ и при своемъ сокращеніи оттягивающихъ губы, что̀ такимъ образомъ не допускаетъ ихъ до полнаго сжатія. Съ теченіемъ времени вся эта сложная работа губъ постепенно ослабляется при произнесеніи неударяемаго *о* и въ результатѣ переходитъ въ пассивное или индифферентное состояніе губъ при среднемъ раскрытіи рта, а при такомъ укладѣ получается уже другой гласный, именно—*а*. Изъ сказаннаго ясно, что измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* (черезъ посредствующую стадію å) произошло въ направленіи уменьшенія работъ при произношеніи, какъ это нерѣдко наблюдается въ языкахъ. Если же въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ говорахъ въ данномъ неударяемомъ положеніи сохраняется *о*, то это указываетъ на то, что въ языкѣ-предкѣ этихъ говоровъ гласный *о* имѣлъ болѣе устойчивую губную артикуляцію, чѣмъ въ языкѣ-предкѣ южно-великорусскихъ говоровъ. Въ нѣкоторыхъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ эта устойчивость оказывается столь значительною, что неударяемое *о* въ данномъ положеніи не только не обнаруживаетъ тенденціи къ измѣненію въ сторону *а*, но даже принимаетъ оттѣнокъ *у*, т. е. при удержаніи губнаго уклада уменьшается открытость рта. Мы видимъ здѣсь, какъ факты фонетики могутъ получать физіологическое толкованіе или, иначе говоря, могутъ быть переводимы на языкъ звуковой физіологіи.

эти же послѣднія возбуждаются къ дѣятельности импульсами, идущими по нервамъ изъ соотвѣтствующихъ центровъ головнаго мозга. Такимъ образомъ, для произнесенія даже одного звука требуется, такъ сказать, цѣлый аккордъ двигательныхъ импульсовъ изъ головнаго мозга, а кромѣ того самыя мышечныя работы сопровождаются мышечнымъ чувствомъ. Когда звукъ произнесенъ, слушающій (а также и самъ говорящій) воспринимаетъ слухомъ цѣлый аккордъ звуковыхъ волнъ, превращающійся въ сознаніи въ слуховое ощущеніе опредѣленнаго звука. Сочетаніе звуковъ представляетъ собою со стороны произношенія—послѣдовательность аккордовъ изъ двигательныхъ импульсовъ, сопровождающуюся послѣдовательнымъ выполненіемъ артикуляціонныхъ движеній, со стороны слуховой—сочетаніе звуковъ есть рядъ воспринимаемыхъ слухомъ звуковыхъ впечатлѣній.

Библіографическія указанія. Сочиненія, въ которыхъ впервые было обращено болѣе серьезное вниманіе на изученіе звуковой стороны русскаго языка: Бетлингъ О. Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ (Зап. Ак. Наукъ по I и III отдѣл., т. I, вып. 1, 1852 г., 58—124); Гротъ Я. К. О произношеніи буквъ Э, Е, Ѣ (С.-Пб. Вѣдомости, 1847 г., № 173) и затѣмъ рядъ другихъ его статей, которыя всѣ вмѣстѣ съ названною включены въ послѣднее изданіе Филологическихъ разысканій (1899)[4]. Далѣе назовемъ: Бодуэнъ-де-Куртенэ Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка, читанныхъ въ 1880—1881 акад. году въ Казан. ун-тѣ (1882) и его же Введеніе въ языковѣдѣніе (литогр. изданіе 1908—1909 г.); Крушевскій Н. В. Антропофоника (1893); курсы по общему языковѣдѣнію Томсона (1910)[2] и Поржезинскаго (1910)[2]; Богородицкій В. Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными (1909); Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], гдѣ читатель найдетъ еще другія библіографическія указанія на стр. 77—78; Буличъ С. К. статья подъ заглавіемъ «Фонетика» въ Энцикл. Сл. Брокгауза и Эфрона; Чернышевъ В. Законы и правила русскаго произношенія (1908)[2]; Брокъ О. Физіологія славянской рѣчи (1910), составляющая вып. 5.2. Энциклопедіи слав. филологіи, изд. Акад. Наукъ подъ ред. И. В. Ягича.

Глава III.

Принципы русскаго правописанія.

Представивъ въ предъидущей главѣ физіологическое ученіе о звукахъ рѣчи, мы, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію фонетики, должны еще ознакомиться въ общихъ чертахъ съ основами русскаго правописанія, такъ какъ въ фонетикѣ мы будемъ пользоваться какъ научно-фонетическимъ письмомъ, такъ и обычнымъ правописаніемъ, взаимное отношеніе между которыми мы и постараемся выяснить въ настоящей главѣ, при чемъ покажемъ, въ какихъ случаяхъ орѳографическія написанія соотвѣтствуютъ произношенію и въ какихъ не соотвѣтствуютъ; мы увидимъ также, что нѣкоторыя изъ орѳографическихъ написаній послѣдняго рода или не-фонетическихъ могутъ давать для фонетики указанія на прежнее произношеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ на совершившіяся въ языкѣ звуковыя измѣненія.

Предварительно покажемъ необходимость строгаго *различенія между звуками и буквами*. Звуки мы произносимъ, а буквы пишемъ для обозначенія этихъ звуковъ. При этомъ не всегда произношеніе и правописаніе соотвѣтствуютъ между собою. Для примѣра остановимся на такомъ написаніи, какъ *нь*. Хотя оно содержитъ двѣ буквы, но ими обозначается только одинъ звукъ, именно—мягкій согласный *н*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ произношеніе даннаго орѳографиче-

скаго написанія, то убѣдимся въ томъ, что каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ, и что стало быть мы произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Съ другой стороны можно указать случай, когда *одна* буква общепринятаго письма обозначаетъ *два* звука, напр: *я*=йа, *ю*=йу и пр. Чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь имѣется сочетаніе двухъ звуковъ, обратимся къ тому же пріему, т. е. протянемъ звукъ, обозначаемый данною буквою, напр. *я*: въ началѣ слышится звукъ *й* (j), а въ концѣ *а*, т. е. йа.. а, слѣдовательно—два звука, а не одинъ (оставляю въ сторонѣ тотъ случай, когда разсматриваемая буква стоитъ послѣ буквы согласнаго звука, напр. *ня* и т. п.,—какъ мы уже знаемъ, въ этомъ случаѣ буквы и звуки не вполнѣ соотвѣтствуютъ порознь другъ другу). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему научная грамматика кромѣ общеупотребительныхъ ореографическихъ написаній пользуется еще научно-фонетическими или такъ называемою фонетическою транскрипціею, заботясь о томъ, чтобы послѣдняя возможно совершеннѣе обозначала произносимые звуки живой рѣчи.

Примѣчаніе. Учебники не всегда проводятъ достаточно строго разницу между звуками и буквами и смѣшиваютъ часто эти два разныя понятія, что очевидно неправильно. Такъ, въ нихъ обыкновенно буквы, а не звуки (какъ бы слѣдовало) раздѣляются на гласныя и пр. Въ одномъ же изъ самыхъ употребительныхъ учебниковъ по русской грамматикѣ хотя и говорится совершенно резонно о дѣленіи звуковъ (а не буквъ) на гласные и согласные, а послѣднихъ на губные и пр., но тутъ же отмѣчаются случаи, когда согласный будто бы слышенъ не ясно, напр. раб*ъ*, дворня*ж*ка. Въ дѣйствительности же въ этихъ случаяхъ согласный слышится совершенно ясно, именно *п* въ словѣ раб*ъ*, *ш* въ словѣ дворня*ж*ка. Очевидно, авторъ учебника не могъ освободиться отъ традиціонной неточности, и привычка къ ореографическому знаку помѣшала ему правильно опредѣлить звукъ.

Разъяснивъ различіе между звуками и буквами, обратимся къ обзору главныхъ принциповъ русскаго правописанія или (употребляя совершенно равнозначущее иностранное слово) русской ореографіи. Эти принципы слѣдующіе: 1) фонетическій,

2) принципъ аналогіи, 3) историческій, 4) принципъ церковнославянскихъ написаній, 5) принципъ передачи иностранныхъ словъ и 6) принципъ дифференціаціи написаній.

I. **Фонетическія написанія.** Категорія фонетическихъ написаній, т. е. соотвѣтствующихъ произношенію, примѣняется напр. при обозначеніи ударяемыхъ гласныхъ, а затѣмъ вообще слоговъ, состоящихъ изъ твердыхъ или же мягкихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ, при чемъ своеобразная особенность такихъ написаній сравнительно съ научною транскрипціей заключается въ томъ, что твердость или же мягкость согласнаго выражается не въ буквѣ согласнаго, но въ буквѣ слѣдующаго гласнаго, вслѣдствіе чего качество твердости и мягкости согласнаго обнаруживается лишь изъ обозначенія цѣлаго слога (срв. начертанія *ня* и *на* или *дю* и *ду*); отсюда такой принципъ фонетическаго письма называется *силлабическимъ*, т. е. слоговымъ. [1]) Въ ученой или научно-фонетической транскрипціи мягкость согласнаго обозначается значкомъ ', напр. н'а=орѳ. *ня*, д'у=орѳ. *дю* и пр.

II. **Морфологическія написанія** или **написанія по аналогіи.** Морфологическій принципъ состоитъ въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ словахъ обозначаются звуки не тѣ, которые въ нихъ слышатся или произносятся, но тѣ, которые имѣются въ родственныхъ словахъ и которые съ тѣмъ вмѣстѣ являются вообще болѣе первичными. Сюда относятся обо-

---

[1]) Въ польскомъ письмѣ мягкость согласнаго въ сочетаніи съ гласнымъ обозначается буквою *i*, стоящею между буквами согласнаго и гласнаго, напр. *sia*, *nie* и пр. (Этотъ пріемъ обозначенія мягкости согласнаго примѣняется также въ литовскомъ письмѣ въ томъ случаѣ, когда пользуются латинскими начертаніями, болѣе обычными, срв. напр. arìi «пашу» и т. п.). Если же мягкій согласный оканчиваетъ слогъ, такъ что за нимъ не слѣдуетъ гласнаго, то въ этомъ случаѣ мягкость согласнаго обозначается въ польск. посредствомъ значка ' надъ буквою согласнаго, напр. ś, ń и т. п. (pień ‖ рус. пень).

значенія конечныхъ глухихъ согласныхъ, затѣмъ согласныхъ въ случаяхъ ассимиляціи и, наконецъ, неударенныхъ гласныхъ. Напр. слово „год*ъ*“ произносится *гот*, а между тѣмъ пишется въ этомъ словѣ не *т*, а *д*: это по сходству или аналогіи съ родственными словами, въ которыхъ за такимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный звукъ, напр. год*а*, год*у* и т. д.; въ словѣ же „плот*ъ*“ на концѣ пишется *т* по аналогіи къ формамъ—плот*а*, плот*у* и т. д. Указаннымъ правиломъ руководствуются также при написаніи согласныхъ въ случаѣ измѣненій ихъ, происходящихъ отъ ассимиляціи; такъ, напр., пишутъ: *с*дѣлать (а не—*з*дѣлать) по аналогіи къ случаямъ, гдѣ за *с* въ томъ же префиксѣ имѣется гласный (срв. *с*орвать и т. п.), в*о*дка (а не в*от*ка) по аналогіи къ формамъ—в*о*да, в*о*ды и пр. Гласные звуки неударенные обозначаются такъ же, какъ соотвѣтствующіе имъ въ родственныхъ словахъ гласные съ удареніемъ; напр. въ словѣ „года́“ пишется послѣ *г* буква *о* (произносится же гласный *а* или близкій къ нему)—по аналогіи съ ударяемымъ гласнымъ: если мы измѣнимъ наше слово такъ, чтобы за *г* слѣдовалъ ударенный гласный, напр. го́ду и т. п., то увидимъ, что нужно писать не гада́, а года́; на томъ же основаніи въ словѣ „годовой“, хотя послѣ *г* слышится слабый краткій гласный похожій на *ы*, также должны написать букву *о*. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое широкое примѣненіе въ русскомъ письмѣ имѣетъ принципъ аналогіи, что̀ и составляетъ весьма характерную особенность русской орѳографіи.

III. **Историческія написанія.** Собственно говоря, принципъ такихъ написаній обнимаетъ собою всю орѳографію, поскольку она унаслѣдована отъ предшествующаго времени, такъ что и всѣ прочіе принципы въ этомъ смыслѣ являются историческими. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческими написаніями называются такія, которыя нѣкогда были фонетическими, но съ измѣненіемъ произношенія перестали быть тако-

выми, сохраняясь однако въ силу традиціи. Напр. звуки *ш* и *ж* нынѣ произносятся твердо, однакожъ мы пишемъ послѣ буквъ *ш* и *ж* букву *и* (а не *ы*)—*ши*, *жи*, согласно традиціи, свидѣтельствующей о томъ, что нѣкогда эти согласные были мягкими. Впрочемъ, вопросъ объ историческихъ написаніяхъ въ нашей орѳографіи усложненъ вліяніемъ со стороны церковно-славянскаго письма, такъ что иногда трудно трактовать о собственно историческихъ написаніяхъ отдѣльно отъ церковно-славянскаго элемента. Къ историческимъ написаніямъ нужно отнести также тѣ ошибочныя написанія, которыя однакожъ укрѣпились въ нашей письменности, какъ бы освященныя силой обычая; напр. пишутъ *е* въ словахъ—*песокъ*, *мелкій* и нѣк. др., хотя бы слѣдовало писать эти слова черезъ *ѣ*, какъ убѣдимся въ этомъ изъ фонетики [1]).

IV. **Церковно-славянскія написанія.** Мы знаемъ, что русское письмо произошло изъ письма церковно-славянскихъ книгъ, почему можно сказать, что почти все оно опирается на церковно-славянскую основу; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ церковно-славянскимъ элементомъ должно считать такія написанія въ русской орѳографіи, которыя не соотвѣтствуютъ русскому произношенію и вошли въ правописаніе подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка и письма. Напр. изъ написаній *житіе* || *житье*, *Марія* || *Марья* и т. под. написанія съ *і*—церковно-славянскія, а съ *ъ*—чисто русскія.

---

[1]) Къ вліянію исторической традиціи относится сохраненіе нѣкоторыхъ буквъ, не обозначающихъ особыхъ звуковъ и представляющихся отдѣльнымъ ученымъ прежняго и новаго времени въ той или другой мѣрѣ излишними; сюда относятся буквы: *ъ* для передачи твердости конечнаго согласнаго, *ѳ* при *ф*, *і* рядомъ съ *и*, *ѣ* рядомъ съ *е*. Однако ссылка на трудности обученія орѳографіи, происходящія будто бы отъ существованія этихъ буквъ въ русскомъ алфавитѣ, нашими наблюденіями не подтверждается; все дѣло сводится къ улучшенію способовъ обученія орѳографіи и къ переоцѣнкѣ важности нѣкоторыхъ орѳографическихъ ошибокъ. Кромѣ того, срв. въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и рус. яз. (1910)[3] сноску на стр. 143.

V. **Иностранныя написанія.** Когда иностранныя слова переходятъ въ языкъ литературный, то нерѣдко они удерживаютъ особенности обозначенія того языка, изъ котораго заимствованы. Примѣромъ такихъ написаній можетъ служить въ русской орѳографіи написаніе *и*, а не *ы*, послѣ *ц* въ словахъ иностранныхъ, напр. принц*и*пъ, Песталоцц*и*, ц*и*фра и т. д. Укажемъ еще примѣненіе начертаній *ѳ* и *ѳ* въ словахъ греческаго происхожденія соотвѣтственно обозначенію даннаго согласнаго въ греческой письменности, напр. *ѳ*илосо*ѳ*ія || Аѳины (греч. *φιλοσοφία* || *Ἀθῆναι*). [1])

VI. Принципъ **дифференціаціи** или различенія написаній состоитъ въ томъ, что слова одинаковыя по звукамъ, но различающіяся по значенію, получаютъ нѣкоторыя отличія и на письмѣ, напр. „миръ“ и „міръ“ (въ древней письменности одинаково въ обоихъ случаяхъ **миръ**), или *что* (союзъ) и *чтѳ* (мѣстоим.); также формы словъ, различающіяся удареніемъ, для устраненія недоразумѣній снабжаются знакомъ ударенія, напр. бо̀льшимъ || бо́льшимъ и т. п.

Въ заключеніе замѣтимъ, что не всегда отмѣченные орѳографическіе принципы проявляются въ чистомъ видѣ, обособленно, но иногда встрѣчается **скрещеніе принциповъ.** Въ примѣръ можно указать на правила о постановкѣ *ъ* и *ь* послѣ

[1]) Въ латинской письменности спеціально для передачи данныхъ звуковъ въ греческихъ словахъ введены были начертанія *ph* и *th*, напр. *ph*iloso*ph*ia, A*th*enae, а изъ латинскаго такія слова съ тѣмъ же обозначеніемъ перешли въ нѣкоторые западно-европейскіе языки, сохраняя въ нихъ досихъ поръ такое обозначеніе, срв: франц. *ph*iloso*ph*ie, A*th*ènes, англ. *ph*iloso*ph*y, A*th*ens, нѣм. *Ph*iloso*ph*ie, A*th*en, хотя и могли бы писаться согласно произношенію при помощи начертаній *f* и *t* (срв. итал. *f*ilosofia, A*t*ene, польск. *f*iloso*f*ia, A*t*eny). Мы остановились на орѳографіи греческихъ словъ въ западно-европейскихъ языкахъ съ цѣлью уясненія такихъ словъ въ русскомъ языкѣ, какъ «*т*еатръ» при стар. «*ѳ*еатръ»: очевидно, греческое слово (θέατρον) въ первомъ изъ этихъ написаній вошло въ русскій языкъ чрезъ посредство западно-европейской письменности.

шипящихъ. Исторія этихъ написаній начинается еще отъ старо-славянскихъ памятниковъ (напр. Остром. Ев. и др.), въ которыхъ послѣ шипящихъ нерѣдко встрѣчаемъ двоякое написаніе, при чемъ такое колебаніе было возможно, благодаря непарности этихъ согласныхъ. Затѣмъ, начиная съ эпохи Смотрицкаго, постепенно устанавливаются правила о написаніи ъ и ь послѣ шипящихъ, при чемъ принципъ традиціи усложняется принципомъ морфологическимъ. А именно, мы думаемъ, что въ именахъ сущ. ж. р., въ повел. и неопр. накл. глаголовъ утвердилось ъ потому, что послѣ другихъ согласныхъ въ этихъ категоріяхъ употребляется только ъ (напр. *рожь*—по аналогіи съ *дверь* и т. д., *рѣжь*—по аналогіи съ *кинь* и т. п., *жечь*—по аналогіи съ *спать* и пр.), въ остальныхъ же случаяхъ именъ пишется ъ по аналогіи къ твердому склоненію соотвѣтствующаго рода, чему благопріятствовало отвердѣніе большинства шипящихъ (*мужъ*, *тысячъ*—по аналогіи съ *столъ*, *водъ* и пр.).

Примѣчаніе. Мы разсмотрѣли главнѣйшіе принципы русскаго правописанія; если обратимся къ другимъ письменностямъ, то аналогичные принципы встрѣтимъ и тамъ (исключая, разумѣется, принципъ церковно-славянскихъ написаній, какъ спеціально-русскій), но съ характернымъ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ. Такъ, напр., въ древне-греческой орѳографіи видимъ преобладаніе *фонетическаго* начала, срв. τρίβω ‖ τέτριπται, τέτριφα, τέτριμμαι, ἐτρίφθην. [2]) Въ латинской орѳографіи, по сравненію съ древне-греческою, область фонетическаго принципа болѣе ограничена, обнаруживаясь при производствѣ временъ глагола, напр. scrībo ‖ scripsi, scriptum, между тѣмъ какъ во флексіи именной, гдѣ формы тѣсно связаны единствомъ склоненія, проявляется *морфологическій* принципъ, напр. urbs—urbis.

---

[2]) Для большей наглядности позволяемъ себѣ привести тѣ же греческія слова въ латинской транскрипціи: tribō ‖ tétriptai, tétripsai, tétrimmai, etrifθēn (болѣе древнее произношеніе—etriphθēn, при чемъ начертаніе *ph* обозначаетъ согласный *p*, сопровождаемый густымъ придыханіемъ); мы видимъ, что первоначальный согласный *b*, заканчивавшій собою корень, въ приведенномъ рядѣ глагольныхъ формъ отражается въ видѣ согласныхъ *b*, *p*, *m*, *f* (*ph*) и передается на письмѣ согласно произношенію, т. е. фонетически.

Въ современномъ нѣмецкомъ правописаніи *морфологическій* принципъ проведенъ шире, чѣмъ въ латинскомъ, такъ какъ мы видимъ его и въ глаголѣ—какъ во флексіи, такъ и при производствѣ временъ, срв. loben ‖ du lobst, ich lobte; въ этомъ отношеніи нѣмецкая орѳографія приближается къ русской; затѣмъ весьма характерно въ нѣмецкомъ примѣненіе принципа написанія *иностранныхъ словъ*—особенно французскихъ и частію англійскихъ: нѣмецкая орѳографія, пользующаяся одинаковымъ съ ними алфавитомъ, воспроизводитъ въ точности орѳографію оригинала, напр. франц.—Gouverneur, Chaussée, Chignon, Vaudeville, Dejour, Bureau и мн. др.; англ.—Whist, Vauxhall и т. п. Преобладаніемъ *историческаго* принципа характеризуются письменности англійская, французская, ново-греческая. Что касается принципа дифференціаціи, то случаи его примѣненія наблюдаются во всѣхъ разсматривавшихся письменностяхъ.

Библіографическія указанія. Основнымъ трудомъ по разработкѣ вопросовъ русскаго правописанія является сочиненіе акад. Я. К. Грота. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ (1876)[2]= Филологическія разысканія (1899)[4], ч. 2-ая. Дополненіемъ къ настоящей главѣ служитъ статья «О русскомъ правописаніи» въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], въ которой на стр. 146—147 читатель найдетъ и другія указанія по литературѣ вопроса. Преподавателю не лишне ознакомиться тамъ же и съ дальнѣйшей статьей «Изученіе малограмотныхъ написаній», въ которой онъ найдетъ нѣкоторыя указанія педагогическаго характера.

ФОНЕТИКА.

Глава IV.

Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики.

Звуки языка изучаются, какъ мы указывали, не только въ *фонетикѣ*, но также и въ *физіологіи рѣчи*. Разница между фонетикою и физіологіею звуковъ заключается въ слѣдующемъ. Физіологія звуковъ изслѣдуетъ, возможно точнымъ образомъ, какъ произносятся въ данномъ языкѣ звуки и ихъ сочетанія какъ въ отдѣльности, такъ и въ словахъ, не разсматривая однако, въ какихъ морфологическихъ категоріяхъ (въ какой части рѣчи, въ какой части слова—корнѣ, суффиксѣ и пр.) встрѣчаются они, между тѣмъ какъ фонетика изслѣдуетъ звуковыя явленія всегда *морфологически*—въ связи съ морфологическими группами, въ которыхъ они находятся, не игнорируя и *синтаксическій* моментъ [1]). Физіологія зву-

---

[1]) Читатель на дальнѣйшихъ страницахъ убѣдится въ правильности такого пониманія фонетики, здѣсь же мы позволимъ себѣ лишь перечислить подтверждающіе доводы. Не говоря уже объ удобствѣ для изслѣдователя, когда онъ изъ морфологіи дѣлаетъ руководящую нить при фонетическихъ разысканіяхъ, укажемъ: 1) отступленія отъ фонетическихъ законовъ въ значи-

ковъ служитъ лишь подготовкою къ болѣе глубокому пониманію фонетики (ср. сноску на стр. 34).

Такъ какъ въ фонетическихъ изслѣдованіяхъ нерѣдко говорится о „фонетическихъ“ или „звуковыхъ законахъ“, то намъ слѣдуетъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Для избѣжанія неясности мы разсмотримъ вопросъ о звуковыхъ законахъ не только въ примѣненіи къ фонетикѣ, но и къ физіологіи звуковъ, такъ какъ законы въ той и другой области имѣютъ свои особенности; при этомъ мы будемъ различать законы даннаго единовременнаго состоянія и законы измѣненія во времени (другими словами—будемъ разсматривать вопросъ для той и другой области съ точки зрѣнія статической и динамико-исторической). [1]) Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть слѣдующіе частные случаи:

тельномъ числѣ объясняются вліяніемъ фактора *аналогіи*, т. е. фактора морфологическаго, дѣйствіе котораго можетъ быть обнаружено лишь при обращеніи вниманія на морфологическую сторону звуковыхъ явленій; 2) фонетическія измѣненія—какъ увидимъ—распадаются на физіологическія и акустическія, при чемъ каждое изъ нихъ проявляется при особыхъ морфологическихъ условіяхъ; 3) морфологическій моментъ играетъ также существенную роль въ чередованіяхъ звуковъ—этомъ важномъ отдѣлѣ фонетики; 4) что касается синтаксическаго момента, то на него указываютъ такіе дублеты, какъ «хотя» ‖ «хоть» и т. п., развившіеся вслѣдствіе того, что одно и то же слово находилось въ разныхъ условіяхъ въ предложеніи.

[1]) Замѣтимъ, что терминъ «законъ» въ фонетикѣ, какъ вообще въ грамматикѣ, не можетъ имѣть того смысла, какой этотъ терминъ имѣетъ въ физикѣ. Въ послѣдней понятіе закона состоитъ въ томъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ явленіе вездѣ и всегда наступаетъ въ томъ же видѣ (срв. напр. законы вибрирующихъ струнъ), а между тѣмъ въ области языка можно говорить лишь о законахъ, касающихся постоянства явленія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, но непремѣнно въ томъ же самомъ языкѣ и говорѣ и въ одну и ту же эпоху. Эта особенность лингвистическихъ законовъ объясняется тѣмъ, что явленія языка, въ отличіе отъ явленій физическихъ не остаются въ неизмѣнномъ видѣ, но развиваются во времени. Какъ мы увидимъ далѣе, сила звуковыхъ законовъ, какъ и вообще законовъ языка, основывается на силѣ памяти и привычки.

А. Область физіологіи звуковъ. { 1. Система звуковъ языка; 2. Измѣненія звуковъ.

Б. Область фонетики. { 3. Грамматическія чередованія звуковъ; 4. Измѣненія звуковыхъ чередованій.

1) **Звуковая система языка.** Говоря о звуковой системѣ языка, мы должны разумѣть подъ таковою не голую схему звуковъ даннаго языка, но живое произношеніе звуковъ и ихъ сочетаній въ томъ или иномъ положеніи въ словѣ. Имѣя же въ виду дѣйствительное, живое произношеніе, мы должны оговориться, что въ дѣйствительности не существуетъ, какъ чего-либо особаго и живаго, звуковой системы *какого-нибудь языка вообще*, въ дѣйствительности мы наблюдаемъ разнообразіе рѣчи, распредѣляющееся по *говорамъ* языка, а эти послѣдніе образуются изъ произношенія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Остановившись на произношеніи какого-нибудь индивидуума (добавимъ—взрослаго, какъ вполнѣ владѣющаго родною рѣчью), не трудно убѣдиться, что оно представляетъ нѣкоторое постоянное однообразіе или одинаковость, т. е. что одинъ и тотъ же индивидуумъ произноситъ вообще одинаково, иначе говоря—его произношеніе кажется какъ бы равнымъ себѣ. Такъ, напр., если индивидуумъ относительно своего произношенія принадлежитъ къ умѣренно-акающему говору русскаго языка, т. е. произноситъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію вмѣсто гласнаго *о*, свойственнаго окающимъ говорамъ, гласный å, положимъ—въ словѣ „года“, то онъ будетъ произносить тотъ же гласный (å) и во всѣхъ другихъ однородныхъ случаяхъ, напр. домå, плодå, столбå, тогдå и пр. И такъ, *произношеніе индивидуума однообразно*, другими словами—*одни и тѣ же звуки въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ индивидуумъ произноситъ одинаково*. Къ этому и сводится сущность разсматриваемой категоріи звуковыхъ законовъ.

Наблюденіе надъ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ рѣчи показываетъ, что указанное однообразіе произношенія индивидуума основывается на *привычкѣ*, постепенно слагающейся съ-дѣтства при перениманіи произношенія окружающихъ. Значитъ, если южно-великоруссъ умѣренно-акающаго говора произноситъ гáдá, дáмá и т. п., то это потому, что онъ съ дѣтства научился и привыкъ именно къ такому произношенію, въ устахъ же сѣверно-великорусса тѣ же слова звучатъ иначе—годá, домá и т. п., и опять-таки потому, что онъ съ дѣтства перенялъ и усвоилъ это произношеніе. Эта привычка къ родной рѣчи становится у каждаго на столько сильною, что, когда мы говоримъ, нашъ говорильный аппаратъ совершаетъ необходимыя артикуляціонныя работы совершенно безсознательно, какъ бы механически, привычка къ говорильнымъ движеніямъ пріобрѣтаетъ прочность инстинкта, а самые уклады органовъ рѣчи у индивидуумовъ, принадлежащихъ къ разнымъ говорамъ, образуютъ разныя системы.

Примѣчаніе. Мы должны сдѣлать нѣкоторыя оговорки относительно случаевъ *заимствованія словъ* изъ другаго языка. Ежели индивидуумъ заимствуетъ слово изъ другаго языка, то онъ заимствуетъ его согласно съ звуковой системой своего роднаго говора, но это—въ томъ лишь случаѣ, если у него нѣтъ привычки къ иностраннымъ языкамъ, въ частности къ данному, и, кромѣ того, если онъ не стремится сознательно къ возможно точному воспроизведенію услышаннаго произношенія. Конечно, при наблюденіи надъ заимствованіемъ словъ мы встрѣтимся и съ индивидуальнымъ разнообразіемъ, такъ какъ одни лица обладаютъ болѣе тонкимъ слухомъ, болѣе тонко развитыми органами произношенія и болѣе способны къ перениманію, другія же менѣе. Что касается лицъ знакомыхъ съ даннымъ иностраннымъ языкомъ, т. е. имѣющихъ навыкъ еще и въ этой чужой звуковой системѣ, то они могутъ позаимствовать слово съ возможно точнымъ выговоромъ иностраннаго языка, напр. слово «поэзія» произнесутъ съ гласнымъ *о*, хотя бы этотъ гласный въ ихъ родномъ говорѣ и не встрѣчался въ данномъ неударяемомъ положеніи. [1])

[1]) Приведу еще нѣсколько примѣровъ особенностей произношенія иностранныхъ словъ въ устахъ образованныхъ русскихъ. Въ русскомъ языкѣ

Говоря о привычкѣ къ звуковой системѣ, нужно имѣть въ виду не одну привычку къ артикуляціоннымъ укладамъ, но и къ производимымъ ими *слышимымъ* звукамъ даннаго говора, такъ какъ тѣ и другіе тѣсно связаны между собою, благодаря тому, что лицо, произносящее звуки, вмѣстѣ съ тѣмъ и слышитъ ихъ; не нужно забывать и о томъ, что звуки и произносимые и слышимые предполагаютъ соучастіе *психическаго* момента, какъ о томъ мы имѣли случай говорить при изложеніи физіологіи звуковъ (стр. 35—36).

2) **Измѣненія звуковъ.** Изучая теперешнее состояніе нашей рѣчи и сравнивая его съ прошлымъ, засвидѣтельствованнымъ письменными памятниками, а также съ звуковымъ состояніемъ родственныхъ языковъ, мы приходимъ къ заключенію, что звуковая сторона рѣчи измѣняется во времени. Отсюда возникаетъ вопросъ о законахъ, которымъ слѣдуютъ звуковыя измѣненія.

Прежде всего нужно различать измѣненія звуковъ, совершающіяся въ области *говорильнаго аппарата* отъ звуковыхъ перемѣнъ, обязанныхъ *органу слуха*, такъ какъ между тѣми и другими оказываются нѣкоторыя существенныя различія. Въ качествѣ примѣра звуковыхъ измѣненій въ области говорильнаго аппарата или артикуляціонныхъ можно указать на упоминавшееся измѣненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ въ å умѣренно-акающихъ говоровъ (въ говорахъ же

нѣтъ носовыхъ гласныхъ, но въ рѣчи образованнаго общества можно встрѣтить носовые гласные въ словахъ французскаго происхожденія, напр. преферансъ (préférance), пансіонъ (pension). Также нѣтъ въ русскомъ языкѣ гласныхъ ö и ü, но въ рѣчи образованныхъ русскихъ можно слышать эти гласные въ иностранныхъ словахъ, напр. *бюро*, Бёрне, при чемъ даже и предшествующіе согласные не смягчены; а конечное *о* французскаго слова «бюро» (bureau) получаетъ несвойственное русскому языку закрытое произношеніе. Очевидно, въ такихъ словахъ имѣетъ мѣсто прямо подстановка иностраннаго произношенія, какъ болѣе привычнаго для этихъ словъ.

вполнѣ акающихъ въ *а*), напр. „гåдá“, [1]) а примѣромъ измѣненій втораго типа могутъ служить такіе случаи простонароднаго произношенія, какъ напр. „Микита“ (м' вм. н'). Разъяснимъ на этихъ примѣрахъ главныя различія того и другаго рода звуковыхъ перемѣнъ.

Что касается произношенія å (или а) вмѣсто неударяемаго *о*, то—какъ мы уже указывали—оно имѣетъ мѣсто не въ одномъ данномъ словѣ, но во всѣхъ словахъ этого рода, напр. дåмá, рåгá, тåгдá и пр. На основаніи такого современнаго однообразія мы заключаемъ, что и самый процессъ постепеннаго измѣненія *о* въ *а* въ разсматриваемомъ положеніи (въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному) совершался во времени не спорадически, не въ отношеніи того или другаго слова въ отдѣльности, но по отношенію ко *всѣмъ* словамъ, представлявшимъ тѣ же самыя условія. Иное дѣло—такіе случаи, какъ „Микита“: замѣна слога *ни* черезъ *ми* произошла не въ отношеніи всѣхъ словъ, представлявшихъ подобное звуковое сочетаніе, но *спорадически*, напр. именно въ данномъ словѣ вмѣсто начальнаго сочетанія *ни* слухомъ подставлено сходное сочетаніе *ми*, и такое произношеніе затѣмъ вошло въ общее употребленіе (впрочемъ, явленія этого рода не всегда обязаны слуховому моменту, но могутъ происходить и отъ неточности памяти при воспроизведеніи слова). Замѣтимъ кстати, что акустическимъ или слуховымъ замѣнамъ звуковъ особенно благопріятствуютъ ускоренный темпъ рѣчи, а также то вліяніе логическаго ударенія, благодаря которому слова второстепенныя имѣютъ болѣе или менѣе ослабленное произношеніе.

Дальнѣйшее различіе между разсматриваемыми случаями: измѣненіе неударяемаго *о* въ å (а) совершалось *медленно*,

---

[1]) Это измѣненіе физіологически разъяснялось нами выше, на стр. 34 сноска.

постепенно (o.....o^{a}.....$\overset{a}{a}$:.....a), въ теченіе быть можетъ даже не одного столѣтія, между тѣмъ какъ замѣна *н'* черезъ *м'* есть родъ ослышки (или же—неточности припоминанія), т. е. результатъ *одновременнаго акта:* вмѣсто одного звукового сочетанія (*ни*) подставлено сходное другое (*ми*). [1])

Третье различіе: измѣненія въ сферѣ говорильнаго аппарата, т. е. артикуляціонныя, совершаются во всякаго рода словахъ, представляющихъ одинаковыя условія произношенія даннаго звука, между тѣмъ какъ акустическія замѣны звуковъ совершаются чаще всего въ словахъ *одинокихъ* и вообще *бѣдныхъ родствомъ*, напр. *Ми*кита, *не*бель и т. п., при чемъ нерѣдко къ слуховому фактору присоединяется еще участіе фактора *народной этимологіи.* [2])

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что акустическія замѣны или разнаго рода ослышки весьма нерѣдки въ нашихъ повседневныхъ разговорахъ, но обыкновенно неточно или неясно послышавшееся слово исправляется слушающимъ примѣнительно къ полученному слуховому впечатлѣнію и общему смыслу рѣчи. Но если будетъ воспринято съ ослышкой незнакомое слово, то оно можетъ утвердиться и распространиться, особенно въ народномъ говорѣ, уже въ этомъ измѣненномъ видѣ. Здѣсь для насъ становится понятнымъ нерѣдкое явленіе двоякаго произношенія заимствованныхъ словъ—болѣе точнаго (въ литературной рѣчи) и болѣе или менѣе измѣненнаго (въ народныхъ говорахъ).

---

[1]) Надо оговориться, что относительно нѣкоторыхъ измѣненій звуковъ трудно рѣшить, къ какому типу измѣненій (физіологическому или акустическому) они относятся, какъ напр. въ случаѣ *дн*→*нн* (срв. *ланно* вм. *ладно* въ нѣкоторыхъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ); физіологическую сторону этого измѣненія мы разсматривали выше, на стр. 34. Замѣтимъ еще, что направленіе анатомо-физіологическихъ измѣненій звуковъ опредѣляется двумя моментами—*спонтанеическимъ* или природою самого измѣняющагося звука и *комбинаціоннымъ* или природою сосѣднихъ звуковъ.

[2]) Примѣромъ послѣдняго можетъ служить простонародное произношеніе «небель», гдѣ на замѣну начальнаго слога *ме* посредствомъ *не* могло вліять подведеніе этого иностраннаго слова подъ типъ природныхъ съ отрицательнымъ префиксомъ *не-*. Нерѣдки случаи акустическихъ субституцій звуковъ при участіи народной этимологіи въ иностранныхъ фамиліяхъ, напр. народное произношеніе Башкевичъ вм. Паскевичъ (въ пѣснѣ).

Установивъ различіе между физіологическими и акустическими измѣненіями звуковъ, мы остановимся теперь съ большею подробностью на первыхъ, т. е. физіологическихъ, какъ болѣе существенныхъ въ исторіи языка.

Физіологическія измѣненія звуковъ мы охарактеризовали *всеобщностью*. Правда, можно подъискать по отношенію къ этимъ измѣненіямъ *исключенія*, но исключенія эти только *кажущіяся*. Напр., если обратимъ вниманіе на такія слова, какъ „гъдâвój“ (т. е. годовой), то замѣтимъ, что въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, *о* измѣнилось въ â (или въ *а*), а между тѣмъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ на мѣстѣ основнаго *о* произносится ъ (т. е. слабое, краткое ы) [1]); такое же произношеніе мы наблюдаемъ и въ другихъ однородныхъ случаяхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи, напр. дъмâвój (домовой), тъпâрá (топора) и т. п. Эта особенность произношенія обусловливается тѣмъ, что во второмъ слогѣ передъ удареніемъ гласный *о* въ своемъ измѣненіи уже прошелъ стадію *а* и теперь представляетъ дальнѣйшую стадію развитія. И такъ, здѣсь нѣтъ исключенія, но только процессъ измѣненія гласныхъ совершается *неравномѣрно* въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Соотвѣтственно этому мы должны ограничить и обобщеніе объ измѣненіи неударяемаго *о*, сказавъ, что основное русское *о* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, въ умѣренно-акающихъ говорахъ, развилось въ â, въ слогѣ же второмъ передъ удареніемъ—въ ъ (ы). Конечно, могутъ представиться новые, повидимому противорѣчащіе факты, которые поведутъ къ новому пересмотру вопроса и къ новому ограниченію обобщенія. О случаяхъ,

---

[1]) Изъ приведеннаго примѣра видимъ, что буква ъ въ научно-фонетическомъ письмѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ общеупотребительной орѳографіи. Также и начертаніе ъ имѣетъ въ научной транскрипціи другое значеніе, чѣмъ въ орѳографіи, обозначая неударенный слабый гласный, близкій къ *і*.

подобныхъ только что разсмотрѣнному, иногда выражаются, что тутъ дѣйствительныя исключенія изъ звуковыхъ законовъ, которыя объясняются *скрещеніемъ двухъ или болѣе законовъ*. Однакожъ на такіе случаи правильнѣе взглянуть не какъ на исключенія изъ закона, а какъ на указаніе, что законъ звуковаго измѣненія получилъ *у ученаго* слишкомъ общую формулировку, что требуется болѣе ограниченная, болѣе точная формула.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ вопросу, какъ примирить противорѣчіе между закономъ постоянства произношенія индивидуума и закономъ звуковой измѣнчивости языка? Постараемся выяснить, что противорѣчіе это только кажущееся и легко устраняется, если уяснить себѣ значеніе смѣны генерацій въ развитіи языка. Слѣдуетъ думать, что измѣненія звуковъ, какъ физіологическія, такъ и акустическія, совершаются у индивидуумовъ новой генераціи преимущественно въ то время, когда усваиваемое произношеніе еще не успѣло обратиться въ прочную привычку. Когда подрастающіе индивидуумы усваиваютъ родную рѣчь отъ окружающихъ, то при этомъ чувство слуха указываетъ имъ ту норму произношенія, къ которой они должны стремиться и которой постепенно достигаютъ, благодаря *упражненію*. Вполнѣ естественно, что при этомъ индивидуумы будутъ иногда переходить эту норму и тогда въ звукѣ появится новый слабый нюансъ. Замѣтивъ его и облюбовавъ, они могутъ стараться, чтобы этотъ слабый нюансъ рельефнѣе выступалъ въ произношеніи (у дѣтей можно наблюдать такія преувеличенія, когда имъ удается овладѣть какимъ-нибудь труднымъ звукомъ родной рѣчи, напр. *р*), и такимъ образомъ зародившееся звуковое явленіе путемъ подраженія можетъ распространиться и утвердиться въ этомъ поколѣніи. Точно такъ же въ сферѣ акустической нѣкоторые звуки могутъ недослышиваться въ устахъ старшей генераціи лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ (напр. при скоромъ темпѣ рѣчи и въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ въ фразѣ), а слѣдующая ге-

нерація можетъ обобщить эти случайныя недослышиванія и уже при всякихъ условіяхъ не произносить этихъ звуковъ въ данныхъ словахъ.

3. **Чередованія звуковъ.** Чередованія звуковъ происходятъ тогда, когда одна и та же морфологическая часть слова (напр. корень, суффиксъ и пр.), находясь въ разныхъ фонетическихъ условіяхъ (напр. въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія), получаетъ звуковыя варіаціи; эти послѣднія, подчиненныя опредѣленнымъ законамъ, и называются звуковымъ чередованіемъ; срв.

го́дъ̆ || га̊да́ || гъда̊во́j.

Приведенныя слова родственны между собою по корневой части *-год-*, которая, находясь въ разныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію, видоизмѣнилась неодинаково, благодаря чему мы теперь произносимъ въ ней въ приведенныхъ родственныхъ словахъ между звуками *г* и *д* разные гласные: *о́*, *а̊*, *ъ*, смѣна которыхъ и представляетъ собою одно изъ чередованій. Разные гласные и согласные въ морфологическихъ категоріяхъ языка представляютъ свои опредѣленныя чередованія, подчиняющіяся извѣстнымъ законамъ, которые разсмотримъ при изложеніи фонетики.

Но не всегда звуковыя чередованія такъ постоянны, иногда слова, первоначально относившіяся къ одному чередованію, переходятъ въ другое, благодаря дѣйствію фактора *аналогіи*, напр. вм. „ходятъ“ произносится „ходютъ“ по аналогіи къ первому спряженію. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ возможно вліяніе аналогіи и при какихъ оно не возможно. Такъ какъ условія эти могутъ быть или звуковаго или же морфологическо-семазіологическаго характера, то и разсмотримъ эти два случая отдѣльно.

а) Возьмемъ уже извѣстное намъ чередованіе

го́ду || га̊да́,

которое свойственно умѣренно-акающему говору. Въ этомъ чередованіи каждый изъ чередующихся звуковъ (*о́*, *а̊*) связанъ съ своимъ опредѣленнымъ положеніемъ относительно ударенія и не возможенъ въ другомъ положеніи; такъ, гласный *о́* не существуетъ въ неударенномъ положеніи, а потому не можетъ быть подставленъ по аналогіи на мѣсто гласнаго *а̊* и обратно. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ случай физіологической невозможности подстановки по аналогіи одного звука на мѣсто другаго. Но если мы теперь обратимся къ говору съ полнымъ аканьемъ, гдѣ на мѣстѣ *а̊* развилось уже чистое неударяемое *а*, то будемъ имѣть чередованіе а || о́ (напр. *хажу́* || *хо́д'ут*); но такъ какъ тотъ же неударяемый гласный (а) встрѣчается и въ чередованіи съ ударяемымъ *а* (*плачу́* || *пла́т'ут*), то вслѣдствіе такого частнаго совпаденія одного чередованія съ другимъ (т. е. *хажу́* и *плачу́*) въ этомъ говорѣ становятся возможными переходы словъ по аналогіи изъ одного чередованія въ другое, и мы дѣйствительно встрѣчаемъ тамъ замѣну образованія „*пла́т'ут*“ посредствомъ *плóт'ут* (по аналогіи къ типу „*хо́д'ут*“). Этотъ переходъ по аналогіи мы можемъ выразить слѣдующею пропорціею:

хажу́ : *хо́д'ут* = *плачу́* : *x*

x = *плóт'ут*.

б) Что касается морфологическаго момента въ дѣйствіи аналогіи, то здѣсь прежде всего нужно отмѣтить различіе въ одномъ и томъ же звуковомъ чередованіи въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли оно къ *флексіи* или же къ *словопроизводству*: въ первомъ случаѣ аналогія нерѣдко является съ большею легкостью, нежели во второмъ. Эта разница очень ясно видна на случаѣ чередованія задне-язычныхъ согласныхъ съ шипящими, т. е. к || ч, г || ж, х || ш. Во флексіи настоящаго времени глагола мы уже наблюдаемъ дѣйствіе аналогіи въ этихъ чередованіяхъ, напр. въ народныхъ говорахъ встрѣчаемъ формы *пежёш*, *лгёт* и т. п. вмѣсто

печешь, *лжет*ъ и т. п. по аналогіи къ крайнимъ лицамъ (т. е. 1 ед. и 3 мн.) того же времени (пеку, лгутъ и т. п.). Но при словопроизводствѣ отъ существительныхъ, оканчивающихся задне-язычнымъ согласнымъ, глаголовъ на *-ить*, разсматриваемое чередованіе остается пока не затронутымъ дѣйствіемъ аналогіи, срв. пророкъ || пророчить, богъ || бо*ж*иться и т. п. Но, конечно, и чередованія при словопроизводствѣ не гарантированы вполнѣ противъ дѣйствія аналогіи. При этомъ съ большею легкостью послѣднее вторгается въ тѣ чередованія при словопроизводствѣ, гдѣ часть рѣчи не мѣняется, напр. срв. случай производства прилагательнаго отъ прилагательнаго: сухой || су*х*енькій (*х* вм. ожидаемаго *ш*); приведу еще индивидуально замѣченный случай при производствѣ существительнаго отъ существительнаго: у*х*а || у*х*ица (вм. обычнаго у*ш*ица). Но, конечно, и въ случаѣ сохраненія части рѣчи при словопроизводствѣ звуковое чередованіе можетъ быть очень устойчиво, когда съ нимъ тѣсно соединяется различіе оттѣнка значенія; напр. такое устойчивое чередованіе въ области гласныхъ встрѣчаемъ при производствѣ отъ одного глагола другаго съ измѣненнымъ глагольнымъ видомъ, какъ напр. н*о*си́ть || н*а́*шивать; это чередованіе даже подчинило себѣ другіе случаи, гдѣ основной гласный сопровождался удареніемъ и принадлежалъ не первичному, а производному отъ имени глаголу, при чемъ могъ даже находиться и не въ корнѣ, а въ суффиксѣ или префиксѣ; напр.: зак*о́*нчить || зак*а́*нчивать, успок*о́*ить || успок*а́*ивать (рядомъ встрѣчается и первичная форма успок*о́*ивать); установ*и́*ть || устан*а́*вливать, раб*о́*тать || разраб*а́*тывать и разраб*о́*тывать; заподо́зрить || заподо́зривать и заподо́зривать; и т. п.

Разсмотрѣвъ вопросъ о чередованіяхъ звуковъ внѣшнимъ образомъ, мы должны прибавить, что съ точки зрѣнія психологической грамматическія чередованія звуковъ представляютъ собою особый родъ ассоціаціи идей, именно *ассоціаціи*

отношеній между звуками, которая съ дѣтства устанавливается въ умѣ говорящихъ и опирается на силу привычки.

4) **Измѣненія чередованій звуковъ.** Мы уже указывали, что въ рядѣ родственныхъ словъ

го́да̊ || га̊да́ || гъда̊во́j

между корневыми звуками *г* и *д* чередуются гласные: о́ || а̊ || ъ. Восходя къ болѣе древнему времени, мы должны предположить, что различіе гласнаго было все меньше и меньше, такъ что въ началѣ развитія гласный былъ болѣе или менѣе однородный. Такимъ образомъ законъ измѣненія чередованій состоитъ въ томъ, что *звуковое чередованіе измѣняется во времени въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ звуковъ, которые входятъ въ составъ даннаго чередованія.* Такъ какъ звуковыя измѣненія могутъ представлять особенности по говорамъ, то это будетъ соотвѣтственно отражаться и на составѣ чередованій. О перемѣнахъ въ чередованіяхъ подъ вліяніемъ *аналогіи* мы уже говорили.

Примѣчаніе. Звуковыя измѣненія, ведя къ развѣтвленію (дивергенціи) одного первоначальнаго звука на два и болѣе звуковъ (напр. *о* на *о*, *а̊* и *ъ* или *k* на *к* и *ч* и т. п.), порождаютъ этимъ грамматическія чередованія; но звуковыя измѣненія могутъ вести также къ совпаденію (конвергенціи) двухъ и болѣе звуковъ разнаго происхожденія въ одномъ звукѣ (напр. неударяемое *а* въ говорахъ вполнѣ акающихъ можетъ происходить не только изъ *о*, но и изъ *а*), а благодаря этому—различныя чередованія звуковъ могутъ приходить въ частное совпаденіе. Такое совпаденіе чередованій открываетъ, какъ мы видѣли, возможность проявленію дѣйствія *аналогіи* въ области чередованій. Обыкновенно бываетъ, что звукъ, развѣтвляясь на нѣсколько, вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ въ совпаденіе съ звуками инаго происхожденія; далѣе, общій звукъ, въ которомъ совпали разные звуки, можетъ въ свою очередь подвергнуться дивергенціи и т. д. Отсюда, задача исторіи языка по отношенію къ фонетикѣ—доискаться до опредѣленія *послѣдовательности* въ возникновеніи фонетическихъ явленій, послѣдовательности въ ходѣ звуковыхъ дивергенцій и конвергенцій въ связи съ развитіемъ чередованій.

Заканчивая вопросъ о звуковыхъ измѣненіяхъ и чередо-

ваніяхъ и ихъ законахъ, мы скомбинируемъ теперь *факторы* фонетическаго развитія языка, которые мы частію уже указали въ предъидущемъ, частію же укажемъ при самомъ изложеніи фонетики:

I) Факторы *физіологическіе*: а) удареніе слова; б) положеніе относительно ударенаго слога; в) положеніе въ словѣ; г) вліяніе тѣхъ или другихъ свойствъ сосѣдняго звука, или же звука сосѣдняго слога; д) вліяніе группъ согласныхъ звуковъ; е) открытость и закрытость слога; ж) природа самихъ измѣняющихся звуковъ; з) упражненіе; и) логическое удареніе и вообще связность рѣчи;

II) факторъ *акустическій*: і) слуховыя замѣны одного звука сходнымъ другимъ; к) недослышиваніе слабыхъ звуковъ;

III) факторы *психологическіе* по преимуществу: л) морфологическая связь словъ и опрбщеніе ихъ; м) аналогія; н) дифференціація; о) народная этимологія;

IV) факторы *культурно-историческіе*: п) книжное вліяніе; р) вліяніе церковно-славянское; с) вліяніе одного говора на другой; т) вліяніе другихъ языковъ;

V) факторъ *діалектологическій*.

Укажемъ еще тѣ сокращенія и знаки, которыми будемъ пользоваться при изложеніи фонетики и вообще грамматики: [1])

---

[1]) Здѣсь умѣстно разъяснить цѣль употребленія сокращеній, знаковъ и формулъ въ лингвистическихъ сочиненіяхъ. Въ каждой наукѣ имѣется рядъ основныхъ, точно опредѣленныхъ и часто употребляющихся понятій и выражающихъ ихъ терминовъ. Съ установленіемъ же такихъ обобщающихъ терминовъ наука, ради наглядности, а также экономіи во времени и въ трудѣ, для передачи ихъ начинаетъ пользоваться краткими условными обозначеніями или формулами; такимъ образомъ формулы вмѣстѣ съ терминами служатъ показателями обобщающей мысли. Что касается области языковыхъ явленій, то она съ удобствомъ поддается такому символическому обозначенію. Уже со времени Боппа, основателя сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ, въ лингвистическихъ сочиненіяхъ стали прибѣ-

К. т. е. коренъ (отмѣчается также знакомъ $\sqrt{}$).
Сф. „ суффиксъ.
Ок. „ окончаніе.
Ос. „ основа.
V „ vocalis (гласный звукъ).
C „ consonans (согласный звукъ).
L „ liquida (плавный согласный).
N „ nasalis (носовой согласный).
ае. „ аріо-европейскій (праязыкъ).
* „ значекъ, который ставится передъ звукомъ или формою, предположенными для праязыка; напр., ае. *ĕ надо читать: аріо-европейское *е* краткое.
| „ знакъ, служащій для дѣленія слова на слоги.
- „ знакъ, служащій для дѣленія слова на морфологическія части.
|| „ знакъ чередованія въ сферѣ одной и той же морфологической части въ томъ или другомъ языкѣ; иногда примѣняется и просто при сопоставленіяхъ.
≠ „ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.
→ „ знакъ звуковаго измѣненія; направленіе стрѣлки указываетъ, что̀ во что̀ измѣняется; поэтому дн̓→нн можно изобразить и иначе: нн←дн.

гать къ пользованію формулами; такъ, напр., Боппъ для указанія звуковыхъ соотвѣтствій и иллюстрирующихъ ихъ примѣровъ въ родственныхъ аріо-европейскихъ языкахъ пользовался знакомъ равенства; въ современныхъ же лингвистическихъ сочиненіяхъ сократительныя формулы стали уже обычнымъ явленіемъ. Такъ какъ въ наукѣ о языкѣ пока еще не установилось полнаго однообразія примѣняемыхъ формулъ, то я и указываю здѣсь знаки и сокращенія, казавшіеся мнѣ наиболѣе нужными и удачными, напр. для обозначенія заимствованныхъ словъ, образованій по аналогіи и т. д. Какъ показалъ мнѣ опытъ, пользованіе подобными формулами умѣстно и для преподаванія.

⥲ т. е. знакъ заимствованія, напр. *нѣм.* Stich ⥲ *рус.* штыкъ (т. е. заимствованіе тутъ изъ нѣмецкаго языка въ русскій).

↑ „ знакъ аналогіи; напр. произношеніе „вид*ютъ*“ ↑ „кол*ютъ*“, т. е. окончаніе -ютъ утвердилось въ формѣ „видятъ“ по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ „колютъ“ и т. п.

○ „ нуль звука.

ʌ „ знакъ для того мѣста въ словѣ, гдѣ произошло исчезновеніе звука, напр. мʌру (срв. ст.-сл. мьрѫ).

< „ знакъ для производства; напр. возъ < возить, т. е. отъ существ. „возъ“ образуется глаголъ „возить“.

Библіографическія указанія. Мы называемъ здѣсь общія сочиненія по фонетикѣ современнаго литературнаго русскаго языка: Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Отрывки изъ лекціи по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. 1-ый (1882); Богородицкій В. Курсъ грамматики русскаго языка, ч. 1-ая: Фонетика (1887); Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. 1-ый: Фонетика (1892); Lundell Études sur la prononciation russe. Stokholm (1890)—обзоръ трудовъ за періодъ времени отъ Греча до Буслаева.

Глава V.

Вокáлизмъ: неударяемые гласные; измѣненіе орѳографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ; разъясненія сравнительно-грамматическія.

Какъ мы знаемъ, звуки рѣчи подраздѣляются на гласные и согласные: гласные съ точки зрѣнія физіологической характеризуются раскрытіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой наибольшею сонорностью, согласные же характеризуются съ точки зрѣнія физіологической смыканіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой меньшею сонорностью съ преобладаніемъ того или другаго характернаго шума. Соотвѣтственно указанному дѣленію звуковъ, фонетика распадается на отдѣлъ явленій въ области гласныхъ (вокализмъ) и отдѣлъ явленій въ области согласныхъ (консонантизмъ). Въ области вокализма особую группу явленій представляютъ видоизмѣненія *неударяемыхъ гласныхъ*, а такъ какъ они по времени своего возникновенія принадлежатъ къ сравнительно позднѣйшему слою звуковыхъ явленій и, слѣдовательно, представляютъ наименьшую сложность,—то съ нихъ и начнемъ изложеніе русскаго вокализма, послѣдовательно переходя къ явленіямъ болѣе ранняго происхожденія, представляющимъ уже бо́льшую запутанность.

I. **Неударяемые гласные.** Всякое слово при произношеніи представляетъ части или слоги, изъ которыхъ одинъ выдѣляется наибольшею силою, высотою и длительностью, прочіе же

слоги уступаютъ ему въ этомъ отношеніи; первый называютъ *ударяемымъ*, послѣдніе же—*неударяемыми*. Въ свою очередь и неударяемые слоги различаются другъ отъ друга по силѣ, высотѣ и длительности, при чемъ это различіе зависитъ отъ положенія ихъ относительно ударяемаго слога. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ существенную разницу по силѣ между слогами предъударенной и послѣударенной части слова, именно: слогъ, непосредственно предшествующій ударенію, имѣетъ наибольшую силу среди прочихъ неударенныхъ слоговъ, второй передъ удареніемъ является весьма слабымъ (срв. годовóй); что касается послѣударенной части слова, то здѣсь, напротивъ, ближайшій къ ударенному слогъ оказывается слабѣйшимъ, а конечный заканчивающійся гласнымъ слогъ можетъ нѣсколько превосходить его (срв. кáрт*ами*). Если мы теперь возьмемъ такія слова, въ которыхъ ударенію предшествуютъ или слѣдуютъ за нимъ не два, а три слога, то третій слогъ передъ ударéніемъ будетъ нѣсколько сильнѣе втораго (напр. к*олок*олá), между тѣмъ какъ въ послѣударенной части слова оба внутренніе останутся слабѣйшими (напр. фóкус*ник*и). Необходимо замѣтить, что ослабленія въ неударяемыхъ слогахъ, происходящія въ тѣхъ или иныхъ положеніяхъ относительно ударенія, касаются не однихъ гласныхъ звуковъ, но также и согласныхъ тѣхъ же слоговъ, хотя въ общемъ ослабленіе согласныхъ въ разныхъ неударяемыхъ слогахъ не сопровождается особенно замѣтными качественными различіями. Нужно еще отмѣтить, что усиленіе ударяемаго слога влечетъ за собою ослабленіе неударяемыхъ слоговъ того же слова (очень наглядный примѣръ этого представляютъ разные случаи громкихъ выкрикиваній въ родѣ возгласа „извощикъ!“, въ которомъ неударяемые слоги на столько стушевываются, что нерѣдко слышится только одинъ ударенный слогъ). При этомъ ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ выражается не только въ уменьшеніи силы, но также и длительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіемъ тона. Но различія гласныхъ звуковъ въ ударяе-

мыхъ и разныхъ неударяемыхъ слогахъ слова не ограничиваются силою, высотою и длительностью, а представляютъ еще и качественныя особенности, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

Неударяемые гласные въ общепринятомъ правописаніи обозначаются тѣми же самыми начертаніями, какъ соотвѣтствующіе имъ ударенные, и такое ихъ обозначеніе объясняется тѣмъ, что правописаніе наше восходитъ ко временамъ, когда еще не произошло замѣтныхъ видоизмѣненій въ неударяемомъ вокализмѣ. Этимъ свойствомъ правописанія мы и воспользуемся при изученіи неударяемаго вокализма, а именно— мы будемъ разсматривать оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ, беря за основаніе орѳографическое обозначеніе. Такимъ образомъ, мы послѣдовательно разсмотримъ видоизмѣненія неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ современномъ правописаніи начертаніями *А* (*Я*), *О*, *Е*, *Ѣ*; что касается неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ посредствомъ *Ы*, *И*, *У*, то эти гласные, произносясь только при узкомъ раскрытіи рта, не представляютъ того разнообразія оттѣнковъ, какое имѣется при первыхъ вслѣдствіе ихъ способности къ измѣненію ширины раствора рта. Въ своихъ видоизмѣненіяхъ неударяемые гласные слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, состоящимъ въ томъ, что та или другая разновидность неударяемаго гласнаго свойственна лишь опредѣленнымъ положеніямъ въ словѣ. Слѣдя за такими видоизмѣненіями неударяемыхъ гласныхъ, можно установить въ словахъ живой литературной русской рѣчи слѣдующія четыре главныхъ положенія, изъ которыхъ два имѣютъ мѣсто передъ удареніемъ, а другія два послѣ ударенія: 1) положеніе гласнаго въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (CV | ′) [1]), 2) положеніе во второмъ

[1]) Въ приводимыхъ здѣсь формулахъ C = Consonans (т. е. согласный звукъ), V = Vocalis (т. е. гласный звукъ), вертикальная черта обозначаетъ дѣленіе на слоги, черточка (-) обозначаетъ слогъ, остающійся внѣ разсмотрѣнія, а знакъ ′ служитъ для обозначенія ударенаго слога въ словѣ.

слогѣ передъ удареніемъ (CV | - ¦ '), 3) положеніе послѣ ударенія внутри слова (' | CVC) и 4) положеніе неударенаго гласнаго въ концѣ слова (' | CV); при этомъ—какъ мы указывали—только въ слогѣ первомъ предъ удареніемъ гласный произносится довольно сильно, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ—болѣе или менѣе слабо. [1])

А (*Я*).

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласный *а* сохраняется, отражаясь какъ довольно сильное и не очень краткое *а*, напр. *сады́*, *кажу́*, *чудака́*, *забо́р* и т. п. Послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ произношеніи многихъ въ разсматриваемомъ положеніи вмѣсто *а* слышится звукъ близкій къ *э*, напр. п'ѣто́к (пятокъ), чѣсы́ (часы), шэл'і́т' (шалить) и т. п. При этомъ замѣтимъ, что шипящіе *ш* и *ж*, теперь твердые, нѣкогда произносились мягко, чѣмъ и объясняется то, что послѣ нихъ неударяемый гласный представляетъ такое же измѣненіе, какъ послѣ мягкихъ согласныхъ (впрочемъ, экскурсія гласнаго послѣ твердыхъ шипящихъ неодинакова съ экскурсіей того же гласнаго послѣ мягкихъ согласныхъ, такъ какъ съ отвердѣніемъ шипящихъ *ш* и *ж* экскурсія слѣдующаго гласнаго изъ мягкой перешла въ твердую).

---

[1]) Изслѣдуя оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ въ живой литературной рѣчи, нужно считаться съ возможностью *книжнаго вліянія на произношеніе*, происходящаго отъ привычки, выносимой изъ школы, произносить слова согласно съ правописаніемъ и не согласно съ естественнымъ выговоромъ. Въ школахъ, чтобы облегчить учащемуся изученіе правописанія, нерѣдко произносятъ слова такъ, какъ они написаны, вслѣдствіе чего у учащихся можетъ образовываться искусственное произношеніе. Это искусственное произношеніе можетъ существовать у индивидуума рядомъ съ обычнымъ; такъ, разговаривая обычнымъ (естественнымъ) произношеніемъ, онъ иногда будетъ выговаривать вопреки обычному произношенію, согласно съ орѳографическимъ обозначеніемъ. Книжное вліяніе на произношеніе представляетъ разнообразіе, у однихъ лицъ сказываясь сильнѣе, а у другихъ—слабѣе.

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ произносится гласный ъ (близкій къ слабому краткому ы), напр. зъд'ӕржа́т' (задержать), а послѣ мягкихъ согласныхъ—ь (гласный, близкій къ слабому краткому і), напр. р'ьдӕво́j (рядовой). [1]) Послѣ твердыхъ шипящихъ (*ш* и *ж*) слышится ъ, напр. шъра́во́j (шаровой), а послѣ мягкаго шипящаго (*ч*) слышится ь, напр. чьста́ко́л (частоколъ).

Послѣ ударенія внутри слова гласный отражается такъ же, какъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, т. е. въ видѣ ъ послѣ твердыхъ согласныхъ, напр. ма́лі́твъм'і́ (молитвами), лы́жъм (лыжамъ), и въ видѣ ь послѣ согласныхъ мягкихъ, напр. пр'ін'ьл (принялъ), ту́чьм (тучамъ). Во второмъ спряженіи въ 3 л. мн. ч. настоящаго времени, въ случаѣ неударяемости окончаній, вм. *-атъ* и *-ятъ* обыкновенно слышится *-утъ* и *-ютъ* (напр. въ формахъ слыш*атъ*, пуст*ятъ*), но это—не фонетическое измѣненіе, а подстановка другаго окончанія по аналогіи къ первому спряженію.

Послѣ ударенія въ концѣ слова разсматриваемый гласный сохраняется, отражаясь въ видѣ довольно слабаго *а*, какъ послѣ твердыхъ согла́сныхъ, такъ и послѣ мягкихъ: ры́б*а*, слов*а* (Род. ед.), учён*ья* (Род. ед.), зна́*я*, ви́д*я*. Въ И. В. мн. именъ средняго рода, въ случаѣ неударяемости окончанія, въ живой рѣчи обыкновенно слышится на концѣ *-ы* или *-и* вм. *-а* или *-я*, напр. въ формахъ—пи́сьм*а*, ру́ж*ья*; но это по аналогіи къ соотвѣтствующимъ падежнымъ формамъ другихъ родовъ.

---

[1]) Сродство твердыхъ согласныхъ съ гласнымъ *ы* и мягкихъ съ *і* подтверждается наблюденіями при первоначальномъ обученіи чтенію по звуковому способу: повторяя произнесенный учителемъ твердый согласный звукъ въ отдѣльности, ученики нерѣдко выговариваютъ его въ сопровожденіи гласнаго *ы*, напр. *пы* вм. *п* и т. д., подобно тому какъ при мягкомъ согласномъ является у нихъ нерѣдко призвукъ *і*. Такимъ образомъ, указываемое измѣненіе въ ъ и ь является результатомъ аккоммодаціи неударяемаго гласнаго къ предшествующему согласному, т. е. произошло въ направленіи удобства произношенія.

О.

Отраженія или рефлексы гласнаго *о* въ слогахъ неударяемыхъ (какъ передъ ударе́ніемъ, такъ и послѣ ударенія) совпадаютъ съ рефлексами гласнаго *а* въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ въ соотвѣтствующихъ слогахъ (впрочемъ съ нѣкоторою особенностью для слога непосредственно предшествующаго ударенному).

Въ слогѣ первомъ *передъ ударе́ніемъ* орѳографическому *о* соотвѣтствуетъ въ общерусскомъ произношеніи *а* (если говоръ вполнѣ акающій) и å (если говоръ умѣренно-акающій), напр. сåл'і́т' (*со*лить), вåз'і́т' (*во*зить), сåва́т' (*со*вать) и т. п.

Во второмъ слогѣ передъ ударе́ніемъ слышится ъ: гълъ́ва́ (голова), търгъва́т' (*тор*говать) и т. п., также и *послѣ ударе́нія* внутри слова: спо́ръф (*спо*ровъ), хо́лъда́ (*хо*лода), до́бръва́ (*добра́го*) [1])... Въ этихъ неударяемыхъ положеніяхъ смѣшивается произношеніе не только орѳографическихъ *О* и *А* (напр. въ словахъ „ка́пать“ и „ла́поть“ одинаково въ неударяемомъ слогѣ слышится ъ), но еще и *Ы* (срв. выбы́ть).

Въ неударяемомъ концѣ слова слышится ă: ма́лă (*мало*), д'ѣ́лă (дѣ́ло), сло́вă (*сло*во)... Мы видимъ, что окончаніе И. ед. въ существительныхъ средняго рода въ случаѣ неударенности совпадаетъ въ произношеніи съ окончаніемъ женскаго рода, срв. сла́вă (сла́*ва*).

Е.

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, орѳографическое *е* произносится какъ открытое или ши-

---

[1]) Въ этомъ примѣрѣ имѣемъ случай, гдѣ орѳографія не указываетъ на основной звукъ, такъ какъ тутъ имѣется церковно-славянское написаніе окончанія (-аго); въ русскомъ же языкѣ—нѣсколько другое окончаніе, какъ можно видѣть изъ случаевъ, когда оно сопровождается ударе́ніемъ, какъ напр. с'л'ѣпо́вă (слѣпаго), откуда заключаемъ, что въ основаніи разсматриваемаго неударяемаго гласнаго лежитъ гласный *о*.

рокое *е* (æ) передъ твердыми согласными и какъ закрытое или узкое *е* (є) передъ мягкими, напр. чæвó (чего), н'æсý (несу) || н'єд'є́л'ă (недѣля), п'єча́л' (печаль). Не трудно замѣтить, что въ данномъ неударяемомъ положеніи произношеніе орѳографическаго *е* совпадаетъ съ произношеніемъ орѳографическаго *А* (*Я*), когда послѣднѣе выговаривается какъ *е* послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи (срв. чæсы́, п'єт'і́).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, а также послѣ ударенія внутри слова, обычнымъ отраженіемъ орѳографическаго *Е* служитъ слабый гласный, близкій къ *і* и обозначаемый нами черезъ ъ, напр. н'ъс'æна́ (несена), вын'ъсý (вынесу); послѣ же твердыхъ шипящихъ (*ж*, *ш*) видимъ ъ, напр. жъс'т'ано́j (жестяной). Такимъ образомъ, въ данныхъ положеніяхъ произношеніе орѳографич. *Е* совпадаетъ съ произношеніемъ *А* (*Я*) въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ (срв. п'ътачо́к, чъста̊ко́л, шъра̊во́j). Кромѣ того сходнымъ образомъ звучитъ въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ и гласный *И*, такъ что напр. слова̀ „будетъ“ и „будитъ“ слышатся одинаково въ видѣ—бу́д'ьт.

Въ концѣ слова *е* сохраняется въ видѣ открытаго *е*, произносимаго кратко и слабо, напр. по́л'æ (поле) и т. п. Если же въ произношеніи многихъ можно слышать по́л'ă и т. п., то остается неяснымъ, имѣется ли въ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическое измѣненіе, или же вліяніе аналогіи со стороны соотвѣтствующаго твердаго склоненія, напр. д'ǽлă (дѣло).

Ѣ.

Орѳографическое *Ѣ* отражается въ неударяемыхъ положеніяхъ одинаково съ орѳ. *Е*, напр. цæна́ (цѣна), цен'іт' (цѣнить); д'ъла̊во́j (дѣловой), цъла̊ва́т' (цѣловать); вы́б'ъл'ьт' (выбѣлить), вы́цъд'іт' (выцѣдить); ры́б'æ (рыбѣ). Нужно замѣтить только о положеніи въ концѣ слова, что тутъ под-

становки по аналогіи въ области окончанія *Ѣ* могутъ быть иныя, чѣмъ у *Е*.

Разсмотрѣвъ неударяемые гласные въ различныхъ положеніяхъ, мы должны теперь коснуться еще нѣкоторыхъ особенностей, наблюдаемыхъ въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Эти особенности сводятся къ случаямъ *приглушенія* и *исчезновенія* слабыхъ гласныхъ и рѣже—*зарожденія* новыхъ слабыхъ гласныхъ, а также къ возникновенію *слогообразующихъ согласныхъ*, при чемъ всѣ эти явленія, какъ увидимъ дальше, тѣсно связаны между собою.

1) Приглушеніе гласныхъ зависитъ отъ того, что иногда въ томъ или другомъ слабомъ неударенномъ положеніи гласный становится на-столько слабымъ, что, находясь между глухими согласными, можетъ въ разговорной рѣчи утрачивать и свою звучность, становясь шепотнымъ или же глухимъ; срв. въ конечномъ закрытомъ неударенномъ слогѣ—шæснáт̄ц̆ът' (шестнадц*ать*), тутх̆ът' (тутъ-х*оть*), во второмъ слогѣ передъ удареніемъ—къс'т'ænój (костяной), пътâмý (потому) и даже изрѣдка въ конечномъ открытомъ слогѣ, напр. д'ɐр'óт̄ц̆ă (дерет*ся*), вгóс'т'ъ (въ-гост*и*). На этихъ же примѣрахъ мы можемъ наблюдать, на-сколько можетъ стушевываться при ослабленіи неударенныхъ слоговъ граница между гласными (рто-раскрывателями) и согласными (рто-смыкателями), такъ какъ тѣ и другіе въ этихъ случаяхъ произносятся уже почти при одинаково-индифферентномъ раскрытіи рта.

2) Исчезновеніе слабыхъ неударяемыхъ гласныхъ наблюдается главнымъ образомъ во внутреннихъ открытыхъ послѣударенныхъ слогахъ, когда слѣдующій слогъ начинается плавнымъ или придувнымъ согласнымъ; при этомъ условіи слабые гласные не только доходятъ до своего minimum'а, но иногда даже совсѣмъ пропадаютъ, такъ что раздѣлявшіеся ими согласные оказываются теперь въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ уменьшеніе числа слоговъ въ словѣ и перемѣщеніе слоговой границы.

Примѣры: jíс | пъ | дъ | вьл' (исподоволь)→jíс | пьд | вьл'; жа́ | въ | ръ | нък (жаворонокъ)→жа́в | ръ | нък; [1]) на́ | въ | лъч | кă (наволочка)→на́в | лъч | кă; здрасс̄т'ъ (здравствуйте).

Примѣчаніе. Обратный процессъ, т. е. зарожденіе новыхъ слабыхъ гласныхъ между двумя согласными наблюдается гораздо рѣже и носитъ преимущественно индивидуальный характеръ. Это явленіе обычно встрѣчается во второмъ слогѣ передъ ударенiемъ и зависитъ отъ того, что нѣкоторыя лица недостаточно тѣсно сливаютъ соприкасающіеся согласные, благодаря чему между послѣдними слышится минимальный гласный, т. е. ъ или ь, напр. гър'ɛчу́шнj, съмаро́д'ьнă, къвар'т'ірă и т. п.

3) Ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ во внутреннихъ послѣударенныхъ слогахъ слѣдуетъ нѣсколько другому пути, когда данный слогъ начинается плавнымъ или носовымъ согласнымъ, а слабый неударяемый гласный, слѣдуя за плавнымъ или носовымъ согласнымъ, сопровождается или тѣмъ же согласнымъ, или же согласнымъ близко родственнымъ по артикуляціи съ первымъ согласнымъ. Въ этомъ случаѣ гласный уже не произносится, а предшествующій согласный, соотвѣтственно удлиняясь, принимаетъ на себя функцію цѣлаго слога или—какъ иначе выражаются—становится слогообразующимъ, напримѣръ с'т'ɛпа̄н̄ă (Степановна), хо̄л̄дă (холода), т'а̄н̄'т (тянетъ). Однако если согласный, слѣдующій за редуцированнымъ гласнымъ, не достаточно близокъ по своей артикуляціи къ плавному или носовому, то такого явленія можетъ не произойти и между согласными будетъ слышаться минимальный гласный, срв. жо́лъбă, т'а́н'ьш. Слогообразующими могутъ становиться и другіе согласные, но лишь въ томъ случаѣ, когда слабый гласный сопровождается тѣмъ же самымъ согласнымъ, напр. новв̄ă (новаго), вы̄с̄ълă (высосала), ɛ́т̄та (это-то). Такіе же случаи могутъ встрѣчаться въ слабомъ слогѣ также и предъ ударенiемъ, напр. х̄ха̄та́л.

---

[1]) Въ стихахъ и баснях̀ъ можно встрѣтить и написаніе «жавронокъ».

Результаты нашего разсмотрѣнія неударяемаго вокализма можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Ударяемые гласные и ихъ орѳографическое обозначеніе.	Неударяемыя положенія гласныхъ и примѣры.			
	CV | ′	CV | - | ′	′ | CV	′ | CVC
á *А (Я)*	а (ə) сады́ (*сады*) р'аб᷈ój и р'æб᷈ój (*рябой*) шал'іт' и шɛл'іт' (*шалить*)	ъ, ь стър'ікý (*старику*) п'ътач᷈ók (*пятачекъ*)	ъ, ь плáкът' (*плакать*) с'ɛ́јът' (*сѣять*)	ă лáпă (*лапа*) вóл'ă (*воля*)
ó *(О)*	å (а) вå дá (*вода*)	ъ бърå нá (*борона*)	ъ р'áдъм (*рядомъ*)	ă с'л'æпă (*слѣпо*)
’ó или é *(Е)*	æ, ɛ м'æту́ (*мету*) м'ɛт'óш (*метешь*) шɛс'т'і (*шести*)	ь, ъ м'ът'æнá (*метена*) жъс'т'анój (*жестяной*)	ь, ъ пó л'ъм (*полемъ*) лóжъм (*ложемъ*)	ӕ̆ (ă) пóл'ӕ̆ (*поле*) лóжӕ̆ (*ложе*)
ӕ́ или é *(Ѣ)*	æ, ɛ с'æкý (*сѣку*) с'ɛк'і (*сѣки*)	ь, ъ б'ъгунá (*бѣгуна*) цълåвáт' (*цѣловать*)	ь, ъ в'ід'ъл (*видѣлъ*) вы́цъд'ът' (*выцѣдить*)	ӕ̆ лáп'ӕ̆ (*лапѣ*) пт'іцӕ̆ (*птицѣ*)

Разсматривая всѣ гласные, какіе встрѣчаются въ каждомъ положеніи относительно ударенія (т. е. читая предложенную таблицу сверху внизъ), мы легко замѣтимъ, что самое

большое разнообразіе гласныхъ наблюдается въ слогѣ ударенномъ, гдѣ могутъ встрѣчаться всѣ основные гласные, т. е. *а*, *о*, *æ*, *є*, *у*, *ъ*, *і*; нѣсколько меньшее разнообразіе представляетъ слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, гдѣ встрѣчаются всѣ гласные за исключеніемъ *о*, вмѣсто котораго произносится *å* или *а*; затѣмъ слѣдуетъ положеніе неударяемыхъ гласныхъ въ концѣ слова, гдѣ также встрѣчаются всѣ гласные кромѣ *о*, но за то они въ этомъ положеніи выговариваются слабо и при индифферентномъ растворѣ рта, такъ что различія ихъ выступаютъ съ малою рельефностью; самое же малое разнообразіе гласныхъ видимъ въ слогѣ второмъ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова, это —слоги индифферентныхъ гласныхъ *ъ* и *ь*, въ которыхъ смѣшиваются (конвергируютъ) весьма разнообразные основные гласные. [1])

Если мы будемъ теперь слѣдить за отраженіями каждаго орѳографическаго гласнаго въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (т. е. читать приведенную таблицу слѣва на право), то можемъ легко подобрать примѣры на „чередованія“ ударяемыхъ гласныхъ съ гласными неударяемыми (въ родственныхъ словахъ), напр.:

А (*Я*): с*а́*т (садъ) || с*а*ды́ || съдâвój || вы́сд'іт'; р'*а́*т (рядъ) || р'*а*ды́ или р'æды́ || р'ъдâвój || пóд-р'ът (пóдъ-рядъ);

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что смѣшеніе неударяемыхъ орѳографическихъ гласныхъ въ послѣударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ значеніе и примѣненіе въ стихотворныхъ риѳмахъ.

Знакомство съ особенностями неударяемаго вокализма важно для школьнаго учителя, чтобы онъ могъ сознательнѣе относиться къ ученическимъ ошибкамъ при письмѣ. Естественно, что тамъ, гдѣ произношеніе согласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ, и учащійся напишетъ правильно; отступленія будутъ тамъ, гдѣ произношеніе и правописаніе расходятся, ср. напр. малограмотныя ученическія написанія «*заи*цъ», «на масл*и*ницѣ», «клан*ы*ца», «суставч*а*тыхъ», «послушы*л*а».

О: го́т (годъ) || га̊да́ || гъда̊во́j || по́лгъда;
Е: н'о́с (несъ) и н'е́с'т' (несть вм. нести) || н'æсу́ и н'ес'і́ || н'ъс'æна́ || вы́н'ъсу;
Ѣ: б'ǽлъj (бѣлый) и б'е́л' (бѣль) || б'æло́ и б'ел'і́т' || б'ъл'ізна́ || вы́б'ъл'ът.

Теперь мы разъяснимъ соотношеніе между неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями. Такъ какъ въ словахъ морфологическія части слѣдуютъ одна за другою въ опредѣленномъ порядкѣ (Преф. + Корень + Суф. + Окон.), то каждая изъ нихъ имѣетъ свою область или районъ неударяемыхъ положеній (объ ударяемомъ положеніи мы не будемъ особо говорить, лишь отмѣтимъ, что каждая морфологическая часть можетъ быть въ этомъ положеніи).

а) *Корень* въ словахъ способенъ имѣть наибольшее разнообразіе неударяемыхъ положеній, какъ это можно видѣть изъ только что приведенныхъ примѣровъ чередованій, которые всѣ относятся къ корню; только одно неударяемое положеніе не свойственно корню, а именно—гласный корня не можетъ оканчивать собою слово, такъ какъ всякое слово замыкается окончаніемъ.

б) *Суффиксъ*, слѣдуя за корнемъ и предшествуя окончанію, можетъ находиться въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ, какъ и корень, кромѣ одного положенія, а именно—онъ не встрѣчается во второмъ слогѣ передъ ударе́ніемъ. Примѣры: звъна́р' (звонарь) || звънар'а́ (суффиксъ въ первомъ слогѣ передъ ударе́ніемъ), па́хър', па́хър'ă (гласный суффикса находится послѣ ударенія внутри слова).

в) Что касается крайнихъ морфемъ въ словѣ (т. е. префикса и окончанія), то неударяемый *префиксъ*, начиная слово, можетъ занимать только положеніе передъ ударе́ніемъ, напр. преф. *за*: задáмъ (префиксъ въ первомъ слогѣ передъ ударе́ніемъ) || зъдана́ (префиксъ во второмъ слогѣ передъ ударе́ніемъ); отступленіе составляетъ тотъ рѣдкій случай, когда

слово начинается двумя префиксами и ударе́ніе приходится на первомъ изъ нихъ, вслѣдствіе чего второй префиксъ будетъ находиться уже за ударе́ніемъ внутри слова, напр. вы́пръвъд'ьт' (выпроводить).

г) Въ противоположность префиксу, неударяемое *окончаніе*, какъ послѣдняя морфологическая часть слова, необходимо находится въ послѣударенномъ отдѣлѣ слова, напр. въ словахъ: палк*а*, палк*ами*.

Разъясненное соотношеніе между разными неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями словъ [1]) можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

	Преф.	Кор.	Суф.	Оконч.
' | CV				па́лка
' | CVC		по́лгода	сто́ликъ	па́лкамъ
V́	за́далъ	го́да	голо́къ	рука́
CV | '	зада́мъ	года́	голика́	
CV | - | '	задана́	годово́й		

[1]) Это соотношеніе не будетъ одно и то же при разныхъ системахъ ударе́нія; такъ, въ литерат. франц. языкѣ, гдѣ ударе́ніе всегда падаетъ на послѣдній слогъ въ словѣ, окончанія естественно не могутъ быть неударенными; напротивъ того, въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ ударе́ніе корневое, суффиксы и окончанія всегда занимаютъ послѣударное положеніе; изъ славянскихъ языковъ чешскій имѣетъ ударе́ніе на начальномъ слогѣ, а потому также не имѣетъ ударяемыхъ суффиксовъ и окончаній; въ польскомъ языкѣ, гдѣ ударе́ніе падаетъ всегда на предпослѣдній слогъ, окончанія сопровождаются ударе́ніемъ только въ томъ случаѣ, когда они двусложны, но за то уже необходимымъ образомъ.

Чтобы показать отраженіе неударяемыхъ гласныхъ въ связной рѣчи, далѣе приводится небольшой текстъ (басня „Двѣ бочки“) въ научно-фонетической транскрипціи, при чемъ слова слитно произносимыя и написаны какъ одно слово:

д'в'æбóчк'ь

д'в'ǽ бóчк'і jǽхъл'ъ å̊днá с'в'інóм другájа пустájа вотп'ǽрвъjа с'єб'ǽ б'æшшýмў шашкóмпл'єт'óтцă другája фскáчн'єс'óтцă åтн'ɛ́j пъмъстå̊вój jістўкåт'н'á jігрóм jіпы́л' стå̊лбóм прåхóжъjкстърåн'ǽ скå̊р'ɛ́j åтстрáху жм'óтцă jɛjó-заслы́шъфшъ jіздɪл'æкá нò кáк та бóчка н'ìгрå̊мкá апóл'за вн'ɛ́j н'æтáк какф'п'ǽрвъj в'ъл'ікá

II. **Измѣненіе орѳогр.** *е* **въ** *ё*. Переходя отъ неударяемыхъ гласныхъ къ ударяемымъ, мы прежде всего замѣтимъ, что послѣдніе въ общерусской рѣчи почти не измѣняются, всегда соотвѣтствуя своему орѳографическому обозначенію, за исключеніемъ ударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ правописаніи черезъ *Е*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ. Эта буква въ орѳографіи въ положеніи передъ твердыми согласными, а также въ концѣ обозначаетъ гласный звукъ *о́*, которому всегда предшествуетъ мягкій согласный (за исключеніемъ отвердѣвшихъ согласныхъ *ш*, *ж* и *ц*), а въ положеніи передъ мягкими согласными произносится какъ узкое или закрытое *е*; напр.: пекъ=п'о́к, елка=jо́лка, мытье=мыт'jо́; [1])

[1]) Привычка къ орѳографическому обозначенію такого о́ посредствомъ буквы *е* (или *ё*) можетъ помѣшать иному слышать въ такихъ случаяхъ гласный о́, вмѣсто котораго ему будетъ казаться какой-то особый гласный; а между тѣмъ при начальномъ обученіи грамотѣ, т. е. когда у учащихся еще не укрѣпилась привычка къ буквѣ, послѣдніе, если имъ произнести подобныя слова и спросить, какой гласный въ нихъ слышится, всегда называютъ *о*. Малограмотныя лица въ этихъ случаяхъ иногда и пишутъ *о*; ничѣмъ не отмѣчая мягкость предшествующаго согласнаго или же согласный j, напр.: пъотъ (т. е «пьетъ»), недаотъ (*о*=j*о*), объомъ (=объ ёмъ, т. е. «объ немъ»). Такого рода написанія попадаются изрѣдка и въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. рубл въ и т. п.

п'ѣн'=пень, jѣл'=ель. Гласный *о* въ такихъ случаяхъ, какъ п'о́къ (пекъ), м'о́л (мелъ), не можетъ считаться первичнымъ и произошелъ изъ *е*, что̀ подтверждаютъ: 1) правописаніе, 2) родственныя слова, въ которыхъ произносится *е* (печь, мести) и 3) физіологическая особенность такого *о*, заключающаяся въ томъ, что ему предшествуетъ мягкій согласный, тогда какъ самъ по себѣ гласный *о* не можетъ смягчить предшествующаго согласнаго, ибо въ образованіе гласнаго *о* не привходитъ приближеніе *средней* части языка къ небу; это заставляетъ предположить, что *о* въ этомъ случаѣ не исконное, а развилось изъ палятальнаго, смягчающаго гласнаго, именно —*е*, начертаніе котораго и видимъ въ орѳографіи.

Такія чередованія, какъ jѣл' (ель) || jо́лкă (елка) и т. п., съ наглядностью показываютъ, что здѣсь измѣненіе 'е→'о произошло подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго въ соединеніи съ ударенностью.[1]) Но въ такомъ случаѣ остается не разъясненнымъ, какъ получилось конечное *о́* вмѣсто конечнаго *е́*, т. е. когда не было на лицо столь существеннаго для даннаго измѣненія фактора, какъ твердость слѣдующаго согласнаго. Какъ увидимъ, есть нѣкоторыя данныя, намекающія на участіе *аналогіи* въ возникновеніи этого явленія. Такъ, въ разговорномъ языкѣ мы встрѣчаемъ двоякое произношеніе частицы уже́ || ужо́ (послѣднее съ измѣненнымъ значеніемъ): можно думать, что въ первомъ случаѣ (уже́) частица удержала первоначальное произношеніе, а во второмъ случаѣ (ужо́) видоизмѣнилась по аналогіи къ нарѣчіямъ на -о́ (напр. срв. давно);[2]) другое подтвержденіе даютъ нѣкоторые народные говоры Новгородской губерніи, въ которой мѣстами—по

---

[1]) Въ окающихъ народныхъ говорахъ данное явленіе наблюдается также въ *достаточно сильныхъ неударяемыхъ положеніяхъ* передъ твердыми согласными, напр. н'осу́ || н'єс'і и т. п.

[2]) Въ народномъ языкѣ форма «ужо́» встрѣчается и въ первомъ значеніи; срв. въ бѣлор.: «ну, цяперь *ужо* идзи зы мяне!» (Романовъ, Бѣлор. Сбор. IV 87—с. Узкое, Велиж. у., Витеб. губ.).

словамъ Даля—наблюдается произношеніе *кольцé*, *хорошé*; въ этой особенности можно видѣть отраженіе старины, удержавшейся благодаря тому, что не произошло распространеніе по аналогіи окончанія *-о́*. Впрочемъ, кромѣ аналогіи можно допустить участіе *фонетическаго* фактора въ случаѣ, когда къ слову примыкало энклитическое (безударное) словечко, начинавшееся твердымъ согласнымъ, какъ напр. частицы *-бы* или *-бъ*, *-жо* или *-тко*, а при существительныхъ членъ *-то*, и такимъ образомъ гласный изъ положенія въ концѣ слова переходилъ въ положеніе внутри слова при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Въ этомъ положеніи уже онъ могъ измѣняться въ *'о́*, а затѣмъ этотъ гласный *по аналогіи* сталъ употребляться въ тѣхъ же формахъ и независимо отъ указаннаго спеціальнаго условія. На возможность такого объясненія указываетъ то, что членъ еще издавна въ русскомъ языкѣ примыкаетъ энклитически къ существительному, въ пользу чего приведемъ доказательство въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 85, сноска).

Окончивъ изложеніе вопроса о появленіи конечнаго *'о́* вмѣсто *'е́*, мы обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей и частностей измѣненія *'е́* въ *'о́* передъ согласнымъ в н у т р и слова. Эти особенности и частности сводятся къ разъясненію слѣдующихъ случаевъ: а) ударяемое орѳограф. *Е* не имѣетъ ожидаемаго произношенія *'о́*, хотя далѣе слѣдуетъ твердый согласный и б) произносится какъ *'о́* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ.

а)

1) Произношеніе орѳ. *Е* какъ *'е́*, а не какъ *'о́* имѣетъ мѣсто передъ твердымъ согласнымъ *ц* (напр. а̊т'э̊ц=отецъ, а̊в'э̊ц=овецъ и т. п.). Эту кажущуюся странность не трудно понять, если обратимъ вниманіе на то, что въ русскомъ языкѣ *ц* прежде было мягкимъ, да и теперь еще сохраняется такимъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ. Необходимо принять, что *процессъ измѣненія 'е́→'о́ совершался въ то время*,

когда ц произносилось во всѣхъ русскихъ говорахъ мягко, а потому *'é* въ положеніи передъ *ц* не могло быть захвачено этимъ измѣненіемъ; хотя послѣ этого *ц* и отвердѣло, но уже процессъ измѣненія *'é* →*'ó* миновалъ, такъ что отвердѣніе *ц* могло теперь вызвать только измѣненіе рекурсіи предшествующаго гласнаго изъ мягкой въ твердую, благодаря чему *е* получило передъ *ц* открытое или широкое произношеніе.[1]) Подобнымъ же образомъ объясняется произношеніе *'ѣ* (=орѳ. *Е*) передъ нѣкоторыми группами согласныхъ, гдѣ первый согласный былъ сначала мягкимъ и сравнительно поздно отвердѣлъ, какъ напр. въ словахъ з'ѣмскъј (*земскій*), п'ѣрвъј (*первый*), в'ѣрбꙋ (*верба*) и т. п.; въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ еще и теперь согласный, слѣдующій за *е* въ этихъ словахъ, произносится мягко.

2) Орѳографич. ударяемое *Е* произносится какъ *'ѣ* передъ твердыми согласными въ *предлогахъ* и *префиксахъ*, напр. б'ѣзгъдꙋ (*безъ году*), б'ѣстълъч (*безтолочь*), н'ѣбъл (*не былъ*), н'ѣнъв'ьс'т' (*ненависть*). Здѣсь могла вліять аналогія тѣхъ случаевъ, гдѣ за предлогомъ или префиксомъ слѣдовалъ мягкій согласный (напр. невидаль) и слѣдовательно не могло развиваться *'о*, а также отчасти можно предполагать сравнительно позднее передвиженіе ударенія на предлогъ или префиксъ, т. е. въ то время, когда въ языкѣ уже миновала эпоха измѣненія *'é* въ *'ó*.

3) Теперь мы укажемъ особую группу словъ, гдѣ орѳографическое ударяемое *Е* передъ твердымъ согласнымъ также имѣетъ произношеніе *'ѣ*, напр.: п'ѣрст (*перстъ*), кр'ѣст (*крестъ*), в'ѣтхъј (*ветхій*), чуд'ѣс (*чудесъ*), суд'ѣп (*судебъ*). Особенность произношенія этихъ словъ объясняется тѣмъ, что они заимствованы въ русскій языкъ изъ *церковно-славянскаго*, въ которомъ—какъ извѣстно—буква *е* никогда не вы-

[1]) Едва ли не единственный случай гласнаго *'ó* передъ *ц* имѣется въ словѣ кл'óцка (клецка), но это слово не природное русское, а заимствованное изъ нѣмецкаго Kloss, откуда уменьшительное Klöschen.

говаривается какъ *ё*, а только какъ *е*. Въ самыхъ словахъ мы можемъ открыть нѣкоторые признаки церковно-славянскаго вліянія. Это прежде всего—оттѣнокъ значенія церковный или книжный (срв. выраженія—„ветхій завѣтъ“, „перстъ Божій“, „книга судебъ“ и т. п.), а затѣмъ—рядомъ съ этими словами обычно имѣются и природныя русскія съ гласнымъ ’о́ и съ обыденнымъ значеніемъ, напр. нап’о́рстък (наперстокъ), кр’о́снъj (крестный), в’о́тъш (ветошь) || в’я́тъш.

4) Въ словахъ *иностранныхъ* тоже ударяемое орѳограф. *Е* передъ твердыми согласными имѣетъ произношеніе ’я́, напр. план’я́та (планета), къвал’е́р (кавалеръ) и мн. др. Въ этомъ случаѣ заимствованныя слова произносятся съ тѣмъ ударяемымъ гласнымъ, какой имѣется въ иностранномъ языкѣ. Произношеніе *е* какъ ё въ такихъ словахъ, какъ *гувернеръ*, *актеръ* и т. д., не является исключеніемъ отсюда, такъ какъ это—слова французскаго происхожденія, а во французскомъ въ нихъ произносится гласный ö, изображаемый въ орѳографіи начертаніемъ *еи*.

5) Наконецъ, мы должны указать еще рядъ словъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* не произносится какъ ’о́ передъ твердыми согласными потому, что это начертаніе ошибочно утвердилось въ орѳографіи вмѣсто *Ѣ*, которому не свойственно произношеніе ’о́, напр. блескъ, вредъ, запретъ, мелкій, треба, членъ, брегъ и т. п. (сюда же относится неударяемое *е* въ словѣ „песокъ“); въ старо-славянскихъ памятникахъ соотвѣтствующія слова дѣйствительно пишутся черезъ ѣ, напр. блѣскъ, врѣдъ, пѣсъкъ и т. п.

Примѣчаніе. Въ новомъ церковно-славянскомъ языкѣ приведенныя слова пишутся уже черезъ є, т. е. одинаково съ русскимъ правописаніемъ, напр.: блéскъ, врéдъ, запретúти, трéбю, брéгъ, песóкъ и т. д. Подобное совпаденіе орѳографіи ново-церковно-славянской съ русскою объясняется продолжительностью взаимодѣйствія и естественно приводитъ къ тому педагогическому выводу, что въ средней школѣ долженъ изучаться именно современный церковно-славянскій языкъ, а не старо-славянскій, изученіе

котораго должно быть отнесено къ спеціальному высшему образованію, хотя элементарное знакомство съ нимъ можетъ быть даваемо въ старшихъ классахъ средней школы. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что читавшіе въ дѣтствѣ церковныя книги обычно вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ навыкъ и въ русской орѳографіи съ ея особенностями (напр. ихъ не затрудняетъ правописаніе буквъ *ъ* и *е*, которое принято считать самымъ труднымъ пунктомъ нашей орѳографіи); образованіе такихъ навыковъ можетъ происходить двумя путями—посредствомъ зрительныхъ воспріятій и посредствомъ воспріятій слуховыхъ: первое напр. относится къ буквамъ *ъ* и *е*, а второе (благодаря тому обстоятельству, что церковно-славянскія книги требуется читать буква въ букву) должно напр. препятствовать смѣшенію начертаній *о* и *а*, *е* и *и* и т. п. при обозначеніи ими неударяемыхъ гласныхъ. Не даромъ Ломоносовъ, излагая въ Россійской грамматикѣ правила правописанія, замѣтилъ: «для избѣжанія сихъ погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилѣжнаго ученія Россійской грамматѣ, и ч т е н і я к н и г ъ ц е р ь к о в н ы х ъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ» (§ 116, см. также § 117).

б)

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* имѣетъ произношеніе *'о́* не смотря на то, что слѣдующій согласный мягокъ. Всѣ эти случаи объясняются *аналогіей*. Такъ, напр. отъ слова „береза“ въ Д. Пр. ед. ожидалось бы произношеніе бєрé́з'ѣ (березѣ), такъ какъ тутъ за ударенымъ *е* слѣдуетъ мягкій согласный (з') и стало быть *'е́* не должно было измѣниться въ *'о́*, однакожъ приведенная форма выговаривается съ гласнымъ *'о́*. Эта странность объясняется слѣдующимъ образомъ. Всматриваясь въ склоненіе слова „береза“, не трудно замѣтить, что во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ лишь приведенныхъ, согласный *з* остается твердымъ, а потому передъ нимъ и ударяемый гласный *'е* измѣнился въ *'о*, а затѣмъ по *аналогіи* и въ Д. и Пр. ед. явилось тоже *'о*, т. е. бєр'о́з'ѣ вм. бєр'е́з'ѣ.

Другой случай произношенія *'о́* вм. *'е́* мы имѣемъ въ окончаніи Тв. ед. именъ ж. р. на *-я*, напр. з'ємл'о́ю́ (землею), по аналогіи къ окончанію того же падежа въ твердомъ склоненіи (напр. женою). Въ области спряженія аналогіей объ-

ясняется произношеніе *'ó* передъ *те* во 2 мн., напр. н'єс'от'ѣ́ (несете) ↑ къ н'єс'о́м (несемъ), н'єс'о́т (несетъ).

Нужно еще указать на появленіе гласнаго *'ó* вм. *é* передъ мягкими согласными въ словахъ производныхъ, по аналогіи къ производящимъ, напр. въ *существ.*—кул'о́чьк (кулечекъ)↑ кул'о́к (кулекъ), рубл'ов'ък (рублевикъ) ↑ къ рубл'о́въj (рублевый); въ *прилагат.*—зелёненькій ↑ къ зелёный, весёленькій ↑ къ весёлый.

Намъ осталось теперь упомянуть, что и ударяемое орѳограф. *Ѣ*, обычно звучащее въ положеніи передъ твердыми согласными и также въ концѣ словъ какъ ѣ́, т. е. какъ широкое или открытое э, а въ положеніи передъ мягкими согласными какъ узкое или закрытое э (напр. пѣлъ=п'ѣ́л, ѣл==jѣ́л, рукѣ=рук'ѣ́; пѣли=п'є́л'і, ѣли=jє́л'і) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ произносится какъ *о*, при чемъ почти всѣ они объясняются аналогіей. Такъ, аналогіей объясняется произношеніе з'в'о́зды (множ. отъ „звѣзда“):

с'л'ѣзá (слеза) : с'л'о́зы (слезы)=з'в'ѣздá (звѣзда) : *x*
x=з'в'о́зды.

Аналогіей же объясняется произношеніе *'ó* на мѣстѣ *ѣ* въ словахъ: гнѣзда (↑ къ рёбра), надѣванъ (↑ къ воёванъ), прош. вр. пріобрѣлъ (↑ къ мёлъ), област. бѣгъ (↑ къ тёкъ). Произношеніе же цв'о́л (цвѣлъ) и с'о́длă (сѣдла) объясняется иначе, а именно тѣмъ, что въ этихъ словахъ начертаніе *Ѣ* утвердилось въ орѳографіи ошибочно вм. *Е*, какъ это видно изъ написаній тѣхъ же словъ въ старо-славянской письменности: цвѣлъ, сѣдло; въ русскомъ языкѣ въ этихъ словахъ стало писаться *Ѣ* по аналогіи къ написаніямъ „цвѣтъ“ и „сѣсть“, такъ что здѣсь имѣется графическая аналогія, т. е. аналогія въ области письма. Вообще же орѳограф. *Ѣ*, въ отличіе отъ орѳогр. *Е*, не измѣнялось фонетически въ *'о*, откуда получается тотъ хронологическій выводъ, что *про-*

цессъ измѣненія 'е въ *'о начался въ то время, когда звуки орѳографическихъ Е и Ѣ различались въ произношеніи.*

Скажемъ въ заключеніе, что выясненіе особенностей произношенія ударяемыхъ орѳогр. *Е* и *Ѣ* весьма важно не только для фонетики, но также и для пониманія русской орѳографіи; поэтому мы и сочли нужнымъ остановиться съ бо́льшими подробностями на данномъ вопросѣ. [1])

III. **Бѣглые гласные.** Нѣкоторые гласные русскаго языка имѣютъ свойство въ извѣстныхъ положеніяхъ исчезать. Такіе гласные называются бѣглыми въ отличіе отъ постоянныхъ. Постоянными гласными могутъ быть всѣ орѳографическіе гласные, бѣглыми же только орѳографическіе *Е* и *О* въ опредѣленныхъ словахъ. Заслуживаетъ вниманія, что постоянные орѳографическіе *О* и *Е* въ старо-славянской письменности обозначаются начертаніями о и є, напр. пророкъ—пророку || ст.-сл. **пророкъ—пророкоу**, вечеръ—вечеру || ст.-сл. **вечєръ—вечєроу**; что же касается бѣглыхъ гласныхъ, то въ старо-славянской письменности вмѣсто нихъ видимъ начертанія ъ и ь, напр. сонъ—сну || ст.-сл. **сънъ — съноу**, день — дни || ст.-сл. **дьнь — дьни**, ленъ—льну || **льнъ—льноу**.

Какъ можно догадываться изъ приведенныхъ старо-славянскихъ начертаній, явленіе бѣглыхъ гласныхъ русскаго языка объясняется тѣмъ, что нѣкогда вмѣсто нихъ произносились узкіе краткіе гласные—ŭ на мѣстѣ бѣглаго *о* и ĭ на мѣстѣ бѣглаго *е* [2]), затѣмъ при однихъ условіяхъ усилившіеся въ со-

---

[1]) Я не раздѣляю того мнѣнія, что буква ѣ, какъ излишняя, должна быть исключена изъ русской орѳографіи; въ отвѣтъ же на замѣчаніе, что будто изученіе употребленія этой буквы сильно затрудняетъ учащихся, я долженъ указать на особый пріемъ обученія правописанію буквы ѣ въ корняхъ словъ, который я съ успѣхомъ примѣнялъ въ Казанской Татарской Учительской Школѣ и который изложенъ въ моихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], стр. 144—146.

[2]) Это доказывается сравненіемъ съ родственными языками, напр. сонъ = греч. ὕπνος, день = скт. dinam, ленъ = лат. linum.

отвѣтствующіе болѣе широкіе гласные, а при другихъ условіяхъ ослабѣвшіе до исчезновенія. Расширеніе краткихъ гласныхъ ъ (ŭ) и ь (ĭ) происходило въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ, которымъ оканчивалось слово, содержалъ тоже краткій ъ (ŭ) или ь (ĭ), срв. сонъ=ст.-сл. **сънъ**, день=ст.-сл. **дьнь**, ленъ=**льнъ**; исчезновеніе же данныхъ краткихъ гласныхъ видимъ въ концѣ слова, а внутри слова въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ содержалъ полный гласный (т. е. не ъ или ь), напр. сну, дни, льну. [1]) Надо впрочемъ замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при полномъ гласномъ въ слѣдующемъ слогѣ, краткіе ъ (ŭ) и ь (ĭ) иногда оказываются расширившимися, если имъ предшествовала или слѣдовала за ними группа *согласныхъ*, срв. хитреца (ст.-сл. **хытрьца**), блоха (**блъха**), со (**съ**) мною и т. п. Нужно замѣтить при этомъ о неодинаковомъ вліяніи разныхъ согласныхъ группъ; такъ въ группахъ съ плавнымъ оказывается разница въ зависимости отъ того, предшествуетъ плавному или же слѣдуетъ за нимъ согласный не-плавный, напр. съ **крѣпкими** || со **лбомъ**; аналогичное различіе наблюдается также при группѣ *св* || *вс*, напр. съ **свѣтлой** улыбкой || со**всѣмъ**. [2])

Кромѣ случаевъ фонетическаго происхожденія, бѣглые гласные могутъ получаться путемъ *аналогіи*, напр. въ словахъ

---

[1]) Исчезновеніе ъ (ĭ) представляетъ ту особенность по сравненію съ исчезновеніемъ ъ (ŭ), что послѣ исчезновенія перваго предшествовавшій ему согласный оказывается смягченнымъ, срв. д'ĕн', л'ну. Изъ этого слѣдуетъ, что *эпоха смягченія согласныхъ древнѣе эпохи бѣглыхъ гласныхъ.*

[2]) Примѣры взяты изъ «Отрочества» гр. Л. Н. Толстаго, гл. XXI. Что касается вліянія группы согласныхъ *св*, то встрѣчаемъ нѣкоторыя различія и непостоянство, срв. напр. у Тургенева: съ своимъ Валеткой || стадо дикихъ утокъ со свистомъ промчалось надъ нами («Ермолай и Мельничиха»). Въ этомъ случаѣ можетъ вліять ритмическое удареніе фразы, присутствіе или же отсутствіе при существительномъ опредѣленія и др. Примѣръ разнаго вліянія группъ согласныхъ изъ стараго языка: *с* молчаніемъ и *со* вниманіемъ и *с* кроткостояніемъ (Домострой, гл. 12).

огонь, вѣтеръ и т. д. Приведенныя слова должны были бы звучать „огнь“ и „вѣтръ“, какъ указываютъ на это соотвѣтствующія старо-славянскія слова **огнь** и **вѣтръ**, которыя не имѣютъ внутри краткихъ гласныхъ ъ и ь. [1]) Очевидно, что сходство этихъ словъ въ косвенныхъ падежахъ со словами, имѣющими бѣглые гласные (вѣтру : отцу, огню : локтю), вызвало въ нихъ по аналогіи къ послѣднимъ гласные *о* или *е* въ Им. ед. Что касается выбора бѣглаго гласнаго (*е* или же *о*), являющагося по аналогіи, то таковой выборъ опредѣляется *фонетическимъ* моментомъ, а именно: послѣ задне-язычныхъ согласныхъ—*о*, послѣ же согласныхъ другихъ разрядовъ—*е*; срв. еще о к о н ъ (Р. мн. отъ „окно“, **окно**), с т е к о л ъ (Р. мн. отъ „стекло“, **стькло**), р е б е р ъ (Р. мн. отъ „ребро“, **ребро**), т е п е л ъ (**тепль**), ч и с е л ъ (Р. мн. отъ „число“, **число**), в ё с е л ъ (Р. мн. отъ „весло“, **весло**), з е м е л ь (Р. мн. отъ „земля“, **земля**), з а м ы с е л ъ || з а м ы с л ъ и др. Если на такое вторичное *е* приходится удареніе при слѣдующемъ твердомъ согласномъ, то будетъ произноситься ’о́, напр. о с т ё р ъ (**остръ**), х и т ё р ъ (**хытръ**); срв. еще возникшее по аналогіи къ нимъ простонар. верёхъ (Новг. губ.) вм. верхъ. [2]) Въ области префиксовъ аналогіей объясняется возникновеніе такихъ параллельныхъ формъ, какъ —*со*жечь, *со*жигать при обычныхъ—*с*жечь, *с*жигать. Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на спряженіе глагола „сжечь“, то замѣтимъ, что нашъ префиксъ встрѣчается въ

---

[1]) Если же тѣмъ не менѣе и въ русскомъ языкѣ, особенно въ поэзіи, встрѣчаемъ эти слова также въ видѣ «огнь» и «вѣтръ», то послѣднія слѣдуетъ отнести на счетъ церковно-славянскаго вліянія.

[2]) Имѣются случаи и обратнаго перехода, путемъ аналогіи, постояннаго гласнаго въ категорію бѣглаго, напр. камень—камня || ст.-сл. **камы**—**камене**, корень — корня || ст.-сл. **корѧ**—**коренє** (встрѣчающееся въ Арх. губ. произношеніе каменя, кореня, подобно соотвѣтствующимъ словамъ въ млр. и блр., представляетъ сохраненіе первичнаго *е* и доказываетъ, что формы съ бѣглымъ *е* въ этихъ словахъ возникли подъ вліяніемъ аналогіи уже по діалектическомъ распаденіи основно-русскаго языка).

обоихъ видахъ—*со* и *с* (срв. *сжегъ* || *сожгу*). По аналогіи къ такимъ формамъ, какъ *сожгу*, *сожжешь* и пр., и образовались—*сожечь*, *сожигать*. Подобнымъ образомъ *собирать* при *сбирать* возникло подъ вліяніемъ такихъ образованій, какъ—*собрать*. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ и случаи, въ которыхъ утвердился по аналогіи постоянный гласный (*о* или *е*) вм. бѣглаго, напр. *вздоха* [1]) Р. ед.—по аналогіи къ „*вздохъ*“ (срв. польск. *dech* „дыханіе“ И. ед. || t$_{\wedge}$chu Р. ед., *чести* Р. ед.—по аналогіи къ „честь“ (**ъсть**; срв. польск. *cześć* || cz$_{\wedge}$ci).

Исчезновеніе слабыхъ ъ (ŭ) и ь (ĭ) имѣло своимъ послѣдствіемъ рядъ фонетическихъ перемѣнъ въ русскомъ языкѣ и прежде всего *уменьшеніе въ словахъ числа слоговъ и измѣненіе ихъ типа*. Число слоговъ соотвѣтственно убавлялось на одинъ слогъ, такъ что слова въ родѣ **льнъ**, **дьнь**, **пьса** изъ двусложныхъ превратились въ односложныя. При этомъ исчезновеніе конечныхъ ъ и ь сопровождалось превращеніемъ прежнихъ открытыхъ слоговъ въ закрытые, исчезновеніе тѣхъ же гласныхъ внутри слова приводило въ соприкосновеніе согласные, раньше раздѣленные этими гласными. Въ дальнѣйшемъ исчезновеніе конечныхъ ъ и ь сопровождается переходомъ звонкихъ согласныхъ, теперь оказавшихся конечными, въ глухіе; съ исчезновеніемъ тѣхъ же гласныхъ внутри слова соприкасающіеся теперь согласные могли подвергаться процессу ассимиляціи, напр. овца (**овьца**) произносится уже офца, т. е. вмѣсто звонкаго согласнаго *в* передъ слѣдующимъ глухимъ произносится соотвѣтствующій глухой (*ф*).

Обратимъ еще вниманіе на то, что бѣглое *е*, подобно постоянному, при извѣстныхъ условіяхъ также измѣнилось въ *'о*, напр. л'бн (орѳ. *ленъ*=ст.-сл. **льнъ**). Не трудно видѣть, что

---

[1]) Ожидаемая форма **возд$_{\wedge}$ха* представляла бы различіе съ И. ед. (*вздохъ*) и въ корнѣ, и въ префиксѣ, а потому отсутствуетъ.

для того, чтобы *'е*, произшедшее изъ первоначальнаго ь (=ĭ), могло измѣниться въ *'о*, нужно, чтобы къ этому времени этотъ первоначальный гласный ь (=ĭ) расширился при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и совпалъ съ постояннымъ *е*. Отсюда слѣдуетъ, что *процессъ развитія бѣглыхъ гласныхъ предшествовалъ измѣненію 'е→'о.* [1]) Въ эпоху *Остромирова Евангелія* (полов. XI вѣка) въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ уже болѣе или менѣе сложилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ отчасти, совершилось и измѣненіе *'е→'о.*

IV. **Полногласіе.** Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію звуковаго явленія, называемаго въ русской грамматикѣ полногласіемъ, которое—какъ увидимъ—имѣетъ болѣе древнее про-

---

[1]) На это различіе по степени древности того и другаго процесса указываетъ также то обстоятельство, что малорусское нарѣчіе, при согласіи съ великорусскимъ относительно бѣглыхъ гласныхъ, представляетъ нѣкоторыя отличія относительно измѣненія 'е→'о (именно—процессъ этотъ неодинаково комбинируется съ предъидущимъ въ томъ и другомъ нарѣчіи), заставляющія предполагать, что послѣдній процессъ развивался особо въ той и другой вѣтви. Что касается процесса постепеннаго образованія бѣглыхъ гласныхъ, то онъ настолько древенъ, что *началомъ своимъ можетъ восходить* въ общ е-с л а в я н с к у ю э п о х у. Объ этомъ можно заключить изъ существованія бѣглыхъ гласныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, хотя *выработка самаго явленія происходила въ этихъ языкахъ особо*; на это указываетъ то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ бѣглые гласные представляютъ нѣкоторыя различія по качеству звука. Замѣтимъ еще, что возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ въ членной формѣ сущ. муж. р., напр. домотъ (изъ **домъ-тъ*), служитъ доказательствомъ ранняго присоединенія члена къ существительнымъ: послѣдній могъ тѣсно примыкать къ существительнымъ еще въ ту древнюю пору, когда общеслав. ъ и ь только начинали преобразовываться въ бѣглые гласные. Кромѣ того, имѣемъ случаи бѣглаго *е* при присоединеніи мѣстоименной формы *-сь* въ частицахъ: стар. днесь (изъ **дьнь-сь*) и соврем. простонар. ночéсь (какъ бы изъ **ночь-сь*, хотя мѣстоимѣніе **сь* имѣетъ въ В. ед. ж. р. форму *сю*, при литер. *сію*; въ этомъ случаѣ могла дѣйствовать аналогія, срв. напр. прибавку *-сь* въ словахъ ср. р.—утрось, лѣтось; возможно, впрочемъ, видѣть въ данной прибавкѣ не падежную форму, а просто частичку прибавлявшуюся для указанія ближайшаго времени и мѣста).

исхожденіе, нежели бѣглые гласные, и заключается въ томъ, что въ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ, первоначально состоявшихъ изъ гласнаго съ плавнымъ согласнымъ и находившихся въ положеніи между согласными, развивался послѣ плавнаго новый гласный, одинаковый съ гласнымъ, предшествовавшимъ плавному. Это явленіе, наблюдаемое во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ русскомъ языкѣ, началомъ своимъ восходитъ въ общеславянскую эпоху, откуда первоначальное звуковое сочетаніе развивается въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ двоякимъ образомъ: въ русскомъ языкѣ развивается полногласіе, въ другихъ же славянскихъ языкахъ происходитъ перестановка звуковъ съ удлиненіемъ гласнаго или безъ удлиненія его. Такъ, напр., общеслав. *borda развилось въ русское борода и ст.-сл. брада, гдѣ а послѣ р произошло изъ удлиненнаго *о* (срв. далѣе рус. берегъ и ст.-сл. брѣгъ, рус. голова и ст.-слав. глава, рус. молоко и ст.-слав. млѣко). [1])

Въ русскомъ языкѣ рядомъ съ полногласными формами нерѣдко встрѣчаются похожія на старо-славянскія, напр. *середа* || *среда*, *голова* || *глава* и т. п., при чемъ параллельныя формы естественно объяснить вліяніемъ церковно-славянскаго языка. [2]) Въ этомъ убѣждаетъ не одинъ внѣшній видъ этихъ

---

[1]) Въ польскомъ языкѣ перестановка въ разсматриваемыхъ словахъ не соединяется съ удлиненіемъ гласнаго, напр., broda, głowa. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскій языкъ представляетъ формы, подобныя польскимъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное сочетаніе VL стояло въ началѣ слова; здѣсь въ русскомъ языкѣ не оказывается ожидаемыхъ полногласныхъ формъ съ *оро* и т. п., но только съ *ро* и пр., напр. *ровный*, польск. *równy* (К. **orv-*), *локоть*, пол. *łokieć* (К. **olk-*).

[2]) Нужно замѣтить, что въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія съ *ре*, напр. среда, вредъ и т. д., пишется *е*, какъ и въ новомъ церковно-славянскомъ, тогда какъ въ старо-славянскомъ писалось ѣ. Замѣна этого послѣдняго начертанія посредствомъ *е* можетъ быть объяснена аналогіей къ написаніямъ черезъ *е* соотвѣтствующихъ русскихъ полногласныхъ формъ (т. е. середа, вередъ и т. д.).

формъ, но и значеніе: полногласныя формы имѣютъ значеніе болѣе обыденное или болѣе конкретное, формы же, вошедшія въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго,—болѣе абстрактное или книжное и даже прямо церковное. [1]) Нѣкоторыя церковно-славянскія формы получили исключительное господство въ русскомъ литературномъ языкѣ, напр. врагъ вм. полногласной формы ворогъ, сладкій вм. солодкій и т. д., хотя еще въ XIV в. встрѣчаемъ въ письменности *ворога* и нѣк. др. слова, сохраняющіяся въ народныхъ говорахъ и доселѣ. Стихотворная поэзія XVIII в. оказала особенно радушный пріемъ формамъ неполногласнымъ или церковно-славянскимъ, но въ слѣдующемъ вѣкѣ со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться формы полногласныя или чисто русскія.

До сихъ поръ передъ нами были тѣ случаи полногласія или перестановки, гдѣ въ основной (первоначальной) группѣ плавному предшествовали гласные *е* или *о*; теперь мы должны обратиться къ тѣмъ основнымъ группамъ, гдѣ плавному предшествовали ъ (ў) или ь (ĭ). Такъ какъ отраженія послѣднихъ группъ представляютъ нѣкоторую особенность по сравненію съ раньше разсмотрѣнными, то эта категорія отличается особымъ наименованіемъ „*втораго* полногласія“, въ отличіе отъ „перваго“, разсмотрѣннаго выше. Эта особенность заключается въ томъ, что вновь развившіеся въ русскомъ языкѣ послѣ плавнаго слабые ъ или ь затѣмъ исчезли, вызвавъ расширеніе первичныхъ ъ и ь, стоявшихъ передъ плавнымъ, въ *о* и *е* (т. е. какъ это мы видѣли при бѣглыхъ гласныхъ), такъ что въ этомъ случаѣ полногласіе какъ бы утеривалось;

---

[1]) Конечно, дифференціація (различеніе) по оттѣнку значенія словъ природныхъ и церковно-славянскихъ установилась въ литературномъ языкѣ не сразу, но послѣ ряда колебаній и смѣшеній; въ древнихъ русскихъ памятникахъ можно еще встрѣтить случаи смѣшаннаго (не-дифференцированнаго) употребленія ихъ; напр., въ Лавр. лѣтописи подъ 1037 г. читаемъ: «заложи Ярославъ *городъ* великыи. у негоже *града* суть *златая вrата* ...и посемь церковь на *золотыхъ воротѣхъ*».

въ старо-славянскомъ языкѣ случаямъ втораго полногласія соотвѣтствуютъ „перестановочныя“ написанія, но безъ удлиненія гласнаго. Такъ, напр., общеслав. *рьгъ отражается въ древне-русской письменности (XI—XII в.) въ видѣ пьрьвъ, современ. первый (ст.-слав. прьвъ). На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что *сначала въ русскомъ языкѣ развилось полногласіе, а затѣмъ уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ.*

Разсматривая явленія полногласія и перестановки, не трудно замѣтить, что, благодаря имъ, первоначальные закрытые слоги, замыкавшіеся плавнымъ, превратились въ открытые (*bor | dā→рус. боро | да, ст.-сл. бра | да, пол. bro | da; *рьг | vъ→др.-рус. пьрь | въ, ст.-сл. прь | въ). [1])

Далѣе, нужно еще замѣтить, что полногласіе въ словахъ бываетъ или *постояннымъ* или же *перемѣннымъ* (временнымъ). Постояннымъ оно бываетъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ согласный, первоначально слѣдовавшій за плавнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. въ случаѣ перваго полногласія срв. „*бород*-а“ (К. *bord-), въ случаѣ втораго полногласія срв. „*верт*-ѣть“ или др.-рус. вьрьт-ѣти (К. *vьrt-). Перемѣннымъ оно является въ тѣхъ словахъ, гдѣ корень кончался плавнымъ согласнымъ, а суффиксы, присоединявшіеся къ корню, начинались частію съ согласнаго звука, частію же съ гласнаго. Если за такимъ корнемъ слѣдовалъ

---

[1]) Такое же стремленіе къ превращенію закрытыхъ слоговъ въ открытые имѣло мѣсто при носовыхъ согласныхъ и нѣкоторыхъ чистыхъ (неносовыхъ). При этомъ носовые согласные, постепенно ослабляясь, перешли въ носовой назвукъ предшествующаго гласнаго; напр. *реп | tĭ→*рẽ | tь (ст.-сл. пѧть), *рoп | tĭ→*рõ | tь (ст.-сл. пѫть), а затѣмъ въ большей части славянскихъ языковъ утратился и носовой назвукъ (напр. рус. пять, путь). Что касается другихъ согласныхъ, то они частію сохранялись, если могли легко присоединяться къ слѣдующему слогу (напр. нести), частію измѣнялись (напр. мести изъ мет-ти), или же, наконецъ, исчезали (напр. вянуть вм. *вяднуть, срв. увядать).

суффиксъ, начинавшійся съ согласнаго, то развивалось полногласіе, напр. отъ К. *sol-*, когда далѣе слѣдовалъ суффиксальный согласный (*n*), русскій языкъ развилъ полногласное образованіе с*о*л*о*нъ (ст.-сл. **слонъ**), когда же къ корню *sol-* присоединялся суффиксальный гласный (ь=ĭ), то плавный согласный уже переставалъ замыкать слогъ, такъ какъ въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. so | lь), а потому и не было повода къ развитію полногласія (ст.-сл. **соль**, рус. соль). Въ примѣръ перемѣннаго втораго полногласія можемъ взять корень **mьr-*; если за нимъ слѣдовалъ согласный (*t*), то развилось полногласіе (срв. др.-рус. съмьрѣть, соврем. см*е*рть), если же слѣдовалъ гласный, то полногласія не происходило (срв. др.-рус. мьр*у*, соврем. мр*у*). [1])

Примѣчаніе. Мы указывали, что полногласіе развивалось въ положеніи передъ «согласными»; но здѣсь нужно сдѣлать одну оговорку, а именно, что согласный j не вызывалъ развитія полногласія, такъ какъ успѣлъ уже слиться съ предъидущими плавными согласными въ одинъ мягкій плавный согласный, который въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ, напр. бор*ю*, гдѣ р' получилось изъ *rj.

---

[1]) Замѣтимъ, что носовые гласные тоже бываютъ постоянными и перемѣнными. Постоянными они бываютъ въ томъ случаѣ, когда согласный, первоначально слѣдовавшій за носовымъ согласнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. **пѧть** (рус. пять), **пѫть** (рус. п*у*ть). Но если корень оканчивался носовымъ согласнымъ, а присоединявшіеся къ корню сиффиксы начинались частію съ согласнаго, частію же съ гласнаго звука, то въ первомъ случаѣ развивался носовой гласный (напр. отъ корня **съѫ** происходитъ неопр. накл. ст.-слав. **нѫѧтн**, рус. нач*а*ть), во второмъ же случаѣ носовой согласный въ слоговомъ отношеніи соединялся съ слѣдующимъ гласнымъ и потому сохранялся (напр. отъ того же корня происходитъ наст. вр. **нѫѫнѫ**. рус. нач*ну*). Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что отмѣчаемое нерѣдко мудренымъ названіемъ явленіе «разложеніе юсовъ» есть не болѣе, какъ ученая фикція, уже отошедшая въ область преданія; въ дѣйствительности тутъ не разложеніе, но разное развитіе одного и того же первоначальнаго сочетанія въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе согласный, или же гласный.

V. **Подъемъ.** Подъемомъ въ фонетикѣ русскаго языка называется нѣкоторое чередованіе корневыхъ гласныхъ, встрѣчающееся при словопроизводствѣ, особенно въ глаголахъ, и соединенное съ измѣненіемъ оттѣнка значенія, напр. нести || носить || на́шивать. Терминъ „подъемъ“, иначе—„усиленіе“, теперь можемъ считаться уже устарѣвшимъ, благодаря освѣщенію даннаго вопроса съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, которая показала, что здѣсь имѣются обычныя чередованія гласныхъ безъ какого-либо особаго ихъ усиленія. Кромѣ того, она разъяснила, что эти чередованія сложились въ разныя эпохи, а потому ихъ и слѣдуетъ подраздѣлить соотвѣтственно ихъ возрасту; такъ, одни изъ нихъ восходятъ къ отдаленнымъ временамъ праязыка аріо-европейскаго, другія образовались въ эпоху славянскаго праязыка, а самый новый слой сложился на почвѣ русскаго языка. Подъемныя чередованія аріо-европейскаго происхожденія мы разсмотримъ въ слѣдующемъ параграфѣ, посвященномъ сравнительно-грамматическимъ разъясненіямъ русскаго вокализма. Что же касается такъ называемаго „славянскаго“ подъема, то онъ представляетъ чередованіе корневыхъ краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими въ связи съ „видовымъ“ различіемъ значенія при производствѣ глаголовъ на *-а́ть*, *-а́ю* отъ простыхъ глаголовъ; это чередованіе, уже значительно стершееся въ русскомъ языкѣ, въ большей полнотѣ является въ языкѣ старо-славянскомъ, напр. **мѣстн**<**къмѣтатн**, **могж**< **помагатн**, **ѹтѣж**<**ѹнѣтатн**, **ꙁѣватн**<**къꙁыкатн**; здѣсь мы видимъ чередованіе краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими : **є** || **ѣ**, **о** || **а**, **ь** || **н**, **ъ** || **ы**; то, что первоначально **є**, **о**, **ь**, **ъ** были краткими гласными, а **ѣ**, **а**, **н**, **ы**—долгими, доказывается въ сравнительной грамматикѣ. [1]) Въ русскомъ языкѣ удержались

[1]) Нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя аналогичныя подъемныя отношенія наблюдаются въ литовскомъ, напр. brìsti «брести» || brýdoti (въ ли-

главнымъ образомъ два послѣднія чередованія, т. е. такія, какъ ч*ѧ*ту<почи*т*аю, з*ѧ*вать<призы*в*ать; что же касается первыхъ двухъ, то по отношенію къ нимъ мы уже встрѣчаемъ отступленія: такъ, напр., видимъ глаголъ „помогать“ (съ гласнымъ *о*, а не *а*), а въ такихъ случаяхъ, какъ „заметать“, пишется *е*, а не *ѣ*. Но если „славянскій“ подъемъ значительно стушевался въ русскомъ языкѣ, то за то въ послѣднемъ широко развился новый „русскій“ слой подъема при производствѣ глаголовъ на *-ывать* и *-ивать* съ удареніемъ на корневомъ слогѣ, напр.: носи́ть<прина́шивать, мета́ть<перемётывать, чита́ть<перечи́тывать и пр. Такимъ образомъ, если „славянскій“ подъемъ основывается на отношеніи долготы и краткости гласныхъ, то „русскій“ подъемъ—на удареніи.[1])

VI. **Сравнительно-грамматическія разъясненія русскаго вокализма.** Грамматическія явленія каждаго языка прежде всего должны быть изучены въ немъ самомъ; но такъ какъ это изученіе не всегда даетъ полное разъясненіе явленій, то приходится дополнять его сравненіемъ съ родственными языками и ихъ праязыкомъ, который возсоздается черезъ сравненіе отдѣльныхъ вѣтвей даннаго языковаго семейства. Сравнительная грамматика аріо-европейскихъ языковъ этимъ путемъ уже значительно разъяснила звуковое состояніе аріо-европейскаго праязыка. Это состояніе мы и постараемся изложить въ настоящемъ параграфѣ, поскольку оно касается вокализма, о которомъ у насъ здѣсь идетъ рѣчь.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали простые гласные (краткіе и долгіе) и дифтонги [2]). *Краткіе* гласные

тов. y=ī) «бродить»; однако здѣсь необходимо отмѣтить разницу съ подобными образованіями русскаго языка, въ которыхъ тематическое *а*, соотвѣтствующее литовскому *о*, непремѣнно сопровождается удареніемъ.

[1]) См. еще сказанное раньше на стр. 56.

[2]) Дифтонгомъ называется такое сочетаніе двухъ гласныхъ—болѣе от-

аріо-европейскаго праязыка могутъ быть подраздѣлены на средне-широкіе *ĕ, *ŏ, *ă и узкіе *ĭ и *ŭ. Изъ приведенныхъ краткихъ гласныхъ звуки *ĕ и *ŏ связаны между собою въ грамматическое чередованіе, какъ это и обнаруживается такъ или иначе во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, напр. рус. беру || сборъ, греч. φέρω || φόρος и т. п., [1]) третій же гласный *ă стоялъ совершенно особо отъ этого чередованія и отраженіемъ его служитъ въ греч. и лат. ă, въ русскомъ—*о*, напр.: рус. соль = греч. ἅλς = лат. sal, или рус. борода = лат. barba и т. д. Въ чередованіи * ĕ || *ŏ очень важно обратить вниманіе на морфологическую сторону, т. е. на тѣ морфологическія категоріи, въ которыхъ встрѣчается тотъ и другой гласный. Мы не будемъ перебирать всѣхъ категорій, укажемъ лишь на самыя типичныя: какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, гласный *ĕ свойственъ категоріи настоящаго времени корневыхъ или непроизводныхъ глаголовъ, а гласный *ŏ является въ родственныхъ существительныхъ муж. р. (срв. еще везу || возъ, теку || потокъ, стерегу || сторожъ и др.; лат. prĕcor || prŏcus, греч. λέγω || λόγος и т. п.), [2]) а также въ глаголахъ, происходящихъ отъ этихъ существительныхъ, напр. возъ<возить, греч. φόρος>φορέω и т. п.; при этомъ замѣ-

---

крытаго съ узкимъ (т. е. съ *i* или *u*, которое произносится слитно въ одинъ слогъ, при чемъ узкій гласный, лишенный слоговой самостоятельности, присоединяется къ болѣе широкому, напр. нѣм. Haus и т. п.

[1]) Въ этомъ случаѣ *ŏ развилось въ аріо-европейскомъ праязыкѣ изъ *ĕ; а такъ какъ тогда передъ палятальными гласными согласные еще не смягчались, то и передъ *ŏ, развившимся изъ *ĕ, согласный не смягченъ. Этимъ древнее *о* изъ *е* отличается отъ *о*, развившагося изъ *е* на русской почвѣ и имѣющаго передъ собою смягченный согласный; напр. въ словѣ «возъ» имѣется древнее *о*, а въ словѣ «вёзъ» (в'ос)—позднѣйшее, русское.

[2]) Мы ограничиваемся приведеніемъ изъ родственныхъ языковъ лишь греческихъ и латинскихъ примѣровъ, такъ какъ въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ чередованіе *ĕ || *ŏ успѣло уже такъ или иначе видоизмѣниться.

тимъ, что корни съ *ĕ называютъ первымъ полнымъ видомъ, а соотвѣтствующіе корни съ *ŏ—вторымъ полнымъ видомъ, чтобы отличить отъ сокращеннаго вида корней, о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.[1]) Настоящему времени корневыхъ глаголовъ совершенно не свойственъ гласный *ŏ; если же, тѣмъ не менѣе, въ корнѣ нѣкоторыхъ непроизводныхъ глаголовъ русскаго языка и другихъ славянскихъ встрѣчается гласный *о*, напр. *о*рю, пою и др., то это объясняется тѣмъ, что гласный *о* этихъ глаголовъ восходитъ не къ аріо-европ. *ŏ, но къ ае. *ă, какъ это видно изъ другихъ родственныхъ языковъ, напр. *о*рю = греч. ἀρόω = лат. *ă*ro. Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовало по-видимому и исконное *ŏ (не изъ *ĕ, а потому и не чередующееся съ ĕ), напр. въ словѣ в*о*семь = греч. ὀκτώ = лат. *o*cto. [2])

---

[1]) Въ случаяхъ чередованія въ началѣ слова je- (оро. *е*) ‖ о-, напр. *е*лень ‖ *о*лень, слѣдуетъ видѣть въ первомъ случаѣ отраженіе ае. *ĕ, а во второмъ—ае. *ŏ. Здѣсь надо добавить, что передъ начальнымъ *ĕ- на общеславянской почвѣ развивался j изъ экскурсіи этого гласнаго (при удареніи же и слѣдовавшемъ далѣе твердомъ согласномъ слогъ *je-* на почвѣ русскаго языка по общему правилу измѣнился въ *jo-*). Другіе примѣры: *е*зеро ‖ *о*зеро; *е*динъ ‖ *о*динъ; *е*жевика (ежевая трава), млр. *е*жи́на (польск. jeżyna) ‖ зап.-рус. *о*жевина, млр. *о*жина (польск. ożyna); *ё*лха ‖ *о*льха; и др. Подобнымъ же образомъ объясняются такія чередованія въ говорахъ русскаго языка, какъ *пе*пелъ ‖ *по*пелъ (орл., кал.), ребенокъ ‖ робенокъ, *ле*бедь ‖ *ло*бода и пр. Всѣ эти чередованія по происхожденію того же рода, какъ въ литературномъ языкѣ напр. въ формахъ: *себя* ‖ *собою* и т. п., только въ нихъ путемъ аналогіи черезъ все словоизмѣненіе проведенъ или тотъ, или же другой гласный.

[2]) Нужно указать еще одинъ звукъ праязыка, давшій въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ гласный *о*, напр. *сто*ю, срв. греч. στᾰτός = лат. stătus = санскр. sthitás; эти случаи отдѣляютъ отъ праязыковаго *ă, такъ какъ въ нихъ греческому и латинскому ă соотвѣтствуетъ въ санскритѣ не ă, но *i*, и возводятъ къ праязыковому краткому слабому гласному, обозначаемому обыкновенно посредствомъ символа *ə; обычно праязыковое *ə чередовалось съ долгимъ гласнымъ (срв. греч. дорич. ἵστᾱμι ‖ στᾰτός, рус. *стать* ‖ *стою*), почему и разсматривается какъ ослабленіе долгаго гласнаго. Такимъ образомъ, русско-славянское *о* можетъ быть троякаго происхож

Переходя къ *дифтонгамъ* аріо-европейскаго праязыка, сначала замѣтимъ, что въ составъ ихъ могли входить разсмотрѣнные нами средне-широкіе краткіе гласные въ качествѣ перваго компонента (составной части), вторымъ же компонентомъ служили краткіе узкіе гласные *i* и *u* (такимъ образомъ въ праязыкѣ имѣлись дифтонги—*ĕi, *ŏi, *ăi, *ĕu, *ŏu, *ău).

Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, эти древніе дифтонги не сохранились, измѣнившись при однихъ условіяхъ (въ положеніи передъ гласными) въ гласный съ согласнымъ, при другихъ же условіяхъ (въ положеніи передъ согласными, а также въ концѣ словъ)—въ простые гласные. Въ первомъ случаѣ (*передъ гласными*) дифтонгъ распадался такимъ образомъ, что второй его компонентъ измѣнялся въ соотвѣтствующій согласный (ĭ→j, ŭ→v)[1]) и послѣдній въ слоговомъ отношеніи отдѣлялся къ слѣдующему гласному, напр. въ корнѣ глагола по|*j*-ý мы имѣемъ отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi, а въ корнѣ глагола ко|*в*-áть—отраженіе *ău; во второмъ случаѣ (*передъ согласными*) такого разъединенія компонентовъ дифтонга не про-

---

денія: 1) *ŏ, 2) *ă, 3) *ə. Къ этому присоединились на почвѣ русскаго языка новые случаи *о* при развитіи перваго полногласія, напр. борода, далѣе —изъ ъ (ŭ), напр. лобъ, и, наконецъ, *'о* изъ *'е* (ст.-слав. є, ь), напр вёзъ, лёнъ. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ разновременной конвергенціи или совпаденія цѣлаго ряда первоначально разныхъ звуковъ въ одинаковомъ звукѣ *о*. Надо также указать случаи появленія *о* по аналогіи, напр. огонь. Въ позднѣйшую пору жизни русскаго языка гласный *о*, какого бы онъ ни былъ происхожденія, въ свою очередь развѣтвляется, какъ мы видѣли, на разные гласные, въ зависимости отъ того или другаго положенія относительно ударенія (ŏ ‖ å ‖ ă ‖ ъ); такимъ образомъ, къ конвергенціи присоединился процессъ дивергенціи.

[1]) Въ приведенной формулѣ латинское начертаніе ŭ соотвѣтствуетъ русскому ў, лат. v=рус. в; необходимо помнить также, что начертаніемъ j обозначается согласный й.

исходило, но оба они измѣнились въ одинъ простой гласный (ае. *ăi→ѣ, ае. *ău→у), срв. отъ тѣхъ же корней слова: п*ѣ*-ть, к*у*-з*н*е*ц*ъ. Что касается морфологической стороны въ употребленіи дифтонговъ, то она одинакова съ среднеширокими гласными въ ихъ самостоятельномъ употребленіи. Отсюда слѣдуетъ, что дифтонговъ, содержащихъ *ŏ, т. е. *ŏi и *ŏu, мы не встрѣтимъ въ настоящемъ времени непроизводныхъ глаголовъ, а въ такихъ глаголахъ, какъ п*ою*, нужно видѣть отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi (срв. греч. *παιάν* „пѣснь“), въ случаѣ же к*ую* || к*овать* корень въ своемъ вокализмѣ отражаетъ праязыковой дифтонгъ *ău (срв. греч. *καίσω*). Эти дифтонги, какъ и простое *ă, не знаютъ чередованій перваго и втораго полнаго вида. Кромѣ дифтонговъ *ăi и *ău, въ настоящемъ времени корневыхъ глаголовъ мы можемъ встрѣтить дифтонги *ĕi и *ĕu, напр. в*и*ж*у* (*и* восходитъ къ *ĕi, срв. греч. *εἴδομαι*), б*лю*д*ешь* (*ю* восходитъ къ *ĕu, срв. греч. *πεύθομαι*, при чемъ обще-славянскій корень *beud* сначала измѣнился въ *bjud*, а затѣмъ начальное *bj* дало бл'); этимъ дифтонгамъ въ соотвѣтствующихъ глаголахъ отъименныхъ (т. е. подобныхъ глаголу „возить“) отвѣчаютъ дифтонги, свойственные второму полному виду, т. е. *ŏi и *ŏu, напр. в*ѣ*дать, гдѣ *ѣ* отражаетъ *ŏi (срв. греч. *οἶδα*), б*у*дить, гдѣ *у* отражаетъ *ŏu. Такимъ образомъ, сравнительная грамматика устанавливаетъ соотвѣтствіе по корневому гласному между словами съ первымъ и вторымъ полнымъ видомъ корня, русскіе примѣры которыхъ мы и приведемъ:

Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 1-го полн. вида.	Слова съ первымъ полнымъ видомъ корня.	Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 2-го полн. вида.	Соотвѣтствующія слова со вторымъ полнымъ видомъ корня.
*ĕ	вез*т*и	*ŏ	воз*и*ть
	м*е*тнуть		м*о*стъ
	м*е*лю		размол*о*ть
	ч*е*сать		к*о*са
	щ*е*мить		оск*о*мина
*ĕr	в*е*ретено	*ŏr	в*о*ротъ
*ĕn	см*я*теніе (*я*=ст.-сл. ѧ изъ *ĕn).	*ŏn	см*у*щеніе (*у*=ст.-сл. ѫ изъ *ŏn)
*ĕi	в*и*дѣть	*ŏi	в*ѣ*дать
	т*и*хій		т*ѣ*шить
	в*и*ть		в*ѣ*твь
	п*и*ть		запой (примѣръ распад. дифтон.)
	поч*и*ть		покой
*ĕu	бл*ю*сти	*ŏu	б*у*дить

Мы говорили, что если корень содержитъ *ĕ, то въ такомъ случаѣ его называютъ *первымъ* полнымъ видомъ, а если содержитъ *ŏ, то—*вторымъ* полнымъ видомъ. Кромѣ этого можетъ быть еще *сокращенный* видъ корня, развившійся въ праязыкѣ изъ перваго полнаго вида въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ путемъ ослабленія *ĕ, напр. К. $m^{e}n$: м$_{\text{ѧ}}$ню, ст.-сл. мьнѫ (срв. греч. $\mu\iota\mu_{\text{ѧ}}\nu\acute{\eta}\sigma\kappa\omega$), К. $m^{e}r$: м$_{\text{ѧ}}$ру, ст.-сл. мьрѫ. Приведенныя ослабленія корней *mĕn и *mĕr имѣютъ мѣсто въ положеніи передъ гласными и j, въ положеніи же предъ согласными развивались или носовой гласный (напр. въ словѣ п а м *я* т ь=ст.-сл. памать, литов. at*m*i*n*tìs), или же такъ называемое второе полногласіе (напр. въ словѣ с м *е* р т ь, др.-рус.

съмъръть=ст.-сл. съмрьть). Такимъ образомъ, второе полногласіе съ точки зрѣнія сравнительно-грамматической представляетъ собою слабый или сокращенный видъ корня, первое же полногласіе соотвѣтствуетъ полному виду корня, при чемъ полногласіе съ *е* соотвѣтствуетъ первому полному виду корня (напр. стерегу), а полногласіе съ *о*—второму полному виду корня (напр. сторожъ), если только такое *о* не восходитъ къ ае. *ă (напр. борода); вполнѣ естественно, что послѣднее *о* уже не будетъ чередоваться съ *е*.

Въ дифтонгахъ въ сокращенномъ видѣ, съ потерею перваго компонента, остается одинъ второй, т. е. *ĭ или *ŭ (=ст.-сл. ь и ъ), напр. честь (ст.-сл. ѹьсть), бѫдѣть (ст.-сл. бѫдѣти).

Что касается первоначальныхъ *долгихъ* средне-широкихъ гласныхъ, то примѣромъ ихъ могутъ служить: 1) *ē, напр. о-дѣть (срв. греч. τί-θη-μι), 2) *ā, напр. стать (полный видъ корня, греч. ἵ-στη-μι, дорич. ἵστᾱμι) || стою (сокращ. видъ корня, срв. греч. στᾰτός); 3) *ō, напр. дать (срв. греч. δί-δω-μι). Долгимъ *ī и *ū соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ первому гласному — *и* (напр. грива), а второму — *ы* (напр. ты).

Сдѣлавъ сравнительно-грамматическій очеркъ русскаго вокализма, я долженъ сказать, что въ виду сложности предмета я имѣлъ возможность лишь слегка коснуться происхожденія русско-славянскихъ гласныхъ изъ аріо-европейскихъ, полное же знакомство съ этими вопросами получается изъ сравнительной грамматики, къ которой и долженъ обратиться любознательный читатель.

Примѣчаніе. Такъ какъ каждый изъ русскихъ орѳографическихъ гласныхъ можетъ происходить изъ разныхъ гласныхъ аріо-европейскаго праязыка, то будетъ не лишне показать по крайней мѣрѣ главнѣйшіе ихъ звуки-источники въ аріо-европейскомъ праязыкѣ:

1) *А(Я)*=ст.-сл. ѧ (ѩ) можетъ восходить къ ае. *ā (напр. стать, рыба), *ē (напр. часы; ае. *ē послѣ шипящихъ измѣнилось въ славянской вѣт-

ви въ *a*); *Я* (*A*)=ст.-сл. ѧ можетъ восходить къ **ěN* (напр. пять, срв. литов. *penkì*, греч. πέντε) и къ **eN* (напр. память, срв. литов. *atmiñtis*).

2) *О* (см. выше стр. 93, сноска 2-ая).

3) *Е*=ст.-сл. є обычно восходитъ къ ае. **ě* (напр. везу), а кромѣ того оно можетъ быть чисто русскимъ гласнымъ въ такъ наз. первомъ полногласіи (берегу); *Ё*=ст.-сл. ь можетъ восходить къ ае. **ĭ* (т. е. бѣглое *е*, напр. день), къ ае. **e* представляющему собою ослабленіе **ě*, напр. въ случаѣ т. наз. втораго полногласія (срв. вертѣть, смерть).

4) *Ѣ*=ае. **ē* (дѣлать), **ěi* (пѣна), **ăi* (лѣвый).

5) *У*=ае. **ŭ* (будить), **ŭN* (путь, везутъ).

6) *Ю*=ае. **ĕu* (блюсти), **ŏu* (колютъ, т. е. въ мягкомъ типѣ спряженія).

7) *И*=ае. **ĕi* (видѣть), **ī* (грива, скт. grīvā), а также является въ случаяхъ славянскаго подъема въ видѣ чередованія ī ‖ ĭ (льнуть ‖ прилипать).

8) *Ы*=ае. **ū* (напр. ты, срв. лат. tū), а также въ славянскомъ подъемѣ въ видѣ чередованія ŭ ‖ ū (сапать ‖ засыпать).

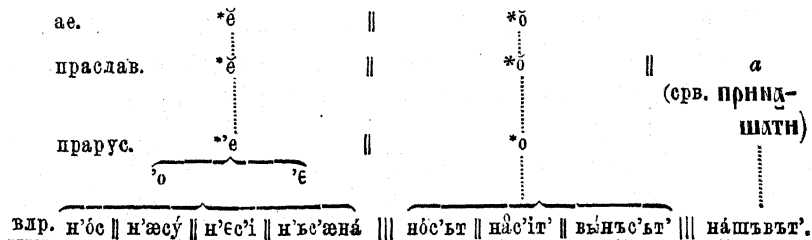
Ознакомившись съ происхожденіемъ гласныхъ звуковъ русскаго языка изъ гласныхъ аріо-европейскаго праязыка, мы можемъ теперь съ большею основательностью представить себѣ вопросъ о *чередованіяхъ гласныхъ современнаго русскаго языка.* [1]) Эти чередованія, представляющіяся нерѣдко въ большомъ количествѣ звеньевъ, складывались въ разныя времена, начиная отъ эпохи аріо-европейскаго праязыка и кончая современнымъ моментомъ, напр.

н'æсу́ (несу) ‖ н'єс'і́ (неси) ‖ н'ьс'æна́ (несена) ‖ н'о́с (нёсъ) ‖‖ но́с'ьт (носить) ‖ на̊с'і́т' (носить) ‖ вы́нъс'ьт' (выносить) ‖‖ на́шъвът' (нашивать).

Опираясь на данныя русской фонетики, уже изложенныя нами, мы легко замѣчаемъ неодинаковый возрастъ отдѣльныхъ звеньевъ приведеннаго чередованія. Орѳографія, представляющая большее однообразіе по сравненію съ живымъ произношеніемъ, позволяетъ разбить всѣ звенья на три группы, которыя мы отдѣлили другъ отъ друга знакомъ ‖. Звенья первой и второй группы отражаютъ древнее чередованіе аріо-

[1]) Общая теорія звуковыхъ чередованій нами изложена въ главѣ IV-ой, стр. 54—57.

европейскаго праязыка *ĕ || *ŏ; что же касается третьей группы, представленной примѣромъ „нашивать“, то въ ней гласный *a*, которому въ ае. праязыкѣ отвѣчаетъ долгій гласный (*ō), какъ звено чередованія вошелъ въ данный рядъ въ эпоху славянскаго праязыка (т. наз. „славянскій“ подъемъ)—*нашáти (срв. ст.-сл. **принашати**), и уже на русской почвѣ получилъ удареніе въ глагольномъ образованіи на *-ывать* (т. наз. „русскій“ подъемъ). Звено н'о с (несъ) представляетъ извѣстное намъ измѣненіе *'é→'ó* въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ, совершившееся уже послѣ того, какъ согласный *н* смягчился подъ вліяніемъ средне-язычнаго гласнаго *е*. Наконецъ, разныя варіаціи неударяемыхъ гласныхъ складывались еще позже—на почвѣ отдѣльныхъ діалектовъ русскаго языка. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ первоначально простое чередованіе аріо-европейскаго праязыка, сводящееся даже въ самомъ началѣ вѣроятно къ одному основному виду корня (быть можетъ, напр., *nĕk¹-), въ дальнѣйшемъ развитіи послѣдовательно усложнялось новыми звеньями. Не слѣдуетъ однако думать, что эти звенья чередованія, возникавшія въ разныя эпохи, дошли до насъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ они образовались въ ту или другую эпоху; напротивъ, они необходимо видоизмѣнялись соотвѣтственно тѣмъ физіологическимъ перемѣнамъ, которыя происходили въ послѣдующее время въ звуковой системѣ языка. Слѣдующая таблица приблизительно указываетъ главные этапы въ развитіи разсмотрѣннаго чередованія:



Необходимо обратить вниманіе на то, что не всегда въ чередованіи содержатся всѣ звенья; тѣ или другія могутъ случайно отсутствовать, а нѣкоторыя даже совсѣмъ потерялись. Это станетъ для насъ вполнѣ наглядным, если мы вмѣсто „несу“ возьмемъ какой-либо другой глаголъ; срв.:

т'æ̯ку́ (теку) || т'е́ч' (течь) || т'о́к (токъ) ||| пр'ит'æ̯ка́т' (притекать, ст.-сл. притѣкати) ||| то́к (токъ) || та̊ч'и́т' (точить) || вы́тъчьт' (выточить) ||| выта́чьвът' (вытачивать, ст.-сл. истаꙗти.)

Въ этомъ примѣрѣ мы встрѣчаемъ новое звено—„притекать“=ст.-сл. притѣкати, отражающее собою явленіе „славянскаго“ подъема въ области гласнаго *е* (є || ѣ).

Но ни въ томъ, ни въ другомъ примѣрѣ мы не встрѣчали отраженія слабаго вида корня; такой случай мы имѣемъ напр. въ глаголѣ „жечь“ въ такихъ формахъ, какъ „жⱗгу́“; но здѣсь, въ свою очередь не имѣемъ втораго полнаго вида. И т. п.

Подобнымъ образомъ могутъ быть разсматриваемы и всѣ другія чередованія въ области русскаго вокализма, при чемъ они сводятся къ нѣсколькимъ основнымъ рядамъ: 1) рядъ гласныхъ ае. **ĕ* || **ŏ* (также **ă*) съ слѣдующимъ согласнымъ не-плавнымъ и не-носовымъ, 2) тѣ же гласные, сопровождаемые плавнымъ или 3) носовымъ, 4) дифтонги на *і* и 5) дифтонги на *и*. Первый рядъ уже обсуждался нами, при остальныхъ же рядахъ нужно принимать въ соображеніе различіе въ рефлексахъ въ зависимости отъ положенія передъ согласными (также на концѣ) и передъ гласными, какъ это уже выяснялось нами (см. стр. 88—89, 94—95). Теперь мы представимъ примѣры чередованій для этихъ другихъ рядовъ:

2) начⱗну́ (ст.-сл. на-ꙋьн-ѫ, гдѣ ꙋьн—слабый видъ корня въ положеніи передъ гласнымъ) || нача́т' (ст.-сл. на-ꙋа-ти, гдѣ ꙋа—слабый видъ корня въ положеніи передъ согласнымъ), ||| начⱗна́т' (начинать, наꙋинати — славянскій

подъемъ къ слабому виду корня) ||| з а к о́ н (*за-кон-ъ*, гдѣ **кон** —второй полный видъ корня въ положеніи передъ гласнымъ), к а̊ н' æ̀ ц, к ъ н ц æ в о́ j (*конецъ*, *концевой*—неударяемыя варіаціи того же вида корня) ||| å к а́ н' ч ь в ъ т' (*оканчивать*—чисто русскій подъемъ).

3) в' є р' т' є́ т' (*вертѣть*, **вртѣти** — слабый видъ корня соотвѣтственно второму полногласію) ||| п а̊ в' о́ р т ъ в ъ т' (*повертывать* — русскій подъемъ къ слабому виду, въ глаголѣ на -ывать съ ударѐніемъ на корневомъ слогѣ) [1]) ||| в' ъ р' ь т' æ н о́ || в' ь р' є т' о́ н ă (*веретено* || *веретёна*)—первое полногласіе съ первымъ полнымъ видомъ корня ||| в о́ р ъ т || в а̊ р о́ ч ь т' (*воротъ* || *ворочать*, **врлтъ** || **врлштлти**)—первое полногласіе съ вторымъ полнымъ видомъ корня ||| с в а̊ р а́ ч ь в ъ т' (*сворачивать*)—русскій подъемъ къ глаголу „ворочать“.

4) п' j у (пью, **пиѭ** О. Ев. или **пьѭ** Мар. Ев., срв. по образованію греч. аор. *πιεῖν*—слабый видъ корня) || п' і́ т' (*пить*, **пити**—можно предположить второй слабый видъ корня съ долгимъ *ī) [2]) ||| -п о́ j (*-пой*, напр. водопой—второй полный видъ корня) || п а̊ j і́ т' (*поить*).

5) б л' у с' т' ī (*блюсти*—первый полный видъ корня) ||| б ⷣ д' є т' (*бдѣть*, **бъдѣ-ти**—слабый видъ корня) ||| б у д' і́ т' (*будить*—второй полный видъ корня).

Намъ остается указать на то, что кромѣ *историко-генетическаго* анализа чередованій можетъ быть еще разсмотрѣніе *статическое* — съ точки зрѣнія чутья говорящихъ. Въ этомъ случаѣ оказывается, что нѣкоторыя звенья выходятъ изъ системы чередованій и обособляются. Такъ, глаголы *блюсти* || *будить* || *бдѣть* въ чутьѣ говорящихъ являются уже

---

[1]) Собственно говоря, -в'ор- въ данной формѣ получилось фонетически на мѣсто -в'є́р'-, послѣ отвердѣнія *р'* передъ слѣдующимъ твердымъ *т*.

[2]) Срв. для глагола «*лить*» литовское соотвѣтствіе съ долгимъ ī: l*y̌*ti (неопр. накл. къ глаголу l*ỹ̆*ja «идетъ дождь»). Вообще—славянское *и* можетъ отражать не только первый полный видъ, но и побочный слабый (второй слабый).

обособленными словами, благодаря тому что значительно разошлись между собою какъ по звуковому виду корня, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по смыслу. Нужно замѣтить, что одни звуковыя различія, иногда даже значительныя, еще не разрушаютъ систему чередованій при наличности единства значенія, какъ это мы видимъ напр. на чередованіи образованій *мну* || *мялъ*, представляющихъ флексійныя формы одного и того же глагола (хотя первоначальное чередованіе уже затемнилось для непосредственнаго чутья, склоннаго напр. видѣть въ *-н-* образовательную примѣту наст. вр., какъ это встрѣчаемъ напр. въ грамматикѣ Ломоносова § 302). Подобнымъ образомъ формы „*начну*“ и „*началъ*“ связаны между собою въ чутьѣ говорящихъ, но слова „*начало*“ и „*конецъ*“ для чутья являются совершенно отдѣльными словами. Насколько важно здѣсь единство смысловое, это доказываютъ случаи, когда даже разные по происхожденію корни связываются въ флексійную систему, напр. *беру—взялъ*, *хорошій—лучшій* и пр. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при трактованіи чередованій нужно проводить разницу между научнымъ сопоставленіемъ чередующихся словъ, каковое опирается на сравнительно-грамматическій анализъ, и чередованіями въ чутьѣ говорящихъ; такъ, слова *видѣть* || *вѣдать* съ точки зрѣнія научнаго анализа отражаютъ древнее чередованіе перваго и втораго полнаго вида корня, съ точки же зрѣнія непосредственнаго чутья являются уже обособленными другъ отъ друга.

Библіографическія указанія. Вопросъ о неударяемыхъ гласныхъ въ литературномъ языкѣ изслѣдовался мною въ статьѣ «Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ» (Р. Ф. В. 1880, № 3), вошедшей затѣмъ въ мои Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку; болѣе обстоятельную разработку того же вопроса я представилъ въ трудѣ «Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ» (1884), гдѣ излагается и исторія предмета. О неударяемыхъ гласныхъ трактуется довольно обстоятельно также въ слѣдующихъ трудахъ: Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Отрывки изъ лекцій по сравнительной фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. 1-й (1882), стр. 59—89; Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка (1892). Въ новѣйшее время вопросъ о неударяемыхъ гласныхъ излагаетъ проф. Брокъ

въ сочиненіи—Физіологія славянской рѣчи (1910), гдѣ даются и нѣкоторыя библіографическія указанія. Другіе вопросы вокализма, трактовавшіеся въ настоящей главѣ, съ большею подробностью были изложены нами въ Курсѣ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика, 1887 г. (отт. изъ Р. Ф. В. 1883—1887 гг.) съ библіографическими свѣдѣніями въ соотвѣтствующихъ главахъ. Названный выше трудъ проф. Брандта, имѣющій въ виду главнымъ образомъ литературную рѣчь, содержитъ также данныя и по исторіи предмета. Болѣе подробныя сравнительно-грамматическія свѣдѣнія съ библіографическими указаніями читатель найдетъ въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3]. Назовемъ далѣе: Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] гл. VI; Шахматовъ А. Изслѣдованія въ области русской фонетики (1893) — отт. изъ Р. Ф. В.; Къ исторіи звуковъ русскаго языка: О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ (1903) — въ Изв Акад. Наукъ, т. VII.

Глава VI.

Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны; разъясненія сравнительно-грамматическія.

Явленія въ области согласныхъ мы можемъ прежде всего раздѣлить на *физіологическія* измѣненія и *акустическія* замѣны. Разсматривая первыя, необходимо имѣть въ виду, что они имѣютъ мѣсто не при всякомъ сочетаніи звуковъ: въ однихъ сочетаніяхъ согласные болѣе устойчивы, въ другихъ же менѣе устойчивы. Изучая физіологическія измѣненія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ, мы разсмотримъ сначала измѣненія согласныхъ въ сочетаніи съ гласными звуками, а затѣмъ измѣненія въ сочетаніи съ другими согласными.

I. Физіологическія измѣненія.

А. **Сочетанія согласныхъ съ гласными.** Согласные въ сочетаніи съ орѳографическими гласными *А*, *О*, *У*, *Ы* не измѣняются,[1]) а потому мы обратимся къ разсмотрѣнію измѣ-

[1]) Впрочемъ въ сочетаніи съ гласными *О* и *У* они пріобрѣтаютъ нѣкоторую *лябіализацію*, т. е. характерное для этихъ гласныхъ округленіе и выпячиваніе губъ; это происходитъ вслѣдствіе того, что во время артакуляціи согласныхъ въ этомъ случаѣ происходитъ подготовленіе губъ для послѣдующаго лябіализованнаго гласнаго; такъ, напр., въ сочетаніи *ТО* согласный *т* нѣсколько лябіализованъ.

неній согласныхъ въ сочетаніи съ гласными, обозначаемыми въ орѳографіи черезъ *Е, Ѣ, И* (*І*). Въ сочетаніи съ послѣдними согласные представляютъ измѣненія, называемыя *смягченіемъ* и происшедшія въ исторіи языка благодаря тому, что означенные гласные произносятся при приближеніи средней части языка къ небу; [1]) эта артикуляція, сообщаясь предшествующему согласному, постепенно вызвала мягкое его произношеніе.

Разсмотримъ измѣненія разныхъ согласныхъ въ сочетаніи со смягчающими гласными: согласные губные и переднеязычные смягчились въ соотвѣтствующіе мягкіе, срв. труба́ || труб'а́ (трубѣ), вода́ || вод'а́ (водѣ); согласные заднеязычные въ сочетаніи со смягчающими гласными измѣнились въ согласные шипящіе, срв. пра́ро́к || пра́ро́чьт' (пророчить), мно́га́ || мно́жьт' (множить), стра́х || стра́шьт' (страшить). Измѣненіе к→ч, г→ж, х→ш произошло такимъ образомъ, что согласные *к*, *г* и *х* сначала смягчились въ *к'*, *г'* и *х'*, а затѣмъ эти послѣдніе постепенно переродились въ мягкіе *ч*, *ж* и *ш*. Такимъ образомъ, согласные губные и переднеязычные въ своемъ смягченіи прошли только одну фазу (напр. п....п', т....т'), согласные задне-язычные прошли двѣ фазы (напр. к....к'.....ч). [2]) Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ и потому развитіе этого смягченія можно отнести ко временамъ

---

[1]) Нёбо по-латыни palatum, почему эти гласные нерѣдко называются палятальными или небными, хотя правильнѣе называть по дѣйствующему органу—средне-язычными.

[2]) Аналогичная неравномѣрность процесса наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, напр. романскихъ; такъ, въ итал. и французскомъ губные и передне-язычные согласные почти еще не затронуты смягчающимъ вліяніемъ послѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, тогда какъ задне-язычные согласные успѣли уже переродиться въ другой звукъ подъ вліяніемъ смягченія; срв. лат. *te*=итал. *te* и фр. *te* (гдѣ *t* сохраняетъ еще твердость) || лат. *genus generis* = итал. *genere* (гдѣ *g* произносится какъ дж) и франц. *genre* (гдѣ начертаніемъ *g* передается звукъ ж).

славянскаго праязыка, смягченіе же согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, наблюдаемое лишь въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ языковъ, слѣдуетъ считать развившимся уже при обособленіи послѣднихъ. И такъ, *смягченіе передъ палятальными гласными задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе древнѣе смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе.* Къ разсматриваемой группѣ относятся также случаи смягченія согласныхъ передъ орѳограф. *Я* (послѣ шипящихъ—*А*)=ст.-сл. ѧ (напр. пять= ст.-сл. пѧть, начать=ст.-сл. нaчѧти), такъ какъ сначала здѣсь былъ смягчающій гласный *е* съ носовымъ пазвукомъ; сюда же принадлежатъ случаи смягченія согласныхъ передъ гласнымъ ъ (ĭ) впослѣдствіи исчезнувшимъ (напр. т'ма=орѳ. *тьма*, ло́ш=орѳ. *ложь*, гдѣ *ж* изъ *г*, срв. *лгать*).

Задне-язычные согласные кромѣ смягченія въ шипящіе знаютъ еще смягченіе въ свистящіе (к→ц, г→з, х→с). Это смягченіе обычно встрѣчается передъ *ѣ* позднѣйшаго происхожденія (т. е. передъ *ѣ* изъ дифтонговъ ае. *ōi и *ăi), напр. въ словѣ цѣна (срв. литов. kaina, греч. ποινή); [1]) такое смягченіе наблюдается въ церковно-славянскомъ языкѣ въ Дат. и Предл. ед. основъ на задне-язычный согласный (напр. рѫцѣ, носѣ, доусѣ и т. п.), а также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи, но въ великорусскомъ оно замѣнилось соотвѣтствующимъ согласнымъ задне-язычнымъ по аналогіи къ другимъ падежамъ (срв. рукѣ, ногѣ, духѣ). *Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе* (цѣна и пр.) *принадлежитъ болѣе поздней* (хотя тоже праславянской) *эпохѣ по сравненію со смягченіемъ въ шипящіе*, въ зависимости отъ

[1]) Въ русскомъ языкѣ подобно юго-славянскимъ языкамъ разсматриваемое смягченіе наблюдается еще въ томъ случаѣ, когда задне-язычный согласный былъ отдѣленъ отъ *ѣ* согласнымъ *в*: цвѣтъ, звѣзда (срв. польск. kwiat, gwiazda).

того, что *ѣ* въ этомъ случаѣ образовалось изъ дифтонга сравнительно поздно, *но это смягченіе все-таки древнѣе разсмотрѣннаго выше смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ.* [1])

Наконецъ, нужно указать уже сравнительно *новый слой* современныхъ мягкихъ задне-язычныхъ согласныхъ въ слогахъ *ки*, *ги*, *хи* изъ древнихъ слоговъ *кы*, *гы*, *хы*, напр. *гибель* (ст.-сл. гыкѣль), Род. ед. *руки* (ст.-сл. рѫкы) и т. п. Только съ появленіемъ этого слоя мягкихъ *к*, *г*, *х* стало возможнымъ распространеніе ихъ по аналогіи взамѣнъ смягченія въ шипящіе и свистящіе (*рукѣ*, народн. *пекешь*). Стало быть, указанные случаи аналогіи относятся къ еще болѣе поздней порѣ, что̀ подтверждается тѣмъ фактомъ, что они свойственны только области великорусскаго нарѣчія. Этотъ новый слой мягкихъ *к'* и *г'* въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ уже подвергается въ отдѣльныхъ словахъ дальнѣйшему измѣненію, именно замѣнѣ черезъ *т'* и *д'* (напр. *тисть* вм. *кисть*, *анделъ* вм. *ангелъ*), см. ниже стр. 117.

Примѣчаніе. Говоря о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ среднеязычныхъ гласныхъ, я опускаю категорію смягченія согласныхъ посредствомъ j; этотъ вопросъ излагается въ слѣдующемъ отдѣлѣ на стр. 113—114.

Б. **Сочетанія согласныхъ съ согласными.** При сочетаніи согласныхъ съ согласными наблюдаются разнообразные случаи аккоммодаціи [2]), сводящіеся главнымъ образомъ къ *ассимиляціи* или *уподобленію* и частію къ *диссимиляціи* или *расподобленію*. Мы должны напомнить, что разныя

---

[1]) Кромѣ шипящихъ *ч* и *ж*, вынесенныхъ русскимъ языкомъ изъ эпохи праславянской, въ немъ есть еще слой позднѣйшихъ *ч* и *ж*, образовавшихся уже на русской почвѣ, напр. *ночь*, *прячу*, *гложу*, о чемъ говоримъ ниже (стр. 113—114); другіе славянскіе языки представляютъ здѣсь уже иные рефлексы.

[2]) Подъ *аккоммодаціею* звуковъ понимаются измѣненія звуковъ въ направленіи *удобства* произношенія; терминъ происходитъ отъ латинскаго слова *commodus* «удобный».

комбинаціи согласныхъ неодинаково удобосочетаемы, вслѣдствіе чего однѣ изъ нихъ, болѣе *удобосочетаемыя*, являются болѣе устойчивыми противъ измѣненій, другія же, будучи *неудобосочетаемы*, измѣняются въ направленіи удобства или облегченія, какъ бы согласно началу экономическому (срв. *к* въ сочетаніи съ *в* сохраняется глухимъ, напр. въ выраженіи „къ вамъ“, тогда какъ передъ *д* измѣнилось уже въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *г*, напр. въ выраженіи „къ дому“). Въ аріо-европейскихъ языкахъ направленіе при ассимиляціи согласныхъ обычно бываетъ *регрессивное* (идущее назадъ), т. е. слѣдующій звукъ оказываетъ вліяніе тѣмъ или другимъ своимъ свойствомъ или свойствами на предшествующій звукъ, напр. *фтом* (=орс. въ томъ), *ланно* вм. ладно (въ части сѣв.-великорусскихъ говоровъ) и т. п. Кромѣ указанныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствіе ассимиляціи происходитъ между непосредственно соприкасающимися звуками, есть еще случаи ассимилирующаго дѣйствія одного согласнаго на другой на разстояніи, т. е. когда согласные принадлежатъ двумъ разнымъ слогамъ и раздѣлены гласнымъ, напр. срв. вульгарное произношеніе „*ш*ашинька“ (гдѣ *ш* вм. с) и т. п. [1])

Разнообразныя явленія аккоммодаціи согласныхъ мы разсмотримъ въ той послѣдовательности, въ которой мы обозрѣвали, при изложеніи физіологіи рѣчи, отдѣльныя части говорильнаго аппарата.

1) *Дыхательный аппаратъ*. Наблюденій надъ аккоммодаціею согласныхъ по дѣятельности дыхательнаго аппарата почти еще нѣтъ; можно только сказать, что различія силы выдыханія при ударенности и неударенности свойственны не только гласнымъ звукамъ, но также и согласнымъ, при чемъ—какъ уже упоминалось—въ связи съ измѣненіемъ силы выдыханія измѣняется и напряженность дѣйствія органовъ произношенія.

---

[1]) Сюда же относится и произношеніе «чучье» (чутьё), отмѣченное Тургеневымъ у охотника Ермолая (Сочин., т. II, стр. 415, изд. 1883).

2) *Гортань.* Какъ мы знаемъ, въ зависимости отъ разнаго дѣйствія гортани согласные распадаются на звонкіе и глухіе. Вполнѣ естественно, что сочетанія глухихъ согласныхъ съ глухими (напр. *отт*уда) и звонкихъ съ звонкими (напр. *обд*ѣлать), какъ вполнѣ удобосочетаемыя, измѣненію по дѣйствію гортани не подлежатъ. Если же приходитъ въ соприкосновеніе глухой согласный съ слѣдующимъ звонкимъ (что́ могло произойти послѣ исчезновенія раздѣлявшаго ихъ *ъ или *ь), но не-плавнымъ, не-носовымъ, также не *в* и не *j*, то происходитъ уподобленіе, напр. въ выраженіи „*съ* домъ“ глухой звукъ *с* передъ звонкимъ *д* измѣнился въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *з*; въ случаяхъ же „свой“, „съёмка“ (=*сj*о́мкй), „слабый“, „*съ* нами“, т. е. въ положеніяхъ передъ *в*, *j*, плавнымъ или носовымъ согласнымъ, глухой согласный не измѣнился въ звонкій, такъ какъ такія сочетанія глухаго согласнаго съ звонкимъ удобопроизносимы и безъ ассимиляціи. Что касается обратнаго случая, когда звонкій согласный приходитъ въ соприкосновеніе съ слѣдующимъ глухимъ, то всѣ звонкіе согласные, для которыхъ имѣются парные глухіе, измѣняются въ глухіе, напр. *бабка*, *лавка* и т. п. произносятся ба́*пк*й, ла́*фк*й; непарные согласные, т. е. плавные, носовые и *j*, передъ слѣдующими глухими согласными естественно сохраняются звонкими (напр. ка*рт*а, *лент*а, по*йт*и, *лайк*а), хотя иногда болѣе или менѣе заглушаются въ особенно благопріятствующихъ для того условіяхъ (напр. надсмо*тр*щикъ). Здѣсь же упомянемъ о замѣнѣ звонкихъ согласныхъ глухими въ концѣ слова, что́ могло произойти лишь послѣ исчезновенія конечныхъ *ъ и *ь; такъ, слова—*дубъ*, *давъ*, *садъ* и пр. произносятся ду́*п*, да́*ф*, са́*т* и т. д.; [1]) въ словахъ же—*даръ*, *далъ*, *дамъ*, *данъ*, *дай* конечные согласные сохраняютъ

[1]) Аналогичное чередованіе звонкихъ согласныхъ съ глухими развилось также и въ сосѣдней языковой области—польской; напр. *dąb*u (передъ гласнымъ произносится *b*) ‖ *dąp* (на концѣ произносится *p*).

свою звонкость; впрочемъ конечные плавные и носовые, предшествуемые глухимъ согласнымъ и особенно двумя глухими (срв. драхмъ, магистръ), могутъ быть болѣе или менѣе заглушены. Этимъ объясняютъ дальнѣйшее исчезновеніе конечнаго приглушеннаго *-л* въ прош. времени глаголовъ въ положеніи послѣ орѳографическихъ *б*, *к*, *г*, *х*, *с*, *з* и *р* (гребъ вм. греблъ, срв. ж. р. гребла; текъ, могъ, опухъ, несъ, везъ, теръ) и въ сущ. рубль, нерѣдко произносимомъ какъ ру́п'.

3) *Мягкое небо.* Въ отношеніи мягкаго неба русскій языкъ почти не представляетъ явленій аккоммодаціи согласныхъ, такъ какъ чистые (не-носовые) согласные сохраняются передъ слѣдующими носовыми (напр. надобно, страшно) и наоборотъ (напр. лента), хотя нѣкоторые случаи аккоммодаціи наблюдаются въ народныхъ говорахъ (напр. ланно). Своеобразный случай аккоммодаціи представляетъ развитіе вторичнаго *д* между носовымъ согласнымъ *н* и дрожащимъ *р* въ народн. произношеніи ндравъ вм. нравъ. Постараемся разъяснить физіологически этотъ случай. При переходѣ отъ *н* къ слѣдующему *р* сходная работа гортани (оба они звонкіе) сохраняется, смѣниться же должны артикуляція мягкаго неба (такъ какъ при *н* мягкое небо опущено, а при *р* поднято) и еще передней части языка (хотя оба звука требуютъ дѣйствія передней части языка, но при произношеніи *н* оно совершается относительно верхнихъ зубовъ и по способу имѣетъ характеръ замкнуто-взрывной, тогда какъ *р* согласный по мѣсту артикуляціи альвеолярный, а по способу произношенія дрожащій). Не трудно видѣть, что смѣна уложенія мягкаго неба болѣе проста и легка, нежели смѣна въ уложеніи языка, вслѣдствіе чего перемѣна въ уложеніи мягкаго неба легко можетъ наступать раньше, нежели начнется перемѣна положенія языка и въ этотъ моментъ звукъ утратитъ свой носовой характеръ, вслѣдствіе чего должно послышаться *д*; отъ этого послѣдняго согласнаго, при которомъ, какъ не-носовомъ, прижатіе органа произношенія болѣе сильно, переходъ къ

произношенію *р* уже легокъ, такъ какъ теперь движеніе исходитъ какъ бы отъ болѣе твердой точки опоры; здѣсь мы видимъ, что и зарожденіе новаго звука вызывается условіями удобства произношенія, при чемъ самая аккоммодація является сложною, такъ какъ касается взаимнаго приспособленія работъ *мягкаго неба + органа произношенія.*

4) *Органы произношенія*:

а) *мѣсто артикуляціи.* Въ общемъ, согласные звуки въ русскомъ языкѣ являются устойчивыми относительно мѣста артикуляціи, вслѣдствіе чего ассимиляція въ разсматриваемомъ отношеніи встрѣчается лишь въ узкихъ предѣлахъ. Здѣсь отмѣтимъ прежде всего случаи ассимиляціи при соприкосновеніи передне-язычныхъ согласныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ (напр.. вм. „*съ шапкой*“ говорится шпáпкъj) и затѣмъ при соприкосновеніи согласныхъ твердыхъ, т. е. произносимыхъ безъ участія средней части языка, съ мягкими, произносимыми съ участіемъ средней части языка (напр. „*свѣтъ*“ произносится *с*'в'ѣт). Если въ словѣ „послѣ“ *с* произносится мягко передъ мягкимъ *л*, а въ выраженіи „несъ-ли“ при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ произносится твердо, то эта разница объясняется тѣмъ, что во второмъ случаѣ твердое произношеніе *с* обязано вліянію аналогіи отдѣльнаго произношенія того же слова („несъ“), т. е. безъ частички -ли. Въ такихъ случаяхъ, какъ т'ˌм'ѣ (тьмѣ, ст.-сл. тьмѣ), какъ уже упоминалось, мягкость согласнаго *т* вызвана не слѣдующимъ мягкимъ *м*, но гласнымъ ъ (ĭ), слѣдовавшимъ нѣкогда за *т*; если же смягчающій гласный ъ (ĭ) исчезалъ передъ твердымъ согласнымъ, то вызванная имъ мягкость предшествующаго согласнаго въ однихъ условіяхъ удерживается (особенно передъ губными и задне-язычными, напр. *тьма*, усадьба, рѣдька [1]), при другихъ же условіяхъ наступило его отвердѣніе передъ

[1]) Особенность представляетъ только мягкое *р*, которое при тѣхъ же условіяхъ можетъ встрѣчаться и отвердѣвшимъ, напр. *первый* = п'ѣр'въj, чаще п'ѣрвъj, *верхъ* = в'ѣр'х, иногда в'ѣрх.

слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (особенно передъ передне-язычными, срв. *славно*=славьно, *брать*=бьрати и даже передъ отвердѣвшимъ *и*, напр. вѣ*нц*а, ку*пц*а) [1]). Возвращаясь къ вопросу о вліяніи мягкости согласныхъ на предшествующіе твердые согласные въ случаяхъ первичнаго ихъ соприкосновенія или же послѣ исчезновенія промежуточнаго не смягчающаго гласнаго *ъ, мы должны указать, что не всѣ согласные въ одинаковой мѣрѣ поддаются этому вліянію. Изъ всѣхъ согласныхъ наибольшую смягчаемость обнаруживаютъ согласные передне-язычные, изъ которыхъ придувные *с* и *з* особенно легко подвергаются такому смягченію, между тѣмъ какъ взрывные въ меньшей степени; изъ плавныхъ *р* обладаетъ обычно значительною смягчаемостью въ противоположность другому плавному *л*, который (за однимъ исключеніемъ, указываемымъ ниже) совсѣмъ не поддается вліянію мягкости; носовой *н* принадлежитъ къ согласнымъ значительной смягчаемости. Дальнѣйшую ступень по способности смягчаться представляютъ согласные губные и задне-язычные, при чемъ придувные легче смягчаются, чѣмъ взрывные. Нужно замѣтить, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ смягчаемость зависитъ не только отъ категоріи предшествующаго согласнаго, но также и отъ характера послѣдующаго мягкаго согласнаго; такъ, напримѣръ, согласный *р*, обладая большой смягчаемостью, тѣмъ не менѣе остается обыкновенно твердымъ напримѣръ въ положеніи передъ *к'*, срв. а́рк'і, м'э́рк'і. Кромѣ того, на смягчаемость предшествующаго согласнаго оказываетъ вліяніе и то, стоитъ ли онъ послѣ не-палятальнаго гласнаго, или же палятальнаго, срв. С'єр'г'е́j || та́рг'і. Наконецъ, если сочетаніе состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ, то предшествующій всегда уподобляется по мягкости слѣдующему, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, напр. мул'л'э́, аг'г'е́j. Го-

[1]) Исключеніе представляетъ мягкое *л*, которое при всякихъ условіяхъ сохраняетъ свою мягкость, срв. *лъна* = л'на́ и пр.

воря о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ, нужно имѣть въ виду, что при этомъ въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ можетъ получаться не-полная или средняя мягкость, что зависитъ нерѣдко отъ особенностей индивидуальнаго произношенія.

Теперь мы перейдемъ къ древнѣйшимъ случаямъ смягченія согласныхъ—посредствомъ j. Особенно удобно изучать это смягченіе въ формахъ настоящаго времени такихъ глаголовъ, въ которыхъ это время образуется съ j, какъ напр. писать || пи*шу* (*ш* изъ сj); разсмотрѣніе этихъ глаголовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) *губные* согл. +j измѣнились въ губн. согл. +л', напр. тре*плю* (срв. тре*пать*), колеб*лю*, дрем*лю*, б) согласные передне-язычные *т*, *д*, *с*, *з* + j измѣнились въ шипящіе, напр. пря*чу*, глo*жу*, пи*шу*, ма*жу*; в) согласные передне-язычные плавные *л*, *р*, и носовой *н*+j измѣнились въ соотвѣтствующіе мягкіе, т. е, *л'*, *р'*, *н'*, напр. сте*лю*, о*рю*, сте*ню*; наконецъ, г) согласные *задне-язычные* +j измѣнились въ шипящіе, напр. пла*чу*, дви*жу*, па*шу*, и*щу*. Смягченіе посредствомъ j наблюдается еще въ сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій, оканчивающейся на *-е* (-je), напр. дешев*ле* изъ *дешевje (срв. дешевый), хуже изъ *худje (срв. худой), а также въ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ образованіе которыхъ привошло j, напр. ме*жа* (срв. лат. media), чу*жой* (К. чуд-). Въ глаголахъ втораго спряженія въ 1 ед. наст. j развилось изъ гласнаго *і* передъ другимъ гласнымъ, напр. кра*шу* (ш←сj←си) || кра*сишь*, моро*жу* || моро*зишь*, ло*влю* || ло*вишь*, гру*щу* || гру*стишь* и пр.; иностранные глаголы, вошедшіе въ этотъ типъ спряженія, слѣдуютъ тѣмъ же законамъ чередованія согласныхъ, какъ и природные глаголы, напр. гра*флю* || гра*фишь*, конфу*жу* || конфу*зишь* и т. п. Въ церковно-славянскомъ языкѣ законы смягченія согласныхъ посредствомъ j тѣ же, что̀ и въ русскомъ языкѣ, за исключеніемъ согласныхъ *т* и *д*, изъ которыхъ первый смягчается въ шт (ѱ), а второй въ жд, напр. свѣща=

рус. свѣ*ч*а, **меж**да=рус. ме*ж*а; отсюда, такія слова въ русскомъ языкѣ, какъ освѣ*щ*еніе, ме*ж*ду при чисто-русскомъ ме*ж*ъ, гра*ж*данинъ при чисто-русскомъ горо*ж*анинъ, и проч.— должны объясняться заимствованіемъ изъ церковно-славянскаго языка. Всматриваясь въ явленіе смягченія согласныхъ посредствомъ j, не трудно замѣтить, что этотъ процессъ привелъ въ русскомъ языкѣ къ частному совпаденію согласныхъ передне- и задне-язычныхъ въ шипящихъ звукахъ; такъ, *ч* можетъ происходить изъ *tj* и *kj* (также изъ смягченія *к* передъ слѣдующими палятальными гласными и изъ группъ *гт* и *кт* при слѣдующемъ палятальномъ гласномъ, напр. въ неопред. накл. „мочь“, „течь“ изъ *мог-ти, *тек-ти, и въ словахъ „ночь и дочь“, какъ это видно изъ соотвѣтствующихъ литовскихъ словъ naktìs и duktẽ); *ж* можетъ происходить изъ *dj*, *зj*, *гj* (а также изъ *г* передъ смягчающими гласными) и, наконецъ, *ш* можетъ происходить изъ *сj* и *хj* (также изъ *х* передъ смягчающими гласными). [1])

б) *способъ артикуляціи*. Здѣсь нужно указать на переходъ взрывнаго произношенія согласныхъ въ придувное, напр. *хт*о́=орѳ. *кто*, *шт*о́=орѳ. *что*, кàн'э́шнà=орѳ. конечно; *д*, *т*+*т*=*ст*, напр. упа*ст*ь, ме*ст*и, [2]) а затѣмъ и на полное исчезновеніе согласныхъ въ извѣстныхъ группахъ, напр. гру̀с‸нъj= орѳ. грустный. [3]) Здѣсь же укажемъ случаи зарожденія новаго согласнаго (передне-язычнаго взрывнаго) для удобства произ-

---

[1]) Замѣтимъ, что *ч* изъ *кj*, *ж* (←дж) изъ *гj*, *ш* изъ *сj* и *хj*, проходящіе по всѣмъ славянскимъ языкамъ, должны быть отнесены къ праславянской эпохѣ, тогда какъ *ч* изъ *тj* и *кт*, а также *ж* изъ *дj* представляютъ уже особенность русскаго языка.

[2]) Въ приведенныхъ случаяхъ изъ двухъ соприкасающихся взрывныхъ первый переходитъ въ придувной (к→х, ч→ш, т→с), почему явленіе на основаніи этого внѣшняго признака называютъ *расподобленіемъ*; передъ взрывнымъ *к* согласный *ч* оказывается устойчивымъ и не измѣняется въ *ш*, напр. птичка, ручка и т. п.

[3]) Примѣръ изъ древней письменности: пра́зникъ (Домострой, гл. 12)= соврем. орѳ. «праздникъ».

ношенія между передне-язычными придувными (*с*, *з*, *ш*, *ж*) и слѣдующимъ *р*, напр. въ словахъ одного и того же корня „*стр*уя“ и „*остр*овъ“ (срв. литов. srіovẽ); народн. „*стр*убъ“ м. срубъ и т. д.

5) Объ аккоммодаціи въ отношеніи работы *нижней челюсти* трудно говорить, въ виду болѣе или менѣе сходнаго раствора при согласныхъ, какъ съуженныхъ звукахъ.

II. Акустическія замѣны согласныхъ.

Акустическія замѣны звуковъ имѣютъ—какъ мы знаемъ—спорадическій характеръ и наблюдаются преимущественно въ простонародномъ языкѣ въ словахъ одинокихъ и заимствованныхъ, при чемъ особенно легко подвергаются замѣнамъ начальные согласные, какъ имѣющіе менѣе всего морфологической поддержки. [1]) Замѣны эти основываются на томъ или другомъ акустическомъ (слуховомъ) сходствѣ звуковъ, которое естественно находится въ соотношеніи съ анатомо-физіологическою природою тѣхъ же звуковъ. Представимъ теперь главнѣйшія категоріи акустическихъ замѣнъ, придерживаясь въ общемъ того же порядка, какъ и при разсмотрѣніи физіологическихъ измѣненій.

1) Смѣшеніе звонкихъ и соотвѣтствующихъ глухихъ согласныхъ; напр.: *э*такъ || *э*дакъ; *пр*ыскать || *б*рызгать (здѣсь гармонируютъ между собою по звонкости и глухости начальный согласный корня и согласные суффикса); случаевъ смѣшенія не много, что̀ можетъ объясняться отчетливымъ различіемъ въ русскомъ языкѣ звуковъ той и другой категоріи.

2) Смѣшеніе носоваго съ соотвѣтствующимъ неносовымъ: діалектическое хобякъ вм. хомякъ, баклакъ (псков.) вм. маклакъ.

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что акустическія замѣны звуковъ нерѣдко усложняются вліяніемъ народной этимологіи.

3) Смѣшеніе одного носоваго съ другимъ носовымъ же, особенно мягкихъ [1]): *М*икита вм. *Н*икита (такое произношеніе извѣстно еще отъ XIV в.—грам. Рязан. кн. послѣ 1356 г.), уменьшит. *М*иколя вм. *Н*иколя (уже въ 1282 г. — *м*икула), *н*ебель; примѣромъ смѣшенія тѣхъ же согласныхъ въ случаѣ твердаго произношенія можетъ служить народное произношеніе *м*ырять вм. *н*ырять (казан., нижегор., тамб.); нерѣдко встрѣчается въ просторѣчіи замѣна сочетанія *мб* посредствомъ *нб* (напр. Си*нб*ирскъ, ту*нб*ычка), быть можетъ—подъ вліяніемъ большей звучности сочетанія *нб*.

4) Смѣшеніе плавныхъ между собою (чаще мягкихъ). Звуки *л* и *р* очень сходны между собою, почему легко замѣняются одинъ другимъ, особенно въ неударяемыхъ слогахъ, часто для избѣжанія повторенія *р* въ двухъ слогахъ одного и того же слова; напр. колидоръ, кульеръ, Порфильевна (замѣнѣ втораго *р* посредствомъ *л* благопріятствовала бо̀льшая обычность *л* въ отчествахъ, срв. Васильевна, Савельевна), секлетарь, цырульникъ (польск. cyrulik, отъ лат. chirurgus); примѣромъ замѣны твердаго *р* можетъ служить слово „пролубь“ (каз.); примѣръ замѣны *л'* посредствомъ *р'*: перемень (п'ър'ѥм'ѥ́н') вм. пельмень (↑ къ *пере-*, при чемъ и вторая часть какъ будто получаетъ смыслъ—„мѣнять“); перестановка *л'* и *р'*: пе*ре*линка (п'ър'ѥл'і́нкъ) вм. пелеринка (каз.; слово происходитъ отъ франц. la pèlerine) по аналогіи къ знаменательному сочетанію *пере-*.

5) Смѣшеніе плавныхъ съ передне-язычнымъ носовымъ, особенно мягкихъ: су*мл*ѣніе вм. со*мн*ѣніе (въ связи съ большею обычностью сочетанія мл' сравнительно съ мн'); въ при-

---

[1]) Причина, почему мягкіе согласные легче смѣшиваются между собою, нежели соотвѣтствующіе имъ твердые, заключается въ томъ, что при мягкихъ согласныхъ, вслѣдствіе приближенія къ небу средней части языка, артикуляціонныя полости уменьшены и сближены и потому зависящіе отъ нихъ мягкіе звуки оказываются болѣе сходными между собою, чѣмъ твердые.

мѣрѣ ма*н*енькій, ма*н*енько (каз.) сказывается вліяніе *н* смежнаго слога (въ словѣ же „мало“ нѣтъ этой замѣны, такъ какъ не было дальнѣйшаго слога съ *н*, послѣдовать же аналогіи производныхъ отъ него словъ оно не могло, такъ какъ имѣло твердое *л*), ярма*н*ка (ја́рмънкă) вм. ярмарка и фонта*л*ъ вм. фонта*н*ъ (на замѣну плавныхъ въ этихъ примѣрахъ посредствомъ *н* могла вліять обычность окончаній *-нка* и *-а́лъ*).

6) Смѣшеніе твердыхъ взрывныхъ разнаго органа произношенія сравнительно рѣдко: „маль*к*остъ“ (индивид. произн.) вм. „мальпостъ“; смѣшеніе же мягкихъ взрывныхъ переднеязычнаго и задне-язычнаго согласнаго, какъ особенно близкихъ между собою по артикуляціи, наблюдается въ простонародномъ языкѣ весьма нерѣдко, напр. *к*іятеръ, *т*ипѣть, *т*ипарисъ, ан*д*елъ; довольно обычна замѣна сочетаній *тл'* и *дл'* посредствомъ *кл'* и *гл'*, напр. ко*кл*еты, *гл*я (вм. *дл*я).

7) Смѣшеніе придувныхъ *х* и *ф*: *ф*омякъ вм. *х*омякъ (вят.; срв. выше иную замѣну въ томъ же словѣ—хо*б*якъ, изъ чего видимъ, что акустическія замѣны звуковъ могутъ представлять варіаціи по говорамъ), ку*ф*арка; смѣшеніе твердаго задне-язычнаго взрывнаго съ соотвѣтствующимъ придувнымъ, напр. *к*уторъ вм. *х*уторъ, *к*ороводъ вм. хороводъ.

Случаи *перестановки* согласныхъ чаще наблюдаются при плавныхъ, напр. ка*лб*укъ вм. ка*бл*укъ, же*вл*акъ вм. же*лв*акъ. Объ *исчезновеніи* согласныхъ въ группахъ мы уже имѣли случай упомянуть выше; замѣтимъ еще, что неударенность при сравнительной маловажности даннаго звука также благопріятствуетъ исчезновенію, срв. произношеніе здра͡сс'ъ вм. здравствуйте.

Разсмотрѣвъ разнообразныя измѣненія согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, мы должны взглянуть на эти послѣдніе съ точки зрѣнія ихъ происхожденія изъ звуковъ аріо-европейскаго праязыка.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали кромѣ обычныхъ согласныхъ (напр. *p*, *t*, *b*, *d*, *r*, *l*, *m*, *n*), перешедшихъ и въ славянскіе языки, еще нѣкоторыя особыя категоріи. Здѣсь надо указать въ особенности два ряда заднеязычныхъ согласныхъ (болѣе передній и болѣе глубокій) и, затѣмъ, категорію звонкихъ взрывныхъ придыхательныхъ.

Существованіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ *двухъ рядовъ задне-язычныхъ согласныхъ* подтверждается различнымъ отраженіемъ ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства. Въ то же время отраженіе каждаго ряда оказывается неодинаковымъ въ восточной и западной группѣ этихъ языковъ. Такъ, взрывному согласному *k* западной группы (греч., лат., кельт.) [1]) соотвѣтствуетъ передне-язычный придувной (свистящій или шипящій) въ восточной группѣ (скт. ç=ш', зд., армян., албан. и слав. s, литов. š), между тѣмъ какъ согласный *k* восточнаго отдѣла соотвѣтствуетъ въ западномъ отдѣлѣ или звуку *k* съ губнымъ призвукомъ (*kw*), или же одному чисто-губному согласному (*p*). Изслѣдованіе перваго случая привело къ предположенію въ праязыкѣ *k* болѣе передней артикуляціи (обычно обозначаемаго посредствомъ *k^1 или *k̂), тогда какъ для послѣдняго случая предполагаютъ *k* съ болѣе задней атрикуляціей (*k^2 или *q^w). [2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ отраженіе того и другаго *k*:

---

[1]) Къ этой группѣ принадлежитъ и германская вѣтвь, въ которой однакожъ отраженіе согласныхъ представляетъ нѣкоторыя особенности вслѣдствіе спеціально-германскаго закона «передвиженія» согласныхъ (Lautverschiebung); напр. разсматриваемое *k* германскіе языки передвинули въ *h*.

[2]) Теперь открытъ еще третій рядъ задне-язычныхъ согласныхъ (*K^3), который однако, по моему мнѣнію, правильнѣе считать лишь частнымъ случаемъ, а не отдѣльною самостоятельною фонемою.

Ario-европ. праязыкъ.	Восточная группа.	Западная группа.
*k¹	сердце (ст.-сл. срьдьце), лит. širdìs, арм. sirt.	греч. καρδία, лат. cor, нѣм. Herz.
	сто (ст.-сл. сто), лит. šimtas, скт. çatám.	греч. ἑ-κατόν, лат. centum, нѣм. hund-ert.
	песъ (ст.-сл. пьсъ), скт. páçu, зд. pasu.	лат. pecu, нѣм. Vieh.
*k²	кто (ст.-сл. къто), скт., зд. и лит. kas.	греч. πο-, лат. quo-, гот. hvas (нѣм. wer).
	око, лит. akìs, арм. akn.	греч. ὄμμα (изъ *ὄπ-μα), лат. oculus.

Примѣчаніе. Таблица отраженія звонкихъ задне-язычныхъ согласныхъ будетъ помѣщена ниже, такъ какъ мы ихъ разсмотримъ вмѣстѣ съ другими звонкими взрывными

Русское и славянское *с* (*s*) можетъ происходить не только изъ ае. *k¹, но еще и изъ ае. *s, которое и въ другихъ языкахъ отражается по крайней мѣрѣ отчасти въ видѣ *s* (въ греческомъ языкѣ начальное *s* передъ гласнымъ измѣнилось въ густое придыханіе), напр.:

*s : сол, греч. ἅλς, лат. sal, нѣм. Salz.
сынъ, литов. sūnùs, скт. sūnúš, нѣм. Sohn.
есть, скт. ásti, греч. ἐστί, лат. est.

Такимъ образомъ русское *с*, отражая первоначальное *k¹, имѣетъ своимъ соотвѣтствіемъ литовское š (греч. κ), въ случаѣ же происхожденія изъ *s имѣетъ соотвѣтствіемъ и въ

литов. также *s* (греч. *σ*, а также густое придыханіе, исчезающее внутри словъ въ положеніи между гласными). [1]) Слѣдовательно, путемъ сравненія съ родственными языками легко опредѣлить тотъ или другой источникъ русскаго и славянскаго *с* (*s*).

Примѣчаніе. Въ томъ случаѣ, когда славянское *s* (изъ ае. **s*) находилось послѣ узкихъ гласныхъ или же согласныхъ *r* и *k* и обычно сопровождалось другимъ гласнымъ, оно измѣнилось, давши начало новому согласному въ славянскихъ языкахъ—Х.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію отраженія *звонкихъ взрывныхъ* согласныхъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства, мы прежде всего отмѣтимъ, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ они распадались на собственно звонкіе взрывные или *не-придыхательные* (*b, *d, *g^1, *g^2) и *придыхательные* (*bh, *dh, *g^1h, *g^2h); въ этомъ мы убѣждаемся особенно изъ санскрита, который еще сохраняетъ эти послѣдніе, тогда какъ греческій измѣнилъ ихъ въ соотвѣтствующіе глухіе придыхательные; въ славянскихъ языкахъ первоначальные звонкіе взрывные придыхательные утратили придыханіе и совпали такимъ образомъ съ первоначальными звонкими взрывными не-придыхательными, такъ что для открытія того или другаго источника необходимо сравненіе славянскихъ языковъ съ тѣми родственными языками, въ которыхъ совпаденія этихъ двухъ первоначальныхъ категорій не произошло. Теперь мы представимъ параллельно примѣры отраженія звуковъ той и другой категоріи:

---

[1]) Замѣтимъ, что въ славянскихъ языкахъ прибавилось еще новое *s*, благодаря измѣненію *д*, *т*+*т*=*ст*.

Аріо-европ праязыкъ.	Восточная группа.	Западная группа.
*g^1	знаю, лит. žinaĩ	греч. γιγνώσκω, лат. co-*g*nosco, нѣм. *k*enne.
*g^{1}h	возъ, лит. -važas	греч. ὄχος, лат. ve*h*o („везу“), нѣм. Wa*g*en.
	зима, [1]) лит. žẽmà	греч. χειμών, лат. *h*iems.
*g^2	говядо, скт. gaus	греч. βοῦς, лат. *b*os.
*g^{2}h	горѣть, скт. *gh*armás	греч. θερμός, лат. *f*or-mus, нѣм. *w*arm.

*b: больше=скт. *b*alí („сильный“), греч. βελτίων („лучшій“).

*bh: беру=скт. *bh*árāmi, греч. φέρω (φ=ph), лат. *f*ero.
братъ=скт. *bh*rā́tā (N. sg.), греч. φράτηρ φράτωρ (членъ „фратріи“), нѣм. *B*ruder, лит. *b*roterẽlis (уменьш.).

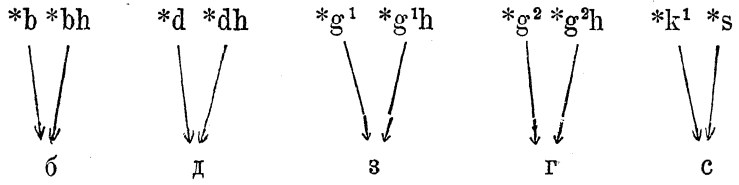
*d: домъ=скт. *d*amás, греч. δόμος, лат. *d*omus.
даю=скт. dádāmi, греч. δίδωμι, лат. *d*o, литов. *d*ṹmi.

*dh: дымъ=скт. *dh*ūmás, греч. θῦμός, лат. *f*ūmus, литов. *d*úmai.
медъ=скт. má*dh*u, греч. μέθυ, нѣм. Me*t*, литов. me*d*ùs.

---

[1]) Подобно совпаденію въ славянскихъ языкахъ *k^1 и *s и здѣсь кромѣ *g^1 и *g^{1}h нужно имѣть въ виду еще *z (срв. мэда=греч. μεσθός; гнѣздо=нѣм. Nest, лит. lizdas) въ положеніи передъ звонкими взрывными.

Подводя итогъ вышеизложеннымъ сравнительно-фонетическимъ даннымъ,[1]) мы можемъ слѣдующимъ образомъ представить графически явленіе совпаденія (конвергенціи) въ области русскихъ согласныхъ:



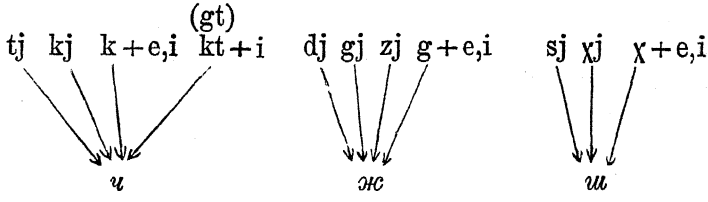
Въ виду того, что такое совпаденіе наблюдается во всѣхъ славянскихъ языкахъ, можно предположить, что оно произошло ранѣе распаденія славянскаго праязыка на отдѣльныя группы и даже—вѣроятно—еще въ эпоху литво-славянскую. Но такъ какъ за данными звуками славянскаго праязыка могли слѣдовать разные гласные и согласные, то благодаря такому различію условій въ дальнѣйшемъ происходили новыя фонетическія явленія. Такъ, согласные могли сочетаться съ слѣдующими гласными не-палятальными и палятальными, согласнымъ j и другими согласными; сочетаніе съ палятальными гласными и согласнымъ j, [2]) какъ мы знаемъ, вело къ процессу смягченія, совершавшемуся неравномѣрно и въ значительной степени во времена общеславянскія,—онъ-то и далъ

---

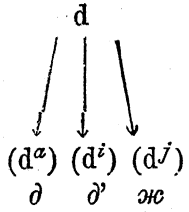
[1]) Мы разобрали со стороны происхожденія не всѣ согласные русскаго языка, такъ какъ другіе согласные произошли вообще изъ такихъ же согласныхъ аріо-европейскаго праязыка, срв. *пью* = греч. *πίνω*, *тру* = лат. *tero* и т. п.

[2]) Нужно прибавить, что *j* въ славянскихъ языкахъ можетъ имѣть троякое происхожденіе: 1) ае. *j, напр. ст.-сл. ЮХА = скт. yūšam, лат. jūs, НГО = скт. yugám, греч. ζυγόν, лат. jugum; 2) ае. *i̯ (такъ обозначается полугласный i), напр. ЄГО = скт. yás (N. sg.), греч. ὅς (въ греч. ае. *i̯ отражается въ началѣ словъ передъ гласнымъ въ видѣ густаго придыханія, тогда какъ ае. *j въ тѣхъ же условіяхъ дало ζ-); 3) изъ праславянскаго i въ положеніи передъ гласнымъ, напр. въ 1 л. ед. наст. втораго спряженія (крашу изъ *красjV ⟵ *красiV).

начало цѣлому ряду вторичныхъ согласныхъ (ч, ш, ж; ц; п', т'...). Кромѣ того, въ славянскомъ праязыкѣ дѣйствовалъ и и тоже неравномѣрно законъ устраненія согласныхъ съ конца словъ и слоговъ, приведшій къ возникновенію въ славянскихъ языкахъ носовыхъ гласныхъ, а въ основно-русскомъ языкѣ къ явленію т. наз. полногласія. Въ послѣдующее время въ области русскаго языка произошло исчезновеніе слабыхъ ъ и ь, которое повело къ измѣненію въ концѣ словъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе, а внутри слова къ уподобленію и расподобленію, вмѣстѣ съ чѣмъ въ томъ и другомъ случаѣ происходили явленія дивергенціи и конвергенціи согласныхъ. Вотъ, напр., нѣкоторыя совпаденія, которыя произошли уже послѣ представленныхъ выше древнѣйшихъ праславянскихъ совпаденій:



Въ то же время совершались и дивергенціи звуковъ, напр. общесл. *d* (=ае. *d, *dh) въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе не-смягчающій или же смягчающій гласный или согласный j, развѣтвилось на *д*, *д'* и *ж*:



Исторія языка слѣдитъ за послѣдовательностью такихъ звуковыхъ развѣтвленій и совпаденій.

Библіографическія указанія. Буслаевъ Ѳ. Историческая грамматика русскаго языка, I (1875)[4], стр. 56—81. Гротъ Я. Филологическія разысканія (1899)[1], стр. 240—248. Потебня А., О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки (Р. Ф. В. II 1—44, 207—232). Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка, читанныхъ въ 1880—1881 акад. году. Вып. 1-й (отт. изъ Фил. Зап.), Воронежъ, 1882 г., стр. 26—54; Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» или палатализаціи въ славянскихъ языкахъ (Уч. Зап. Юрьев. ун-та 1893 № 2); Einiges über Palatalisierung u. Entpalatalisierung (I. F. IV, 1894). Богородицкій В. Курсъ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика (1887), стр. 267—280; Діалектологическія замѣтки, VII: о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ (Изв. Акад. Наукъ, т. XI, 1906 г., кн. 2); Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 362—378. Житерманъ Б. Къ ученію о палатализаціи звуковъ русскаго языка (Ж. М. Н. Пр. ч. 345, 1903 г., февр., стр. 292—328). Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I: Фонетика (1892), стр. 104 сл. Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] глава VII-ая. Мартыновъ И. Игра согласныхъ буквъ въ словопроизводствѣ (см. его книгу—Сводъ сокращенной русской грамматики Востокова и начальныхъ правилъ рус. грам. Греча, СПб. 1832, стр. 167—178)—рѣчь идетъ, если воспользуемся современной терминологіей—о «чередованіи» согласныхъ при словопроизводствѣ.

Морфологія.

Глава VII.

Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ.

Въ *фонетикѣ* мы изучали звуковыя явленія, происходящія въ словахъ и ихъ знаменательныхъ частяхъ и, такимъ образомъ, имѣли дѣло съ простѣйшими элементами слова—звуками. *Морфологія* изучаетъ въ словахъ не отдѣльные звуки, но знаменательныя (морфологическія) части словъ, каковы: корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе и основа; при этомъ она показываетъ, какъ языкъ пользуется ими для измѣненія словъ по склоненіямъ и спряженіямъ, а также для словопроизводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ морфологія группируетъ самыя слова по характеру ихъ значенія и формы въ тѣ наиболѣе крупные разряды, которые извѣстны подъ названіемъ частей рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію морфологіи русскаго языка, мы дадимъ предварительно общія понятія о морфологическихъ категоріяхъ и ихъ измѣненіяхъ во времени, стараясь освѣтить всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія психологической.

Морфологическія части словъ, флексія и словопроизводство. Слова нашей рѣчи, имѣя опредѣленное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаются на части, тоже имѣющія значеніе—на части знаменательныя или морфологическія (называемыя также морфемами), каковыми являются: *корень*, *префиксъ*, *суффиксъ*, *окончаніе* и *основа*. Такъ, напр., въ словѣ „набрасывалъ" часть *брас*—главная, корень, выражаетъ идею извѣстнаго дѣйствія; къ этой части, сосредоточивающей въ себѣ главное значеніе слова, присоединяются придаточныя морфологическія части, дополняющія главное значеніе; напр. въ томъ же словѣ—морфологическая часть *на*, предшествующая корню и указывающая направленіе дѣйствія (именно—выражаетъ, что дѣйствіе, обозначенное корнемъ, направляется на поверхность чего-нибудь), называется префиксомъ, морфологическая часть *ыв*, стоящая между корнемъ и окончаніемъ и указывающая на характеръ или способъ дѣйствія (на многократный и также несовершенный видъ дѣйствія), называется суффиксомъ и, наконецъ, послѣдняя морфологическая часть *ал*, показывающая, что общее значеніе всѣхъ предшествующихъ частей слова нужно понимать въ смыслѣ одного изъ трехъ лицъ ед. ч. (смотря по подлежащему) прошедшаго вр. муж. р., называется окончаніемъ; совокупность морфологическихъ частей, предшествующихъ окончанію (въ нашемъ примѣрѣ *на*+*брас*+*ыв*), называется основою (темою) слова. Въ томъ случаѣ, когда корень слова не распространенъ ни префиксомъ, ни суффиксомъ, основа въ словѣ совпадаетъ съ корнемъ, напр. *вед*-у, *сад*-омъ. Не трудно видѣть, что морфологическія части слова не имѣютъ въ языкѣ независимаго существованія, всегда являясь соединенными между собою для образованія словъ. [1])

При морфологическомъ дѣленіи слова самымъ крупнымъ является дѣленіе на *основу* и *окончаніе*. Здѣсь нужно отмѣ-

[1]) Не слѣдуетъ думать, что морфологическія части словъ остаются неподвижными въ жизни языка; напротивъ того, какъ мы убѣдимся ниже, онѣ

тить рѣзкую разницу между этими частями по характеру значенія: основа, значеніе которой образуется изъ корневаго значенія, дополненнаго значеніемъ префикса и суффикса, является носителемъ *собственнаго значенія слова*, присоединяющіяся же къ основѣ окончанія служатъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Такимъ образомъ, окончанія имѣютъ *синтаксическое* значеніе, такъ какъ при помощи ихъ слова соединяются въ предложенія.

Примѣчаніе. Говоря объ основѣ, необходимо указать на неточность, которая содержится въ томъ опредѣленіи, какое она обыкновенно имѣетъ въ учебникахъ, т. е. что «основою называется *неизмѣняемая* часть слова при склоненіи или спряженіи». Такое опредѣленіе, очевидно, опирается на общепринятое правописаніе словъ; но какъ скоро мы обратимся къ живому произношенію, то встрѣчаемся съ варіаціями (разновидностями) основы, срв. напр. го́д-у ‖ га́д-а. Вообще, каждая морфологическая часть можетъ представлять варіаціи звуковъ соотвѣтственно существующимъ въ языкѣ звуковымъ чередованіямъ, изученіе которыхъ относится къ фонетикѣ. Въ такихъ случаяхъ, какъ пек-у ‖ печ-ешь, даже и орѳографія указываетъ на звуковое чередованіе въ основѣ. Ученіе объ основѣ, какъ о неизмѣняемой части, можетъ быть приложимо развѣ къ исходному состоянію въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, предшествовавшему возникавшимъ въ разныя эпохи фонетическимъ видоизмѣненіямъ основы.

Въ области окончаній нужно разъяснить своеобразный ихъ характеръ, который они имѣютъ *въ разныхъ частяхъ рѣчи*. Сначала отмѣтимъ разницу между глагольными и падежными окончаніями, состоящую въ томъ, что личныя окончанія глагола представляютъ синтаксически бо́льшую независимость по сравненію съ падежными окончаніями существительныхъ. Такъ, если я употреблю въ рѣчи просто личную форму глагола (особенно первыхъ двухъ лицъ), напр. „иду“, то эта форма будетъ вполнѣ понятна слушающему, тогда какъ если скажу какую-нибудь падежную фор-

---

подвергаются разнообразнымъ измѣненіемъ. Соотвѣтственно этому ихъ можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія—статической и историко-этимологической.

му, напр. „столу“, то на основаніи этой формы, отдѣльно сказанной, слушателю остается неяснымъ, что̀ именно я хотѣлъ выразить. Причина этой разницы заключается въ томъ, что при личной формѣ глагола подразумѣвается личное мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица какъ подлежащее, вслѣдствіе чего личная форма глагола имѣетъ смыслъ предложенія, тогда какъ отдѣльная падежная форма существительнаго (за исключеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Именит., когда онъ употребленъ для названія указываемаго предмета, и Зват. падежа, а въ отвѣтахъ и другихъ падежей) не можетъ принимать смысла предложенія. Падежныя окончанія прилагательныхъ, употребляющихся не въ смыслѣ существительныхъ, служатъ не столько для указанія падежнаго оттѣнка значенія, сколько для согласованія съ существительнымъ, т. е. для обозначенія того, къ какому существительному прилагательное относится. Чрезъ присоединеніе къ основѣ мѣняющихся окончаній получается въ языкѣ *словоизмѣненіе* или *флексія*, т. е. грамматическія системы склоненій и спряженій. [1])

Мы говорили, что основа можетъ совпадать съ корнемъ слова, но чаще она представляетъ собою распространеніе корня *префиксами* и *суффиксами*; напр. въ словѣ „*вод*-а“ основа и корень совпадаютъ, но отъ того же корня имѣются и распространенныя основы, напр. *водиц*-а, *водичк*-а, *водян*-ой, *водянк*-а, *водн*-ый, *безводн*-ый, *обезвод*-ить и т. п. Въ томъ случаѣ, когда основа совпадаетъ съ корнемъ, соотвѣтствующія слова называются *корневыми*, напр. „*вод*-а“—корневое существительное, „*мѣ*-ный“—корневое прилагательное, *пек*-у—корневой глаголъ и т. п.; если же основа получается путемъ прибавленія суффиксовъ или префиксовъ, то соотвѣтствующія слова называются *производными*, напр. отъ корневаго суще-

---

[1]) Иногда въ грамматическихъ сочиненіяхъ и самыя окончанія, присоединяющіяся къ основѣ, называются флексіями, но это не совсѣмъ точное примѣненіе термина.

ствительнаго „вода“ происходитъ производное сущ. „*водиц-а*“, а отъ послѣдняго новое производное сущ. „*водичк-а*“ и т. п.; при этомъ слово, отъ котораго непосредственно производится другое, по отношенію къ послѣднему называются его *производящимъ*. Префиксы и суффиксы, служа для образованія основъ, рѣзко отличаются по значенію отъ флексіи: они служатъ для полученія новаго *собственнаго* значенія слова, тогда какъ флексія служитъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Теперь разъяснимъ разницу по характеру значенія между префиксами и суффиксами: основное значеніе первыхъ заключается въ указаніи направленія дѣйствій (напр. *пере*возить), а также въ указаніи пространственныхъ отношеній (напр. *под*свѣчникъ), основное же значеніе вторыхъ—классифицирующее, т. е. заключается въ указаніи класса представленій, въ который зачислено данное представленіе. Отсюда становится понятнымъ, почему именно *существительныя* представляютъ наибольшее богатство и разнообразіе суффиксовъ, а именно—соотвѣтственно обилію и разнообразію предметовъ, подлежащихъ группировкѣ; глаголы же, будучи бѣдны суффиксами, широко пользуются префиксами. Что касается въ частности суффиксовъ, то ихъ значеніе двояко: а) основное значеніе слова остается то же, измѣняется только оттѣнокъ, какъ напр. въ уменьшительныхъ существительныхъ (срв. столъ<*столикъ*), б) получается новое представленіе, хотя и стоящее въ нѣкоторомъ соотношеніи къ тому представленію, которое принадлежитъ производящему слову, напр. печь<*печ-никъ* (послѣднее существительное обозначаетъ уже совсѣмъ другой предметъ—человѣка, дѣлающаго печи), при чемъ самое отношеніе по смыслу между производящимъ и производнымъ остается невыраженнымъ, подразумѣвается; нужно еще прибавить, что во второмъ случаѣ, т. е. при производствѣ словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ, можетъ мѣняться и часть рѣчи, напр. домъ<домовой<домовникъ<домовничать. Мы видимъ здѣсь, что производство словъ

съ новымъ собственнымъ значеніемъ при посредствѣ суффиксовъ указываетъ на замѣчательную *экономію* силъ, какая обнаруживается въ языкѣ при нахожденіи словесныхъ символовъ для обозначенія новыхъ идей, такъ какъ прибавка соотвѣтствующаго суффикса избавляетъ отъ труда создаванія совсѣмъ новыхъ словъ. Имѣя ограниченный рядъ корней и придаточныхъ элементовъ, говорящій получаетъ возможность путемъ сочетанія ихъ выражать всю массу представленій.

Особый случай словопроизводства представляютъ *сложенія* (сложныя слова), напр. водолазъ, черноглазый, боготворить и т. п. Словосложеніе тоже касается собственнаго значенія словъ и служитъ восполненіемъ обыкновеннаго (суффиксальнаго) производства. Связь между ними ясно видна въ томъ случаѣ, когда языкъ, слабо развивъ одинъ способъ словопроизводства, компенсируетъ (вознаграждаетъ) его другимъ; такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ существительныя очень бѣдны суффиксами, вслѣдствіе чего тамъ многимъ русскимъ суффиксамъ существительныхъ соотвѣтствуетъ употребленіе сложеній; напр. въ русскомъ языкѣ классъ ягодъ обычно выражается посредствомъ суффикса *-ика* или *-ника*, напр. *ежевика*, *земляника* и т. д., а въ нѣмецкомъ видимъ сложенія съ словомъ *beere* т. е. „ягодъ“ (срв. *земляника*=нѣм. Erdbeere, *ежевика*=Brombeere, *костяника*=Steinbeere, *черника*=Heidelbeere, Schwarzbeere и т. п.), или многимъ русскимъ существительнымъ на *-никъ* (какъ напр. *сапожникъ* и т. п.) въ нѣмецкомъ соотвѣтствуютъ сложенія съ словомъ *-macher* т. е. „дѣлающій“ (Stiefelmacher и т. п.). Второй членъ сложеній, въ случаѣ своей большой употребительности, иногда понижается въ своей знаменательности до роли суффикса, примѣровъ чего не мало встрѣчаемъ опять-таки въ нѣмецкомъ (таковы суффиксы -bar, -haft, -tel и др.); въ русскомъ языкѣ въ такихъ сложныхъ прилагательныхъ, какъ „стекловидный“ и т. п., вторая часть *-видный* стала уже если не вполнѣ, то почти суффиксомъ. Какъ при обыкновенномъ словопроизводствѣ, такъ и въ сложеніяхъ содержится элементъ *подразумѣваемости*: подразумѣвается

(остается невыраженнымъ, предоставляется догадливости слушателя, угадывается) отношеніе между представленіями, обозначаемыми обоими членами сложенія (срв. водолазъ || водовозъ). Благодаря возможности подразумѣванія въ сложеніяхъ, послѣднія нерѣдко составляются изъ цѣлыхъ выраженій (напр. немогузнайка и т. п.). Въ русскомъ языкѣ кромѣ природныхъ сложеній встрѣчаемъ не мало переводныхъ, которыя частію вошли въ языкъ въ древнее время при переводѣ съ греческаго (богатаго сложеніями) книгъ церковныхъ и сочиненій для назидательнаго чтенія (срв. благоуханіе=*εὐωδία*, благодушіе=*εὐψυχία*, малодушіе=*μικροψυχία*, первообразный=*ἀρχέτυπος*, сребролюбіе=*φιλαργυρία* и др.), частію же въ новое время при переводѣ Одиссеи Жуковскимъ, который ввелъ цѣлый рядъ новыхъ сложныхъ прилагательныхъ, образованныхъ въ подражаніе греческимъ, напр. „*широкошумящее* море“, „*широковершинныхъ* деревъ“, „къ облакамъ *темносвѣтлымъ*“, „*мягкоодутлой* рукою“ и т. п.; изъ послѣдующихъ писателей вліяніе Жуковскаго въ этомъ отношеніи сильнѣе сказалось на Гоголѣ и затѣмъ Тургеневѣ.

Бросимъ теперь взглядъ на *морфологическій составъ словъ съ точки зрѣнія психологической*. Мы знаемъ, что каждый звукъ въ словѣ съ точки зрѣнія произношенія представляетъ сумму двигательныхъ импульсовъ, вызывающихъ мышечныя работы говорильнаго аппарата, которыя въ свою очередь сопровождаются соотвѣтствующимъ мышечнымъ чувствомъ; съ точки зрѣнія слышанія звукъ представляетъ тоже сумму простѣйшихъ слуховыхъ ощущеній, изъ которыхъ слагается данный слышимый звукъ. Когда произносимъ слово, то послѣднее представляетъ рядъ такихъ произносимыхъ и вмѣстѣ слышимыхъ звуковъ; слѣдовательно, съ точки зрѣнія психологической, каждое слово представляетъ собою ассоціацію по смежности соотвѣтствующихъ звуковыхъ идей. Однако слова нашей рѣчи являются не просто рядами звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, но эти ряды связаны съ тѣмъ или другимъ *зна-*

ченіемъ. Нужно замѣтить, что сами по себѣ звуковыя идеи словъ не связаны съ объективнымъ міромъ, но только какъ символы служатъ для обозначенія другихъ представленій. Когда происходитъ обмѣнъ мыслями между говорящимъ и слушающимъ, то у перваго мысль предшествуетъ и вызываетъ собою произношеніе слова (символа), а у втораго предшествующимъ является слышимое слово (символъ), которое и вызываетъ собою мысль. Въ обоихъ случаяхъ легкость процесса вызыванія зависитъ отъ упражненія или повторенія, благодаря которымъ связь слова и значенія болѣе и болѣе закрѣпляется. Кромѣ ассоціаціи въ силу *полнаго сходства* (иначе—по тожеству), происходящей при повтореніи одного и того же слова, можетъ происходить ассоціація по *частичному сходству*, именно—когда произносятся слова родственныя по какой-либо морфологической части; такъ, слова „*вы*вожу“ и „*вы*ходить“, различаясь по корню и окончанію, представляютъ примѣръ ассоціаціи по частичному сходству—по сходству префикса, и т. п. Благодаря такимъ частичнымъ ассоціаціямъ, въ нашемъ умѣ образуются морфологическія части словъ, а самыя слова комбинируются по сходству значенія и словоизмѣненія въ грамматическія системы, т. е. получаются сложныя ассоціаціи типовъ склоненія, спряженія и пр.; само собою разумѣется, что предложеніе представляетъ собою еще болѣе сложный комплексъ ассоціацій. [1]) Сложный

---

[1]) Такимъ образомъ, грамматическія категоріи являются категоріями нашего ума; но, чтобы не приписать уму фиктивныхъ категорій, необходимо приводить доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія тѣхъ или другихъ грамматическихъ категорій въ умѣ говорящихъ. Такъ, въ фактахъ рѣчи можно найти рядъ подтвержденій того, что морфологическія части, на которыя разлагаются слова, дѣйствительно существуютъ въ нашемъ умѣ; ограничусь двумя доказательствами: 1) если заимствуется слово изъ другаго языка, то оно обычно принимаетъ префиксы, суффиксы и окончанія, свойственныя языку заимствующему (напр. срв. образованія отъ заимствованнаго слова «лимонъ»—*лимону*, *лимонщикъ*, *слимонить* и т. п.) и которыхъ раньше заимствуемое слово не имѣло; 2) явленія аналогіи

ассоціативный аггрегатъ словъ постепенно пріобрѣтается съ дѣтства при усвоеніи родной рѣчи; вслѣдствіе упражненія, ассоціаціи становятся настолько сильными, что какъ бы вырабатывается механизмъ рѣчи, благодаря которому достаточно появиться въ нашемъ умѣ какой-нибудь мысли, и мы выражаемъ ее почти безсознательно въ словахъ, а слушающіе такъ же легко воспринимаютъ и понимаютъ ее.

Морфологическіе процессы. Не только звуки нашей рѣчи, но и морфологическія категоріи въ теченіи времени подвергаются измѣненіямъ. Такъ какъ слова и вообще морфологическія категоріи представляютъ двѣ стороны—*внутреннюю* или сторону значенія и *внѣшнюю* или звуковую, то мы прослѣдимъ измѣненія въ морфологическихъ категоріяхъ сначала съ внутренней или семазіологической, а затѣмъ съ внѣшней стороны. [1])

Обращаясь къ семазіологической сторонѣ *словъ*, мы прежде всего замѣтимъ, что представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, у каждаго человѣка, начиная съ дѣтства, развиваются и измѣняются, такъ какъ получаются новыя ощущенія, возникаютъ новыя ассоціаціи между представленіями и пр. Отсюда слѣдуетъ, что представленія и понятія, обозначаемыя въ языкѣ опредѣленными словами, у разныхъ лицъ не тожественны, такъ какъ у каждаго имѣютъ свою особую исторію образованія. Такъ напр. представленіе звука, грозы и т. п. у простолюдина и у ученаго физика весьма

представляютъ подстановку однѣхъ морфологическихъ частей вмѣсто другихъ (напр. срв. произношеніе «*держутъ*» вм. «*держатъ*»), чѣмъ доказывается дѣйствительное существованіе въ языкѣ ихъ частей. Итакъ, слово, съ точки зрѣнія психологической, есть рядъ идей звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, связанный со значеніемъ и могущій разлагаться на знаменательныя или морфологическія части.

[1]) Вопросы развитія значенія словъ нерѣдко выдѣляются въ лингвистикѣ въ особый отдѣлъ, носящій названіе *семазіологіи* (отъ греческаго слова σημαίνω=означаю).

различно. Съ другой стороны, одинаковость условій жизни и обстановки благопріятствуетъ сходству представленій; напр. тѣ же представленія звука и грозы у разныхъ физиковъ будутъ весьма сходны.

Что касается *развитія значенія словъ въ языкѣ*, то одна изъ причинъ его заключается въ томъ, что названіе какого-нибудь предмета, дѣйствія и пр. можетъ по *ассоціаціи смежности* переноситься на сопутствующую обстановку, и такимъ образомъ слово пріобрѣтаетъ новое значеніе. Такъ, слово „питье“ означаетъ собственно извѣстное дѣйствіе, но это же названіе со временемъ распространилось и на то, что̀ пьется; подобнымъ же образомъ слово „ѣда“ означаетъ не только дѣйствіе ѣды, но и то, что̀ ѣдятъ; слово „жалоба“ можетъ означать и соотвѣтствующее дѣйствіе, а затѣмъ—по смежности—и бумагу съ жалобой; слово „судъ“ можетъ означать судебный разборъ, судящихъ—какъ лицъ производящихъ дѣйствіе, наконецъ зданіе суда какъ мѣсто дѣйствія, и т. п.

Другимъ источникомъ развитія значенія словъ служатъ *ассоціаціи по сходству*, когда названіе съ одного предмета, дѣйствія и пр. переносится на другіе въ силу частичнаго между ними сходства. Такое употребленіе словъ встрѣчается почти на каждомъ шагу въ нашей рѣчи (напр. *опора* старости, *туча* стрѣлъ; *горячая* любовь, *ясная* мысль; солнце *сѣло*, *взошло*, вода *бѣжитъ* и т. д.), особенно же въ поэтическомъ языкѣ, всегда болѣе богатомъ уподобленіями. [1]) Отмѣтимъ такіе переносы значенія въ извѣстномъ стих. Кольцова „Нива“: „наливать“—собственно говорится о сосудѣ, который наполняется жидкостью, но по сходству слово перенесено на колосья, которые спѣютъ; „ходить“—это слово съ человѣка или животнаго, подвигающихся шагъ за шагомъ,

---

[1]) Срв. Овсянико-Куликовскій Д. Наблюдательный и экспериментальный методы въ искусствѣ, гл. IV—VI—объ особенностяхъ поэтическаго языка (Вѣстн. Воспит. 1903, апр., 1—21).

перенесено и на движеніе волнъ; „виться“—собственно говорится о веревкѣ, но по сходству витья веревки съ полетомъ жаворонка слово „виться“ перенесено и на полетъ послѣдняго.

И такъ, развитіе значенія словъ обусловливается уже извѣстными намъ факторами ассоціацій смежности и сходства; но неправильно говорятъ въ этомъ случаѣ объ „измѣненіи“ значенія словъ, такъ какъ тутъ въ дѣйствительности происходитъ *примѣненіе слова къ новому значенію* подъ вліяніемъ ассоціаціи смежности или сходства. Такимъ путемъ слово получаетъ разныя значенія, но нужно помнить, что при каждомъ отдѣльномъ актѣ мысли слово берется только въ одномъ опредѣленномъ значеніи. [1]) Возникающія явленія культуры и цивилизаціи нуждаются въ обозначеніи, и для этого изъ запаса словъ примѣняются по ассоціаціи смежности или сходства тѣ или другія слова, которыя покажутся наиболѣе подходящими, при чемъ нерѣдко для новыхъ обозначеній примѣняется не вполнѣ то же слово, но распространенное другими существующими въ языкѣ придаточными морфемами соотвѣтственно оттѣнку значенія (срв. *под*свѣч*никъ*, *на*груд*никъ* и т. п.). Во всемъ этомъ мы видимъ проявленіе уже извѣстнаго намъ принципа *экономіи*, господство котораго въ жизни языка такъ распространено.

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ языковъ многозначности словъ, получившейся подъ вліяніемъ ассоціаціи идей по смежности или же сходству: *франц.* la g o r g e=горло; горлышко (бутылки, сосуда); жерло; ущелье (въ горахъ); желобокъ (въ блокѣ); коромысло (у водоносцевъ) и др.; é c h o u e r=сѣсть на мель; терпѣть неудачу; r e p a r t i r=опять отправляться; возражать, отвѣчать; *нѣм.* die F e d e r=перо, судтанъ; стиль; пружина; a u f z i e h e n=натягивать (струны), натянуть (о пластырѣ); заводить (часы); вытаскивать (воду изъ колодца); тянуть вверхъ, втаскивать; воспитывать; насмѣхаться, издѣваться; *англ.* b o d y=тѣло; вещество; человѣкъ; корпорація, общество; собраніе; корпусъ (воен.); сводъ законовъ; главная часть чего—стволъ дерева, лифъ у платія и др.

Что касается измѣненія *морфологическаго состава* словъ, то таковое можетъ касаться какъ *внутренней*, такъ и *внѣшней* стороны; процессы, производящіе эти измѣненія, слѣдующіе: а) *опрóщеніе*, б) *переразложеніе*, в) *аналогія* и г) *дифференціація* (послѣдніе два тѣсно связаны между собою),— къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

а) **Опрóщеніе.** Опрóщеніемъ называется морфологическій процессъ, посредствомъ котораго слово съ сложнымъ морфологическимъ составомъ утрачиваетъ значеніе отдѣльныхъ своихъ морфологическихъ частей и становится простымъ символомъ даннаго представленія. Такъ, напр., слова „вкусъ“ (срв. *кус*-ать, *кус*-окъ), „забыть“ и т. п. имѣютъ только цѣлостное значеніе и морфологическій составъ этихъ словъ (в-кусъ, за-быть и т. п.) уже не чувствуется. Такимъ образомъ при опрóщеніи связь слова съ родственными ему словами утрачивается, вслѣдствіе чего оно обособляется отъ нихъ.[1]) Во многихъ словахъ опрóщеніе еще не произошло и они, имѣя цѣлостное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ связь съ другими родственными по морфологическимъ частямъ словами; такъ, напр., слово „столикъ“ связывается съ цѣлою группою словъ, родственныхъ по корню (напр. *столовый*, *стольникъ* и т. д.) и суффиксу (напр. *рубликъ*, *штофикъ* и т. п.). Здѣсь мы видимъ явленіе антагонизма или борьбы между ассоціаціею по смежности (=связь слова съ его цѣлостнымъ значеніемъ) и ассоціаціею по сходству (=связь морфологическихъ частей того же слова съ другими родственными образованіями). А такъ какъ въ живой рѣчи играетъ преимущественную роль цѣлостное (реальное) значеніе, то въ этомъ направленіи и соверша-

[1]) Примѣры словъ съ опрощеніемъ можно въ изобилiи привести также изъ родственныхъ языковъ; срв. *нѣм.* der Vor-rat «запасъ», die Ver-fassung «государственное устройство, конституція», aller-hand «всякій, разнаго рода», er-suchen «просить», be-gehen «совершать», be-kommen «получать», и т. д.

ется измѣненіе, т. е. морфологическій составъ многихъ словъ, благодаря употребленію ихъ, перестаетъ чувствоваться, при чемъ слова становятся простыми символами представленій, и такимъ образомъ на мѣсто *генетическаго* значенія въ нихъ выступаетъ значеніе *реальное*. Нѣкоторыя обстоятельства особенно благопріятствуютъ утвержденію опрóщенія словъ; такъ, въ словѣ могутъ произойти звуковыя измѣненія, вслѣдствіе которыхъ оно можетъ такъ разойтись съ родственными словами, что уже не можетъ ассоціироваться съ ними (срв. *оскомина* || *щемить*; *конецъ* || *начало* и т. п.); далѣе, могутъ выйти изъ употребленія родственныя слова, вслѣдствіе чего данное слово становится одинокимъ и уже не разлагается (срв. *кольцо*, первоначально уменьшительное для слова *коло*, которое вышло изъ употребленія). Такимъ образомъ слова, *въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени* разлагавшіяся на морфологическія части, *въ умахъ индивидуумовъ послѣдующаго времени* (при нѣкоторыхъ условіяхъ) уже не разлагаются, становятся простыми. Воспріятіе словъ съ сложнымъ морфологическимъ составомъ въ качествѣ простыхъ въ особенности падаетъ на періодъ *дѣтства* (т. е. на долю каждой новой генераціи), благодаря преимущественной роли въ этомъ возрастѣ *ассоціаціи по смежности*, посредствомъ которой устанавливается тѣсная связь образа или представленія съ его названіемъ какъ простымъ символомъ. Такимъ путемъ слова, новообразованныя предшествовавшею генераціею, у которой они чувствовались въ своемъ морфологическомъ составѣ, могутъ стать простыми для чутья слѣдующей генераціи. Морфологическое опрóщеніе ведетъ къ возникновенію въ языкѣ *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ префикса и корня (напр. по-долъ, по-суда, по-ясъ, в-кусъ, за-дача, су-пругъ, за-быть и т. п.), или же корня и суффикса (кольц-о, палк-а, песк-омъ и т. п.); вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ соотвѣтствующая перемѣна въ чутьѣ морфологическаго соста-

ва словъ. [1]) Слова, въ которыхъ произошло опрóщеніе, могутъ распространяться новыми префиксами и суффиксами, напр. забыть<перезабыть, вкусъ<вкусный и т. п. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто реальному значенію слова, представляетъ *огромную экономію и важность для мысли*; если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія.

б) **Переразложеніе.** Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію явленія, называемаго переразложеніемъ и состоящаго въ томъ, что слова въ умахъ индивидуумовъ извѣстнаго времени ассоціируются не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени.

Начнемъ съ переразложенія между *основою* и *окончаніемъ*. Примѣромъ переразложенія такого рода могутъ служить формы *женамъ*, *женами*, *женахъ*, которыя первоначально разлагались на основу и окончаніе не такъ, какъ теперь, а именно въ нихъ *а* принадлежало къ основѣ: жена-мъ, жена-ми, жена-хъ. [2]) Но такъ какъ этотъ гласный повторялся передъ

---

[1]) Какъ значительна можетъ быть такая перемѣна въ морфологическомъ чутьѣ, покажемъ на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ словѣ «п р і я т е л ь» первоначальнымъ корнемъ было звукосочетаніе *при-*, какъ это видно изъ сравненія съ санскритомъ (скт. *priyás* «другъ»), теперь же это сочетаніе для непосредственнаго чутья представляется скорѣе префиксомъ, подобно слову «прі-ят-ный», съ которымъ слово «пріятель» ошибочно чувствуется даже какъ будто въ родствѣ; другимъ примѣромъ можетъ служить слово «п о я с ъ»: здѣсь, наоборотъ, первоначальнымъ корнемъ является вторая половина слова—*jас-* (срв. зд. *yāsta-* «опоясанный»=греч. ζωστός), тогда какъ теперешнее морфологическое чутье склонно искать корень въ начальномъ сочетаніи этого слова, т. е. *поj* [асъ]; въ словѣ «сутки» корень—*тк* (ст.-сл. тъкъ), а *су*—префиксъ; въ словѣ «у ж а с ъ» не каждый усмотритъ въ начальномъ *у-* префиксъ; и др.

[2]) Такіе гласные, первоначально оканчивавшіе собою основу или *тему*, называются въ сравнительной грамматикѣ *тематическими*; въ склоненіи муж. рода (напр., срв. Твор. ед. «рабомъ»), такимъ тематическимъ гласнымъ былъ *о*, и т. п.

окончаніями и всѣхъ другихъ словъ того же склоненія (рыба-мъ, рука-мъ и т. п.), то онъ сталъ чувствоваться принадлежностью флексіи, и потому первоначальныя основы, кончавшіяся гласными, стали уже оканчиваться согласнымъ звукомъ, т. е. напр. жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ. Закрѣпленію такого морфологическаго дѣленія могло способствовать то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ первоначальный тематическій гласный, сливаясь съ окончаніемъ, измѣнился до неузнаваемости (срв. жену, гдѣ *у*=ст.-сл. ѫ и восходитъ къ ае. *-ām), а потому его какъ бы не стало въ основѣ. Что дѣйствительно такое переразложеніе наступило, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя окончанія *-амъ, -ами* и *-ахъ* въ русскомъ языкѣ распространились по аналогіи и на всѣ прочія склоненія (срв. въ муж. р. рабахъ || ст.-сл. рабѣхъ, въ ср. р. дѣлахъ || ст.-слав. дѣлѣхъ и пр.). Подобное же *сокращеніе основъ въ пользу окончаній* произошло и въ наст. времени глаголовъ; напр. *несетъ*, *несемъ* первоначально морфологически разлагались на несе-тъ, несе-мъ, а впослѣдствіи тематическій гласный отошелъ къ окончанію, т. е. нес-етъ, нес-емъ; также въ прош. вр. и неопр. накл. гласный основы перешелъ къ окончанію, напр. въ формахъ на *-алъ*, *-атъ*, *-ѣлъ* и т. д.

Процессъ переразложенія наблюдается также въ области *суффиксовъ* при производствѣ словъ, при чемъ звуки, которые въ производящемъ словѣ заканчивали основу, отходятъ къ вновь прибавляемому суффиксу; напр., когда отъ прилагательныхъ на *-ный* образуются существительныя на *-икъ*, то всѣ эти производныя слова, имѣя передъ своимъ суффиксомъ согласный *н*, ассоціируются между собою уже по сходству новаго суффикса *-никъ* (напр. озор-н-ой < озор-никъ, охотн-ый < охот-никъ); подобнымъ же путемъ развились новые суффиксы *-щикъ*, *-ильникъ*, *-альщикъ*, *-овщикъ* и т. п., могущіе затѣмъ получать особые оттѣнки значенія и употребляться независимо отъ первоначальныхъ условій возникновенія. Болѣе

разросшіеся суффиксы, естественно, образовались въ языкѣ позже по сравненію съ болѣе простыми.

Переразложеніе между *предлогами* (или *префиксами*) и *корнемъ* встрѣчается сравнительно рѣдко. Сюда надо отнести возникновеніе *н* въ формахъ мѣстоименія 3-го лица : его || *н*его, ему || *н*ему и пр.; начальное *н* вторыхъ формъ первоначально принадлежало тремъ предлогамъ—*съ*, *въ*, *къ*, которые оканчивались имъ; но такъ какъ это *н* удерживалось только въ положеніи передъ начальными гласными или j слѣдующаго слова, передъ согласными же не сохранялось, то постоянною частью нашихъ предлоговъ стали комплексы безъ *н*, т. е. *въ*, *съ* и *къ*, съ которыми и ассоціировалось значеніе, свойственное этимъ предлогамъ, конечное же *н* въ тѣхъ случаяхъ, когда удерживалось, стало чувствоваться принадлежащимъ слѣдующей мѣстоименной формѣ; путемъ же аналогіи формы съ начальнымъ *н* стали употребляться и послѣ всѣхъ прочихъ предлоговъ, напр. *о* *н*емъ и т. п. Отдѣленіе *н* отъ предлога произошло также при существительныхъ—*н*утрь, *н*утро (срв. утроба), с*н*ѣдь (срв. ѣда). Аналогичнаго происхожденія *н* въ глаголахъ в*н*ушить, в*н*имать (а путемъ аналогіи—по*н*имать и пр.), с*н*ѣдать (срв. съѣдать). Такимъ образомъ старое объясненіе разсматриваемаго *н* благозвучіемъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ это *н* имѣетъ этимологическое основаніе. [1]) Къ примѣрамъ переразложенія между корнемъ и предлогомъ нужно отнести также простонародное произношеніе

---

[1]) Вопросъ этотъ былъ подробно изслѣдованъ и объясненъ проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ въ статьѣ «О такъ называемой «эвфонической вставкѣ» согласнаго *н* въ славянскихъ языкахъ», см. его Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки, вып. I, Воронежъ 1877 (отд. отт. изъ «Филологическихъ Записокъ»), стр. 17—53. Ему же принадлежитъ и столь важное въ морфологіи обобщеніе о сокращеніи основъ въ пользу окончаній въ аріоевропейскихъ языкахъ. Съ своей стороны, я старался въ статьѣ «О морфологической абсорпціи» (Р. Ф. В., 1881, № 3), а также нѣкоторыхъ послѣдующихъ, всѣ эти вопросы обосновать психологически.

„овторникъ“, „Аршава“ и т. п., объясняющееся слѣдующимъ образомъ. Въ русскомъ языкѣ предлоги, оканчивающіеся на согласный, кромѣ этой краткой своей формы, являются еще въ полной формѣ съ бѣглымъ *о*, напр. въ || во, надъ || надо и пр.; въ своей краткой формѣ эти предлоги являются передъ формами, начинающимися съ гласнаго звука или простаго согласнаго (напр. въ *о*гонь, въ *А*рхангельскъ, въ *В*аршаву), а при формахъ, начинающихся двумя согласными, являются въ полномъ видѣ (напр. во *вт*орникъ). Отсюда возникли случайныя совпаденія выраженій по начальнымъ звукамъ: *во* вторникъ и *въ о*гонь, *въ А*рхангельскъ и *въ В*аршаву (гдѣ вмѣсто *вв* можетъ слышаться простое *в*) и т. п.; а эти совпаденія повели къ неправильному разложенію путемъ пропорціональной аналогіи:

$$во\text{гонь} : о\text{гонь} = во\text{вторникъ} : x$$
$$x = о\text{вторникъ};$$
$$ва\text{рхангельскъ} : а\text{рхангельскъ} = ва\text{ршаву} : x$$
$$x = а\text{ршаву}.$$

в) **Аналогія.** Такъ какъ въ предъидущемъ намъ уже не разъ приходилось объяснять языковыя явленія посредствомъ аналогіи, то здѣсь будетъ достаточно коснуться лишь сущности этого процесса. Нерѣдко случается, что значеніе, свойственное какой-либо морфологической части, выражается не однимъ, а двумя и болѣе символами (звуковыми комплексами), напр. 3 л. мн. ч. въ настоящемъ времени имѣетъ два окончанія -утъ (-ютъ) и -атъ (-ятъ). Можетъ случиться, что идея значенія не одинаково тѣсно связана съ каждымъ изъ этихъ символовъ, вслѣдствіе неодинаковой частоты ихъ употребленія или неодинаковой выразительности; тогда одинъ изъ символовъ будетъ прочнѣе связываться съ данной идеей значенія, вслѣдствіе чего будетъ вызываться и тамъ, гдѣ прежде употреблялся другой, напр. окончаніе *-утъ* (*-ютъ*), въ случаѣ неударен-

ности, вытѣснило собою въ живой рѣчи окончаніе *-атъ* (*-ятъ*), срв. произношеніе „держ*ут*ъ“, „ход*ют*ъ“. Про такіе случаи и выражаются, что въ нихъ одна морфема замѣнена другою „по аналогіи“. Въ народныхъ говорахъ явленія аналогіи возникаютъ съ большею легкостью по сравненію съ литературнымъ языкомъ, благодаря отсутствію сдерживающаго вліянія со стороны письменной традиціи. Если обратимся къ дѣтской рѣчи, то увидимъ, что ребенокъ выучивается склонять и спрягать не каждое слово отдѣльно, но и самъ создаетъ формы по аналогіи съ тѣмъ, что̀ уже знаетъ, при чемъ естественно у него могутъ быть и ошибки. [1]) Нѣкоторыя изъ такихъ ошибочныхъ образованій, приспособленныя къ строю языка, путемъ подражанія могутъ получить болѣе широкое распространеніе и утвердиться въ языкѣ; такимъ образомъ они представляютъ собою задатокъ будущихъ перемѣнъ въ языкѣ.

г) **Дифференціація** (различеніе). Въ умѣ говорящихъ могутъ вырабатываться новые оттѣнки значенія, еще не имѣющіе въ языкѣ особаго выраженія; а такъ какъ языку присуще стремленіе къ выразительности, т. е. чтобы особые оттѣнки имѣли по возможности особое обозначеніе, то можетъ случиться, что одна разновидность морфемы закрѣпится за однимъ оттѣнкомъ значенія, другая за другимъ и т. д., и такимъ образомъ произойдетъ „дифференціація“ морфемъ. Типичные примѣры дифференціаціи встрѣчаемъ въ склоненіи существительныхъ муж. рода, напр. дифференціація по оттѣнку значенія окончаній Р. ед. *-а* и *-у*, срв. выраженія: „цвѣтъ снѣга“ || „много снѣгу“, — во второмъ случаѣ Род. пад. съ окончаніемъ *-у*. т. е. какъ въ названіи вещественномъ, зависящемъ отъ слова, обозначающаго количество. Дѣйствіе фактора

[1]) Болѣе слабая память является весьма благопріятствующимъ обстоятельствомъ для послѣднихъ; такъ, мнѣ приходилось наблюдать надъ мальчикомъ съ слабой памятью, какъ часто въ его рѣчи случались индивидуальныя ошибочныя образованія по аналогіи, напр. къ е л ю и т. п.

дифференціаціи такъ же широко распространено въ языкѣ, какъ и фактора аналогіи; мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ явленіемъ разнообразія окончаній для одной и той же формы; хотя бы эти окончанія и не были дифференцированы между собою по смыслу, но они дифференцированы внѣшнимъ образомъ — по типамъ склоненія или спряженія, и чѣмъ съ большимъ удобствомъ для памяти имѣется такая внѣшняя дифференціація, тѣмъ устойчивѣе разновидности морфемъ противъ дѣйствія аналогіи.

Части рѣчи. Мы уже упоминали, что слова группируются въ тѣ наиболѣе крупные морфологическіе разряды, которые извѣстны подъ названіемъ *частей рѣчи*. При классификаціи частей рѣчи нужно имѣть въ виду какъ сторону значенія ихъ, такъ и сторону словоизмѣненія, а кромѣ того необходимо обратить вниманіе на соподчиненіе однѣхъ частей рѣчи другимъ, что̀ въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно игнорируется, при чемъ всѣ части рѣчи ставятся на одну линію. Говоря о значеніи, должно замѣтить, что одни слова имѣютъ полное собственное значеніе, носителемъ котораго, какъ мы знаемъ, служитъ основа, соединяющаяся съ соотвѣтствующими окончаніями (напр. дуб-омъ, бѣл-ый, ст-о, мн-ою, дѣл-аю, умн-о), другія же слова не имѣютъ собственнаго значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ основы, и служатъ въ своемъ цѣломъ лишь для показанія разнаго рода отношеній въ предложеніи между словами съ собственнымъ значеніемъ или также между предложеніями (напр. *при*, *но*). Слова перваго отдѣла мы можемъ назвать *полнозначными* или *словами съ собственнымъ значеніемъ*, а слова втораго отдѣла *словечками отношеній* или *частицами*; [1]) съ точки же зрѣнія словоизмѣ-

[1]) Въ русскихъ грамматикахъ этому дѣленію въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣленіе частей рѣчи на главныя или знаменательныя и служебныя, въ нѣмецкихъ грамматикахъ—Begriffswörter и Formwörter. Весьма типичны соотвѣтствующіе термины въ китайскихъ грамматикахъ — слова полныя и пустыя.

ненія первыя можно назвать *измѣняемыми* частями рѣчи, а вторыя—*неизмѣняемыми*.

Въ отдѣлѣ словъ съ полнымъ собственнымъ значеніемъ одни слова болѣе самостоятельны, другія же подчиняются имъ, такъ какъ служатъ опредѣленіемъ ихъ. Слова съ самостоятельнымъ собственнымъ значеніемъ дѣлятся на 1) слова, служащія для обозначенія предметовъ (или точнѣе—бытій) и ихъ представленій въ нашемъ умѣ, и 2) слова, служащія для обозначенія дѣйствій и ихъ представленій въ нашемъ умѣ. Къ этимъ двумъ обширнымъ категоріямъ словъ нужно присоединить 3) отдѣльныя слова, служащія для личныхъ указаній 1-го и 2-го лица, противополагающихся остальному міру предметовъ, обозначаемому 3-мъ лицомъ. Этимъ тремъ категоріямъ словъ отвѣчаютъ грамматическія термины: 1) *имя существительное*, 2) *глаголъ* и 3) *личное мѣстоименіе*. По характеру словоизмѣненія имена существительныя, какъ названія предметовъ, и мѣстоименія, какъ личныя указанія предметовъ, рѣзко отличаются отъ глагола: первыя измѣняются для показанія отношеній предметовъ къ дѣйствіямъ и между собою, и такое измѣненіе называется склоненіемъ; глаголъ же измѣняется для показанія способа и времени дѣйствія, а также для показанія отношенія дѣйствія къ подлежащему извѣстнаго лица и числа, и такое измѣненіе называется спряженіемъ. Семазіологическому различію между существительными и личными мѣстоименіями соотвѣтствуютъ нѣкоторыя различія въ области ихъ словоизмѣненія, какъ напр. отсутствіе категоріи рода въ личныхъ мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица и нѣкоторыя особыя падежныя окончанія.

Переходя къ словамъ съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющимъ полной самостоятельности, прежде всего замѣтимъ, что они распадаются на двѣ группы: относящіяся къ существительному и относящіяся къ глаголу. Части рѣчи, являющіяся придаточными къ существительному, служатъ для опредѣленія послѣдняго 1) относительно качества, 2) относи-

тельно числа и 3) относительно указанія; соотвѣтственно этому они распадаются на *имена прилагательныя, имена числительныя* и *мѣстоименія опредѣлительно-указательныя*. Входящія въ составъ этой группы части рѣчи придаются къ существительному, что̀ выражается внѣшнимъ образомъ въ *согласованіи* ихъ съ существительнымъ. Аналогичныя опредѣленія могутъ быть и къ глаголу (напр. хорошо, дважды, тамъ), и они имѣютъ общее названіе—*нарѣчія*. Къ придаточнымъ частямъ рѣчи, имѣющимъ собственное значеніе, слѣдуетъ еще отнести *причастія*, представляющія собою образованія прилагательныхъ отъ глагола съ удержаніемъ нѣкоторыхъ глагольныхъ свойствъ и занимающія какъ бы посредствующее положеніе между глаголомъ и именемъ прилагательнымъ, и *дѣепричастія*, представляющія собою родъ нарѣчій къ причастіямъ.

Перечисленныя нами знаменательныя части рѣчи не представляютъ собою совершенно обособленныхъ категорій, но часто отъ одной части рѣчи или—точнѣе—отъ ея основы образуется другая часть рѣчи путемъ распространенія соотвѣтствующимъ суффиксальнымъ элементомъ, какъ на это уже указывалось выше при разсмотрѣніи словопроизводства (напр. бѣлый<бѣлякъ, бѣлить, бѣло́, бѣлѣющій, бѣлая; богатый<богатство, богатѣть, богато, разбогатѣвшій, разбогатѣвъ; свой< своякъ, свойственный, усвоить, по-свойски и т. д.).

Говоря о частяхъ рѣчи знаменательныхъ или имѣющихъ собственное значеніе, носителемъ котораго является основа, нужно еще замѣтить, что полное свое значеніе, представляемое не только основою, но вмѣстѣ и окончаніемъ, онѣ получаютъ лишь въ предложеніи, становясь членами предложенія.

Что касается словъ или словечекъ, не имѣющихъ полнаго собственнаго значенія и не составляющихъ въ предложеніи особыхъ членовъ, то сюда относятся *предлоги* и *союзы*. Нѣкоторыя словечки съ пониженною знаменательностью не подходятъ ни подъ ту, ни подъ другую изъ указанныхъ группъ,

а потому могутъ быть просто называемы *частицами* или *частичками*, напр. *ли*, *же*, *бы* и т. п.

Кромѣ указанныхъ словъ и словечекъ, мы должны еще назвать *междометія*, которыя служатъ выраженіемъ нашихъ эмоціональныхъ состояній. [1])

Все вышеизложенное о частяхъ рѣчи мы можемъ резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Слова, относящіяся къ области умствен. представленій:			Восклицанія, относящіяся къ области эмоціональной:
Слова съ собств. знач.:		Слова безъ собств. значен.:	
Самостоят.:	Подчиненныя:		
1) *Существ.*	*а*) *Прилагательныя* (*также—прич.*). *б*) *числительныя.* *в*) *опред.-указат. мѣстоименія.*	1) *Предлоги.* 2) *Союзы.* 3) *Частички*, не подходящія подъ предъидущіе два разряда.	*Междометія.*
2) *Лич. мѣст.*			
3) *Глаголъ.*	*Нарѣчія* (*также—дѣепричастія*).		

[1]) Нѣкоторыя данныя изъ древне-русской письменности относительно числа частей рѣчи и ихъ названій были сообщены нами въ главѣ I-ой (стр. 7); эти же части рѣчи были затѣмъ приняты и въ печатной славянской грамматикѣ Зизанія, при чемъ лишь слегка видоизмѣненъ порядокъ: первою частью рѣчи поставлено «различіе» (т. е. членъ), а мѣстоименіе слѣдуетъ непосредственно за именемъ. Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго «различіе» уже исключено, но за то въ концѣ прибавлено междометіе. Кромѣ того, онъ ввелъ совершенно новый терминъ «*дѣепричастіе*», потребность въ которомъ, очевидно, вытекала изъ особенностей русскаго языка. Смыслъ этого термина легко выясняется изъ смысла родственнаго термина—«причастіе». Послѣдній, переведенный съ греческаго и латинскаго (μετοχή, participium), обозначаетъ такія слова, которыя причастны обѣимъ главнымъ частямъ рѣчи—имени и глаголу; терминомъ же «дѣепричастіе» подчеркивается та особенность дѣепричастія, что оно причастно только дѣйствію, такъ какъ служитъ въ качествѣ глагольнаго нарѣчія для опредѣленія гла-

То разнообразіе частей рѣчи, какое мы теперь видимъ въ русскомъ языкѣ, конечно, развилось не сразу; однако изслѣдованіе возникновенія и перваго развитія ихъ лежитъ далеко за предѣлами русской грамматики, ибо, какъ показываетъ сравнительная грамматика, уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали въ главномъ тѣ части рѣчи, какія находимъ теперь; въ теченіе же обособленной жизни языковъ нашего семейства произошелъ рядъ дальнѣйшихъ измѣненій въ сферѣ этихъ частей рѣчи, представляющій особенности въ разныхъ вѣтвяхъ этого семейства; такъ, напр., въ прилагательныхъ еще въ славянскомъ праязыкѣ развилась рядомъ съ простою формою сложная, служащая въ современномъ русскомъ для отличія прилагательныхъ въ роли опредѣленія и сказуемаго, въ русскомъ глаголѣ наблюдаемъ потерю многихъ временныхъ формъ, но за то видимъ богатое развитіе видовыхъ оттѣнковъ и т. д.

Примѣчаніе. По причинѣ трудности дать точное опредѣленіе каждой части рѣчи, при начальномъ прохожденіи грамматики слѣдуетъ избѣгать такихъ опредѣленій, вдобавокъ не соотвѣтствующихъ и умственному развитію дѣтей. На первыхъ порахъ всего проще — знакомить учениковъ съ частями рѣчи по ихъ основному смыслу, оставляя пока въ сторонѣ формальную сторону; такъ, существительное будетъ характеризоваться какъ названіе предмета, прилагательное—какъ названіе качества и пр. При этомъ можно даже устранить обычные грамматическіе термины. Но при дальнѣйшемъ прохожденіи грамматики вводятся уже настоящіе грамматическіе термины и присоединяются къ смысловымъ также формальные признаки частей рѣчи, т. е. указываются различія словоизмѣненія, связанныя съ опредѣленными частями рѣчи; напр., по ознакомленіи со склоненіемъ такихъ словъ, какъ «столъ» и т. п., переходятъ къ склоненію такихъ словъ, какъ «черный», и ученики замѣтятъ особенность склоненія, какъ и то, что эти послѣднія слова склоняются совмѣстно съ существительными. Когда будетъ проходиться такое словоизмѣненіе, какъ «несу», «несешь» и пр., ученики

головъ; срв. Житецкій П. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ, Кіевъ (1889), стр. 21. Кромѣ того, см. Порѳзинскій В. Къ исторіи русской грамматики и грамматической терминологіи (въ Сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго. М. 1909).

легко ознакомятся съ внѣшнимъ признакомъ глагола—способностью къ спряженію. Такимъ образомъ понятія о частяхъ рѣчи станутъ у нихъ болѣе полными, содержа кромѣ смысловыхъ различій и формальныя. Теперь ученикамъ будутъ доступны уже и болѣе полныя грамматическія опредѣленія частей рѣчи, т. е. съ указаніемъ признаковъ какъ смысловыхъ, такъ и формальныхъ.

Библіографическія указанія. Назовемъ общія сочиненія для морфологіи русскаго литературнаго языка: Ломоносовъ Россійск. Грамм.; Востоковъ Русская грамматика, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная (1859)[10], гдѣ авторъ въ основу своего изслѣдованія положилъ довольно полное собраніе именъ и глаголовъ, тщательно имъ классифицируемыхъ и разсматриваемыхъ какъ со стороны словоизмѣненія, такъ и ударенія; Буслаевъ Историч. грамм. рус. яз.; Миклошичъ Ф. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, перев. Н. Шляковъ, подъ редакціей Р. Брандта, вып. III—языки малорусскій и русскій, М. 1886.

Глава VIII.

Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія.

Обычное школьное опредѣленіе имени существительнаго, что оно есть названіе всякаго предмета, вполнѣ понятно, пока рѣчь идетъ о такихъ названіяхъ, какъ: *столъ*, *стулъ*, *лошадь*, *гусь* и т. п. Но къ категоріи именъ существительныхъ относятся также слова въ родѣ: *краснота*, *ходьба* и т. п. Едва ли мы будемъ говорить о нихъ, какъ о названіяхъ предметовъ, скорѣе скажемъ, что словомъ „краснота“ обозначается нѣкоторое качество, а словомъ „ходьба“—нѣкоторое дѣйствіе. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ, какая же разница между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, между существительнымъ и глаголомъ.

Остановимся сначала на самомъ простомъ случаѣ, на названіяхъ въ родѣ—„столъ“. Не достаточно сказать, что это названіе служитъ для обозначенія извѣстнаго предмета. Кромѣ этой объективной стороны есть еще субъективная. Слово „столъ“ служитъ обозначеніемъ соотвѣтствующаго умственнаго акта—нашего представленія даннаго предмета: мы можемъ говорить и думать о столѣ, не видя его, а лишь имѣя въ умѣ представленіе или идею этого предмета. Идея стола—сложная и образовалась въ нашемъ умѣ изъ массы ощущеній, полученныхъ нами въ теченіе жизни и относящихся къ дан-

ному классу предметовъ. Въ сложную идею стола привходятъ, въ качествѣ частныхъ, идеи величины, формы, цвѣта, твердости и т. д. Возможно, что изъ массы частныхъ идей стола мы обратимъ особенное вниманіе на одну какую-либо, положимъ, на признакъ красноты. Въ этомъ случаѣ мы назовемъ сложное или цѣлое представленіе и его частное. Названіе послѣдняго будетъ имя прилагательное. Вполнѣ понятна связь частнаго представленія со своимъ сложнымъ. Въ сферѣ языка эта связь выражается согласованіемъ прилагательнаго съ существительнымъ: красный столъ, красная доска и т. п. [1]) Одно и то же частное представленіе можетъ входить въ составъ многихъ различныхъ сложныхъ представленій и потому простое или частное представленіе можетъ мыслиться и какъ самостоятельное или независимое. Въ такомъ случаѣ его названіе, получивши нѣкоторое отличіе посредствомъ соотвѣтствующаго суффикса, становится существительнымъ, при чемъ это послѣднее обозначаетъ собою уже не сложную идею, но простую, напр.: красн-*ота* и т. п. Впрочемъ иногда прилагательныя становятся существительными безъ присоединенія особаго суффикса; напр., слова *мастеровой*, *полицейскій*, *столовая* и т. д., хотя по формѣ и прилагательныя, но, употребляясь безъ существительнаго, они въ силу значенія становятся существительными. Разъяснимъ нѣсколько подробнѣе эти примѣры. Существительное „мастеровой“ получилось изъ выраженія „мастеровой человѣкъ“. Выраженіе это обозначаетъ собственно одно цѣльное субстантивное представленіе, и когда слово *человѣкъ* въ данномъ выраженіи опускается, то представленіе остается все то же, т. е. субстантивное. Подобнымъ же образомъ слово „столовая“ (собственно прилагат. женск. р.) чаще

[1]) Англійскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи особенность: въ немъ прилагательное безъ всякой перемѣны присоединяется къ своему существительному. Также дѣло обстоитъ въ турецко-татарскихъ языкахъ съ тою однако существенною разницею, что въ нихъ такое состояніе первично, тогда какъ въ англійскомъ вторично.

всего употребляется въ соединеніи съ существительнымъ *комната*, такъ что наконецъ это послѣднее опускается, при чемъ слово „столовая", хотя по формѣ и остается по прежнему прилагательнымъ, но по своему значенію становится существительнымъ, такъ какъ означаетъ то, что прежде выражалось посредствомъ прилагательнаго + существит. [1]) Отсюда слѣдуетъ, что идея такихъ существительныхъ, какъ *мастеровой*, *столовая* и проч., въ противоположность такимъ, какъ *красота*, будетъ уже болѣе сложной вслѣдствіе подразумѣваемаго существительнаго.

Многія существительныя, подобно глаголамъ, обозначаютъ дѣйствіе, напр. *ходьба*, *чтеніе* и т. п. Разница между такими существительными и соотвѣтствующими глаголами (срв. *хожу* || *ходьба*, *читаетъ* || *чтеніе* и т. п.) заключается въ томъ, что глаголы обозначаютъ дѣйствіе въ его совершеніи, т. е. съ оттѣнкомъ времени, лица и числа, между тѣмъ какъ въ существительныхъ (ходьба, чтеніе и пр.) уже не встрѣчаемъ указанныхъ оттѣнковъ: такія существительныя обозначаютъ простое представленіе дѣйствія, благодаря имъ дѣйствіе какъ бы опредмечивается и мы мыслимъ его какъ нѣчто самостоятельное, какъ бы бытіе.

Такія существительныя, какъ *столъ*, *лошадь*, которымъ въ объективномъ мірѣ соотвѣтствуютъ воспринимаемые помощію нашихъ чувствъ предметы, называются конкретными, а такія какъ *красота*, *ходьба*—умственными или отвлеченными (абстрактными). Однако было бы точнѣе назвать первые *конкретно-умственными*, такъ какъ и предметамъ конкретнымъ

---

[1]) Что касается самаго пропуска существительнаго, то подобное явленіе наблюдается очень нерѣдко въ повседневной рѣчи, когда существительное не договаривается, напр. «вы пьете крѣпкій или слабый (т. е. чай)?» и т. п. Мы видимъ здѣсь пропускъ существительнаго, легко подразумѣваемаго по обстоятельствамъ разговора, тогда какъ прилагательное необходимо для различеній. Разница съ ранѣе разсмотрѣнными случаями та, что здѣсь явленіе временное, а тамъ оно стало уже постояннымъ.

соотвѣтствуютъ въ нашемъ умѣ представленія (умственные акты); въ соотвѣтствіи съ этимъ терминомъ послѣднія можно назвать *абстрактно-* или *чисто-умственными*. Впрочемъ конкретность и абстрактность не являются въ языкѣ чѣмъ-либо постояннымъ; такъ, весьма часто одно и то же слово въ одномъ своемъ значеніи бываетъ абстрактнымъ, а въ другомъ—конкретнымъ, что̀ получается въ языкѣ или вслѣдствіе того, что нерѣдко слова съ абстрактнымъ значеніемъ получили еще и конкретное подъ вліяніемъ ассоціацій смежности (напр. питьё=*абстр.*—именное названіе дѣйствія, *конкрет.*—то, что̀ пьется), или же—наоборотъ—слова съ конкретнымъ значеніемъ могутъ стать еще и отвлеченными, переносясь въ силу ассоціацій сходства съ конкретныхъ предметовъ на явленія міра умственнаго и духовнаго (напр. плодъ, корень, пылъ и т. п.).

Имена существительныя **конкретныя**, какъ обозначающія настоящіе предметы, подраздѣляются на *нарицательныя* и *собственныя*: первыя служатъ для обозначенія отдѣльныхъ предметовъ одного и того же класса (человѣкъ, волкъ, дерево, домъ и пр.), вторыя—для обозначенія единичныхъ предметовъ такого класса (Викторъ, Петербургъ). Обыкновенно существительныя *собственныя* происходятъ изъ нарицательныхъ [1]) такимъ путемъ, что послѣднія принимаютъ (иногда съ прибавленіемъ особаго суффикса) новое индивидуальное значеніе, подъ вліяніемъ представляющейся въ томъ необходимости, какъ напр. при названіи лицъ и мѣстностей (срв. Владиміръ, Торжокъ и т. п.). [2])

---

[1]) Они происходятъ иногда также и изъ отвлеченныхъ, которыя тогда становятся конкретными, срв. такія личныя имена, какъ Вѣра и проч.

[2]) Кромѣ того, въ повседневномъ разговорѣ многія нарицательныя имена становятся какъ бы собственными, когда одного нарицательнаго имени въ связи съ обстоятельствами рѣчи достаточно для того, чтобы слушающій догадался, о которомъ именно предметѣ идетъ рѣчь. Особенно много примѣровъ можетъ представить понимаемый съ полуслова семейный разговоръ.

Какъ нарицательныя, такъ и собственныя имена существительныя распадаются на *одиночныя* и *собирательныя*, при чемъ одиночныя примѣняются къ отдѣльнымъ предметамъ (человѣкъ, Викторъ и проч.), а собирательныя обозначаютъ цѣлое собраніе однородныхъ предметовъ, представляющихся уму какъ одно цѣлое (лѣсъ, стадо, Мордва, Чудь и т. п.). Существительныя *собирательныя* по происхожденію своему или представляютъ самостоятельныя слова для выраженія сообщества существъ и предметовъ, напр. *толпа*, *стадо*, *стая*, *мѣсъ*, *куча*, а также собранія вещества и матеріала, какъ—*градъ*, *снѣгъ*, *песокъ*, *дробь*, [1]) или же происходятъ отъ одиночныхъ путемъ распространенія названія на всю совокупность такихъ предметовъ (напр. слово *боръ* первоначально означало сосну, а затѣмъ хвойный лѣсъ), иногда съ присоединеніемъ соотвѣтствующаго суффикса, напр. сосна<сосня́къ (обл. также сосня́гъ), береза<бере́зникъ. [2])

Далѣе, существительныя конкретныя служатъ для обозначенія или *одушевленныхъ* предметовъ или же *неодушевленныхъ*. Предметы одушевленные представляютъ собою два естественныя различія рода—*мужескій родъ* и *женскій*, названія же этихъ предметовъ принимаютъ различныя окончанія соотвѣтственно роду, напр. братъ, волкъ || сестр*а*, волчиц*а*. Названія неодушевленныхъ предметовъ, хотя и представляютъ также различія мужескаго и женскаго рода (напр. садъ || вод*а*), но это различіе — чисто внѣшнее, грамматическое, опирающееся лишь на различіе окончаній. [3]) Заслуживаетъ вниманія то

---

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ отъ такихъ словъ можетъ производиться и названіе мелкихъ единицъ, образующихъ массу, напр. снѣж*инка* и т. д.

[2]) Нѣмецкій языкъ, какъ мы видѣли, въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко пользуется сложными словами; напр., срв. der Birken*wald*=березникъ, die Erd*beeren*=земляника.

[3]) Замѣтимъ, что въ послѣднемъ случаѣ грамматическій родъ существительнаго какъ бы закрѣпленъ за названіемъ извѣстнаго неодушевленнаго предмета, тогда какъ въ первомъ случаѣ наблюдается нерѣдко произ-

обстоятельство, что, при всемъ кажущемся сходствѣ по окончанію между названіями предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ одного и того же рода, русскій языкъ выработалъ одно грамматическое различіе, указывающее на принадлежность имени одушевленному или же неодушевленному предмету, особенно въ словахъ мужескаго рода: въ нихъ Вин. падежъ ед. ч. сходенъ съ Род. падежомъ того же числа, когда они обозначаютъ предметы одушевленные (напр. Вин. и Род.—человѣка), и съ Имен.—когда обозначаютъ предметы неодушевленные (напр. садъ); во множественномъ же числѣ это различіе, т. е. одинаковость Вин. съ Родит. (въ названіяхъ предметовъ одушевленныхъ) или же съ Имен. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ), проводится во всѣхъ родахъ. Каковъ бы ни былъ путь образованія въ русскомъ языкѣ этого формальнаго различія, но важенъ фактъ его существованія.

Теперь возникаетъ интересный вопросъ, что нѣкогда побудило говорившихъ отнести названія однихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. столъ, садъ) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ мужескаго пола, а названія другихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. нога, вода) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ женскаго пола? При выясненіи этого вопроса мы не выйдемъ за предѣлы фактовъ, если скажемъ, что подобное зачисленіе въ категорію мужескаго или женскаго рода происходило частію въ силу усматривавшихся въ неодушевленномъ предметѣ характерныхъ чертъ того или другаго пола, частію же въ силу того, что между самими неодушевленными предметами замѣчалось какое-либо сходство, которое могло заставить отнести названіе новаго предмета къ одному роду съ прежде зачисленными. Но какіе именно моменты заставляли

водство именъ женскаго рода отъ именъ мужескаго рода для соотвѣтствующаго пола одушевленныхъ предметовъ (купецъ<купчи*ха*, аптекарь<аптекар*ша*, шалунъ<шалун*ья*, медвѣдь<медвѣд*ица* и проч.).

причислить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неодушевленные предметы къ тому или другому роду,—вопросъ этотъ для удовлетворительнаго рѣшенія потребовалъ бы весьма сложнаго сравнительно-историческаго изслѣдованія по всѣмъ языкамъ аріо-европейскаго семейства.

Однако названія не всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ были подведены подъ категоріи муж. и женск. рода, нѣкоторыя остались не подведенными, составивъ особую группу, называемую безъ всякаго основанія среднимъ родомъ, хотя точнѣе было бы назвать *неродовою*. [1]) Любопытно, что къ данной категоріи относятся также названія нѣкоторыхъ одушевленныхъ предметовъ, какъ напр. *дитя*, или въ старо-славянскомъ названія молодыхъ животныхъ (напр. жрѣбѧ, телѧ, прасѧ); названія этихъ предметовъ легко могли попасть въ неродовую категорію, такъ какъ въ этомъ случаѣ не представлялось существеннымъ отмѣтить различіе по естественному полу. Однако можно указать такія существительныя, какъ—*ребенокъ*, *теленокъ* и т. п., которыя по своей формѣ принадлежатъ къ категоріи муж. рода, хотя бы соотвѣтствующіе предметы по своему естественному полу и не подходили къ этой категоріи; [2]) а съ другой стороны есть существительныя по формѣ жен. рода (напр. *бѣдняга*, *убійца* и пр.), обозначающія одушевленный предметъ по качеству, которыя, смотря по естественному полу обозначаемаго предмета, могутъ быть муж. и жен. рода, какъ это можно видѣть изъ присоединяемыхъ опредѣлительныхъ словъ, напр. „*этотъ* бѣдняга“ (муж. пола) || „*эта* бѣдняга“ (жен. пола).

---

[1]) Нѣкоторыя языки, какъ напр. романскіе и семитическіе, не знаютъ такой категоріи именъ и различаютъ только два рода въ существительныхъ —мужескій и женскій, а другіе языки, напр. англійскій и турецко-татарскіе совсѣмъ не имѣютъ въ существительныхъ родовыхъ различій.

[2]) Подобнымъ же чисто формальнымъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ относятся къ неродовой категоріи всѣ уменьшительныя на *-chen*, *-lein*, напр. Fräulein, Mütterchen, Brüderchen и т. п.

Существительныя **абстрактныя**, подобно названіямъ предметовъ неодушевленныхъ, имѣютъ грамматическій родъ, напр. *раздѣлъ*—муж., *ходьба*—жен., *чтеніе*—средн.

Затѣмъ, имена существительныя представляютъ еще различія количественныя; это—такъ называемыя *единственное* и *множественное число.* [1]) Не всѣ однако существительныя имѣютъ оба числа, есть такія существительныя, которыя являются въ формѣ одного только числа—единственнаго или же множественнаго. Къ категоріи существительныхъ, имѣющихъ лишь единственное число, естественно относятся имена *собственныя* (Петербургъ), далѣе—нѣкоторыя конкретныя имена съ *собирательнымъ значеніемъ* (листва, хворостъ, добыча, навозъ, сажа, копоть), [2]) а также обозначающія *вещество* (золото, молоко), наконецъ—*абстрактныя* существительныя, представляющія собою субстантивныя названія качествъ и дѣйствій (краснота, ходьба); [3]) къ категоріи же существительныхъ съ однимъ множественнымъ числомъ принадлежатъ названія такихъ предметовъ, которые хотя и мыслятся нами какъ одинъ предметъ, но въ представленіе которыхъ привходитъ идея парности или же множественности. Сюда относятся названія нѣкоторыхъ предметовъ *одежды* (брюки, помочи), предметовъ служащихъ для *ѣзды* (сани, дрожки, салазки), а также

---

[1]) Въ старо-славянскомъ языкѣ, равно какъ и въ древне-русскомъ, было еще двойственное число, сохраняющееся доселѣ въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ нарѣчій.

[2]) Нѣкоторыя существительныя съ собирательнымъ значеніемъ, какъ увидимъ далѣе, употребляются—напротивъ—въ одномъ множ. числѣ; такъ, въ польскомъ русскому слову «сажа» соотвѣтствуетъ слово, употребляющееся только во множ. ч.—sadze (Род. sadz); срв. далѣе лат. sarmenta (-orum) «хворостъ».

[3]) Абстрактныя имена съ видоизмѣненіемъ своего значенія въ сторону конкретности способны принимать форму мн. ч. (изученіе, изслѣдованіе и т. п.). Въ обыденномъ разговорѣ существительныя, употребляющіяся въ одномъ ед. ч., въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ принимать и мн. ч., какъ напр. въ выраженіяхъ угрозы (срв. фразы типа: «я тебѣ покажу Петербурги» и т. п.).

нѣкоторыхъ другихъ предметовъ *парнаго* симметричнаго строенія, напр. щипцы, ножницы, очки и т. п. Подъ идею множественности такъ или иначе можно подвести названія нѣкоторыхъ *пищевыхъ веществъ*, напр. сливки, дрожжи, отруби и т. д., а затѣмъ отглагольныя названія нѣкоторыхъ совмѣстныхъ *игръ*, напр. горѣлки, прятки, жмурки и т. п.; въ такихъ случаяхъ, какъ—похороны, крестины, поминки, роды и т. п.—имѣется въ виду множественность моментовъ, изъ которыхъ слагается дѣйствіе церемоніи или процесса. [1])

Категорія множественнаго числа имѣетъ кажущееся сходство съ категоріей существительныхъ собирательныхъ: и тутъ и тамъ обозначается множественность однородныхъ предметовъ. Разница между этими категоріями заключается въ слѣдующемъ. Существительныя собирательныя (collectiva) обозначаютъ сумму однородныхъ предметовъ какъ одно цѣлое и соотвѣтственно этому имѣютъ форму единственнаго числа (стадо, тряпье, воронье), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ подобно обыкновеннымъ существительнымъ принимать и форму множественнаго числа, какъ напр. стадо—стада, лѣсъ—лѣса; категорія множественнаго числа не содержитъ въ себѣ такой

---

[1]) Если языки нашего семейства значительно совпадаютъ относительно существительныхъ, употребляющихся въ одномъ ед. ч. (срв. нѣмецкія соотвѣтствія приведеннымъ выше русскимъ примѣрамъ: das Laub=листва, die Beute=добыча, der Mist=навозъ, der Russ=сажа, копоть, das Gold=золото, die Milch=молоко, и т. д.), то гораздо меньше согласія относительно употребляющихся въ одномъ множ. ч., срв. нѣм.: der Schlitten=сани, die Brille=очки, die Scheere=ножницы, das Leichenbegängniss=похороны и т. п.; при этомъ существительныя Schlitten, Brille и т. д. образуютъ также множ. число подобно обыкновеннымъ существительнымъ, тогда какъ слова «сани» и пр. естественно сохраняютъ ту же форму и для множ. числа (только съ прибавленіемъ числительныхъ къ этимъ именамъ оказывается въ русскомъ языкѣ одна особенность: числительныя берутся въ собирательной формѣ—*двое, трое, четверо*, и пр.). Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣльные языки согласны между собою также и относительно словъ, употребляющихся въ одномъ мн. ч., срв.: нѣм. Ränke=происки, франц. les ciseaux=ножницы, les funérailles=похороны, и т. п.

идеи цѣлаго, но обозначаетъ простую множественность предметовъ. Кажущееся сходство существительныхъ собирательныхъ съ категоріей множественнаго числа могло быть поводомъ къ употребленію при существительномъ собирательномъ ед. ч., какъ подлежащемъ, сказуемаго во множ. числѣ, напр. въ древне-русскомъ языкѣ: „дружина моя сему смѣятися начнуть“ (Лавр. лѣтоп. подъ 965 г.); „Чюдь даша плеща“ [1]) (Новгор. лѣтоп. подъ 1242 г.).

Кромѣ измѣненій по числамъ, имена существительныя представляютъ еще измѣненія по падежамъ. Въ учебныхъ грамматикахъ обыкновенно насчитывается семь падежей (Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Звательный, Творительный и Предложный), тогда какъ въ дѣйствительномъ языкѣ можно различить еще другіе падежи. Къ послѣднимъ нужно отнести падежъ *Исходный*, напр. изъ лѣсу; затѣмъ въ области такъ называемаго Предложнаго падежа [2]) нужно различать: *Мѣстный*—принимающій часто въ существительныхъ муж. р. окончаніе -ѹ, напр. на домѹ; *Изъяснительный*—въ тѣхъ же существительныхъ съ окончаніемъ -ѣ, напр. о домѣ; для Винит. падежа срв. во множ. числѣ различіе смысла такихъ выраженій, какъ—въ солдаты || въ солдатъ, въ гости || въ гостей (въ первомъ случаѣ формы получили общее безлично-собирательное значеніе, а во второмъ—личное или партитивное); и др. Такъ какъ значеніе падежныхъ оттѣнковъ выступаетъ полностью въ связной рѣчи, то детальное разсмотрѣніе ихъ относится къ синтаксису.

---

[1]) даша плеща=побѣжали.

[2]) Наименованіе этого падежа Предложнымъ не точно въ томъ отношеніи, что съ предлогами могутъ соединяться въ русскомъ языкѣ всѣ падежныя формы, кромѣ Имен. и Зват.; особенность же даннаго падежа, послужившая поводомъ къ наименованію его Предложнымъ, заключается въ томъ, что въ современномъ русскомъ языкѣ онъ не употребляется безъ предлога, хотя въ болѣе древнемъ языкѣ встрѣчался и въ безпредложномъ употребленіи, при чемъ онъ имѣлъ мѣстное значеніе, напр. «заложи Володимеръ сѣтую Соѣю *Новѣгородѣ*» (Лавр. лѣтоп. подъ 1045 г.).

Въ заключеніе мы должны упомянуть о существованіи члена въ русскомъ языкѣ. Это многимъ можетъ показаться страннымъ, тѣмъ болѣе что школьная грамматика даже и не упоминаетъ о немъ, на самомъ же дѣлѣ въ русскомъ языкѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ языкамъ, существуетъ членъ, развившійся изъ указательнаго мѣстоименія *тъ* (т. е. тотъ), *та*, *то*. Развитіе члена въ русскомъ языкѣ, какъ и въ иностранныхъ, произошло путемъ *пониженія знаменательности* указательнаго мѣстоименія, которое лишилось прежней самостоятельности и стало лишь придаткомъ существительнаго, сообщая ему бо́льшую опредѣленность. Членъ въ русскомъ языкѣ ставится не передъ существительнымъ (какъ во франц., нѣм. и англ.), а послѣ него (какъ въ болгар., румынскомъ и шведскомъ). Однако употребленіе члена въ русскомъ языкѣ не столь обычно и часто, какъ въ другихъ языкахъ, а въ литературной рѣчи онъ встрѣчается лишь въ разговорахъ и притомъ въ однообразной формѣ *-то;* если же въ народныхъ говорахъ членъ слышится довольно часто, то и здѣсь употребленіе его болѣе свойственно разговору, нежели повѣствованію. Такое употребленіе члена находится въ связи съ его значеніемъ: посредствомъ члена дѣлается какъ бы указаніе на тотъ или другой предметъ въ рѣчи. Этотъ оттѣнокъ можно усмотрѣть напр. въ слѣдующихъ фразахъ, взятыхъ изъ народнаго языка:

„Продаешь часы-ти?“ (т. е. вотъ эти именно часы, которые у тебя).

„Только бы мнѣ увидать тетю-ту“ (т. е. мою, твою и т. п.—смотря по смыслу).

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что въ народномъ языкѣ, въ отличіе отъ литературнаго, членъ подвергается опредѣленнымъ перемѣнамъ въ своемъ видѣ, смотря по формѣ существительнаго, къ которому относится. Нужно еще указать на то, что древне-русскій языкъ зналъ употребленіе члена и

передъ существительными, какъ это мы можемъ видѣть въ былинной поэзіи, напр.: „Какъ из славнова города из Мурома ис *тово* села Корочаева.... ай выехалъ Илья со двора своего во *те* ворота широкія.... и заслышалъ Соловей разбойникъ *тово* ли топу конинова и *тое* ли онъ поески богатырския.... (Сборникъ Кирши Данилова, изд. подъ редакціею П. Н. Шеффера, 1901 г., стр. 150—151).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ употребленія *опредѣленнаго* члена, въ русской литературной и простонародной рѣчи можно усмотрѣть зачатки употребленія и *неопредѣленнаго* члена. Послѣдній, какъ и въ другихъ языкахъ, развивается изъ числительнаго „одинъ“ и, уже не обозначая числа, придаетъ существительному нѣкоторую неопредѣленность, приближаясь по значенію къ мѣстоименію „нѣкоторый“; срв. въ извѣстномъ стихотвореніи Полонскаго „Затворница“:

Въ *одной* знакомой улицѣ
Я помню старый домъ....

Разсмотрѣвъ имя существительное съ семазіологической стороны, мы перейдемъ къ его формальной сторонѣ,—къ словоизмѣненію по *склоненіямъ* и постараемся представить *классификацію* этихъ послѣднихъ. Здѣсь нужно обратить вниманіе на различіе окончаній и на различіе ударенія.

Что касается распредѣленія склоненій по различію *окончаній*, то самыя крупныя группы соотвѣтствуютъ различію *родовъ*—мужескаго, женскаго и средняго. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ основное склоненіе (столъ, царь; рыба, земля; окно, поле) и побочное (муж.—путь, женск.—дверь, ср.—имя и т. п.), отличающееся отъ основнаго склоненія нѣкоторыми особенностями въ окончаніяхъ. Въ каждой группѣ основнаго склоненія въ свою очередь различаются разновидности—*твердая* и *мягкая*; напр. слова „столъ“, „рыба“, „окно“, принадлежатъ къ твердымъ типамъ склоненія, а слова „царь“, „зем-

ля", „поле" — къ мягкимъ. Въ учебникахъ русской грамматики различіе твердаго и мягкаго склоненія обыкновенно относится на счетъ окончаній (напр. Р. ед. стол-*а* || кул-*я*, Д. ед. стол-*у* || кул-*ю*), но это потому, что авторы ихъ разсматриваютъ склоненіе исключительно съ точки зрѣнія *орѳографіи*. Но если мы станемъ на точку зрѣнія *произношенія*, то убѣдимся, что въ большинствѣ случаевъ, не смотря на разное орѳографическое обозначеніе, окончанія въ твердомъ и соотвѣтствующемъ мягкомъ склоненіи вообще одинаковы, [1]) разница же сводится къ твердости и мягкости предшествующаго согласнаго, т. е. того согласнаго, которымъ заканчивается основа (срв. тѣ же формы въ научно-фонетической транскрипціи: ста̊л-*а́* || кул'-*а́*, ста̊л-*у́* || кул'-*у́*. [2])

И въ твердомъ и въ мягкомъ склоненіи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя частныя группы; такъ, въ твердомъ склоненіи выдѣляются въ особую группу слова, основа которыхъ кончается однимъ изъ отвердѣвшихъ согласныхъ (*ш*, *ж*, *ц*), напр. отъ слова „мужъ" въ Р. мн. вмѣсто ожидаемаго окончанія *-овъ* имѣется *-ей*, какъ остатокъ прежней мягкой флексіи [3]) (впрочемъ, въ словахъ муж. р. на *-цъ* Р. мн. получилъ уже окончаніе *-овъ*, т. е. по аналогіи къ твердому склоненію). Что касается прочихъ основъ твердаго склоненія, т. е. кончающихся первично-твердыми согласными, то нужно различать основы, кончающіяся согласными губными и передне-язычными

---

[1]) Правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя окончанія по-видимому различны въ твердомъ и мягкомъ склоненіи, какъ напр. слов-*омъ* || пол-*емъ*, рыб-*ы* || бур-*и*, однако сравнительная грамматика доказываетъ, что эти различія окончаній не первичны, представляя позднѣйшія развѣтвленія одного соотвѣтствующаго окончанія.

[2]) Однако необходимо прибавить, что гласный, начинающій собою окончанія, не будетъ тожественъ по своей экскурсіи послѣ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ согласныхъ, см. выше стр. 32.

[3]) Однако и въ этой послѣдней окончаніе *-ей* не первично (срв. въ ст.-сл. языкѣ формы Р. мн. МЖЖЬ, КОНЬ и пр.), но перешло путемъ аналогіи изъ склоненія типа «путь».

отъ основъ на задне-язычные согласные: первыя могутъ сочетаться съ падежнымъ окончаніемъ *-ы*, а при вторыхъ вмѣсто этого окончанія является *-и* (напр. срв. столы || волки; жены || руки). Въ мягкомъ склоненіи муж. р. нужно различать склоненіе основъ на j отъ основъ на мягкіе согласные: въ послѣднихъ Р. мн. имѣетъ окончаніе *-ей* (напр. царей), а въ первыхъ *-евъ* (чаевъ). Объ особенностяхъ Вин. падежа въ склоненіи предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ (В. ед. столъ || волка и т. д.) говорилось выше. Въ именахъ *средняго* рода Р. мн. въ твердомъ склоненіи заканчивается послѣднимъ согласнымъ основы, а въ мягкомъ склоненіи принимаетъ окончаніе *-ей*.

При изученіи *ударенія* въ склоненіи нужно различать случаи *постояннаго* ударенія, когда послѣднее во всемъ склоненіи остается на одномъ и томъ же мѣстѣ (напр. споръ) и случаи *переходнаго* ударенія, когда послѣднее мѣняетъ свое мѣсто (напр. во́лка || волка́мъ). Постоянное удареніе можетъ находиться не только на основѣ (напр. „споръ“), но и на окончаніи, напр. срв. стола́, столу́, столами и т. д. [1]) Что касается переходнаго ударенія, то законы его представляютъ особенности въ склоненіяхъ мужескаго, женскаго и средняго рода, при чемъ однако типы ударенія въ твердой и мягкой разновидности каждаго изъ этихъ склоненій одни и тѣ же. Такимъ образомъ, мы принимаемъ за главное основаніе классификаціи склоненій существительныхъ различіе рода, а затѣмъ въ каждомъ склоненіи разсматриваемъ законы ударенія параллельно въ твердой и мягкой разновидностяхъ, различая при этомъ слова природныя и заимствованныя. [2])

---

[1]) Правда, въ приведенномъ примѣрѣ И. ед. уже не имѣетъ ударенія на окончаніи, но необходимо допустить на основаніи сравненія съ родственными языками, что нѣкогда и здѣсь на мѣстѣ нуля имѣлось ударяемое окончаніе (ъ=ŭ), впослѣдствіи утраченное; съ утратою же окончанія удареніе естественно приходится въ этомъ падежѣ на основѣ.

[2]) Нерѣдко приходится сталкиваться съ ходячимъ воззрѣніемъ, совершенно ошибочнымъ, что будто бы законы ударенія въ русскомъ языкѣ не

Примѣчаніе. Какъ увидимъ далѣе, иностранныя слова въ русскомъ языкѣ принадлежатъ большею частію къ твердой разновидности склоненій. Это станетъ намъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на скудное число въ европейскихъ языкахъ мягкихъ согласныхъ, весь запасъ которыхъ обычно ограничивается немногими звуками, напр. во франц.—*л'* (полумягкое *л*), *н'* и *j* (срв. ro*l*e, campa*gn*e, bou*ill*e), тогда какъ прочіе согласные, вообще, имѣютъ въ немъ только одно твердое произношеніе (срв. sor*t*e, sala*d*e и т. д.).

Прежде чѣмъ перейти къ самому обзору типовъ ударенія въ склоненіи, мы предварительно выяснимъ вопросъ о *фонетическихъ варіаціяхъ формъ склоненія въ зависимости отъ ударенія*. Если мы остановимся на прежнемъ примѣрѣ [1]) го́д-ў || га̊д-а́ (орѳ. году || года́), то здѣсь варіаціи основы сводятся не къ одному различію гласнаго ударяемаго и неударяемаго (о́ || а̊), но и къ соотвѣтственному видоизмѣненію согласныхъ основы по силѣ произношенія: [2])

го́ | д—ў
га̊ | д—а́.

изслѣдованы; но это происходитъ отъ незнакомства съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ: уже въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія законы русскаго ударенія въ склоненіи и спряженіи были весьма обстоятельно разработаны А. Х. Востоковымъ (см. его Русскую грамматику), который свелъ все разнообразіе ихъ къ небольшому числу типовъ; нѣкоторымъ пробѣломъ при этомъ является опущеніе Востоковымъ типа словъ съ постояннымъ ударяемымъ, такъ что грамматика его, дающая перечни словъ для типовъ съ подвижнымъ ударяемымъ, не даетъ никакого перечня, даже самаго краткаго, словъ съ постояннымъ ударяемымъ. Что касается распредѣленія почти безграничнаго числа существительныхъ по этимъ типамъ, то прежде всего слѣдуетъ выдѣлить простыя существительныя, которыхъ не такъ много и потому усвоеніе типа ихъ склоненія не представляетъ большихъ трудностей; существительныя же, образованныя съ помощью суффиксовъ, слѣдуютъ въ своемъ склоненіи тѣмъ же типамъ ударенія, какъ и простыя слова, но только въ зависимости отъ суффикса и свойственнаго ему типа ударенія, срв. па́х-арь, зна́харь и пр. (Р. ед. -аря) || звон-а́рь, ключ-а́рь и пр. (Р. ед. -аря́).

[1]) См. стр. 127, примѣчаніе.

[2]) Для большей наглядности сильное произношеніе звуковъ (т. е. въ ударяемомъ слогѣ) мы будемъ передавать жирнымъ шрифтомъ, пользуясь

Въ формѣ „годъ“ послѣдній согласный основы становится конечнымъ согласнымъ слова, смѣняясь—какъ мы знаемъ—на глухой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при отсутствіи иного окончанія, служитъ отличительнымъ признакомъ Имен. падежа даннаго склоненія:

го́т.

Здѣсь уже всѣ три звука основы произносятся сильно въ одинъ слогъ, тогда какъ въ двухъ предъидущихъ формахъ послѣдній согласный основы въ слоговомъ отношеніи отходитъ къ гласному окончанія, вслѣдствіе чего отличается по силѣ произношенія отъ предшествующихъ звуковъ основы. Звуковыя варіаціи наблюдаются и въ окончаніяхъ въ зависимости отъ ударенности и неударенности ихъ, напр.

пла̊ | **д—о́м** (плодо*мъ*)
го́ | д—ъм (годо*мъ*).

Мы видимъ, что всѣ разсмотрѣнныя нами звуковыя варіаціи въ общеупотребительной орѳографіи остаются неотмѣченными, а между тѣмъ въ исторіи языка онѣ играютъ видную роль.[1]) Съ цѣлью придать еще бо́льшую наглядность изложенному я позволю себѣ привести склоненіе слова „сторона“ въ фонетической транскрипціи съ присоединеніемъ въ скобкахъ соотвѣтствующихъ орѳографическихъ написаній:

	Единств. число:	Множеств. число:
И.	стъ | ра̊ | **н—а** (сторона)	**сто́** | ръ | н—ы́ (сто́роны)
Р.	стъ | ра̊ | **н—ы́** (стороны́)	ста̊ | **ро́н** (сторонъ)

обыкновеннымъ шрифтомъ для неударяемыхъ слоговъ; кромѣ того вертикальная черта будетъ служить для слоговаго разложенія слова, а тире—для отдѣленія окончаній.

[1]) Срв. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 386—387, 388.

Д.	стъ | рå | н'—æ (сторонѣ)	стъ | рå | н—áм (сторонамъ)
В.	сто́ | ръ | н—ў (сторону)	В. = И.
Тв.	стъ | рå | н—о́j (стороной)	стъ | рå | н—á | м'ї (сторонами)
Пр. = Д.		стъ | рå | н—áх (сторонахъ).

Мы видимъ, какъ звуковая физіономія слова въ разныхъ формахъ видоизмѣняется согласно законамъ звуковыхъ чередованій и въ зависимости отъ перемѣщенія ударенія. Нужно напомнить, что самый механизмъ варіацій, т. е. надлежащая подстановка тѣхъ или другихъ разновидностей основы и окончаній, въ живой рѣчи совершается безсознательно, благодаря привычкѣ къ звуковымъ чередованіямъ, устанавливающейся съ-дѣтства, какъ это уже разъяснялось нами въ своемъ мѣстѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при обзорѣ отдѣльныхъ типовъ склоненія, мы будемъ представлять также и таблицы парадигмъ, подобныя вышеприведенной.

А. Мужескій родъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода можно установить четыре главныхъ типа по ударенію:

1) *споръ, родитель.* Въ склоненіи этихъ словъ, изъ которыхъ первое принадлежитъ твердой разновидности, а второе—мягкой, удареніемъ во всѣхъ падежахъ ед. и множ. числа сопровождается основа. Другіе примѣры—твердаго склоненія: стонъ, звукъ, трупъ, шумъ, хрипъ, станъ, бракъ, храмъ, братъ (И. мн. -ья), брусъ (И. мн. -ья); мягкаго склоненія: житель, пахарь и т. д.; слова иностр.: банкъ, блокъ, шарфъ, рыцарь и др. Слова, сложныя съ префиксомъ, какъ односложныя, такъ и неодносложныя, имѣютъ большею частію постоянное удареніе на основѣ, напр. с-поръ, вз-глядъ, в-кусъ, за́-пахъ, по́-двигъ, во-про́съ, на-ро́дъ, о-горо́дъ, пере-во́зъ и т. п., при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ простомъ видѣ (т. е. безъ префикса) принадлежатъ къ другимъ типамъ ударенія

(напр. родъ, городъ, возъ). Однако нѣкоторыя слова, будучи сложны съ префиксомъ, имѣютъ переходное удареніе, напр. о́-стровъ, о́-кругъ, по́-гребъ; они отличаются отъ предшествующихъ тѣмъ, что принимаютъ въ И. мн. вмѣсто окончанія -ы ударяемое -а́. Какъ видно изъ памятниковъ, послѣднее окончаніе въ словахъ муж. рода появляется сравнительно поздно взамѣнъ окончанія -ы, и можно думать, что и такія слова, какъ „островъ“ и пр., нѣкогда имѣли тоже постоянное удареніе на основѣ. Это подтверждаютъ случаи, когда слово имѣетъ оба окончанія, напр. „округъ“—И. мн. о́круги || округа́. Къ односложнымъ словамъ въ разсматриваемомъ типѣ принадлежатъ нѣсколько церковно-славянскихъ, напр. храмъ, гласъ, при чемъ соотвѣтствующія полногласныя русскія существительныя частію тоже имѣютъ постоянное удареніе (срв. хоромы), частію же переходное (срв. голосъ съ И. мн. на -а́).

И. ед.	спо́р	(споръ)	И. ед.	рå | д'і́ | т'ьл'	(родитель)
Р.	спо́ | р—а́	(спора)	Р.	рå | д'і́ | т'ь | л'—а́	(родителя)
Д.	спо́ | р—у́	(спору)	Д.	рå | д'і́ | т'ь | л'—у́	(родителю)
В. = И.			В. = Р.		
Тв.	спо́ | р—ъм	(споромъ)	Тв.	рå | д'і́ | т'ь | л'—ьм	(родителемъ)
Пр.	спо́ | р'—ѣ́	(спорѣ)	Пр.	рå | д'і́ | т'ь | л'—ѣ́	(родителѣ)
И. мн.	спо́ | р—ы́	(споры)	И. мн.	рå | д'і́ | т'ь | л'—і́	(родители)
Р.	спо́ | р—ъф	(споровъ)	Р.	рå | д'і́ | т'ь | л'—ьj	(родителей)
Д.	спо́ | р—ъм	(спорамъ)	Д.	рå | д'і́ | т'ь | л'—ьм	(родителямъ)
В. = И.			В. = Р.		
Тв.	спо́ | р—ъ | м'і́	(спорами)	Тв.	рå | д'і́ | т'ь | л'—ь | м'і́	(родителями)
Пр.	спо́ | р—ъх	(спорахъ)	Пр.	рå | д'і́ | т'ь | л'—ьх	(родителяхъ).

2) *зубъ*, *звѣрь*. Въ этомъ типѣ удареніе имѣется на основѣ во всемъ единственномъ числѣ и И. мн. (въ названіяхъ же неодушевленныхъ предметовъ также и въ В. мн.), начиная же съ Р. мн.—на окончаніи. Другіе примѣры: богъ, воръ, волкъ, кругъ, видъ, бѣсъ; гость, го́лубь, ко́зырь, но́готь, гусь,

груздь, ла́поть. Эта категорія оказывается сравнительно бѣдною по количеству словъ, такъ какъ нѣкоторыя имена стали принимать въ И. мн. ударенное окончаніе -*а́* (-*я́*) о чемъ см. въ слѣдующей группѣ.

И. ед.	зу́п (зубъ)	И. ед.	з'в'е́р' (звѣрь)
Р.	зу́ | б—а́ (зуба)	Р.	з'в'е́ | р'—а́ (звѣря)
Д.	зу́ | б—у́ (зубу)	Д.	з'в'е́ | р'—у́ (звѣрю)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	зу́ | б—ъм (зубомъ)	Тв.	з'в'е́ | р'—ьм (звѣремъ)
Пр.	зу́ | б'—ѣ́ (зубѣ́)	Пр.	з'в'е́ | р'—ѣ́ (звѣрѣ́)
И. мн.	зу́ | б—ы́ (зубы)	И. мн.	з'в'е́ | р'—ы́ (звѣри)
Р.	зу | б—о́ф (зубовъ)	Р.	з'в'е | р'—е́j (звѣрей)
Д.	зу | б—а́м (зубамъ)	Д.	з'в'е | р'—а́м (звѣрямъ)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	зу́ | б—а́ | м'ы́ (зубами)	Тв.	з'в'е | р'—а́ | м'ы́ (звѣрями)
Пр.	зу | б—а́х (зубахъ)	Пр.	з'в'е | р'—а́х (звѣряхъ).

3) *полъ*, *чай*. Въ словахъ этого типа удареніе въ ед. ч. на основѣ, а во мн. ч. на окончаніи. Другіе примѣры: носъ, сотъ, долгъ, торгъ, верхъ, пудъ, валъ, паръ, жаръ, садъ, квасъ, шагъ, рядъ, жиръ, миръ; бой, рой; иностр.: басъ, балъ, зонтъ, грошъ.

Нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается смѣшеніе втораго и третьяго типа, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя существительныя могутъ принимать въ И. мн. какъ окончаніе -*ы*, такъ и окончаніе -*а́* (напр. хлѣ́бы || хлѣба́, го́ды || года́, вѣ́тры || вѣтра́) при чемъ первое окончаніе обычно является неударенымъ, а второе—съ удареніемъ (какъ отступленіе можно указать: цвѣты́ || цвѣта́); чаще же видимъ утвержденіе одного окончанія—*а́*, напр. въ словахъ: бокъ, рогъ, бѣгъ, лѣсъ, снѣгъ, бе́регъ, по́гребъ, о́стровъ, край. Слово „зять“ первоначально принад-

лежавшее къ склоненію типа „путь“, въ И. мн. принимаетъ окончаніе *-ья́*, а слово „сынъ“, первоначально относившееся къ склоненію основъ на *-ŭ-* (*-й*), имѣетъ передъ окончаніемъ *-ья* еще слогъ *-ов-*.

И. ед.	по́л	(полъ)	И. ед.	ча́j	(чай)
Р.	по́ | л	—ӑ (пола)	Р.	ча́ | j	—ӑ (чая)
Д.	по́ | л	—ў (полу)	Д.	ча́ | j	—ў (чаю)
В. = И.			В. = И.		
Тв.	по́ | л	—ъм (поломъ)	Тв.	ча́ | j	—ъм (чаемъ)
Пр.	по́ | л'	—ѣ̆ (полѣ)	Пр.	ча́ | j	—ѣ̆ (чаѣ)
И. мн.	па̊ | л	—ы́ (полы)	И. мн.	ча | j	—и́ (чаи)
Р.	па̊ | л	—о́ф (половъ)	Р.	ча | j	—о́ф (чаевъ)
Д.	па̊ | л	—а́м (поламъ)	Д.	ча | j	—а́м (чаямъ)
В. = И.			В. = И.		
Тв.	па̊ | л	—а́ | м'і (полами)	Тв.	ча | j	—а́ | м'і (чаями)
Пр.	па̊ | л	—а́х (полахъ)	Пр.	ча | j	—ах (чаяхъ)

4) *столъ, царь*. Здѣсь удареніе на основѣ только въ И. ед. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ и въ В. ед.), въ остальныхъ же падежахъ ед. ч. и во множ. числѣ—на окончаніи. Такъ какъ въ И. ед. удареніе перешло на основу по необходимости, вслѣдствіе исчезновенія конечныхъ краткихъ гласныхъ, то удареніе въ этомъ типѣ можетъ разсматриваться какъ постоянное на окончаніи. Другіе примѣры: волъ, дворъ, бобъ, попъ, снопъ, слонъ, клопъ, плодъ, плотъ, котъ (очень много словъ съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ), ротъ, сонъ, ленъ, полкъ, холмъ, столбъ, серпъ, крестъ, шестъ, быкъ, клыкъ, языкъ, стыдъ, трудъ, грибъ, блинъ, цѣпъ, рабъ, пень, огонь, ключъ, лучъ, соловей; иностр.: винтъ, тузъ, шнуръ. Нѣкоторыя существительныя, будучи первообразными, являются двусложными въ Им. ед., получивъ вторичные бѣглые гласные *о* или же *е* съ удареніемъ на нихъ, напр. бага́ръ, вихо́ръ, бобёръ, шатёръ.

И. ед.	сто́л (столъ)	И. ед.	ца́р' (царь)
Р.	ста̊ | л—а́ (стола)	Р.	ца | р'—а́ (царя)
Д.	ста̊ | л—у́ (столу)	Д.	ца | р'—у́ (царю)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	ста̊ | л—о́м (столомъ)	Тв.	ца | р'—о́м (царемъ)
Пр.	ста̊ | л'—ѣ́ (столѣ)	Пр.	ца | р'—ѣ́ (царѣ)
И. мн.	ста̊ | л—ы́ (столы)	И. мн.	ца | р'—и́ (цари)
Р.	ста̊ | л—о́ф (столовъ)	Р.	ца | р'—е́j (царей)
Д.	ста̊ | л—а́м (столамъ)	Д.	ца | р'—а́м (царямъ)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	ста̊ | л—а́ | м'ĭ (столами)	Тв.	ца | р'—а́ | м'ĭ (царями)
Пр.	ста̊ | л—а́х (столахъ)	Пр.	ца | р'—а́х (царяхъ).

Изъ всѣхъ указанныхъ типовъ первый и четвертый—самые частые, потому что къ нимъ принадлежатъ кромѣ словъ первообразныхъ также производныя, напр. сто́ликъ—сто́лика, голи́къ—голика́; па́лецъ—па́льца, дѣле́цъ—дѣльца́ и т. п.

Слово *путь*, составляющее по своимъ окончаніямъ особое склоненіе [1]), по ударенію относится къ четвертому типу.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ окончаніяхъ склоненія словъ мужескаго рода.

Родит. ед. имѣетъ два окончанія: *-а* и *-у*, напр. „цвѣтъ снѣга“ || „много снѣгу“. Окончаніе *-а* служитъ собственно окончаніемъ Р. ед.; окончаніе же *-у* преимущественно употребляется въ именахъ существительныхъ вещественныхъ и вооб-

[1]) Первоначально къ этому склоненію, какъ видно изъ старо-славянскаго и древне-русскаго языка, принадлежали еще нѣкоторыя другія существительныя, напр. гость, ѕять, тьсть, голѫбь, ѹрьвь, огнь, и нѣк. др.; въ современномъ русскомъ языкѣ они принадлежатъ уже къ мягкому мужескому склоненію, въ которое перешли путемъ аналогіи, напр. гость—гостя (Р. ед.) и т. д.

ще измѣряемыхъ въ зависимости отъ словъ, содержащихъ идею количества, какъ напр. въ приведенномъ выраженіи, а кромѣ того при предлогахъ исходнаго и достигательнаго значенія (иногда принимая смыслъ нарѣчія), напр. у Тургенева: „онъ поднялъ фонарь *съ* полу“, „плясать *до* упаду“, „наконецъ *до*бился я толку“. [1]) Дифференціація окончаній *-а* и *-у* начинаетъ обнаруживаться еще въ XI в., срв. „отъ льну“ Свят. Сб. 1073 г. (соединеніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія), а въ XIV в. встрѣчаемъ въ памятникахъ примѣры и другихъ оттѣнковъ значенія, именно— исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ, напр. со брегу, до тѣргу. Первоначально же окончанія *-а* и *-у* принадлежали разнымъ типамъ склоненія: окончаніе *-а* принадлежало обычнымъ словамъ муж. р. (напр. рабъ), окончаніе же *-у* немногочисленнымъ основамъ муж. р. на *-ŭ-*, какъ это встрѣчаемъ приблизительно въ старо-славянскомъ (напр. въ словахъ сынъ, крьхъ, которымъ соотвѣтствуютъ въ литовскомъ sūnùs, viršùs). [2]) Но очень рано эти склоненія начали смѣшиваться (начало этого смѣшенія, наблюдаемаго и въ другихъ славянскихъ языкахъ, вѣроятно восходитъ еще въ общеславянскую эпоху). Все-таки въ Род. ед. удержались окончанія обоихъ склоненій, дифференцировавшіяся въ русскомъ языкѣ между собою по значенію указаннымъ выше образомъ.

Предлож. ед. представляетъ два окончанія: *-ѣ* (неударяемое или ударяемое) и *-ý* (только ударяемое), напр. „говорить о снѣгѣ“ || „стоять на снѣгý“. Какъ можно видѣть изъ

---

[1]) Кромѣ указаннаго различія въ употребленіи окончаній Р. ед. *-а* и *-у* имѣетъ еще значеніе характеръ стиля, а именно—въ возвышенной рѣчи предпочитается окончаніе *-а*, на мѣстѣ котораго въ простой рѣчи можетъ быть употреблено *-у*; на это различіе въ употребленіи окончаній обратилъ вниманіе еще Ломоносовъ въ своей Россійской Грамматикѣ §§ 171—179, 200.

[2]) Литовскій языкъ не знаетъ смѣшенія этихъ основъ и въ немъ оба типа сохраняютъ особыя склоненія, срв. sūnẽgas || sūnùs.

этихъ примѣровъ, форма съ окончаніемъ *-ѣ* имѣетъ значеніе дополнительное или объяснительное, а форма съ окончаніемъ *-ý*—мѣстное (соотвѣтственно съ этимъ второе окончаніе употребляется въ литературной рѣчи лишь при предлогахъ *въ* и *на*); форма съ окончаніемъ *-у* примѣняется также при обозначеніи времени, когда что-либо совершалось, напр. „въ седьмомъ часу утра“. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ (изъ произведеній Тургенева) для иллюстраціи разницы по оттѣнку значенія разбираемыхъ формъ: „Потапъ въ лѣсу“ || „знаетъ толкъ въ лѣсѣ“ (во второмъ случаѣ форма съ окончаніемъ *-ѣ* служитъ простымъ дополненіемъ на вопросъ—въ чемъ?); „на каждомъ шагу“ || „чуть не спотыкаясь на каждомъ шагѣ“ (т. е. своемъ,—опять предложный дополненія). [1]) Такъ какъ окончаніе *-у* (*-ю*) встрѣчается не только въ Предл. ед., но и въ Род. ед., то въ языкѣ проявляется стремленіе къ различенію этихъ падежей посредствомъ ударенія, или же путемъ замѣны одного изъ парныхъ окончаній другимъ. Различеніе посредствомъ ударенія наблюдается въ словахъ первыхъ трехъ типовъ ударенія (напр. съ вéрху || на верхý); что касается различенія посредствомъ замѣны окончаній, то оно наблюдается въ словахъ, принадлежащихъ къ четвертому типу ударенія, и обусловливается тѣмъ, что языкъ избѣгаетъ одного и того же ударяемаго окончанія (*-ý*) въ двухъ падежахъ. Поэтому, если слово, по ударенію принадлежащее къ 4-ому типу, въ Род. ед. имѣетъ окончаніе *-ý* (напр. пескý), то Предл. ед. будетъ уже имѣть другое окончаніе, т. е. *-ѣ* (напр. на пескѣ, въ табакѣ); если же слово принадлежащее по ударенію къ 4-ому типу, въ Предл. ед. имѣетъ уже ударенное окончаніе *-ý*, то окончаніемъ Род. ед. будетъ *-á* (наприм.

---

[1]) Укажемъ еще, что—по замѣчанію Ломоносова (см. его Росс. Грамм. §§ 188—190, 200)—въ возвышенной рѣчи предпочитается окончаніе *-ѣ* вм. *-ý* повседневной рѣчи (срв. выше аналогичное замѣчаніе относительно окончаній Р. ед.).

въ углу́ || угла́, въ полку́ || полка́). [1]) Окончаніе Дат. ед. -*у* (-*ю*), не имѣя парнаго окончанія, не связано дифференціаціей ни съ Род. ед., ни съ Предл. ед.

Что касается происхожденія окончанія -ў въ Предл. ед., то оно, подобно такому же окончанію въ Р. и Д. ед., происходитъ отъ древняго склоненія основъ на -ў-.

Имен. множ. кромѣ окончанія -*ы*, которое бываетъ ударяемое и неударяемое, нерѣдко принимаетъ окончаніе -*а́*, всегда сопровождающееся удареніемъ. Что касается перваго окончанія, то оно въ этомъ падежѣ не исконное и раньше вмѣсто него было окончаніе одинаковое съ старо-славянскимъ языкомъ, т. е. -н; окончаніе же -*ы* въ И. мн. явилось въ русскомъ языкѣ по аналогіи къ В. мн. того же склоненія подъ вліяніемъ другихъ склоненій, гдѣ эти падежи были сходны, особенно же подъ вліяніемъ существительныхъ женскаго рода на -*а*, въ которыхъ И. и Вин. мн. имѣли окончаніе -*ы*; впервые въ древне-русскихъ памятникахъ окончаніе -*ы* въ И. мн. муж. встрѣчается въ XIII в., напр. чин*ы* въ Житіи Нифонта 1219 г. (съ этого же вѣка видимъ распространеніе и другихъ окончаній множ. числа женскаго рода на мужеское склоненіе, именно окончаній Д. Тв. и Предл. множ. -*амъ*, -*ами*, -*ахъ*). Что касается втораго окончанія -*а́*, то для уясненія его происхожденія, важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что это окончаніе способны принимать только существительныя, принадлежащія по удареніе къ первымъ тремъ типамъ, въ которыхъ подобное же окончаніе Род. ед. не имѣетъ на себѣ ударенія (таковы — бокъ, глазъ, домъ, лѣсъ, островъ и т. п.). Можно думать, что окончаніе -*а́* въ И. мн. муж. явилось по аналогіи къ среднему роду; тамъ тоже И. мн. оканчивается на -*а́* съ удареніемъ, когда въ Род. такое же окон-

[1]) Впрочемъ имѣется и форма Р. ед. «полкў» при особомъ оттѣнкѣ значенія, напр. «нашего *полку* прибыло» (оттѣнокъ количества).

чаніе не имѣетъ ударенія (напр. дѣ́ло, сло́во); это распространеніе окончанія средняго рода на мужескій могло совершиться тѣмъ легче, что склоненіе словъ средняго рода почти одинаково со склоненіемъ мужескаго рода, разница лишь въ Им. Вин. обоихъ чиселъ. Время перенесенія окончанія *-á* въ И. мн. муж. рода довольно позднее: XV—XVI вв.

Окончаніе *Род.* множ. *-овъ* перешло изъ прежняго склоненія основъ на *-ŭ-* очень рано.

Б. Женскій родъ.

Слова, принадлежащія къ женскому склоненію, относительно ударенія классифицируются на слѣдующіе типы:

1) *рѣ́па, ду́ля.* Удареніе постоянное на основѣ. Другіе примѣры: ба́ба, гри́ва, ни́ва, жи́ла, си́ла, му́ха; доро́га, коро́ва, воро́на, соро́ка, берёза; [1]) пти́ца, кры́ша; да́ча, ту́ча, встрѣ́ча; бу́ря, ба́шня, па́шня, ня́ня, ба́ня, пу́ля и пр.; иностр.: блу́за, бо́мба, би́ржа, ба́рка, и др. Къ этому типу принадлежитъ много производныхъ существительныхъ, напр. ло́дка, у́лица и пр.; иностр.—кварти́ра, плане́та и т. д.

И. ед.	р'я́	п—ă (рѣ́па)	И. ед.	ду́	л'—ă (дуля)
Р.	р'я́	п—ы́ (рѣ́пы)	Р.	ду́	л'—ĭ (дули)
Д.	р'ѣ́	п'—ѣ́ (рѣ́пѣ)	Д.	ду́	л'—ѣ́ (дулѣ)
В.	р'я́	п—ŭ (рѣ́поу)	В.	ду́	л'—ŭ (дулю)
Тв.	р'я́	п—ъj (рѣ́пой)	Тв.	ду́	л'—ьj (дулей)
Пр. = Д.			Пр. = Д.		

[1]) Какъ видимъ изъ приведенныхъ примѣровъ, тѣ *полногласныя* существительныя ж. р., въ которыхъ ударе́ніемъ сопровождается второе (т. е. вновь получившееся) *о* или *е*, имѣютъ постоянное ударе́ніе на основѣ. Срв. слѣд. группу.

И. мн.	р'ǽ	п—ы́ (рѣпы)	И. мн.	ду́	л'—ы́ (дули)
Р.	р'ǽп	(рѣпъ)	Р.	дул'	(дуль)
Д.	р'ǽ	п—ъм (рѣпамъ)	Д.	ду́	л'—ьм (дулямъ)
В. = И.			В. = И.		
Тв.	р'ǽ	п—ъ | м'ы́ (рѣпами)	Тв.	ду́	л'—ъ | м'ы́ (дулями)
Пр.	р'ǽ	п—ъх (рѣпахъ)	Пр.	ду́	л'—ьх (дуляхъ).

2) *рука́, земля́.* Удареніе въ большей части падежей, какъ и въ Им. ед., падаетъ на окончаніе; на основу удареніе переходитъ въ Вин. ед. и въ Им. мн., а также въ Р. мн. Переходъ удареніа на основу въ В. ед. не поддается объясненію по крайней мѣрѣ на почвѣ одного русскаго языка; что касается перехода удареніа на основу въ И. мн., то онъ, вѣроятно, вызванъ дифференціаціей къ однозвучной формѣ Р. ед.; переходъ же удареніа на основу въ Род. мн. вызванъ фонетическою причиною, именно — утратою произношенія конечныхъ -ъ, -ь, какъ это ясно видно на принадлежащихъ къ данному типу полногласныхъ существительныхъ: сторона́—сто́рону || сторо́нъ, также—голова́, борода́, борозда́, сковорода́, по́хороны. Другіе примѣры: вода́, гора́, доска́, рука́, спина́, зима́, стѣна́, щека́; заря́, душа́.

И. ед.	ру	к—а́ (рука)	И. ед.	з'ем'	л'—а́ [1]) (земля)
Р.	ру	к'—и́ (руки́)	Р.	з'ем'	л'—и́ (земли́)
Д.	ру́	к'—ǽ (рукѣ)	Д.	з'ем'	л'—ǽ (землѣ)
В.	ру́	к—ў (руку)	В.	з'е́м'	л'—ў (землю)
Тв.	ру	к—о́j (рукой)	Тв.	з'ем'	л'—о́j (землей)
Пр. = Д.			П. = Д.		

И. мн.	ру́	к'—ы́ (ру́ки)	И. мн.	з'е́м'	л'—ы́ (зе́мли)
Р.	ру́к	(рукъ)	Р.	з'ɛ	м'ɛ́л' (земель).

[1]) Посредствомъ начертанія *м'* обозначенъ согласный средней мягкости, а предшествующее начертаніе *е* служитъ для передачи средняго по открытости гласнаго э.

Д.	ру | к—а́м (рукамъ)	Д.	з'ем' | л'—а́м (землямъ)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	ру | к—а́ | м'ѣ (руками)	Тв.	з'ем' | л'—а́ | м'ѣ (землями)
Пр.	ру | к—а́х (рукахъ)	Пр.	з'ем' | л'—а́х (земляхъ).

3) *дуга́, свѣча́.* Этотъ разрядъ отличается отъ предшествующаго только тѣмъ, что въ немъ В. ед. уже относится къ падежамъ съ удареніемъ на окончаніи, такъ что переходъ ударенія на основу ограничивается только Им. и Род. множ. Другіе примѣры: вдова́, дуга́, верста́, волна́, блоха́, косма́, рѣка́, звѣзда́, слеза́, овца́; возжа́, ноздря́, головня́ (Р. множ. на -е́й); иностр.—тюрьма́. Впрочемъ, во многихъ словахъ даннаго типа удареніе, будучи постояннымъ на окончаніи во всемъ единств. числѣ, можетъ переходить на основу не тольк въ Им. и Род. множ., но и въ остальныхъ падежахъ множ. числа; срв.: жена́, вдова́, сестра́ (Р. мн.—сестёръ, гдѣ ё по аналогіи къ случаямъ бѣглаго гласнаго), серьга́, гроза́, скула́, ветла́, десна́, игра́, волна́, щека́; судья́ (м. р.) и свинья́ (Р. мн. на -е́й); сюда надо отнести также многосложныя существительныя на -ота́, напр. кислота́, высота́, острота́, красота́, нечистота́, въ которыхъ удареніе перемѣщается во мн. ч. не на начальный слогъ, а на непосредственно предшествующій окончанію (напр. кисло́ты и пр.). Так. образомъ, въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ удареніе колеблется, т. е. при образованіи отъ такихъ словъ падежныхъ формъ удареніе можетъ быть двоякое, напр. се́рьгамъ ‖ серьга́мъ (срв. далѣе — труба́, скала́, слуга́, роса́, коза́, пила́, изба́, гряда́). Затруднительность опредѣленія ударенія въ этихъ случаяхъ обнаруживается изъ того, что спрашиваемый обыкновенно не сразу опредѣляетъ удареніе, но старается придумать фразу съ искомою формой и произнести эту фразу такъ, какъ она сама скажется, т. е. какъ бы невольно. Вполнѣ естественно, что при этомъ встрѣчаются и индивидуальныя колебанія.

И. ед.	ду	г—а́ (дуга)	И. ед.	с'в'є	ч—а́ (свѣча)
Р.	ду	г'—и́ (дуги́)	Р.	с'в'є	ч—и́ (свѣчи́)
Д.	ду	г'—ӕ́ (дугѣ)	Д.	с'в'є	ч—ӕ́ (свѣчѣ)
В.	ду	г—у́ (дугу)	В.	с'в'є	ч—у́ (свѣчу)
Тв.	ду	г—о́j (дугой)	Тв.	с'в'є	ч—о́j (свѣчой)
Пр. = Д.			Пр. = Д.		

И. мн.	ду́	г'—ы́ (ду́ги)	И. мн.	с'в'є́	ч—ы́ (свѣ́чи)
Р.	дук (дугъ)		Р.	с'в'є́ч (свѣчъ)	
Д.	ду	г—а́м (дугамъ)	Д.	с'в'є	ч—а́м (свѣчамъ)
В. = И.			В. = И.		
Тв.	ду	г—а́ | м'ы (дугами)	Тв.	с'в'є	ч—а́ | м'ы (свѣчами)
Пр.	ду	г—а́х (дугахъ)	Пр.	с'в'є	ч—а́х (свѣчахъ)

4) *княжна́, простыня́.* Сюда относится немногочисленная группа существительныхъ, въ которыхъ удареніе остается на окончаніи во всѣхъ падежахъ единств. и множ. числа (оставляемъ въ сторонѣ извѣстную особенность Р. мн.); другіе примѣры: мечта́, черта́, хвала́, госпожа́, статья́, бадья́; иностр.—бахча́.

И. ед.	кн'аж	н—а́ (княжна)	И. ед.	пръ | сты	н'—а́ (простыня)
Р.	кн'аж	н—ы́ (княжны)	Р.	пръ | сты	н'—и́ (простыни)
Д.	кн'аж	н'—ӕ́ (княжнѣ)	Д.	пръ | сты	н'—ӕ́ (простынѣ)
В.	кн'аж	н—у́ (княжну)	В.	пръ | сты	н'—у́ (простыню)
Тв.	кн'аж	н—о́j (княжной)	Тв.	пръ | сты	н'—о́j (простыней)
Пр. = Д.			Пр. = Д.		

И. мн.	кн'аж	н—ы́ (княжны)	И. мн.	пръ | сты	н'—и́ (простыни)
Р.	кн'а	жо́н (княженъ)	Р.	пра́	стын' (простынь)
Д.	кн'аж	н—а́м (княжнамъ)	Д.	пръ | сты	н'—а́м (простынямъ)
В. = Р.			В. = И.		
Тв.	кн'аж	н—а́ | м'ы (княжнами)	Тв.	пръ | сты	н'—а́ | м'ы (простынями)
Пр.	кн'аж	н—а́х (княжнахъ)	Пр.	пръ | сты	н'—а́х (простыняхъ)

Къ женскому склоненію принадлежатъ еще такія слова, какъ „кость“, т. е. оканчивающіяся въ И. ед. мягкими (или также отвердѣвшими *ж* и *ш*) согласными. Въ этихъ существительныхъ два типа по ударенію: 1) ударе́ніе постоянное на основѣ, напр. мысль, дань, брань, нить; крова́ть, болѣзнь, пре́лесть, возвы́шенность; 2) ударе́ніе остается на основѣ во всѣхъ падежахъ ед. ч., а во мн. ч. оно находится на основѣ только въ Имен. падежѣ, въ остальныхъ же падежахъ переходитъ на окончаніе, напр. дверь, степь, кость, мышь, бровь, соль, по́дать, во́лость, вѣдомость, до́лжность, це́рковь и проч. [1]) Односложныя слова въ Предл. ед. при мѣстныхъ предлогахъ *въ* и *на* переносятъ ударе́ніе на окончаніе, особенно если получаютъ значеніе обстоятельственное, напр. на печи́. Этотъ переносъ ударенія представляетъ аналогію съ именами существительными муж. р., принимающими при тѣхъ же условіяхъ въ Предл. ед. окончаніе *-ý*.

В. Средній родъ.

Существительныя средняго рода относительно законовъ ударенія въ склоненіи представляютъ слѣдующіе четыре типа:

1) *бога́тство*, *гада́нье*: ударе́ніе постоянное на основѣ въ обоихъ числахъ, подобно такому же типу въ склоненіяхъ муж. и женск. рода. Другіе примѣры: кре́сло, ши́ло (И. мн. на *-ья*), пи́ршество, княжество, жили́ще, заня́тіе.

И. ед.	бо̊	га́т	ств—ă	(богатство)
Р.	бо̊	га́т	ств—ă	(богатства)
Д.	бо̊	га́т	ств—ў	(богатству)
В. = И.				

И. ед.	га	да́н’	j—ѣ	(гаданье)
Р.	га	да́н’	j—ă	(гаданья)
Д.	га	да́н’	j—ў	(гаданью)
В. = И.				

[1]) Къ этому типу принадлежатъ слова «мать» и «дочь», имѣющія въ прочихъ падежахъ передъ окончаніями древніе звуки -ер-, теперь кажущіеся какъ бы «наращеніемъ».

Тв.	бо̊ | га́т | ств—ъм (богатствомъ)		Тв.	га | да́н' | j—ьм (гаданьемъ)	
Пр.	бо̊ | га́т | с'т'в'—ѣ (богатствѣ)		Пр.	га | да́н' | j—ѣ (гаданьѣ)	
И.мн.	бо̊ | га́т | ств—ы (богатства)		И.мн.	га | да́н' | j—ы (гаданья)	
Р.	бо̊ | га́тстф (богатствъ)		Р.	га | да́ | н'ъj (гаданій)	
Д.	бо̊ | га́т | ств—ъм (богатствамъ)		Д.	га | да́н' | j—ьм (гаданьямъ)	
В. = И.			В. = И.		
Тв.	бо̊ | га́т | ств—ъ | м'і (богатствами)		Тв.	га | да́н' | j—ь | м'і (гаданьями)	
Пр.	бо̊ | га́т | ств—ъх (богатствахъ)		Пр.	га | да́н' | j—ьх (гаданьяхъ).	

2) *сло́во*, *по́ле*: въ единств. числѣ удареніе на основѣ, во множ. числѣ на окончаніи, т. е. подобно третьему типу въ мужескомъ склоненіи. Другіе примѣры: ста́до, мѣ́сто, дѣ́ло, тѣ́ло, мы́ло, зе́ркало, по́ле, мо́ре.

И. ед.	сло́ | в—ы (слово)		И. ед.	по́ | л'—ѣ (поле)	
Р.	сло́ | в—ы (сло́ва)		Р.	по́ | л'—ы (поля)	
Д.	сло́ | в—у (слову)		Д.	по́ | л'—у (полю)	
В. = И.			В. = И.		
Тв.	сло́ | в—ъм (словомъ)		Тв.	по́ | л'—ъм (полемъ)	
Пр.	сло́ | в'—ѣ (словѣ)		Пр.	по́ | л'—ѣ (полѣ)	
И. мн.	сло̊ | в—а́ (слова́)		И. мн.	по̊ | л'—а́ (поля)	
Р.	сло́ф (словъ)		Р.	по̊ | л'—е́j (полей)	
Д.	сло̊ | в—а́м (словамъ)		Д.	по̊ | л'—а́м (полямъ)	
В. = И.			В. = И.		
Тв.	сло̊ | в—а́ | м'і (словами)		Тв.	по̊ | л'—а́ | м'і (полями)	
Пр.	сло̊ | в—а́х (словахъ)		Пр.	по̊ | л'—а́х (поляхъ)	

3) *вино́*, *ружьё*: въ единств. числѣ удареніе на окончаніи, а во множ. числѣ на основѣ, т. е. обратно съ предъидущимъ типомъ и подобно нѣкоторымъ случаямъ третьяго типа въ женскомъ склоненіи. Другіе примѣры: бедро́, весло́, ребро́, вино́, гнѣздо́, долото́, колесо́, рѣшето́, лицо́, копьё.

И. ед.	в'і | **н—о́** (вино)	И. ед. руж | j—о́ (ружье)
Р.	в'і | **н—а́** (вина́)	Р. руж | j—а́ (ружья́)
Д.	в'і | **н—у́** (вину)	Д. руж | j—у́ (ружью)
В. = И.		В. = И.
Тв.	в'і | **н—о́м** (виномъ)	Тв. руж | j—о́м (ружьемъ)
Пр.	в'і | **н'—е́** (винѣ)	Пр. руж | j—е́ (ружьѣ)
И. мн.	в'і́ | н—ă (ви́на)	И. мн. ру́ж | j—ă (ру́жья)
Р.	в'і́н (винъ)	Р. ру́ | жъj (ружей)
Д.	в'і́ | н—ъм (винамъ)	Д. ру́ж | j—ьм (ружьямъ)
В. = И.		В. = И.
Тв.	в'і́ | н—ъ | м'і́ (винами)	Тв. ру́ж | j—ъ | м'і́ (ружьями)
Пр.	в'і́ | н—ъх (винахъ)	Пр. ру́ж | j—ьх (ружьяхъ).

4) *вещество́, бытіе́*: удареніе во всѣхъ падежахъ единств. и множеств. числа на окончаніи. Другіе примѣры: торжество́, существо́, деревцо́, лезвеё, бытіе́. Подобный типъ удареніе мы встрѣчали и въ склоненіи другихъ родовъ.

И. ед.	в'ъ | ш'чæ | **ств—о** (вещество)	И. ед. бы | т'і | j—е́ (бытіе)
Р.	в'ъ | ш'чæ | **ств—а́** (вещества)	Р. бы | т'і | j—а́ (бытія)
Д.	в'ъ | ш'чæ | **ств—у́** (веществу)	Д. бы | т'і | j—у́ (бытію)
В. = И.		В. = И.
Тв.	в'ъ | ш'чæ | **ств—о́м** (веществомъ)	Тв. бы | т'і | j—е́м (бытіемъ)
Пр.	в'ъ | ш'чє | **с'т'в'—е́** (веществѣ)	Пр. бы | т'і | j—і́ (бытіи)
И. мн.	в'ъ | ш'чæ | **ств—а́** (вещества)	И. мн. бы | т'і | j—а́ (бытія)
Р.	в'ъ | **ш'чǽстф** (веществъ)	Р. бы | т'і́j (бытій)
Д.	в'ъ | ш'чæ | **ств—а́м** (веществамъ)	Д. бы | т'і | j—а́м (бытіямъ)
В. = И.		В. = И.
Тв.	в'ъ | ш'чæ | **ств—а** | м'і́ (веществами)	Тв. бы | т'і | j—а́ | м'і́ (бытіями)
Пр.	в'ъ | ш'чæ | **ств—а́х** (веществахъ)	Пр. бы | т'і | j—а́х (бытіяхъ).

Изъ представленныхъ четырехъ типовъ склоненія средняго рода наиболѣе характерными являются второй и болѣе по сравненію съ нимъ многочисленный—третій. Такъ называемыя имена съ нарощеніемъ (и́мя, сѣ́мя и др.) принадлежатъ ко второму типу (только слово „зна́мя“ можетъ имѣть и другое передвиженіе ударенія—„знаме́на“); изъ первоначальныхъ именъ съ суф. *-ес-*, только „не́бо“ сохранило въ склоненіи этотъ комплексъ и притомъ лишь во мн. ч., другія же имена, какъ напр. „слово“, перешли по аналогіи въ обыкновенное склоненіе на *-о* (т. е. безъ „нарощенія“).

Мы прослѣдили цѣлый рядъ типовъ ударенія въ русскомъ склоненіи. Сравнительная грамматика позволяетъ показать связь этихъ типовъ съ типами ударенія другихъ аріо-европейскихъ языковъ—санскритскаго, греческаго и литовскаго (только они сохранили болѣе или менѣе древнее удареніе). Такъ, въ нихъ мы встрѣчаемъ оба типа постояннаго ударенія, т. е. на основѣ и окончаніи, напр. греч. *λόγος*, *βωμός*. Для выясненія типовъ русскаго переходнаго ударенія нужно обратить вниманіе на т. наз. третье [1]) склоненіе особенно односложныхъ словъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ: въ этихъ словахъ удареніе въ косвенныхъ падежахъ (т. е. не Им. и Вин.) всѣхъ чиселъ удареніе переходитъ на окончаніе. Въ русскомъ языкѣ подобный переходъ ударенія мы наблюдали въ одномъ множественномъ числѣ, напр. гу́си—

[1]) Къ этому склоненію относятся основы, кончавшіяся первоначально согласнымъ, напр. греч. ὀπ-ός (Р. ед. отъ ὄψ) и т. д. Въ русскомъ языкѣ эти согласныя основы перешли въ гласныя склоненія, напр. мышь (греч. μῦς, лат. mūs), солъ (греч. ἅλς, лат. sal). Этотъ переходъ, вѣроятно, обусловленъ сильнымъ различіемъ формы И. ед. отъ другихъ падежей, происшедшимъ благодаря исчезновенію въ славянскихъ языкахъ конечныхъ согласныхъ въ И. ед. Въ такомъ случаѣ переходъ словъ третьяго склоненія въ гласныя склоненія надо отнести ко временамъ славянскаго праязыка. Остаткомъ первоначальнаго третьяго склоненія въ русскомъ языкѣ является такъ наз. склоненіе съ нарощеніемъ: мать—матери, имя—имени и пр., т. е. въ древнихъ основахъ на плавный и носовой согласный.

гусе́й, мы́ши—мыше́й, во́лки—волко́въ и проч., при чемъ въ единственномъ числѣ тѣхъ же словъ ударе́ніе оказывается постояннымъ на основѣ и это однообразіе могло отчасти получиться подъ вліяніемъ аналогіи. Другія модификаціи русскаго переходнаго ударенія могли обусловливаться, какъ мы указывали, стремленіемъ къ дифференціаціи по ударенію различныхъ падежей сходнаго окончанія, напр. срв. жены || же́ны, окна́ || о́кна и проч.; присоединившееся же къ дифференціаціи дѣйствіе аналогіи могло въ иныхъ случаяхъ провести одинъ типъ ударенія черезъ ед. ч., а другой типъ черезъ мн. ч. однихъ и тѣхъ же словъ, какъ напр. въ среднемъ родѣ. Подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи и совершилось видоизмѣненіе древняго переходнаго ударенія въ нѣсколько типовъ. Литовское ударе́ніе въ склоненіи представляетъ большое сходство съ русскимъ; такъ, въ немъ мы встрѣчаемъ переходъ ударенія на основу въ Вин. ед., подобный русскому типу въ женскомъ склоненіи рука́—ру́ку, какъ напр. въ соотвѣтствующемъ литовскомъ словѣ rankà (Им. ед.)—rañką (В. ед.). Особенно же большое согласіе въ системахъ русскаго ударенія съ тѣми славянскими языками, которые удержали подвижность ударенія, особенно съ сербскимъ, напр. русскому различію вода́—во́ду—во́ды соотвѣтствуетъ въ сербскомъ во̀да—во̀ду—во̀де, или русскому различію село́—се́ла отвѣчаетъ въ сербскомъ сѐло—сѐла; въ виду этого согласія можно относить начало такихъ русскихъ видоизмѣненій древняго ударенія въ общеславянскую эпоху.

Библіографическія указанія. Кромѣ грамматикъ Ломоносова, Востокова, Буслаева и морфологіи слав. языковъ Миклошича, назовемъ: Гротъ Я. О русскомъ ударе́ніи вообще и объ ударе́ніи именъ существительныхъ и его же Замѣтки о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій (см. Филолог. разыск. 1899⁴, стр. 290 — 358); Быстровъ А. Правила объ ударе́ніяхъ въ русскомъ языкѣ (Аренсбургъ, 1900); Будде Е. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина, I. 1, 1901 г.: Склоненіе именъ существительныхъ (отт. изъ Сборника Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. LXXI); Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Замѣтка объ измѣняемости основъ склоненія, в особенности же об их сокращеніи въ пользу окончаній (Р. Ф. В. 1902, № 3—4). P. Boyer et A. Meillet Sur l'une das origines du mouvement de l'accent dans la déclinaison slave (Mém. de la Soc. de lingu. de Paris, VIII, 1894, 172—180).

Глава IX.

Имя существительное со стороны словообразованія. Такъ называемыя корневыя существительныя; существительныя первообразныя и производныя.

Въ главѣ, служащей введеніемъ въ морфологію, мы указывали (стр. 128), что слова могутъ быть *корневыми* (напр. вод-а), въ которыхъ корень и основа совпадаютъ, и *производными* отъ другихъ словъ (напр. вод-янка). Мы считали возможнымъ допустить такое дѣленіе въ виду общаго характера названной главы; но теперь мы должны внести нѣкоторыя дополненія въ это подраздѣленіе, примѣнительно къ категоріи имени существительнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что въ русскомъ языкѣ корневыхъ существительныхъ, строго говоря, не существуетъ, такъ какъ въ нихъ корень всегда распространенъ тематическимъ элементомъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ существительныя, состоящія изъ одного корня, безъ какого-либо тематическаго добавленія (напр. русскому слову „мыш-ь“ соотвѣтствуетъ скт. mūš-, греч. *μῦς*, лат. mūs, нѣм. Maus). [1]) Такимъ образомъ, существительныя

---

[1]) Конечно, и такія корневыя существительныя не представляютъ собою чистыхъ корней, но являются уже опредѣленною частью рѣчи—именемъ существительнымъ извѣстнаго типа склоненія.

въ русскомъ языкѣ, обыкновенно называемыя *корневыми* (мыш-ь, вод-а), правильнѣе будетъ назвать *первообразными*, при чемъ въ эту категорію можно зачислить не только такія существительныя, гдѣ корень распространенъ тематическимъ гласнымъ, но и тѣ, въ которыхъ къ первоначальному корню прибавленъ суффиксъ. Существительныя же съ дальнѣйшимъ наращеніемъ суффиксовъ мы будемъ называть *производными*. Кромѣ того, необходимо помнить, что и многія первоначально производныя слова, благодаря процессу опро́щенія, для непосредственнаго чутья уже представляются какъ простыя. Поэтому, при разсмотрѣніи именъ существительныхъ со стороны словообразованія, необходимо имѣть въ виду возможность двухъ точекъ зрѣнія — историко-этимологической и статической и строго ихъ разграничивать.

Что касается порядка разсмотрѣнія суффиксовъ, служащихъ для образованія существительныхъ, то обычно ихъ располагаютъ чисто внѣшнимъ образомъ въ порядкѣ алфавитномъ или же соотвѣтственно физіологическимъ категоріямъ звуковъ. Само собою разумѣется, что при такомъ распредѣленіи совершенно нарушается семазіологическая связь суффиксальныхъ оттѣнковъ. Желая съ своей стороны выдвинуть въ морфологіи на первый планъ семазіологическую сторону, мы постараемся вопросъ о суффиксахъ именъ существительныхъ свести на вопросъ о суффиксальныхъ категоріяхъ, посредствомъ которыхъ классифицируется въ русскомъ языкѣ все разнообразіе предметовъ міра.

Прежде всего мы остановимся на тѣхъ немногихъ первообразныхъ существительныхъ русскаго языка, которыя представляютъ собою отголосокъ или пережитокъ *первоначальныхъ корневыхъ существительныхъ*. Эти существительныя русскаго языка могутъ быть подраздѣлены на простыя и сложныя. Первыя служатъ для названія разныхъ конкретныхъ представ-

леній, вторыя же распадаются на два отдѣла, смотря по тому, является ли существительное въ качествѣ конечнаго или же начальнаго члена сложенія: въ первомъ случаѣ такія существительныя служатъ для обозначенія дѣятелей, а во второмъ случаѣ, когда корневое имя занимаетъ начальное (т. е. второстепенное) мѣсто въ сложеніи, значеніе его можетъ быть уже болѣе разнообразнымъ, завися въ значительной степени отъ главнаго члена сложенія. Что касается внѣшней стороны, то слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какимъ звукомъ заканчивался первоначально корень — согласнымъ или же гласнымъ, такъ какъ эти два типа корней въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи отражаются на почвѣ славянскихъ языковъ не вполнѣ одинаково, съ чѣмъ мы также будемъ считаться въ своемъ изложеніи.

Начнемъ свое разсмотрѣніе съ *простыхъ* первообразныхъ существительныхъ, корень которыхъ оканчивался *согласнымъ*. Какъ мы уже указали, эти существительныя въ русскомъ языкѣ и другихъ славянскихъ представляютъ корень распространенный тѣмъ или другимъ тематическимъ элементомъ, соотвѣтственно чему они примкнули къ тому или другому гласному склоненію, напр. нос-*ъ*, мыш-*ь*, зим-*а*, и т. д. А такъ какъ тематическіе гласные перестали со временемъ чувствоваться составною частью основы и отошли къ окончаніямъ, то языкъ какъ бы вновь вернулся къ первоначальному типу корневыхъ именъ (срв. *зима*-хъ→*зим*-ахъ, т. е. тематическое *а* отошло къ окончанію и основа вновь совпала съ корнемъ). Представимъ теперь примѣры того, какъ отражаются первоначальныя корневыя имена, заканчивавшіяся согласнымъ, въ русскомъ языкѣ и по какому типу они склоняются:

1) Существительное въ русскомъ языкѣ принадлежитъ къ твердому склоненію муж. рода, напр. нос-*ъ* (срв. лат. В. ед. nār-em, скт. Тв. ед. nas-ā́) [1]), дом-*ъ* (срв. скт. dam-);

[1]) Для незнакомыхъ со сравнительною грамматикой языковъ нашего семейства замѣтимъ, что окончанія приведенныхъ словъ (лат. -em, скт. -ā)

2) Существительное принадлежитъ къ мягкому склоненію муж. рода, напр. д е н-ъ (срв. ст.-слав. форму Р. ед. отъ этого слова, образованную по согласному склоненію—д ь н-е); къ этому же склоненію отнесено и заимствованное слово г у с-ь (срв. греч. дорич. χᾶν, Р. ед. χᾶν-ός ←*χανσ-ός) [2]);

3) Существительное принадлежитъ въ русскомъ языкѣ къ твердому склоненію жен. рода на -*а*, напр. з и м-*а* (срв. лат. hiem-s, греч. χιών при Р. ед. χιόν-ος);

4) Существительное принадлежитъ къ соотвѣтствующей мягкой разновидности того же склоненія, напр. з е м л-*я* (срв. греч. χαμ-αί);

5) Существительное принадлежитъ въ русскомъ языкѣ къ именамъ ж. р. на -ь, напр. м ы ш-ь, с о л-ь, в е с-ъ (т. е. „селеніе“, срв. скт. viç- „кланъ, сельская община“).

Переходу корневыхъ именъ, кончавшихся согласнымъ, изъ согласнаго въ гласное склоненіе особенно благопріятствовалъ на почвѣ общеславянской законъ устраненія согласныхъ съ конца словъ: благодаря этому фонетическому закону должна была получаться большая разница между формою И. ед., въ которой конечный согласный корня утрачивался, и тѣми падежными формами, гдѣ тотъ же согласный сохранялся подъ защитою слѣдовавшаго за нимъ гласнаго въ окончаніи; аналогія же легко возстановляла утраченный конечный согласный корня въ И. ед. путемъ перехода слова въ гласное склоненіе того или другаго типа, гдѣ уже и въ И. ед. за конечнымъ согласнымъ корня слѣдовалъ тематическій гласный. Однакожъ

не имѣютъ ничего общаго съ тематическимъ гласнымъ, представляя собою исключительно падежныя окончанія первоначальнаго согласнаго склоненія.

[2]) Слово «гусь» считается заимствованнымъ (изъ германской языковой области, срв нѣм. *Gans*) по соображеніямъ сравнительно-фонетическимъ: такъ какъ греческому χ при литовскомъ ž, какъ мы знаемъ, въ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ *з*, а не *г*, то по-русски природное слово звучало бы *зусь (срв. литов. žąsis).

было бы слишкомъ поспѣшно сдѣлать выводъ, что всѣ перечисленныя русскія существительныя и имъ подобныя, которымъ въ томъ или другомъ древнемъ языкѣ нашего семейства соотвѣтствуетъ корневое образованіе, непремѣнно были корневыми въ эпоху аріо-европейскаго праязыка передъ раздѣленіемъ его на вѣтви, такъ какъ въ послѣднемъ могли быть діалектическія варіаціи въ словообразованіи такого рода, что въ одной діалектической области данное существительное было корневое, тогда какъ въ другихъ областяхъ ему соотвѣтствовало слово, уже распространенное тѣмъ или другимъ тематическимъ гласнымъ; срв. напр. греческому корневому существительному χᾶν, уже упоминавшемуся выше, въ санскритѣ соотвѣтствуетъ существительное гласнаго склоненія—hāsás, или русскому слову д о м-ъ имѣются соотвѣтствующія слова тоже гласнаго склоненія въ скт., греч. и лат. (damás, δόμος, domus), и т. п. Мы можемъ лишь утверждать, что нѣкоторыя изъ такихъ существительныхъ и въ славянской языковой области произошли изъ корневыхъ.

Что касается простыхъ первообразныхъ существительныхъ, корень которыхъ заканчивался не согласнымъ, а *гласнымъ*, то въ качествѣ примѣровъ укажемъ слова: б р о в-ь (срв. скт. bhrū-š при Р. ед. bhruv-ás, греч. ὀφρῦ-ς при Р. ед. ὀφρύ-ος), к р о в-ь (кръв-ь); такъ какъ корень ихъ оканчивался на *ū=рус. ы (ст.-сл. ъı), то И. ед. ожидался бы *бры и *кры (*бръı, *кръı), но эти формы утратились, замѣнившись новообразованіями по аналогіи существительныхъ ж. р. на -ь (-ь), т. е. бровь (бръвь), кровь (кръвь). [1])

[1]) Какъ мы уже указывали (стр. 97, 98), ае. *ū отражается въ ст.-сл. въ видѣ ъı (рус. ы); но такое отраженіе имѣетъ мѣсто лишь въ концѣ слова и въ положеніи передъ согласнымъ; въ положеніи же передъ гласными (которыми въ склоненіи разсматриваемыхъ словъ начиналось большинство падежныхъ окончаній) *ū видоизмѣнялось въ односложныхъ корняхъ въ соотвѣтствующій краткій гласный съ губнымъ придувнымъ согласнымъ, т. е. ŭv (ст.-сл. ъв).

Разобранныя нами корневыя существительныя принадлежатъ къ типу простыхъ. Теперь обратимся къ разсмотрѣнію корневыхъ именъ, входящихъ въ составъ *сложныхъ словъ* и прежде всего остановимся на томъ случаѣ, когда они являются *вторымъ членомъ сложенія*. Относящіяся сюда имена служатъ для названія *дѣятелей* по соотвѣтствующему дѣйствію. Въ русскомъ языкѣ такія образованія представляютъ уже дальнѣйшее словообразовательное расширеніе, срв. -б*á*-*й* (краснобай), -д*ѣ*-*й* (злодѣй, лицедѣй) -з*ѣ*-*й* (ротозѣй) и т. п. Въ санскритѣ мы видимъ этого рода образованія не только для корней, кончавшихся гласнымъ, напр. vana-*pá*-s „стерегущій лѣсъ, лѣсной сторожъ“ и др., но также и для корней, кончавшихся согласнымъ, напр. havya-*váh*- „*несущій* жертву“ (эпитетъ Агни) и т. п. Можно думать, что и славянскіе языки имѣютъ отголоски сложеній послѣдняго типа, но только въ нихъ второй членъ получилъ тематическій гласный и перешелъ въ гласное склоненіе (срв. рус. пол*отеръ* и т. п.).

Мы остановимся теперь на тѣхъ случаяхъ, когда корневое имя является въ качествѣ *перваго члена сложенія*. Эти случаи очень трудны для разъясненія, такъ какъ корневое имя въ такихъ сложеніяхъ, занимавшее начальную (т. е. второстепенную) часть, благодаря процессу опрóщенія утратило свой самостоятельный оттѣнокъ значенія, переставъ также употребляться въ языкѣ и въ качествѣ отдѣльнаго слова. При такихъ обстоятельствахъ подобныя слова далеко еще не получили окончательнаго сравнительно-этимологическаго разъясненія и даже не всѣ еще приведены въ извѣстность. Примѣры:

Гос-подь. Аналогичное сложеніе представляютъ языки греч. и скт.: *δεσ-πότης*, *jās*-patis. Слово „господь“ встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Въ старомъ русскомъ языкѣ употреблялась еще форма *господарь*, въ малорусскомъ сохраняющаяся еще и теперь (*уоспо-*

дарь) въ смыслѣ „хозяинъ дома“; отъ этого слова происходитъ и наше *государь*: неударяемый слогъ *сно*, произносимый на *о* (можетъ быть даже съ нюансомъ *у*), легко могъ замѣниться посредствомъ *сну* и затѣмъ *су*. [1])

ка-лѣка, срв. литов. kója (латыш. kâja) „нога“; что же касается втораго члена сложенія, то онъ выражаетъ лишеніе (срв. древне-русское отъ*лькъ* „остатокъ“).

ка-луга, *ка*-лужа, т. е. ножная лужа, въ смыслѣ— мелкая, переходная; второй членъ сложенія существуетъ въ языкѣ и какъ особое слово.

бер-лога, срв. нѣм. *Bären*-lager.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ сложеніяхъ разсматриваемаго типа первая часть имѣетъ глагольно-корневой характеръ. Сюда, намъ кажется, можно отнести такія слова, какъ: *гáй*-воронъ (срв. *юж.* гай «крикъ», гаить «кричать»), древ.-рус. *га*-вранъ, тотъ же корень только со смягченіемъ *г* въ *ж* и въ словѣ *жа*-воронокъ; *ба*-хвалъ (срв. баять). Въ словѣ *рá*-дуга въ первомъ членѣ сложенія я усматриваю тотъ же корень, который находится въ прил. *ра*-дъ; съ этимъ объясненіемъ гармонируетъ бѣлорусское наименованіе радуги — *весéлка*, малор. *весéлка*, *весели́ця*; [2]) что же ка-

---

[1]) Любопытно судьба начальнаго *гос-* разсматриваемаго слова въ русскомъ языкѣ. Такъ какъ обѣ составныя части слова *гос-подь* не имѣютъ родства въ русскомъ языкѣ, то слово это, будучи одинокимъ, легко подверглось фонетическимъ перемѣнамъ, особено при содѣйствіи акустическаго фактора. Изъ формы *государь* получилось *сударь* черезъ потерю начальнаго неударенаго слога; а это послѣднее слово, когда употреблялось какъ прибавочное въ отвѣтахъ, сократилось до частицы *-съ* (напр. слушаю-*съ* и т. п.). Потерю начальнаго слога *го* представляетъ и простонар. «спожи́нки» (день успенія или рождества Богородицы).

[2]) Аѳанасьевъ А. въ сочиненіи «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» I (1865) говоритъ о радугѣ на стр. 349 — 355, при чемъ въ первой части сложенія (*ра-*) усматриваетъ тотъ же элементъ, какъ въ сибир. *ра*-горокъ «холмъ или курганъ на родникѣ», и толкуя слово какъ водоносную, дождевую дугу; онъ указываетъ также малорусское выраженіе «весéлка *воду бере*», замѣчая, что представленіе о радугѣ, какъ сосущей воду, существуетъ и у другихъ славянъ. Областное (тверск.) *рай*-дуга, вѣроятно, обязано народной этимологіи.

сается втораго члена сложенія, то указаніе дуги входитъ въ названіе радуги и въ другихъ языкахъ, напр. нѣм. Regen*bogen*, англ. rain*bow*, фр. *arc*-en-ciel, а въ санскритѣ слово dhánvan ср., одного корня съ нашимъ словомъ «дуга», означаетъ лукъ для стрѣльбы и радугу; также въ Изб. 1073 г. радуга называется просто *дуга* (джга), подобно тому какъ въ лат. языкѣ arcus значитъ «лукъ, дуга, радуга». Ближайшимъ образомъ съ словомъ *дуга* (джга) родственно лит. в. dangùs «небо», гдѣ корень, оканчивавшійся носовымъ согласнымъ, распространенъ одинаковымъ суффиксальнымъ задне-язычнымъ согласнымъ.

Какъ мы уже указывали, къ категоріи первообразныхъ именъ кромѣ собственно корневыхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ корень не былъ распространенъ никакимъ словообразовательнымъ элементомъ, относятся еще тѣ имена, въ которыхъ корень получилъ распространеніе *тематическимъ гласнымъ*, или же первично присоединеннымъ *суффиксомъ*. Мы не будемъ исчислять всѣхъ относящихся сюда первообразныхъ существительныхъ, такъ какъ примѣры ихъ приведены въ достаточномъ количествѣ въ предъидущей главѣ при распредѣленіи существительныхъ по склоненіямъ, при чемъ мы указывали преимущественно существительныя первообразныя. Намъ остается здѣсь сдѣлать нѣкоторыя семазіологическія и сравнительно-этимологическія разъясненія. Прежде всего мы остановимся на существительныхъ, въ которыхъ корень распространенъ лишь *тематическимъ гласнымъ*. Среди нихъ выдѣляется категорія словъ глагольнаго происхожденія, означающихъ при одной и той же формѣ различные роды представленій, стоящихъ въ томъ или другомъ отношеніи къ соотвѣтствующему дѣйствію. Такъ, одно и то же первообразное имя можетъ употребляться для обозначенія самаго дѣйствія, дѣятеля, а также объекта и орудія дѣйствія, что свидѣтельствуетъ о древности такихъ словъ, такъ какъ, очевидно, въ эпоху ихъ образованія аріо-европейскій праязыкъ еще недостаточно выработалъ особыя формальныя средства для выраженія столь различныхъ категорій представленій; въ настоящее время мы

находимъ уже нѣкоторыя особенности въ этихъ словахъ при употребленіи ихъ въ томъ или другомъ указанномъ смыслѣ. Такъ, значеніе дѣятеля или субъекта дѣйствія они сохраняютъ лишь въ концѣ сложеній (напр. водо-*возъ*, водо-*носъ*), остальныя же значенія находятся въ связи съ присоединяемыми различными префиксами, напр. вывозъ и выносъ (дѣйствіе), навозъ и наносъ (объектъ дѣйствія; сюда же относится и безпредложное „возъ“), перевозъ и подносъ (орудіе дѣйствія). [1])

Кромѣ приведеннаго типа первообразныхъ существительныхъ встрѣчается нѣкоторое количество такихъ, первоначальный корень которыхъ получилъ удвоеніе, напр. коло-колъ, гла-голъ, старин. пра-поръ „знамя“, пе-пелъ (въ послѣднемъ случаѣ не полное удвоеніе). Такъ какъ въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ подобное удвоеніе корня встрѣчается въ перфектѣ глаголовъ, выражающемъ результатъ совершившагося дѣйствія, то съ этимъ можно поставить въ связь перфективное значеніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ (глаголъ=„сказанное“; пепелъ=„сгорѣвшее“ отъ К. *pel || *пер, срв. пóло-мя и греч. *πρή-θω*).

Обратимся къ первообразнымъ существительнымъ, въ которыхъ корень распространенъ *первичнымъ присоединеніемъ суффикса*. Какъ извѣстно, всѣ предметы міра, становясь объектами нашихъ представленій, классифицируются нашимъ умомъ и зачисляются въ тѣ или другія образующіяся въ умѣ категоріи. Внѣшними выразителями этого процесса и являют-

---

[1]) Въ санскритѣ въ такихъ сложеніяхъ значеніе дѣятеля является обыкновенно тоже лишь въ концѣ сложеній, прочія же значенія можетъ имѣть простое существительное, напр. скт. vā́has=тащущій (субъектъ дѣйствія — въ концѣ сложеній), тащеніе (названіе дѣйствія), повозка (объектъ дѣйствія); хотя простое слово vā́hās обозначаетъ также «упряжное или верховое животное, лошадь, волъ», т. е. какъ бы дѣятеля (собств. тотъ, кто везетъ), но здѣсь по-видимому уже утратилась глагольная идея и слово подверглось опрощенію.

ся суффиксы, которые, присоединяясь къ корню, опредѣляютъ принадлежность обозначаемаго предмета къ тому или другому классу бытій. Разсматривая съ семазіологической стороны примѣры первичнаго распространенія корней посредствомъ суффиксовъ, мы замѣчаемъ, что послѣдніе въ этомъ случаѣ служатъ уже для болѣе опредѣленнаго различенія тѣхъ основныхъ категорій, которыя такъ несовершенно дифференцированы въ первообразныхъ словахъ съ простымъ тематическимъ гласнымъ. Для указанія дѣятеля или субъекта опредѣленнаго дѣйствія въ разсматриваемыхъ теперь словахъ служатъ суффиксы *-тель*, *-ецъ*, *-ачъ* [1]) и нѣк. др., напр. жи-*тель*, жн-*ецъ*, ков-*ачъ*; для обозначенія дѣйствія—суффиксы *-тво*, *-тва*, напр. ши-*тво*, би-*тва*, а раньше также *-ть* [2]); слова, обозначавшія дѣйствіе, иногда получали примѣненіе и для выраженія объекта дѣйствія, срв. яс-*тво*, ши-*тво*, пас-*тва*, пода-*ть*, а кромѣ того служилъ суф. *-нь*, напр. да-*нь*; наконецъ, для обозначенія орудія дѣйствія примѣнялся суффиксъ *-ло*, напр. би-*ло*, ши-*ло*. Однако въ современномъ языкѣ далеко не всѣ первично присоединенные суффиксы имѣютъ ясно выступающій оттѣнокъ значенія, нѣкоторые не указываютъ уже опредѣленнаго класса именныхъ представленій и, съ точки зрѣнія живаго чутья, являются не суффиксами, а принадлежностью корня. Между тѣмъ сравнительно-грамматическій анализъ обнаруживаетъ ихъ суффиксальное происхожденіе: срв. суф. *-м-*: дым-*ъ*, хра*м*-*ъ*; суф. *-н-*: ста*н*-*ъ*, воро*н*-*ъ*, вес*н*-*а*; суф. *-р-*: жи*р*-*ъ*, пи*р*-*ъ*, да*р*-*ъ*, мѣ*р*-*а*, ребе*р*-*о*; суф. *-л-*: узе*л*-*ъ*

[1]) Возможно предположить, что въ суффиксахъ *-ецъ* (ст.-сл. **-ьць**), *-ачъ* и т. п., въ которыхъ согласному предшествуетъ гласный, этотъ послѣдній лишь со временемъ присоединился къ суффиксу, первоначально же являлся тематическимъ гласнымъ.

[2]) Именныя представленія дѣйствія, для которыхъ служилъ первоначально суффиксъ *-ть*, измѣнились въ своемъ значеніи, перешедши въ глагольную категорію неопредѣленнаго наклоненія, напр. жи-*ть*, пи-*ть*; для именнаго же значенія сталъ примѣняться болѣе распространенный суффиксъ *-тіе* или *-тьё*, напр. жи*тьё*, пи*тьё* и пр.

(ст.-сл. жꙋ-лъ), сокол-ъ, жил-а, мгл-а; суф. -*с*- или -*х*-: голос-ъ, пух-ъ; суф. -*к*-, напр. полк-ъ. [1]) Можно предположить, что нѣкоторые изъ такихъ суффиксальныхъ элементовъ первоначально даже и не были настоящими суффиксами, а только заканчивали собою отдѣльные корни, отъ которыхъ затѣмъ могли отойти къ тематическому гласному путемъ морфологическаго переразложенія; [2]) этимъ отчасти можетъ объясняться отсутствіе знаменательности въ такихъ суффиксахъ, кажущихся аморфными. Конечно, иные первичные суффиксы могли имѣть знаменательное происхожденіе (напр. мѣстоименное), и вся трудность задачи сводится къ тому, чтобы распредѣлить суффиксы по ихъ происхожденію на эти двѣ категоріи. Сопоставляя употребленіе аморфныхъ суффиксовъ съ суффиксами живыми, т. е. удержавшими свое суффиксальное значеніе, замѣчаемъ ту разницу между ними, что въ то время какъ первые являются какъ бы окостенѣвшими въ отдѣльныхъ образованіяхъ и неподвижными, послѣдніе могутъ

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что при сравнительно-этимологическомъ изученіе первообразныхъ существительныхъ русскаго языка необходимо обратить вниманіе на корневые гласные при томъ или другомъ суффиксальномъ элементѣ (другими словами, какой видъ корня, имѣется при этомъ — первый полный, второй полный, или же сокращенный), а вмѣстѣ съ тѣмъ и на типъ ударенія; въ самомъ дѣлѣ, напр. въ муж. родѣ многія первообразныя существительныя съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ имѣютъ удареніе постоянное на окончаніи (волъ, дворъ и т. д.), а въ женскомъ и среднемъ родѣ удареніе падаетъ на окончаніе (въ ед. ч.) весьма часто при корневомъ гласномъ *е* (весна́, сестра́, весло́, село́ и пр.).

[2]) Можно думать, что морфологическое переразложеніе играло видную роль и при происхожденіи такъ называемыхъ тематическихъ гласныхъ. Срв. напр. въ именахъ тематическое *е* ‖ *о*: въ аріо-европейскомъ праязыкѣ былъ рядъ односложныхъ корней, кончавшихся этимъ гласнымъ (срв. мѣстоименные корни qo-, to- и пр.); послѣдній въ этомъ случаѣ конечно не имѣлъ знаменательности и затѣмъ путемъ морфологическаго переразложенія отошелъ къ окончаніямъ (т. е. -o͡s, -o͡m и т. д.), которыя уже въ этомъ видѣ могли затѣмъ по аналогіи прибавляться къ инымъ корнямъ, кончавшимся на согласный.

въ теченіи времени расширяться путемъ поглощенія предшествующихъ словообразовательныхъ элементовъ и давать такимъ образомъ начало новымъ суффиксальнымъ разновидностямъ, напр. -къ, -икъ, -чикъ и пр.

Передъ нами теперь слѣдующій и самый обширный отдѣлъ—*производства существительныхъ отъ другихъ словъ посредствомъ суффиксовъ*. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ образованіями позднѣйшихъ эпохъ сравнительно съ прежде разсмотрѣнными, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что болѣе обширныя суффиксальныя наращенія относятся къ позднѣйшему времени по сравненію съ соотвѣтствующими менѣе обширными. Естественно думать, что при этомъ широкій ростъ суффиксальнаго словообразованія шелъ рука объ руку съ прогрессомъ въ умственной жизни народа. Обращаясь теперь къ самому разсмотрѣнію суффиксовъ даннаго отдѣла, мы должны сдѣлать предварительную оговорку, что все многообразіе ихъ оттѣнковъ, развитіе которыхъ продолжается и теперь въ языкѣ, не можетъ быть заключено въ совершенно опредѣленныя и неподвижныя схемы.

Всѣ суффиксы производныхъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ можно подраздѣлить на нѣсколько наиболѣе крупныхъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ основнымъ типамъ именныхъ представленій или бытій. Не всегда однако съ каждымъ отдѣльнымъ суффиксомъ соединяется одинъ опредѣленный оттѣнокъ значенія, но чаще одинъ и тотъ же суффиксъ имѣетъ по нѣсколько смысловыхъ оттѣнковъ, при чемъ нерѣдко одинъ и тотъ же оттѣнокъ значенія передается различными суффиксами. Подобно тому какъ въ первообразныхъ суффиксальныхъ существительныхъ, благодаря первичному присоединенію суффиксовъ опредѣленнѣе выступали основныя категоріи бытій по сравненію съ первообразными безсуффиксальными именами,

такъ теперь съ дальнѣйшимъ развитіемъ суффиксальнаго словообразованія дифференціація смысловыхъ оттѣнковъ становится болѣе детальною и еще болѣе опредѣленною. Разсмотримъ главнѣйшія категоріи суффиксовъ именъ существительныхъ совмѣстно съ ихъ значеніемъ такъ, какъ онѣ представляются намъ въ современномъ русскомъ языкѣ. При этомъ обзорѣ мы будемъ различать именныя представленія міра одушевленнаго и неодушевленнаго, а также конкретныя и абстрактныя и, наконецъ, съ оттѣнками увеличенія и уменьшенія.

I. Именныя представленія дѣятелей или дѣйствующихъ лицъ по роду ихъ дѣйствій или занятій. Къ этой категоріи относятся:

1) Существительныя, образованныя отъ глаголовъ съ помощью суффиксовъ *-ецъ*, *-чикъ*, *-щикъ*, *-тель*, *-арь*, *-тай* въ простомъ видѣ ихъ или же распространенномъ:

-ецъ: купи́ть<куп*е́цъ*; **-овецъ:** торгова́ть (торгу́ю)<торг-*о́вецъ*; **-лецъ, -алецъ, -ялецъ, -ѣлецъ, -илецъ:** приш-*ле́цъ* (или приш*е́лецъ*), дав-*а́лецъ*, посто-*я́лецъ*, влад-*ѣлецъ*, сид-*ѣлецъ*, корм-*и́лецъ*. [1])

-чикъ: вози́ть<во́з-*чикъ*, переводи́ть<перево́д-*чикъ*.

-щикъ: спо́рить<спо́р-*щикъ*, откупа́ть<откуп-*щи́къ*; **-овщикъ:** бунтова́ть<бунт-*овщи́къ*; **-ировщикъ:** лакирова́ть<лак-*иро́вщикъ*; **-авщикъ:** продава́ть<продав-*щи́къ*; **-альщикъ** или **-ялщикъ:** купа́ть<куп-*а́льщикъ*, ма́зать<ма́з-*альщикъ*, мѣня́ть<мѣн-*я́льщикъ*; **-овальщикъ:** рисова́ть<рис-*ова́льщикъ*; **-ѣльщикъ** и **-ельщикъ:** говѣть<гов-*ѣльщикъ*, пла-

---

[1]) Примѣры на *-л-ецъ* происходятъ отъ прежнихъ формъ причастія на *-лъ* (владѣл-ъ<владѣл-ецъ), которыя въ современномъ языкѣ имѣютъ уже значеніе прошедшаго времени вслѣдствіе опущенія при нихъ формъ глагола «быть»—есмь, еси и пр.

ти́ть<плат-*е́льщикъ*; **-ильщикъ**: кури́ть<кур-*и́льщикъ*. [1])

-атель: чита́ть<чит-*а́тель*, дѣ́лать<дѣл-*атель*; **-ователь**: толкова́ть<толк-*ова́тель*; **-ѣтель**: владѣ́ть<влад-*ѣтель*; **-итель**: пра́вить<прав-*и́тель*.

-арь: печь<пе́к-*арь*, лѣчи́ть<лѣ́к-*арь*, писа́ть<пи́с-*арь*.

-атай: (воз)глаша́ть<глаш-*а́тай*.

Примѣчаніе 1. Отъ словъ на *-ецъ*, *-чикъ* и *-щикъ* названія лицъ женскаго пола оканчиваются на *-ица* (кормили*ца*, переводч*ица*, плательщ*ица*), оканчивающіяся на *-тель* распространяются прибавленіемъ суффикса *-ница* (читатель*ница*), наконецъ—отъ словъ на *-арь* женскій родъ образуется на *-арка* и *-арша* (лѣкар*ка*, лѣкар*ша*).

Примѣчаніе 2. Заимствованныя слова латинскаго происхожденія, принадлежащія къ данной категоріи, оканчиваются на *-торъ*, *-аторъ*, *-иторъ*, напр. инспек*торъ*, администр*аторъ*, репет*иторъ* (женскій родъ образуется на *-ша*, или же сохраняетъ французское окончаніе *-триса*). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ муж. родъ также удерживаетъ французскій видъ: акт*ёръ*, визит*ёръ* гувернёръ.

2) Существительныя, образованныя отъ существительныхъ, обозначающихъ необходимый предметъ въ занятіяхъ,—съ помощью суффиксовъ *-акъ*, *-аръ*, *-никъ*, *-щикъ*:

-анъ или якъ: ры́ба<рыб-*а́нъ*, мо́ре<мор-*я́къ*.

-арь: ры́ба<ры́б-*арь*, ключъ<ключ-*а́рь*.

-никъ: хлѣ́бъ<хлѣ́б-*никъ*, ключъ<ключ-*никъ*, печь<печ-*ни́къ*. [2])

---

[1]) Относительно *-л-* передъ *-щикъ* см. предъидущую сноску.

[2]) Здѣсь отъ производящаго имени кромѣ существительныхъ на *-никъ* одновременно образуются и прилагательныя на *-ный* или *-ной*, съ удареніемъ которыхъ—какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ—гармонируетъ и удареніе соотвѣтствующихъ существительныхъ на *-никъ*. Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ прилагательныхъ возникъ и самый суф. *-никъ* (съ *н* передъ *-икъ*). При словѣ «волше*бникъ*» имя производящее (для даннаго существительнаго и соотвѣтствующаго прилагательнаго) уже не употребляется, но оно существовало въ древнемъ языкѣ, срв. в о л ъ ж б а (Ипат. лѣтоп. подъ 1250 г.).

-чикъ: моне́та<монет-*чикъ*, газе́та<газе́т-*чикъ*.

-щикъ: стекло́ < стеко́ль-*щикъ*, ка́мень < ка́мень-*щикъ*, бараба́нъ < бараба́нь-*щикъ*; **-овщикъ**: ла́мпа < ла́мп-*овщикъ*, гуртъ<гурт-*овщи́къ*.

Примѣчаніе 1. Въ именахъ на *-акъ* женскій родъ имѣетъ въ окончаніи *-ачка*, напр. рыбачка; въ именахъ на *-никъ*, *-чикъ* и *-щикъ* женскій родъ образуется перемѣною *-икъ* на *-ица*, напр. ключница.

Примѣчаніе 2. Къ данной семазіологической категоріи принадлежатъ существительныя иностраннаго происхожденія на *-антъ*, напр. фа́брика<фабрика́нтъ (франц. le fabricant, нѣм. Fabrikant), квартира<квартира́нтъ.

Примѣчаніе 3. Въ нѣмецкомъ языкѣ наиболѣе обычнымъ суффиксомъ для разсматриваемой категоріи служитъ *-er*. Въ словахъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго съ этимъ суффиксомъ, послѣдній передается неодинаково въ зависимости отъ эпохи заимствованія. Наиболѣе ранніе заимствованія относятся къ XIII в., напр. м а с т е р ъ или позже — м ѣ с т е р ъ, м е ш т е р ъ (ср.-вхн. meister) «глава ордена». Слово «рыцарь» (ср.-вхн. ritter, riter) въ Новгород. лѣт. по списку XV в. подъ 1242 г. встрѣчается съ удержаніемъ звука *т* — р ы т о р ъ; но въ концѣ XIV в. въ жалов. грам. 1388 г. уже съ звукомъ *ц* — р ы ц е р ъ (вѣроятно, черезъ посредство польскаго языка, срв. соврем. пол. rycerz). Слово «кухмистръ» или «кухмистеръ» (пол. kuchmistrz) встрѣчается уже въ Соф. врем. подъ 1507 г., гдѣ упоминается «Яковъ к у х м и с т р ъ» въ числѣ литовскихъ пословъ къ кн. Вас. Иван. При болѣе точномъ заимствованіи позднѣйшаго времени слова оканчиваются на *-ер*ъ, напр. «почтмейстеръ». Впрочемъ слово «*егерь*» (также «лагерь») представляетъ другую русскую разновидность даннаго нѣмецкаго суффикса. Въ словѣ «слеса́рь» (нѣм. Schlösser) имѣется подстановка суффикса *-арь* по созвучію съ нѣм. *-er*; слово же Mahler заимствовано въ видѣ «маля́ръ». [1]) Слова «слесарь» и «маляръ» находятся въ согласіи съ польскими—ślosarz, malarz.

II. Субстантивныя представленія лицъ по ихъ свойствамъ. Сюда относятся:

1) производныя отъ глаголовъ посредствомъ суффикса *-у́нъ* (ж. р. *-у́нья*), напр. болта́ть<болт-*у́нъ*; [2])

---

[1]) Возможно, что аналогіи этого слова послѣдовало и слово столя́ръ (нѣм. der Tischler)=польск. stolarz.

[2]) Срв. ниже суф. *-анъ* (категорія 3-ья), имѣющій общій съ даннымъ суффиксомъ характерный согласный *-н-* при предшествующемъ особомъ глас-

2) отъ прилагательныхъ посредствомъ суффиксовъ *-ецъ*, *-икъ*, *-якъ*, *-ачъ*, *-арь*, *-ьй*, *-ышъ*:

-ецъ (жен. р. -ица): ста́рый < ста́р-*ецъ*, слѣпо́й < слѣп-*ецъ*;
-ивецъ: лѣни́вый < лѣн-*и́вецъ*.

-икъ: ста́рый < стар-*и́къ* (ж. р. стар-у́ха).

-якъ или -акъ: бѣ́дный < бѣдн-*я́къ*, чужо́й < чуж-*а́къ*.

-ачъ: ло́вкій < ловк-*а́чъ*.

-арь: глухо́й < глух-*а́рь*, ди́кій < дик-*а́рь*. [1])

-ьй: бога́тый < богат-*ьй*.

-ышъ: го́лый < гол-*ы́шъ*; кре́пкій < крѣп-*ы́шъ*.

3) отъ существительныхъ, обозначающихъ часть тѣла, обращающую на себя вниманіе другихъ,—посредствомъ суффиксовъ *-унъ*, *-анъ*, *-ачъ*:

-унъ: горбъ < горб-*у́нъ*.

-анъ: го́рло < горл-*а́нъ*.

-ачъ: горбъ < горб-*а́чъ*. [2])

III. Названія лицъ по ихъ происхожденію изъ извѣстныхъ страны, города и вообще мѣстности, или же по ихъ принадлежности къ какой-нибудь народности. Они образуются распространеніемъ производя-

---

номъ. Не трудно видѣть и семазіологическое родство между этими суффиксами: въ одномъ случаѣ—преувеличенное занятіе дѣйствіемъ, въ другомъ—преувеличенный предметный признакъ; кромѣ того, въ упомянутой 3-ьей группѣ встрѣчается и суф. *-унъ*.

[1]) По-видимому ударе́ніе падаетъ всегда на суффиксъ независимо отъ мѣста ударенія въ производящемъ прилагательномъ. Срв. выше, въ категоріи I-ой, особенности ударенія именъ на *-арь*, образованныхъ отъ существительныхъ и отъ глаголовъ.

[2]) Въ случаѣ си́ла < сил-*а́чъ* производящее обозначаетъ извѣстное качество, а производное на *-а́чъ* — лицо, обладающее въ большой степени этимъ качествомъ.

щихъ существительныхъ суффиксами *-ецъ*, *-ичъ*, *-якъ*, *-инъ* (женскій родъ въ нихъ оканчивается на *-ка*):

-ецъ: Голла́ндія < голла́нд-*ецъ*, Петербу́ргъ < петербу́рж-*ецъ*;

-анецъ или **-янецъ**: Аме́рика < америк-*а́нецъ*, Ита́лія < италь-*я́нецъ*.

-ичъ: Костром<u>а́</u> < костром-*и́чъ*, Вя́тка < вя́т-*ичъ*.

-якъ: Сиби́рь < сибир-*я́къ*, Ту́ла < тул-*я́къ*.

-инъ: англича́не < англича́н-*инъ*, литва́ < литв-*и́нъ*. [1])

IV. Названія лицъ по ихъ родовому происхожденію образуются посредствомъ суффиксовъ **-ичъ** и **-овичъ** или **-евичъ**:

-ичъ: кня́зь < кня́ж-*ичъ*.

-овичъ (ж. р. на *-овна*): попъ < поп-*о́вичъ*.

-евичъ (ж. р. на *-евна*): царь < цар-*е́вичъ*. [2])

Примѣчаніе. Къ этой категоріи относятся и собственныя имена существительныя, служащія для отчествъ и фамилій. Первоначально языкъ могъ довольствоваться одними личными именами, но очень рано явилась потребность различать лица со сходными именами, что и достигалось присоединеніемъ къ личному имени дополнительнаго по отцу; [3]) впослѣдствіи сверхъ этихъ двухъ именъ стало употребляться еще третье (фамильное), названіе котораго происходило частью изъ личныхъ свойствъ или занятій основателя фамиліи, или же отъ названія мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, а частію и отъ личныхъ именъ. [4]) Что касается отчествъ, то въ рус-

---

[1]) Здѣсь производящее во множ. числѣ, или же собирательное; суффиксъ *-инъ* нѣкоторыми считается происшедшимъ отъ древняго слова и н ъ, означавшаго «одинъ» (а также—«иной, нѣкоторый, тотъ»).

[2]) Слогъ *-ов-* или *-ев-* указываетъ на ближайшее происхожденіе этихъ названій отъ прилагательныхъ (попов*ъ*, царев*ъ*).

[3]) Такое пополненіе личныхъ именъ встрѣчается уже въ древнихъ памятникахъ аріо-европейскихъ языковъ, напр. въ санскритѣ (V ī r a s ē n a-sutas=сынъ Вирасена или Вирасеновичъ), древне-греческомъ (Πηλεΐδης—сынъ Пелея) и др.

[4]) Въ русской литературѣ существуетъ особая монографія о родовыхъ прозваніяхъ: К а р н о в и ч ъ Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Спб. 1886.

комъ языкѣ, подобно другимъ славянскимъ, суффиксомъ для такихъ именъ служитъ *-ичъ* или *-вичъ* (*-овичъ*, *-евичъ*) — для муж. рода; женскій родъ къ такимъ отчествамъ русскій языкъ образуетъ посредствомъ суффиксовъ *-овна*, *-евна*, *-ишна*, *-инична*. Для образованія фамилій языкъ пользуется суффиксами *-овъ* или *-евъ*,[1]) *-инъ* и *-скій*.[2]) Кромѣ того въ фамиліяхъ встрѣчаются еще такія суффиксальныя окончанія, какъ: *-ово́* (Хитрово́), *-а́го* (Мертва́го),[3]) *-ыхъ* или *-скихъ* (Черныхъ, Еловскихъ),[4]) *-енко*, *-якъ* и *-юкъ* (Шевченко, Чернякъ, Павлюкъ).[5])

V. Что касается названій животныхъ, растеній и минераловъ, то здѣсь мало вполнѣ опредѣленныхъ суффиксовъ, а потому мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые. Въ названіяхъ животныхъ при производствѣ именъ женскаго рода русскій языкъ пользуется часто суффиксомъ *-иха* (напр. медвѣдь<медвѣд-*иха*), а для названій молодыхъ животныхъ суффиксомъ *-енокъ* (напр. медвѣдь<медвѣж-*енокъ*).[6])

При обозначеніи предметовъ міра растительнаго суф. *-овникъ* нерѣдко служитъ для указанія кустарниковыхъ растеній, напр. терно́вникъ, крыжо́вникъ и т. п., а суф. *-никъ* и *-някъ* — для отличія разныхъ породъ лѣса (бере́зникъ, липня́къ), *-ина* и *-и́ка* для обозначенія ягодныхъ растеній (рябина, смородина, земляника), *-икъ*, *-овикъ*, *-окъ* и нѣк. др.—въ названіяхъ грибовъ, напр. рыжикъ, березовикъ, опенокъ.

Въ названіяхъ предметовъ минеральнаго царства суффиксы *-никъ* или *-някъ* служатъ, подобно тѣмъ же суффиксамъ

---

[1]) Эти суффиксы между прочимъ всегда являются въ фамиліяхъ, происходящихъ отъ мужскихъ личныхъ именъ, напр. Петровъ, Васильевъ.

[2]) Среди донскихъ казаковъ вм. *-скій* употребляется *-сковъ*.

[3]) Второе окончаніе въ сущности одинаково съ первымъ, различаясь отъ него лишь удареніемъ и орѳографіей.

[4]) Въ такомъ видѣ суффиксы обычно употребляются въ Сибири и возникли какъ отвѣтъ на вопросъ *чьихъ ты, онъ* и пр., подобно тому какъ на вопросъ *чей* или *кого ты* и пр. возникли отвѣтные суффиксы *-ово* или *-аго*. Въ Сибири существуетъ для этихъ случаевъ даже особаго вида вопросительное мѣстоименіе—*чёевичъ? чёичъ? чёевъ?*

[5]) Три послѣдніе суффикса употребительны въ Малороссіи.

[6]) Для обозначенія мяса животныхъ, употребляемаго въ пищу, прибавляется суффиксъ *-ина*, напр. бара́н-*ина*, осетр-*и́на* и пр.

въ названіяхъ міра растительнаго, для указанія той или другой минеральной породы или почвы, напр. песча́никъ, извѣстня́къ; для той же цѣли иногда служитъ суф. *-окъ*, напр. суглино́къ; суф. *-икъ* встрѣчаемъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ минераловъ, напр. плави́къ, кровави́къ.

VI. Что касается существительныхъ, служащихъ обозначеніемъ разнообразныхъ предметовъ культуры, т. е. предметовъ жилища, утвари, орудій, одежды, пищи и также комфорта, то значительное количество ихъ уже получило обозначеніе въ языкѣ въ эпохи развитія первообразныхъ существительныхъ. Послѣ того языкъ, по мѣрѣ появленія новыхъ культурныхъ предметовъ въ жизни, частію примѣняетъ прежнія наименованія, а частію образуетъ новыя имена существительныя прибавленіемъ префиксовъ и суффиксовъ къ ранѣе образованнымъ первообразнымъ именамъ, обозначающимъ близкія по смежности или сходству представленія, напр. свѣча< *под*свѣч*ник*ъ, рука<руч*ка* (для письма).

Наиболѣе распространенными суффиксами въ новообразуемыхъ существительныхъ разсматриваемой категоріи служатъ *-никъ* и *-ница*, присоединяющіеся къ производящимъ словамъ для приданія имъ весьма разнообразныхъ значеній, напр. нагрудникъ, игольникъ, чайникъ, сахарница, песочница. Въ этихъ примѣрахъ новый культурный предметъ названъ по другому предмету, къ которому онъ находится въ извѣстномъ пространственномъ отношеніи, или же такъ или иначе служитъ для него. Нѣкоторыя существительныя представляютъ названія по глагольному дѣйствію, напр. умывальникъ, подойникъ, мельница; въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ образованіе существительныхъ по глаголу съ помощью другихъ суффиксовъ, напр. *-ево* (кружить<круж-*ево*); суф. *-ня* служитъ для показанія мѣста для производства работы или вообще совершенія дѣйствія (пекарня, бѣлильня, купальня); суф. *-ало* или *-ило* для обозначенія орудій дѣйствій, напр. опах-*а́ло*, точ-*и́ло*.

Наконецъ, необходимо помнить, что благодаря позаимствованію многихъ культурныхъ предметовъ отъ другихъ народовъ, въ русскій языкъ вошли вмѣстѣ съ заимствованными предметами и соотвѣтствующія иностранныя названія ихъ.

VII. Переходя отъ конкретныхъ существительныхъ къ абстрактнымъ, мы прежде всего укажемъ на субстантивныя названія дѣйствій, которыя образуются отъ соотвѣтствующихъ глаголовъ при помощи слѣдующихъ суффиксовъ:

-**ніе** (-еніе, -аніе, -ѣніе, -ываніе и т. п.) и -**тіе**: писа́ть< пис-*а́ніе*, скла́дывать<скла́д-*ываніе*, взя́ть<взя́-*тіе*. Суффиксъ *-ніе*—самый употребительный, а суф. *-тіе* встрѣчается только при глаголахъ извѣстнаго типа. [1])

-**ба**: пали́ть<паль-*ба́*, молоти́ть<молоть-*ба́*. Особенно часты такія образованія отъ глаголовъ на *-и́ть*.

-**ство**: вороваѣть<вор-*овство́*, колдова́ть<колд-*овство́*. Въ большомъ числѣ случаевъ такія существительныя происходятъ отъ глаголовъ на *-овать*.

-**ствіе**: дѣй-*ствіе*, восше́-*ствіе*. Въ этой группѣ много словъ церковно-славянскаго происхожденія.

---

[1]) Суффиксы *-ніе* и *-тіе*, съ предшествующимъ гласнымъ, представляютъ собою дальнѣйшее образованіе отъ прич. прош. страд., при чемъ согласные *н* и *т* являются именно тѣми согласными, которые служатъ для образованія данной причастной формы. Однакожъ эти существительныя не имѣютъ страдательнаго значенія; въ этомъ могло сказаться дѣйствіе аналогіи глагольныхъ существительныхъ на *-ть*. Связь же съ прич. прош. стр. обнаруживается (кромѣ параллелизма въ производствѣ) изъ конструкціи при этихъ существительныхъ: дѣйствующій предметъ ставится при нихъ въ Твор. пад., т. е. какъ въ страд. оборотѣ. Самое же значеніе ихъ, какъ упомянуто, соотвѣтствуетъ глаголу въ дѣйствительной формѣ, при чемъ удерживаются и «видовыя» различія, напр. несеніе ‖ ношеніе и т. п.; далѣе, если производящій глаголъ сочетается съ неопред. накл., то и происходящее отъ него существительное можетъ сохранить такое словосочетаніе, напр. стремлюсь доказать ‖ стремленіе доказать (удерживаются также Дат. падежъ и предложныя конструкціи, прямое же дополненіе по общему правилу переходитъ въ Род. падежъ).

-ка: обши́в-*ка*, кла́д-*ка*.

-ня́: стряп-*ня́*, ре́з-*ня́*; **-отня́**: бе́г-*отня́*; **-овня́**: болт-*овня́*. Выражается усиленность дѣйствія.

Примѣчаніе. Во многихъ случаяхъ разсматриваемыя существительныя обозначаютъ не только дѣйствіе, но и продуктъ дѣйствія, напр. писаніе, обшивка и т. д. Въ этомъ послѣднемъ значеніи многія изъ такихъ существительныхъ относятся къ предшествующему VI-ому отдѣлу.

VIII. Опредмеченныя представленія качествъ производятся въ языкѣ отъ соотвѣтствующихъ прилагательныхъ съ слѣдующими суффиксами:

-ба: злой<зло́*ба*, худо́й<худо*ба́*.

-ость и **-есть**: живо́й<жи́в-*ость*, жесто́кій<жесто́к-*ость*, свѣ́жій<свѣ́ж-*есть*; **-ность**: че́стный<че́ст-*ность*; **-ивость**: игри́вый<игр-*и́вость*; **-авость**: лука́вый<лу́к-*а́вость*.

-ота: пе́стрый<пестр-*ота́*; че́рный<черн-*ота́*, глухо́й<глух-*ота́*. Обыкновенно — отъ прилагательныхъ, обозначающихъ цвѣтъ, а также физическій недостатокъ.

-изна: криво́й<крив-*изна́*.

Примѣчаніе. Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами абстрактныхъ существительныхъ, происходящихъ отъ глаголовъ и прилагательныхъ, русскій языкъ представляетъ не мало случаевъ образованія абстрактныхъ существительныхъ отъ другихъ существительныхъ, нерѣдко конкретныхъ. Въ этихъ образованіяхъ обычными суффиксами являются *-ица*, *-ство*, *-ie*, при чемъ такія слова часто представляютъ собою сложенія, или же начинаются префиксами, особенно отрицательнымъ *без-*. Суффиксы *-ица* и *-ie* придаютъ слову одинаковое значеніе и встрѣчаются въ нѣкоторыхъ образованіяхъ рядомъ; срв. б е з в о д *и ц а* ‖ б е з в о д *ье*: «Мы лишились множества людей отъ б е з в о д *и ц ы*» (*Пушкинъ*, Зап. Моро-де-Бразе) ‖ «отъ б е з в о д *ья* и безхлѣбья, среди крымскихъ солончаковъ...» (*Гоголь*, Тарасъ Бульба). Въ качествѣ примѣровъ для суффикса *-ство* укажемъ: умъ<безу́м-*ство* (‖ *-ie*), шалопа́й ‖ шалопа́й-*ство*, банкро́тъ (иностр.)<банкро́т-*ство*; этотъ суффиксъ нерѣдко является распространеннымъ предшествующими суффиксальными элементами, напр. взя́точ-никъ<взя́точ-*ничество*, уч-и́тель<уч-*и́тельство*, пис-а́тель<пис-*а́тельство*. Иногда абстрактныя существительныя принимаютъ собирательный оттѣнокъ значенія, становясь въ то же время конкретными, напр. «священство» = 1) названіе опредѣленнаго духовнаго сана,

2) духовенство (срв. «усадилъ с в я щ е н с т в о за почетный столъ»—у *Тургенева* VIII, стр. 250, изд. 1883).[1]) Мы видимъ, что русскій языкъ проявляетъ большую способность къ а бстрактнымъ образованіямъ, отчасти конечно благодаря церковно-славянскому вліянію.

IX. До сихъ поръ мы разсматривали такія производныя существительныя, которыя, благодаря принятому ими суффиксу, получили новое значеніе по сравненію съ своимъ производящимъ; это значеніе находится въ нѣкоторомъ легко подразумѣваемомъ соотношеніи къ значенію производящаго слова, срв. рыба<рыб-*а́къ* (т. е. ловящій рыбу), печь<печ-*ни́къ* (дѣлающій печи), молоко́<моло́ч-*никъ* (продающій молоко, или же посуда для молока). Теперь передъ нами новый типъ производныхъ, въ которыхъ сохраняется основное значеніе производящаго, видоизмѣняется лишь оттѣнокъ представленія одного и того же предмета, который можетъ мыслиться большимъ или малымъ, а также съ оттѣнкомъ пренебрежительнымъ или же ласкательнымъ. Ясно, что эти производныя существительныя могутъ происходить только отъ существительныхъ. Суффиксы, съ помощью которыхъ могутъ образовываться такія производныя существительныя, суть слѣдующіе:

1) У в е л и ч и т е л ь н ы я имена пользуются суффиксами:
-ище (**-ища**): домъ<дом-*и́ще*;[2]) рука́<руч-*и́ща*, си́ла<си́л-*ища*.
-ина: звѣрь<звѣр-*и́на*.

2) У м е н ь ш и т е л ь н ы я существительныя имѣютъ суффиксы:
-ецъ: уро́дъ<уро́д-*ецъ*.
-икъ: столъ<сто́л-*икъ*; **-чикъ**: младенецъ<младен-*чикъ*.

---

[1]) Здѣсь умѣстно указать также на то, что вообще субстантивныя названія качествъ иногда переносятся на самыя лица, какъ напр. «старина», т. е. подобно древне-греческимъ существительнымъ муж. рода перваго склоненія (напр. ἱππότη-ς, νεανία-ς).

[2]) Имена на *-ище*, происходя отъ именъ муж. рода, сохраняютъ родъ своего производящаго, не смотря на окончаніе *-е*.

-окъ, -очекъ (-ёкъ, -ёчекъ): го́лосъ<голос-*о́къ*<голос-*о́чекъ*, ого́нь<огон-*ёкъ*<огон-*ёчекъ*.

-ица: вода́<вод-*ица*.

-ка: бля́ха<бля́ш-*ка*, кана́ва<кана́в-*ка*; [1]) **-очка, -ечка**: цѣпь <цѣп-*очка*, мете́лка<мете́л-*очка*, доска́<дощ-*ечка*; **-ичка**: пти́ца<пт*ичка*; **-ынка**: простыня́<прост-*ынка*, **-ушка**: дере́вня<дерев-*ушка*, изба́<изб-*ушка*.

-ко: у́хо<уш-*ко́*; **-ечко**: кольцо́<кол-*ечко*; **-ико**: лицо́<ли́ч-*ико*; **-ышко**: перо́<пе́р-*ышко*, крыло́<кры́л-*ышко*. [2])

-цо́, -це: о́зеро<озер-*цо́*, блю́до<блю́д-*це*; **-ецо́**: письмо< письм-*ецо́*.

Примѣчаніе 1. Уменьшительныя имена весьма часто получаютъ въ языкѣ значеніе обыкновенныхъ; въ такомъ случаѣ они принимаютъ обычно новый оттѣнокъ значенія и въ свою очередь могутъ образовывать новыя уменьшительныя путемъ дальнѣйшаго распространенія уменьшительными суффиксами, напр. клубо́къ (собственно—уменьш. отъ «клубъ»)<клубо́чекъ, носо́къ (напр. у чайника или сапога, собственно—уменьш. отъ «носъ»)<носо́чекъ. Иногда въ языкѣ рядомъ съ уменьшительными словами, уже утратившими свой оттѣнокъ уменьшительности, все еще продолжаютъ существовать и ихъ производящія, напр. до́ждикъ ‖ дождь. [3])

Примѣчаніе 2. Русскій языкъ очень широко пользуется уме́ньшительными существительными, какъ это нерѣдко встрѣчаемъ въ народной поэзіи; [4]) въ повседневномъ же разговорѣ уменьшительныя имена часто употребляются для оттѣнка почтительности или уваженія, а также для придания своей рѣчи особенной ласковости. [5]) Привычкѣ называть въ разговорѣ

---

[1]) При этомъ суффиксѣ по большей части уже не сохраняется оттѣнокъ уменьшительности, при чемъ и самое значеніе слова отошло отъ первоначальнаго, напр. ви́л-*ка*, пѣн-*ка* и т. п.

[2]) Этотъ суффиксъ всегда неударенъ.

[3]) Что слово «до́ждик*ъ*» имѣетъ уже неуменьшительное значеніе, подтверждается тѣмъ, между прочимъ, что оно употребляется наряду съ обыкновенными, напр. у Лермонтова: «вѣдь, напримѣръ, въ *дождикъ*, въ *холодъ*, цѣлый день на охотѣ» (Герой наш. вр., гл. I).

[4]) См. напр. Великорусскія народныя пѣсни, изданныя проф. А. И. Соболевскимъ, т. I. (1895) № 401.

[5]) Примѣръ перваго оттѣнка встрѣчаемъ у Тургенева въ разсказѣ «Малиновая вода» въ рѣчи бывшаго дворецкаго Тумана обращайсь къ аг-

обыкновенные предметы уменьшительными именами много способствуетъ подчиненность и зависимость лица, говорящаго съ высшими: при частотѣ такого явленія уменьшительныя существительныя легко переходятъ въ категорію обыкновенныхъ; здѣсь, такимъ образомъ развитіе языковаго явленія зависитъ отъ соціальныхъ условій. Существительныя, обозначающія разнаго рода мѣру, которыя по этому не должны бы имѣть уменьшительныхъ образованій, въ дѣйствительности имѣютъ таковыя; этими послѣдними обычно пользуются въ томъ случаѣ, когда хотятъ произвести впечатлѣніе малости просьбы, напр.: «отпусти на *недѣльку*»; «*гривенничекъ* всего стоитъ», и т. п.[1]) Кромѣ того, уменьшительныя имена въ разговорѣ нерѣдко употребляются для обозначенія представленій съ противоположнымъ оттѣнкомъ значенія, т. е. увеличительнымъ, при чемъ самая рѣчь получаетъ какъ бы характеръ юмора или иронiи; напр. «ну, и *морозецъ* сегодня!»[2]) Такого рода примѣры, встрѣчающіеся сплошь и рядомъ, достаточно убѣждаютъ въ томъ что семазіологическая жизнь и развитіе суффиксовъ происходитъ не въ отдѣльныхъ словахъ, а въ живой рѣчи.

3) Уничижительныя или пренебрежительныя пользуются суффиксами увеличительныхъ или же уменьшительныхъ, напр. *лáп-ища*, *звѣр-юшка*. Кромѣ того, для оттѣнка пренебреженія часто служитъ суффиксъ *-ёнка*; срв. напр.: лошадка (уменьш.) || лошадёнка (уничижит.), избушка (уменьш.) || избёнка (уничиж.).[3]) Пренебрежительныя формы въ рѣчи нерѣдко служатъ для приданія предмету малой значительно-

---

тору разсказа, онъ спрашиваетъ: «А что это у васъ *пёсикъ* аглицкій, или фурлянскій какой?» въ разговорѣ же съ мужикомъ Степой пользуется обыкновенными именами), а также у Маркевича въ романѣ «Четверть вѣка назадъ» въ рѣчи домашняго учителя изъ семинаристовъ; весьма характернымъ примѣромъ втораго оттѣнка могутъ служить письма Макара Алексѣевича Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго.

[1]) Срв. Мандельштамъ І., Объ уменьшительныхъ суффиксахъ въ русскомъ языкѣ со стороны ихъ значенія (Къ исторіи поэтическаго стиля), въ Ж. М. Н. Пр., часть 348, 1903 г., стр. 348. Цитируемая статья (l. c. стр. 34—66, 317—353) заслуживаетъ особаго вниманія по богатству собраннаго и разсмотрѣннаго въ ней матеріала.

[2]) Замѣтимъ, что русскому увеличительному суффиксу *-ище* въ греч. соотвѣтствуетъ суф. -ισχος съ уменьшительнымъ оттѣнкомъ значенія.

[3]) Уничижительный оттѣнокъ послѣдняго слова ясно проглядываетъ въ выраженіи: «въ дрянной, полуразвалившейся *избёшкѣ*» (Тургеневъ, Сочиненія, изд. 1883 г., т. II, стр. 21).

сти въ глазахъ слушателя; такъ, напр. Хорь въ извѣстномъ разсказѣ Тургенева не безъ лукавства скромно замѣчаетъ о себѣ: „торгуемъ по-маленьку *маслишкомъ*, да *дегтишкомъ*“; срв. также у Писемскаго: „у меня (въ деревнѣ) мѣстоположеніе порядочное, есть тоже *садишко*, кое-какая *рѣченка*“ (Тысяча душъ, ч. 2, гл. IV).

4) Ласкательныя имена могутъ образовываться какъ для обыкновенныхъ, такъ и для уменьшительныхъ существительныхъ. Такъ, напр., отъ обыкновеннаго существительнаго „голова“ происходитъ ласкательное „голов*ушка*“; что касается соотвѣтствующаго уменьшительнаго „голов*ка*“, то оно, какъ и вообще уменьшительныя, можетъ соединять въ себѣ и ласкательный оттѣнокъ; если же такое образованіе кажется недостаточнымъ для выраженія ласки, то отъ него можетъ быть произведено новое уменьшительно-ласкательное существительное напр. на *-очка*, *-онька* и др. (головочка, головонька); срв. еще у Писемскаго въ разговорахъ: „Что сестр*ичушка*-то? я и не спросила о ней“ (Тюфякъ, гл. II). [1]) Русскій языкъ вообще весьма богатъ уменьшительно-ласкательными существительными, что отчасти можетъ считаться показателемъ душевной мягкости русской народности. Здѣсь, такимъ образомъ, развитіе суффиксальное объясняется уже не соціальными условіями, а факторомъ народной психологіи. Замѣтимъ еще, что подобно тому какъ иронія можетъ переводить уменьшительныя имена въ увеличительныя, такъ здѣсь этимъ путемъ при соотвѣтственномъ измѣненіи интонаціи достигается переходъ ласкательнаго оттѣнка въ уничижительный, напр. умница, чадушко и др.

Примѣчаніе. Личныя имена въ русскомъ языкѣ проявляютъ особенную склонность къ ласкательнымъ и уничижительнымъ образованіямъ; обыкновенно суффиксами ласкательными служатъ: *-я* или *-а* (Ва́н-*я*, Та́н-*я*, Миш-*а*,

[1]) Ласкательныя образованія могутъ быть и отъ иностранныхъ словъ; срв. напр. слово «тантушка» (отъ нѣм. Tante «тетка») въ Исторіи лейтенанта Ергунова у Тургенева.

Груш-*а*), *-енька* (Мйт-*енька*, Груш-*енька*), *-ичка* (Ва́н-*ичка*, Ду́н-*ичка*), *-ушка* или *-юшка* (Ива́н-*ушка*, Андре́-*юшка*, Степани́-*ушка*, Та́н-*юшка*), а уничижительныхъ *-ка* (Ва́нь-*ка*, Гру́ш-*ка*). [1])

Всматриваясь во все многообразіе суффиксовъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ особенно способны къ дальнѣйшему суффиксальному разростанію путемъ постепеннаго поглощенія предшествующихъ суффиксальныхъ элементовъ (напр. *-тель -атель*, *-ыватель* и т. п.). Ближайшее наблюденіе показываетъ, что такому росту подвергаются главнымъ образомъ тѣ суффиксы, которые служатъ къ образованію самыхъ основныхъ категорій именныхъ представленій, именно—дѣятелей, дѣйствій, объектовъ и орудій дѣйствій. Сверхъ того, какъ уже было указано, русскій языкъ представляетъ почти неисчерпаемое обиліе наращенныхъ ласкательныхъ образованій.

Намъ осталось еще сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ *фонетическихъ перемѣнахъ*, наблюдаемыхъ при наращеніи суффиксовъ. Сюда относятся главнымъ образомъ явленія аккоммодаціи согласныхъ въ отношеніи мягкости-твердости, а также звонкости-глухости.

Явленія *смягченія* встрѣчаются тогда, когда суффиксъ начинается или начинался смягчающимъ гласнымъ (т.-е. і или е); въ этомъ случаѣ предшествующій согласный смягчается или непереходно, или же переходно, смотря по категоріи согласнаго, срв. при суффиксахъ *-икъ* и *-екъ*: с т о́ л (столъ) < с т о́ *л'*-ь к (стол*ик*ъ), а́ в р а́ к (оврагъ) < а́ вра́ *ж*-ъ к

[1]) Эти послѣднія имена играютъ важную роль въ отпискахъ служилыхъ людей къ государямъ московской Руси, причемъ употребленіемъ такихъ именъ (Ванька и т. п.) достигалось собственное уничиженіе. Такъ именуютъ себя при Иванѣ III наименѣе значительные люди или «людишки»; болѣе знатные пользуются уже уменьшительными, а не уничижительными суффиксами (напр. Иванецъ, Васюкъ) и лишь самые знатные пишутся полными именами. При Иванѣ IV Грозномъ даже и знатныя лица стали писаться не только уменьшительными, но обыкновенно и уничижительными.

(овраженъ). [1]) Но кромѣ случаевъ смягченія есть также и случаи *отвердѣнія* согласныхъ, напр. по*кор*-ность и пр.

Въ примѣръ уподобленія по *звонкости* можно привести слово „с в а *дь* б а“ отъ глагола „сва*т*ать“; для случаевъ же обратнаго перехода звонкаго согласнаго въ глухой можно указать на многочисленныя образованія именъ на *-ка*, напр. к а́ р о́ *п* к а́ (коробка), л а́ ш а́ *т* к а́ (лошадка) и т. д., въ которыхъ уподобленіе произошло послѣ исчезновенія промежуточнаго *ъ.

Библіографическія указанія. В а с и л ь е в ъ В. Объ удареніяхъ русскаго языка (въ Маякѣ 1842 г.). Г р о т ъ Я. Объ ударенiи существительныхъ въ Имен. падежѣ ед. ч. (Фил. Раз. 1899[4] стр. 293—324). А л е к с а н д р о в ъ А. Удареніе именъ сущ. съ суф. *-икъ*; Удареніе именъ сущ. ж. р., оканчивающихся на суффиксы *-ынь*, *-ива* и *-ева* (Р. Ф. В. 1882 г.). С м и р н о в ъ К. О взаимномъ отношеніи по ударенію именъ сущ. съ суф. *-ецъ* и ихъ «производящихъ» (Уч Зап. Каз. Унив. 1883 г.). Ш а р л о в с к і й І. Русская просодія Изслѣдованія объ акцентѣ вообще. а равно законы русскаго ударенія въ особенности. Одесса 1890. P e r o t G. L'accent tonique dans la langue russe (1900). Б р а н д т ъ Р. Начертаніе славянской акцентологіи (1880). М а р т ы н о в ъ И. Игра согласныхъ буквъ въ словопроизводствѣ (см. выше, стр. 124). П о т е б н я А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ, III: Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго (Харьковъ, 1899). Для соотношенія представленной нами семазіологіи русскихъ суффиксовъ къ суффиксамъ старо-слав. языка срв. L e s k i e n A. Grammatik der altbulg. (altkirchenslav.) Sprache (изъ Samml. slav. Lehr- und Handbücher von A. Leskien u. E. Berneker), 1909, §§ 61—71; см. далѣе V o n d r á k W. Vergleichende Slavische Gramm. I (1906). П о г о д и н ъ А. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ (1903).

---

[1]) Случаи суф. *-икъ* съ предшествующимъ шипящимъ, который бы чередовался съ задне-язычнымъ согласнымъ производящаго слова, почти не встрѣчаются (кромѣ именъ на *-щикъ*, имѣющихъ или предполагающихъ въ производящемъ словѣ сочетаніе *ск*, напр. день*щикъ* > деньской, стекль*щикъ* > *стекольскій, хотя въ иныхъ случаяхъ новообразовавшійся суф. *-щикъ* сталъ примѣняться уже независимо отъ первоначальныхъ условій, напр. бараба*нщикъ*). Въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ мы видимъ суф. *-икъ* послѣ простаго шипящаго, тамъ въ производящемъ всегда оказывается не задне-язычный согласный, а *ц*, напр. п а́ л ' ъ *ц* (палецъ) < п а́ л ' ч - ь к (пальчикъ). Отсутствіе звена съ задне-язычнымъ согласнымъ приводитъ къ нерѣдко встрѣчаемому ошибочному толкованію, что тутъ *ц* измѣнилось въ *ч*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оба звука (какъ *ц*, такъ и *ч*) являются продуктомъ смягченія согласнаго *к*, который при однихъ условіяхъ видоизмѣнился въ *ц*, а при другихъ въ *ч*.

Глава X.

Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи.

Именемъ прилагательнымъ называется измѣняемая часть рѣчи, обыкновенно служащая для опредѣленія имени существительнаго. Самый терминъ „прилагательное" выражаетъ, что эта часть рѣчи употребляется въ приложеніи къ существительному, при чемъ прилагательнымъ обозначается какое-либо частное представленіе въ цѣломъ представленіи даннаго предмета. Связь же частнаго представленія со своимъ сложнымъ въ сферѣ языка выражается *согласованіемъ* прилагательнаго съ существительнымъ, напр. красн*ый* столъ, красн*ая* доска и т. п. [1]) Имя прилагательное, относясь къ существительному, можетъ являться въ предложеніи не только опредѣленіемъ (красный столъ и т. п.), но также входить въ

---

[1]) По поводу даннаго нами опредѣленія прилагательнаго можно было бы возразить, что, напр., въ выраженіи: передай книгу въ переплетѣ—слово «въ переплетѣ», согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, нужно считать прилагательнымъ, такъ какъ оно обозначаетъ *одинъ изъ признаковъ другаго представленія.* Это замѣчаніе было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы часть рѣчи опредѣлялась только по значенію, но въ опредѣленіе каждой части рѣчи должна входить также характеристика ея со стороны формальной, почему мы и указали, что прилагательное согласуется съ своимъ существительнымъ, т. е. что ему свойственна опредѣленная форма.

составъ сказуемаго, напр. столъ—красенъ, доска—красна и т. п. Соотвѣтственно этому синтаксическому различію, прилагательное имѣетъ двѣ формы: *простую*—для сказуемаго (напр. красенъ, -а, -о) и *сложную*—для опредѣленія (красный, -ая, -ое). [1]) Сложная форма образовалась изъ простой чрезъ присоединеніе древняго мѣстоименія *и*, *я*, *е* (т. е. напр. добръ+*и*, добра+*я*, добро+*е*), представляющаго собою родъ члена. Раньше простая форма прилагательнаго употреблялась и какъ опредѣленіе, но теперь (за исключеніемъ притяжательныхъ на *-инъ* и *-овъ*) только какъ сказуемое. Отголоски употребленія прилагательнаго въ простой формѣ въ качествѣ опредѣленія нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ народной словесности, напр. въ былинахъ, особенно въ типичныхъ сочетаніяхъ, ставшихъ какъ бы формулами, напр. „у ласкова князя Владимера“ и т. п. Такъ какъ въ современномъ литературномъ языкѣ прилагательное въ простой формѣ является, за извѣстнымъ исключеніемъ, только въ качествѣ сказуемаго, при чемъ согласуется съ своимъ подлежащимъ, подлежащее же всегда стоитъ въ Имен. падежѣ, то вполнѣ понятно, что въ литературномъ языкѣ простое прилагательное способно имѣть только форму Имен. падежа, напр. въ ед. ч.: умéнъ—умнá—умнó, во мн. ч.: умны́. [2]) Въ качествѣ же опредѣлительныхъ словъ прилагательныя имѣютъ полное склоненіе, согласуясь со своимъ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; поэтому склоняются всѣ сложныя прилагательныя (напр. доб-

---

[1]) Изъ другихъ языковъ аріо-европейскихъ укажемъ на существованіе простой и сложной формъ прилагательнаго съ подобной же синтаксической дифференціаціею ихъ въ литовскомъ и нѣмецкомъ.

[2]) Что касается ударенія при этомъ, то оно частію слѣдуетъ данному примѣру (срв. еще: *жёлтъ*—желтá—желтó—желты́), или же на окончаніе переходитъ только въ женскомъ родѣ ед. ч. напр. *сухъ*—сухá—сýхи, *дóрогъ*—дорогá—дóрого—дóроги, *вéселъ*—веселá—вéсело—вéселы; наконецъ, удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. *здорóвъ*—здорóва—здорóво—здорóвы.

рый человѣкъ, добраго человѣка и пр.), а изъ прилагательныхъ съ простою формою только извѣстныя притяжательныя (напр Ивановъ день, Иванова дня и пр.).

Что касается *системы удареніи въ склоненіи* прилагательныхъ, то эта система очень проста: ударе́ніе здѣсь бываетъ только постоянное—или на основѣ, или на окончаніи, при чемъ прилагательныя твердаго склоненія могутъ имѣть то и другое ударе́ніе (напр. до́брый, слѣпо́й), прилагательныя же мягкаго склоненія встрѣчаются только съ ударе́ніемъ на основѣ (напр. ве́рхній).

И такъ, имена прилагательныя обычно являются въ *двухъ формахъ*—простой и сложной, соотвѣтственно синтаксическому различію въ употребленіи. Не всѣ однакожъ прилагательныя способны къ этимъ двумъ формамъ: нѣкоторыя прилагательныя являются *только въ одной* формѣ, или краткой (напр. Ивановъ и т. п.), или же полной (напр. деревянный и т. п.), независимо отъ того, служатъ ли они словами опредѣлительными, или же являются въ роли сказуемаго, напр: Сашинъ карандашъ || карандашъ—Сашинъ; деревянный домъ || домъ—деревянный. Первую группу прилагательныхъ съ одною формою составляютъ извѣстнаго образованія притяжательныя, а вторую—относительныя прилагательныя.

Какъ извѣстно, имена прилагательныя могутъ измѣняться по *степенямъ сравненія* (напр. добрый—добрѣе—самый добрый). Однако многія прилагательныя не имѣютъ движенія по степенямъ сравненія, когда качество не можетъ мыслиться въ смыслѣ сравнительномъ и превосходномъ. Къ прилагательнымъ, не измѣняющимся по степенямъ сравненія принадлежатъ всѣ *притяжательныя* и *относительныя*; прочія прилагательныя измѣняются по степенямъ сравненія и въ грамматикахъ называются *качественными*. Первыя прилагательныя всегда производныя отъ другой части рѣчи, при чемъ притяжательныя происходятъ только отъ существ., напр. Иванъ< Иван*овъ*, Вася<Вас*инъ*, отецъ<отц*овъ*, братъ<брат*нинъ*, се-

ло<сельскій, относительныя же отъ разныхъ частей рѣчи, напр.: отъ сущ.—дерево<деревянный, шерсть<шерстяной, часъ<часовой, годъ<годовой, пудъ<пудовой, семья<семейный, жена<женатый, нога<безногій; отъ числ.—двое<двойной, трое<тройной; отъ нарѣчія: здѣсь<здѣшній, вчера<вчерашній. Къ прилагательнымъ качественнымъ относятся всѣ первообразныя прилагательныя (напр. твердый, гордый, хитрый, добрый, острый, синій, бѣлый и пр.), а также нѣкоторыя изъ производныхъ, какъ напр. умъ<умный, ласка<ласковый, печаль<печальный и т. п.

Что касается частныхъ суффиксальныхъ оттѣнковъ въ имени прилагательномъ, то характеръ ихъ обусловливается основнымъ смысломъ данной части рѣчи—выражать одинъ изъ признаковъ субстантивнаго представленія. Само собою понятно, что признакъ не можетъ представлять того разнообразія категорій, какое свойственно самымъ субстантивнымъ представленіямъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ уже разсмотрѣнныя нами основныя различія прилагательныхъ качественныхъ, относительныхъ и притяжательныхъ, а также различія по степенямъ сравненія, то остальные болѣе частные суффиксальные оттѣнки прилагательныхъ служатъ для усиленія или ослабленія признака, а также для приданія прилагательнымъ увеличительнаго и уменьшительно-ласкательнаго характера, именно: 1) суффиксы, служащіе для показанія присутствія въ предметѣ признака въ обыкновенной или же преувеличенной степени, при чемъ самыя прилагательныя произведены отъ существительныхъ, обозначающихъ представленіе этого признака, срв. ку́дри<кудр-я́вый, лѣнь<лѣн-и́вый; гу́бы<губ-а́стый, и́мя<имен-и́тый, санъ<сан-ови́тый, голосъ<голос-и́стый [1]); 2) суффиксы, посредствомъ которыхъ качество прилагательнаго представляется ослабленнымъ, срв. че́рный<

[1]) Суффиксъ *-истый* можетъ имѣть еще и другое значеніе—«подобный чему-либо, сходный съ чѣмъ-либо», напр. серебри́стый, шелкови́стый.

черн-*оватый*, синій<син-*ватый*; 3) суффиксы прилагательныхъ увеличительныхъ, срв. толстый < толст-*ущій*; 4) суффиксы прилагательныхъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ, срв. добрый<добр-*енькій*, сухой<сух-*оньній* или сух-*енькій*, сѣдой<сѣд-*ёхонькій*, малый<мал-*ёшенькій*. [1])

Намъ нужно теперь разсмотрѣть образованіе степеней сравненія именъ прилагательныхъ.

Сравнительная степень въ именахъ прилагательныхъ образуется посредствомъ суффиксовъ *-ѣе* или *-е*; но такъ бываетъ только въ томъ случаѣ, если прилагательное служитъ сказуемымъ; если же оно должно быть употреблено въ качествѣ опредѣленія, то сравнительная степень не имѣетъ особой формы и выражается прибавленіемъ слова „болѣе“ къ прилагательному.

Изъ приведенныхъ суффиксовъ послѣдній (*-е*) имѣетъ ограниченное употребленіе, будучи закрѣпленъ за небольшимъ числомъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. худой<хуже и т. п.), суффиксъ же *-ѣе* кромѣ другихъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. новый<новѣе) имѣетъ широкое употребленіе въ прилагательныхъ производныхъ, образованныхъ чрезъ прибавленіе разныхъ суффиксовъ (напр. правд-ив-ый и т. д.). Въ виду различій, существующихъ между суффиксами сравнит. степени *-ѣе* и *-е*, мы дадимъ особо характеристику того и другаго суффикса и остановимся сначала на болѣе употребительномъ *-ѣе*. Въ томъ случаѣ, когда этотъ суффиксъ служитъ для образованія сравни-

---

[1]) Уменьшительныя прилагательныя очень часто сочетаются съ уменьшительными существительными (родъ согласованія), между тѣмъ какъ въ увеличительныхъ выраженіяхъ такого рода согласованіе не обычно, срв.: маленькій домикъ ‖ большущій домъ. Примѣры согласованія прилагательныхъ съ существительными по уменьшительности представляетъ въ изобиліи языкъ Гоголя и стоящій къ нему довольно близко языкъ Тургенева (напр. у послѣдняго въ *Бѣжиномъ лугѣ*: «армячокъ чуть держался на его *узенькихъ плечикахъ*»).

тельной степени въ прилагательныхъ простѣйшаго образованія, онъ всегда сопровождается удареніемъ независимо отъ мѣста ударенія въ положительной степени, напр. живо́й < живѣе, новый < новѣе, а́лый < алѣе и т. д.; въ прилагательныхъ болѣе сложнаго образованія ударе́ніе сравнительной степени слѣдуетъ ударе́нію положительной степени соотвѣтствующаго прилагательнаго, находясь на томъ или другомъ слогѣ основы, окончаніе же *-ѣе* въ этомъ случаѣ не имѣетъ на себѣ ударенія, напр. лука́вый < лука́вѣе, льсти́вый < льсти́вѣе, правди́вый < правди́вѣе. [1]) Что касается окончанія *-е* (*-je), то подъ вліяніемъ j, входившаго въ составъ этого окончанія, предшествующіе согласные смягчились такъ, какъ это было указано въ фонетикѣ, т. е. напр. дешёвый < дешёвле, крутой < кру́че, худо́й < ху́же, при чемъ ударе́ніе никогда не падаетъ на окончаніе *-е*, а только на основу. Если положительная степень прилагательнаго оканчивается на *-кій* или *-окій* (короткій, гладкій, жидкій, рѣдкій, близкій, низкій, узкій, высокій, широкій), то при образованіи сравнительной степени на *-е* суффиксальный слогъ положительной степени отсутствуетъ, т. е. сравнительная степень образуется такъ, какъ будто бы въ положительной степени на концѣ имѣлось не *-кій* или *-окій*, а *-ый*; [2]) если же въ положительной степени указаннымъ окончаніямъ предшествуетъ плавный или носовой согласный, то сравнительная степень встрѣчается съ окончаніемъ *-ше*, напр. тонкій < тонь*ше*, далекій < даль*ше*, но слово „широкій“ съ такимъ образованіемъ сравн. степени (ширше) встрѣчается только въ говорахъ, въ литературномъ же языкѣ будетъ „шире“;

---

[1]) Суффиксъ *-ѣе* встрѣчается въ литературномъ языкѣ также и при предшествующихъ шипящихъ, напр. звонкій < звон*чѣе*, срв. «еще звончѣе сталъ ея лай» (Л. Андреевъ, въ разсказѣ «Другъ»).

[2]) Это явленіе наблюдается въ родственномъ образованіи сравнит. степени и въ другихъ языкахъ, напр. лат. magnus < major (изъ *magjor), греч. ἡδός < ἡδίων, ἐχθρός < ἐχθίων и проч.

два же прилагательныя, корень которыхъ кончается на звонкій взрывной *б* (глубокій<глубже, слабкій или чаще слабый <слабже) вмѣсто окончанія *-ше* подставили *-же*, вѣроятно подъ вліяніемъ аналогіи такихъ прилагательныхъ, какъ „рѣдкій“ и „низкій“, въ сравн. степ. которыхъ *ж* получилось фонетически,—благодаря этому корневое *б* удерживается и въ сравн. степени.

Превосходная степень именъ прилагательныхъ образуется посредствомъ окончанія *-ѣйшій* или, послѣ шипящихъ, *-айшій* (напр. краснѣйшій, легчайшій), при чемъ иногда усиливается прибавленіемъ приставки *наи-*. Болѣе употребительное образованіе превосх. степени—посредствомъ прибавленія къ положительной степени слова *самый*. Обѣ формы превосходной степени могутъ являться какъ въ качествѣ опредѣленія, такъ и сказуемаго.

Скажемъ въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ о двухъ другихъ частяхъ рѣчи, обычно придающихся для опредѣленія къ имени существительному, т. е. именахъ числительныхъ и мѣстоименіяхъ опредѣлительно-указательныхъ.

Въ именахъ числительныхъ нужно обратить вниманіе на сущность семазіологическаго различія между *количественными* и *порядковыми* числительными: первыя означаютъ сумму единицъ (напр. пять тетрадей), а вторыя—ту единицу, на которой останавливается счетъ (напр. пятая тетрадь); [1]) этому семазіологическому различію соотвѣтствуетъ различіе формальное: количественныя числительныя, начиная съ числа „пять“, имѣютъ форму существительнаго того или другаго типа (срв. пять, сорокъ, сто, тысяча), тогда какъ всѣ

[1]) Въ зависимости отъ того, что числительныя представляютъ послѣдовательный рядъ чиселъ, въ нихъ легко проявляется дѣйствіе аналогіи между названіями смежныхъ чиселъ: такъ, названіе «*де*вять» имѣетъ *д* вм. первоначальнаго *н* (срв. лат. *novem*, нѣм. *neun* и проч.) по аналогіи къ смежному числительному «*де*сять».

порядковыя по своей формѣ являются прилагательными; затѣмъ—та и другая категоріи представляютъ особенности въ согласованіи (срв. пять тетрадей, пятью тетрадями || пятая тетрадь, пятою тетрадью), при чемъ только порядковыя числительныя имѣютъ полное согласованіе со своимъ существительнымъ.

Говоря при классификаціи частей рѣчи о мѣстоименіяхъ, мы ихъ раздѣлили на личныя и опредѣлительно-указательныя: первыя занимаютъ самостоятельное положеніе рядомъ съ именемъ существительнымъ, вторыя же, подобно прилагательнымъ, служатъ для опредѣленія существительныхъ. Къ личнымъ мѣстоименіямъ нужно причислить возвратное. Близко къ личнымъ мѣстоименіямъ подходятъ вопросительныя „кто?“ и „что?“, которыя подобно личнымъ не различаютъ въ своей формѣ категоріи рода, при чемъ первое („кто?“) спрашиваетъ объ одушевленномъ предметѣ, а второе („что?“) о неодушевленномъ. Но какъ при личныхъ и возвратномъ мѣстоименіяхъ существуетъ прилагательная форма (мой, свой, вашъ и пр.), такъ и при неродовыхъ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ, которыя въ отвѣтѣ требуютъ названія предмета, имѣются родовыя (какой? который? чей?), требующія въ отвѣтѣ опредѣлительнаго слова. Вопросительныя мѣстоименія могутъ требовать въ отвѣтѣ указательныхъ опредѣленій разнаго рода, и здѣсь лежитъ переходъ ко всѣмъ прочимъ мѣстоименіямъ (тотъ, этотъ, самый, весь, всякій, каждый). Наконецъ, связь между вопросительными въ прилагательной формѣ и относительными мѣстоименіями видна изъ того, что форма одного мѣстоименія нерѣдко примѣняется и для обозначенія другаго, напр. въ русскомъ литературномъ вопросительныя мѣстоименія приняли значеніе и относительныхъ, въ бѣлор. и малор. встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. примѣненіе относительнаго мѣстоименія въ качествѣ вопросительнаго, именно „якій“ (т. е. какой), которое употребляется тоже какъ вопросительное и относительное.

Библіографическія указанія. Не упоминая общихъ сочиненій по морфологіи русскаго языка, отмѣтимъ: Будде Е. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Ч. I—2: имя прилагат., имя числит., мѣстоименіе (склоненіе этихъ частей рѣчи), Спб. 1902—изъ Сборн. отд. р. яз. и слов. Академіи наукъ. Коларь О склоненіи прилагательныхъ славянскихъ и индо-европейскихъ вообще (Р. Ф. В. 1903, №1—2, стр. 105—139). *** О весьма замѣчательномъ употребленіи именъ числит. два, три, четыре въ русскомъ языкѣ. Новгородъ 1855 (изъ № 51 Новг. губ. вѣд. 1854). Leskien A. Das russische двумя, тремя, четырьмя (Arch. f. slav. Phil., I). Ильинскій Г. Сложныя мѣстоименія и окончанія Р. ед. муж. и ср. рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ (1905)[2].

Глава XI.

Глаголъ въ отношеніи семазіологическомъ: понятіе о залогѣ, видѣ и проч. Классификація спряженій и удареніе въ нихъ.

Выше, говоря о категоріи имени существительнаго, мы установили разницу между нею и категоріею глагола, а именно: существительными обозначаются наши предметныя или опредмеченныя представленія, тогда какъ глаголы служатъ для выраженія нашихъ представленій или дѣйствія въ его совершеніи субъектомъ или же состоянія послѣдняго, напр. *несу*, *спитъ*. Мы видѣли также, что соотвѣтственно съ этимъ основнымъ различіемъ существительное измѣняется по падежамъ, показывающимъ разныя отношенія, въ какихъ можетъ находиться предметное представленіе въ предложеніи, между тѣмъ какъ глаголъ модифицируется оттѣнкомъ времени, а кромѣ того числа и лица соотвѣтственно субъекту предложенія. Но изъ того же основнаго различія проистекаетъ цѣлый рядъ другихъ особенностей въ той и другой части рѣчи, и мы обратимся теперь къ болѣе полному и послѣдовательному изученію смысловыхъ моментовъ русскаго глагола, каковыми являются залогъ, видъ, наклоненіе, время, число и лицо.

I. **Залогъ.** Соотвѣтственно различной природѣ нашихъ дѣйствій глаголы классифицируются на роды или *залоги*. Школьная грамматика насчитываетъ шесть самостоятельныхъ

залоговъ: дѣйствительный, страдательный, средній, возвратный, взаимный и общій. Но это подраздѣленіе не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ не всѣ эти залоги равноправны между собою: два изъ нихъ, *дѣйствительный* и *средній*, какъ соотвѣтствующіе двумъ основнымъ родамъ дѣйствій, должны быть признаны главными, остальные же могутъ разсматриваться какъ частные случаи этихъ главныхъ.

Обратимся теперь къ разъясненію этихъ двухъ основныхъ родовъ дѣйствій: одни дѣйствія мы представляемъ себѣ какъ совершаемыя надъ какимъ-либо предметомъ (объектомъ), напр. *вяжу* чулокъ, *читаю* книгу и т. п., другія же какъ просто проявляемыя субъектомъ безъ отношенія къ какому-либо объекту, напр. *иду*, *лежу* и пр. Глаголы, обозначающіе дѣйствія перваго рода, называются *переходными* (дѣйствительными), глаголы же обозначающіе дѣйствія втораго рода—*непереходными* (средними). Мы можемъ также назвать эти два рода глаголовъ глаголами *дѣйствія* и глаголами *состоянія*, при чемъ внѣшнимъ образомъ это смысловое различіе выражается присутствіемъ или же отсутствіемъ при глаголѣ Винит. падежа.

Попробуемъ вникнуть въ различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ, для чего сначала остановимся на дѣйствіяхъ простѣйшаго класса—физическихъ и притомъ обозначаемыхъ глаголами *первичными* (непроизводными). Не трудно замѣтить, что наши физическія дѣйствія распадаются на два класса: одними мы оперируемъ надъ міромъ объективнымъ (сюда относятся такіе глаголы, какъ: бью, трясу, ѣмъ, сосу и пр.), другія касаются состоянія самого субъекта или его перемѣщенія въ пространствѣ (сюда относятся глаголы: *лежу*, *стою*, *бѣгу*, *ѣду* и т. п.). Первыя дѣйствія принадлежатъ къ разряду переходныхъ, а вторыя—непереходныхъ. Что касается дѣйствій, относящихся къ нашей психической жизни, то одни изъ нихъ принадлежатъ къ области *сенсорной*, т. е. къ области умственнаго воспріятія, другія же къ

области *чувствованій* или эмоцій и вообще нашихъ внутреннихъ состояній. Глаголы, служащіе для обозначенія первыхъ принадлежатъ къ переходнымъ (вижу, слышу), а служащіе для обозначенія вторыхъ—къ непереходнымъ (скорблю). [1])

Все сказанное относится лишь къ кореннымъ глаголамъ. Что касается *отъименныхъ* глаголовъ, то они принадлежатъ какъ къ переходнымъ, такъ и къ непереходнымъ, при чемъ залогъ ихъ опредѣляется отношеніемъ между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Напр. отъ прилагат. *черный* происходятъ глаголы: *чернить* и *чернѣть*. Разъяснимъ на приведенномъ примѣрѣ связь между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Въ первомъ случаѣ (чернить) глаголъ означаетъ: дѣлать что-либо такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго (напр. чернить бумагу=дѣлать ее черною); соотвѣтственно этому оттѣнку значенія глаголъ естественно принадлежитъ къ отдѣлу переходныхъ. Во второмъ случаѣ (чернѣть) глаголъ означаетъ, что самъ субъектъ испытываетъ измѣненіе, становясь такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго, и, соотвѣтственно такому смыслу, глаголъ принадлежитъ къ отдѣлу непереходныхъ (напр. рука чернѣетъ=становится черною). [2]) Мы видимъ на тѣхъ же примѣрахъ, что смысловое различіе залога сопровождается и формальнымъ разли-

---

[1]) Различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ рельефно отразилось въ способѣ составленія сложныхъ глагольныхъ формъ въ новыхъ языкахъ аріо-европейскаго семейства; срв. напр. во франц.: j'ai lu le livre («я прочиталъ книгу») первоначально значило «я имѣю прочитанною книгу», но—je suis venu («я пришелъ») первоначально значило «я самъ есмь пришедшій или пришедши». Соотвѣтствующее различіе мы встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ, англійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ.

[2]) Разсмотрѣнное различіе глаголовъ на *-ить* и *-еть*, происходящихъ отъ прилагательнаго, ясно видно на выраженіи тѣхъ же представленій въ нѣмецкомъ языкѣ; тамъ они обыкновенно передаются описательно съ помощью глаголовъ «*machen*» (дѣлать) и «*werden*» (становиться), напр. чернить=*schwarz machen* (также schwärzen), чернѣть—*schwarz werden*.

чіемъ, проходящимъ черезъ спряженіе этихъ глаголовъ (чернить -ю, чернѣть -ѣю). Но смысловыя соотношенія между отъименными глаголами и производящими именами весьма разнообразны, и не всегда удается подвести отдѣльные отъименные глаголы къ какой-либо опредѣленной категоріи, тѣмъ болѣе, что не вездѣ эти смысловыя соотношенія легко выяснить и не всегда они сопровождаются одними и тѣми же формальными отличіями. [1])

Кромѣ отъименныхъ глаголовъ въ языкѣ есть еще категорія *отглагольныхъ* глаголовъ, тоже производныхъ, но уже не отъ именъ, а отъ другихъ глаголовъ, корневыхъ или отъименныхъ (мету<подметаю, слѣплю<ослѣпляю). Значеніе залога въ глаголахъ отглагольныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію залога глагола производящаго.

Во всѣхъ трехъ указанныхъ классахъ глаголовъ (коренныхъ, отъименныхъ и отглагольныхъ) можно встрѣтить случаи, когда присоединеніе префикса къ непереходному глаголу превращаетъ послѣдній въ переходный, напр. хожу по площади || прохожу площадь. Въ этомъ случаѣ присоединеніе префикса, ограничивая область глагольнаго дѣйствія, заставляетъ представлять послѣднюю, какъ объектъ дѣйствія. Аналогичное явленіе можно встрѣтить и въ другихъ языкахъ, при чемъ

---

[1]) Разсмотримъ для примѣра еще нѣсколько типовъ отъименныхъ глаголовъ. Глаголы, происходящіе отъ существительныхъ, тоже могутъ быть какъ переходными (напр. золото < золотить), такъ и непереходными (напр. рыбакъ < рыбачить). Это различіе происходитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ производный глаголъ выражаетъ—«*обработывать* (покрывать) *что-либо* тѣмъ матеріаломъ, какой обозначенъ производящимъ существительнымъ», а во второмъ случаѣ — «*быть кѣмъ-либо*, соотвѣтственно значенію производящаго существительнаго». Такимъ образомъ переходный или же непереходный смыслъ глагола опредѣляется значеніемъ производящаго существительнаго. Подобнымъ же образомъ глаголы на *-овать*, происходящіе отъ существительныхъ, являются частію переходными (напр. расходъ<расходовать), частію непереходными (напр. царь < царство < царствовать). Такимъ образомъ глаголы, происходящіе отъ существительныхъ и обозначающіе «быть кѣмъ-либо», оканчиваются неодинаково: на *-ить* или *-овать*.

часто значеніе такого производнаго глагола оказывается измѣненнымъ сравнительно съ простымъ. Напр. лат. venire „приходить“ || invenire „находить“, или нѣм. kommen „приходить“ || bekommen „получать“, stehen „стоять“ || verstehen „понимать“ (соотвѣтственно различію залога, сложныя времена этихъ глаголовъ образуются въ нѣмецкомъ съ помощью глагола *sein* или же *haben*, напр. ich *bin* gekommen || ich *habe* bekommen).

Такъ какъ съ однимъ и тѣмъ же глаголомъ обыкновенно соединяется по нѣскольку значеній, то иногда бываетъ, что глаголъ въ одномъ своемъ значеніи является переходнымъ, а въ другомъ значеніи—непереходнымъ, напр. играть въ шашки || играть пьесу, говорить что-либо || говорить о чемъ. Такое двоякое употребленіе глагола встрѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣм. das Wasser *kochen*=кипятить воду, das Wasser *kocht*=вода кипитъ.

Далѣе, нѣкоторые глаголы, имѣвшіе въ числѣ значеній переходное, могутъ со временемъ потерять послѣднее, напр. *воевать* (срв. воевати Болгарьску землю—Лавр. подъ 944 г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ произойти пропускъ имени (особенно однокореннаго) въ Вин. падежѣ, послѣ чего глаголъ сталъ непереходнымъ, имѣя значеніе, раньше передававшееся двумя словами—переходнымъ глаголомъ и именемъ (срв. въ старомъ языкѣ такія выраженія, какъ пиръ пировать, думу думать; въ друг. языкахъ: нѣм. er hat ein schönes Leben gelebt, лат. pugnam pugnare, греч. *μάχην μάχεσθαι*; вмѣсто однокореннаго существительнаго можетъ стоять синонимическое, напр. франц. pleurer les larmes). Въ виду столь разнообразныхъ усложненій детальныя указанія переходнаго и непереходнаго залога глаголовъ принадлежатъ словарю.

Такъ какъ дѣйствительный залогъ обозначаетъ дѣйствіе, которое производится субъектомъ надъ кѣмъ или чѣмъ-либо, то ясно, что то же самое дѣйствіе можетъ быть представлено также и со стороны испытывающаго его объекта (напр. отецъ

наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ). Глагольныя выраженія такого обратнаго дѣйствія носятъ названіе *страдательнаго залога*. Что касается дѣйствій непереходныхъ (т. е. безъ объекта дѣйствія), то естественно, что выражающіе ихъ глаголы не способны къ обратной или страдательной формѣ, напр. онъ *ходитъ*. Такимъ образомъ одни дѣйствія мы можемъ представлять себѣ и выражать двояко — какъ производимыя субъектомъ и какъ испытываемыя, а другія дѣйствія мы представляемъ себѣ и выражаемъ только какъ производимыя субъектомъ. И такъ, страдательный залогъ можетъ разсматриваться какъ параллельный или дополнительный къ дѣйствительному.

Обратный или страдательный залогъ въ русскомъ языкѣ не имѣетъ особой самостоятельной формы, выражаясь трояко: 1) посредствомъ причастія съ краткимъ окончаніемъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ (я посылаемъ, я былъ посылаемъ), 2) безлично—посредствомъ глагола дѣйствительнаго въ 3 л. множ. ч. съ присоединеніемъ Вин. пад. (меня посылаютъ) и 3) глагольною формою, получаемою изъ дѣйствительнаго залога чрезъ прибавленіе *-ся* || *-сь* (посылаюсь). Первые два способа выраженія страдательнаго залога получаются путемъ сочетанія словъ—синтаксически; что касается третьяго способа, то хотя онъ и выражается посредствомъ одной формы (на *-ся*), но эта послѣдняя, какъ увидимъ далѣе, можетъ обозначать собою и нѣкоторые другіе залоги, такъ что значеніе страдательнаго залога обнаруживается изъ смысла цѣлаго предложенія, т. е. тоже синтаксически. Вотъ почему ученіе о страдательномъ залогѣ въ русскомъ языкѣ въ значительной мѣрѣ относится къ синтаксису.

Давъ общее понятіе о различіи глаголовъ переходныхъ и непереходныхъ, мы должны перейти къ указанію въ той и другой группѣ частныхъ подраздѣленій.

При глаголахъ дѣйствительныхъ объектомъ можетъ быть не только сторонній предметъ, но и самъ субъектъ дѣйствія,

а нѣкоторыя дѣйствія представляютъ взаимность между двумя и болѣе предметами, при чемъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ на другіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ испытываетъ такое же дѣйствіе со стороны другихъ: я *бью* собаку || я *бью* себя || мы *бьемъ* себя (=бьемъ другъ друга). Соотвѣтственно этому дѣйствительные глаголы являются: 1) объективными, 2) возвратными и 3) взаимными. Относительно первой изъ этихъ категорій сказано нами уже достаточно; слѣдуетъ только прибавить, что при такихъ глаголахъ, смотря по обстоятельствамъ, объектъ можетъ называться и не называться.[1]) Вторая и третья категоріи въ русскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ перешли въ отдѣлъ *непереходныхъ* глаголовъ. Благодаря этому, всѣ непереходные глаголы можно теперь раздѣлить на три категоріи: 1) собственно или первично-средніе (*иду*), 2) возвратно-средніе (*бьюсь* объ стѣну) и 3) взаимно-средніе (*бьемся* на шпагахъ).

Оставляя въ сторонѣ средніе глаголы первой категоріи (первично-средніе), такъ какъ мы говорили объ нихъ въ началѣ отдѣла о залогахъ, обратимся теперь къ выясненію развитія глаголовъ второй категоріи — *возвратно-среднихъ*. Мы уже упомянули, что они нѣкогда принадлежали къ дѣйствительному залогу (напр. я мою себя), но со временемъ возвратное мѣстоименіе срослось съ глагольною формою и первоначальная прозрачность состава утратилась. Въ этомъ случаѣ произошло уже *опрощеніе*, только при существованіи котораго прибавка *-ся* и могла испытать такое сильное измѣненіе, превратившись при извѣстномъ фонетическомъ условіи

---

[1]) Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ грамматикамъ дѣйствительный залогъ подраздѣлить на опредѣленный и неопредѣленный. Намъ это подраздѣленіе кажется лишнимъ, такъ какъ оно касается не различной природы дѣйствій, а только случайнаго объема нашей мысли, когда для нея не требуется указаніе объекта; но разъ при такихъ глаголахъ потребуется назвать объектъ, то послѣдній будетъ выраженъ посредствомъ Вин. пад.

въ *-с'* и даже *-с* (напр. мо́ jу с' или мо́ jу с). Въ этомъ случаѣ возвратность значенія можетъ еще чувствоваться по соотношенію съ однородною дѣйствительною формою, отъ которой происходитъ возвратная (мою<моюсь). Большая степень обособленности получается, когда значеніе глагола на *-ся* разошлось съ соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ, напр. „онъ плачетъ и *убивается*“. [1]) Такъ какъ возвратные глаголы на *-ся* || *-сь* естественно уже не могутъ сочетаться съ Винительн. падежомъ, то и будутъ переходить по смыслу въ категорію непереходныхъ или среднихъ глаголовъ. [2])

Такъ какъ глаголы на *-ся* въ русскомъ языкѣ перешли въ категорію глаголовъ состоянія, то, благодаря этому обстоятельству, въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ типъ особыхъ безличныхъ оборотовъ, напр. *мнѣ думается*, рядомъ съ соотвѣтствующими личными, напр. *я думаю*; разница между приведенными выраженіями по значенію та, что личное выраженіе показываетъ, что самъ субъектъ проявляетъ данный умственный процессъ, тогда какъ безличное выраженіе констатируетъ лишь присутствіе даннаго психическаго состоянія у извѣстнаго лица; поэтому личное выраженіе имѣетъ болѣе

---

[1]) Въ случаѣ примѣненія средне-возвратныхъ формъ для выраженія страдательнаго залога, такого измѣненія смысла не можетъ наблюдаться, такъ какъ страдательный залогъ является всегда дополнительнымъ къ своему дѣйствительному и значеніе его должно гармонировать съ дѣйствительнымъ, срв. лошадь плетется (средне-возвр. залогъ) || кружево плетется (страд. зал.). Ясно также, что такіе глаголы, какъ *каяться*, не могутъ имѣть страд. значенія, такъ какъ нѣтъ того дѣйствит. глагола, къ которому могло бы быть составлено страдательное или обратное выраженіе.

[2]) Примѣненіе возвратнаго мѣстоименія *ся* для средне-возвратнаго значенія имѣетъ мѣсто только въ балтійско-славянскихъ языкахъ. Во франц. и нѣмецкомъ употребляются мѣстоименія соотвѣтствующаго лица, напр. франц. je *me* tiens, нѣм. ich halte *mich*. Многимъ средне-возвратнымъ глаголамъ русскаго языка соотвѣтствуютъ въ другихъ языкахъ простые среднie, напр. во франц.: уменьшаться — diminuer, возвращаться = retourner, оставаться—rester и пр. Здѣсь мы имѣемъ наглядное подтвержденіе того, что глаголы на *-ся* принадлежатъ по смыслу къ категоріи средняго залога.

рѣшительный характеръ, а безличное является болѣе смягченнымъ, болѣе слабымъ. Подобная же разница между выраженіями: *я хочу* || *мнѣ хочется*; срв. далѣе *я не пишу* || *мнѣ не пишется* и проч., даже въ среднихъ глаголахъ, напр. *я не сплю* || *мнѣ не спится*.

Но есть небольшое число такихъ средне-возвратныхъ глаголовъ на *-ся*, у которыхъ родственная дѣйствительная форма вышла изъ употребленія (напр. каяться, смѣяться), вслѣдствіе чего въ нихъ утратилось основаніе для поддержанія значенія возвратности. Это—уже вполнѣ обособившіеся или изолировавшіеся средне-возвратные глаголы. Для глагола „каяться“ дѣйствительная форма „каять“ извѣстна изъ памятниковъ древне-русскаго языка въ значеніи „бранить, порицать“ по XIII вѣкъ, въ болѣе спеціальномъ значеніи „исповѣдывать“ еще и въ памятникахъ XVI вѣка, а въ поговоркахъ и до сихъ поръ въ обоихъ значеніяхъ; напр.: „стараго не бьютъ, мертваго не каютъ“, „не наше дѣло попа каять: на то есть другой попъ“. Такіе глаголы, какъ „каяться“, въ грамматикахъ называются общимъ залогомъ—безъ всякаго основанія.

Переходимъ къ послѣдней группѣ непереходныхъ глаголовъ—*взаимно-среднихъ*. Они, какъ и возвратные, образуются отъ дѣйствительныхъ, но въ нихъ *-ся* имѣетъ значеніе „другъ друга“, напр. мы боремся=мы боремъ другъ друга. Подобно возвратнымъ, и эти глаголы уже подверглись опрощенію, почему и могутъ быть названы взаимно-средними. Въ связи съ спеціальнымъ значеніемъ прибавки *-ся*, эти глаголы представляютъ нѣкоторое несоотвѣтствіе по значенію между единственнымъ и множественнымъ числомъ: если во множ. числѣ *-ся* легко понимается въ смыслѣ другъ друга, то нельзя того же сказать про един. число, напр. „я борюсь“. Естественно предположить, что сначала формы взаимнаго залога возникли во множественномъ числѣ (мы боремся...), а послѣ

образовалось и единственное число по аналогіи къ другимъ глаголамъ (напр. моемся : моюсь = боремся : x; x = борюсь). [1])

Такъ какъ взаимный залогъ образуется совершенно сходно съ возвратнымъ, то и въ немъ мы встрѣчаемъ тѣ же градаціи, какъ и въ средне-возвратномъ; и здѣсь глаголы на *-ся* могутъ имѣть свою дѣйствительную форму (бью<бьюсь), могутъ разойтись по значенію съ послѣдней (деру || дерусь) и наконецъ соотвѣтствующая дѣйствительная форма можетъ быть утрачена (борюсь). [2])

II. **Видъ.** Говоря о залогахъ, мы видѣли, что дѣленіе глаголовъ на переходные и непереходные первоначально опирается на различіе природы или характера самыхъ дѣйствій. Что касается видовъ, то они обозначаютъ различные оттѣнки отдѣльныхъ дѣйствій (какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ), главнымъ образомъ ихъ совершаемость или исполненность. Школьная грамматика обыкновенно насчитываетъ четыре вида въ глаголахъ—*совершенный*, *несовершенный*, *однократный* и *многократный*; однако эти виды нельзя признать равноправными, такъ какъ два послѣдніе являются лишь частными случаями первыхъ. Основными видами глагола нужно признать несовершенный и совершенный соотвѣтственно тому, что мы можемъ каждое глагольное дѣйствіе представлять себѣ двояко: какъ совершающееся и какъ исполненное. Точнѣе было бы назвать и самые виды глагола совершающимся и исполненнымъ, вмѣсто обычныхъ недостаточно точныхъ тер-

---

[1]) Для иллюстраціи возникновенія подобныхъ новообразованій, приведемъ еще извѣстный разсказъ о томъ, какъ ученикъ пишетъ роднымъ, чтобы они его взяли на каникулы: «всѣ мои товарищи разъѣхались, позвольте и *мнѣ разъѣхаться*».

[2]) Во франц. и нѣм. взаимный залогъ образуется одинаково съ возвратнымъ; но въ этомъ случаѣ личное мѣстоименіе имѣетъ значеніе взаимное, напр. франц. je *me* bats, nous *nous* battons; нѣм. ich schlage *mich*, wir schlagen *uns*. Въ этихъ языкахъ взаимный залогъ, какъ и возвратный, является частнымъ случаемъ дѣйствительнаго.

миновъ „несовершенный“ и „совершенный“. Тотъ и другой видъ глаголовъ не одинаково богаты временами: совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ по отношенію ко всѣмъ тремъ временамъ (несу—несъ—буду нести) [1]), а дѣйствіе исполненное только къ двумъ—прошедшему и будущему (принесъ—принесу). Такимъ образомъ, только совершающееся дѣйствіе обладаетъ настоящимъ временемъ, которое поэтому является его типичною принадлежностью, два же другихъ времени свойственны тому и другому виду. Такимъ образомъ оттѣнки видовъ въ глагольныхъ формахъ выражаются совмѣстно съ категоріею времени; но если бы мы захотѣли представить себѣ оттѣнки совершаемости и исполненности дѣйствія независимо отъ этой категоріи, то должны обратиться къ повелительному и неопредѣленному наклоненіямъ, такъ какъ они не имѣютъ сами по себѣ различія временъ (срв. пиши || напиши, писать || написать).

Обратимся теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію глаголовъ того и другаго вида.

А. Глаголы совершающагося дѣйствія.

Совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ или конкретно, какъ наличное или происходящее на глазахъ (*летѣть*, напр. „птица летитъ“), или же абстрактно, какъ обычное для субъекта или свойственное ему (*летать*, напр. „птица летаетъ“). Такимъ образомъ въ глаголахъ совершающагося дѣйствія мы будемъ различать два оттѣнка значенія—конкретный и абстрактный, назвавъ ихъ *значеніемъ первымъ* (напр. летѣть) и *вторымъ* (напр. летать). Эта разница двухъ оттѣнковъ значенія въ глаголахъ совершающагося дѣйствія имѣетъ мѣсто какъ въ простыхъ глаголахъ не сложенныхъ съ предлогомъ (безпредложныхъ), такъ и въ глаголахъ сло-

[1]) Будущее время глаголовъ несовершеннаго вида въ русскомъ языкѣ выражается съ помощью будущаго времени глагола *быть* и неопред. наклоненія даннаго языка.

женныхъ съ предлогомъ (предложныхъ). Такъ какъ послѣдніе при этомъ представляютъ нѣкоторыя особенности по сравненію съ первыми, то мы разсмотримъ передачу того и другаго значенія (т. е. перваго и втораго) сначала въ глаголахъ безпредложныхъ, а затѣмъ въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогомъ.

1. **Глаголы безпредложные.** Сравнимъ выраженія „птица *летитъ*“ и „птица *летаетъ*“; оба выраженія содержатъ глаголъ несовершеннаго вида, но въ первомъ случаѣ обозначается дѣйствіе какъ бы совершающееся передъ глазами, тогда какъ во второмъ случаѣ дѣйствіе можетъ мыслиться какъ обычное свойство субъекта и тогда оно даже не представляется совершающимся въ данный моментъ. Указанныя два смысловыя различія мы и обозначаемъ какъ *значеніе первое* и *второе*. Только немногія глаголы имѣютъ различную форму въ первомъ и второмъ значеніи; бо́льшая часть глаголовъ имѣетъ одну и ту же форму для обоихъ значеній, напр. „учу“ = 1) теперь учу, 2) вообще учу, т. е. ученіе составляетъ мое обыкновенное занятіе. Глаголы втораго значенія, имѣющіе особую форму, какъ напр. „летать“, могутъ примѣняться не только для обозначенія свойства субъекта, но также и для обозначенія наличныхъ дѣйствій; въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ особый оттѣнокъ значенія, который легко уловить, если сравнимъ напр. выраженія: „птица *летитъ* надъ садомъ“ (=теперь летитъ по опредѣленному направленію и со свойственною продолжительностью дѣйствія) || „птица *летаетъ* надъ садомъ“ (=теперь летаетъ по разнымъ направленіямъ, откуда происходитъ оттѣнокъ большей продолжительности). Возьмемъ еще примѣръ: въ выраженіи „кто вамъ несетъ (теперь на глазахъ) молоко?“—значеніе глагола конкретное простой длительности, въ выраженіи же „кто вамъ *носитъ* (обыкновенно) молоко?“—значеніе обычности, т. е. абстрактное; послѣдняя форма можетъ быть упо-

треблена и въ случаѣ наличности дѣйствія съ оттѣнкомъ неопредѣленности направленія и большей длительности, напр. въ выраженіи: „мать *носитъ* ребенка по комнатѣ“. Въ извѣстной баснѣ Крылова выраженіе „по улицамъ Слона *водили*“ принадлежитъ по смыслу къ послѣднему случаю. [1])

Что касается разныхъ способовъ, существующихъ въ русскомъ языкѣ для выраженія перваго и втораго значенія въ простыхъ глаголахъ, то такихъ способовъ три: чаще всего оба значенія передаются одною и тою же глагольною формою, различаясь по контексту рѣчи (напр. *красить*, *учить*); въ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ случаяхъ эти значенія выражаются глаголами одного и того же корня, но разнаго суффиксальнаго образованія иногда въ соединеніи съ различіемъ корневаго гласнаго (нести || носить; летѣть || летать), и, наконецъ, очень рѣдко—глаголами разнаго корня (идти || ходить). Упомянутое чередованіе корневаго гласнаго при производствѣ отъ глагола перваго значенія глагола со вторымъ значеніемъ называютъ подъемомъ [2]).

2. **Глаголы предложные** несовершеннаго вида, какъ было упомянуто, имѣютъ тоже два значенія, первое и второе, при чемъ разница съ значеніемъ соотвѣтствующихъ простыхъ глаголовъ только та, что предложный глаголъ выражаетъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ еще и направленіе указываемое предлогомъ.

---

[1]) Въ области втораго значенія нужно еще отмѣтить особый оттѣнокъ «умѣть или мочь что-либо дѣлать», напр. мальчикъ читаетъ (т. е. умѣетъ или можетъ читать, грамотенъ).

[2]) Въ примѣрѣ *летѣть* || *летать* хотя и имѣется одинаковый гласный, но, судя по старо-славянск. ЛЕТѢТИ || ЛѢТАТИ, и тутъ былъ подъемъ; подобный же подъемъ встрѣчаемъ также въ сосѣднемъ съ русскимъ языкомъ литовскомъ языкѣ, напр. metù || mẽtau; особенность въ литовскомъ та, что неопр. накл. втораго глагола оканчивается на -yti (=ст.-сл. -ИТИ), а не на -oti (=ст.-сл. -АТИ), т. е. metù—mèsti, mẽtau – mẽtyti. Въ нѣкот. случаяхъ подъемъ сохранился въ русскомъ языкѣ только при соединеніи съ префиксами (напр. тру || затираю и пр.).

(префиксомъ). Что касается внѣшней или формальной стороны предложныхъ глаголовъ несовершеннаго вида, которая служитъ для передачи значеній перваго и втораго, то оказывается неодинаковость въ зависимости отъ того, какъ обозначаются эти значенія (1-ое и 2-ое) въ соотвѣтствующихъ безпредложныхъ глаголахъ: двумя ли глаголами (напр. несу—ношу), или же однимъ (напр. крашу). Въ томъ случаѣ, когда первое и второе значеніе передаются двумя формами простаго глагола (нести—носить), предлогъ прибавляется къ глаголу втораго значенія и полученная предложная форма несовершеннаго вида совмѣщаетъ въ себѣ уже два значенія—первое и второе, напр. носить<выноси́ть (простой глаголъ „носить“ служитъ только для втораго значенія, а предложный глаголъ „выноси́ть“ употребляется и въ первомъ и во второмъ значеніи, какъ напр. въ выраженіи „кто *выноситъ* молоко?“ въ смыслѣ—теперь, или же обычно); если же присоединить префиксъ къ простому глаголу перваго значенія, то, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такой предложный глаголъ будетъ уже принадлежать къ совершенному виду (напр. нести<принести).

Примѣчаніе. Есть впрочемъ случаи, когда и безпредложный глаголъ несовершеннаго вида втораго значенія (т. е. напр. *носить*), получивъ новый смыслъ, отсутствующій въ соотвѣтствующемъ глаголѣ перваго значенія (напр. *нести*), при этомъ послѣднемъ смыслѣ употребляется уже въ обоихъ значеніяхъ первомъ и второмъ; напр. глаголъ *носить* кромѣ обычнаго смысла можетъ имѣть, въ отношеніи къ предметамъ одежды, еще новый смыслъ —«быть одѣтымъ во что-либо» (напр. въ выраженіи «ношу платье»), и въ этомъ послѣднемъ случаѣ глаголъ «носить» употребляется уже какъ въ первомъ, такъ и во второмъ значеніи. Если къ такому глаголу съ измѣненнымъ смысломъ присоединится префиксъ, то глаголъ можетъ перейти въ совершенный видъ. Напр. сравни пары выраженій: заносить кому-либо книгу (несоверш.) || заносить платье (въ особомъ знач. «много надѣвать, затаскать»—соверш.); вывозить (несоверш.) || вывозить (соверш.). Срв. далѣе отъ глагола летать: «слетать» съ чего-либо (несов.) || слетать=сбѣгать (соверш.). Если глаголъ съ измѣненнымъ значеніемъ по присоединеніи префикса перешелъ въ совершенный видъ, то несовершенный видъ при томъ же префиксѣ получается уже путемъ производства отъ даннаго глагола новаго глагола (напр. *занáшивать*, *разнáшивать* платье), о чемъ будетъ сказано ниже.

Если же въ простомъ глаголѣ несовершеннаго вида первое и второе значеніе выражены одною и тою же формою, то присоединеніе предлога къ такому глаголу переводитъ его въ категорію совершеннаго вида (напр. крашу<раскрашу); чтобы получить въ этомъ случаѣ предложный глаголъ несовершеннаго вида (въ обоихъ значеніяхъ), то данный глаголъ распространяется новымъ суффиксомъ, такъ что оканчивается въ 1 ед. наст. на *-аю* при неопр. на *-ать* (напр. теку—вытеку< вытекаю, тру<растираю, лью<разливаю), или на *'-ываю '-иваю* (сосу<высасываю, курю<выкуриваю) [1]). При этомъ производствѣ новаго глагола мы встрѣчаемъ уже раньше упоминавшуюся перемѣну нѣкоторыхъ корневыхъ гласныхъ (сосу<высасываю, тру растираю), извѣстную подъ именемъ подъема, хотя —надо замѣтить—въ русскомъ языкѣ случаи подъема при этомъ рѣже по сравненію со старо-славянскимъ, срв. напр. рус. могу<помогаю=ст.-слав. могѫ<помагаѭ и др. [2]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ безпредложный глаголъ вышелъ изъ употребленія, такъ что остались только предложныя обозначенія разсматриваемаго типа, напр. „*обуваю*“ и „*разуваю*“; въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ предложные глаголы разошлись по значенію со своими простыми и чрезъ то обособились, напр. кажу<*сказываю*, пасу<*спасаю*.

Что касается значенія разсматриваемыхъ предложныхъ отглагольныхъ глаголовъ совершающагося дѣйствія на *-аю* и *'-ываю* (*'-иваю*), то въ нихъ можно установить нѣсколько различій по оттѣнку значенія:

---

[1]) Сюда же подойдутъ по образованію и случаи несовершеннаго вида предложныхъ глаголовъ съ измѣненнымъ смысломъ, о которыхъ было сказано выше.

[2]) Аналогичные примѣры видовыхъ отношеній въ польскомъ языкѣ, какъ напр. skoszyć—skakać—wyskakiwać, brać—wybrać—wybierać, слѣдуютъ въ отношеніи удареній общему правилу польскаго ударенія.

а) случаи, гдѣ префиксъ придаетъ глаголу оттѣнокъ направленія, напр. *от*дирать, *пере*крашивать;

б) случаи, гдѣ префиксъ не выражаетъ направленія, при чемъ 1) значеніе глагола оказывается измѣненнымъ, напр. занашивать (въ смыслѣ—затаскивать) платье, 2) значеніе глагола не измѣнено, а префиксъ указываетъ, что дѣйствіе начинается или заканчивается, напр. *за*пѣвать, *про*читывать (начинательность обычно выражается префиксомъ *за*, а заканчиваемость не имѣетъ для своего выраженія одного постояннаго префикса), 3) префиксъ можетъ придавать оттѣнокъ уменьшительности или ласкательности, напр. *по*хаживать, *по*глядывать (для этого оттѣнка значенія префиксъ *по* является обычнымъ, показывая, что дѣйствіе совершается небольшими частями, по-немногу), и нѣкоторые другіе оттѣнки.

Нужно еще замѣтить, что разсматриваемые отглагольные глаголы на *-а́ть* и *-'ывать* (*'-ивать*) встрѣчаются иногда и безъ префиксовъ, но въ этомъ случаѣ они принимаютъ особый оттѣнокъ значенія, употребляясь въ разсказѣ о прошломъ въ смыслѣ прошедшаго обыкновенія (напр. *ѣда́лъ*= случалось ѣсть, *на́шивалъ*=бывало носилъ); [1]) въ связи съ этою особенностью значенія они уже не употребляются въ настоящ. времени. Примѣры изъ писателей: „не то на серебрѣ, на золотѣ *ѣдалъ*“ (Грибоѣдовъ); „что бы ни понадобилось, обыкновенно *говаривали*: надо спросить у Натальи Савишны“ (Гр. Л. Н. Толстой). Глаголы эти употребляются еще въ формѣ неопредѣл. наклон. въ безличныхъ отрицательныхъ выраженіяхъ, напр. (въ пѣснѣ): „ужъ какъ мнѣ по этимъ сѣничкамъ *не хаживати*, родну матушку за рученьку *не важивати*“, и т. п.

---

[1]) Эти глаголы въ грамматикахъ принято выдѣлять въ особую категорію многократнаго вида; однако разсматривать ихъ какъ особый самостоятельный видъ нѣтъ основанія, да и самый терминъ «многократность» не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію этихъ глаголовъ.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія глаголовъ совершающагося дѣйствія упомянемъ, что всѣ они могутъ быть подраздѣлены на два класса—*непрерывныхъ* (напр. несу, плыву) и *кратныхъ*, представляющихъ какъ бы рядъ моментовъ (напр. трясу, махаю), дѣленіе это является важнымъ по отношенію къ способу образованія совершеннаго вида отъ глаголовъ той и другой категоріи, о чемъ будетъ говориться въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Б. Глаголы исполненнаго (совершеннаго) дѣйствія.

Мы уже видѣли, что исполненность дѣйствія выражается чаще всего помощью присоединенія префикса къ простому глаголу (нести<принести), иногда же простымъ глаголомъ того же корня, но другаго образованія (напр. бросать—бросить), или наконецъ глаголомъ другаго корня (брать—взять).

Прежде всего постараемся объяснить, какимъ образомъ прибавленіе префикса вызываетъ измѣненіе вида и даже производитъ перемѣну времени, переводя настоящее время въ будущее (напр. клалъ—наклалъ, кладу—накладу). Естественно предположить, что первоначально присоединеніе предлога къ простому глаголу не обусловливало совершеннаго вида, но выражало то же дѣйствіе совершающимся въ направленіи и въ границахъ, опредѣляемыхъ предлогомъ. Благодаря этой опредѣленности, дѣйствіе съ теченіемъ времени стало представляться въ своемъ результатѣ, т. е.: въ формѣ прошедшаго времени (напр. наклалъ) не какъ совершавшееся, но какъ совершившееся, а въ формѣ настоящаго времени (напр. накладу) не какъ совершающееся, но какъ такое, которое совершится въ направленіи, опредѣленномъ предлогомъ. Въ томъ случаѣ, когда несовершенный видъ въ простомъ глаголѣ для своего перваго и втораго значенія имѣютъ разныя образованія, напр. несу—ношу, то указанное измѣненіе вида и

времени вслѣдствіе присоединенія префикса, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто только при глаголѣ перваго значенія, напр. несу<принесу, вторая же форма (ношу) въ случаѣ соединенія съ предлогомъ (напр. приношу) осталась для выраженія совершающагося дѣйствія, при чемъ расширилась въ своемъ примѣненіи, служа не только для втораго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявъ на себя и первое значеніе. Въ томъ же случаѣ, когда для перваго и втораго значенія простой глаголъ несовершеннаго вида имѣетъ одну лишь форму (напр. крашу), и она въ соединеніи съ префиксомъ перешла въ значеніе вида совершеннаго (напр. крашу<перекрашу), то для восполненія предложной формы вида несовершеннаго, языкъ воспользовался дальнѣйшимъ производствомъ отъ даннаго глагола, напр. перекрашиваю. [1])

Предложные глаголы совершеннаго вида представляютъ два частныхъ случая въ своемъ значеніи: а) глаголъ обозначаетъ *исполненное дѣйствіе + оттѣнокъ направленія*, указываемый предлогами, напр.: *вы*рвалъ зубъ, *сор*валъ цвѣтокъ, *ото*рвалъ пуговицу и т. п., и б) глаголъ обозначаетъ просто *исполненное дѣйствіе безъ оттѣнка направленія*, напр. „вымазалъ“. Одинъ и тотъ же простой глаголъ, соединяясь съ разными префиксами, вступаетъ въ ту или же другую изъ этихъ категорій, напр. рядомъ съ глаголами—„накрасилъ“, „перекрасилъ“ и т. п., выражающими кромѣ исполненности дѣйствія еще и направленіе, имѣется глаголъ „вы́красилъ“, который означаетъ просто совершен-

[1]) Отголосокъ или пережитокъ той эпохи, когда предложный глаголъ не пріобрѣлъ еще въ формѣ настоящаго времени значенія будущаго, мы встрѣчаемъ и въ современномъ языкѣ (обыкновенно при нарѣчіи *какъ*) для оттѣнка неожиданности при изображеніи прошедшихъ событій, напр. «*какъ закричитъ* онъ, такъ всѣ и побѣжали отъ него». Особенно часты эти случаи въ нашихъ былинахъ. Переходъ въ предложныхъ глаголахъ значенія настоящаго времени въ будущее мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, напр. мꙑѭ (наст. вр.) ‖ оумꙑѭ (буд. вр.)

ность дѣйствія. Второй изъ этихъ типовъ совершеннаго вида распадается на два случая: когда глаголъ выражаетъ, что *дѣйствіе начато* (напр. *за*пѣлъ), и когда выражаетъ, что оно *исполнено* или *окончено*, напр. *с*пѣлъ или *про*пѣлъ.

Глаголы совершеннаго вида окончательные болѣе разнообразны по префиксамъ, напр. *вс*потѣлъ, *вы*красилъ, *на*поилъ, *о*стригъ, *по*цѣловалъ, *про*читалъ, *с*пряталъ. Надо думать, что и въ этихъ случаяхъ префиксъ первоначально придавалъ свой оттѣнокъ направленія дѣйствію, съ теченіемъ же времени этотъ оттѣнокъ утратился вслѣдствіе того, что при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ одно изъ направленій могло быть наиболѣе обычнымъ, такъ что глаголъ употреблялся чаще всего съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, оттѣнокъ направленія стирался, что и переводило глаголъ въ категорію просто совершеннаго вида безъ оттѣнка направленія. Нерѣдко для одного и того же простаго глагола при одномъ и томъ же его значеніи видъ совершенный безъ оттѣнка направленія можетъ быть выраженъ помощью двухъ или болѣе предлоговъ, напр. строилъ<выстроилъ, построилъ. [1]) Если простой глаголъ имѣетъ не одно значеніе, то совершенный видъ выражается или посредствомъ одного и того же префикса, или же посредствомъ разныхъ префиксовъ (валялъ<*вывалялъ* т. е. „запачкалъ“ напр. платье, *сваляль* напр. сапоги).

Что касается глаголовъ совершеннаго вида начинательныхъ, то обыкновенно они образуются помощью префиксовъ *за* или *по*, смотря по характеру дѣйствій, напр. *за* при глаголахъ рѣчи, пѣнія и т. п. (запѣлъ, засвисталъ, закричалъ и др.), *по* — при глаголахъ движенія (пошелъ, поѣхалъ, поплылъ и др.). [2])

---

[1]) Иногда выборъ того или другаго префикса обусловливается говоромъ; напр. обычно въ литературномъ языкѣ говорится «*поставить* самоваръ», но у Тургенева встрѣчаемъ—«*наставить* самоваръ».

[2]) Языки, не выработавшіе въ префиксѣ оттѣнка начинательности, пользуются описательными выраженіями, напр. въ нѣм. присоединеніемъ

Кромѣ того развился цѣлый рядъ другихъ оттѣнковъ, напр. *уменьшительности* и *ласкательности* (поиграть, попѣть; въ нѣм. передается посредствомъ ein wenig, напр. spiele ein wenig=поиграй), оттѣнокъ *удовлетворенности дѣйствіемъ* (наговориться, наиграться), *увлеченія дѣйствіемъ* (заговориться). Присоединеніе того или другаго префикса для выраженія совершеннаго вида можетъ стать предметомъ болѣе спеціальнаго изученія.

Какъ мы уже говорили, различіе вида несовершеннаго и совершеннаго въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ достигается различіемъ суффиксовъ, при чемъ оба глагола могутъ быть **безпредложными**, напр. броса*ть*—броси*ть*, пуска*ть*—пусти*ть*, садиться—сѣсть и т. д. Отношеніе вида совершеннаго къ несовершенному въ этихъ глаголахъ можно сопоставить съ тѣмъ случаемъ предложныхъ глаголовъ, когда въ послѣднихъ присоединеніе предлога придаетъ только совершенность и не выражаетъ оттѣнка направленія, т. е.

бросалъ : бросилъ=красилъ : выкрасилъ.

Въ разсматриваемыхъ глаголахъ (т. е. такихъ, какъ „бросить“, „пустить“, „сѣсть“) настоящее время также получило значеніе будущаго. [1]) Если къ этимъ глаголамъ присоединить предлогъ, то чрезъ это прибавится только оттѣнокъ направленія, видовая же категорія останется та же, напр. сѣлъ<присѣлъ.

Примѣрами того случая, когда глаголы несовершеннаго и совершеннаго вида происходятъ отъ разныхъ корней,

---

глаголовъ anfangen или beginnen (напр. онъ заплакалъ=er fing an zu weinen), во франц.—commencer à.

[1]) Измѣненіе значенія настоящаго времени безпредложнаго глагола въ будущее не чуждо въ отдѣльныхъ примѣрахъ и нѣкоторымъ другимъ аріо-европейскимъ языкамъ; срв. въ *греч.* εἶμι, πίομαι и др., *нѣм.* wir *kommen* gleich—«мы сейчасъ придемъ».

могутъ служить: бралъ—взялъ, клалъ—положилъ, говорилъ—сказалъ.

Отъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ совершеннаго вида нужно отличать случай *однократности*, являющійся при нѣкоторыхъ глаголахъ. Дѣло въ томъ, что дѣйствія (какъ переходныя, такъ и непереходныя) представляютъ собою два класса—непрерывныя (напр. несу, плыву) и кратныя, представляющія какъ бы рядъ моментовъ (напр. качать, махать). Глаголы, обозначающіе какъ тѣ, такъ и другія дѣйствія, образуютъ обыкновенный совершенный видъ помощью префиксовъ (поплылъ, замахалъ), но вторые глаголы сверхъ того иногда могутъ образовывать безпредложный совершенный видъ съ помощью суффикса *н* || *ну* (дернетъ, дернулъ; махнетъ, махнулъ), при чемъ эти глаголы на *-нуть* служатъ для обозначенія одного момента такого кратнаго дѣйствія, почему и называются однократными. Присоединеніе префикса къ однократному глаголу не измѣняетъ вида, а только придаетъ оттѣнокъ направленія, какъ это вообще бываетъ въ случаѣ безпредложныхъ глаголовъ совершеннаго вида, т. е.

бросилъ : перебросилъ=кинулъ : перекинулъ.

Примѣчаніе. Двумъ основнымъ видамъ русскаго глагола въ другихъ языкахъ нерѣдко соотвѣтствуютъ различія временъ, именно—прошедшихъ и частію будущаго. Такъ напр. въ греческомъ языкѣ русскому несовершенному виду прошедшаго времени соотвѣтствуетъ imperfectum, а совершенному—аористъ и перфектъ. Въ лат. языкѣ для прошедшаго несоверш. служитъ imperfectum, а для соверш.—перфектъ, въ которомъ смѣшались времена, соотвѣтствующія греческому аористу и перфекту. Франц. языкъ, подобно другимъ романскимъ образовавшійся изъ латинскаго, унаслѣдовалъ отъ послѣдняго различіе дѣйствій совершающагося и исполненнаго (imparfait и passé défini). Кромѣ того франц. яз. представляетъ еще новое образованіе прошедшаго времени—passé indéfini, соотвѣтствующее по смыслу греч. перфекту. Нѣмецкій яз. почти не различаетъ вида несовершеннаго и совершеннаго,[1]) и изъ имѣющихся въ этомъ языкѣ двухъ

[1]) Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ нѣмецкомъ получается совершенный видъ чрезъ прибавленіе префикса къ простому глаголу; таковъ префиксъ *er-*, когда означаетъ законченность дѣйствія, напр. bauen «строить» || erbauen «выстроить».

прошедшихъ одно (imperf.) примѣняется въ историческомъ разсказѣ, соотвѣтствуя греческимъ временамъ — imperf. и аористу, а другое (perf.) соотвѣтствуетъ греч. перфекту. Такимъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ только въ послѣднемъ случаѣ обозначена въ глагольной формѣ совершенность дѣйствія, въ первомъ же случаѣ форма не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній на видъ дѣйствія, такъ что послѣдній только подразумѣвается изъ смысла рѣчи.[1] Поэтому нѣмцу, въ родномъ языкѣ котораго почти нѣтъ особыхъ глагольныхъ формъ для отличія видовъ дѣйствія совершающагося и исполненнаго, труднѣе овладѣть русскимъ глаголомъ, нежели французу.[2] Вообще же можно замѣтить, что какъ русскій языкъ компенсируетъ недостатокъ нѣкоторыхъ формъ времени путемъ видовъ, такъ въ другихъ языкахъ, наоборотъ, недостаточность видовыхъ глагольныхъ образованій восполняется развитіемъ формъ времени.

III. Разсмотрѣвъ съ достаточною подробностью наиболѣе трудныя семазіологическія категоріи въ глаголѣ, каковыми являются залоги и виды, мы скажемъ теперь въ краткихъ словахъ о прочихъ категоріяхъ измѣненій глагола, т. е. о *наклоненіи*, *времени*, *числѣ* и *лицѣ*. Различіе наклоненій основывается на томъ, является ли представленіе дѣйствія (какого бы залога и вида ни былъ глаголъ) только умственнымъ актомъ, или же къ этому акту присоединяется моментъ желательно-волеваго побужденія и повелѣнія. Въ первомъ случаѣ употребляются формы глагола, служащія для обозначенія дѣйствія какъ факта и именуемыя *изъявительнымъ* наклоненіемъ (напр. читаю, я читалъ и проч.); во второмъ случаѣ употребляется форма прошедшаго времени съ присоединеніемъ частицы *бы*, т. е. такъ наз. *сослагательное* наклоненіе (напр. „почиталъ бы я!“, „почиталъ бы ты!“) и, наконецъ, въ послѣд-

---

[1]) Подобно нѣмецкому и англійскій имѣетъ такія же два прошедшихъ времени, срв. *imperf.*—нѣм. ich gab ‖ англ. I gave, *perf.*—нѣм. ich habe gegeben ‖ англ. I have given. Но англійскій кромѣ того широко развилъ описательныя выраженія, соотвѣтствующія семазіологическому отличію типа «летѣть» отъ «летать» (срв. I am giving ‖ I give).

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ ошибокъ изъ русской рѣчи нѣмца относительно видовъ русскаго глагола: «это надо читать» (вм. прочитать), «завтра я буду отыграться» (вм. отыграюсь), «какъ вамъ нравился (вм. понравился) спектакль?».

немъ случаѣ—особая форма *повелительнаго* наклоненія (напр. бери!). [1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ семазіологическое сродство между сослагательнымъ и повелительнымъ наклоненіями; разница же между ними заключается въ томъ, что сослагательное наклоненіе можетъ имѣть смыслъ какъ субъективный (напр. „поигралъ бы я!“), такъ и объективный (напр. „поигралъ бы ты!“), повелительное же наклоненіе имѣетъ по преимуществу объективный оттѣнокъ значенія, почему и не имѣетъ обычно формы перваго лица. Въ связи съ указаннымъ выше семазіологическимъ отличіемъ изъявительнаго наклоненія отъ наклоненій сослагательнаго и желательнаго находится еще то, что только въ изъявительномъ наклоненіи глаголъ измѣняется по временамъ, тогда какъ другія наклоненія не соединены сами по себѣ съ значеніемъ того или другаго времени. Въ изъявительномъ наклоненіи различаются

---

[1]) Говоря о наклоненіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду употребленіе ихъ только въ главныхъ предложеніяхъ, оставляя въ сторонѣ придаточныя, въ которыхъ наклоненія могутъ получать другіе оттѣнки значенія. Что касается такъ наз. *неопредѣленнаго наклоненія*, то оно не принадлежитъ къ наклоненіямъ, а представляетъ собою «общую» глагольную форму и стоитъ особнякомъ, т. е. составляетъ самостоятельную категорію. По происхожденію своему оно представляетъ падежную форму имени, и иные склонны считать въ силу этого неопредѣленное наклоненіе существительнымъ и для современнаго русскаго языка; однакожъ ясно, что явленія современнаго языка нельзя опредѣлять мѣркою прошлаго. Сравнивая выраженія: я люблю *пѣть* ‖ я люблю *пѣніе*, легко замѣтитъ, что въ первомъ случаѣ предполагается, что я самъ люблю пѣть, тогда какъ во второмъ случаѣ нѣтъ этого оттѣнка лица. Выраженіе: ты любишь *пѣть* = указываетъ на второе лицо (т. е. какъ бы: ты любишь ты пѣть). И въ случаѣ объективнаго значенія неопредѣленному наклоненію присущъ оттѣнокъ лица (срв. я велю *вамъ* читать). Глагольность неопред. наклоненія, этой общей формы глагола, подтверждается также тѣмъ, что оно распространяется тѣми же падежными формами, какъ и соотвѣтствующій личный глаголъ (срв. читаю *книгу* ‖ читать *книгу*, но: чтеніе *книги*).—Наше *повелительное* наклоненіе, какъ видно изъ сравненія съ греч., произошло изъ желательнаго, срв. бери = φέροις (отголосокъ прежняго значенія можно видѣть въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*приди* онъ ко мнѣ, я помогъ бы ему»).

времена дѣйствій *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*. Мы уже знаемъ, что настоящее время служитъ для выраженія совершающагося какъ бы на глазахъ дѣйствія и такимъ образомъ отвѣчаетъ умственному акту „воспріятія“, а кромѣ того, оно можетъ обозначать дѣйствіе какъ обычное, т. е. абстрактно. Что касается двухъ другихъ временъ, то прошедшее время служитъ выраженіемъ умственнаго акта „воспоминанія“, а будущее соотвѣтствуетъ акту „ожиданія“, если дѣйствіе относится къ другому лицу, и акту „намѣренія“, если дѣйствіе относится къ самому говорящему, т. е. къ первому лицу. [1]) Намъ остается прибавить, что *личныя окончанія* глагола, особыя въ единственномъ и множественномъ числѣ, служатъ для выраженія связи дѣйствія, какъ сказуемаго, съ подлежащимъ соотвѣтствующаго числа и лица.

Отъ семазіологической стороны русскаго глагола мы перейдемъ къ его флексійной сторонѣ, т. е. къ *спряженію*. Здѣсь намъ представляется задача—классифицировать глаголы, т. е. распредѣлить ихъ по разрядамъ. Классифицировать

---

[1]) О прошедшемъ времени мы уже говорили, что разныя категоріи этого времени другихъ языковъ русскій языкъ вознаграждаетъ путемъ примѣненія видовыхъ образованій. Такъ, нѣкоторые языки различаютъ прошедшее время только что происшедшее, при чемъ состояніе дѣйствія еще продолжается (это—такъ наз. перфектъ въ языкахъ греческомъ и нѣмецкомъ и passé indéfini во французскомъ), и такое прошедшее время, которое совершилось въ прошломъ и потому имѣетъ историческій характеръ; срв. выраженія «сторожъ пришелъ» (и теперь еще здѣсь) || «сторожъ приходилъ» (напр. вчера), или въ страдательномъ залогѣ: «карета подана» (и теперь на-лицо) || «карета была подана» (когда-бы то ни было въ прошломъ). Въ древне-русскомъ языкѣ это двоякое различіе прошедшаго времени иногда передается разными временными образованіями; такъ, въ нашей древней лѣтописи прошедшее на *-хъ* и проч. нерѣдко употребляется въ смыслѣ историческаго прошедшаго, а на *-лъ* (въ страд. на *-нъ*) въ смыслѣ перфекта особенно въ дословномъ приведеніи разговора; срв. «и *рече* царь *перекликала* мя *еси* Ольга» (Лавр. подъ 955 г.); «*рѣша* же кияне... князь нашъ *убьенъ* (опущено—*есть*), а княгини наша хоче за вашъ князь» (Лавр. подъ 945 г.).

спряженія мы будемъ съ двухъ точекъ зрѣнія — по различію окончаній и по различію ударенія, т. е. какъ мы поступали и при классификаціи склоненій именъ существительныхъ.

Выдѣливъ въ особую группу спряженіе трехъ глаголовъ —*есмь*, *ѣмъ* и *дамъ*, представляющихъ собою пережитки нѣкогда болѣе обширнаго класса глаголовъ такъ наз. нетематическаго (т. е. безъ тематическаго гласнаго) спряженія, мы примемъ для всѣхъ прочихъ глаголовъ общепринятое дѣленіе спряженій на такъ называемыя А) „первое“, куда принадлежатъ глаголы съ окончаніемъ *-ешь* во 2-мъ лицѣ ед. ч., и *-утъ* или *-ютъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч., и Б) „второе“, куда относятся глаголы съ окончаніемъ *-ишь* во 2-мъ лицѣ ед. ч. и *-атъ* или *-ятъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч. Каждый типъ спряженія является въ двухъ разновидностяхъ: I) спряженіе безъ *-ся* (напр. мою, ношу) и II) спряженіе съ *-ся* *-сь* (наприм. моюсь, ношусь). Для наглядности указаннаго подраздѣленія спряженія глаголовъ (исключая *дамъ* и пр.), приведу нѣсколько формъ спряженія настоящаго времени:

Первое спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся.
мою	моюсь
мо*ешь*	мо*ешься*
мо*ютъ*	мо*ются*.

Второе спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся.
нош*у*	нош*усь*
нос*ишь*	нос*ишься*
нос*ятъ*	нос*ятся*.

Не трудно видѣть, что спряженіе на *-ся* получается изъ спряженія безъ *-ся*, при чемъ неударяемое *-ся* сохраняется въ по-

ложеніи послѣ согласныхъ, въ положеніи же послѣ гласныхъ сократилось въ *-сь*. Въ виду столь простаго соотношенія между этими разновидностями спряженія мы ограничимся въ дальнѣйшемъ лишь глаголами безъ *-ся*.

Примѣчаніе. Еще Даль въ напутномъ словѣ къ своему Толковому словарю раздѣлилъ всѣ русскіе глаголы по формѣ на 1) *прямые*, оканчивающіеся въ неопр. накл. на *-ть* или *-чь*, и 2) *обратные*, оканчивающіеся на *-ся* и могущіе, если смыслъ рѣчи позволяетъ, принимать на себя функцію разныхъ залоговъ. Проф. Н. П. Некрасовъ, въ сочиненіи «О значеніи формъ русскаго глагола» (1865), признавая правильность дѣленія глаголовъ, предложеннаго Далемъ, въ подтвержденіе приводитъ тотъ фактъ (стр. 60), что въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного глагола, который не былъ бы способенъ принять *-ся*, и даже глаголъ «быть» встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ съ этимъ окончаніемъ въ формѣ «будучись»:

Будучись Садко купецъ, богатый гость,
Подъ славнымъ Новымъ-Городомъ и пр. (Кир. II, 2. стр. 34).

Какъ первое спряженіе, такъ и второе въ свою очередь подраздѣляются на болѣе мелкіе разряды въ зависимости отъ различія окончаній неопредѣленнаго наклоненія: въ первомъ спряженіи неопред. накл. кромѣ окончанія *ть* или *ти* [1]) встрѣчается съ окончаніемъ *-ать*, напр. несу—нес*ти*, сосу—сос*ать*; во второмъ спряженіи кромѣ окончанія *-ить* неопр. накл. имѣетъ еще окончаніе *-ять* (или, послѣ шипящихъ, *-ать*). [2]) Такимъ образомъ мы получаемъ въ томъ и другомъ спряженіи по два различія. Затѣмъ въ первомъ спряженіи въ томъ и другомъ различіи настоящее время можетъ представлять или твердое спряженіе (несу, сосу), или же мягкое (колю—колоть, стелю—стлать); кромѣ того, особый разрядъ твердаго спряженія составляютъ глаголы на *-ну*, напр. вяну, крикну. Такимъ образомъ, первое спряженіе подраздѣляется

[1]) Окончаніемъ неопр. накл. служитъ *-ти*, если на него падаетъ удареніе; въ случаѣ же ударенія на основѣ окончаніе неопр. накл. является въ сокращенномъ видѣ *ть*.

[2]) Въ соотвѣтствіи съ окончаніями неопр. наклоненія находятся окончанія прошедшаго времени, напр. колоть—колол*ъ*, читать—читал*ъ*, красить—красил*ъ*.

на пять частныхъ разрядовъ, а второе спряженіе на два, всего — семь разрядовъ. Всѣ эти разряды, полученные нами чрезъ сопоставленіе образованія настоящаго времени съ образованіемъ неопр. наклоненія (и прошедшаго времени), мы должны разсмотрѣть еще по типамъ ударенія.

Въ настоящемъ времени глаголовъ ударе́ніе представляетъ три типа: 1) ударе́ніе постоянное на основѣ (напр. вя́ну), 2) ударе́ніе переходное — въ 1-мъ лицѣ ед. ч. на окончаніи, а въ прочихъ лицахъ на основѣ (напр. тону́), 3) ударе́ніе постоянное на окончаніи (напр. беру́). Ударе́ніе повелительнаго наклоненія находится въ соотвѣтствіи съ ударе́ніемъ 1-го лица ед. наст., напр. вя́ну—вя́нь, тону́—тони́, беру́—бери́. Въ прошедшемъ времени ударе́ніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. мы́лъ—мы́ла—мы́ло—мы́ли, или же постояннымъ на окончаніи (за исключеніемъ муж. рода ед. ч., гдѣ ударе́ніе передвигается по необходимости на основу), напр. не́съ—несла́—несло́—несли́, а въ нѣкоторыхъ глаголахъ перенесеніе ударе́нія на окончаніе имѣется только въ жен. р., напр.—жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли. Ударе́ніе неопр. накл. находится въ соотношеніи съ прош. вр. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ разсматривать типы ударе́нія отдѣльно для каждаго изъ указанныхъ выше семи разрядовъ, при чемъ присоединимъ для нѣкоторыхъ разрядовъ образцы спряженія въ фонетической транскрипціи, подобно тому какъ это мы сдѣлали въ отдѣлѣ склоненія существительныхъ.

А. Первое спряженіе.

Первый разрядъ: *несу—нести.* Глаголы даннаго разряда всѣ—первообразные или коренные (т. е. образованы непосредственно отъ корня),[1]) при чемъ корень или основа этихъ

[1]) Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется и характеръ корневаго вокализма глаголовъ перваго разряда: между ними нѣтъ ни одного глагола съ т. наз. вторымъ полнымъ видомъ корня.

глаголовъ оканчивается какимъ-либо согласнымъ. [1]) Въ зависимости отъ характера окончаній послѣдній согласный основы подвергается измѣненіямъ, которыя въ наст. вр. зависятъ отъ твердости или же мягкости слѣдующаго гласнаго (срв. пек-у || печешь), а въ прош. вр. и неопр. накл. отъ согласныхъ, начинающихъ окончанія этихъ формъ (срв. пекъ вм. пеклъ: печь). Такъ какъ согласные разныхъ категорій измѣняются неодинаково, то будетъ цѣлесообразно глаголы даннаго разряда расположить въ физіологическомъ порядкѣ согласныхъ, оканчивающихъ корень или основу:

а) гребу́, скребу́;
б) везу́, грызу́, ползу́, лѣзу́; несу́; трясу́, пасу́;
в) тру́, запру́, умру́; [2])
г) пеку́, теку́, сѣку́, толку́, влеку́; стригу́, жгу́, берегу́, стерегу́, запрягу́, ля́гу, могу́;
д) веду́, бреду́, сяду́, кладу́, краду́, паду́; плету́, мету́, расту́, цвѣту́, прочту́;
е) жму́, возьму́, мну́, жну́, начну́;
ж) плыву́, слыву́, живу́;
з) пою́. [3])

Ударе́ніе въ *настоящемъ времени* почти всѣхъ глаголовъ перваго разряда постоянное на окончаніи (на первоначаль-

---

[1]) Но въ этомъ разрядѣ имѣются глаголы, корень которыхъ оканчивался дифтонгомъ: пою́, плыву́ и слыву́.

[2]) Первые два глагола этой группы, какъ переходные, имѣютъ прич. прош. стр., которое оканчивается на *-тый*; такое же окончаніе свойственно глаголамъ, корень которыхъ заканчивается носовымъ, т. е. глаголамъ группы е), и наконецъ переходнымъ глаголамъ послѣднихъ двухъ группъ.

[3]) Вслѣдствіе различія основы въ наст. вр. сравнительно съ прош. вр. и неопр. накл., въ этомъ глаголѣ въ народномъ языкѣ встрѣчаются новыя образованія по аналогіи; срв.: п а п'э́ j ў (т. е. попою́), п'э́ т (поетъ), п'э́ м (поёмъ)—с. Лада Саран. у. Пенз. губ., п'э́ j ў т (поютъ)—с. Кузьменка Бѣлев. у. Тул. губ. Формы эти получились благодаря отнесенію даннаго одинокаго глагола, черезъ посредство неопр. накл. и прош. вр., въ категорію такихъ глаголовъ, какъ «спѣть», «синѣть» и т. д.

номъ тематическомъ гласномъ). [1]) Только глаголъ „лѣзу“ спрягается съ постояннымъ удареніемъ на основѣ, а глаголъ „могу́“ имѣетъ переходное удареніе. Нужно еще указать на глаголы „ля́гу“ и „ся́ду“ съ постояннымъ удареніемъ на основѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ эти глаголы представляютъ особенность въ семазіологическомъ отношеніи какъ имѣющіе значеніе будущаго времени, независимо отъ присутствія предлога.

Въ *прошедшемъ времени* глаголы перваго разряда имѣютъ всѣ три типа ударенія, указанные нами въ предварительныхъ замѣчаніяхъ; поэтому намъ нужно установить здѣсь соотношеніе между удареніемъ настоящаго и прошедшаго времени. Изъ немногихъ глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. постоянное удареніе на основѣ, глаголъ „лѣзу“ имѣетъ постоянное удареніе на основѣ и въ прош. вр.; сюда же надо отнести глаголъ „ся́ду“, при чемъ въ прош. вр. (сѣлъ—сѣла—сѣло—сѣли) видимъ особый видъ корня—съ долгимъ первоначальнымъ гласнымъ, т. е. К. *sēd; глаголъ же „ля́гу“ по ударенію прош. вр. принадлежитъ къ группѣ съ постояннымъ удареніемъ на окончаніи. Если же въ настоящемъ времени имѣется постоянное удареніе на окончаніи, то и въ прошедшемъ времени большинство глаголовъ имѣетъ постоянное удареніе на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. р. ед. ч.), напр. несу́—не́съ—несла́—несло́—несли́, меньшая же часть глаголовъ имѣетъ въ прошедшемъ времени постоянное удареніе на основѣ. Глаголы послѣдней группы представляютъ нѣкоторую особенность въ своемъ корневомъ вокализмѣ, именно — они имѣютъ въ корнѣ или первоначальный долгій гласный (кладу́, краду́, паду́, сѣку́, стригу́, грызу́), или же въ прош. времени имѣютъ гласный *я* (*a*) = ст.-сл. ѧ (мну—

[1]) Соотвѣтствующіе же глаголы въ греческомъ языкѣ всѣ имѣютъ удареніе на основѣ, и нѣтъ ни одного, гдѣ бы удареніе имѣлось на тематическомъ гласномъ. Это различіе нужно объяснить разнымъ направленіемъ аналогіи по отношенію къ ударенію въ этихъ языкахъ.

мялъ, жму—жалъ, жну—жалъ). [1]) Наконецъ, глаголы на *ву́*, содержащіе первоначальный долгій гласный въ корнѣ и имѣющіе въ настоящемъ времени удареніе постоянное на окончаніи, въ прош. вр. переносятъ удареніе на основу за исключеніемъ формы женскаго рода ед. ч. (напр. живу́ — жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли). Глаголъ „могу́“, съ переходнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, въ прош. вр. имѣетъ удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. родѣ ед. ч.).

Удареніе *неопредѣленнаго наклоненія* находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ прошедшаго времени: если въ прош. вр. имѣется удареніе постоянное на основѣ, то и въ неопредѣленномъ наклоненіи на основѣ (напр. лѣ́зу—*лѣ́зла*—*лѣ́зть*, грызу́—*гры́зла*—*гры́зть*); если въ прош. вр. удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. ед.), то и въ неопр. накл. будетъ на окончаніи, напр. „грести́“; если же удареніе въ прош. вр. переходное, то въ неопр. накл. оно одинаково съ удареніемъ большинства формъ прош. вр., т. е. находится на основѣ. Глаголы на *-ку* и *-гу* представляютъ уклоненіе въ томъ отношеніи, что въ нихъ неопред. наклоненіе всегда имѣетъ удареніе на основѣ независимо отъ того, гдѣ оно стоитъ въ прош. вр., а потому и окончаніе

---

[1]) Два глагола—возьму и начну, принадлежащіе сюда по корневому составу, но не употребляющіеся въ простомъ видѣ, безъ префиксовъ, имѣютъ въ прошедшемъ времени переходное удареніе (взялъ—взяла́—взя́ло—взя́ли; на́чалъ—начала́—на́чало—на́чали), т. е. въ жен. родѣ единств. числа переносятъ удареніе на окончаніе, а въ прочихъ формахъ имѣютъ удареніе на основѣ, при чемъ префиксъ *на-* перетягиваетъ на себя удареніе. Аналогію глаголамъ на -му́ и -ну́ представляютъ глаголы на -ру́ сходнаго строенія основы: простой глаголъ «тру́» въ прош. вр. имѣетъ постоянное удареніе на основѣ, а глаголы, употребляющіеся только въ сложеніи съ префиксомъ (умру́, запру́) въ прош. вр. имѣютъ указанное выше переходное удареніе, которое въ основѣ перетягивается на префиксъ (у́меръ—умерла́—у́мерло—у́мерли). Въ глаголахъ на -ру́ неопр. накл., въ отличіи отъ прош. вр., имѣетъ не второе, а первое полногласіе, не сокращенный, а первый полный видъ корня съ удареніемъ на вторичномъ *е* (срв. умерла́—умере́ть).

неопр. накл. въ этихъ глаголахъ всегда является въ сокращенномъ видѣ (срв. „печь“ при „пекла́“, какъ „стричь“ при „стри́гла“); впрочемъ отъ глаголовъ „печь“ и „стеречь“ встрѣчаются формы неопр. накл. съ удареніемъ на окончаніи: „печи́“ и „стереч и́“ (въ басняхъ Крылова); сюда же относится форма „береч ѝ“ въ Домостроѣ гл. 50.

Неопр. накл.	*Неопр. накл.*
н'єс' | —т'і́ (нести)	л'ѓс'т' (лѣзть)
Наст. вр.	*Наст. вр.*
Ед. 1. н'æ | с—у́ (несу)	Ед. 1. л'ǽ | з—ў (лѣзу)
2. н'є | с'—о́ш (несешь)	2. л'ѓ | з'—ьш (лѣзешь)
3. н'є | с'—о́т (несетъ)	3. л'ѓ | з'—ьт (лѣзетъ)
Мн. 1. н'є | с'—о́м (несемъ)	Мн. 1. л'ѓ | з'—ьм (лѣземъ)
2. н'є | с'—о́ | т'ѣ́ (несете)	2. л'ѓ | з'—ь | т'ѣ́ (лѣзете)
3. н'æ | с—у́т (несутъ)	3. л'ǽ | з—ўт (лѣзутъ)
Прош. вр.	*Прош. вр.*
Ед. н'о́с (несъ)	Ед. л'ǽс (лѣзъ)
н'æс | —ла́ (несла)	л'ǽз | —лă (лѣзла)
н'æс | —ло́ (несло)	л'ǽз | —лă (лѣзло)
н'єс' | —л'і́ (несли)	л'ѓз' | —л'і́ (лѣзли)
Повелит. накл.	*Повелит. накл.*
н'є | с'—і́ (неси)	л'ѓс (лѣзь)
н'є | с'—і́ | т'ѣ́ (несите)	л'ѓс' | —т'ѣ́ (лѣзьте)
Прич.	*Прич.*
н'æ | с—у́ | ш'чьj (несущій)	л'ǽ | з—ў | ш'чьj (лѣзущій)
н'о́с | —шъj (несшій)	л'ǽс | шъj (лѣзшій)
н'æ | с—о́ | мъj (несомый)	——
н'є | с'—о́н | нъj (несенный)	——

Дъеприч.		*Дъеприч.*
н'ѣ	с'—а́ (неся)	——
н'о́с	—шы́ (несши)	л'а́с | —шы́ (лѣзши).

Второй разрядъ: *колю—колоть.* Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому: въ немъ наст. вр. образовано посредствомъ j; прош. вр. оканчивается на *-лъ*. Весьма характерною чертою этого разряда служитъ то, что въ немъ вовсе нѣтъ глаголовъ, въ которыхъ бы передъ **-jý* были другіе согласные кромѣ *л* и *р*. Такъ какъ въ родственныхъ языкахъ встрѣчаются и другіе согласные (срв. въ греч. кромѣ такихъ глаголовъ, какъ *φθείρω*, сюда принадлежатъ и такіе, какъ *ῥάζω*), то можно думать, что въ русскомъ языкѣ (и другихъ славянскихъ) часть глаголовъ этого разряда перешла въ другой разрядъ; для такого перехода должно было существовать сходство между этими разрядами, которое могло бы быть поводомъ къ переходу; можно думать, что такимъ другимъ разрядомъ былъ четвертый, въ которомъ наст. вр. образуется тоже посредствомъ j, прошедшее же время оканчивается на *-алъ*. Глаголы на *-лю* и *-рю* (прош. вр. на *-ло́лъ* и *-ро́лъ* и неопр. накл. на *-ло́ть* и *-ро́ть*, съ первымъ полногласіемъ) разсматриваемаго разряда, кромѣ „мелю", содержатъ въ корнѣ гласный *о*, но они всѣ корневые, такъ какъ это *о* не является отраженіемъ втораго полнаго вида. Что же касается въ этомъ разрядѣ глаголовъ, основа которыхъ кончается гласнымъ (т. е. группы б, в, г), то они частію корневые и въ такомъ случаѣ имѣютъ односложную основу (напр. мо́ю, лью́, зна́ю, смѣ́ю), большею же частію или отъименные (напр. играю, бѣлѣю), или же отглагольные (напр. помогаю, почитываю). Такъ какъ относящихся сюда глаголовъ, которые образованы отъ именъ и глаголовъ, очень много, то мы ограничимся лишь приведеніемъ отдѣльныхъ примѣровъ, тогда какъ корневые глаголы исчислимъ возможно полнѣе:

а) по́лю́, ко́лю́, ме́лю́; бо́рю́, по́рю́;
б) мо́ю, ро́ю, кро́ю, во́ю, но́ю;
в) бр҃ю; бью́, шью́, лью́, вью́, пью́; [1])
г) зна́ю, да́ю, узна́ю; рыда́ю, чита́ю, хвата́ю, дѣ́лаю, вѣ́даю...; почи́тыва́ю....; гуля́ю, мѣня́ю....; см҃ю, сп҃ю, зр҃ю; ум҃ю, бѣл҃ю....; ду́ю.

Что касается ударенія корневыхъ глаголовъ на *-лю́* и *-рю́*, то въ настоящемъ времени оно переходное, т. е. въ первомъ лицѣ единственнаго числа на окончаніи, въ прочихъ же лицахъ на основѣ; въ прошедшемъ времени этихъ глаголовъ ударе́ніе постоянное на окончаніи (-о́лъ и пр.), при чемъ нужно замѣтить, что формы прош. вр. имѣютъ первое полногласіе и ударе́ніе находится на вторичномъ *о*. Ударе́ніе глаголовъ второй группы, тоже корневыхъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ времени постоянное на корнѣ. Ударе́ніе глаголовъ третьей группы, также корневыхъ, въ одномъ глаголѣ (бр҃ю), подобно предъидущей группѣ, постоянное на корнѣ; прочіе же глаголы той же группы имѣютъ въ настоящемъ времени постоянное ударе́ніе на окончаніи, а въ прошедшемъ времени два глагола принимаютъ постоянное ударе́ніе на корнѣ (бью, шью), а прочіе три (лью, вью, пью) въ ж. р. ед. ч. переносятъ ударе́ніе на окончаніе *-ла*. [2]) Всѣ глаголы послѣдней группы, корневые и производные, имѣютъ ударе́ніе постоянное на одномъ и томъ же слогѣ

[1]) Глаголы группъ а), б) и в), будучи переходными, образуютъ прич. прош. стр. съ окончаніемъ *-тый* (также еще глаголъ «ду́ю» послѣдней группы).

[2]) Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ данной группы j можетъ принадлежать корню, а не суффиксу (срв. напр. вью = литов vej-ù), а въ такомъ случаѣ они собственно не относятся къ мягкому разряду по образованію настоящаго времени и, не смотря на присутствіе j, принадлежатъ къ первому разряду, т. е. подобно глаголу «пою»; глаголъ «шью» безспорно относится ко второму разряду, такъ какъ здѣсь j не принадлежитъ корню (срв. литов. siūvù, скт. sív-yā-mi).

основы въ настоящемъ и прошедшемъ времени; только глаголы „даю“ и „узнаю“ (послѣдній, надо думать, подъ вліяніемъ дифференціаціи къ буд. вр. „узна́ю“) имѣютъ въ настоящемъ времени удареніе на окончаніи, а въ прош. вр. первый имѣетъ переходное удареніе (т. е. удареніе на корнѣ во всѣхъ формахъ, кромѣ жен. рода ед. ч.), удареніе же втораго въ прош. вр. одинаково съ простымъ глаголомъ „знаю“, т. е. постоянное на корнѣ.

Третій разрядъ: *сосу—сосать*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, всѣ—корневые; по образованію настоящаго времени они могли бы быть зачислены въ первый разрядъ, но прошедшее время и неопр. наклоненіе отличаются отъ перваго разряда, такъ какъ оканчиваются на *-а́лъ* [1]) и *-а́ть*, тогда какъ въ первомъ разрядѣ тѣ же формы оканчиваются на *-лъ* и *-ть* (*-ти*). Къ этому разряду принадлежатъ слѣдующіе глаголы:

сосу́; тку́; лгу́; вру́, жру́, беру́, деру́, ору́; ржу́; зову́, рву́; жду́.

Удареніе во всѣхъ приведенныхъ глаголахъ въ *настоящемъ времени* постоянное на окончаніи. Что касается ударенія въ *неопредѣленномъ наклоненіи*, то оно всегда падаетъ на окончаніе *-а́ть*. Въ *прошедшемъ времени* въ двухъ глаголахъ съ постояннымъ *о* въ корнѣ (сосу́, ору́) оно оказывается постояннымъ на окончаніи, падая на то *а*, которое стоитъ передъ *л*; въ прочихъ же глаголахъ, въ корнѣ которыхъ имѣется исчезающее *е* или же нѣкогда имѣлся гласный *ъ* (ў) и *ъ* (ї), удареніе въ жен. родѣ ед. ч. переходитъ на конечный

---

[1]) Такое образованіе прош. вр. можно сопоставить съ образованіемъ въ греческомъ языкѣ отъ корневыхъ глаголовъ перфекта на *-ηκα* (дорич. *-ᾱκα*) въ такихъ случаяхъ какъ: μένω—μεμένηκα, τέμνω—τέτμηκα. Въ латинскомъ языкѣ сюда можно причислить такіе глаголы на *-āre*, какъ cgero—cgerui—cgerāre.

гласный (напр. брала́, ждала́); впрочемъ въ глаголахъ „тку“ и „лгу“ встрѣчается и на *а*, стоящемъ передъ *л*. Совершенно отдѣльно въ данномъ разрядѣ стоитъ глаголъ „стону́“, имѣющій одинъ во всемъ разрядѣ переходное удареніе въ настоящемъ времени; глаголъ этотъ судя по гласному корня,— отъименной и, можно думать, сначала принадлежалъ къ глаголамъ на *-аю* предъидущаго разряда, а затѣмъ по аналогіи (черезъ посредство неопред. накл.) перешелъ въ данный разрядъ; въ словаряхъ даже и указывается глаголъ „стона́ю“.

Четвертый разрядъ: *пишу—писать*. Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому; въ настоящемъ времени встрѣчается такая же перемѣна согласныхъ (подъ вліяніемъ j), какъ въ сравнительной степени, оканчивающейся на -е. Всѣ эти глаголы—корневые [1]), какъ и глаголы съ односложною основою, оканчивающеюся гласнымъ; отъименными являются лишь многосложные глаголы, имѣющіе въ первомъ лицѣ ед. ч. наст. вр. окончанія *-ую* и *-ю*, а въ прошедшемъ времени *-овалъ* и *-евалъ*. [2]) Въ слѣдующемъ далѣе перечнѣ глаголовъ даннаго разряда приводятся всѣ корневые и лишь отдѣльные примѣры отъименныхъ:

---

[1]) Быть можетъ, отъименными нужно признать глаголы — колеблю, трепещу́, клевещу́, какъ имѣющіе двусложную основу (односложные глаголы—плещу́ и свищу́ могутъ быть и корневыми).

[2]) Если согласный, предшествующій окончанію — твердый, то прош. время оканчивается на *-овалъ*; если же окончанію предшествуетъ мягкій согласный, то прош. время оканчивается на *-евалъ*. Очевидно, здѣсь имѣемъ такое же чередованіе *о* ‖ *е*, на какое мы указывали уже, говоря объ особенныхъ окончаніяхъ твердаго и мягкаго склоненія существительныхъ, тѣмъ болѣе, что глаголы на *-ую* происходятъ отъ существительныхъ твердаго склоненія, а глаголы на *-ю* отъ существительныхъ мягкаго скл., напр. пиръ<пирую, горе<горюю. Въ греческомъ языкѣ даннымъ глаголамъ соотвѣтствуютъ отъименные глаголы на -εύω, напр. πιστός<πιστεύω, βασιλεύς< βασιλεύω.

а) коле́блю; трепл*ю́*, клепл*ю́*, щипл*ю́*, сы́пл*ю*; дрем.л*ю́*; гложу́; пря́чу, мечу́; свищу́, хлещу́; клевещу́, трепещу́; ре́жу, ма́жу, вяжу́, лижу́, кажу́, нижу́; пишу́, пляшу́, подпоя́шу, чешу́, движу, брижжу; пла́чу, скачу́; ищу́, плещу́; стелю́, шлю́; орю́;

б) кую́, сую́, сную́; па́рствую, цѣлу́ю; плюю́, клюю́; воюю, горюю; [1])

а) ла́ю, та́ю; се́ю, вѣю, смѣюсь.

Примѣчаніе. Отклоненіе отъ типа составляетъ глаголъ «хочу́», такъ какъ образуетъ прош. вр.—хотѣлъ и неопр. накл.—хотѣть.

Ударе́ніе въ *настоящемъ времени* можетъ представлять всѣ три типа. При этомъ оказывается, что въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на согласный, имѣются два типа: а) ударе́ніе постоянное на основѣ (напр. ма́жу) и, чаще, б) ударе́ніе переходное (напр. треплю́—тре́плешь); только въ одномъ глаголѣ (шлю́—шле́шь) [2]) ударе́ніе по необходимости падаетъ на окончаніе. Въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на гласный, въ настоящемъ времени вовсе не встрѣчается переходнаго ударе́нія, а только два другіе типа: а) ударе́ніе постоя́нное на основѣ—въ нѣкоторыхъ корневыхъ гла-

[1]) При заимствованіи глаголовъ изъ другихъ европейскихъ языковъ русскій языкъ обнаруживаетъ склонность къ отнесенію такихъ глаголовъ къ типу *-ую* ‖ *-овать*, напр. нѣм. tanzen, werben ⇒ танцу́ю, вербу́ю (неопр. *-ова́ть*), gruppieren ⇒ группирую (*-ова́ть*); франц. attester ⇒ аттесту́ю (*-ова́ть*). Тенденція къ такимъ новообразованіямъ восходитъ къ древне-русскому, срв. философьствоваше (Ип. л. подъ 1299 г.) и даже вмѣстѣ съ тѣмъ къ ст.-сл., срв. цѣсарьствуетъ (Изб. 1073 г. и подобная же форма въ Остр., Мар.). Нѣкоторые глаголы французскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ имѣютъ нѣмецкій суф. -ировать, свидѣтельствующій, что французское вліяніе шло къ намъ частію черезъ посредство нѣмецкое, срв. protéger ⇒ протежировать.

[2]) Сюда же можно перенести изъ предъидущаго разряда глаголъ *ржу* —*ржешь*, такъ какъ согласный *ж* нѣкогда былъ мягкимъ. Если основа двусложная, то ударе́ніе при переходѣ съ окончанія на основу приходится на второмъ слогѣ основы, т. е. ближайшемъ къ окончанію, напр. клевещу́—клеве́щешь.

голахъ на *-ню* и *-аю* (сѣ́ю, ла́ю, та́ю, ча́ю) и въ производныхъ на *-ую* и *-юю*, при чемъ предпослѣдніе *у* и *ю* бываютъ ударенными или же стоятъ за удареніемъ (пиру́ю, ца́рствую, горю́ю, цк.-сл. у́тренюю), б) ударе́ніе постоянное на окончаніи—только въ корневыхъ глаголахъ (кую́, плюю́, смѣю́сь). Ударе́ніе въ *прошедшемъ* времени всегда постоянное или на основѣ (пря́талъ), или на окончаніи (мета́лъ) и находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1 ед. наст.: если ударе́ніе въ 1 ед. наст. приходится на окончаніи, то и въ прош. времени оно на окончаніи, если же въ 1 ед. наст. имѣется на основѣ, то и въ прош. времени тоже (исключая одинъ глаголъ съ двусложной основою: коле́блю—колеба́лъ). Выше мы высказали предположеніе, что нѣкоторые глаголы могли перейти въ данный разрядъ путемъ аналогіи изъ втораго разряда; и дѣйствительно, нѣкоторымъ русскимъ глаголамъ четвертаго разряда въ литовскомъ соотвѣтствуютъ глаголы втораго разряда, напр.: сую—совать || šáuju—šáuti, плюю—плевать || spiáuju—spiáuti.

Пятый разрядъ: *вяну—вянуть*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, частію имѣютъ значеніе настоящаго времени, будучи при этомъ непереходными (напр. вяну, сохну, глохну и пр.), частію же будущаго времени (напр. прысну, топну, хлопну, толкну́ и пр.). [1])

Первая группа глаголовъ на *-ну* имѣетъ ударе́ніе на корнѣ и по своему значенію сближается съ глаголами на *-ню* (2-го разряда), произведенными отъ прилагательныхъ; срв.

красный<краснѣю	слѣпой || слѣпну
черный<чернѣю	глухой || глохну
толстый<толстѣю	сухой || сохну
слабый<слабѣю	слабый || слабну.

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ они могутъ имѣть прич. прош. стр., которое оканчивается на *-тый* съ предшествующимъ слогомъ *-ну-*.

Такого рода глаголы на *-ню* и *-ну* обыкновенно называются „начинательными“, но не вполнѣ точно, такъ какъ ими выражается не начало дѣйствія, но процессъ пріобрѣтенія качества, обозначеннаго прилагательнымъ.

Ко второй категоріи принадлежатъ многіе глаголы, обозначающіе звуковыя представленія, напр. хло́пну, сви́стну, бо́тну и др.; они имѣютъ ударе́ніе на корнѣ, независимо отъ ударенія въ соотвѣтствующемъ глаголѣ наст. времени (срв. хло́паю, свищу́). Кромѣ того, къ этой же группѣ относятся глаголы движеній, могущихъ имѣть быстрый или разовый характеръ: грести́ || гребну́ть, бода́ть || боднуть, лага́ть || лягну́ть и т. д.

Б. Второе спряженіе.

Шестой разрядъ: *солю—солить*. Къ этому разряду принадлежатъ отъименные глаголы на *-ить* (прош. вр. на *-илъ*):

соло́; вар*ю́*; ра́ню, цѣ*ню́*; сто́*ю*, стро́*ю*; клею́; люблю́; хож*у́*, сужу́; служу́; мучу́; учу́, мучу.

Ударе́ніе въ *настоящемъ времени* глаголовъ даннаго разряда представляетъ всѣ три типа, ударе́ніе же *прошедшаго времени* и *неопред. наклоненія* соотвѣтствуетъ первому лицу ед. ч. наст. времени (солю́—соли́шь—соли́лъ, сужу́—су́дишь—суди́лъ, ра́ню—ра́нишь—ра́нилъ); такимъ образомъ шестой разрядъ глаголовъ по ударе́нію представляетъ сходство съ четвертымъ разрядомъ, съ которымъ, быть можетъ, связанъ и родствомъ суффиксальнаго образованія.

Примѣчаніе. Какъ отклоненіе отъ типа отмѣтимъ глаголы: гоню́ го́нишь || гнать гналъ; сплю́ спишь || спать спалъ. По образованію настоящаго времени они относятся къ шестому разряду, тогда какъ по образованію неопредѣленнаго накл. и прошедшаго врем.—къ четвертому.

Неопр. накл.	
сѣ | л'—ѣтъ (солить)	ра́ | н'—ѣть (ранить)
Наст. вр.	
Ед. 1. сѣ | л'—у́ (солю)	Ед. 1. ра́ | н'—ӯ (раню)
2. сѣ | л'—ѣш (солишь)	2. ра́ | н'—ѣш (ранишь)
3. сѣ | л'—ѣт (солитъ)	3. ра́ | н'—ѣт (ранитъ)
Мн. 1. сѣ | л'—ѣм (солимъ)	Мн. 1. ра́ | н'—ѣм (ранимъ)
2. сѣ | л'—ѣ | т'ѣ̆ (солите)	2. ра́ | н'—ѣ | т'ѣ̆ (раните)
3. сѣ | л'—а́т (солятъ)	3. ра́ | н'—ӯт (ранятъ)
Прош. вр.	
сѣ | л'—ѣл (солилъ)	ра́ | н'—ѣл (ранилъ)
сѣ | л'—ѣ | лѣ̆ (солила)	ра́ | н'—ѣ | лѣ̆ (ранила)
сѣ | л'—ѣ | лѣ̆ (солило)	ра́ | н'—ѣ | лѣ̆ (ранило)
сѣ | л'—ѣ | л'ѣ̈ (солили)	ра́ | н'—ѣ | л'ѣ̈ (ранили)
Повелит. накл.	
сѣ | л'—ѣ (соли)	ра́н' (рань)
сѣ | л'—ѣ | т'ѣ̆ (солите)	ра́н' | —т'ѣ̆ (раньте)
Прич.	
сѣ | л'—а́ | ш'чьj (солящій)	ра́ | н'—ѣ | ш'чьj (ранящій)
сѣ | л'—ѣф | шъj (солившій)	ра́ | н'—ѣф | шъj (ранившій)
сѣ | л'—ѣ | мъj (солимый)	——
сѣ | л'—о́н | нъj (соленный)	ра́ | н'—ѣн | нъj (раненный)
Дѣеприч.	
сѣ | л'—а́ (соля)	ра́ | н'—ӑ (раня)
сѣ | л'—ѣф (соливъ)	ра́ | н'—ѣф (ранивъ).

Седьмой разрядъ: *вижу — видѣть*. Этотъ разрядъ отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ прошедшее время оканчивается на *-лъ* или (послѣ шипящихъ и j) на *-алъ*.

Глаголы, относящіеся къ этому разряду, — по преимуществу корневые. Отъименными глаголами можно признать довольно многочисленные непереходные глаголы, обозначающіе звуковыя представленія и происходящіе главнымъ образомъ отъ именъ существительныхъ на *-пъ* и *-къ* (напр. храпъ<храпѣ́ть, скрипъ <скрипѣ́ть, шипъ<шипѣ́ть....; стукъ<стуча́ть, пискъ<пища́ть, крикъ < крича́ть....); такъ какъ дѣйствіе этихъ глаголовъ по природѣ длительное, тянущееся, повторяющееся, то бо́льшая часть ихъ образуетъ еще однократную форму на *-нуть* (т. е. по пятому разряду). Примѣры глаголовъ разсматриваемаго разряда:

а) *велю́*; *горю́*; *звеню́*; *скорблю́*; *скриплю́*; *шумлю́*; *сижу́*; *лечу́*; *вишу́*;

б) *лежу́*; *слы́шу*; *молчу́*; *трещу́*; [1]) *стою́*; *боюсь*.

Что касается ударенія, то оно въ *настоящемъ времени* бываетъ только постоянное и притомъ двоякое, т. е. или на основѣ, или же на окончаніи, а въ соотвѣтствіи съ этимъ находится удареніе *прошедшаго времени* и *неопр. наклон.*

Библіографическія указанія. Некрасовъ Н. О значеніи формъ русскаго глагола (1865). Гротъ Я. О спряженіи русскаго глагола и важности въ немъ ударенія (Фил. Раз. 1899⁴ стр. 263—276); О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ (тамъ же, стр. 277—289). Потебня А. Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ (см. его книгу—Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 1876 г., стр. 178—243) Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)⁴ гл. X. Ягичъ И. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка (1889) гл. XVIII. Богородицкій В. Очерки по языков. и рус. яз. (1910)² стр. 423 — 435 (съ библіографіей). Будде Е. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина, I—ш: Глаголъ (1904). Boyer P. L'accentuation du verbe russe (1895). Mazon A. Morphologie des Aspects du verbe russe (1908). См. еще сочиненія, указываемыя нами въ главѣ XVI-ой— въ концѣ отдѣла о славянскомъ праязыкѣ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ глаголы данной группы послѣ шипящихъ принимаютъ окончанія *-лъ* (прош. вр.) и *-ть* (неопр. накл.), т. е. подобно предъидущей группѣ, напр. кричалъ и т. п. Въ литературномъ языкѣ также встрѣчается такое отступленіе, а именно въ глаголахъ: кишѣ́ть, срв. «миръ *кишалъ* движущимися людьми» (Л. Андреевъ «Другъ»), оравнодушѣ́ть.

Глава XII.

О нарѣчіи и частицахъ.

Нарѣчіемъ называется знаменательная часть рѣчи, присоединяющаяся въ качествѣ опредѣленія къ глаголу. Уже названіе ея показываетъ, что она относится къ „рѣчи“, т. е. „глаголу“ (срв. лат. adverbium т. е. приглаголіе). По своему происхожденію нарѣчія представляютъ нѣсколько группъ. Наиболѣе обширную группу составляютъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ. Такія нарѣчія чаще всего представляютъ собою краткую форму качественныхъ прилагательныхъ средняго рода на *-о*, напр. хорошо, дурно, скоро и т. п. Подобныя формы, относясь къ существительнымъ средняго рода, представляютъ явленіе согласованія. При глаголѣ онѣ не могли исполнять такой функціи, обозначая признакъ дѣйствія; такимъ образомъ онѣ получили смыслъ нарѣчій и обособились отъ прилагательныхъ. [1]) При этомъ онѣ удержали характерное свойство качественныхъ прилагательныхъ, именно — способность къ степенямъ сравненія. Нарѣчныя образованія

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ какомъ отношеніи находится нарѣчіе къ своему прилагательному, въ такомъ же дѣепричастіе къ соотвѣтствующему причастію; такимъ образомъ, дѣепричастіе является какъ бы глагольнымъ нарѣчіемъ.

могутъ происходить также отъ числительныхъ (напр. однажды), мѣстоименій (напр. такъ), а также глаголовъ (напр. пожалуй). Наконецъ, очень много нарѣчій получилось вообще изъ падежныхъ формъ склоняемыхъ частей рѣчи какъ въ безпредложномъ употребленіи, такъ и въ соединеніи съ предлогами, напр. вчера, понемногу. Такимъ образомъ мы видимъ, что нарѣчія могутъ происходить отъ каждой знаменательной части рѣчи, благодаря тому, что извѣстная флексійная форма, часто употребляемая въ разныхъ оборотахъ рѣчи, получаетъ новое, болѣе общее значеніе. При этомъ она утериваетъ тотъ частный формальный смыслъ, который бываетъ ей присущъ въ отдѣльныхъ фразахъ и зависитъ отъ обычныхъ отношеній къ другимъ членамъ предложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней теряется принадлежность къ флексійной системѣ, такъ что она уже перестаетъ образовываться путемъ присоединенія къ основѣ требуемаго окончанія, но помнится и употребляется цѣликомъ, служа для соотвѣтствующей общей характеристики дѣйствія, напр. относительно мѣста, времени, способа и т. под. (напр. домой, зимой, по-немногу и т. д.), а иногда обозначая и признаки качества (напр. *ужасно* великъ). Въ этомъ переходѣ флексійной формы въ нарѣчіе не слѣдуетъ видѣть уменьшенія знаменательности, а только измѣненіе значенія, которое, какъ мы указывали, принимаетъ болѣе общій характеръ (срв. *вверхъ*, *домой*); пониженіе же знаменательности можетъ наступить лишь въ дальнѣйшей жизни нарѣчія, какъ увидимъ ниже. Что касается формальной стороны нарѣчій, то обособившись отъ флексійной системы и какъ бы окостенѣвъ въ своемъ неизмѣнномъ видѣ, они тѣмъ самымъ лишили себя возможности слѣдовать по пути тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣвали родственныя имъ флексійныя формы. Благодаря такой окаменѣлости, нѣкоторыя изъ нарѣчій сохранили для насъ въ качествѣ пережитковъ древніе типы словообразованія и словоизмѣненія (напр. босикомъ, понемногу, долой).

Давъ общее понятіе о процессѣ возникновенія нарѣчій изъ флексійныхъ формъ, мы представимъ рядъ примѣровъ, распредѣливъ ихъ въ группы соотвѣтственно ихъ происхожденію.

А) Нарѣчія отъ существительныхъ могутъ происходить отъ всѣхъ падежныхъ формъ (кромѣ Имен. и Зват.), взятыхъ чаще всего въ ед. ч. и нерѣдко въ соединеніи съ предлогами:

1) Нарѣчіе произошло отъ существит. въ *Винит.* падежѣ [1]) безъ предлога, но въ соединеніи съ указательнымъ мѣстоименіемъ или же указательно-мѣстоименною частичною—*сь* [2]), и служитъ для обозначенія *времени*, напр.: сейча́съ, то́тчасъ, лѣ́тось, простонар.—зи́мусь. Къ данному виду принадлежатъ далѣе безпредложныя нарѣчія, обозначающія небольшое *количество*, при чемъ существительное взято въ уменьшительной формѣ, напр. крошечку, чуточку, капельку. Нарѣчія съ предлогами *въ* и *на* служатъ для обозначенія *направленія* (напр. наоборотъ, вверхъ, впередъ, на́земь), *способа* дѣйствія или же *времени* (напр. натощако́къ, вскачь, вскользь, въявь, вновь, встарь; внѣ этихъ формъ почти всѣ соотвѣтствующія существительныя уже не употребляются).

2) Нарѣчіе возникло изъ существительнаго въ *Родит.* пад. безъ предлога, получивъ въ этомъ случаѣ *мѣстное* или *временное* значеніе—до́ма, вчера́, [3]) вчера́сь; нарѣчія данной

---

[1]) Мы отступаемъ здѣсь нѣсколько отъ обычной послѣдовательности въ перечнѣ падежей, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Вин. пад. относится къ одной группѣ съ падежами Им. и Зват., служащей для обозначенія предметовъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ глагольнымъ дѣйствіемъ въ предложеніи.

[2]) Частичка -*сь* вообще встрѣчается только въ нарѣчіяхъ, обыкновенно временнаго или мѣстнаго значенія, придавая слову опредѣленный указательный оттѣнокъ, напр. лѣтосъ=прошлымъ лѣтомъ.

[3]) Въ данномъ нарѣчіи, въ отличіе отъ соотвѣтствующей падежной

падежной категоріи въ соединеніи съ предлогомъ *изъ* обозначаютъ исходный пунктъ дѣйствія, *пространственный* или же *временной*, напр. издали, изстари (удареніе въ такихъ словахъ падаетъ на предлогъ), въ составъ нарѣчій можетъ входить также предлогъ *съ*, напр. сверху, сроду (въ подобныхъ нарѣчіяхъ обычнымъ является окончаніе -у, тогда какъ въ аналогичныхъ нарѣчіяхъ прилагательнаго происхожденія не рѣдко встрѣчается окончаніе -а), снаружи, сзади; въ соединеніи съ предлогомъ *до* нарѣчія этой категоріи указываютъ на предѣльный пунктъ дѣйствія, напр. дóверху, дóсвѣту.

3) Безпредложныхъ нарѣчій, происходящихъ отъ *Дат.* над. существительныхъ,—почти нѣтъ; сюда можно отнести развѣ слова—домой, долой ← домовь, доловь ← домови, долови (срв. „ити гостю дѣомовь бес пакости“—грам. Новг. 1199 г.; „понесеть его домовь“—грам. Смол. 1230 г.; соврем. курск. —доловь), представляющія собою отголоски исчезнувшихъ старинныхъ формъ. Обычно же нарѣчія, происходящія изъ Дат. над., являются въ соединеніи съ предлогомъ *къ* или *по*, напр. кстати, некстати, по-мелочамъ (въ послѣднемъ примѣрѣ существ. уже во множ. числѣ).

4) Что касается *Творит.* над., то происшедшія изъ него нарѣчія служатъ во-первыхъ для обозначенія *времени*, напр. ночью, лѣтомъ, постомъ, во-вторыхъ же *способа* и *образа дѣйствія*: шагомъ, шажкомъ, опрометью, босикомъ (это слово представляетъ собою единственную уцѣлѣвшую форму *босикъ, очевидно когда-то существовавшаго въ языкѣ), бѣгóмъ, верхóмъ, кругóмъ (въ этихъ словахъ нарѣчное значеніе связано съ перемѣною мѣста ударенія, по сравненію съ соотвѣтствующими падежными формами). Случай Твор. над. съ предлогомъ мы видимъ въ нарѣчіи „слишкомъ“.

формы (вéчера), мы видимъ не только переносъ ударенія на окончаніе, нерѣдко встрѣчающійся въ нарѣчіяхъ, но и потерю гласнаго въ начальномъ слогѣ, происшедшую конечно уже послѣ того, какъ удареніе съ этого слога перемѣстилось на конецъ.

5) Въ примѣры нарѣчій, получившихся изъ такъ называемаго *Предложн.* пад. укажемъ: вверху, впослѣдствіи; напослѣдяхъ, второпяхъ (послѣдніе два примѣра представляютъ собою предложную падежную форму мн. ч. отъ существительнаго иначе неупотребляемаго; у Карамзина въ Письм. рус. пут. встрѣчаемъ еще „въ такихъ торопяхъ"—Москов. Журн. 1802², ч. 1, стр. 46). Нѣкогда форма Предл. падежа существовала въ языкѣ и въ безпредложномъ видѣ, имѣя мѣстное значеніе, и отголоскомъ такого употребленія ея теперь являются немногія устарѣвшія нарѣчія, какъ *горѣ*, *долу*, встрѣчающіяся тамъ и сямъ въ стихотворной рѣчи. [1]) Простонародное выраженіе „намедни" представляетъ собою также пережитокъ сущ. мѣстнаго падежа безъ предлога (намедни ← *ономь-дьни).

Б) Нарѣчія отъ прилагательныхъ чаще всего происходятъ изъ простыхъ формъ:

1) Нарѣчія на *-о* представляютъ собою форму *Вин.* пад. безпредложную или же съ предлогомъ, происшедшую отъ простыхъ прилагательныхъ средняго рода, частью существующихъ въ языкѣ, частью же вышедшихъ изъ употребленія. Напр.: близко, скоро, рано (очевидно, производящее прилагательное получило, уже по обособленіи отъ него даннаго нарѣчія, дальнѣйшее суффиксальное распространеніе посредствомъ втораго „*н*"—„ранній"), словно (это нарѣчіе уже уклонилось въ своемъ значеніи отъ производящаго прилагательнаго, которое теперь не встрѣчается въ простомъ видѣ, а только въ сложеніи—„условный", „многословный"), просто (нарѣчіе встрѣчается и съ измѣненнымъ значеніемъ, напр.: „просто бѣда", „просто замучился", въ смыслѣ—„совсѣмъ, совершенно"); можно, нужно, должно, надобно (эти нарѣчія получили уже

[1]) Срв. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого: «Среди садовъ деревья гнутся *долу*»; «Грустныя *долу* она опускала рѣсницы».

значеніе глагольности вслѣдствіе того, что ихъ всегда сопровождаетъ или подразумѣвается при нихъ глаголъ „быть“, напр. можно || можно было || можно будетъ; поэтому языковое чутье относитъ эти нарѣчія въ одну категорію съ безличными глаголами—надлежитъ, слѣдуетъ, подобаетъ); *на́чисто*, *на́бѣло*. Укажемъ еще на то, что многія изъ нарѣчій разсматриваемаго типа способны, подобно прилагательнымъ, къ образованію какъ степеней сравненія (напр. худо—хуже—всего хуже), такъ и уменьшительныхъ формъ (напр. немножко [1]), маленько); послѣднія особенно часты въ нѣкоторыхъ литературныхъ жанрахъ, какъ напр. въ басняхъ, а также въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, срв.:

На ту бѣду лиса *близехонько* бѣжала.
(Крыловъ).

А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку *ранехонько*,
Умывается онъ да *бѣлехонько*,
Снаряжается онъ *хорошохонько*
(Гильф. Онеж. былины, 1873 г., стр. 107).

Тяжелешенько тутъ царь да порасплакался.
(Тамъ же, стр. 109).

Кромѣ разсматриваемаго типа, существуютъ нарѣчія отъ прилагательныхъ въ Вин. же падежѣ, но въ сложной формѣ женск. р. и въ соединеніи съ предлогомъ, напр. вплотну́ю, зачасту́ю (удареніе по сравненію съ прилагательными оказывается перенесеннымъ на окончаніе), напропалу́ю.

2) Нарѣчія происходятъ изъ простыхъ прилагательныхъ въ Род. над. съ предлогами *съ*, *изъ* и *до*, при чемъ окон-

[1]) Для этой уменьшительной формы нѣтъ соотвѣтствующаго прилагательнаго; значитъ, уменьшительный суффиксъ прибавился уже на почвѣ нарѣчія.

чаніемъ прилагательнаго является ударяемое или неударяемое *-а*, а иногда *-у* безъ ударенія, напр. слегка́, спроста́, сно́ва, со́-слѣпу, сду́ру (внѣ этой комбинаціи соотвѣтствующее прилагательное не встрѣчается, т. е. здѣсь имѣется пережитокъ выраженія), до-бѣла́, до́сыта, издалека́, съ́изнова, съизмала́ (два послѣдніе примѣра представляютъ соединеніе двухъ предлоговъ).

3) Нарѣчія представляютъ форму *Дат.* ед. простаго прилагательнаго съ предлогомъ *по*, напр. понапрасну, понемногу, понемножку, помалу, помаленьку, потихоньку. Въ случаѣ „повидимому“ имѣемъ сложную форму глагольнаго прилагательнаго, употребляющуюся какъ вводное выраженіе.

4) Что касается нарѣчій, происшедшихъ изъ прилагательныхъ въ *Твор.* ед., то встрѣчаемъ ихъ въ выраженіяхъ, содержащихъ повтореніе слова и служащихъ для усиленія значенія, напр. *давны́мъ*-давно́, *ра́нымъ* рано. [1])

5) Примѣрами нарѣчій изъ прилагательныхъ въ *Предл.* ед. могутъ служить: вполнѣ́, вдалекѣ́, вкратцѣ́ (отмѣтимъ пережитокъ смягченія *к* въ *ц*), вскорѣ́, вновѣ́, впрочемъ́.

Примѣчаніе 1. Имѣются также нарѣчія, происходящія изъ именъ числительныхъ, напр.: дважды, вдвойнѣ, наединѣ, вчетверомъ, во-первыхъ, теперь (срв. народн. топерь изъ*то-пьрьво).

Примѣчаніе 2. Что касается нарѣчій мѣстоименнаго происхожденія, то ихъ оказывается поразительное изобиліе, при чемъ многія изъ нихъ совершенно уже утратили для чутья ясность морфологическаго состава и приблизились къ частицамъ или даже перешли въ нихъ. Въ виду этого мы позволимъ себѣ ограничиться простымъ приведеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ: только, авось, когда, туда, вездѣ, гдѣ, здѣсь, всюду, [2]) едва, такъ, нипочёмъ, почему, нѣчего, по-моему, совсѣмъ, про-себя.

---

[1]) Аналогичныя по смыслу выраженія образуются также изъ Вин. пад. прилагательныхъ въ соединеніи съ предлогомъ *на*, срв. просто-на́-просто, перво-на́-перво. Подобныя же нарѣчія образуются и изъ существительныхъ, при чемъ предлогъ можетъ и отсутствовать; напр. точь-*въ*-точь, чуть-чуть.

[2]) Въ народномъ языкѣ кромѣ окончаній *-да*, *-дѣ*, *-ду* встрѣчается еще *-ды* въ соотвѣтствіи съ литерат. *-да*, напр. куды, туды и пр. (срв.

В) Нарѣчія глагольнаго происхожденія могутъ отражать собою слѣдующія формы:

1) Настоящее время: видишь, значитъ, кажется.

2) Прошедшее время: было (вводное словечко, напр.: „онъ, было, пошелъ“), стало („Вы, стало, изъ тѣхъ, что опрóститься хотятъ“—*Новь* Тургенева).

3) Будущее время: буде, будетъ (=довольно).

4) Повелительное наклоненіе: пускай, пусть, почти, народн. „почитай“, пожалуй, пожалуйста, небось, кажись, глядь, спасибо.

5) Неопредѣленное наклоненіе: знать.

6) Древнія причастныя формы: молча, спустя (напр. „немного спустя“), народн.—знамо, вѣстимо. Къ этой категоріи, собственно говоря, можетъ быть отнесенъ цѣлый отдѣлъ дѣепричастій, изъ которыхъ нѣкоторыя, становясь настоящими нарѣчіями, мѣняютъ удареніе, напр. мóлча вм. молчá („Лизавета Васильевна *молча* встала и...“ Писем. Тюфякъ гл. III). Замѣтимъ также, что причастія на *-щій*, становясь прилагательными, образуютъ нарѣчія по способу прилагательныхъ, срв. „машинка монотонно и *усыпляюще* стучала“ (Л. Андреевъ Гостинецъ, гл. II).

Г) Нарѣчія, образовавшіяся изъ выраженій, напр. стремглавъ (въ Сб. 1073 г.—стрьмоглавь).

Какъ мы уже упомянули, нарѣчія въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ понижаться въ своей знаменательности, постепенно переходя въ *частицы*—предлоги и союзы (напр. около, хотя). Что касается возникновенія *предлоговъ*, то въ этомъ случаѣ первоначальное нарѣчіе обычно служило для пространственнаго

также въ древне-русскомъ: «куды кому угодно».—Дог. Новг. съ Тв. 1325—1326 г., «куды имъ любо»—Дух. Сем. Ив. 1353 г., и т. д.; подобныя образованія извѣстны и изъ другихъ славянскихъ языковъ, напр. польск. kędy «куда, гдѣ», kiedy «когда», и т. п.).

опредѣленія глагола и нерѣдко сопровождалось существительнымъ въ опредѣленномъ падежѣ; на этой стадіи мы различаемъ еще въ нарѣчіи довольно ясно матеріальную и формальную стороны, хотя оно, обособившись отъ своей флексійной системы, уже получило новый оттѣнокъ значенія. Вслѣдствіе частой повторяемости своей передъ существительными въ одной и той же формѣ нарѣчіе начинаетъ тѣснѣе примыкать къ существительному и обособляться отъ глагола; вмѣстѣ съ тѣмъ центръ тяжести значенія въ нарѣчіи переносится на формальный оттѣнокъ и оно легко становится формальною принадлежностью слѣдующаго слова—препозиціоннымъ нарѣчіемъ и затѣмъ предлогомъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой перемѣны служитъ утрата нарѣчіемъ самостоятельнаго ударенія и подчиненіе ударенію слѣдующаго слова. И такъ, предлоги обычно представляютъ дальнѣйшую ступень измѣненія нарѣчій и относятся уже не къ глаголу, а къ имени (или мѣстоименію). Основное значеніе предлоговъ—выражать пространственное и временное отношеніе предметовъ. Соотвѣтственно этому и собственное значеніе нарѣчій, переходящихъ въ предлоги, принадлежитъ къ типу пространственно-временныхъ, срв. близь, около, вдоль и пр.; обычно при такихъ предлогахъ стоитъ Род. падежъ, какъ и при существительныхъ, отъ которыхъ произошли нарѣчія, обратившіяся затѣмъ въ предлоги. Предлоги могутъ еще входить въ качествѣ постояннаго элемента въ составъ слова для образованія его собственнаго значенія; въ такомъ случаѣ они становятся морфологическою частью слова, именуемою *префиксомъ*. Нѣкоторые предлоги извѣстны только въ видѣ префиксовъ: *воз-*, *низ-*, *раз-*, *вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*, *пере-*. Переходъ первоначальныхъ флексійныхъ формъ въ нарѣчія и предлоги принадлежитъ разнымъ эпохамъ. Къ древнѣйшимъ предлогамъ, имѣющимъ родичей въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ и потому восходящимъ къ эпохѣ аріо-европейскаго праязыка, принадлежатъ такіе простѣйшіе какъ—*про*, *пра*, *въ*, *съ* и *су*, *къ*, *отъ*, *изъ* и пр.; они соеди-

няются съ разными падежами, что̀ зависитъ отъ взаимнаго соотвѣтствія смысла предлога и смысла падежа. Чтобы убѣдиться въ родствѣ нѣкоторыхъ наиболѣе древнихъ предлоговъ русскаго языка съ предлогами другихъ языковъ нашего семейства, достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе примѣры: *про*=скт. pra, греч. *πρό*, литов. pra-; *пере-*=лат. per, нѣм. ver-; *съ* (*сънъ) и *су-* (сѫ-)=скт. sa и sam, прус. san, срв. также греч. *σύν* и лит. sù; *объ*=скт. abhí, греч. *ἀμφί*, нѣм. bei и англ. by—изъ bi, сюда же нѣм. и англ. be-; *до*=англ. to, нѣм. zu, греч. *-δε* (напр. *οἴκόνδε*); *на*=греч. *ανά*, нѣм. an, англ. on; и др.

Древнѣйшіе *союзы* имѣютъ мѣстоименное происхожденіе (напр. а, и, что...), а это указываетъ на то, что первоначально это были мѣстоименныя словечки, служившія для указанія видовъ ассоціаціи между представленіями и мыслями, напр. по *смежности* и *послѣдовательности* (и, когда), а въ дальнѣйшемъ развитіи они могутъ выражать и *причинность* (когда, такъ какъ), *подобіе*, *различіе* и *контрастъ* (какъ; но, а). Такимъ образомъ, союзы различаются по своему значенію отъ предлоговъ, представляя однако съ ними то сходство, что какъ тѣ, такъ и другіе не имѣютъ полнаго собственнаго значенія. [1])

Междометія по происхожденію представляютъ рефлекторные звуки, вызываемые тѣмъ или другимъ сильнымъ эмоціональнымъ состояніемъ, напр. чувствомъ боли, радости и т. п., а въ послѣдующемъ развитіи языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоціи. Вслѣдствіе частоты употребленія и привычки Зват. падежъ нѣкоторыхъ словъ пріобрѣтаетъ характеръ междометнаго вос-

[1]) Поэтому-то въ малограмотныхъ написаніяхъ часто нѣкоторые предлоги и союзы встрѣчаются написанными слитно съ словомъ, къ которому они примыкаютъ (напр. *анадругойжа*).

клицанія, напр.: ахъ, батюшки! матушки! Господи! Особый видъ междометій—звукоподражанія, первоначально родъ рефлекса со слуха на органъ произношенія.

Примѣчаніе. Такъ называемыя «глагольныя частицы» (звукоподражательныя), какъ напр. бацъ! трахъ! и т. п. должны считаться неизмѣняемыми глагольными образованіями. Глагольность ихъ подтверждается тѣмъ, что они по смыслу рѣчи получаютъ значеніе того или другаго времени и лица, а кромѣ того распространяются падежами одинаково съ родственными глаголами; напр. онъ бацъ (=бацнулъ) его по головѣ! тутъ онъ бацъ (=бацнулся) ему въ ноги! Срв. также у Крылова (Зеркало и Обезьяна): «..тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой».

Синтаксисъ.

Глава XIII.

Предметъ синтаксиса. Понятіе о предложеніи и его объемѣ. Простое нераспространенное предложеніе—его составъ и типы.

Въ морфологіи мы изучали отдѣльныя слова, при чемъ установили какъ наиболѣе крупные разряды словъ, именуемые частями рѣчи, такъ и различія смысловыя и формальныя въ области каждой части рѣчи. Теперь мы должны приступить къ разсмотрѣнію типовъ сочетанія словъ для выраженія нашихъ мыслей, что̀ и составляетъ предметъ синтаксиса. Наше изложеніе синтаксиса не будетъ особенно обширнымъ, такъ какъ многіе семазіологическіе вопросы, обычно разсматриваемые другими авторами въ синтаксисѣ, по нашему мнѣнію гораздо болѣе принадлежатъ морфологіи, куда мы и предпочли ихъ перенести. При такомъ расположеніи матеріала достигается бо́льшая систематичность въ изложеніи синтаксиса, гдѣ послѣдовательное разсмотрѣніе различныхъ типовъ предложенія уже не прерывается вставкою цѣлаго ряда подготовительныхъ и побочныхъ разсужденій, какъ напр. о частяхъ рѣчи, семазіологическихъ категоріяхъ имени существительнаго, или залогахъ и видахъ глагола.

Каждое сочетаніе словъ, служащее для выраженія мы-

сли и образующее одно цѣлое, называется *предложеніемъ*. Въ элементарной грамматикѣ предложеніе обыкновенно опредѣляется какъ „мысль (или по другимъ—отдѣльная мысль), выраженная словами". Это опредѣленіе содержитъ однако нѣкоторую неточность, ибо предложеніе есть фактъ рѣчи, а не мысли. Поэтому нужно признать болѣе точнымъ то опредѣленіе предложенія, которое дано нами выше: „предложеніе есть сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли (или—отдѣльной мысли)".

Все-таки и то, и другое опредѣленіе страдаетъ еще нѣкоторою неполнотою, такъ какъ не указываетъ, что считать отдѣльной мыслью. Но съ этимъ недочетомъ можно примириться въ виду того, что грамматика не ограничивается однимъ опредѣленіемъ, а вслѣдъ за нимъ переходитъ къ указанію состава предложеній, чѣмъ какъ бы опредѣляетъ и составъ отдѣльной мысли. Кромѣ того, хотя обычное опредѣленіе предложенія и не имѣетъ желательной полноты, но является весьма удобнымъ въ цѣляхъ педагогическихъ, именно благодаря своей краткости.

Примѣчаніе. Всякое предложеніе служитъ для выраженія мысли, а потому не мѣшаетъ остановиться на слѣдующемъ вопросѣ: совпадаетъ ли невысказанная мысль съ мыслью выраженной словами? Наши мысли начинаютъ складываться и развиваться съ самаго дѣтства и съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ значительное богатство и сложность содержанія, хотя благодаря привычкѣ могутъ казаться намъ весьма простыми. Но если мы попробуемъ одну такую по-видимому простую мысль передать другимъ словами, то увидимъ, что нерѣдко для этого требуется не одно, а цѣлый рядъ предложеній [1]), все-таки не исчерпывающихъ всего содержанія мысли. [2])

---

[1]) Дѣйствительно, желая выразить словами свою мысль, мы должны будемъ сказать и о томъ, что для насъ подразумѣвалось само собою, но безъ чего наша мысль при передачѣ другимъ показалась бы непонятной.

[2]) Достоевскій о томъ, какъ далеко наша рѣчь не исчерпываетъ мысли, мѣтко высказался словами Подростка: «Можетъ, я очень худо сдѣлалъ, что сѣлъ писать: *внутри безмѣрно больше остается чѣмъ то, что выходитъ въ словахъ*» (Подрост., гл. III, 1).

При этомъ послѣдняя какъ бы расчленяется и укладывается въ привычныя рамки предложеній соотвѣтствующихъ типовъ. Къ сказанному нужно прибавить, что слова, при помощи которыхъ выражается мысль, возбуждаютъ въ слушателѣ или читателѣ болѣе или менѣе сходную мысль, но не тожественную, соотвѣтственно большему или меньшему сходству въ развитіи ума автора выраженной мысли и лица, воспринимающаго послѣднюю.

Какъ извѣстно изъ элементарной грамматики, предложенія представляютъ большое разнобразіе по степени своей сложности, начиная отъ простаго нераспространеннаго предложенія, состоящаго только изъ двухъ членовъ—подлежащаго и сказуемаго, и кончая распространеннымъ сложнымъ предложеніемъ. Цѣль расширенія предложенія—полнѣе выразить мысль въ одномъ словесномъ цѣломъ. Не трудно однакожъ убѣдиться въ томъ, что это расширеніе должно имѣть надлежащія границы, что долженъ быть хотя бы приблизительно *нормальный объемъ предложенія*. Такъ какъ предложеніе представляетъ сторону смысловую и сторону произносимую или словесную, то вполнѣ естественно думать, что и объемъ предложенія долженъ обусловливаться моментами внутреннимъ или семазіологическимъ и внѣшними или фонаціонными:

1) Въ отношеніи семазіологическомъ необходимо, чтобы въ умѣ самого говорящаго единство мысли не утратилось въ теченіе выраженія ея словами, въ противномъ случаѣ не получится цѣльнаго предложенія. Что касается слушающаго, то необходимо, чтобы предложеніе, выражающее мысль говорящаго, содержало такое количество членовъ или частей, чтобы послѣдніе могли быть схвачены слушающимъ въ ихъ совокупности однимъ актомъ мысли, иначе предложеніе не будетъ воспринято въ своей цѣлости и не вызоветъ въ умѣ слушателя надлежащей мысли.

2) Въ отношеніи фонаціонномъ нужно, чтобы говорящій произносилъ предложеніе возможно однимъ объемомъ выдыханія, правильно расчлененнаго между членами предложенія,

чѣмъ достигается внѣшняя связность и цѣльность предложенія, необходимая для легкаго воспріятія его слушателемъ. Кромѣ того необходимо, чтобы повышенія и пониженія голоса, а также и измѣненія его по силѣ соотвѣтствовали внутреннему содержанію предложенія. При помощи этихъ измѣненій и получается возможность одно и то же предложеніе видоизмѣнять по смысловымъ оттѣнкамъ, а также и прерывать слишкомъ растянутое предложеніе передышкой, не нарушая однакожъ цѣльности его. Въ виду такой важности момента интонаціи, мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи иллюстрировать различные типы предложеній посредствомъ нотнаго обозначенія ихъ.

Нужно еще сказать, что съ развитіемъ письменности получилась возможность образованія болѣе обширныхъ сложныхъ предложеній, такъ какъ зрѣніе даетъ возможность охватить предложеніе съ болѣе обширнымъ объемомъ. Это должно было вызывать и развитіе соотвѣтствующихъ фонаціонныхъ пріемовъ для произнесенія такихъ предложеній, къ числу которыхъ относятся и такъ называемые періоды.

Давъ понятіе о предложеніи и его объемѣ, мы, слѣдуя способу начинать изученіе явленій съ наиболѣе простаго ихъ типа, обратимся къ разсмотрѣнію предложеній, которыя служатъ для выраженія самыхъ простыхъ нашихъ мыслей и прежде всего постараемся взглянуть съ *психологической* точки зрѣнія на самое содержаніе такихъ мыслей. Не трудно видѣть, что каждая простѣйшая мысль до воплощенія ея въ предложеніе является въ нашемъ умѣ въ видѣ одного цѣльнаго представленія; напр., если мы видимъ или вспоминаемъ цвѣтущую липу, то въ нашемъ умѣ является одинъ цѣльный образъ дерева съ нѣкоторыми признаками; если мы захотимъ въ умѣ другаго вызвать подобное же представленіе, то говоримъ: „липа цвѣтетъ“. Такимъ образомъ, самая простая мысль, когда мы ее выражаемъ словами, естественно разлагается на

двѣ части соотвѣтственно тому, что, думая о какомъ-нибудь предметѣ, мы непремѣнно думаемъ о немъ что-нибудь. Отсюда происходятъ двѣ основныя категоріи въ предложеніи: *подлежащее*, обозначающее предметъ, о которомъ мы думаемъ, и *сказуемое*, выражающее, что́ думаемъ объ этомъ предметѣ. Постараемся теперь разъяснить психологически самый путь, который могъ и долженъ былъ повести къ указанному расчлененію мысли при выраженіи ея словами. Уже напередъ можно предположить, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ тѣми же основными психологическими силами и процессами умственной дѣятельности, каковые мы уже знаемъ изъ предшествующаго изученія явленій морфологіи, это—ассоціаціи смежности и сходства и творческая дѣятельность. Всѣ предметы міра наблюдаются нами не въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ: каждый изъ нихъ случается наблюдать въ разныхъ видахъ движенія или состоянія (напр. лошадь идетъ, лошадь ѣстъ, лошадь ржетъ и т. д.); съ другой стороны одно и то же дѣйствіе или состояніе можетъ принадлежать разнымъ предметамъ (напр. лошадь идетъ, человѣкъ идетъ и т. п.). Въ томъ и другомъ случаѣ представленія частію сходны (такъ какъ относятся къ одному и тому же предмету или же дѣйствію), частію же различны (вслѣдствіе различія дѣйствій даннаго предмета или предметовъ при одномъ и томъ же дѣйствіи),—и въ этомъ-то частичномъ сходствѣ и различіи заключается толчокъ къ разложенію при посредствѣ рѣчи цѣлостнаго впечатлѣнія на два члена—подлежащее и сказуемое, при чемъ согласованіе послѣднихъ знаменуетъ въ нашей рѣчи цѣлостность мысли. Какъ ни простъ разсмотрѣнный способъ выраженія мысли, однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ не сразу дошелъ до него, такъ какъ для этого требуется какъ навыкъ въ опредѣленномъ разложеніи цѣлостнаго впечатлѣнія, такъ и наличность соотвѣтствующихъ словесныхъ формъ. Надо думать, что въ самомъ началѣ человѣчество выражало свои мысли одиночными словами, которыя и были первона-

чальной формой предложенія. Эту стадію рѣчи мы можемъ наблюдать и теперь у дѣтей, начинающихъ говорить, которыя въ одномъ словѣ умѣщаютъ всю свою мысль; такъ ребенокъ, говоря „t'u“ или „t'uj“ (т. е. стулъ), не просто называетъ предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ включаетъ сюда свою мысль или желаніе относительно этого предмета, какъ это доказываютъ мимика и жесты, сопровождающіе данное слово, которое можетъ обозначать напр. „придвинь стулъ“, „посади меня на стулъ“ и т. п. [1]) Въ дальнѣйшемъ наши дѣти, перенимая родную рѣчь отъ взрослыхъ, усваиваютъ и вышеуказанный готовый способъ расчлененія цѣлостныхъ впечатлѣній, т. е. всѣ съ дѣтства уже такъ привыкаютъ къ выработаннымъ типамъ словесныхъ выраженій, что болѣе не замѣчаютъ творческаго процесса расчлененія мысли посредствомъ предложенія. [2]) А между тѣмъ человѣчеству нужно было самому дойти до такого способа расчлененія и создать тѣ или другія языковыя средства для его выраженія, и мы невольно приходимъ теперь въ глубокое удивленіе передъ рѣшенною столь успѣшно человѣкомъ задачею—выработать соотношеніе между своимъ міромъ мысли и міромъ реальнымъ при посредствѣ звуковыхъ символовъ, благодаря чему и сталъ возможенъ болѣе легкій обмѣнъ мыслей между людьми. Что касается ру-

[1]) Основываясь на этихъ данныхъ дѣтской рѣчи, мы не можемъ согласиться съ тѣми лингвистами, которые развитіе человѣческой рѣчи выводятъ изъ *корней-словъ*. Мы думаемъ, что основною формою рѣчи является и всегда являлось предложеніе, а не отдѣльныя слова, почему и правильнѣе было бы говорить о первоначальныхъ не корняхъ-словахъ, а *корняхъ-предложеніяхъ*.

[2]) Нѣкоторые изслѣдователи видятъ сущность предложенія въ высказываніи (предицированіи) о подлежащемъ, но намъ кажется такое воззрѣніе неправильнымъ, такъ какъ мы не можемъ вообще сказать, который изъ этихъ двухъ членовъ предложенія возникаетъ въ мысли раньше, и можно думать, что въ дѣйствительности относительно этого нѣтъ постояннаго однообразія, явленія же нашего повседневнаго разговора на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ въ томъ, что предложеніе можетъ состоять не только въ предицированіи, но и субъектированіи, отвѣчая какъ на вопросъ «что дѣлаетъ какой-либо предметъ?» такъ и на вопросъ «кто дѣлаетъ что-либо?».

ководящаго фактора, направлявшаго всю эту работу мысли и рѣчи, то имъ несомнѣнно являлась та естественно-логическая способность ума, которая, классифицируя всѣ наши представленія, тѣмъ самымъ даетъ толчокъ ходу мысли, а кромѣ того контролируетъ и соотвѣтствіе послѣдней съ міромъ дѣйствительности, по скольку онъ запечатлѣлся уже въ памяти на основаніи всего предъидущаго опыта. [1]) Кромѣ того, развитіе рѣчи направляется дѣйствіемъ особыхъ языковыхъ факторовъ, какъ напр. аналогіи и опрбщенія, при чемъ новообразованія возникаютъ путемъ сочетанія творчества и традиціи. Творческія же попытки выраженія мысли могутъ быть не только удачными въ смыслѣ логичности, но и неудачными. Однако, благодаря памяти и подражанію, дѣйствующимъ въ обоихъ случаяхъ, и неудачныя попытки могутъ утвердиться въ языкѣ, особенно если онѣ обладаютъ качествомъ удобства или же приспособленности къ строю языка (срв. напр. современныя выраженія „*красныя* чернила“, „*стрѣлять* изъ ружья“, „*вздувать* огонь“,—во всѣхъ этихъ случаяхъ произошло то, что самое явленіе измѣнилось, но, по ассоціаціи сходства между этими преемственными явленіями, прежнее названіе перенесено и на новое явленіе, благодаря чему получилось какъ

[1]) Указываемую здѣсь естественно-логическую способность ума не слѣдуетъ смѣшивать съ наукою логики, представляющею собою чисто теоретическое построеніе опредѣленныхъ типовъ сужденій и выводовъ. Различіе между естественною логикою ума и наукою логики выступаетъ съ особенною ясностью, если обратить вниманіе на то, что первая сопровождаетъ все наше мышленіе, тогда какъ вторая имѣетъ цѣлью лишь указать условія полученія правильныхъ выводовъ и предохранить отъ обычно встрѣчающихся заблужденій. Въ своихъ формальныхъ построеніяхъ наука логики не затрагиваетъ живой рѣчи во всемъ ея разнообразіи, но ограничивается искусственнымъ составленіемъ схематическихъ предложеній упрощеннаго типа и комбинацій ихъ для полученія опредѣленныхъ логическихъ выводовъ. А такъ какъ грамматика имѣетъ въ виду изученіе фактовъ живой рѣчи въ ихъ конкретности, а не упрощенныя логическія нормы, то въ виду рѣшительнаго различія въ цѣляхъ обѣихъ становится очевидною необходимость строгаго отдѣленія научно-грамматическаго изученія языка отъ научной логики.

бы противорѣчіе между этимъ послѣднимъ и генетическимъ смысломъ выраженія).

Приступая теперь къ главному предмету настоящей главы—къ анализу простаго нераспространеннаго предложенія, и припомнивъ, что оно состоитъ изъ двухъ главныхъ членовъ, обозначающихъ предметъ, о которомъ мы думаемъ, и то, что думаемъ о предметѣ, мы теперь обратимъ вниманіе на одно существенное различіе въ самомъ характерѣ нашей мысли: мы можемъ думать о предметѣ или какъ наблюдаемомъ (напр. лошадь идетъ), или же абстрактно, стараясь отнести предметъ къ его родовому классу (напр. лошадь—животное). Соотвѣтственно этому различію мысли, простыя предложенія представляютъ два главные типа: А) предложенія, изображающія фактъ, и Б) предложенія, опредѣляющія предметъ относительно его родоваго понятія. Кромѣ того нужно указать еще В) переходный типъ между этими двумя главными, который, принадлежа по формѣ ко второму типу, по характеру мысли нерѣдко приближается къ первому типу; это—предложенія, опредѣляющія свойство или качество предмета, напр. „лошадь мала“, „лошадь пуглива“. Не трудно видѣть, что разница между указанными типами предложенія сводится внѣшнимъ образомъ къ различному составу сказуемаго, т. е. въ первомъ типѣ сказуемымъ служитъ одинъ глаголъ, тогда какъ во второмъ и третьемъ типѣ сказуемое состоитъ изъ глагола „быть“ съ существительнымъ или прилагательнымъ.

Примѣчаніе. Каковъ бы ни былъ составъ предложенія, его можно разсматривать двояко: съ точки зрѣнія синтаксической—по членамъ предложенія, и съ точки зрѣнія морфологической — по частямъ рѣчи. Нельзя однакожъ не признать, что такое рѣзкое отдѣленіе сторонъ морфологической и синтаксической, допускаемое ради удобства изложенія, страдаетъ нѣкоторою искусственностію, такъ какъ въ дѣйствительности та и другая сторона тѣсно связаны и даже слиты между собою, ибо морфологія представляетъ такъ сказать инвентарь отдѣльныхъ категорій словъ и ихъ формъ, а синтаксисъ показываетъ всѣ эти слова и формы въ ихъ движеніи и жизни—въ предложеніи.

А. Предложенія, изображающія фактъ.

Когда мы выражаемъ простую мысль о предметѣ наблюдаемомъ и совершающемъ дѣйствіе, то пользуемся для этого частями рѣчи слѣдующимъ образомъ: въ роли подлежащаго употребляется Именительный падежъ предметной части рѣчи, т. е. имени существительнаго, а также—прилагательнаго, числительнаго и мѣстоименія въ смыслѣ существит. (напр. „богатый“, „трое“, „онъ“, и т. п.); въ роли сказуемаго употребляется личный глаголъ, который всегда *согласуется* съ подлежащимъ. При этомъ различаются случаи: если подлежащее выражено личнымъ мѣстоименіемъ перваго или втораго лица, то оно соединяется съ соотвѣтствующими личными формами глагола; если же подлежащее выражено предметнымъ названіемъ, то оно сочетается съ формою третьяго лица сказуемаго глагола. [1]) Личный глаголъ при этомъ можетъ измѣняться по временамъ и наклоненіямъ. Припомнимъ также, что глаголы по самому характеру дѣйствія распадаются на переходные и непереходные. Такъ какъ *переходные* глаголы непремѣнно предполагаютъ объектъ дѣйствія и послѣдній можетъ быть указанъ (въ Вин. пад.), то такимъ образомъ сказуемое простаго нераспространеннаго предложенія можетъ дополняться названіемъ объекта дѣйствія. Мысль, выражаемая такимъ предложеніемъ, можетъ быть еще представлена въ *обратной* или *страдательной* формѣ, напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ.

Разъяснивъ составъ простаго нераспространеннаго предложенія, изображающаго фактъ, укажемъ еще тотъ частный

---

[1]) Объ особенностяхъ согласованія сказуемаго съ существительными собирательными въ древне-русскомъ языкѣ говорилось въ морфологіи (стр. 158). Къ отступленіямъ относятся также случаи, когда въ разговорѣ при подлежащемъ, обозначающемъ единичное лицо, сказуемое изъ почтенія ставится во мн. ч., напр. у Писемскаго: «Да-съ,—отвѣчалъ Иванъ Иванычъ—прекрасная пѣсенка, да и *Юлія Владиміровна* прекрасно *изволятъ* пѣть» (Тюфякъ, гл. V).

случай, когда *личная* форма такого предложенія замѣняется *безличною*, болѣе или менѣе равносильною по значенію съ первою формою, напр. я хочу, братъ не спитъ || мнѣ хочется, брату не спится и т. п. Послѣднія предложенія тѣмъ отличаются отъ первыхъ, что дѣйствія въ нихъ представляются не какъ производимыя субъектомъ, а какъ бы происходящія независимо отъ его воли и лишь къ нему относимыя (срв. стр. 225). А потому въ этихъ предложеніяхъ названіе предмета, которому приписывается дѣйствіе, стоитъ не въ Именит., а уже въ Дательномъ падежѣ, соотвѣтственно основному смыслу этого послѣдняго падежа. [1]) О другихъ безличныхъ предложеніяхъ мы будемъ говорить въ концѣ настоящей главы.

Б. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно его родоваго понятія.

Этотъ типъ предложеній употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется опредѣлить, что̀ такое называемый предметъ (напр. „лошадь—животное“). Въ этомъ случаѣ подлежащее представляетъ собою видовое понятіе, сказуемое же указываетъ то или другое родовое понятіе, къ которому говорящій относитъ видовое. Въ такихъ предложеніяхъ какъ подлежащее, такъ и сказуемое выражаются предметнымъ именемъ въ Именительномъ падежѣ, при чемъ въ составъ сказуемаго предмет-

---

[1]) Логика, имѣющая въ виду изучать не столько словесную сторону выраженій, сколько основные типы сужденій, пренебрегаетъ подобными варіаціями предложеній, ограничиваясь лишь случаями личныхъ предложеній. Старая, такъ называемая философская грамматика, опираясь на упрощенныя логическія нормы, старалась и въ этихъ, собственно безличныхъ, предложеніяхъ открыть нормальныя подлежащее и сказуемое. Отсюда получались странные выводы, напр. что подлежащее кромѣ Именительнаго падежа можетъ иногда стоять въ Дат. (напр. *мнѣ* хочется—подлежащее *мнѣ*) и т. п., къ сожалѣнію и доселѣ нерѣдко повторяющіеся въ грамматическихъ руководствахъ.

ное имя входитъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, при извѣстныхъ условіяхъ опускаемымъ (напр. лошадь—животное вм. лошадь есть животное). Въ русскомъ языкѣ, какъ видно изъ только что приведеннаго примѣра, глаголъ „быть“ обычно опускается въ формѣ настоящаго времени. Этотъ пропускъ возможенъ потому, что чрезъ это не происходитъ затрудненій для пониманія подобныхъ выраженій, такъ какъ въ живой рѣчи въ такихъ предложеніяхъ названіе родоваго понятія обычно произносится съ логическимъ удареніемъ и отдѣляется паузой отъ названія опредѣляемаго предмета. Такой способъ произношенія является достаточнымъ для показанія того, что родовое понятіе въ подобнаго рода выраженіяхъ служитъ сказуемымъ. Но, спрашивается, самый пропускъ глагола не свидѣтельствуетъ ли о потерѣ сказуемымъ глагольнаго значенія? Конечно—нѣтъ, подобно тому какъ не теряется субстантивность черезъ пропускъ существительнаго въ такихъ случаяхъ, какъ—*столовая*, *прихожая* и проч. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ глаголъ „быть“ считается „связкою“, чѣмъ какъ бы лишается полной знаменательности глагола и даже какъ бы исключается изъ глагольнаго разряда словъ. На самомъ же дѣлѣ глаголъ „быть“ въ разсматриваемыхъ случаяхъ несомнѣнно глаголъ съ глагольною флексіей и не имѣетъ такого признака, который могъ бы заставить видѣть въ немъ слово особой категоріи; онъ выражаетъ собою *актъ* нашей классификаціи, посредствомъ котораго предметъ зачисляется въ ту или другую родовую категорію. Такимъ образомъ глаголомъ *быть* въ этомъ случаѣ выражается извѣстное движеніе мысли, подобно нѣкоторымъ другимъ глаголамъ, напр. *считаться*, *становиться*, *казаться* и др. Родовое названіе въ разсматриваемомъ типѣ предложеній не всегда ставится въ Имен. падежѣ, но при употребленіи глагола *быть* въ другихъ временахъ, а также при повелительномъ наклоненіи того же глагола, можетъ стоять и въ Творительномъ (N былъ учитель || N былъ учителемъ; будь учителемъ), правда—при

особомъ оттѣнкѣ значенія. [1]) Упомянемъ еще, что могутъ встрѣчаться такія предложенія, въ которыхъ повидимому подлежащее выражается любымъ словомъ въ любой формѣ, но въ этомъ случаѣ послѣднее непремѣнно мыслится какъ опредмеченное представленіе, почему на письмѣ нерѣдко заключается въ кавычки, напр. (при грамматическомъ разборѣ): „читаетъ“—глаголъ. [2]) Наконецъ, къ разсматриваемому типу можно отнести еще тѣ элементарныя предложенія, въ которыхъ на мѣстѣ сказуемаго стоитъ названіе самого предмета, а на мѣстѣ подлежащаго—указательное слово, которое при непосредственномъ указаніи предмета нерѣдко опускается, напр. „это—лошадь“. Данная разновидность предложенія отличается отъ предъидущихъ того же типа большею конкретностью, такъ какъ тамъ предложенія служатъ для отнесенія названнаго предмета къ тому или другому родовому понятію и, слѣдовательно, представляютъ собою уже продуктъ отвлеченной мысли, тогда какъ здѣсь имѣющійся на лицо предметъ только еще получаетъ свое наименованіе. [3])

В. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно качества.

Предложенія этого типа употребляются въ томъ случаѣ, когда требуется указаніе того или другаго качества предмета, напр. волкъ—сѣръ. Въ этихъ предложеніяхъ подлежащимъ

---

[1]) Творительный падежъ ставится также въ томъ случаѣ, когда мѣсто глагола *быть* занимаетъ одинъ изъ упомянутыхъ выше глаголовъ: *становиться*, *называться*, *казаться* и проч. Нѣкоторые лингвисты признаютъ и эти глаголы въ подобныхъ выраженіяхъ связкою, но опять безъ достаточнаго основанія.

[2]) Въ языкахъ, имѣющихъ членъ, при опредѣляемомъ словѣ будетъ поставленъ членъ, напр. по-нѣмецки: das «liest» ist Verbum.

[3]) Всѣ заглавія книгъ въ сущности представляютъ собою эту же разновидность предложеній, т. е. самое заглавіе является сказуемымъ, а указательное слово опущено. Что это дѣйствительно такъ, мы убѣждаемся

служитъ предметное имя въ Именительномъ падежѣ, а сказуемымъ прилагательное въ простой формѣ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ; при этомъ отмѣтимъ то отличіе отъ предъидущаго типа, что здѣсь сказуемое необходимо согласуется съ подлежащимъ не только въ числѣ и падежѣ, но также и родѣ. При произношеніи такихъ предложеній уже не наблюдается столь замѣтной паузы и кромѣ того часто на сказуемое прилагательное здѣсь не падаетъ столь сильнаго логическаго ударенія, какъ въ разсмотрѣнномъ выше типѣ предложеній.

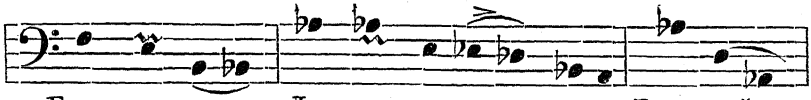
Предложенія, опредѣляющія качество подлежащаго, по внѣшнему своему составу сходны съ предъидущимъ типомъ, а по внутреннему сходству нерѣдко съ первымъ или изображающимъ фактъ типомъ особенно когда сказуемое выражено или отглагольнымъ прилагательнымъ или причастіемъ въ соединеніи съ глаголомъ „быть“ (онъ хвастливъ; онъ любимъ). Такія выраженія, какъ послѣднее (онъ любимъ), повели къ тому, что въ языкѣ возникли сложныя временныя формы, напр. онъ пришелъ (ст.-слав. **пришьлъ ѥсть**; срв. франц. je suis venu, нѣм. ich bin gekommen и т. п.). Какъ въ предложеніяхъ перваго типа, такъ и въ разсматриваемомъ типѣ кромѣ *личнаго* оборота встрѣчается *безличный* способъ выраженія и съ такимъ же различіемъ въ оттѣнкѣ значенія, напр. я веселъ || мнѣ весело. Первое выраженіе прямо указываетъ, каковъ самъ субъектъ (самъ по себѣ субъектъ веселъ), тогда какъ второе выраженіе показываетъ только, что качество или признакъ веселости присутствуетъ у даннаго лица, независимо отъ него самаго. Нерѣдко безличныя выраженія съ прилагательнымъ имѣютъ параллельные обороты съ личнымъ глаголомъ (что опять свидѣтельствуетъ о внутренней связи дан-

---

изъ случаевъ, гдѣ въ заглавіи еще сохранилось указательное слово; напр. Лѣтопись Нестора озаглавлена такъ: «*Се* повѣсти временьныхъ лѣтъ»; также и въ санскритѣ встрѣчаются подобныя заглавія, напр.: «*atha* Nalōpakhyānam» (т. е. *вотъ* разсказъ о Налѣ).

ныхъ типовъ предложеній), напр. мнѣ грустно || я грустенъ или я грущу; при этомъ личное глагольное выраженіе показываетъ, что субъектъ самъ проявляетъ свое душевное состояніе, тогда какъ безличное выраженіе лишь констатируетъ, что у субъекта существуетъ такое состояніе. Какъ мы видимъ, въ безличныхъ оборотахъ прилагательное-сказуемое является съ окончаніемъ средняго рода, но уже не по согласованію съ подлежащимъ, а самостоятельно, какъ бы указывая на безличность. [1])

Установивъ основные типы простыхъ нераспространенныхъ предложеній, мы представимъ ихъ образцы въ нотномъ обозначеніи, чтобы показать *обычную* ихъ интонацію: [2])



Братъ не спитъ. Ло-шадь жи-вот-но-е. Волкъ сѣръ.

Какъ мы видимъ, во всѣхъ этихъ примѣрахъ начало предложенія, т. е. подлежащее, значительно выше конца, т. е. сказуемаго. [3]) При этомъ подлежащее отдѣляется отъ сказуема-

---

[1]) Разсмотрѣнные нами три основныхъ типа простыхъ предложеній, благодаря элементарности, усваиваются дѣтьми раньше вступленія ихъ въ обычную рѣчь, т. е. до трехлѣтняго возраста; впрочемъ, что касается втораго типа, то въ дѣтской рѣчи чаще всего примѣняется послѣдняя изъ указанныхъ нами разновидностей его. Соотвѣтствующіе примѣры предложеній изъ дѣтской рѣчи читатель найдетъ въ статьяхъ проф. Александрова и свящ. Благовѣщенскаго въ Рус. Фил. Вѣстн. 1883 и 1886 г.

[2]) Замѣтимъ, что знакъ ⁓ помѣщенный надъ нотою показываетъ, что тонъ нѣсколько выше этой ноты; будучи же помѣщенъ подъ нотою, показываетъ, что тонъ нѣсколько ниже; знакъ соединенія служитъ для обозначенія glissando; длительность осталась не отмѣченною. Наблюденія, приводимыя здѣсь, а также и далѣе, произведены надъ моимъ произношеніемъ при участіи мѣстнаго музыканта И. А. Козлова.

[3]) Такое же движеніе тона, т. е. пониженіе, мы наблюдаемъ и въ томъ случаѣ, когда въ предложеніяхъ перваго типа подлежащему предшествуетъ сказуемое-глаголъ, напр.: «Подулъ вѣтеръ». Иногда можетъ показаться, что

го незначительной паузою, которая наиболѣе замѣтна въ предложеніяхъ втораго типа, интервалъ между ударяемымъ слогомъ подлежащаго и сказуемаго приблизительно равенъ квартѣ, ударяемый слогъ подлежащаго короче по сравненію съ ударяемымъ слогомъ сказуемаго, произносимымъ болѣе или менѣе glissando.

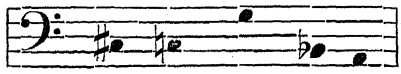
Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію предложеній со стороны отношенія говорящаго лица къ высказываемому сужденію. Какое бы изъ предложеній мы ни взяли, оно представляетъ собою фактъ мысли, могущій относиться не только къ дѣйствительному бытію, но также къ желаемому и требуемому. Что касается перваго случая, т. е. предложеній, относящихся къ дѣйствительности или такъ называемыхъ *повѣствовательныхъ*, то мы уже разсмотрѣли ихъ въ ихъ главныхъ типахъ. Теперь мы должны прибавить, что эти предложенія могутъ служить не только для указанія на дѣйствительное явленіе (*утвердительныя* предложенія), но и для выраженія отсутствія его (*отрицательныя* предложенія), что̀ достигается присоединеніемъ къ утвердительной формѣ отрицательной частички *не*. Кромѣ обыкновенной или повѣствовательной формы можетъ быть еще *вопросительная*. Эта послѣдняя вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ или другой членъ мысли-предложенія можетъ быть неизвѣстенъ; чтобы спросить о немъ и употребляется особая вопросительная форма. Вопросъ можетъ касаться того или другаго члена въ предложеніи; при этомъ будетъ естественно разница въ способѣ обозначенія вопроса смотря по тому, долженъ ли относиться послѣдній къ подлежащему или же къ сказуемому; напр. для повѣствовательнаго предложенія „лошадь идетъ“ могутъ быть вопроситель-

---

и здѣсь подлежащее произносится выше сказуемаго, но это происходитъ только въ томъ случаѣ, когда данная фраза ждетъ продолженія въ видѣ другихъ однородныхъ, либо придаточныхъ предложеній, напр.: «Подулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья, полилъ дождь...»; «Подулъ вѣтеръ, нагоняя тучи».

ныя предложенія: 1) „*кто* идетъ?“ (вопросъ для подлежащаго) и 2) „*что дѣлаетъ* лошадь“ (вопросъ для сказуемаго). Кромѣ того могутъ быть вопросы другаго рода, такъ сказать—для удостовѣренія: 1) лошадь ли идетъ? 2) идетъ ли лошадь? Мы видимъ, что въ послѣднемъ случаѣ порядокъ словъ въ предложеніи имѣетъ существенное значеніе: слово, относительно котораго желаемъ удостовѣриться, занимаетъ первое мѣсто и сопровождается частицею *ли*; кромѣ того здѣсь соотвѣтственно видоизмѣняется и интонація. Даже одной послѣдней иногда бываетъ достаточно, чтобы повѣствовательное предложеніе превратилось въ удостовѣрительно-вопросительное, напр. „лошадь идетъ“? при чемъ усиленная интонація можетъ приходиться или на подлежащее или на сказуемое, смотря по тому, относительно котораго изъ этихъ членовъ предложенія желаемъ удостовѣриться. Говоря о вопросительной формѣ, нужно указать на *отвѣтную*, въ которой могутъ быть опущены всѣ слова кромѣ того, которое собственно относится къ отвѣту, независимо отъ синтаксической роли этого слова. [1])

Предложенія, передающія не фактъ дѣйствительности, а желаніе или требованіе, нуждаются (какъ мы уже указывали на стр. 239—240) для своего выраженія въ другомъ наклоненіи глагола-сказуемаго: въ случаѣ желанія употребляется *сослагательное* наклоненіе, напр. „поигралъ бы я!“ [2])

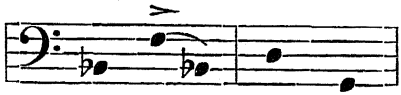


По - и - гралъ бы я!

[1]) Въ виду того, что живая рѣчь изобилуетъ такими отвѣтными недосказываемыми предложеніями, я не могу согласиться съ тѣми педагогами, которые съ величайшею педантичностью требуютъ отъ дѣтей полныхъ отвѣтовъ, не допуская какихъ-либо сокращеній; этимъ, думается мнѣ, они отучаютъ ребенка отъ естественнаго языковаго чутья.

[2]) Въ древне-русскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ прибавлялась не безразличная частица *бы*, но глагольная форма соотвѣтствующаго лица, напр.

а въ случаѣ требованія или просьбы—*повелительное*, напр. „читай!“

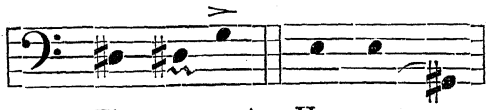


Типы эти по самой своей природѣ не способны къ вопросительной формѣ. [1]) Что касается повелительнаго типа предложеній, то при глаголѣ-сказуемомъ во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія подлежащее (соотвѣтствующее личное мѣстоименіе) обычно подразумѣвается, иногда же выражается именемъ предмета въ формѣ Зват. падежа; въ послѣднемъ случаѣ такое подлежащее называется въ грамматикахъ обращеніемъ и отдѣляется отъ сказуемаго паузою—въ произношеніи и запятою (иногда знакомъ восклицанія)—на письмѣ. Разсматриваемый типъ предложенія кромѣ повелѣнія служитъ также для выраженія просьбы какъ обыкновенной, такъ и ласковой; въ случаѣ ласковой просьбы нерѣдко обращеніе выражается уменьшительнымъ или ласкательнымъ именемъ, а къ глагольной формѣ можетъ присоединиться частица *-ка*, самое же выраженіе сопровождается соотвѣтствующей интонаціей. Повелительное наклоненіе съ присоединеніемъ къ глаголу отрицанія получаетъ смыслъ запрещенія, напр. „не шуми!“ [2])

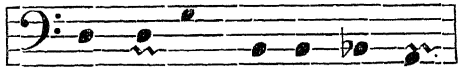
«рѣша отче братья умножаются а *хотѣли быхомъ* поставити манастыръ» (Лавр. лѣтоп. подъ 1051 г.).

[1]) Въ такихъ вопросительныхъ предложеніяхъ, имѣющихъ смыслъ рѣшительнаго повелѣнія, какъ «уйдешь ли ты отсюда?» и т. п., сказуемое выражено въ формѣ не повелительнаго, а изъявительнаго наклоненія; съ присоединеніемъ отрицанія такія выраженія получаютъ вѣжливо-просительный характеръ, напр. «не подвинитесь ли немного?».

[2]) Существуетъ особый видъ повелительныхъ предложеній, въ которыхъ повелѣніе выражено одною «общею формою» глагола (т. наз. неопредѣленнымъ наклоненіемъ), напр. «молчать!», «не смѣть!» и т. п., для выраженія категорическаго требованія. По всей вѣроятности, такія выраженія явились результатомъ сокращенія цѣлаго предложенія, въ родѣ: «приказы-



а сослагательное съ присоединеніемъ отрицанія выражаетъ отговариваніе отъ предполагаемаго дѣйствія, напр. „не ходилъ бы ты лучше!“



Примѣчаніе. Къ какому бы изъ разсмотрѣнныхъ типу или виду ни относилось предложеніе, оно при томъ же сочетаніи словъ можетъ путемъ измѣненія интонаціи получать разнообразные оттѣнки, напр. восклицанія, удивленія, угрозы, сожалѣнія и т. д. Подъ вліяніемъ эмоцій измѣняется также и темпъ рѣчи. Такимъ образомъ живая рѣчь пользуется для передачи оттѣнковъ настроенія говорящаго не только опредѣленными сочетаніями словъ (какъ въ нераспространенныхъ, такъ и распространенныхъ предложеніяхъ), но также соотвѣтствующимъ измѣненіемъ тембра и тона голоса, усиленіемъ или ослабленіемъ его, а также замедленіемъ или ускореніемъ темпа рѣчи и наконецъ удлиненіемъ ударяемаго гласнаго въ подчеркиваемомъ словѣ. Къ сожалѣнію, все разнообразіе оттѣнковъ, получаемыхъ такимъ образомъ въ нашей рѣчи, пока еще—можно сказать—совершенно не изучено; для иллюстраціи же этой стороны произношенія мы укажемъ на нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій. Въ предложеніи повѣствовательномъ обыкновенно средняя высота тона держится приблизительно на одномъ уровнѣ, понижаясь въ самомъ концѣ предложенія. [1]) Въ предложеніи вопросительномъ мѣсто наибольшаго повышенія голоса опредѣляется тѣмъ словомъ, на которомъ сосредоточена сила вопроса; отвѣтныя же предложенія по движенію тона

ваю молчать», «ты долженъ молчать» и т. п. Такія сокращенія мы встрѣчаемъ еще въ старомъ русскомъ языкѣ, напр. въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича и еще раньше въ грамотахъ. Аналогичныя выраженія встрѣчаются въ нѣмецкомъ, напр. «still schweigen!» (=молчать!), «nicht hinausbeugen!» (=не высовываться!) и т. п.

[1]) Въ малорусскомъ нарѣчіи тоническое различіе оказывается болѣе замѣтнымъ; тамъ обычно повѣствовательная фраза начинается относительно высоко, но затѣмъ тонъ падаетъ на среднюю ступень и еще разъ понижается въ концѣ фразы.

подходятъ вообще къ повѣствовательнымъ. Предложенія восклицательныя представляютъ большое разнообразіе въ повышеніи и пониженіи тона въ зависимости отъ мѣста логическаго ударенія (напр. въ фразѣ «ахъ, какъ я усталъ!» тонъ можетъ постепенно понижаться отъ начала къ концу, или же приходиться на томъ или другомъ словѣ этого предложенія). [1]) Что касается варіацій въ темпѣ рѣчи, то въ качествѣ примѣра можно указать на быстроэнергичную гнѣвную рѣчь и на торопливую радостную; при рѣшительныхъ требованіяхъ или выговорахъ рѣчь можетъ принимать медленно-размѣренный характеръ. Иллюстраціей удлиненій въ словахъ могутъ служить слѣдующіе примѣры, представляющіе варіаціи одного и того же предложенія: «а на горахъ—тумаанъ!»; «а туманъ какоой, тумаанъ, просто дышать нельзя». При переспрашиваніи же слово «туманъ?» было произнесено уже совершенно иначе: ударенный слогъ, кромѣ значительнаго повышенія тона, былъ выговоренъ энергично и кратко; именно такое энергичное stoccato и придало характеръ вопроса нашему слову, хотя при немъ и не было употреблено никакихъ вопросительныхъ словечекъ. Въ заключеніе прибавимъ, что общеупотребительное письмо лишь въ слабой степени (напр. при помощи знаковъ препинанія) можетъ намекать на особенности живой рѣчи въ ея разнообразныхъ нюансахъ и модуляціяхъ; этотъ недостатокъ письменной передачи заставляетъ писателей прибѣгать при воспроизведеніи разговоровъ къ указаніямъ характера произнесенія и эмоціональнаго состоянія говорящаго.

Въ заключеніе мы остановимся на проявленіяхъ экономическаго фактора въ жизни простаго нераспространеннаго предложенія, именно на случаяхъ *подразумѣваемости*. Здѣсь нужно различать случаи временнаго и постояннаго опущенія того или другаго члена въ предложеніи.

Что касается временнаго подразумѣванія въ живой рѣчи, то сюда принадлежатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда тотъ или другой членъ предложенія опускается, если онъ самъ собою ясенъ по условіямъ разговора, напр. пропускъ подлежащаго-обращенія въ повелительномъ предложеніи. Возьмемъ еще другой примѣръ: если кто-нибудь пришелъ, то обыкновенно

---

[1]) Въ своихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 202—203 я представилъ въ нотномъ обозначеніи нѣсколько примѣровъ тоническихъ варіацій одного и того же предложенія подъ вліяніемъ логическаго ударенія и эмоцій.

докладывающій объ этомъ называетъ одно только подлежащее, напр. „полковникъ Скалозубъ!“ („Горе отъ ума“).

Въ рядѣ случаевъ подразумѣваніе имѣетъ болѣе или менѣе постоянный характеръ: 1) подразумѣваніе подлежащаго—*личнаго мѣстоименія*, напр. пишу Вамъ эти строки и т. д. 2) подразумѣваніе сказуемаго—*глагола „быть“ въ наст. врем.*, напр. „время—деньги, знаніе—богатство“. Тире указываетъ на пропускъ и паузу.

На почвѣ подразумѣваемости возникли и одночленныя безличныя предложенія, которыя могутъ соотвѣтствовать всѣмъ тремъ типамъ простыхъ нераспространенныхъ предложеній, напр. „морозитъ“, „морозъ!“ „морозно!“ Эти предложенія содержатъ въ себѣ только одно сказуемое, подлежащее же остается по той или другой причинѣ не названнымъ и какъ бы мыслится въ самомъ сказуемомъ. Что это такъ, видно изъ другихъ языковъ, гдѣ въ этихъ случаяхъ необходима двучленная форма предложенія, напр. въ нѣм. es schneet, франц. il pleut; впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что въ этихъ выраженіяхъ подлежащее-мѣстоименіе понизилось въ своей знаменательности, ставши формальнымъ элементомъ. То особое значеніе, какое имѣетъ сказуемое въ русскомъ одночленномъ безличномъ предложеніи, могло выработаться такъ же, какъ напр. прилаг. „богатый“ стало равняться выраженію „богатый человѣкъ“ и перешло въ этомъ значеніи въ категорію существительныхъ, оставаясь по формѣ прилагательнымъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что подразумѣваемость легко ведетъ къ *видоизмѣненію значенія*, къ перемѣнѣ чутья формы. Это особенно ясно видно на такихъ безличныхъ выраженіяхъ именнаго происхожденія, какъ „жаль“ (собственно—сущ.), „можно“, „нужно“ (прил.), которыя теперь являются для чутья глаголами или глагольными частицами, благодаря подразумѣваемому глаголу „есть“ (срв. прош. вр. „жаль было“, „нужно было“), почему въ нѣкоторыхъ грамматикахъ даже и зачисляются прямо въ отдѣлъ безличныхъ глаголовъ.

Что касается *собственно глагольныхъ* безличныхъ выраженій, то въ нихъ выдѣляются три случая: 1) дѣйствіе относится къ людямъ, при чемъ по-русски ставится глаголъ въ 3 л. множ. числа (по-франц. *on*, по-нѣм. *man*), [1]) напр. „читаютъ“, „ходятъ“; срв. въ Лавр. лѣт. (стр. 7)—„якоже *сказаютъ*“; 2) дѣйствіе относится къ неодушевленной природѣ, при чемъ глаголъ становится въ 3 л. един. числа (франц. *il*, нѣм. *es*), а въ прош. вр. въ неродовой формѣ, напр. „морозитъ“, „морозило“; срв. Лавр. лѣт. подъ 946 г.: „и повелѣ ольга яко *смерчеся* (=какъ смерклось) пустити голуби... и не бѣ двора идеже не *горяше*“; 3) безличныя глагольныя выраженія въ 3 л. ед. ч. съ *-ся*, обыкновенно служащія для обозначенія настроенія, какъ напр. „мнѣ хочется“, о которыхъ уже говорилось выше.

Примѣчаніе. Синтаксическій строй языка, подобно морфологическому и фонетическому, тоже измѣняется въ теченіи времени. Въ русской лингвистической литературѣ были попытки открыть основной законъ измѣненія синтаксической стороны языка, при чемъ указывалось (проф. Потебня) на усиленіе глагольности и сказуемости въ предложеніи на счетъ субстантивности. Это обобщеніе мнѣ кажется однакожъ неосновательнымъ; ибо, если дѣйствительно и встрѣчаемъ случаи расширенія глагольности и сказуемости, напр. при образованіи безличныхъ выраженій (срв. «жаль» и т. п.), неопредѣленнаго наклоненія и т. п., то съ другой стороны можно указать не менѣе фактовъ, доказывающихъ также и развитіе субстантивности (срв. переходъ прилагательныхъ и иногда даже причастій въ категорію существительныхъ, возможность образованія къ каждому глаголу именнаго названія дѣйствія, возможность опредмеченія даже цѣлыхъ предложеній и т. п.). Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи языка существуетъ то и другое теченіе и оба они необходимы, чтб конечно не исключаетъ того, что они могутъ получать своеобразныя черты на почвѣ отдѣльныхъ языковъ.

---

[1]) Кромѣ того, въ этихъ случаяхъ въ германскихъ языкахъ иногда примѣняется страд. безличный оборотъ въ ед. ч. съ мѣстоим. ср. р., напр. «просятъ»=нѣм. es wird gebeten, англ. it is requested; въ романскихъ языкахъ такія выраженія построены нѣсколько иначе, срв. франц. *on* est prié, итал. *si* (т. е. возвр. мѣст.) prega.

Глава XIV.

Распространеніе простаго предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что простѣйшее предложеніе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, выражаетъ собою расчлененіе одного цѣлостнаго представленія. При этомъ одно и то же представленіе можетъ быть расчленено весьма различнымъ образомъ въ зависимости отъ того, на какой особенности предмета или явленія фиксировалось наше вниманіе, напр. созерцаніе одной и той же липы можетъ дать поводъ къ возникновенію цѣлаго ряда простѣйшихъ предложеній, напр. „липа цвѣтетъ“, „липа высока“, „липа—дерево“ и т. п. Такъ какъ каждое наше представленіе связывается со сходными элементами всего предшествующаго опыта, то это обстоятельство можетъ безгранично расширять область выраженій мысли посредствомъ отдѣльныхъ предложеній. При этомъ каждое такое расчлененіе мысли можетъ въ свою очередь распадаться на новые болѣе частные элементы, а это ведетъ къ тому, что подлежащее и сказуемое, соотвѣтствующія главнымъ расчлененіямъ и потому называемыя *главными* членами предложенія, могутъ получать, въ зависимости отъ усложненія мысли, разнаго рода опредѣленія, которыя уже будутъ представлять собою *второстепенные члены предложенія*. Эти послѣдніе распадаются на двѣ группы: 1) собственно *опредѣле-*

нія, указывающія признаки, существующіе въ предметныхъ представленіяхъ и въ представленіяхъ дѣйствій, напр. „*эта большая* лошадь *быстро* бѣгаетъ“, 2) *дополненія*, указывающія новыя предметныя, а также глагольныя представленія, которыми распространяется предложеніе, при чемъ первыя выражаются тѣмъ или другимъ косвеннымъ падежомъ, а вторыя неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что опредѣленіями могутъ быть части рѣчи съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющія самостоятельности, а дополненіями являются склоняемыя самостоятельныя части рѣчи съ полнымъ собственнымъ значеніемъ, а также неопредѣленное наклоненіе глагола. Опредѣлительныя слова, относящіяся къ предметному представленію, согласуются съ его названіемъ. Опредѣлительнымъ словомъ можетъ быть и имя существительное, напр. „*городъ* Казань“, при чемъ, смотря по ходу представленій, оно или предшествуетъ опредѣляемому, или же слѣдуетъ за нимъ (въ послѣднемъ случаѣ оно называется *приложеніемъ*). [1]) Опредѣлительными словами дѣйствій служатъ нарѣчія прилагательнаго происхожденія, обыкновенно оканчивающіяся на *-о*. Что касается дополненій, то они представляютъ два случая, смотря по тому, выражаются ли склоняемымъ словомъ или же неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Иногда склоняемое слово, будучи дополненіемъ, пріобрѣтаетъ смыслъ нарѣчія, особенно при обозначеніяхъ мѣста, времени и способа дѣйствія, и тогда его отличаютъ названіемъ *обстоятельственнаго слова* (напр. *сегодня вечеромъ* я пойду *домой*). Теперь мы перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію вто-

[1]) Обыкновенно въ рѣчи приложеніе ставятъ лишь для перваго поясненія того или другаго новаго только-что названнаго предмета, въ дальнѣйшемъ же оно употребляется уже не въ формѣ приложенія, но опредѣленія; срв. у Карамзина: «При Василіѣ II, Темномъ, *сынѣ и наслѣдникѣ Василія I*, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ»; «Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый: таковъ былъ Іоаннъ III, *сынъ и наслѣдникъ Василія II, Темнаго*.

ростепенныхъ членовъ предложенія, выражаемыхъ какъ падежными формами, такъ и неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Разсматривая употребленіе падежныхъ формъ, нужно различать употребленіе падежей безпредложное и съ предлогомъ. Мы уже знаемъ, что если падежная форма состоитъ изъ слова и предлога, то предлогъ становится такою же *необходимою* частью формы, какъ и окончаніе; поэтому когда имѣется падежная форма безъ предлога и та же форма съ предлогомъ, то семазіологически это будутъ особые падежи. Такъ, напр., въ выраженіяхъ—видъ *города* || идти *отъ города*—семазіологически имѣются разные падежи: въ первомъ случаѣ—*Родит.* падежъ, во второмъ—*Исходный*, при чемъ предлогъ считается формальнымъ элементомъ падежа. [1]) Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію семазіологическихъ оттѣнковъ падежныхъ формъ, употребляющихся въ качествѣ второстепенныхъ членовъ предложенія. [2])

Какъ мы уже знаемъ, *Винит.* падежъ въ предложеніи является дополненіемъ къ переходному глаголу, указывая на непосредственный объектъ глагольнаго дѣйствія; такое дополненіе называется прямымъ. Съ перемѣною же дѣйствительнаго оборота на страдательный Винит. падежъ мѣняется на Именит. (срв. отецъ далъ *книгу* || *книга* дана отцомъ). При такомъ превращеніи прямаго или дѣйствительнаго типа предложенія въ обратный или страдательный измѣненіе, касаясь Именит. и Винит. падежа, не касается другихъ косвенныхъ падежей, которые могутъ остаться по-прежнему (срв. отецъ далъ книгу *сыну* || книга дана отцомъ *сыну*). Кромѣ того, Вин.

---

[1]) Школьная грамматика ошибочно видитъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же Родит. падежъ; это происходитъ отъ того, что она искусственно отрываетъ падежную форму отъ предлога и толкуетъ послѣднюю какъ бы безпредложную.

[2]) Общую семазіологическую характеристику падежныхъ категорій въ языкахъ нашего семейства см. въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], примѣчаніе на стр. 417—418.

падежъ можетъ служить дополненіемъ при глаголахъ какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ, для показанія *времени*, въ продолженіе котораго совершается дѣйствіе, или *пространства*, которое проходятъ, проѣзжаютъ и т. п.; очевидно, въ этомъ случаѣ время и пространство представляются какъ непосредственный объектъ дѣйствія (напр. я шелъ *версту* пѣшкомъ; я читалъ цѣлый *часъ*). Подобнымъ же процессомъ, какъ мы указывали при разсмотрѣніи залоговъ глагола, нѣкоторые предложные глаголы, происходящіе отъ среднихъ, получаютъ дѣйствительное значеніе и сочиняются съ Вин. падежомъ, напр. „проходить площадь“. Форма Винит. падежа въ соединеніи съ разными предлогами, получаетъ рядъ другихъ оттѣнковъ значенія; такъ, напр., находясь при глаголахъ движенія (переходныхъ или непереходныхъ) данная форма, смотря по предлогу, будетъ указывать или на то, что движеніе субъекта направлено во внутренность предмета („ѣду *въ* деревню“), или на переходъ дѣйствія субъекта за предметъ („ѣду *за*-городъ“) и пр.; при глаголахъ мышленія и рѣчи форма Вин. падежа въ соединеніи съ предлогомъ *про* получаетъ значеніе объяснительное, т. е. указываетъ тотъ объектъ, которымъ занята мысль подлежащаго (напр. думаю *про* урокъ).

Подобно тому какъ глагольное представленіе переходнаго дѣйствія распространяется Винительнымъ падежомъ, такъ наиболѣе обычнымъ распространеніемъ именнаго представленія служитъ *Родительный* падежъ другаго существительнаго въ смыслѣ опредѣленія или дополненія; чрезъ прибавленіе Род. падежа именное понятіе становится болѣе опредѣленнымъ, напр. „домъ *отца*“ (исключаются возможности—домъ брата, друга и т. п.). [1]) При этомъ Родит. падежъ можетъ

[1]) Въ выраженіяхъ такого рода Родит. падежъ существительнаго можетъ по смыслу замѣняться соотвѣтствующимъ прилагательнымъ притяжательнымъ, напр. «*отцовъ* домъ»; однако въ первомъ выраженіи именное понятіе можетъ быть опредѣлено еще точнѣе чрезъ прибавленіе прилагатель-

получать разнообразные оттѣнки значенія, въ зависимости отъ характера сочетающихся именныхъ представленій; такъ, напр., онъ можетъ служить для опредѣленія принадлежности („домъ *отца*“), возраста („человѣкъ *пожилыхъ лѣтъ*“), матеріала („свѣча *воску яраго*“), класса предметовъ („стадо *свиней*“) и т. д.

Примѣчаніе. Иногда приходится предложеніе измѣнять такимъ образомъ, что вмѣсто глагола подставляется отглагольное существительное, напр. «братъ *читаетъ*» || «*чтеніе* брата мнѣ нравится»; въ этомъ случаѣ Родит. падежъ существительнаго обозначаетъ субъекта дѣйствія. Но если глаголъ имѣетъ при себѣ прямое дополненіе, напр. «читаетъ *книгу*», то при упомянутой замѣнѣ глагола названіе объекта дѣйствія ставится также въ Родит. падежѣ—«чтеніе *книги*». Если же при глаголѣ указаны и субъектъ, и объектъ дѣйствія, напр. «*братъ* читаетъ *книгу*», то въ именномъ оборотѣ не могутъ быть допущены два Родительныхъ въ различномъ значеніи (субъектномъ и объектномъ), а только одинъ—для названія объекта, причемъ названіе субъекта ставится въ Творит. падежѣ по образцу страдательной конструкціи, напр. «чтеніе *книги братомъ* идетъ успѣшно». Срв. сноску на стр. 201.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и переходные глаголы могутъ распространяться дополненіемъ въ Родит. падежѣ, напр. „я принесъ *воды*“ и т. п. Здѣсь примѣненіе Родит. падежа нужно объяснить аналогіей къ выраженіямъ, обозначающимъ количество (срв. ведро воды, много воды и т. д.). То, что во взятомъ нами примѣрѣ Род. падежъ дѣйствительно зависитъ отъ подразумѣваемой идеи количества, слѣдуетъ изъ того, что при отсутствіи ея употребляется уже не Род., а Вин. падежъ, срв. „я принесъ *воду*“ (срв. также „я несу вамъ *воды*“ || „я несу вамъ *воду*“; въ послѣднемъ примѣрѣ идея количества уже отсутствуетъ). [1]) Дальнѣйшее расширеніе употребленія

наго или мѣстоименія къ Родит. падежу существительнаго, напр. «домъ моего добраго отца», тогда какъ второй случай не допускаетъ такихъ болѣе опредѣленныхъ указаній, благодаря наличности лишь одного существительнаго.

[1]) Такой Родит. количества встрѣчается также въ литовскомъ языкѣ, напр. atnẽšk mán vandeñs=принеси мнѣ воды.

Род. падежа представляютъ случаи примѣненія этого падежа въ сферѣ уже не матеріальной, а духовной, срв. „спрашивалъ ея *мнѣнія*“ (Писем. „Тюфякъ“ гл. I).

При глаголахъ *лишать, лишаться, остерегаться* и т. п. форма Род. падежа можетъ разсматриваться не какъ Род., но какъ Исходный (отдалительный) падежъ, служащій для обозначенія того предмета, котораго лишаются, отъ котораго удаляются; напр. „лишаю *наслѣдства*“, „остерегаюсь *простуды*“ и т. п. Теперь не трудно понять употребленіе Род. падежа послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ, напр.: „я даю *деньги*“ || „я не даю *денегъ*“; во второмъ случаѣ Род. падежъ сталъ употребляться по аналогіи съ такими случаями, какъ „лишаюсь наслѣдства“, такъ какъ частица *не* тоже имѣетъ смыслъ лишенія.

Въ томъ случаѣ, когда сказуемымъ является прилагательное въ *сравнит. степени*, то оно можетъ быть распространено Родит. падежомъ предметной части рѣчи, напр. „онъ сильнѣе брата“; однакожъ и здѣсь, быть можетъ, правильнѣе будетъ видѣть не Родит. падежъ, а Исходный, формы которыхъ въ славянскихъ языкахъ смѣшались; высказанное предположеніе подтверждается между прочимъ сравненіемъ съ латинскимъ языкомъ, гдѣ послѣ сравнит. степени ставится именно Исходный падежъ (Ablativus). Что касается *превосходной степени*, то—къ какому бы члену предложенія ни относилась она — указаніе при ней родоваго представленія или класса предметовъ выражается въ русскомъ языкѣ посредствомъ формы Родит.-Исходнаго падежа съ предлогомъ *изъ*, напр. „храбрѣйшій изъ людей“.

Когда въ предложеніи требуется въ качествѣ дополненія указать тотъ предметъ, для котораго совершается дѣйствіе, то въ этомъ случаѣ глагольныя и частію именныя названія распространяются *Дательнымъ* падежомъ, напр.: „даю книгу *тебѣ*“. Въ случаѣ замѣны глагола отглагольнымъ существительнымъ Винит. падежъ, какъ мы знаемъ, долженъ замѣнить-

ся Родит. падежомъ, а Дат. падежъ остается безъ измѣненія: „даваніе книги *тебѣ*“. Дополненіе въ Дат. падежѣ встрѣчается еще при сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ нѣкоторыя существительныя, а также и при нѣкоторыхъ прилагательныхъ, напр. „онъ другъ моему отцу“,[1]) „это извѣстно мнѣ“, „это понятно намъ“ и т. д.

Дополненіе къ глаголу или къ отглагольному существительному полагается въ *Творит.* падежѣ, когда требуется обозначить дѣйствующій предметъ въ страдательныхъ оборотахъ, напр. „сынъ наказывается *отцомъ*“, „наказываніе сына *отцомъ*“. Дополненіе въ Творительномъ падежѣ можетъ служить также для обозначенія орудія, которымъ совершается дѣйствіе, напр. „пишу *перомъ*“. Въ иныхъ случаяхъ Творит. падежъ пріобрѣтаетъ обстоятельственное значеніе, напр. „малина растетъ кустами“, „иду полемъ“ и т. п.

Особаго вниманія заслуживаетъ примѣненіе въ Творит. падежѣ существительныхъ и прилагательныхъ въ сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ такіе глаголы, какъ —*звать*, *называть*, *считать*, *объявлять*.... *являться*, *казаться*, *называться*, *считаться*, *становиться*.... *быть*, *жить*, *расти*, *ходить*, *умереть*...; напр.: онъ называется Петромъ; я считаю тебя добрымъ; быть битымъ; [2]) сидѣть сиднемъ; и т. д. Не трудно видѣть, что въ предложеніяхъ такого рода составное сказуемое выражаетъ не только дѣйствіе, но и спо-

---

[1]) Въ этомъ случаѣ можетъ быть употребленъ также Род. падежъ: «онъ другъ моего отца». Въ послѣднемъ случаѣ чрезъ прибавленіе Род. падежа становится болѣе ограниченнымъ (опредѣляется) представленіе «другъ»; въ первомъ же случаѣ Дат. падежъ относится не только къ слову «другъ», но вмѣстѣ и къ подразумѣваемому глаголу «есть», въ чемъ и заключается разница между сравниваемыми выраженіями.

[2]) Вмѣсто Творит. падежа при неопред. наклоненіи глагола «быть» можетъ стоять также и Дат. падежъ, напр. «быть биту». Это встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Сборн. 1076 г. въ безличныхъ выраженіяхъ: «послушливу быти до съмьрти» (подразум. подобаетъ); «паче (т. е. лучше) похулену быти неже хулити: обидиму быти а не обидѣти».

собъ его проявленія въ признакахъ, указываемыхъ Творит. падежомъ существительнаго или прилагательнаго. Въ другихъ языкахъ въ такихъ предложеніяхъ вмѣсто Творит. падежа ставится Именит. или же Винит., т. е. въ согласованіи съ падежомъ подлежащаго или прямаго дополненія (двойной Именит. можно встрѣтить и въ современномъ русскомъ языкѣ, тогда какъ двойной Винит.—только въ старомъ языкѣ, срв. Лавр. лѣтоп. подъ 945 г. „и повелѣ засыпати *я* (т. е. ихъ) *живы*“).[1]) Нужно однако замѣтить, что при этомъ вторые Именительный или Винительный, входя въ составъ сказуемаго, получаютъ нѣсколько особый оттѣнокъ значенія по сравненію съ соотвѣтствующими падежами подлежащаго или дополненія; эта разница въ греческомъ языкѣ выражается отсутствіемъ члена при второмъ падежѣ; въ русскомъ языкѣ и другихъ славянскихъ, какъ мы только что видѣли вмѣсто Именительнаго или Винительнаго сталъ примѣняться падежъ способа или Творительный.[2]) Что касается прилагательныхъ, то въ нихъ указанная разница оттѣнка значенія находитъ себѣ выраженіе въ встрѣчающейся иногда въ русскомъ языкѣ замѣнѣ втораго падежа соотвѣтствующимъ нарѣчіемъ, которое относясь уже непосредственно къ глаголу, еще наглядиѣе, чѣмъ Творит.

---

[1]) Въ поэзіи XVIII в. также можно встрѣтить примѣненіе такихъ устарѣвшихъ оборотовъ, напр. у В. И. Майкова въ баснѣ «Роза и Змѣя»: «Натура насъ съ тобой *подобныхъ* (т. е. подобными) сотворила» (Сочин., изд. 1867, стр. 190). Примѣненіе втораго Именит., особенно отъ прилагательныхъ, какъ упомянуто,—встрѣчается и въ новомъ языкѣ, срв. у Пушкина «Къ морю»:

«Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я *тихій* и *туманный*,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ».

Или также у Лермонтова въ «Пророкѣ»: «Изъ городовъ бѣжалъ я *нищій*».

[2]) Употребленіе въ подобныхъ оборотахъ Творит. падежа встрѣчаемъ также и въ ближайшемъ родичѣ славанскихъ языковъ—въ языкѣ литовскомъ. напр. kã karãliumi iššaũkti «объявить кого-либо *королемъ*».

падежъ, обозначаетъ способъ дѣйствія. [1]) Вообще же говоря, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ здѣсь случаяхъ измѣняется синтаксическая зависимость: то, что раньше относилось къ подлежащему или дополненію, теперь приходитъ въ ближайшую связь съ сказуемымъ-глаголомъ.

Примѣчаніе. Усвоеніе падежныхъ оттѣнковъ дѣтьми происходитъ весьма неравномѣрно. Такъ, легче всего кромѣ Им. и Зват. усваиваются Винительный прямаго дополненія, Родит. вещественный, Дательный лица и изрѣдка Творит. орудія; изъ предложныхъ выраженій раньше всего усваиваются выраженія съ предлогами *въ* и *на*, отвѣчающія на вопросы: куда? гдѣ?

Не касаясь случаевъ распространенія членовъ предложенія посредствомъ падежныхъ формъ въ соединеніи съ разными предлогами, остановимся на распространеніи личныхъ глаголовъ *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* въ качествѣ дополненія. Глаголы, распространяемые въ русскомъ языкѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, представляютъ въ отношеніи смысла два типа, изъ которыхъ одинъ можетъ быть названъ субъективнымъ (напр. *хочу*, *желаю*), другой—объективнымъ (напр. *заставляю*, *прошу*). Личные глаголы перваго типа естественно обусловливаютъ отнесеніе глагольнаго дополненія въ неопр. накл. къ тому же субъекту, личные же глаголы втораго типа—къ объекту; напр. срв. „*я* хочу *читать*“ (=чтобы *я* читалъ) || „я заставляю *тебя читать*“ (=чтобы *ты* читалъ). Такъ какъ предложеніе можетъ заключаться въ безличномъ глаголѣ и вообще безличномъ выраженіи, то тогда конечно оттѣнокъ безличности распространяется и на форму неопредѣленнаго наклоненія, напр.: „*слѣдуетъ* молиться“ „*хочется* играть“, „*полезно* читать“, „*жаль* разстаться“ и т. п. Глаголы непереходнаго дѣйствія по большей части не могутъ распро-

[1]) Срв. санскритское предложеніе—yatnam akarōt susamāhitaḥ (=онъ совершалъ покаяніе очень *старательный*), которое по-русски должно быть передано: «онъ совершалъ покаяніе очень *старательно*».

страняться неопред. наклоненіемъ (напр. играю, торгую и т. п.), кромѣ глаголовъ движенія, при которыхъ неопред. наклоненіе служитъ для выраженія цѣли дѣйствія.[1]) Въ этихъ случаяхъ въ древне-русскомъ языкѣ употреблялась особая глагольная форма, именуемая *супиномъ* и оканчивавшаяся на *-тъ* (напр. иде учитъ), затѣмъ вышедшая изъ употребленія и замѣнившаяся обыкновеннымъ неопр. наклоненіемъ.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о *сложныхъ предложеніяхъ*. Сложныя предложенія могутъ состоять во 1) изъ равноправныхъ предложеній (т. наз. *составныя*), напр. я читаю, а ты играешь; при этомъ если имѣются общіе члены въ томъ и другомъ, то они—согласно принципу экономіи—могутъ не повторяться, напр. братъ сидитъ и читаетъ (такія предложенія получили наименованіе *слитныхъ*); 2) изъ неравноправныхъ предложеній—главнаго съ зависимымъ отъ него придаточнымъ, напр. „Несется онъ къ Франціи милой, *гдѣ* славу оставилъ и тронъ“ (Лермонтовъ). Сущность разницы между этими двумя типами сложныхъ предложеній сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ, при *сочиненіи*, сохраняется самостоятельность и полнота смысла каждаго изъ сочетаемыхъ предложеній, тогда какъ во второмъ, при *подчиненіи*, вниманіе фиксируется преимущественно на главномъ предложеніи, которому тѣмъ или другимъ способомъ подчиняется придаточное. Что касается интонаціи сложныхъ предложеній, то, какъ увидимъ изъ нотныхъ записей, они обычно подраздѣляются на двѣ половины, отдѣленныя одна отъ другой довольно значительною паузою. Движеніе тона въ той и другой половинѣ неодинаково: первая половина, будетъ ли она придаточною или же главною, имѣетъ болѣе или менѣе восходящее движеніе и вообще произносится выше по сравненію со второй половиной, имѣющею нисходя-

[1]) Кромѣ того, съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ могутъ сочетаться глаголы—боюсь, надѣюсь, рискую и нѣк. др.

щее движеніе, которое на столько характерно, что даже ударяемый слогъ послѣдняго слова, слѣдующій за неударенными, произносится ниже послѣднихъ. При всемъ томъ вторая половина примыкаетъ къ первой такимъ образомъ, чтобы ея тоничность находилась въ соотвѣтствіи съ начальной половиной, ибо иначе не получилось бы цѣлостности сложной фразы. Повышеніе тона первой половины сопровождается crescendo, а пониженіе второй—diminuendo. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ сложномъ предложеніи встрѣчаются повышенія голоса и помимо подраздѣленія такого предложенія на двѣ половины, эти повышенія обычны напр. въ слитныхъ предложеніяхъ при перечисленіяхъ, а также передъ союзами, чѣмъ какъ бы указывается слушателю на незаконченность фразы.

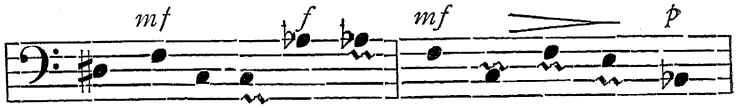
Придаточныя предложенія бываютъ въ такъ называемомъ *полномъ* и *краткомъ* видѣ. Связь полнаго придаточнаго предложенія съ главнымъ можетъ обозначаться: 1) посредствомъ мѣстоименій относительныхъ, 2) посредствомъ мѣстоименныхъ нарѣчій, 3) посредствомъ союзовъ (временныхъ, условныхъ, уступительныхъ, причинныхъ и пр.). Первый родъ связи употребляется тогда, когда придаточное предложеніе относится къ главному или второстепенному члену предложенія, выраженному посредствомъ склоняемаго слова; второй родъ связи примѣняется въ томъ случаѣ, когда придаточное предложеніе относится къ обстоятельственному слову главнаго предложенія, но иногда можетъ употребляться также и въ первомъ случаѣ какъ параллельный оборотъ; третій родъ связи употребляется тогда, когда придаточное предложеніе относится къ главному въ его цѣломъ, а не къ отдѣльному его члену.

Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ типовъ *полныхъ придаточныхъ предложеній* въ связи съ главнымъ предложеніемъ, классифицируя ихъ уже не по способу формальнаго присоединенія къ главному предложенію, а на основаніи смысловыхъ различій, при чемъ оговоримся, что факты живой рѣчи не всегда укладываются въ

тотъ или другой опредѣленный типъ, но могутъ занимать переходное положеніе, относясь одновременно къ тому и другому.

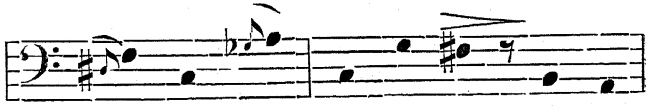
а) Типъ **опредѣлительно-описательный** употребляется въ томъ случаѣ, когда тотъ или другой предметный членъ предложенія не можетъ быть выраженъ однимъ словомъ, а требуетъ описанія. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ или относительнымъ нарѣчіемъ, которымъ въ главномъ предложеніи соотвѣтствуютъ указательныя мѣстоименіе или нарѣчіе, нерѣдко опускаемыя. Если придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ, то послѣднее полагается въ томъ падежѣ, какой обусловливается требованіями присоединяемаго придаточнаго предложенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи даннаго типа:

Кто много посмѣетъ, *тотъ* у нихъ и правъ... (Достоев. „Прест. и Наказ.“ ч. 5, гл. IV):



Кто мно-го по-смѣ-етъ, тотъ у нихъ и правъ.

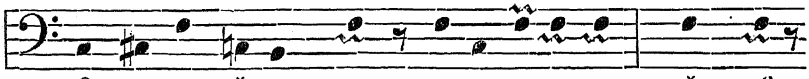
Что пройдетъ, *то* будетъ мило (Пушк. „Если жизнь тебя обманетъ“, 1825 г.):

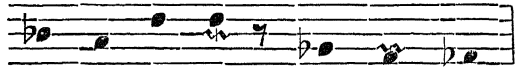


Что прой-детъ, то бу-детъ ми-ло.

Тому, *кого* караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ. (Пушк. „Друзьямъ“, 1828 г.).

Она видѣла въ немъ что-то новое, *съ чѣмъ* ей не случалось встрѣчаться (Тург. „Отцы и дѣти“ гл. XVI):





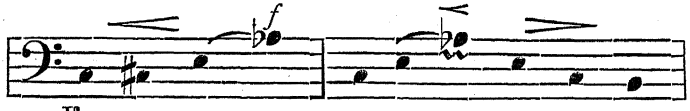
У васъ въ эту минуту тысяча мыслей въ головѣ, *изъ которыхъ* вы мнѣ ни одной не повѣрите. (Тург. „Наканунѣ“ гл. IX).

Такой тонъ былъ общій у всѣхъ прикащиковъ, *сколько* ихъ у него ни перебывало. (Л. Толстой „Анна Кар.“, ч. 2, гл. XIII).

...онъ вошелъ въ маленькую гостинную, *гдѣ* всегда пилъ чай... (Тамъ же, ч. 1, гл. XXVII).

б) Типъ **уподобительно-сравнительный** употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется сравнить однородные предметы или явленія въ смыслѣ сходства, или же показать разницу между ними въ смыслѣ степени качества. Формальное отличіе такого типа состоитъ въ томъ, что придаточное предложеніе начинается съ относительнаго мѣстоименія или мѣстоименнаго нарѣчія, выражающихъ уподобленіе (напр. *какой*, *какъ*), или же со слова „чѣмъ“; въ первомъ случаѣ главное предложеніе содержитъ указательное мѣстоименіе (нерѣдко опускаемое), а въ послѣднемъ—сравнительную степень прилагательнаго или нарѣчія. Примѣры:

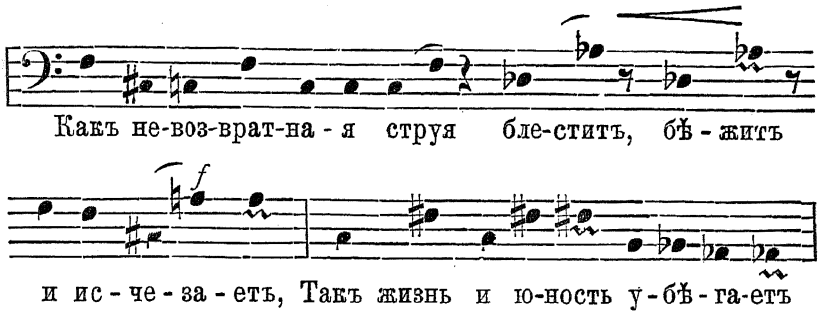
Каковъ попъ, *таковъ* и приходъ (Народ. поговорка):



...*какъ* всѣ русскіе дворяне, онъ въ молодости учился музыкѣ. (Тург. „Наканунѣ“ гл. V).

Вы не стѣсняйтесь, *какъ бы* наединѣ самъ себѣ! (Достоев. „Прест. и Нак.“ ч. 6, гл. VIII).

Какъ невозвратная струя блеститъ, бѣжитъ и исчезаетъ,
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ... (Пушк. 1825 г.).

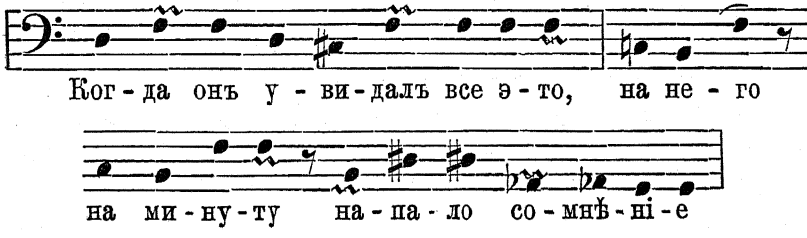


...произнесла весь этотъ маленькій спичъ съ особенною отчетливостью, *словно* она его наизусть выучила. (Тург. „Отцы и Дѣти“ гл. XVI).

Счастливѣй былъ, *чѣмъ* вы и я. (Лерм. „Казначейша“ XVII).

в) Типъ **временной** выражаетъ одновременность или же послѣдовательность дѣйствій главнаго и придаточнаго предложенія союзами, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и видами глагола несовершеннымъ и совершеннымъ. Срв.:

Когда онъ увидалъ все это, на него на минуту напало сомнѣніе (Л. Толстой „Анна Кар.“ ч. 1, гл. XXVI).



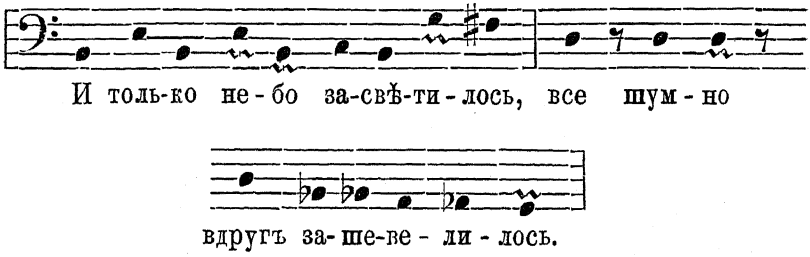
Въ то время, какъ она выходила изъ гостинной, въ передней послышался звонокъ. (Тамъ же, глава XXI).

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока. (Лерм. „Пророкъ“).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ. (Пушк. „Поэтъ“).

Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ какъ тутъ (Лерм. „Бородино“).

И *только* небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось (Тамъ-же).



г) Типъ **изъяснительный** служитъ для распространенія главнаго предложенія, сказуемое котораго выражено глаголомъ изъяснительнымъ (напр. *думаю, говорю, знаю* и мн. др.). Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается союзомъ „что“ (иногда „какъ“). [1]) Къ этому типу подойдутъ и зависи-

---

Если придаточное предложеніе зависитъ отъ главнаго, содержащаго глаголъ *недостовѣрнаго знанія*, то въ придаточномъ предложеніи къ изъяснительному союзу прибавляются частицы *де* или *дескать*, а также *будто бы*.

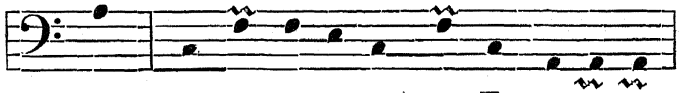
мыя вопросительныя предложенія, начинающіяся вопросительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ. Напримѣръ:

И *знать*, *что* никогда не проникнешь въ эту душу, не будешь *вѣдать*, *отчего* она груститъ, отчего радуется?... (Тург. „Наканунѣ“ гл. IX).

Спой мнѣ *пѣсню*, *какъ* синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла. (Пушк. „Зимній вечеръ“).

Кѣмъ убитъ и *отчего*,
Знаетъ соколъ лишь его. (Пушк. „Шотландск. пѣсня“ 1828).

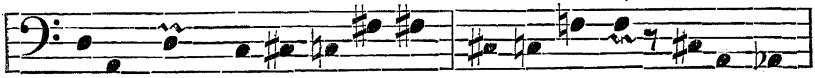
Жаль, *что* ты не разобралъ Устрялова (Письма Пушк., № 482, ред. Морозова):



д) Типъ **условный** употребляется тогда, когда осуществленіе положенія, высказываемаго главнымъ предложеніемъ, зависитъ отъ того или другаго условія, заключающагося въ придаточномъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе обычно присоединяется къ главному посредствомъ союза „если“, происшедшаго изъ глагольной формы „есть“ съ прибавленіемъ вопросительной частицы „ли“. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ связь условныхъ придаточныхъ предложеній съ вопросительными. Что это дѣйствительно такъ, подтверждаютъ случаи изъ живой рѣчи, когда условіе выражено не сложнымъ предложеніемъ, а двумя равноправными, изъ которыхъ первое оказывается вопросительнымъ. Очень наглядным примѣромъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ писемъ Пушкина (1837 г.): „Не согласитесь *ли*

вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? *Въ такомъ случаѣ* буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу". [1]) Когда въ условномъ предложеніи высказывается сужденіе не какъ фактъ дѣйствительности, а лишь возможности или желанія, то въ этомъ случаѣ примѣняется частица *бы*, придающая оттѣнокъ сослагательнаго наклоненія; иногда для той же цѣли въ придаточномъ предложеніи употребляется повелительное наклоненіе, которое, какъ мы видѣли (стр. 240, сноска) въ такихъ оборотахъ является пережиткомъ желательнаго наклоненія. Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ сложныхъ предложеній условнаго типа:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! (Пушк. 1825 г.): [2])



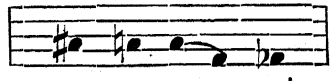
Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ... (Тург. „Отцы и Дѣти", гл. XV).

Русскій человѣкъ любитъ подчивать—*коли* не чѣмъ инымъ, *такъ* своими знакомыми. (Тург. „Наканунѣ" гл. VII).

---

[1]) Анализируя съ этой точки зрѣнія и другіе типы сложныхъ предложеній, въ которыхъ придаточныя предложенія присоединяются съ помощью вопросительно-относительныхъ мѣстоименій, нарѣчій или союзовъ, можно допустить, что всѣ они вырабатывались подъ вліяніемъ вопросительнаго типа.

[2]) Изъ нотнаго обозначенія видно, что «не печалься» въ придаточномъ предложеніи передъ запятою произносится съ повышеніемъ, объясняющимся тѣмъ, что дальше слѣдуетъ еще «не сердись»; но если бы та же фраза не имѣла этого слова и заканчивалась бы на словѣ «не печалься», то интонація его получилась бы иная—съ пониженіемъ:



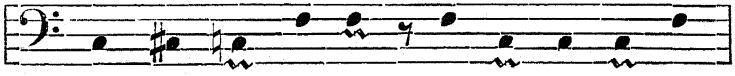
Посади я его слишкомъ рано (т. е. въ тюрьму), *такъ* вѣдь я ему пожалуй нравственную опору придамъ... (Достоев. „Прест. и Нак.“ гл. V).

Брожу *ли* я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу *ль* во многолюдный храмъ,
Сижу *ль* межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ. (Пушк. Стансы, 1829 г.)

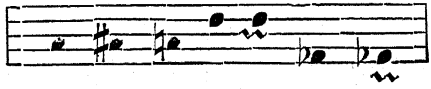
Не будь на то Господня воля,—
Не отдали бъ Москвы! (Лермъ. „Бородино“).

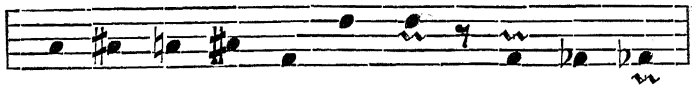
е) Къ условному близко подходитъ по смыслу типъ **уступительный**, употребляющійся тогда, когда осуществленіе положенія высказываемаго главнымъ предложеніемъ, происходитъ вопреки условію, выраженному въ придаточномъ предложеніи. Обычнымъ звеномъ между главнымъ и придаточнымъ предложеніемъ служитъ здѣсь уступительный союзъ *хотя*, возникшій изъ дѣепричастія глагола хотѣть; такимъ образомъ здѣсь придаточнымъ предложеніемъ первоначально высказывалось желаніе, между тѣмъ какъ главное предложеніе служило для противоположенія. Примѣры:

Она играла очень хорошо, *хотя* немного строго и сухо (Тург. „Отцы и Дѣти“ гл. XVI): [1])



[1]) Въ придаточномъ предложеніи слово «строго» произнесено съ повышеніемъ, но если бы оно заканчивало фразу, то интонація должна измѣниться:





Сколько ты *ни* стучись природѣ въ дверь, не отзовется она понятнымъ словомъ... (Тург. „Наканунѣ“ гл. I).

...но, *не смотря на* голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду... (Лерм. „Маскарадъ“, 1835 г.).

Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ зато и небесамъ. (Лерм. „Толпѣ“).

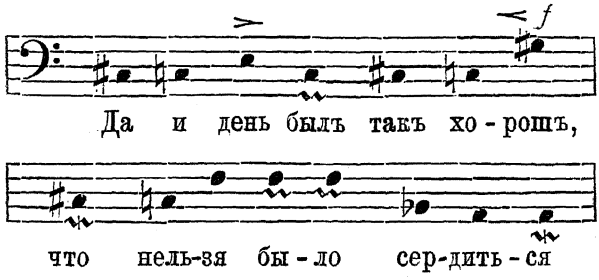
Пускай холодною землею
Засыпанъ я,—
О другъ,—всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя. (Лерм. „Любовь мертвеца“).

ж) Типъ, служащій для выраженія **причины** и **слѣдствія**, примѣняется въ томъ случаѣ, когда главное предложеніе высказываетъ событіе, а придаточное—или слѣдствіе, или причину его. Но каждое изъ такихъ сложныхъ предложеній въ свою очередь можетъ быть видоизмѣнено такимъ образомъ, что главное предложеніе послужитъ для выраженія причины или слѣдствія, а придаточное по смыслу какъ бы займетъ его первоначальное мѣсто, напр. „его похвалили, *потому что* онъ очень хорошо спѣлъ“ || „онъ очень хорошо спѣлъ, *такъ что* его похвалили“. Такія обращенныя предложенія могутъ являться также въ видѣ составнаго предложенія, напр. „онъ очень хорошо спѣлъ и *потому* его похвалили“. Вотъ нѣкоторые примѣры разсмотрѣннаго типа:

Впрочемъ, я охотно васъ прощаю, *потому что*, вы знаете, я невзыскательный человѣкъ. (Тург. „Наканунѣ“ гл. VIII).

И сердце вновь горитъ и любитъ—*оттого*,
Что не любить оно не можетъ. (Пушк. „На холмахъ Грузіи“, 1829 г.).

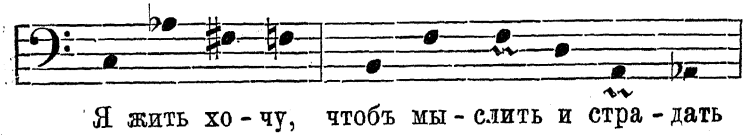
Да и день былъ *такъ* хорошъ, *что* нельзя было сердиться. (Л. Толстой „Анна Кар.“ ч. 2, гл. XIII).



з) Типъ, служащій для выраженія **цѣли**, въ главномъ предложеніи представляетъ событіе, а въ придаточномъ—цѣль его, при чемъ связующимъ словомъ служитъ союзъ „чтобы“, напримѣръ:

Надо биться, *чтобы* лучше, гораздо лучше жить... (Л. Толстой „Анна Кар.“ ч. 1, гл. XXVII).

Я жить хочу, *чтобъ* мыслить и страдать. (Пушк. „Элегія“ 1830 г.).



Желаю славы я, *чтобъ* именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно. (Пушк. „Желаніе славы“).

Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья...
(Пушк. „Молитва“, 1836 г.).

Примѣчаніе. Замѣтимъ здѣсь о различіи значенія прошедшаго времени въ придаточныхъ предложеніяхъ временныхъ сравнительно съ условными, уступательными и причинными: въ первыхъ прош. время совершающаяся дѣйствія принимаетъ оттѣнокъ одновременности (напр. когда N *входилъ*,

то сказалъ...), а прош. время совершеннаго вида указываетъ на прошедшее, непосредственно предшествующее другому прошедшему (напр. когда N *вошелъ*, то сказалъ...); въ придаточныхъ же не-временныхъ прошедшее время имѣетъ оттѣнки совершеннаго или несовершеннаго вида, но уже не выражаетъ идеи послѣдовательности или же одновременности прошедшихъ дѣйствій придаточнаго и главнаго предложенія.

Что касается краткихъ придаточныхъ предложеній, то они представляютъ типы причастный и дѣепричастный и могутъ служить для выраженія разныхъ связей, при чемъ причастный типъ преимущественно соотвѣтствуетъ полному придаточному предложенію перваго рода, а дѣепричастный—полному придаточному третьяго рода. Примѣры:

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной. (Пушк. „Кавк.“).

Невидимо *склоняясь* и *хладѣя*,
Мы близимся къ началу своему... (Пушк., 19 окт. 1825 г.).

Причастный типъ можетъ относиться къ любому предметному члену главнаго предложенія, который по смыслу становится тогда подлежащимъ (подразумѣваемымъ) краткаго придаточнаго предложенія, а причастіе является какъ бы въ роли сказуемаго; дѣепричастный же типъ возможенъ только при условіи одинаковости подлежащихъ.

Нужно еще упомянуть о краткихъ придаточныхъ предложеніяхъ съ прилагательными, или другими эквивалентными имъ выраженіями, при чемъ какъ бы подразумѣвается дѣепричастіе глагола „быть“ (т. е. *будучи*); срв. напр. такія весьма обычныя построенія фразъ, какъ: „небольшаго роста, худенькая, совершенная брюнетка, она имѣла густые, черные волосы“ (Писемскій Тысяча душъ, ч. 1, гл. II).

Наконецъ, отмѣтимъ существованіе такихъ предложеній, которыя, будучи совершенно независимыми, вставляются въ другое предложеніе безъ какихъ-либо связующихъ словъ, это—т. наз. вводныя предложенія. При произношеніи они

получаютъ особый темпъ (чаще—болѣе быстрый) и другую силу и тонъ (тише и ниже), между тѣмъ какъ часть фразы, слѣдующая за вводнымъ предложеніемъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ типу или теченію начальной части, прерванной вводнымъ предложеніемъ. Въ этомъ наглядно убѣждаемся изъ слѣдующаго примѣра, взятаго изъ разговора:

— А чѣмъ же онъ, *извините меня за безпокойство*, знаменитъ? (Аверченко „Незамѣтный подвигъ“ гл. I).

Въ приведенномъ примѣрѣ вводное предложеніе произносится именно такъ, какъ указано.

Заканчивая изложеніе морфологіи и синтаксиса литературнаго русскаго языка, сдѣлаемъ общую характеристику хода и развитія морфологическихъ и синтаксическихъ процессовъ и явленій. Мы видѣли, какъ языкъ пользуется прежнимъ запасомъ корней для обозначенія новыхъ представленій и понятій, какъ излишнее разнообразіе однозначущихъ морфемъ редуцируется путемъ аналогіи или же приспособляется къ выраженію новыхъ смысловыхъ оттѣнковъ, какъ слова съ сложнымъ морфологическимъ составомъ становятся въ языковомъ чутьѣ простыми символами, какъ вмѣсто прежнихъ болѣе длинныхъ выраженій появляются сокращенныя, благодаря опущенію легко подразумѣваемыхъ словъ, какъ развивается бо́льшая связность при сочетаніи предложеній путемъ подчиненія вмѣсто сочиненія. Всѣ эти явленія связаны одной общей тенденціей—выражать міръ представленій меньшимъ количествомъ символовъ и облегчать переходъ послѣднихъ при процессѣ рѣчи въ безсознательную дѣятельность, требующую уже меньшаго психическаго напряженія; эту тенденцію мы можемъ назвать стремленіемъ къ *экономіи духовныхъ силъ* и къ *удобству памяти*, этой хранительницы сложнаго ассоціативнаго аггрегата рѣчи, и съ этой точки зрѣнія весь процессъ слѣдуетъ разсматривать какъ *прогрессъ языка*.

Библіографическія указанія. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ Буслаева и Потебни по русскому синтаксису, отмѣтимъ: Овсянико-Куликовскій Д. Синтаксисъ русскаго языка; Синтаксическія наблюденія, Ж. М. Н. Пр., май 1897 г. и май 1898 г.; Фортунатовъ Ф. О преподаваніи грамматики рус. яз. въ средней школѣ (въ Приложеніи къ «Трудамъ перваго съѣзда преподавателей рус. яз. въ военно-учеб. заведеніяхъ» стр. 371—404); Поржезинскій В. Введеніе въ языковѣдѣніе (1910)[2] гл. VIII; Томсонъ А. Родительный-винит. падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ слав. язз. (Изв. Ак. Н. 1908 г., XIII т.); Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. въ слав. язз. (тамъ же, 1909 г., XIV т.); Будде Е. Основы синтаксиса рус. яз. (Р. Ф. В. LXIV, 1910 г.); Грунскій Н. Очерки по исторіи разработки синтаксиса слав. языковъ (Ж. М. Н. Пр. 1910, 1911 г.). Глаголевскій П. Синтаксисъ языка русскихъ пословицъ (1873). Коршъ Ѳ. Способы относительнаго подчиненія. Глава изъ сравнительнаго синтаксиса (1877).

Глава XV.

Очеркъ діалектологіи современнаго русскаго языка.

До сихъ поръ мы изучали грамматическій строй современнаго литературнаго русскаго языка, но—какъ мы уже объясняли въ самомъ началѣ своего труда—въ предметъ научно-грамматическаго изученія языка входитъ также знакомство съ особенностями простонародныхъ говоровъ этого языка, а потому мы и обратимся къ обзору нарѣчій и говоровъ простонароднаго русскаго языка.

Прежде всего мы постараемся уяснить себѣ самый процессъ, ведущій къ діалектическому дробленію языка, т. е. къ распаденію его на нарѣчія, нарѣчій на поднарѣчія, а этихъ послѣднихъ на болѣе мелкія группы—говоры; при этомъ наиболѣе мелкой діалектической единицей должны считаться говоры отдѣльныхъ селеній, деревень и т. п. [1]) Съ точки зрѣнія развитія языка, всѣ эти діалектическія особенности возникли лишь постепенно изъ первоначальныхъ незначительныхъ различій, которыя, увеличиваясь съ теченіемъ времени, дали начало главнымъ нарѣчіямъ; въ свою очередь въ этихъ послѣднихъ аналогичнымъ образомъ выступили новыя, болѣе частныя различія, послужившія основаніемъ для под-

---

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что и эти послѣдніе не представляются совершенно однородными, такъ какъ состоятъ изъ не вполнѣ идентичныхъ говоровъ индивидуумовъ различнаго возраста, пола, развитія и т. д.

нарѣчій; говоры же являются уже наиболѣе поздними продуктами діалектическаго развитія языка. Факторы, обусловливающіе діалектическое дробленіе или дифференціацію языка, весьма разнообразны, вслѣдствіе чего мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь главнѣйшихъ изъ нихъ. Выше, въ главѣ IV-ой, мы разъяснили, что языкъ съ теченіемъ времени необходимо долженъ видоизмѣняться благодаря фактору *смѣны генерацій*. Но одно это обстоятельство еще не можетъ объяснить возникновенія нарѣчій или говоровъ въ языкѣ, ибо если бы говорящіе извѣстнымъ языкомъ могли всегда составлять одно тѣсно сплоченное небольшое цѣлое, то ихъ говоръ хотя и измѣнялся бы, но равномѣрно во всѣхъ частяхъ населенія, и слѣдовательно не распался бы на діалектическія различія. Возникновеніе послѣднихъ очевидно обусловливается еще другими моментами, именно: 1) разселеніемъ, 2) сосѣдствомъ съ другими говорами или языками, 3) смѣшеніемъ племеннымъ, 4) политическими и нѣкоторыми другими условіями.

1) Умноженіе населенія и экономическія условія заставляли нѣкоторую часть однороднаго населенія отдѣляться и избирать другое мѣсто жительства. При этомъ тѣ незначительныя варіаціи языка, которыя нивеллировались раньше при совмѣстной жизни населенія, теперь, съ разъединеніемъ его, могли получать свое особое развитіе. Вполнѣ понятно, что чѣмъ болѣе разъединенія между тою и другою частью населенія и чѣмъ труднѣе сообщеніе между ними, тѣмъ условія благопріятнѣе для діалектическаго распаденія языка, а чѣмъ больше соприкосновеній, тѣмъ больше будетъ сохраняться одинаковыхъ родственныхъ чертъ въ ихъ говорахъ.

2) Затѣмъ, діалектическому развѣтвленію языка способствуетъ то обстоятельство, что къ моменту разъединенія присоединяется новый, большой важности, факторъ сосѣдства уже съ другими говорами или языками, отличными отъ діалектовъ, съ которыми то же населеніе соприкасалось раньше. Понятно, что сосѣдство, ведущее вообще къ взаимодѣйствію говоровъ

(т. е. извѣстный говоръ, вліяя нѣкоторыми чертами на сосѣдній, въ свою очередь испытываетъ вліяніе со стороны послѣдняго), теперь будетъ вызывать въ данномъ говорѣ уже другія видоизмѣненія, чѣмъ тѣ, какія онъ испытывалъ при прежнемъ сосѣдствѣ. Такъ, напр., въ Сибири русскіе поселенцы нижняго теченія Енисея усвоили у сосѣдей-остяковъ произношеніе *с* и *з* вм. *ш* и *ж* и говорятъ посол вм. пошол, зарко вм. жарко и т. п. [1])

3) Иногда происходитъ смѣшеніе племенъ какъ родственныхъ, такъ и чуждыхъ между собою, при чемъ одни племена ассимилируются по языку другимъ. Въ этомъ случаѣ говоръ, получающійся въ результатѣ, будетъ однакожъ содержать нѣкоторыя особенности, пріобрѣтенныя имъ отъ поглощеннаго племени. Такъ, напр., русскій языкъ при своемъ распространеніи на сѣверо-востокъ въ область финскихъ племенъ вытѣснилъ діалекты послѣднихъ, воспринявъ однако въ себя нѣкоторые ихъ элементы, свидѣтельствующіе и теперь о поглощенной финской подпочвѣ. [2])

4) На ходъ діалектическаго развитія языка могутъ вліять также и политическія условія, ведущія къ соединенію нѣкоторыхъ племенъ въ одно государственное цѣлое, или же, напротивъ, къ разъединенію близко-родственныхъ по языку племенъ. Это происходитъ отъ того, что общая политическая

---

[1]) Въ случаѣ позднѣйшихъ переселеній сосѣдство могло еще и не оказать замѣтнаго вліянія на говоры пришедшихъ въ соприкосновеніе пришлаго и кореннаго населенія; благодаря этому, по степени взаимодѣйствія тѣхъ и другихъ говоровъ можно отчасти судить о давности переселенія; такъ, слѣдуетъ думать, что еще не сгладившаяся пестрота окающихъ и акающихъ говоровъ Нижегородской и нѣкоторыхъ другихъ приволжскихъ губерній указываетъ на сравнительно позднюю колонизацію.

[2]) Такое вытѣсненіе можетъ быть и между родственными племенами. Въ примѣръ можно указать на малороссовъ (около 2000 человѣкъ) въ бывшихъ имѣніяхъ гр. Разумовскаго въ Лукояновскомъ у. Нижегородской губ., говоръ которыхъ почти совсѣмъ уже ассимилировался съ мѣстнымъ великорусскимъ нарѣчіемъ.

жизнь приводитъ соединившіяся племена къ общенію между собою, а это послѣднее, какъ мы знаемъ, влечетъ за собою нѣкоторое уравниваніе говоровъ (срв. съ одной стороны объединеніе разныхъ племенъ московскимъ княжествомъ и съ другой подчиненіе юго-западныхъ русскихъ областей литовскимъ, впослѣдствіи польско-литовскимъ, государствомъ). Кромѣ политическихъ условій на діалектическое разнообразіе языка вліяютъ также различныя географическія и соціально-экономическія условія. Здѣсь можно указать на значеніе рѣкъ и рѣчныхъ бассейновъ, [1]) на различія языка въ отдѣльныхъ классахъ населенія, вліяніе школы и грамотности и т. п.

Какъ мы уже говорили (см. стр. 2), русскій языкъ прежде всего распадается на двѣ главныя вѣтви: языкъ *великорусскій*, господствующій въ сѣверной и средней части Европейской Россіи, и *малорусскій*, простирающійся къ югу отъ него; великорусскій языкъ подраздѣляется на нарѣчія *сѣверно-великорусское* и *южно-великорусское*, изъ которыхъ послѣднее въ своей западной части образуетъ особую вѣтвь—*бѣлорусскаго* нарѣчія. [2])

---

[1]) Вообще рѣки, служа удобными путями при колонизаціи, въ то же время могутъ составлять естественную границу говоровъ, изъ которыхъ одинъ распространяется по одному берегу, а другой по другому, что случалось въ особенности при невозможности удобной переправы черезъ широкія рѣки; такъ, напр., неодинаковъ говоръ Муромскаго у. Владимірской губ. по правому и лѣвому берегу Оки, также говоръ Ярославскаго у. по ту и другую сторону Волги. Затѣмъ, такую же раздѣлительную роль играютъ волоки и водораздѣлы; такъ напр. въ Олонецкой губ. волокъ, отдѣляющій бассейнъ Онежскаго озера и рѣки Онеги, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ раздѣльною чертою говоровъ по ту и по другую отъ него стороны, а въ свою очередь водораздѣлъ между рѣками Онегою и Сѣв. Двиною также представляетъ собою естественную границу двухъ діалектическихъ различій. Укажемъ еще на значеніе лѣсовъ, придающихъ мѣстности глухой замкнутый характеръ; срв.: московское аканье заразило западные говоры Костромской губ., тогда какъ лѣсныя пространства восточныхъ ея уѣздовъ остались свободными отъ вторженія этого явленія.

[2]) Нерѣдко въ грамматическихъ сочиненіяхъ нарѣчіе бѣлорусское называется языкомъ; по этому поводу мы должны вообще замѣтить, что каж-

Нарѣчіе *сѣверно-великорусское* слышится въ сѣверо-восточномъ углу Псковской губерніи (въ Порховскомъ уѣздѣ), затѣмъ въ губерніяхъ Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимірской (кромѣ самой южной ея части), Вятской и Пермской; кромѣ того, оно слышится отчасти въ губерніяхъ средняго и нижняго Поволжья, а также въ Пріуральѣ и Сибири. Занимая такимъ образомъ сѣверную часть Россіи, это нарѣчіе на сѣверо-западѣ соприкасается съ языками финскими, на западѣ отчасти съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, на югѣ съ южно-великорусскимъ, на востокѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми финскими и татарскими языками. Главныя особенности этого нарѣчія слѣдующія:

1) *оканье*, т. е. произношеніе гласнаго *о* на мѣстѣ орѳографическаго начертанія *о* въ различныхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. вода, скоро и т. п.;

2) *ёканье*, т. е. произношеніе орѳ. *е* какъ *ё* при слѣдующемъ твердомъ согласномъ не только при удареніи, но и въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н'осу́;

3) произношеніе орѳ. *я* какъ *е*, а орѳ. *ѣ*—какъ *и*, преимущественно при удареніи и слѣдующемъ мягкомъ согласномъ, напр. петь (=орѳ. пять), недиля (=орѳ. недѣля);

4) *цоканье* и *чаканье*, т. е. произношеніе *ц* вм. *ч* и наоборотъ, напр. чарь, доць;

5) болѣе или менѣе сильное и отчетливое произношеніе всѣхъ неударяемыхъ слоговъ;

6) нѣкоторыя морфологическія особенности, какъ напр. окончанія *-ой* и *-ей* въ И. ед. прил. муж. рода не только при удареніи, но и въ случаѣ неударенности ихъ, напр. доброй, третей, или окончаніе *-яе* (орѳ. -ѣе) въ сравнит. степени прилагательныхъ и нарѣчій, напр. тепля́е, и др.

дое нарѣчіе, разсматриваемое не по отношенію къ другимъ нарѣчіямъ того же языка, а въ отдѣльности, можетъ быть называемо языкомъ.

7) нѣкоторыя синтаксическія особенности.

Южно-великорусское нарѣчіе занимаетъ губерніи по бассейну верхней и средней Оки, т. е. губерніи Орловскую, Калужскую, Тульскую, простираясь на значительную часть Московской и Тверской губерніи, а также часть Смоленской, и захватывая къ югу почти всю Курскую губернію, сѣверную половину Воронежской и бо́льшую часть земли Войска Донскаго. Кромѣ того, южно-великорусское нарѣчіе слышится въ среднемъ и нижнемъ Поволожьѣ рядомъ или же въ смѣшеніи съ сѣверно-великорусскимъ. На западѣ это нарѣчіе переходитъ въ близко-родственное ему бѣлорусское, на югѣ соприкасается съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Главныя особенности южно-великорусскаго нарѣчія:

1) *аканье*, т. е. произношеніе неударяемаго орѳ. *о* въ видѣ *а*, напр. вада́;

2) произношеніе неударяемаго орѳографическаго *е* въ нѣкоторыхъ говорахъ какъ *я*, въ другихъ какъ *и*, а въ иныхъ какъ *я* чередующееся съ *и*, напр.: нясу—нясёш, нису—нисёш, нясу—нисёш;

3) придувное произношеніе *г*, напр. *г*ара́, сапо́*х*;

4) переходъ *в* въ очень краткое полугласное ў (w) въ положеніи передъ согласнымъ и на концѣ словъ, напр. wнук, слow и т. п. [1])

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. окончаніе *-го́*, а безъ ударенія *-га́* въ Р. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій, или окончаніе *-тъ* въ 3 ед. и мн. наст. вр. глаголовъ, напр. идётъ, идутъ и др.

Примѣчаніе. Русскій литературный языкъ, въ основу котораго легъ московскій говоръ, представляетъ частію черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія (взрывное произношеніе *г*, окончаніе *-во́* или *-ва́* въ Р. ед. муж. и ср

[1]) Знакомъ *w* мы обозначаемъ полугласный ў, т. е. очень краткій гласный, приближающійся къ *в*.

прилагательныхъ и мѣстоименій, *-тъ* въ 3 ед. и мн. глаголовъ), частію же южно-великорусскаго (аканье, произношеніе неударяемаго *е* преимущественно близко къ *и*, окончаніе *-ше* въ сравн. степени).

Бѣлорусское нарѣчіе слышится въ губерніяхъ Гродненской, въ части Сувалкской, въ Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, западной части Смоленской и въ небольшомъ сѣв.-западномъ углу Черниговской. [1]) По сѣверо-западной своей границѣ бѣлорусское нарѣчіе сосѣдитъ съ языками латышскимъ, литовскимъ и польскимъ, по сѣверо-восточной—съ великорусскимъ, преимущественно южно-великорусскимъ, на югѣ-востокѣ и югѣ—съ малорусскимъ, доходя здѣсь до нижняго теченія Припяти. Составляя часть южно-великорусскаго, бѣлорусское нарѣчіе представляетъ слѣдующія особенныя черты по сравненію съ этимъ послѣднимъ:

1) *дзеканье* и *цеканье*, т. е. произношеніе д͡з' и ц' на мѣстѣ мягкихъ д' и т', напр. *дзе*нь, *ци*хо;

2) твердое *р* вм. мягкаго, напр. бя*р*о́за;

3) удвоеніе мягкихъ согласныхъ, пришедшихъ въ сочетаніе съ j, напр. вяселле;

4) полугласный *ѡ* не только вмѣсто *е*, какъ въ ю.-влр., но еще и вмѣсто *л* въ тѣхъ же условіяхъ, напр. быѡ и т. п.;

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. ра*цъ* („рѣкѣ"), молодо*ій*, п*ій*.

Малорусское нарѣчіе лежитъ къ югу отъ бѣлорусскаго и южно-великорусскаго, простираясь далеко на западъ отъ средняго и нижняго теченія Днѣпра (переходя далѣе уже въ предѣлы Австро-Венгріи—въ Галицію и Буковину) и на востокъ отъ средняго теченія той же рѣки. Такимъ образомъ, малорусская языковая область къ западу отъ Днѣпра занимаетъ губер-

[1]) Такимъ образомъ, бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ область верхняго теченія рѣкъ—Днѣпра, З. Двины и Нѣмана, при чемъ самыя верховья первыхъ двухъ рѣкъ заняты уже великоруссами, верхнее же теченіе Нѣмана полностью принадлежитъ бѣлоруссамъ.

ніи Кіевскую, Херсонскую, Волынскую, Подольскую и часть Бессарабской, затѣмъ—южную часть Гродненской и часть Сѣдлецкой и Люблинской губерній, а къ востоку отъ Днѣпра—южную половину Черниговской, южную полосу Курской, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, южную часть Воронежской, небольшую часть земли Войска Донскаго (въ низовьяхъ Дона) и Кубанскую область на Кавказѣ. Кромѣ того, болѣе или менѣе значительныя малорусскія колоніи находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губерніяхъ, особенно въ Саратовской, Самарской и Астраханской. Главныя особенности малорусскаго нарѣчія слѣдующія:

1) русскому орѳографическому *ѣ* соотвѣтствуетъ *і* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго, напр. д'ѣло („дѣло“);

2) русскимъ постояннымъ (не-бѣглымъ) *о* и *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ *і* какъ конечная стадія развитія, напр. н*і*с („носъ“) и н'*і*с („несъ“);

3) русскимъ орѳографическимъ *ы* и *и* соотвѣтствуетъ одинъ и тотъ же звукъ, именно—узкое *ы* или—точнѣе—гласный средній между *ы* и *и*, напр. бы̯w=1) былъ и 2) билъ;

4) при произношеніи слоговъ съ гласными *е* и ы̯ предшествующій согласный выговаривается твердо, напр. *несу*, бы̯w;

5) отличное отъ великорусскаго антропофоническое строеніе словъ;

6) полное оканье, даже съ наклономъ въ сторону *у* въ слогахъ передъ удареніемъ;

7) произношеніе на мѣстѣ *г* придувнаго задне-язычнаго согласнаго *γ*;

8) рус. лрн. *в* отражается въ извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ w, т. е. подобно южно-великорусскому и бѣлорусскому; кромѣ того, конечное *-л* въ ед. ч. прош. вр. муж. замѣнилось, какъ и въ бѣлорусскомъ, этимъ же звукомъ (*w*);

9) переходъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ j въ усиленные согласные, т. е. подобно бѣлорусскому;

10) окончаніе *-ій* (въ И. ед. прилагательныхъ) съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ=рус. литерат. *-ой*, напр. сліпій „слѣпой“ (срв. бѣлор.);

11) окончаніе Р. ед. *-го* въ прилагательныхъ муж. и ср. рода;

12) образованіе будущаго времени въ глаголахъ съ помощью *-иму*, напр. ходитиму.

Представленная нами общая характеристика нарѣчій русскаго языка была бы однако не полной, если бы мы не указали на существованіе *переходныхъ* говоровъ между этими нарѣчіями. Такіе переходные говоры слышатся въ мѣстностяхъ, лежащихъ между областями сосѣднихъ нарѣчій и представляютъ сочетаніе чертъ того и другаго нарѣчія. Такъ, существуютъ пограничныя области съ переходнымъ говоромъ между нарѣчіями сѣверно- и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и сѣверновеликорусскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ и, наконецъ, между малорусскимъ и южно-великорусскимъ. Въ дальнѣйшемъ болѣе детальномъ разсмотрѣніи нарѣчій русскаго языка намъ придется касаться и особенностей этихъ переходныхъ говоровъ, иногда представляющихъ большую трудность для отнесенія даннаго говора къ тому или же другому нарѣчію, тѣмъ болѣе, что и тѣ характерные признаки отдѣльныхъ нарѣчій, которые указаны нами выше, не являются неподвижными и постоянными, но представляютъ цѣлый рядъ варіацій и переходныхъ ступеней, такъ или иначе размѣщающихся на территоріи даннаго нарѣчія. Къ описанію нарѣчій въ разнообразіи ихъ говоровъ мы и приступимъ теперь, чтобы дать читателю болѣе конкретное понятіе о діалектической сложности современнаго народнаго русскаго языка. При этомъ мы будемъ придерживаться того порядка, въ которомъ выше были указаны главныя діалектическія особенности русскихъ нарѣчій.

I. Сѣверно-великорусское нарѣчіе.

1) *Оканье.* Это явленіе можетъ быть полнымъ, когда основной гласный *о* удерживаетъ свое качество во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Такое произношеніе имѣется въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской, и въ сѣверной бо́льшей половинѣ Вятской губерніи. Кромѣ такого полнаго оканья, встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и неполное, когда въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ въ словѣ гласный *о* успѣлъ перемѣниться въ *а* или даже и дальше—въ гласный близкій къ *ы* (ъ). Соотвѣтственно этому имѣемъ три главныя варіаціи неполнаго оканья:

а) гласный *о* сохраняетъ свое качество во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ кромѣ слога втораго передъ удареніемъ. Такое произношеніе можно отмѣтить въ Ярославской губ., срв.: *хорошо́*, по́дь-*ко*, до́брой, отсу́дова, шу́бочку и т. п. [1])

б) гласный *о* сохраняетъ свое качество лишь въ первомъ предъударенномъ слогѣ, тогда какъ въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ измѣнился въ *а*, срв. до́бр*ава*, прокѝ*слай*. Такое произношеніе извѣстно въ губерніяхъ Владимірской и Нижегородской.

в) гласный *о* сохраняется тоже только въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, но при этомъ имѣетъ уже болѣе открытый характеръ; [2]) въ то же время неударяемое *о* отражается въ видѣ *а* только на концѣ слова, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ, т. е. во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и особенно послѣ ударенія внутри слова, равно какъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, является гласный болѣе или менѣе

---

[1]) См. А. Тихвинскій Особенности говора Ярославскаго уѣзда по правую сторону р. Волги, Р. Ф. В. 1890 № 3 (т. XXIV).

[2]) Въ виду этого, мы можемъ назвать этотъ типъ оканья «слабымъ» въ отличіе отъ предъидущихъ типовъ.

близкій къ *ы*. Примѣры: вода́, бъсика́ми, пу́ст*а* (=орѳ. пусто) уби́т*ы*ва, ря́д*ы*мъ. [1]) Такіе говоры, по отраженію *о* довольно близко стоящіе къ литературному произношенію, слышатся напр. въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской [2]) и смежныхъ частяхъ Вятской и въ Симбирской (въ бассейнѣ рѣки Суры).

Примѣчаніе. Нужно еще отмѣтить на территоріи сѣверно-великорусскаго или окающаго нарѣчія присутствіе говоровъ съ московскимъ аканьемъ, т. е. такихъ гдѣ на мѣстѣ орѳ. *о* произносится *а* даже въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Такіе говоры встрѣчаются напр. во Владимірской и западной (не-лѣсной) части Костромской губ, именно въ тѣхъ ихъ селеніяхъ, жители которыхъ занимаются отхожими промыслами. [3]) Слѣдуетъ думать, что упомянутое аканье этихъ говоровъ не представляетъ самостоятельнаго развитія изъ оканья, но заимствовано чрезъ подражаніе московскому нарѣчію.

Такимъ образомъ постояннымъ признакомъ оканья для всей области сѣверно-великорусскаго нарѣчія можетъ считаться непремѣнное сохраненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Однако при этомъ необходимо различать оттѣнки этого гласнаго въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ, въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ гласный *о* имѣетъ, какъ мы указывали, болѣе открытый характеръ; въ отличіе отъ этого, ярославское *о* разными изслѣдователями согласно признается особенно яснымъ и звучнымъ, т. е. не склоннымъ ни въ сторону *а*, ни въ сторону *у*; напротивъ того, въ другихъ мѣ-

---

[1]) Примѣры взяты изъ говора дер. Бѣлой, Казанской губ.

[2]) См. мой Курсъ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика (1887), стр. 211—213 и также статью подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе говора дер. Бѣлой Казанской губ.» въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1895 г. (май-іюнь) и 1896 г. (апрѣль) и отдѣльнымъ оттискомъ.

[3]) Таково напр. село Борисовское (на большой дорогѣ между Владиміромъ и Суздалемъ), населенное каменьщиками, природными владимірцами, говорящими однако по-московски; въ Костромской губ. аканьемъ заражаются даже и тѣ, мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго говора (Колосовъ Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія, 1877 г., стр. 286—287).

стностяхъ *о* въ неударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ болѣе закрытый характеръ („низкое“ или „глубокое“ оканье), и иногда настолько закрытый (какъ напр. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской губерніи), что ухо изслѣдователя, не привыкшее къ такому произношенію, воспринимаетъ этотъ гласный какъ бы въ видѣ *оу*. [1]) Въ дѣйствительности тутъ можетъ и не быть дифтонга, а только болѣе или менѣе закрытое *о*, предполагаемая же дифтонгичность можетъ зависѣть отъ того, что въ природномъ говорѣ изслѣдователя въ этомъ случаѣ имѣется болѣе открытое произношеніе гласнаго *о*. [2]) Прибавимъ еще, что иногда изслѣдователи склонны говорить о низкомъ характерѣ вокализма по спорадическимъ случаямъ замѣны неударяемаго *о* черезъ *у*, объясняющимся однакожъ вліяніемъ аналогіи, гармоническимъ уподобленіемъ гласныхъ и т. п.; такъ, единичные примѣры говора Тверскаго уѣзда—*у т о п р й*, *с па́лкуй*, *з д о с а д у й* не даютъ еще права для вывода объ очень закрытомъ произношеніи *о*, такъ какъ въ первомъ примѣрѣ можно усмотрѣть подстановку другаго близкаго по звуку префикса, именно *у-*, а два послѣдніе примѣра могли получить свое *у* отъ Вин. ед. [3])

Мнѣ осталось еще замѣтить, что и въ говорахъ съ полнымъ оканьемъ гласный *о*, хотя и сохраняется во всѣхъ не-

---

[1]) Срв. К о л о с о в ъ Замѣтки и пр. стр. 318; Б ѣ л о р у с с о в ъ Н. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губ., въ Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 210—211; Б р о к ъ О. Описаніе одного говора въ юго-западной части Тотемскаго уѣзда (1907) стр. 46—51). Кромѣ того, встрѣчается обозначеніе вятскаго закрытаго *о* черезъ *оу*, напр. *хоуроушо́*, см. С о б о л е в с к і й А. И. Опытъ русской діалектологіи, Вып. I (1897) стр. 58—59.

[2]) Въ доказательство высказаннаго мнѣнія могу сослаться напр. на французскихъ лингвистовъ, имѣющихъ въ родномъ языкѣ еще болѣе открытое *о* по сравненію съ общерусскимъ ударяемымъ *о* и потому воспринимающихъ и транскрибирующихъ этотъ послѣдній гласный въ видѣ *wo*, напр. *pwoł*=полъ и т. п.

[3]) См. мое изслѣдованіе говора дер. Бѣлой, въ отд. отт. сноску на стр. 17.

ударяемыхъ положеніяхъ, но варіируетъ по степени своей опредѣленности въ болѣе сильныхъ и болѣе слабыхъ положеніяхъ. [1])

2) *Ёканье.* Это явленіе, развивавшееся въ положеніи передъ твердыми согласными, находится въ нѣкоторой связи и соотношеніи съ характеромъ оканья, именно: по наличности и характеру оканья мы можемъ въ извѣстной степени заключать о существованіи и характерѣ ёканья въ неударяемыхъ слогахъ тѣхъ же говоровъ. Соотвѣтственно этому мы имѣемъ нѣсколько степеней или варіацій ёканья. Въ областяхъ съ полнымъ оканьемъ мы можемъ ожидать и полнаго ёканья, т. е. произношенія *е* какъ *ё* въ предъударенной и послѣударенной части слова, если за этимъ гласнымъ слѣдовалъ твердый согласный. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ такое произношеніе въ разсматриваемыхъ говорахъ, напр. в*ё*сло, будѣт и т. д. Особенность представляетъ слогъ второй передъ ударе́ніемъ, гдѣ появленіе ёканья требовало для себя еще нѣкоторыхъ другихъ условій, а именно—предшествующаго мягкаго шипящаго при гласномъ *о* въ слѣдующемъ слогѣ или возможности аналогіи къ другимъ родственнымъ образованіямъ; примѣрами могутъ служить слова: чоловѣ́ческим, тёсакáми (аналогія къ тёсáк). [2])

Примѣчаніе. Что касается тѣхъ случаевъ, гдѣ *е* оканчивало собою слово, то хотя въ этомъ положеніи само по себѣ конечное *е* не измѣнялось въ *ё*, но благодаря тѣсному соприкосновенію съ слѣдующимъ словомъ начинавшимся съ твердаго согласнаго, могло возникать и здѣсь *ё*, послѣ чего оно стало удерживаться и въ случаяхъ отдѣльнаго произнесенія тѣхъ же словъ (срв. сказанное выше на стр. 75—76 объ измѣненіи ударяемаго *е* въ

---

[1]) Именно это соображеніе побуждало меня въ моемъ Курсѣ грамматики русскаго языка, I (1887), въ неударяемомъ вокализмѣ сѣверно-великорусскаго нарѣчія различать тѣ же неударяемыя положенія, какъ и въ общерусскомъ языкѣ (стр. 198 сл.).

[2]) См. Колосовъ Замѣтки и пр., стр. 81 и 191, въ записанныхъ имъ сказкахъ. Первый примѣръ принадлежитъ говору Бѣлозерска Новгородской губ., а второй—дер. Есино, Каргопольскаго у., Олонецкой губ.

ё въ литературномъ языкѣ). При этомъ ёканье въ конечныхъ открытыхъ слогахъ распространялось на смѣну гласнаго *е* не равномѣрно въ разныхъ морфологическихъ категоріяхъ. Такъ, напр., самымъ податливымъ въ этомъ отношеніи оказалось окончаніе И. В. ед. существительныхъ и затѣмъ прилагательныхъ ср. р. (поэтому такія формы, какъ по́ле́, ясное́ и пр., занимаютъ особенно значительный районъ въ разсматриваемой области сѣверно-великорусскаго нарѣчія), меньшую податливость къ замѣнѣ проявило окончаніе 2-го лица мн. ч. *-те* (соотвѣтственно этому и районъ формъ типа идите́ меньше района занимаемаго типомъ по́ле́) и наименѣе податливымъ оказалось окончаніе сравн. степ. *-я́е* (потому такимъ формамъ, какъ скоря́е принадлежитъ наименьшій районъ по сравненію съ *-ё* другихъ морфологическихъ категорій въ томъ же нарѣчіи).

Въ областяхъ съ неполнымъ оканьемъ встрѣчаемъ и болѣе ограниченное ёканье:

а) говоры съ неполнымъ оканьемъ перваго типа допускаютъ и ёканье въ тѣхъ же неударяемыхъ слогахъ, въ которыхъ сохраняется *о*, т. е. во всѣхъ за исключеніемъ втораго слога передъ ударе́ніемъ. Въ этомъ послѣднемъ, гдѣ— какъ мы видѣли—*о* измѣнилось въ *а*, измѣненіе *е* произошло въ направленіи къ *і* (е^{і} или и), напр. бе^{і}реги́, си́рёда. Что касается другихъ неударяемыхъ положеній, то ёканье необходимо является лишь въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударе́нію, во всѣхъ же остальныхъ положеніяхъ оно можетъ быть или отсутствовать (въ зависимости частію отъ фонетическихъ, частію же отъ морфологическихъ условій), срв.: лѣ́тнёму, прежнёму, но—си́нево, ве́село; съ ви́хрём, ве́сёл, повида́ёмся, но—роди́телев (Р. мн.); ща́сьё, како́ё и рядомъ—больня́е, бѣга́йте. [1])

б) во второмъ случаѣ неполнаго оканья мы имѣемъ ёканье лишь въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударе́нію; въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ находимъ или гласный *'а*, развившійся изъ *'о* (*ё*) подобно тому, какъ въ тѣхъ же говорахъ развилось *а* изъ основнаго *о*, или же гласный

[1]) Примѣры взяты изъ цитированной выше статьи А. Тихвинскаго Особенности говора Ярославскаго уѣзда и пр.

близкій къ *i*, появившійся въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ, какъ напр. внутри слова послѣ ударенія. Говоры такого типа, какъ упоминалось, можно встрѣтить въ губерніяхъ Владимірской и Нижегородской; срв. т*е́*стят, с*е́*р*и*ньк*а*й (село Іудино, Александровскаго у., Владимірской губ.). [1])

в) въ говорахъ съ „слабымъ“ оканьемъ гласный *'o* (*ё*) встрѣчается лишь въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, и притомъ звучитъ болѣе открыто, чѣмъ въ говорахъ предъидущаго типа; кромѣ того, употребленіе *и* вм. *е* въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ здѣсь обширнѣе по сравненію съ типомъ б). Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ изслѣдовавшагося нами говора дер. Бѣлой Казанской губ.: т*'о*пл*о́*, н*'і*пуск*а́*й, хл*о́*пн*'і*т, в*ы́*шыл, [2]) чот*ы́*р*и* (но въ И. В. ед. ср. рода *е* отражается, какъ и въ предъидущемъ говорѣ, въ видѣ *'a*, напр. ф п*о́*л*'a*).

Намъ осталось еще сказать, что во всей области сѣверно-великорусскихъ говоровъ нерѣдко встрѣчается произношеніе *ё* также на мѣстѣ орѳографическаго *ѣ* передъ твердымъ согласнымъ въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, напр.: б*ё*д*а́*, в л*ё*с*у́*, поб*ё*г*у́* и т. д. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ уже позднѣйшее явленіе, обязанное дѣйствію аналогіи. Кромѣ того, какъ оказывается, въ разныхъ областяхъ это дѣйствіе аналогіи охватило не однѣ и тѣ же морфологическія категоріи, изъ чего слѣдуетъ заключить, что этотъ процессъ по крайней мѣрѣ частію происходилъ въ этихъ областяхъ независимо другъ отъ друга. Такъ, напр., въ говорѣ Ярославскаго у. такое *ё* на мѣстѣ *ѣ* наблюдается только въ глаголахъ, напр. б*ё*г*у́*, с*ё*к*у́*, случаевъ же въ родѣ р*ё*ка, б*ё*да не встрѣчается. [3])

---

[1]) Примѣры взяты изъ пѣсенъ, записанныхъ А. И. Смирновымъ (Р. Ф. В. 1879 г., № 2, пѣсня 5-ая; 1880, № 1, пѣсня 2-ая).

[2]) *ы* въ этомъ примѣрѣ вм. *і* по причинѣ предшествующаго твердаго шипящаго.

[3]) Тихвинскій l. c. стр. 36.

3) Произношеніе *я* какъ *е*, а *ѣ* какъ *и*, *въ положеніи передъ мягкими согласными* свойственно по преимуществу говорамъ съ полнымъ оканьемъ, а также неполнымъ типа а). При этомъ указанное измѣненіе гласныхъ произошло независимо отъ того, какимъ первоначальнымъ звукамъ отвѣчали эти *я* и *ѣ*; такъ, мы встрѣчаемъ: з е т ь (=ст.-сл. ꙁѧть) и и с п о л н е т ь (=ст.-сл. ИСПЛѢНИТИ), з в *и* р ь (гдѣ ѣ=ае. *ē) и п *и* с н я (ѣ=ае. *ăi). Въ рядѣ примѣровъ ударяемое *ѣ* произносится какъ *и* передъ твердыми согласными, напр. х л *и* б, с *и* т к а или с *и* т о ч к а и пр., [1]) но въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ *и* нужно объяснять аналогіей къ такимъ родственнымъ словамъ, гдѣ за *ѣ* слѣдовалъ мягкій согласный (срв. хлибѣ, сить). [2])

Примѣчаніе. Измѣненіе *я* въ *е* не ограничивается ударяемыми слогами, но встрѣчается и въ слогахъ безъ ударенія, гдѣ оно возможно и передъ твердыми согласными, напр. *е в и́ л и с ь*, в е з а́ т ь. Такого рода измѣненіе встрѣчается также и въ южно-великорусскихъ говорахъ, но только въ однихъ неударяемыхъ слогахъ передъ мягкими и твердыми согласными; что же касается ударяемыхъ слоговъ, то въ нихъ этого измѣненія не происходитъ, не смотря на наличность слѣдующаго мягкаго согласнаго. Эту особенность мы объясняемъ тѣмъ, что въ южно-великорусскихъ говорахъ ударенные

---

[1]) По словамъ Гильфердинга (см. его Онежскія былины, 1873 г., стр. XXXI) въ Прионежьѣ, Олонецкой губ., выраженіе «бѣлый свѣтъ» обыкновенно произносится не какъ *бѣлый свѣтъ* или *билый свитъ*, а какъ что-то среднее. Такимъ образомъ, здѣсь слышится по-видимому ударяемое закрытое *е* на мѣстѣ *ѣ* передъ твердыми согласными. Впослѣдствіи А. А. Шахматовъ (см. его Изслѣдованія въ области русской фонетики, 1893 г., стр. 165) подтвердилъ это свидѣтельство, указавъ, что въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣздовъ Олон. губ. онъ весьма ясно слышалъ ударяемое e^i на мѣстѣ *ѣ* передъ твердыми согласными и на концѣ слова, напр. н е в e^i с т а, х л e^i б, м н e^i и т. д. Кромѣ того, онъ приводитъ сообщеніе одного наблюдателя о Покровскитской волости Моложскаго у. Ярославской губ., гдѣ въ словахъ—мѣлъ, сѣра, вѣсъ, дѣло буква *ѣ* произносится какъ *е* въ словахъ—день, мель, весь, т. е. звукъ *е* приближается къ *и*.

[2]) Имѣются и обратные случаи, именно такіе, гдѣ чередованіе *ѣ* ‖ *и́* ассимилировало себѣ слова съ основнымъ гласнымъ *и*, срв. говорѣ́ла ‖ говори́ть.

гласные настолько сильнѣе по сравненію съ неударенными тѣхъ же словъ, что не допускаютъ такого измѣненія, не смотря на вполнѣ благопріятныя условія для этого, т. е. присутствіе слѣдующаго мягкаго согласнаго; напротивъ того, въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи ударенный гласный сравнительно немногимъ сильнѣе неударенныхъ того же слова, такъ что тамъ сосѣдство двухъ мягкихъ согласныхъ (т. е. предшествующаго ударенному гласному и послѣдующаго) является достаточнымъ для произведенія эффекта аналогичнаго неударенному положенію.

4) *Цоканье* и *чаканье*, представляющія собою выдающуюся черту сѣверно-великорусскаго консонантизма, господствуютъ въ наибольшей части территоріи окающаго нарѣчія (за исключеніемъ средней части Новгородской губ., а также многихъ говоровъ въ губерніяхъ Ярославской и Владимірской). На всемъ этомъ пространствѣ смѣшеніе *ц* и *ч* не является въ однообразномъ видѣ, но представляетъ нѣкоторыя варіаціи, занимающія различныя области этой территоріи; изъ нихъ мы отмѣтимъ: область взаимной мѣны этихъ согласныхъ, область преобладанія при этой мѣнѣ согласнаго *ц*, иногда даже почти исключительнаго его употребленія, область преобладанія согласнаго *ч* и, наконецъ, область спорадическихъ замѣнъ между *ц* и *ч*.

а) Взаимная мѣна между *ц* и *ч*, охватывающая болѣе или менѣе значительное количество случаевъ, распространена въ большинствѣ говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, напр. въ Новгородской губ. (въ говорѣ Позёровъ или обитателей береговъ оз. Ильменя, въ Кирилловѣ съ окрестностями, въ Череповецкомъ у.), Архангельской (Онежскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ), въ большей части говоровъ Вологодской губ., въ Вятской губ. (въ Глазовскомъ уѣздѣ), въ губерніяхъ Ярославской (въ Моложскомъ у.), Владимірской (въ Покровскомъ у.) и Нижегородской (въ Ардатовскомъ у.). При этомъ согласный *ц* обычно имѣетъ мягкое произношеніе, благодаря чему увеличивается близость его по качеству звука къ мягкому согласному *ч*; можно думать, что именно взаимная близость этихъ согласъ-

ныхъ благопріятствовала замѣнѣ одного другимъ. Отвердѣвшее *ц* находимъ въ болѣе южныхъ губерніяхъ—Владимірской и Нижегородской въ указанныхъ мѣстностяхъ, напр. но*ц*ъ и т. п. Отвердѣніе *ц* встрѣчается мѣстами и въ Новгородской губ., но при тѣхъ или другихъ частныхъ условіяхъ, напр. передъ гласнымъ *о* и согласными, ср. *ц*ово, молоч-ка, но—у*ц*и*т*ь.

б) Цоканье, т. е. частое *ц* вм. *ч*, является также довольно распространеннымъ; такъ, оно обычно въ Олонецкой губ., встрѣчается далѣе въ губерніяхъ Архангельской (Архангельскомъ у. и въ Кеми), Вологодской (въ сѣв.-зап. части Кадниковскаго у.), Вятской (въ уѣздахъ Нолинскомъ и Вятскомъ), Тверской (въ г. Торжкѣ), Ярославской (въ Пошехонскомъ у.), Владимірской (въ Зарѣченской части Муромскаго у., т. е. лежащей по правому берегу Оки), Нижегородской (въ Арзамасскомъ у.) и нѣк. др. [1]) При этомъ въ сѣверныхъ губерніяхъ *ц* произносится мягко, а въ Олонецкой губ. (въ Пріонежьѣ) сверхъ того имѣетъ нѣсколько шипящій характеръ, такъ что звукъ производитъ впечатлѣніе чего-то средняго между *ц* и *ч*. Твердое произношеніе *ц* находимъ въ Торжкѣ Тверской губ. и еще въ Арзамасскомъ у. Нижегородской губ. Въ нѣкоторыхъ цокающихъ мѣстностяхъ согласный *ц* почти совершенно вытѣснилъ собою согласный *ч*; таковъ напр. говоръ Куштугской волости Вытегорскаго у. Олонецкой губ. [2]), говоръ Кеми и Архангельскаго у., а также говоры Ветлужскаго края, Верхотурья и Печерскаго края.

---

[1]) Отмѣтимъ замѣну *ч* посредствомъ *ц*, какъ постоянное явленіе въ Касимовскомъ говорѣ Рязанской губ., по многимъ другимъ особенностямъ принадлежащемъ къ южно-великорусскому типу, срв. тексты въ книгѣ проф. Будде Къ исторіи великорусскихъ говоровъ (1896) стр. 334 сл. Точно также эта особенность встрѣчается въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ—въ губерніяхъ Витебской, Смоленской и Тверской, представляя какъ бы продолженіе цокающаго сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

[2]) См. Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г. стр. 563—572.

в) Чаканье, т. е. преобладающая замѣна *ц* посредствомъ *ч*, наблюдается сравнительно въ меньшемъ количествѣ говоровъ, [1]) а именно: въ Новгородской губ. (въ Устюжнѣ) и въ Вятской (въ Котельничѣ и Слободскомъ у.). [2]) Замѣтимъ, что въ Устюжнѣ согласные *ц* и *ч* оказываются уже отвердѣвшими срв. концы́, чово́, вѣнчы́ (т. е. вѣнцы), руга́еччы (т. е. ругается). Какъ видимъ изъ примѣровъ, чаканье распространяетя здѣсь не только на древнее *ц*, но и на позднѣйшее (въ возвратныхъ формахъ глагола).

г) Спорадическія цоканье и чаканье встрѣчаются обычно въ говорахъ съ „слабымъ“ оканьемъ, напр. въ Казанской губерніи, южныхъ уѣздахъ Вятской и т. д.; тамъ смѣшеніе *ц* и *ч* наблюдается въ незначительномъ числѣ случаевъ и притомъ обыкновенно въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ словахъ (напр. *ч*ерковь, *ч*вѣтъ, крыле*ц*ко).

Примѣчаніе. Отдѣльные случаи смѣшенія *ц* и *ч* встрѣчаются и въ говорахъ, не смѣшивающихъ эти звуки, вызываясь частію заимствованіемъ, частію же смѣшанностью населенія.

И такъ, мы видимъ довольно значительное разнообразіе видовъ смѣшенія *ц* и *ч*. Въ чѣмъ же кроется причина этихъ замѣнъ въ ихъ разнообразіи? Намъ кажется, что главная причина ихъ заключается въ грамматическомъ *чередованіи* этихъ

---

[1]) Сравнительно небольшое число чакающихъ говоровъ, отмѣчаемыхъ нами, можетъ быть объяснено и тѣмъ, что основной звукъ *ц* встрѣчается вообще рѣже, чѣмъ *ч*; въ виду этого вполнѣ возможно, что нѣкоторые изъ «цокающихъ» говоровъ также содержатъ въ себѣ чаканье и не отнесены нами къ группѣ взаимной мѣны *ц* и *ч* лишь за скудостью матеріала. Благодаря той же причинѣ возможны и ошибочныя отнесенія говоровъ въ ту или другую группу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излишнее дробленіе районовъ; такъ, напр., намъ пришлось вятскіе говоры различныхъ уѣздовъ размѣстить по всѣмъ четыремъ группамъ.

[2]) Вѣроятно къ этому типу говоровъ относится замѣчаніе одного наблюдателя, что въ говорѣ вятчанъ существуетъ замѣтное пристрастіе къ *ч*, особенно въ говорѣ мущинъ.

двухъ звуковъ (срв. п т и *ц* а || п т и *ч* к а и т. п.), которое само по себѣ уже создавало привычку къ подстановкѣ одного звука на мѣсто другаго, правда—соотвѣтственно опредѣленнымъ морфологическимъ категоріямъ; но къ этому присоединилось затѣмъ дѣйствіе *аналогіи,* которая, какъ мы знаемъ, стремится уничтожать чередованія выравнивая ихъ и благодаря которой одинъ изъ чередующихся звуковъ переносится на мѣсто другаго въ родственныхъ словахъ (напр. п т и *ц* а || п т и *ц* к а, или же—п т и *ч* а || п т и *ч* к а). А такъ какъ дѣйствіе аналогіи въ своемъ развитіи имѣетъ тенденцію слѣдовать разъ принятому направленію, а это направленіе можетъ быть двоякимъ, то и случилось, что въ нѣкоторыхъ говорахъ сталъ преобладать одинъ изъ чередующихъ звуковъ, а въ другихъ—другой. Но нерѣдко и въ одномъ и томъ же говорѣ могли примѣняться оба направленія аналогіи сообразно напр. различію ударенія; благодаря этому могли появляться оба звука въ одной и той же категоріи (срв. м*ѣ́*с я *ц* || к у п е́ *ч* и т. п.), а это въ свою очередь могло вызвать и безпорядочныя смѣшенія данныхъ звуковъ особенно при смѣшанномъ населеніи. Что касается такихъ случаевъ, гдѣ эти согласные не были въ чередованіи между собою, какъ напр. въ словахъ *ц*арь, *ч*асъ и т. д., то здѣсь обоюдная мѣна согласныхъ могла произойти вслѣдствіе взаимной близости мягкаго ихъ произношенія, какъ о томъ уже упоминалось. Нужно еще указать на смѣшеніе этихъ звуковъ при *заимствованіи* словъ изъ другаго говора (такъ, при заимствованіи чакающимъ говоромъ напр. слова „фран*ц*узъ“ *ц* легко могло замѣниться посредствомъ *ч*).

5) Болѣе или менѣе отчетливое произношеніе всѣхъ неударяемыхъ слоговъ, благодаря которому разница по силѣ и длительности между гласными удареннаго слога и неударенныхъ становится мало замѣтною, свойственно большинству окающихъ говоровъ. Но не вездѣ эта особенность проявляется въ одинаковой степени, и мы можемъ прослѣдить нѣкоторое соотношеніе ея со степенью оканья. Въ областяхъ съ

полнымъ оканьемъ наблюдается наиболѣе полная и равномѣрная отчетливость всѣхъ слоговъ въ словѣ, хотя все-таки и здѣсь можно уже замѣтить нѣкоторыя различія между гласными въ отдѣльныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (болѣе рельефно они выступаютъ въ говорахъ съ неполнымъ, а еще рельефнѣе—въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ). Существованіе этихъ различій подтверждается такими фактами, какъ произношеніе севóгуду (Бѣлозерскъ, Новгородской губ.), гдѣ мы видимъ гармоническое уподобленіе одного гласнаго другому, а это возможно только при неравной силѣ обоихъ слоговъ, изъ которыхъ болѣе слабый (въ нашемъ примѣрѣ внутренній послѣударенный) уподобляется болѣе сильному. Подобнымъ же образомъ можно объяснить такіе случаи, какъ пороходъ (Старая Русса, Новгор. губ.), гдѣ произошло уподобленіе гласнаго во второмъ предъударенномъ слогѣ гласному слога перваго передъ удареніемъ; изъ примѣровъ этого рода заключаемъ, что въ говорахъ съ полнымъ оканьемъ къ числу болѣе слабыхъ слоговъ принадлежитъ и второй слогъ передъ удареніемъ. Что касается болѣе сильныхъ неударенныхъ слоговъ въ тѣхъ же говорахъ, то къ нимъ можно отнести по крайней мѣрѣ во многихъ изъ этихъ говоровъ также конечный закрытый слогъ, который иногда настолько силенъ, что сопровождается какъ бы побочнымъ удареніемъ, напр. дѣлôм (вятск.). [1]) Въ связи съ этимъ побочнымъ удареніемъ находится и извѣстное измѣненіе *е* въ *'о* послѣ ударенія въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, напр.: будёт и т. п. Въ говорахъ съ неполнымъ и слабымъ оканьемъ всѣ неударенные слоги развили уже болѣе значительную разницу по силѣ съ слогомъ ударяемымъ, въ связи съ чѣмъ находятся и

[1]) На сколько замѣтно это побочное удареніе, можно заключить изъ того, что иногда оно принимается даже за главное. Такъ, одинъ вятичъ съ гимназическимъ образованіемъ при фонетическомъ письмѣ нерѣдко ошибочно ставилъ удареніе вмѣсто ударенаго слога надъ слогомъ непосредственно слѣдовавшимъ за удареніемъ.

особенности отраженія въ нихъ неударяемаго вокализма (срв. выше).

Относительно ударяемыхъ слоговъ въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слѣдуетъ отмѣтить нерѣдко встрѣчающееся удлиненіе гласныхъ особенно въ конечныхъ слогахъ, напр. пӧӧп (Устюжен. у. Новгор. губ.), [1]) говор*ишь* (Архангел. губ.) и т. п. Кромѣ того, нѣкоторые говоры при большей или меньшей протяжности произношенія значительно видоизмѣняютъ высоту голоса, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе пѣвучести. Разными наблюдателями указывается цѣлый рядъ такихъ пѣвучихъ говоровъ, напр. въ Арханг. губ. по Печорѣ, Мезени, Двинѣ, въ Вязниковскомъ у. Владим. губ., Ростовскомъ у. Ярославской губ. и т. д.

6) Главнѣйшія *морфологическія* особенности сѣверновеликорусскаго нарѣчія мы представимъ, слѣдуя тому порядку, который принятъ въ морфологіи, т. е. сначала особенности именъ существительныхъ, затѣмъ прилагательныхъ и наконецъ, глаголовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію существительныхъ, отмѣтимъ въ качествѣ первой особенности широкое употребленіе при нихъ *постпозиціоннаго члена* для приданія имъ извѣстнаго оттѣнка значенія, [2]) напр. дом-*отъ*, баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*тъ* или бабы-*ти*, окно-*то*

---

[1]) См. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. I (1896) стр. 988. Тамъ же приведенъ другой примѣръ удлиненія гласныхъ: «Потаа́п, а Потаа́п! бѣги-ко сюдѣ́!», но этотъ случай не достаточно характеренъ, такъ какъ такого рода удлиненія при зовѣ или обращеніи нерѣдки вообще; срв. у Тургенева конецъ разсказа «Пѣвцы»: Антропка-а-а!—Чего-о-о-о-о?—Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій! и т. д. Здѣсь мы видимъ, что затягиваются не только ударяемые, но даже и неударяемые слоги. Удлиненія ударенныхъ гласныхъ, кромѣ того, могутъ быть и для приданія большей выразительности (съ цѣлью преувеличить смыслъ слова), напр. «манёхонько!» и т. п. Но и это не представляетъ исключительной особенности сѣверно-великорусскаго нарѣчія, а встрѣчается вообще въ русской рѣчи.

[2]) См. выше стр. 159—160.

и т. п. Такого рода выраженія встрѣчаются во всей области сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Въ категоріи имени существительнаго останавливаетъ на себѣ вниманіе встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ говорахъ окончаніе *-ы* и *-и* въ *Д. Мѣстн. ед.* именъ ж. р. на *-а* или *-я*, напр. къ избы (вм. къ избѣ), въ бѣды (вм. въ бѣдѣ), къ горки, къ земли. Происхожденіе этихъ формъ легко объясняется дѣйствіемъ аналогіи къ такому склоненію того же рода, которое имѣло одинаковую форму для падежей Р. Д. и Предл. ед., т. е. къ склоненію типа „кость". Указанное явленіе мы встрѣчаемъ напр. въ говорахъ Новгород. губ. (Боровиц. у.), Олонецкой (Вытегор. у.), въ Арханг. губ. и уѣздѣ и т. д. Съ другой стороны встрѣчаемъ и обратное явленіе, т. е. употребленіе въ Род. ед. формы съ окончаніемъ *-ѣ*, даже рядомъ съ *-ы* (-и) въ Дат. и Предл. ед., напр. въ одномъ ильменскомъ говорѣ подъ Новгородомъ у сестрѣ, изъ рѣкѣ, отъ женѣ, около головѣ || къ водѣ, къ берёзѣ, въ избѣ, на пятой верстѣ, на рѣкѣ [1]). Окончаніе *-ѣ* Мѣстн. ед. нерѣдко переносится на соотвѣтствующій падежъ существительныхъ ж. р. на *-ь*, срв. в грезѣ, ф костѣ, на печѣ и т. п. (Вытегор. у. Олонецкой губ., Пошех. у. Яросл. губ., Уржум. у. Вятской и др.); какъ видно изъ примѣровъ, окончаніе *-ѣ* сопровождается въ этомъ случаѣ удареніемъ (срв. окончаніе *-ý* въ томъ же падежѣ именъ на *-ъ* муж. рода, которое также сопровождается удареніемъ).

Еще болѣе выдающеюся особенностью въ склоненіи именъ существительныхъ является своеобразное окончаніе Тв. мн.: 1) *-мѣ* или *-мы* напр. съ рукам, ушмы, людямы и т. п. (въ Онегѣ Арх. губ., въ Вытегор. у. Олонецкой губ. и др.); 2) *-ыма* и *-има*, напр. огоро́дыма, ча́шкима, конима (Сольвычег. у. Вологодской губ.); 3) *-мѣ* въ Тв. мн., тогда

[1]) Изв. Ак. Н. I (1896) стр. 554.

какъ *-ми* въ Д. мн., напр. з боронáм || по лугáми (въ Колязин. у. Тверской губ., Пошехонскомъ—Ярославской и въ говорахъ Вятской губ.). Приведенныя особенности окончанія Тв. мн. объясняются вліяніемъ стараго двойственнаго числа, въ которомъ Д. и Тв. имѣли одну и ту же форму, при чемъ окончанія содержали твердое *м*.

Въ области именъ прилагательныхъ въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчіи заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія особенности:

а) Неударяемымъ окончаніямъ *-ый* и *-ій* (И. ед. муж. р.) литературнаго языка соотвѣтствуютъ слѣдующія окончанія: 1) *-ой* и *-ей* въ территоріи полнаго оканья, напр. дóброй, бúлиньк*ой* [1]), сúнéй, 2) *-ай* и *-ий* въ говорахъ съ неполнымъ оканьемъ, напр. дóбрай, сúнгий и 3) *-ый* (-ъj) и *-ий* (-ьj) въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ. Очевидно, что всѣ три окончанія представляютъ собою лишь разныя градаціи одного и того же окончанія *-ой* и *-ей*, которое, какъ намъ кажется, произошло не фонетически, а путемъ аналогіи къ большинству падежей ед. ч., имѣвшихъ при переходѣ отъ основы къ окончанію гласный *о* или *е*, срв.: доброво, доброму, синево..., а также И. В. ед. ср.—добр*о*е, синее; при этомъ дѣйствію аналогіи благопріятствовало то обстоятельство, что окончаніе *-ой* уже существовало какъ первичное въ мѣстоименіяхъ, напр. мой, свой. [2])

---

[1]) Такъ произносится это слово напр. подъ Новгородомъ (срв. далѣе въ Боровичахъ той же губерніи—деревень*ской*, русь*кой*, и пр.), но въ нѣкоторыхъ говорахъ вмѣсто окончанія *-кой* произносится *-кёй*, напр. мúленьк*ёй*, лёгоньк*ёй*, синеньк*ёй*, губерьск*ёй* и т. п. (Волог. губ.—Тотем. и Кадник. у., Яросл. губ.—Пошех. и Молож. у., Вятск. губ.—Уржум. у.), при чемъ подобное произношеніе мягкаго *к* наблюдается тамъ и во многихъ другихъ случаяхъ, напр. ручк*я*, постельк*ю*, войск*ё*, тольк*ё* и т. п.

[2]) Приведенное здѣсь толкованіе намъ кажется болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ то, по которому окончаніе *-ой* выводится фонетически изъ **-ый*, при чемъ въ качествѣ переходной стадіи принимается **-ой*: такой переходъ

б) *Родительный ед. ж. р.* сложныхъ прилагательныхъ сохраняетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ старыя окончанія *-ые* || *-іе*, напр. з больны́е головы, нѣт сини́е краски (Бѣлозерскій говоръ Новгор. губ.), и слѣдов. не сходствуетъ съ окончаніемъ (*-ой*) другихъ косвенныхъ падежей того же склоненія; въ другихъ говорахъ конечное *е* смѣнилось на *-ё*, напр. службы царскіё (Вельск. у. Вологодской губ., также Пошех. у. Яросл. губ.).

в) Въ *Именит. множ.* всѣхъ родовъ рядомъ съ окончаніями *-ые* или *-ыё* и *-іе* или *-іё* (сходными съ только что разсмотрѣнными окончаніями Р. ед. ж. р.) встрѣчаются также окончанія *-ыи* и *-іи*. Соотвѣтствующія образованія прилагательныхъ проходятъ и по другимъ падежамъ мн. ч., напр. добрыех, добрыем (Черепов. у. Новгор. губ., Яросл. у.), добрыих, добрыим (Устюж. у. Вологод. губ.), на хозяйскіих харчах (Пошех. у. Яросл. губ.), и т. д.

г) Окончанія *-ыма* или *-има* въ *Дательномъ* и *Творительномъ множ.*, напр. добрыма родителям, за добрыма людямы (Вытег. у. Олонецкой губ.); очевидно, мы имѣемъ здѣсь отраженіе старой сложной формы тѣхъ же падежей Двойств. числа.

д) *Сравнительная степень* прилагательныхъ обычно имѣетъ окончаніе *-яе* (напр. въ Бѣлозерскомъ говорѣ Новгор. губ., Каргопол. у. Олонецкой губ., Слободскомъ и Уржумскомъ Вятской), въ нѣкоторыхъ говорахъ смѣнившееся на *-яё* (напр. у Позёровъ Новгород. губ.), срв. мудреняе, скоряё и т. п. Мы думаемъ, что окончаніе *-яе* фонетически развилось изъ *-ье* только послѣ мягкихъ шипящихъ (т. е. такъ, какъ въ литературномъ языкѣ получилось окончаніе

указывалъ бы на вторичное пріобрѣтеніе гласнымъ *ы* лабіализаціи, что плохо вяжется съ физіологическимъ характеромъ звуковыхъ измѣненій русскаго языка. Наше объясненіе, напротивъ, основывается на постоянно встрѣчающемся въ языкѣ уравненіи флексійныхъ формъ и не требуетъ предположенія спеціальнаго фонетическаго закона.

превосх. степени *-айшій*) и уже затѣмъ путемъ аналогіи стало примѣняться и послѣ согласныхъ не-шипящихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическимъ отраженіемъ окончанія *-ье* было бы главнымъ образомъ *-іе* (см. выше, пунктъ 3-ій), и дѣйствительно кое-гдѣ еще сохраняется эта разновидность окончанія сравнительной степени, напр. *скуряе* и *скурíе* (Коштугско-Ежезерскій говоръ Вытегор. у. Олон. губ.).[1]) Нужно отмѣтить еще одну варіацію въ окончаніи сравн. степ., именно *-яя*, гдѣ вмѣсто конечнаго *е* видимъ *я*, напр. *сильняя* (въ сѣв.-вост. углу Вытегор. у., въ нѣкоторыхъ говорахъ Вологодской губ., въ Ростов. у. Ярослав. губ.). Здѣсь неударяемое конечное *е* (=jə) измѣнилось въ *я* вѣроятно подъ вліяніемъ слѣдующихъ факторовъ: присутствія предшествующаго ударяемаго *я́*, расширяющаго дѣйствія j и можетъ быть случаевъ присоединенія къ сравнит. степени именъ муж. и ср. р. съ окончаніемъ Род. ед. *-а* (*-я*). Когда въ тѣхъ же говорахъ, но въ другихъ категоріяхъ, совокупность этихъ условій отсутствовала, то конечное *е* могло получить другое отраженіе, напр. смѣниться на *ё*; и дѣйствительно, въ тѣхъ же говорахъ на ряду съ формами сравнит. степени *добря́я*, *синя́я* и т. п. встрѣчаемъ такія образованія, какъ *колосьё*, *кореньё* или т. п. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ (напр. въ сѣв.-зап. углу Кадников. у. Волог. губ.) рядомъ съ окончаніемъ *-яя* сохраняется и основное окончаніе *-іе* (напр. *сильня́я* || *сильнíе*).

Въ области **глагола** отмѣтимъ слѣдующія особенности:

а) *Возвратныя формы* глагола имѣютъ окончанія *-се* (или *-сё*) и *-си*, напр. *надійсе* и т. п. (с.-в. часть Вытегор. у. Олон. губ., Устюж. у. Волог. губ.), *отправлейсё* и др. (Вотча Тотем. у. Волог.), *несёмси* и пр. (Устюжна Новгор. губ.). Въ тѣхъ формахъ, гдѣ этимъ окончаніямъ пред-

[1]) Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 570; на стр. 564 тѣ же окончанія указаны съ *ё*, напр. *скуря́ё*, *вольнíё* и др.

шествуетъ согласный *т*, звукъ *с* въ части говоровъ сливается съ нимъ, образуя сочетанія -тце, -тцо, -тцы, напр. сходятце [1]), битцо, ругаетцы. Во 2-омъ лицѣ ед. ч. группа *шс* обычно упрощается въ длительное *с*, напр., носисе и т. п. Въ прош. времени, въ положеніи послѣ согласныхъ, окончанія *-сё* и *-си* мѣстами измѣнились въ *-со* и *-сы*, напр. закручинилсо, отрёксы, убилсы. [2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ разсмотрѣнныя окончанія смѣшиваются между собою; такъ, рядомъ съ *-си* встрѣчается *-се* (напр. въ Тихв. у. Новг. губ.), *-сё* рядомъ съ *-се* (въ Волог. губ.), *-си* рядомъ съ *-ся* (въ Пріоятскомъ говорѣ Петерб. губ.), *-се* рядомъ съ *-ся* (въ Петроз. у. Олон. губ.) и даже рядомъ всѣ три окончанія (у Позеровъ въ Новгор. губ.). Всѣ разсмотрѣнныя окончанія въ положеніи послѣ гласныхъ звуковъ допускаютъ сокращеніе въ *-сь*, особенно при благопріятномъ для того положеніи во фразѣ, при чемъ полное и сокращенное окончаніе встрѣчаются рядомъ, срв.: поклонюсе и покорюсе || покорюсь и поклонюсь (сѣв.-вост. часть Вытегор. у. Олон. губ.). [3])

б) *3-ье лицо ед. и мн. ч. наст. времени* въ нѣкоторыхъ говорахъ не имѣетъ окончанія *-тъ*, напр. плáче [4]), стои́,

---

[1]) Въ Городишнѣ Устюж. у. Вологод. губ. по-видимому нѣтъ такого слитія и звуковой комплексъ произносится мягко: сади*тъ*се (3 ед.), погля́не*тъ*се, гледя*тъ*се, отправле*тъ*се (см. Бѣлорусcовъ Н. въ Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 215).

[2]) Кромѣ разсмотрѣнныхъ окончаній въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣв.-вост. нарѣчія встрѣчается также окончаніе *-ся*, сходное съ литературнымъ; такое окончаніе извѣстно напр. въ Бѣлозерскомъ говорѣ Новгородской губ., въ Каргоп. у. Олонецкой губ., Пошех. у. Яросла в. губ., въ Костром. губ., въ нѣкоторыхъ вятскихъ говорахъ и др.; особенно распространеннымъ оно оказывается въ говорахъ не смѣшивающихъ *ц* и *ч*. Отвердѣвшимъ видомъ этого окончанія является *-са*. Сочетаніе -тца въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ, смѣшивающихъ *ц* и *ч*, отражается въ видѣ -*чча* (напр. въ Глазов. у. Вятск. губ.).

[3]) Жив. Стар. 1893, стр. 391, въ текстѣ заговора.

[4]) Вмѣсто конечнаго *е* встрѣчается и *ё*(*о*), срв. идё, мо́жо (въ Новгор. у.).

с т о я́ (Малая Будогоща Тихв. у. Новгор. губ.); [1]) что касается формы 3-го множ. глаголовъ перваго спряженія, то она обычно имѣетъ на концѣ *т* (напр. и д у *т*), такъ какъ иначе совпала бы съ формою 1-аго лица ед. ч. [2])

в) *Окончаніе 2-аго лица множ. ч. наст. времени изъяв. накл. -те* или *-тѣ* въ нѣкоторыхъ говорахъ принимаетъ на себя удареніе, напр. л е ж и *т е́* (Нолин. у. Вятск. губ.), с п и *т е́* (Вятск. у.). Такое произношеніе вызвано вѣроятно стремленіемъ дифференцировать формы изъяв. наклоненія отъ созвучныхъ формъ повелит. накл. Той же особенности ударенія послѣдовали и глаголы перваго спряженія (срв. пойд*е́т е́*— въ Бѣлозерскѣ Новгор. губ.), не смотря на то, что въ этомъ спряж. форма 2 мн. наст. вр. и повел. накл. не вполнѣ совпадали между собою по звукамъ (срв. идете || идите); въ нѣкоторыхъ говорахъ это различіе устранено дѣйствіемъ аналогіи къ глаголамъ втораго спряженія, т. е. вмѣсто окончанія *-ете́* подставилось *-ите́*, напр. к л а д *и т е́* рядомъ съ к л а д *и т е́* (Устюжна Новг. губ.), п р о п а д *и т е́* (Нолин. у. Вятск. губ.).

г) Явленіе т. н. *„стяженія“*, состоящее въ томъ, что въ спряженіи глаголовъ на *-ать* сочетаніе *ае* замѣняется черезъ *а*; напр. знаш, дѣ́лат, чита́м. Это явленіе охватываетъ весьма многіе говоры сѣв.-влр. нарѣчія, хотя не вездѣ въ одинаковой степени. Такъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ господствуютъ исключительно стяженныя формы, напр. въ Коштугско-Ежезерскомъ говорѣ Вытег. у. Олонец. губ., [3]) въ дру-

---

[1]) Однако при этомъ соотвѣтствующая возвратная форма содержитъ *т* передъ возвратнымъ суффиксомъ.

[2]) Въ рядѣ говоровъ видимъ однако постоянное присутствіе *-тъ* въ 3 ед. и множ. наст. времени обоихъ спряженій, напр. въ Городишнѣ Устюж. у. Волог. губ., Вотчѣ Тотем. у. той же губ., особенно же въ говорахъ, не смѣшивающихъ *ц* и *ч* (или же смѣшивающихъ лишь спорадически) — въ Пошех. у. Ярослав. губ., Ковров. у. Владим. губ., въ Нижегор., Казан. и Симбир. губ.

[3]) Однако—встае́м, т. е. при удареніи на концѣ. См. Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 564, см. также стр. 565, 566.

тихъ же стяженныя окончанія встрѣчаются лишь въ положеніи послѣ ударенія, напр. д у́ м *а т*, [1]) но з н *а ё т* (Устюжна Новгор. губ.). Что касается происхожденія разсматриваемаго явленія, то его можно объяснить также дѣйствіемъ аналогіи къ такимъ формамъ тѣхъ же глаголовъ, которыя содержатъ простой гласный *а*, напр. д у́ м *а ш*—по аналогіи къ д у́ м *а л*, д у́ м *а т ъ*. Благодаря этому процессу, въ спряженіи глаголовъ на *-аю* получалось большее однообразіе не только по гласному окончаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по числу слоговъ (изосиллабичность). [2])

Примѣчаніе. Во многихъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ встрѣчаются еще такія стяженныя по виду формы, какъ—умѣш, умѣт и т. п., которыя могутъ объясняться подобно разсмотрѣннымъ выше случаямъ стяженія, т. е. аналогіей.

7) Что касается с и н т а к с и ч е с к и х ъ особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія, то отмѣтимъ слѣдующія:

а) Своеобразныя сказуемыя въ формѣ причастія, напоминающія оборотъ Дат. самост., напр. ищо *не отошедши служба*, а уже и цяй пьете. [3])

б) Употребленіе прямаго дополненія отъ существительныхъ ж. р. на *-а* въ формѣ Имен. падежа въ томъ случаѣ, если дополняемый глаголъ стоитъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. Такіе обороты свойственны преимущественно языку былинъ, а частію и сказокъ, закрѣпленные за нѣкоторыми типичными выраженіями, напр. въ одной изъ сказокъ, запи-

---

[1]) Въ этомъ же говорѣ рядомъ встрѣчаются и нестяженныя образованія (т. е. д у́ м *а т* ‖ д у́ м *а ё т*), хотя послѣднія являются уже болѣе рѣдкими. См. Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 987, 1000—1001.

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ, не подвергшихся указанному процессу вліянія аналогіи, согласный j въ неударяемыхъ окончаніяхъ *-еш* и пр. сталъ ослабѣвать и съ исчезновеніемъ его гласный *э*, придя въ соприкосновеніе съ предшествующимъ гласнымъ *а*, утратилъ свою мягкую экскурсію, напр. въ восточныхъ частяхъ Костромской губ.—з н а́ э ш и т. п. (говоръ т. Плёса съ окрестностями; С о б о л е в с к і й I, стр. 39).

[3]) Изв. Ак. Н. I (1896) стр. 571.

санныхъ Колосовымъ въ г. Бѣлозерскѣ Новгород. губ.: „трудно тебѣ у Царь-Дѣвицы *живая молодовая вода достать*“. [1])

в) Употребленіе безличныхъ выраженій въ страдательной формѣ отъ такихъ глаголовъ, которые въ литературномъ языкѣ при томъ же значеніи возможны лишь въ дѣйствительной или возвратной формѣ, напр. въ Олон. губ.: „*уйдено*, такъ нецё бранитця“; [2]) „*доученось* до того, что...“ (т. е. доучились или доучился до того, что...). [3])

Указавъ на предшествующихъ страницахъ рядъ фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей въ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, мы далеко не исчерпали всего разнообразія явленій въ этомъ нарѣчіи: въ нашу задачу не входило дать полную картину всѣхъ діалектическихъ особенностей его, но лишь отмѣтить и пояснить главнѣйшія изъ нихъ, чтобы облегчить читателю ориентировку въ сложной области русской діалектологіи.

Въ заключеніе приведемъ два отрывка, иллюстрирующихъ говоры данныхъ мѣстностей окающаго великорусскаго сѣвера. [4])

1.

Одинъ молодéцъ пришовъ къ старушкѣ: «Ахъ, гитъ, бáбушка-старушка! высватай-ко мнѣ невѣску и претстафъ мою голофку къ мѣсту». Она и говоритъ: «Ахъ, дитя, рада бы я для тебя стараться, ты не будёшъ ли послѣ надо мной смѣятьсе?»—«Ахъ, бáбушка-старýшка! на щё надъ ста-

[1]) См. мой трудъ «Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ» (1902) стр. 28—29, гдѣ такого рода формы разъясняются какъ пережитки древнѣйшаго окончанія Р. ед., хотя дѣлается оговорка, что на первый взглядъ эту особенность было бы удобно объяснить аналогіей къ именамъ ср. и муж. р. втораго склоненія, гдѣ И. и В. ед. сходствуютъ между собою. Теперь подобное участіе аналогіи, по крайней мѣрѣ какъ одного изъ факторовъ явленія, мнѣ представляется вполнѣ допустимымъ.

[2]) Изв. Акад. Н. I 571.

[3]) Колосовъ. Замѣтки и пр., стр. 126.

[4]) Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы указать удачно составленный сборникъ образцовъ для говоровъ какъ сѣверно-великорусскаго, такъ и южновеликорусскаго нарѣчій, подъ заглавіемъ: Хрестоматія по великорусской діалектологіи, сост. *Н. Дурново* и *Д. Ушаковъ*. (М 1910).

рымъ людьмй съмѣятьсе? Про омманъ люди узнаютъ, мнѣ фсѣ бока изломаютъ. Запряжомъ жо мы съ тобою корйть и поййдемъ въ горотъ Кирйкъ и станёмъ своимъ жытьёмъ хвастать; у насъ вѣть жытьё-то доброё, верей-то тоценые: два кола фколбцены; ворота-ти цялые: моцяламъ свтянены, верёфкамъ съвязаны».

(Городишна, Устюжскаго у., Вологодской губ.). [1])

2.

Свйтитъ, свйтитъ сблнышко
Въ зйму нѣ [2]) по лѣтнёму:
Любитъ миня мйлинькой
Нбнёчь нѣ по прё'жнёму.
Любйлъ, уговйривалъ,
На словйхъ оммйновалъ:
Сошью тёбѣ, [3]) мйлая,
Шубочку отлйсную (2),
Плйтьjё подвинё'шноjё.
(д. Давыдково, Ярославскаго у.). [4])

II. Южно-великорусское нарѣчіе.

1) *Аканье.* Произношеніе орѳографическаго *о* какъ *а* встрѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, именно въ говорахъ неполнаго и слабаго оканья въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Однако здѣсь аканье не затрогиваетъ наиболѣе сильнаго изъ неударенныхъ слоговъ, т. е. перваго передъ удареніемъ. Появленіе аканья именно въ этомъ слогѣ и составляетъ характерную особенность южно-великорусскаго нарѣчія, при чемъ въ другихъ неударяемыхъ слогахъ ослабленіе гласнаго пошло еще далѣе, а именно въ слабыхъ положеніяхъ внутри слова (во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и во внутреннемъ слогѣ послѣ ударенія) произносится ъ. Вообще явленіе аканья въ южно-великорусскихъ говорахъ сходствуетъ съ литературнымъ произношеніемъ; поэтому мы не будемъ останавливаться на немъ, а отмѣтимъ лишь одну варіацію, встрѣчающуюся тамъ и сямъ въ говорахъ и связанную съ яканьемъ, о которомъ рѣчь пойдетъ ни-

[1]) Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 263.

[2]) ё служитъ для обозначенія мягкаго *е* или точнѣе—гласнаго *э* съ мягкостью предшествующаго согласнаго.

[3]) или тёjѣ.

[4]) См. Р. Ф. В. 1890, № 3, стр. 62.

же. Эта варіація заключается въ томъ, что во второмъ слогѣ передъ ударенiемъ и послѣ ударенія внутри слова на мѣстѣ орѳографическаго *о* произносится не ъ (ы), какъ въ другихъ акающихъ говорахъ, а слабое краткое *а*, напр. тёмн*а*й, тёмн*а*ва (тульско-крапив. говоръ);[1]) что же касается втораго слога передъ ударенiемъ, то въ немъ нерѣдко орѳ. *о* отражается въ видѣ слабаго краткаго *а*, если слогъ первый передъ ударенiемъ содержитъ *а*, въ чемъ можно усматривать ассимилирующее дѣйствіе болѣе сильнаго слога на слабый, напр. х*а*рашо, п*а*л*а*жить, но—р*ы*зыграться, п*ы*гулять (тотъ же говоръ).[2])

2) *Яканье-иканье.* Отраженіе орѳ. *е*, какъ уже было указано раньше, представляетъ въ области южно-великорусскаго нарѣчія три главныхъ діалектическихъ различія: *я* чередующееся съ *и*, полное яканье и полное иканье.

а) Орѳографическое *е* (также *ѣ*, *я*) произносится какъ *я* въ положеніи передъ твердыми согласными, а какъ *и* въ положеніи передъ мягкими. Такое произношеніе встрѣчается въ губерніяхъ Калужской (Мещов., Боров. у.), Тульской (Бѣлев. у)., Пензенской (напр. Лада, Саранск. у.), Воронеж-

---

[1]) Р. Ф. В. т. X, стр. 26—27.

[2]) Оттѣнокъ *а* въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ встрѣчается и въ говорахъ предшествующаго типа, гдѣ этотъ гласный заступаетъ собою ъ при нѣкоторыхъ спеціальныхъ условіяхъ, именно при послѣдующемъ болѣе сильномъ гласномъ *а*; срв. напр. въ говорѣ дер. «Парфёнки» Рузскаго у. Москов. губ. (см. объ этомъ говорѣ весьма подробное изслѣдованіе *Н. Дурново* въ Р. Ф. В. 1900—1903 г.) такіе примѣры, какъ з'і́л'о́н*а*йа и т. п., гдѣ подъ вліяніемъ конечнаго *а* и въ предшествующемъ слогѣ является *а*, а не ъ (возможно, что на такое произношеніе словъ этой категоріи вліяетъ также и соотвѣтствующая простая форма тѣхъ же прилагательныхъ, напр. з'і́л'о́н*а*; такому гармоническому уподобленію слѣдуютъ въ данномъ говорѣ и нѣкоторые случаи основнаго *ы*, напр. у́б*а*́л*а*=орѳ. «убыло», в*а*́ступа́ит=«выступаетъ» (на этомъ примѣрѣ мы видимъ, что ассимилирующее вліяніе ударяемаго гласнаго можетъ сказываться даже черезъ промежуточный слогъ). Въ приводимомъ говорѣ оттѣнокъ *а* часто является еще въ началѣ слова, напр. *а́*гурцы, но ъгаро́т.

ской, Казанской (Чистоп. у.), Саратовской. Въ указанныхъ мѣстностяхъ это отраженіе проводится съ наибольшей послѣдовательностью, напр. *сястра́*, *яво́*, в *лясу́* || *типе́рь*, *ичме́нь*, *патрисй* (Митяево, Боров. у. Калуж. губ.). Но есть рядъ говоровъ, въ которыхъ чередованіе *я* || *и* по-видимому не подчиняется опредѣленнымъ законамъ, при чемъ въ однихъ говорахъ передъ твердыми согласными произносится *я*, а передъ мягкими кромѣ *и* встрѣчается также *я* (срв. въ Тульскомъ у. к*р*я*с*ты || б*и*речь, но также в*я*рёвка), [1]) въ другихъ же говорахъ—наоборотъ—передъ мягкими согласными обычно произносится *и*, но за то передъ твердыми рядомъ съ *я* встрѣчается *и*, напр. п*и*тёрка, но тр*я*пать || тр*и*пать (дер. Парфёнки, Рузск. у. Моск. губ.). [2]) Наконецъ, есть говоры, въ которыхъ орѳограф. *е* произносится какъ *я* или *и* въ зависимости отъ условій, представляющихъ большую или меньшую сложность для ихъ опредѣленія или даже не поддающихся ему, напр. *сяло́*, *сила́*, *бя́ру́*, *бире́ш*, *вялю́*, *вяли́ш* и т. п. (Ельнинскіе говоры Смоленской губ., Мосальскіе говоры Калужской губ., говоръ Обоянскаго у. и др.). [3])

---

[1]) Такое произношеніе извѣстно еще въ Крапив. и Новосил. уу. Тульской губ., а также въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уу. Воронежской губ. Судя по даннымъ говора села Пяту́шки Новосил. у., распредѣленіе *я* и *и* передъ мягкими и частію отвердѣвшими согласными подчиняется, по-видимому, нѣкоторымъ фонетическимъ условіямъ: если ударенный слогъ содержитъ одинъ изъ узкихъ гласныхъ, то въ предъидущемъ слогѣ отраженіемъ служитъ *я*, передъ гласными же средне-широкими—*и*, см. слѣд. страницу—въ концѣ сноски.

[2]) Эта варіація встрѣчается еще въ Тульской губ. Каширскомъ у. и въ Курмышскомъ у. Симбирской губ., а также въ Щигров. у. Курской губ.

[3]) Акад. А. А. Шахматовъ въ своей статьѣ «Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ» (Р. Ф. В. 1896 г. № 3—4) открылъ нѣкоторую закономѣрность для отраженія *я* || *и* въ соотвѣтствующихъ говорахъ, именно: изъ данныхъ рефлексовъ второй встрѣчается лишь при томъ условіи, если ударяемый слогъ содержитъ широкій гласный (*а*—орѳ. а, я), тогда какъ въ положеніи передъ всѣми другими ударяемыми гласными наблюдается первый рефлексъ; при этомъ твердость и мягкость слѣдующаго

б) Орѳ. *е* отражается какъ *я* и передъ твердыми и передъ мягкими согласными, напр. бя́ру́, нявéста и т. п. Такого рода произношеніе извѣстно въ губерніяхъ Калужской (въ уу. Тарусскомъ, Перемышльскомъ, Лихвинскомъ и Мещовскомъ), Орловской (Елецк. у.), Черниговской (т. наз. сѣверскіе говоры), Рязанской (Скопин. у. и другихъ южныхъ), Тамбовской (Липецк. и Кадом. уу.) и Воронежской. Возможно, что яканье въ указанныхъ говорахъ отчасти представляетъ собою результатъ расширенія *я* на счетъ *и*, т. е. стало употребляться по аналогіи и въ положеніи передъ мягкими согласными. Но можно также предполагать, что расширеніе яканья началось еще до измѣненія *е* въ *и*, при чемъ оно частію развивалось фонетически изъ *е*, частію же распространялось путемъ аналогіи на мѣсто послѣдняго гласнаго.

в) Мы переходимъ теперь къ послѣдней варіаціи въ отраженіи орѳ. *е*, именно—къ полному „иканью“. Область этого явленія захватываетъ собою болѣе или менѣе губерніи Московскую, Калужскую (Мосал. у.), Тульскую (Крапив. и Новосил. уу.), Орловскую (Ливен. у.), Курскую (Новооскол.,

---

согласнаго не оказываетъ никакого вліянія на появленіе того или другаго рефлекса. Просматривая діалектическіе матеріалы г. Добровольскаго въ его Смоленскомъ Этнографическомъ Сборникѣ т. I (1891) и II (1894), на которые между прочимъ опирается акад. Шахматовъ, мы убѣдились не только въ правильности обобщенія, но также и въ томъ, что и другіе говоры Смоленской губ. подходятъ подъ этотъ типъ. Что касается *Обоянскаго* говора, то Л. Л. Васильевъ въ статьѣ «Гласные въ слогѣ подъ ударéніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ» (1904), опираясь на многочисленные примѣры, устанавливаетъ нѣсколько иныя правила для двоякаго отраженія *е* (а также *ѣ*) въ первомъ предъударенномъ слогѣ, а именно: отраженіе *е* въ видѣ *и* наблюдается въ томъ случаѣ, когда ударенный слогъ имѣетъ гласный *а*, *ѣ* или основное *о*; отраженіе въ видѣ *я* встрѣчается передъ прочими ударенными гласными, т. е. узкими—*у*, *ы*, *і*, а также передъ *е* и бѣглымъ *о*. Нѣкоторые говоры не подходятъ, по-видимому, ни подъ одинъ изъ этихъ типовъ, срв.: вялúк, вян'цу́ ‖ вин'чáньо, дирéwня, хришшéнья (с. Пятýшки Новосил. у. Тульской губ.; см. тексты въ статьѣ проф. Будде «О говорахъ Тульской и Орловской губерній, 1904 г., стр. 12—14).

Бѣлгород. уу.), Воронежскую (мѣщанскій говоръ гор. Воронежа), Псковскую (у Псковскаго оз.). Нужно сказать, что этотъ говоръ, наиболѣе близко подходящій въ разсматриваемомъ отношеніи къ московско-литературному произношенію, представляетъ собою вмѣстѣ съ послѣднимъ результатъ распространенія иканья на счетъ яканья, т. е. обратно предшествующей варіаціи, и—быть можетъ—отчасти обязанъ московской колонизаціи.

Всѣ указанныя нами варіаціи отраженія орѳ. *е* въ первомъ предъударенномъ слогѣ встрѣчаются также и въ области *ѣ*, напр. б*я*жалъ, д*и*вчонка, расцв*я*ли и т. п.

Что касается отраженія *Е* и *Ѣ* въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ, то во второмъ слогѣ передъ удареніемъ они обычно являются въ видѣ *и*, равно какъ и послѣ ударенія внутри слова, напр. д*и*рявéньщина, вы́м*и*ла, зна́*и*ш (Псков. губ. Великол. у.), хотя въ части говоровъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ встрѣчается индифферентный гласный а, напр. стáн'ам, гр'íв'ан (Уфим. губ., с. Охлѣбинино). [1]) На концѣ слова орѳ. *Е* отражается въ видѣ *я*, а частью въ видѣ *и*: въ И. В. ед. существ. ср. р. обычно встрѣчается лишь отраженіе въ видѣ *-я* (напр. поля и т. п.), а въ окончаніи 2 мн. *-те* является въ однихъ говорахъ въ видѣ *-тя*, а въ другихъ въ видѣ *-ти* (напр. пажáлуй*тя* —Сычев. у. Смол. губ., пайдё*ти*—въ Вышнемъ Волочкѣ Твер. губ.) и притомъ безъ видимаго отношенія къ вышеразсмотрѣннымъ тремъ варіаціямъ яканья и иканья; орѳ. *Ѣ* въ концѣ словъ обычно отражается въ видѣ *и* и сравнительно рѣдко въ видѣ *-я*, какъ напр.—в дóм*я* (Щигров. у. Курской губ.).

3) *Придувное произношеніе г* не можетъ считаться такою постоянною чертою южно-великорусскихъ говоровъ, какъ напр. аканье въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Въ нѣ-

[1]) Такое же произношеніе извѣстно и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, напр. въ Рязан. губ.

которой части говоровъ это явленіе совершенно отсутствуетъ и *г* имѣетъ тамъ взрывное произношеніе, какъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, напр. а*г*о́н' (=сѣв.-влр. ого́н'). Такой выговоръ *г* встрѣчаемъ въ Московскомъ говорѣ, находящемся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ, а также въ губерніи Калужской (Боров. у.), Рязанской (въ нѣкоторыхъ частяхъ Касим. у.), Пензенской (с. Лада Саранскаго у.), Нижегородской (с. Хилково Лукоянов. у.), Уфимской (с. Охлѣбинино) и др. При этомъ отдѣльныя слова, преимущественно возвышеннаго характера, встрѣчаются съ придувнымъ произношеніемъ *г*=*γ* (напр. *γ* а спо́т'), что̀ наблюдается также и въ сѣв.-влр. нарѣчіи. Что касается болѣе южныхъ говоровъ акающаго типа, то почти всѣмъ имъ свойственно придувное произношеніе *г* (т. е. г=*γ*), подобно нарѣчіямъ малорусскому и бѣлорусскому, къ которымъ они прилегаютъ.

4) Весьма распространенною чертою южно-великорусскаго консонантизма является произношеніе *w* (ў) вм. *в* въ положеніи передъ согласными и на концѣ словъ, напр. *w*ре́мя, *w*сю, здарб*w* (южная или за-окская часть Рязанской губ., Новосил. у. Тульск. губ., Мещов. у. Калуж. губ.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слышится *w* вм. *в* также передъ гласными, преимущественно губными ударяемыми; срв. *w*о́лъс'т'и, панё*w*у || с'пир'*в*а́, *в*ял*и*́к, жы*в*ёт', *в*ин'ча́нью (Пяту́шки Новосил. у.). Московскому говору свойственно произношеніе *в*, смѣняющагося на *ф* въ концѣ словъ и передъ глухими согласными.

5) Переходимъ теперь къ указанію нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей, оставляя въ сторонѣ тѣ, о которыхъ уже говорилось раньше (см. пунктъ 2-ой).

а) Окончаніемъ Род. ед. извѣстныхъ мѣстоименій и также прилагательныхъ въ муж. и ср. родѣ обыкновенно служитъ -*γ*о́ || -*γ*ă, срв. ка*γ*о́, чя*γ*о́, ни́жня*γ*а (Новосил. у. Тульск. губ.); но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, при произношеніи г=*γ*, встрѣчаемъ въ указанныхъ случаяхъ окончаніе -во́ || -вă, при чемъ ударяемое окончаніе произносится мѣстами какъ

-wó (напр. дер. Хутòрь Новосил. у. Тул. губ.); но въ тѣхъ акающихъ говорахъ, въ которыхъ *г* имѣетъ взрывное произношеніе, обычно произносится *-во́*, а не -wó (напр. въ дер. Козлово того же уѣзда).

б) 3 ед. и мн. настоящаго (будущаго) времени обыкновенно имѣютъ окончаніе *-ть*, напр. сработы*ить*, гыварят*ь* (Мещов. у. Калуж. губ.); впрочемъ въ 3 ед. глаголовъ на *-а́ю* можетъ отсутствовать это окончаніе, напр. зна́я, зъхвара́я (Пяту́шки Новосил. у.); рѣже окончаніе *-ть* можетъ отсутствовать въ 3 мн., напр. пью́ || пьют (Мана́нки Бѣлев. у. Тульск. губ.). Въ глаголахъ перваго спряженія съ ударе-ніемъ на окончаніи въ части говоровъ въ среднихъ лицахъ произносится гласный ’é || ’æ, срв. жывѣть, стриӈѣм (Пятушки Новосил. у. Тульск. губ.), тогда какъ въ другихъ ё, напр. идёть (дер. Паньково Орловск. у.), даёть (Мещов. у. Калуж. губ.).

в) Въ спряженіи на *-ся* кромѣ окончанія *-с’а* или сокращеннаго -с’ встрѣчается и *-си*, особенно во 2 ед. наст. (буд.), напр. баис’*си*. [1])

Примѣчаніе. Кромѣ представленныхъ нами наиболѣе крупныхъ особенностей и ихъ варіацій, въ южно-великорусскомъ нарѣчіи существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ менѣе значительныхъ варіирующихъ чертъ, могущихъ служить для опредѣленія болѣе мелкихъ діалектическихъ группъ. Таково напр. свойственное многимъ говорамъ произношеніе *к* мягкаго вм. твердаго послѣ мягкихъ согласныхъ: печ*кю*, шей*кя* и т. п. (Мещов. у. Калуж. губ., Новосил. у. Тульск. губ. и т. д.), [2]) мягкое произношеніе *жж* и *шш* (въ такихъ словахъ, какъ дождя, дождь) въ говорахъ московскаго типа, произношеніе *т’* вм. *к’*, распространенное между прочимъ по

---

[1]) Московскому говору свойственны твердыя окончанія, т. е. *-са*, *-с*.

[2]) Обыкновенно это явленіе считаютъ чисто фонетическимъ; но намъ кажется, что толчокъ къ нему былъ данъ факторомъ аналогіи, благодаря тому, что формы типа «печ*ки*», «печ*къ*» стали передавать свое мягкое *к* особенно послѣ мягкихъ согласныхъ другимъ падежнымъ формамъ тѣхъ же словъ, напр. «печ*кю*» и т. д. Впослѣдствіи же, когда такія образованія стали обычными, произношеніе *к’* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ настолько утвердилось въ говорѣ, что стало появляться и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вовсе не было морфологическаго повода для дѣйствія аналогіи, какъ напр. въ частицахъ, срв. толь*кя* и т. п.

старо-московскому тракту отъ Боровска почти до Москвы, окончаніе *-уя* вм. *-ую* въ В. ед. прилагательныхъ ж. р., [1]) мѣстоим. формы Р. В. ед. *мине*, *тибе*; и т. д.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія южно-великорусскихъ говоровъ представимъ для иллюстраціи ихъ нѣсколько текстовъ, записанныхъ разными изслѣдователями болѣе или менѣе фонетически.

1.

Ha̍лава́-лъ ты мая́,
Жы́зь заў да́ла́я,
За̍hубила́ миня́ мълатца́,
Мъладе́цкыю жы́зь за̍hубила́,
И ў темни́цу мине́ призьве[i]ла́.
'Абамру́ на̍ тире́мнай пасьте́ли,
Пъхаро́нють мине́ кой-как,
Пъхаро́нють, зимле́ю заро́ють:
Ни папла́чить ради́мая мать.
Ли чиво я на с'ве́тя ўради́лся[i],
На што́ ра̍дила́ мине́ ма́ть?
Ли таво́ я на с'ве́тя ра̍ди́лся:
Тире́мнаю жы́сь йспыта́ть.
Вы сьлита́йтя вы, ме́лкіи пташки,
На зиле́ну маhи́лу маю,
Вы васпо́йтя пичя́льную пе́сьню
На̍д маи́м дйрива́нным крясто́м.

с. Куликовка, Орлов. уѣзда и губ.). [2])

2.

На́ мари ўтушка сыкупа́лыся, ви́димши силизе́нюшку схыраня́лыся за те́ го́ры за кру́тыи, за те́ пяски́ за жо́лтыи. Въ те́рими Хрисьти́ньюшка сныряжа́лася, ви́димши, ви́димши Ти́хунушку схыраня́лыся за те́ стали́ за дубо́выи, за скатирьти шалко́выи.

(д. Калужкина, Мещов. у., Калуж. губ.) [3])

[1]) Эта особенность произношенія можетъ быть объяснена такимъ образомъ, что съ возникновеніемъ *-я* въ И. В. ед. сред. р. сложныхъ прилагательныхъ, этотъ гласный сталъ чувствоваться необходимымъ конечнымъ элементомъ въ сложныхъ формахъ данныхъ падежей какъ для средняго, такъ и для женскаго рода, а потому онъ сталъ прибавляться и въ В. ед. жен. рода къ соотвѣтствующимъ простымъ формамъ прилагательныхъ, т. е. пуста́—пуста́*я*, пусто́—пусто́*я*, пусту́—пусту́*я*.

[2]) Будде Е. Ѳ. О говорахъ Тульской и Орловской губерній (1904) стр. 44.

[3]) Чернышевъ В. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда (1901) стр. 31.

III. Бѣлорусское нарѣчіе.

Бѣлорусское нарѣчіе, какъ мы уже упоминали, представляетъ собою вѣтвь южно-великорусскаго нарѣчія, т. е. сохраняя главнѣйшія черты этого послѣдняго (напр. аканье, придувное произношеніе *г* и др.), оно имѣетъ и свои характерныя особенности, которыя мы перечислили въ началѣ настоящей главы. Такъ какъ первыя уже разсмотрѣны нами съ достаточною подробностью, то мы остановимся теперь на чертахъ спеціально бѣлорусскихъ.

1) Явленіе *дзеканья* и *цеканья* въ области бѣлорусскаго нарѣчія представляетъ собою черту, занимающую значительную площадь: она начинается прямо отъ западной границы этого нарѣчія, гдѣ бѣлорусская рѣчь соприкасается съ польскимъ языкомъ, обнимаетъ почти всю бѣлорусскую площадь, теряясь постепенно къ тѣмъ окраинамъ ея, которыя соприкасаются съ областями литовскаго языка и нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, т. е. на сѣверѣ, востокѣ и юго-востокѣ. Такимъ образомъ разсматриваемое явленіе въ западной части бѣлорусской области не представляетъ какихъ-либо переходныхъ фазъ, что̀ естественно поставитъ въ связь съ тѣмъ фактомъ, что сосѣдній польскій языкъ имѣетъ аналогичное дзеканье и цеканье (срв. бѣлор. д͡зэ́н', ц'іха́ и польск. dzień, cicho); въ существованіи такой связи насъ убѣждаетъ и то, что на прочихъ своихъ окраинахъ, гдѣ бѣлорусскіе говоры соприкасаются съ говорами, не имѣющими данной черты, постепенно утрачивается интенсивность явленія. Съ точки зрѣнія физіологической, происхожденіе дзеканья и цеканья можетъ быть понято такъ: при нѣкоторомъ замедленіи въ рекурсіи мягкихъ *д* и *т*, т. е. при уменьшеніи скорости отнятія языка отъ передняго неба, возникаетъ вслѣдъ за мягкимъ взрывнымъ соотвѣтствующій придувной призвукъ, и та-

кимъ образомъ получаетъ начало дифтонгизація этихъ взрывныхъ согласныхъ. [1])

2) *Твердое произношеніе* р *вмѣсто мягкаго* наблюдается во всей юго-западной половинѣ бѣлорусской области, ограничиваясь съ востока линіей, идущей приблизительно отъ Люцына къ Витебску и отъ Витебска къ Новозыбкову, [2]) за которою уже уменьшается чистота явленія, т. е. появляются случаи мягкаго произношенія *р*, нерѣдко даже не на мѣстѣ, а при переходѣ къ говорамъ великорусскимъ употребленіе твердаго и мягкаго *р* пріобрѣтаетъ уже ту правильность, какая свойственна послѣднимъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что область исключительно твердаго *р* прилегаетъ своими западными и южными границами къ тѣмъ языковымъ областямъ, которыя или совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р* (таковъ польскій языкъ), или же расширили употребленіе твердаго *р* на счетъ мягкаго (малорусскій языкъ). Что касается физіологической основы разсматриваемаго явленія, то мы представляемъ его себѣ такимъ образомъ: согласный *р* по своей артикуляціи относится къ альвеолярнымъ согласнымъ, какъ и шипящіе *ш* и *ж*, имѣющіе тенденцію къ отвердѣнію; поэтому намъ кажется вѣроятнымъ допустить, что процессъ отвердѣнія *р* былъ связанъ здѣсь съ альвеолярной природой согласнаго *р* и представляетъ собою расширеніе процесса отвердѣнія другихъ альвеолярныхъ согласныхъ (*ш* и *ж*), согласуясь въ этомъ случаѣ и съ сосѣдними языками. [3])

---

[1]) Замѣтимъ еще, что дзеканье и цеканье встрѣчается въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, какъ напр. въ Тверскомъ уѣздѣ, также въ Яросл. губ. въ уу. Моложскомъ и Пошехонскомъ, въ Нижегор губ. въ Княгин. у., въ говорѣ уральскихъ казаковъ. Кое-гдѣ эта особенность можетъ быть отнесена на счетъ бѣлорусскихъ переселенцевъ, но въ другихъ случаяхъ такихъ указаній не имѣется, такъ что можно предполагать и самостоятельное развитіе даннаго явленія.

[2]) См. карту бѣлорусскаго нарѣчія въ трудѣ проф. Е. Ѳ. Карскаго «Бѣлоруссы», т. I (1903).

[3]) Употребленіе твердаго *р* вм. мягкаго мы находимъ также въ югославянскихъ языкахъ, доказывающее обычность такого процесса, хотя вопро-

3) *Удвоеніе согласныхъ*, характерное для бѣлорусскаго нарѣчія, получилось изъ сочетанія мягкихъ передне-язычныхъ согласныхъ съ j, напр. *жыщё* („житье“), *безлюддзе*, *полэ́ссе*, *гря́ззю*, *мышша́к*, *ружжо́*, *обличче*, *свинння*, *ллюць* („льютъ“). Такому удвоенію обычно не подвергаются (за исключеніемъ спорадическихъ случаевъ) губные согласные, которые въ подобныхъ сочетаніяхъ съ j являются даже отвердѣвшими, напр. *пъюць*, *капъё*, *бъюць*, *саўю* („совью“) и т. п.; подобнымъ образомъ не подвергается удвоенію и отвердѣвшее *р*, хотя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ извѣстно мягкое *р*, можно встрѣтить и случаи типа *звѣ́ррё* и т. п. [1])

4) *Замѣна не только твердаго в, но и твердаго л черезъ w въ концѣ словъ и въ положеніи передъ согласными* является постоянною чертою въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, подобно малорусскому. Такая замѣна *л* черезъ *w* служитъ однимъ изъ отличій бѣлорусскаго нарѣчія отъ южно-великорусскаго, въ которомъ—какъ мы знаемъ—наблюдается полугласный *w* лишь на мѣстѣ литературнаго *в* и только въ говорахъ переходныхъ къ бѣлорусскому нарѣчію (какъ напр. въ Смоленской губ.) встрѣчается *w* и на мѣстѣ *л*. [2]) Чтобы понять физіологическую природу измѣненія *л*→*w*, необходимо допустить болѣе заднюю артикуляцію языка при произношеніи твердаго *л*, что̀ въ свою очередь обусловливаетъ присоединеніе участія губъ и вообще переходъ артикуляціи изъ язычной въ губно-губную. Такому преобразованію звука (*л*→*w*) могло способствовать также то, что подобный звукъ

чемъ въ другихъ языкахъ наблюдаемъ иной путь развитія мягкаго *р* (напр. въ польск. и чеш.).

[1]) Разсмотрѣнное нами удвоеніе смягченныхъ передне-язычныхъ согласныхъ, свойственное—какъ мы знаемъ—также малорусскому языку, выходитъ нѣсколько за предѣлы бѣлорусской области, встрѣчаясь напр. въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ Смоленской губ.

[2]) Вообще, эта пограничная область представляетъ сложныя комбинаціи чертъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, такъ что иногда изслѣдователь сильно затрудняется, къ которому изъ этихъ нарѣчій отнести данный говоръ.

(*w*) уже имѣлся въ языкѣ въ тѣхъ же условіяхъ на мѣстѣ литературнаго *в*.

5) Изъ *морфологическихъ* отличій бѣлорусскаго нарѣчія, которыя раздѣляетъ также малорусское нарѣчіе, отмѣтимъ прежде всего *сохраненіе переходно-смягченныхъ окончаній въ склоненіи*, напр. на ра́*цы*ъ („на рѣкѣ“), на дарó*зи*, к ма́т*цы* (т. е. къ маткѣ=къ матери), на кó́й*цы* („на койкѣ“) и т. п. Другою особенностью является окончаніе *-ы́й* (въ части говоровъ *-э́й*), соотвѣтствующее рус. литерат. *-о́й въ И. ед. прил. муж.*, напр. в о р о н ы́ й, з о л о т ы́ й и т. п.; аналогичнымъ образомъ *въ глаголѣ* встрѣчаемъ типъ спряженія на *-ы́ю*=лрн. *-о́ю*, срв. р ы́ и ц ь („роетъ“), у м ы́ й с я, а въ повелит. наклоненіи находимъ еще въ извѣстныхъ глаголахъ окончаніе *-ій*=лрн. *-е́й*, напр. б і́ й, п і́ й.

Въ заключеніе приведемъ для образца отрывокъ бѣлорусскаго текста:

Изъ сказки „*Несчастное дитя*“.

Ходзила яна одна, ходзила, и вышла къ дорози. Сѣла подъ е́лкой отдыхнуць и родзила сына. Ставъ тэй сынъ рэсць не по днямъ, ды по часамъ, и тойчасъ ставъ зъ маткой говориць. Вотъ матка и говóриць яму: ци вѣдыешъ, сынокъ? Я ужо ходжу по гэтымъ лѣси три дни, и нема ў мяне ничóго ѣсци! А ёнъ кажець: «цише, мама! я табѣ яды разстараюся!» Вотъ ставъ ёнъ на ноги и пошовъ по дороги, а матку подъ е́лкой покинывъ. Ишовъ, ишовъ, видзиць—ѣдуць купцы. Ёнъ узявъ, дубовъ понавырнувъ и заваливъ дорогу. А самъ сѣвъ вóдали и сядзиць. Пріѣхыли купцы къ гэтому мѣсту и стали говориць, якъ-бы имъ нераѣхыць. Ёнъ тоды уставъ и подыйшовъ къ имъ. «Што вы мнѣ дасцё, я вамъ расчищу дорогу»?—Што хочешъ, то й возьми, тольки расчисци! Набравъ ёнъ много разнаго ѣдзеньня и раскидавъ дубы. Купцы и поѣхали. Вярнувсь ёнъ къ матцы: «вотъ, мама, ёсь и яда!»

(д. Климовичи, Сѣнн. у., Могил. губ.). [1])

[1]) Е. Р. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, вып. 3, стр. 18. Для упрощенія своей транскрипціи собиратель въ случаяхъ аканья примѣнялъ обычный орѳографическій принципъ письма, но не фонетическій; начертаніе г=γ.

IV. Малорусское нарѣчіе.

Если мы пересмотримъ тѣ особенности малорусскаго нарѣчія, которыя перечислены нами въ предварительномъ обзорѣ (стр. 320—321), то замѣтимъ, что эти особенности на столько значительны и многочисленны, что позволяютъ считать малорусскіе говоры за такое нарѣчіе русскаго языка, которое занимаетъ уже переходное положеніе между нарѣчіемъ и языкомъ. Въ виду такого характера малорусскаго нарѣчія, мы не будемъ разсматривать всѣ его діалектическія различія, а остановимся лишь на украинскомъ типѣ говоровъ (напр., полтавской губ.), какъ наиболѣе близкихъ къ литературному малорусскому. При этомъ мы не станемъ еще разъ указывать особенности малорусскаго нарѣчія, а перейдемъ къ описанію его звуковой системы, въ особенности гласныхъ, которая значительно отличается отъ звуковой системы великорусской рѣчи и можетъ оказаться мало извѣстной читателю. [1])

Относительно *ударяемыхъ* гласныхъ малорусскаго языка отмѣтимъ слѣдующія особенности ихъ произношенія:

Наиболѣе существенную особенность представляетъ тотъ гласный звукъ, который соотвѣтствуетъ великорусскимъ *ы* и *і* и слышится какъ средній звукъ между этими двумя съ легкимъ оттѣнкомъ *э* (для фонетической транскрипціи этого гласнаго мы можемъ принять обозначеніе ы̇ или точнѣе—ы̇^{э}), напр. т ы̇^{э} н (т. е. „тынъ“), к у п ы̇^{э} w („купилъ“). Съ физіологической точки зрѣнія этотъ гласный долженъ имѣть нѣсколько иную артикуляцію по сравненію съ великорусскими *ы* и *и*, именно—онъ долженъ быть нѣсколько менѣе заднимъ, чѣмъ *ы*, и болѣе заднимъ, нежели *и*.

---

[1]) Описывая звуковую систему малорусской рѣчи, мы примемъ и здѣсь за единицу сравненія живую русскую литературную рѣчь, т. е. представимъ описаніе звуковъ малорусской рѣчи такъ, какъ они воспринимаются ухомъ великоросса.

Великорусскому палятальному гласному *э* (е) соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ аналогичный гласный съ тою однакожъ разницею, что онъ является звукомъ среднимъ между *ы*ᵉ и *а* (но не между *і* и *а*, какъ въ великорусскомъ). Соотвѣтственно этому его произношеніе требуетъ нѣсколько болѣе задней артикуляціи по сравненію съ великорусскимъ гласнымъ (въ научно-фонетическомъ письмѣ онъ можетъ быть обозначенъ начертаніемъ *ä*). Своеобразность малорусскихъ *ы*ᵉ и *ä* усиливается еще тѣмъ, что предшествующіе имъ согласные не смягчаются, а послѣдующіе палятальные согласные не вліяютъ замѣтно на ихъ рекурсію, напр. санáj („саней"), γумáн'ja („игуменья").

Гласный, соотвѣтствующій великорусскому орѳографическому *ъ*, слышится какъ чистое мягкое или тонкое *і*, безъ всякаго нюанса *э*, наблюдаемаго при ы; напр.: поб'іγла („побѣжала, побѣгла"), чолов'ік, w дýмці (Предл. ед.) и т. п. Кромѣ того, такое *і* является при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ (во вторично-закрытыхъ слогахъ) на мѣстѣ этимологическихъ *е* и *о*, напр. рубл'іw, ж'інка, пом'іγ („помогъ"), к'ін' („конь"), пы̯ᵉр'іγ („пирогъ"). Во всѣхъ случаяхъ такого мягкаго *і* предшествующій согласный произносится мягко.

Что касается остальныхъ ударенныхъ гласныхъ, т. е. *а* и *о*, то они въ общемъ не представляютъ значительныхъ отличій въ произношеніи съ великорусскимъ; отмѣтимъ только, что малорусское *а* по мѣсту артикуляціи является нѣсколько менѣе заднимъ (какъ бы въ гармоніи съ ы̯ᵉ), а малорусскій гласный *о* по-видимому имѣетъ нѣсколько меньшую степень лябіализаціи. Прибавимъ еще, что иногда ударяемые гласные производятъ впечатлѣніе большей длительности сравнительно съ общерусскимъ произношеніемъ, напр. чужы̯ᵉj.

Неударяемый вокализмъ въ малорусской рѣчи не представляетъ столь рѣзкихъ качественныхъ различій, какія наблюдаются въ общерусскомъ произношеніи: въ ней мы встрѣ-

чаемъ лишь сравнительно легкія различія по степени открытости, въ соединеніи съ различіями длительности, высоты [1]) и силы. Распредѣленіе послѣднихъ по слогамъ или, иначе говоря, антропофоническое строеніе словъ въ малорусскомъ въ отношеніи неударяемыхъ слоговъ замѣтно отличается отъ общерусской рѣчи, а именно: слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, производитъ впечатлѣніе довольно слабаго; если же имѣется еще слогъ второй передъ удареніемъ, то таковой получаетъ легкое побочное удареніе; изъ слоговъ послѣударенныхъ слабымъ побочнымъ удареніемъ сопровождается конечный открытый слогъ, обычно въ соединеніи съ нѣкоторою протянутостью, составляющею отличіе его отъ слога втораго передъ удареніемъ; если же конечный неударенный слогъ будетъ закрытымъ, то замѣчается только побочное удареніе; промежуточные неударяемые слоги послѣ ударенія внутри слова принадлежатъ къ болѣе слабымъ. Такимъ образомъ, формула антропофоническаго строенія словъ въ малорусскомъ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

$$\underset{1}{\overset{\backslash}{\breve{V}}} \mid \underset{^3/_4}{\breve{V}} \mid \underset{2}{\acute{V}} \mid \underset{^3/_4}{\breve{V}} \mid \underset{1^1/_2}{\overset{(\backslash)}{\bar{V}}}$$ [2])

(между тѣмъ относительная сила слоговъ общерусской рѣчи вообще можетъ быть передана для пятисложнаго слова съ удареніемъ на среднемъ слогѣ рядомъ цифръ: 1—2—3—1—1). Примѣры: у̀мрета́, прије́халы и т. п.

---

[1]) Относительно измѣненія высоты тона въ словахъ малорусскаго языка можно замѣтить, что интервалы между ударяемымъ слогомъ и различными неударяемыми превосходятъ въ общемъ соотвѣтствующіе интервалы литературнаго русскаго произношенія.

[2]) Въ данной формулѣ V обозначаетъ гласный въ слогѣ, значекъ ' передаетъ главное удареніе, \ —побочное удареніе, ˘ —краткость, ¯ —длительность гласнаго, | —знакъ дѣленія слова на слоги, цифры выражаютъ относительную силу слоговъ.

Что касается качественныхъ нюансовъ неударяемыхъ гласныхъ, то всего болѣе они выступаютъ при среднихъ гласныхъ *о* и *е*, на которыхъ мы и остановимся.

Неударяемый гласный *е* имѣетъ довольно открытый характеръ въ концѣ слова, значительно приближаясь по степени открытости къ ударяемому *е*, напр.: к а́ ж ӓ („говоритъ“), с' а́ д ӓ („сядетъ“). Нѣсколько меньшая степень открытости гласнаго *е* будетъ въ слогѣ первомъ передъ ударе-ніемъ, если ударяемый слогъ содержитъ средне-широкіе гласные *а* или *ӓ* (такой оттѣнокъ гласнаго мы обозначимъ черезъ ӓ), напр. д ӓ р ж а́ w („держалъ“), п ӓ ч а́ („печетъ“); передъ другими же ударяемыми гласными гласный *е* становится болѣе закрытымъ (обозначимъ его начертаніемъ е̨), напр. н е̨ с у́ т', л е̨ ж ы́ т'. Такое различіе степени открытости *е*, очевидно, представляетъ собою родъ гармонической ассимиляціи къ послѣдующимъ ударяемымъ гласнымъ. Впрочемъ въ говорахъ степень закрытости обѣихъ разновидностей *е* варіируетъ, доходя иногда до предѣла; въ этихъ случаяхъ гласный *е* можетъ слышаться уже какъ ы̨. Въ послѣударенныхъ слогахъ внутри слова гласный *е* отражается приблизительно такъ же, какъ въ слогѣ, предшествующемъ ударенным узкимъ гласнымъ, при чемъ въ говорахъ и здѣсь неударяемый гласный можетъ доходить до стадіи ы напр., б у́ д е̨ ш || б у́ д ы̨ ш. Что касается слога втораго передъ ударе-ніемъ, то—какъ уже упоминалось—на него падаетъ побочное ударе-ніе, соотвѣтственно съ чѣмъ онъ является нѣсколько шире перваго предъударенна-го, напр. п ѐ р е̨ п л ы̨́ л ы̨.

Отраженія неударяемаго *о* представляютъ слѣдующую градацію оттѣнковъ по степени открытости, начиная съ наибольшей:

1) Въ конечномъ открытомъ слогѣ: б о̨ л о́ т о̀.

2) Въ конечномъ закрытомъ слогѣ: w *ɣ* о́ р о̀ д.

3) Въ слогѣ первомъ передъ ударе-ніемъ: х о̨ д' і́ м „пойдемъ!“ (но нашъ гласный представляетъ въ этомъ положеніи

меньшую закрытость при гласномъ *а* въ ударяемомъ слогѣ, напр. *лошà* „лошадь“). Что касается втораго слога передъ ударенiемъ, то и здѣсь онъ сопровождается побочнымъ ударенiемъ, а потому гласный, можно думать, имѣетъ слегка меньшую закрытость.

Въ заключенiе мы должны сказать, что въ говорахъ закрытость неконечнаго неударяемаго *о* варiируетъ, болѣе или менѣе приближаясь къ *у*.

Въ тѣсной физiологической связи съ характеромъ вокальной системы въ малорусскомъ находится характеръ *системы согласныхъ*, а именно: каково различiе малорусскаго гласнаго ы̭ᵒ отъ великорусскаго *ы*, таково же различiе и твердаго произношенiя согласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ. Если при произношенiи отдѣльнаго твердаго мгновеннаго согласнаго у великоросса можетъ послышаться призвукъ *ы* (напр. тᵉ), то въ произношенiи малоросса такимъ призвукомъ будетъ ы̭. Такимъ образомъ, система *твердыхъ* малорусскихъ согласныхъ нѣсколько отлична отъ соотвѣтствующей великорусскихъ, являясь по сравненiю съ послѣдней нѣсколько болѣе средне-язычною. Разницы въ произношенiи *мягкихъ* согласныхъ въ тѣхъ же языкахъ не замѣтно.

Изъ частностей нужно отмѣтить существованiе твердыхъ и мягкихъ *ш*, *ж* и даже *ч*, напр.: шáпка, шы̭ᵒты̭ || ш'íст'; жы̭ᵒты̭ || ж'íнка; чы̭ᵒстыj || ч'íлка. Упомянемъ также о той характерной чертѣ, что звонкiе согласные въ концѣ словъ и передъ глухими согласными обычно сохраняютъ въ малорусскомъ свою звонкость, напр. рáд, мерéжка (т. е. родъ вышивки). Согласный j передъ *і* (изъ *ѣ*) очень замѣтенъ, напр., jíхалы̭, приjíхалы̭; наконецъ, отмѣтимъ еще губно-губное w=лрн. великор. *л* и *в*, въ положенiи на концѣ словъ и передъ согласными.

Все вышесказанное о малорусскомъ произношенiи достаточно обрисовываетъ отличiе звуковой системы великорусской отъ малорусской, такъ что великороссу, который бы

пожелалъ въ точности усвоить малорусское произношеніе, необходимы болѣе или менѣе продолжительныя упражненія, чтобы привыкнуть къ нѣсколько другой *системѣ артикуляціонныхъ укладовъ*.

Примѣчаніе. Мы не станемъ описывать діалектическихъ различій малорусскаго языка, довольно многочисленныхъ,[1]) но не можемъ не упомянуть о главнѣйшемъ подраздѣленіи малорусскихъ говоровъ у насъ на сѣверные и южные. Главнымъ отличіемъ полосы сѣверныхъ говоровъ отъ южныхъ служитъ присутствіе въ первыхъ *дифтонговъ* тамъ, гдѣ во вторыхъ уже имѣется простой гласный *і* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ;[2]) срв. куэ̂н'=к'і̂н' («конь»), ну̯ы̂ч=ні̂ч («ночь»), пі̯э̂ч=п'і̂ч («печь»).

Въ заключеніе приведемъ малорусскій текстъ въ орѳографической передачѣ, принятой въ Россіи:[3])

О тимъ, зъ чого взялысь ведмéди.

Йшóвъ разъ Госпóдь зъ Св. Петрóмъ чéрезъ мистъ, а зъ-пидъ мóсту вы́бигъ чоловíкъ у вы́вернутому кожу́си,—винъ за здалегíдь йще заховáвся тамъ, и дýмка бъ то булá въ ёго злякáты Iисýса и Петрá,—та якъ крúкне: «ве»!.. а Госпóдь одверну́всь одъ ёго, плю́нувъ й сказавъ: «ну, такъ и́ды жъ тепéръ собí у цúй шкýри на вси крáйи свúта, лякáй людéй, а люды тебé». Пишóвъ тодí той чоловíкъ ведмéдемъ, а зъ ёго й намнóжився вже й по всёмý свúту ведмéжий рúдъ. Отъ тымъ то ведмúдь й похóжий на людыну.

(Сл. Бѣло-Куракино, Старобѣльскаго у., Харьковской губ.).[4])

---

[1]) См. Соболевскій А. Очеркъ русской діалектологіи, вып. III-ій: Малорусское нарѣчіе (въ трудѣ даются и подробныя указанія на литературу предмета).

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ впрочемъ согласный произносится полумягко, если это *і* получилось изъ вторично-закрытаго *о*.

[3]) Особенности этой орѳографіи состоятъ въ томъ, что въ ней гласный ы обозначается начертаніемъ *ы*, гласный і со смягченіемъ предшествующаго согласнаго — начертаніемъ *и*, согласный j — черезъ й (въ Галиціи орѳографія малорусская нѣсколько иная: въ ней *и* обозначаетъ собою гласный ы, буква *і*—гласный і со смягченіемъ предшествующаго согласнаго и, наконецъ, ї=ji и є=je).

[4]) См. Харьковскій Сборникъ, вып. 9-й (1895) стр. 242.

Глава XVI.

Очеркъ исторіи русскаго языка.

Исторія каждаго языка имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе того, какъ данный языкъ достигъ современнаго состоянія, начиная отъ древнѣйшаго своего исходнаго пункта, до котораго можетъ достигать изслѣдователь. При этомъ исторія языка естественно распадается на два послѣдовательныхъ отдѣла: исторія до появленія письменности, возстанавливаемая путемъ сравненія съ родственными языками, и позднѣйшая исторія, опирающаяся уже на данныя письменныхъ памятниковъ. [1]) Соотвѣтственно этому мы займемся сначала исторіей русскаго языка въ до-историческія эпохи, понимая подъ послѣдними времена, предшествовавшія возникновенію у насъ письменности.

---

[1]) Лингвистъ, изслѣдуя явленія языка, можетъ открывать въ нихъ признаки, позволяющіе ему заключать о томъ, которыя изъ этихъ явленій болѣе древняго и которыя болѣе поздняго происхожденія. На основаніи такихъ признаковъ онъ старается расположить эти явленія по времени ихъ возникновенія или—говоря иначе—въ ихъ хронологической послѣдовательности отъ древнѣйшаго состоянія до позднѣйшаго («соотносительная» хронологія процессовъ), при чемъ, съ переходомъ къ историческому времени, сохранившіеся письменные памятники разныхъ вѣковъ позволяютъ уже изслѣдователю устанавливать для тѣхъ или другихъ явленій болѣе точныя хронологическія даты («документальная» хронологія).

ДО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Русскій языкъ своимъ древнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ аріо-европейскій праязыкъ, общій также и нѣкоторымъ другимъ языкамъ, которые поэтому вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ принадлежатъ къ одному языковому семейству, именно— „аріо-европейскому“ или „индо-европейскому“ (см. стр. 4, сн. 2). Нужно оговориться, что самый праязыкъ этого семейства не сохранился въ своемъ первоначальномъ видѣ, а дошелъ до насъ лишь въ своихъ языкахъ-потомкахъ, почему его первоначальное состояніе возсоздается гипотетически по даннымъ этихъ языковъ; что же касается самаго предположенія праязыка, то оно съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ массоваго сходства въ словахъ и грамматическомъ строѣ языковъ, составляющихъ данное семейство. Какъ увидимъ, русскій языкъ съ его діалектами произошелъ не непосредственно изъ этого праязыка, но черезъ рядъ посредствующихъ болѣе частныхъ праязыковыхъ состояній. Въ самомъ дѣлѣ, аріо-европейскій праязыкъ, подобно каждому языку, долженъ былъ въ своемъ развитіи образовывать діалекты, которые все болѣе расходились между собою и превратились въ самостоятельные языки, которые въ свою очередь послужили праязыками новыхъ языковыхъ вѣтвей; сравнительная грамматика принимаетъ въ качествѣ вторичныхъ праязыковъ слѣдующіе: индо-иранскій или арійскій, армянскій, греческій, албанскій, италійскій, кельтскій, германскій и литво-славянскій. [1]) Въ дальнѣйшемъ развитіи арійскій праязыкъ распался на вѣтви индійскую и иранскую, а праязыкъ литво-славянскій, распавшись, далъ начало праязыкамъ литовскому и славянскому. Послѣдній въ свою очередь съ теченіемъ времени образовалъ нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ восточная послужила основаніемъ для язы-

[1]) Въ нашемъ послѣдующемъ обзорѣ мы оставимъ въ сторонѣ вѣтви армянскую и албанскую, какъ представляющія лишь побочное значеніе въ вопросѣ о генетическомъ развитіи русскаго языка.

ка прарусскаго, распавшагося далѣе на два главныхъ діалекта—сѣверный и южный. Такимъ образомъ на пути развитія русскаго языка въ до-историческія времена мы имѣемъ слѣдующіе этапы: 1) состояніе аріо-европейскаго праязыка, 2) литво-славянское единство, 3) общеславянское праязыковое состояніе и 4) основно-русскій языкъ съ его дальнѣйшимъ діалектическимъ развитіемъ.

Примѣчаніе Само собою понятно, что и остальныя вѣтви аріо-европейскаго праязыка испытали въ свою очередь подобное діалектическое развитіе и такимъ образомъ въ результатѣ изъ одного общаго для всѣхъ ихъ аріо-европейскаго праязыка произошло значительное количество отдѣльныхъ языковъ, различія между которыми столь велики, что дѣлаютъ невозможнымъ взаимное пониманіе безъ предварительнаго изученія другаго языка. Что касается факторовъ, вызывавшихъ постепенный діалектическій ростъ аріо-европейскаго праязыка, то они должны быть въ общемъ тѣ же самые, какіе участвуютъ въ діалектическомъ развитіи каждаго языка и которые уже описаны нами въ началѣ предшествующей главы.

Представимъ теперь характеристику каждаго изъ указанныхъ языковыхъ состояній, ограничиваясь при этомъ лишь самыми необходимыми замѣчаніями.

1) Состояніе аріо-европейскаго праязыка.

Сравнительная грамматика языковъ нашего семейства установила, что аріо-европейскій праязыкъ до своего распаденія успѣлъ достигнуть значительнаго развитія въ своихъ звукахъ и формахъ: при значительномъ звуковомъ разнообразіи онъ обладалъ уже всѣми главными частями рѣчи и имѣлъ вполнѣ развитыя системы склоненія и спряженія. Такъ, онъ различалъ въ именахъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ кромѣ единственнаго и множественнаго еще двойственное число. Въ склоненіи различались кромѣ Зват. семь падежей, въ томъ числѣ Мѣстный и Исходный, которые могли имѣть безпредложное употребленіе, какъ и другіе падежи. Склоненіе мѣстоименное представляло въ части падежныхъ формъ особенности

образованія сравнительно съ соотвѣтствующими формами именнаго склоненія. Глаголы аріо-европейскаго праязыка были корневые и производные (отъ именъ и глаголовъ), при чемъ первые представляли два типа спряженія—тематическое и нетематическое, вторые слѣдовали тематическому. Въ спряженіи существовали формы дѣйствительнаго и средняго залога и послѣднія служили также для страдательнаго; различались по образованію четыре наклоненія—изъявительное, сослагательное, желательное и повелительное; категорія временъ была весьма развита: кромѣ настоящаго и будущаго времени существовали четыре типа прошедшаго времени—перфектъ, имперфектъ и два аориста. Наконецъ, еще въ праязыкѣ развились причастныя образованія, а также формы для общаго наименованія дѣйствія—неопредѣленное наклоненіе и отчасти супинъ. Что касается въ частности звуковъ, то въ области вокализма кромѣ простыхъ гласныхъ (*a*, *e*, *o*, *i*, *u*), которые могли быть краткими и долгими, въ немъ существовали два полугласныхъ i̯ и u̯ (или—въ иномъ обозначеніи —*y* и *w*), дифтонги съуживающіеся (ăi, ēi, ŏi, ău, ēu, ŏu) [1]) и рѣже расширяющіеся (ie, ue и др.) [2]), а также полудифтонги, т. е. такія дифтонгическія сочетанія, вторымъ компонентомъ которыхъ былъ одинъ изъ наиболѣе сонорныхъ согласныхъ, т. е. плавный или носовой (напр. сочетанія ar, er, or, el, em и т. д.); къ этому присоединялись въ словахъ опредѣленныя различія въ движеніи тона особенно при долготѣ ударяемыхъ гласныхъ, отчасти отражающіяся и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ современныхъ языкахъ—литовскомъ и въ части славянскихъ. Наконецъ, какъ мы видѣли (стр. 96) вокализмъ аріо-европейскаго праязыка являлся ударяемымъ и не-

[1]) Такъ какъ значокъ ˘ принятъ для обозначенія краткости звука, а черточка ¯ долготы, то оба знака надъ буквою гласнаго показываютъ, что звукъ могъ быть и краткимъ, и долгимъ.

[2]) Такіе дифтонги получались главнымъ образомъ изъ распаденія съуживающихся дифтонговъ въ положеніи передъ гласными, при чемъ второй ихъ компонентъ становился полугласнымъ (т. е. i̯, u̯) и затѣмъ примыкалъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему гласному.

ударяемымъ, при чемъ неударенность вела къ ослабленію гласныхъ. Въ области консонантизма аріо-европейскій праязыкъ еще не развилъ категоріи мягкихъ согласныхъ, но уже имѣлъ въ значительной полнотѣ твердые согласные (за исключеніемъ f, š, ž и χ), [1]) при чемъ задне-язычные согласные представлялись двумя рядами—болѣе переднимъ или палятальнымъ [2]) и болѣе заднимъ или велярнымъ; кромѣ того въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовала особая категорія согласныхъ придыхательныхъ, напр. *bh*, *dh* и т. д., т. е. взрывные согласные *b*, *d* и т. д., сопровождаемые звукомъ густаго придыханія. [3])

Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ перечисленныхъ звуковъ нашего праязыка, а именно—задне-язычные согласные, стали представлять діалектическія различія, давшія начало двумъ главнымъ праязыковымъ областямъ—восточной, изъ которой впослѣдствіи образовались вѣтви индо-иранская и литво-славянская, и западной, изъ которой затѣмъ возникли вѣтви греческая, италійская, кельтская и германская. [4]) Различіе между ними заключалось въ томъ, что оба ряда задне-язычныхъ согласныхъ пошли неодинаковыми путями развитія, давши въ той и другой области различные звуки: болѣе передній рядъ (обозначимъ его условно чрезъ присоединеніе къ символу K значка палятальности, т. е. *K̂ или K[1]) въ восточной

---

[1]) Согласный *z* не существовалъ самостоятельно, а лишь заступалъ мѣсто *s* въ положеніи передъ звонкими взрывными.

[2]) Употребленное здѣсь выраженіе «палятальный» не обозначаетъ вполнѣ мягкаго произношенія соотвѣтствующихъ согласныхъ (какъ напр. въ современномъ русскомъ языкѣ), но лишь сравнительно легкій оттѣнокъ палатальности (въ родѣ напр. нѣмецкаго *k* въ словѣ *Kette*, или т. п.).

[3]) Этотъ послѣдній звукъ долженъ былъ произноситься на подобіе нѣмецкаго *h*, напр. въ словѣ «*h*aben».

[4]) Мы назвали эти области восточною и западною соотвѣтственно современному географическому расположенію языковъ-потомковъ; возможно, что въ эпоху аріо-европейскаго праязыка эти діалектическія области находились въ иномъ положеніи другъ къ другу, тѣмъ болѣе, что и самое мѣстоположеніе этого праязыка съ достовѣрностью неизвѣстно.

области, сохраняя еще нѣкоторую палятальность, сталъ утрачивать взрывной характеръ, приближаясь къ придувному произношенію (обозначимъ условно этотъ предполагаемый звукъ черезъ *$\hat{\chi}$) [1]) и въ дальнѣйшемъ развитіи далъ рефлексы типа *s* или *š* (ш), а въ западной области онъ утратилъ свою палятальность, вполнѣ сохранивъ за то взрывное произношеніе; что касается болѣе задняго ряда (обозначимъ его символомъ *Q или *K[2]), то онъ въ восточной области сталъ нѣсколько менѣе заднимъ (т. е. *K), а въ западной сталъ сопровождаться лябіализаціей, представляя такимъ образомъ типъ *Q^w. [2]) Кромѣ описаннаго различія между восточною и западною областями аріо-европейскаго праязыка, въ нихъ замѣчается еще неодинаковость въ развитіи первоначальнаго *s*, которое въ восточной области обнаруживаетъ наклонность къ измѣненію въ направленіи къ š-χ при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ, а именно—въ положеніи послѣ гласныхъ *i* и *u* и согласныхъ *r* и *k*; что касается западной области, то тамъ хотя ае. *s тоже подвергалось измѣненію, но подъ вліяніемъ уже иныхъ условій. [3])

Оставляя теперь въ сторонѣ западную діалектическую область аріо-европейскаго праязыка, мы остановимся на діалек-

---

[1]) Предположеніе этого посредствующаго звена позволяетъ связать основной праязыковой звукъ *$\hat{K}$ съ рефлексами, получившимися въ современныхъ языкахъ соотвѣтствующаго отдѣла. Впрочемъ, выставляя такой символъ, мы не опредѣляемъ точно его физіологическаго значенія, а понимаемъ болѣе абстрактно, т. е. выражаемъ даннымъ символомъ лишь общій типъ звука.

[2]) Впрочемъ при нѣкоторыхъ условіяхъ и въ западномъ отдѣлѣ лябіализація отсутствуетъ, какъ напр. въ положеніи передъ гласнымъ *a* (срв. греч. καπ·νό·ς = рус. коп-оть), а также въ положеніи послѣ лябіальнаго гласнаго *u* (λύκος = волкъ).

[3]) Можно думать, что первоначальное **s* представляло уже во времена аріо-европейскаго праязыка нѣкоторыя діалектическія варіаціи, которыя впослѣдствіи и дали неодинаковыя отраженія въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ нашего языковаго семейства.

тическихъ различіяхъ уже только въ восточной области и преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя ведутъ къ прарусскому языковому состоянію.

Прежде всего въ восточной половинѣ намѣчаются два единства—индо-иранское и литво-славянское, въ каждомъ изъ которыхъ наблюдается массовое сходство въ словахъ и формахъ. Однако существуютъ нѣкоторые признаки, какъ бы нарушающіе цѣлостность этихъ единствъ. Такъ, напр., первоначальные звонкіе придыхательные (*bh*, *dh*, *gh*) утратили свой придыхательный элементъ въ большей части всей восточной области, сохранившись лишь въ той діалектической части, которая впослѣдствіи дала начало индійской вѣтви; къ этому различію присоединяется также неодинаковое развитіе группъ *dt* и *tt*: въ той же большей части эти сочетанія измѣнились въ *st*, а въ указанной меньшей они дали *tt*. Такимъ образомъ получились частичныя сходства одного единства (литво-славянскаго) съ частью (впослѣдствіи—иранскою) другаго; это можетъ объясняться тѣмъ, что именно съ этою частью арійскаго единства сосѣдило славяно-литовское единство. [1])

2) Литво-славянское единство.

Предположеніе эпохи литво-славянскаго единства основывается на обиліи сходныхъ явленій грамматическихъ и лексическихъ между языками славянской и литовской вѣтви. Однако необходимо замѣтить, что для объясненія этого обилія сходствъ существуютъ два предположенія: одно, господствующее въ наукѣ, принимаетъ, что обѣ вѣтви по выдѣленіи изъ праязыка представляли вполнѣ однородную діалектическую единицу, которая затѣмъ уже распалась на двѣ вѣтви—литов-

[1]) Въ дальнѣйшемъ намъ не разъ еще придется указывать на подобное вліяніе фактора сосѣдства, благодаря которому вызывалось общеніе сосѣднихъ діалектовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывались и сходныя языковыя явленія.

скую и славянскую; другое предположеніе, основываясь на томъ, что обиліе сходствъ между литовскою и славянскою вѣтвью все-таки не столь значительно, какъ между вѣтвями индо-иранскаго единства, допускаетъ самостоятельное зарожденіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ той и другой вѣтви (литовской и славянской), которыя затѣмъ развили не мало параллельныхъ явленій, быть можетъ — благодаря общенію между собою. [1]) Намъ кажется, что для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо изслѣдовать языковые процессы въ той и другой вѣтви отдѣльно, какъ бы временно допуская, что каждая изъ нихъ развилась самостоятельно изъ праязыка; при этомъ явленія должны располагаться по эпохамъ, начиная отъ праязыковаго аріо-европейскаго состоянія и до позднѣйшаго. Если дѣйствительно та и другая вѣтвь нѣкогда представляли литовославянское единство, то древнѣйшія эпохи въ ихъ послѣдовательности должны совпадать въ той и другой вѣтви. Въ виду сложности этой задачи мы не беремся здѣсь окончательно рѣшать вопросъ о литво-славянскомъ единствѣ, а просто лишь укажемъ важнѣйшія черты фонетическія и морфологическія, общія для славянской и литовской группъ въ отличіи отъ другихъ.

Въ области вокализма къ такимъ чертамъ отнесемъ прежде всего отраженіе краткихъ средне-широкихъ гласныхъ, а именно: краткая тріада праязыковыхъ *ĕ, *ŏ и *ă въ той и другой вѣтви дала не три соотвѣтствующихъ рефлекса, а только два вслѣдствіе того, что оба не-палятальные гласные (т. е. *ŏ и *ă) совпали въ одномъ звукѣ; [2]) между тѣмъ въ арій-

---

[1]) Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, не являющійся рѣшительнымъ сторонникомъ той или другой точки зрѣнія, объясняетъ указанную близость литовской и славянской вѣтви тѣмъ, что «обѣ эти группы находятся на относительно древней степени развитія и поэтому обладаютъ большимъ количествомъ однородныхъ языковыхъ явленій».

[2]) Замѣтимъ, что въ разсматриваемыхъ вѣтвяхъ этому совпаденію предшествовало измѣненіе *ĕ→ŏ въ положеніи передъ согласнымъ *v*, за ко-

ской области упомянутая тріада дала одинъ только гласный звукъ. Затѣмъ славянская и литовская вѣтвь обособляются отъ другихъ еще и одинаковыми рефлексами праязыковыхъ слабыхъ неударяемыхъ гласныхъ, въ особенности *ĕ: въ то время какъ другія вѣтви доводятъ ослабленіе этого гласнаго до нуля, вѣтви славянская и литовская оказываются, по-видимому, болѣе консервативными и сохраняютъ его, но уже въ видѣ ĭ, срв. греч. $\mu\nu\acute{\eta}\mu\eta$ „память“ = лит. minėti „помнить, вспоминать“, ст.-сл. мънѣти „думать“. Наконецъ, между литовской и славянской вѣтвями наблюдается значительное соотвѣтствіе въ типахъ ударенія, какъ это можно видѣть напр. изъ сравненія русскихъ формъ зима́—зи́му и соотвѣтствующихъ литовскихъ žẽmà—žẽmą, [1]) и др.

Въ области консонантизма вѣтви литовская и славянская въ разсматриваемую эпоху своего единства не произвели особенно замѣтныхъ перемѣнъ, которыя получились уже въ болѣе поздніе времена. Нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ этой эпохѣ утрату въ концѣ словъ первоначальныхъ взрывныхъ согласныхъ *t* и *d* (которые впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вѣтвяхъ, какъ напр. въ греч., легко утрачивались въ томъ же положеніи, благодаря чисто физіологическому моменту); срв. ст.-сл. 3 ед. повел. берѧ = греч. 3 ед. желат. *φέροι* = скт.

торымъ слѣдовалъ не-палятальный гласный, срв. греч. νέϝος = ст.-сл. новъ, рус. новый, лит. naũas. Такимъ образомъ, вновь полученное *o*, совпавъ съ первичнымъ *o*, имѣетъ съ нимъ въ дальнѣйшемъ общій путь развитія.

[1]) Знакъ ˜ въ литовскомъ обозначаетъ ударе́ніе и притомъ *восходящее*; оно распространяется и на слѣдующій согласный того же слога, если таковымъ является плавный или носовой, и въ такомъ случаѣ этотъ знакъ ставится надъ согласнымъ, срв. vaĩnas «во́ронъ» и т. п.; знакъ ´ обозначаетъ, наоборотъ, *нисходящее* ударе́ніе. Эти два вида ударе́нія различаются лишь на долгихъ слогахъ, тогда какъ краткіе слоги могутъ имѣть лишь одно ударе́ніе, обозначаемое знакомъ `. Здѣсь же мы объяснимъ и значеніе нѣкоторыхъ буквъ, употребляемыхъ въ литовскомъ письмѣ: начертаніе *ė* служитъ для обозначенія долгаго закрытаго *e*, начертаніе ë выражаетъ дифтонгъ i͡e, û—дифтонгъ u͡o, а буква *y*=ī.

3 ед. желат. bhárē-*t*, то⁂=греч. τό⁂=скт. ta*d*; какъ увидимъ впослѣдствіи, для указаннаго предположенія о времени исчезновенія нѣтъ достаточныхъ основаній; напротивъ того, слѣдуетъ принять независимое исчезновеніе этихъ согласныхъ въ той и другой вѣтви (славянской и литовской). [1])

Обращаясь къ морфологическимъ чертамъ, общимъ для литовской и славянской вѣтви, въ области существительныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) въ первоначальномъ гласномъ склоненіи, именно въ основахъ на -ā- и -ŏ- получаетъ широкое развитіе мягкій типъ, т. е. съ i̯ (j) передъ тематическимъ гласнымъ (срв. ѕємлѧ и т. д.); 2) согласное склоненіе испытываетъ сильное вліяніе со стороны основъ на -ī̆-, сказывающееся въ появленіи ĭ передъ нѣкоторыми окончаніями, напр. камен-ьмъ (лит. akmen-ìms); 3) окончанія извѣстныхъ косвенныхъ падежей, содержащія согласный *m*, развились и въ склоненіи именномъ, между тѣмъ какъ въ другихъ вѣтвяхъ (за исключеніемъ германской) такія окончанія или отсутствуютъ, или встрѣчаются лишь въ мѣстоименномъ склоненіи, въ склоненіи же именномъ содержатъ въ соотвѣтствующемъ отраженіи первоначальный губной звонкій придыхательный, срв. Д. мн. камен-ьмъ (литов. akmen-ìms)=скт. áçma-*bh*yaḥ.

Въ области прилагательныхъ отмѣтимъ въ обѣихъ вѣтвяхъ двоякую форму этой части рѣчи—простую и сложную, образующуюся изъ первой присоединеніемъ указательнаго мѣстоименія (лит. -*is* -*jì*, ст.-сл. -н -ѧ -ѥ), напр. ст.-сл. добръ-н, добра-ѧ, добро-ѥ, или лит. geràs-is (м.), geró-ji (ж.). Другія вѣтви не развили такого явленія. [2])

---

[1]) Есть нѣкоторыя указанія въ пользу того, что губной носовой согласный *m* въ окончаніи словъ въ той и другой вѣтви смѣнился на передне-язычный *n*, срв. префиксъ СѢН-=скт. sa*m* «съ», напр. въ сложныхъ словахъ СѢНИТИ, СѢНѢДЬ.

[2]) На первый взглядъ можетъ показаться, что въ нѣмецкомъ языкѣ существуетъ однородное явленіе въ такихъ случаяхъ, какѣ gut-*er* gut-*e* gut-*es*; но на самомъ дѣлѣ здѣсь не было присоединенія къ простому при-

Въ области глагола та и другая вѣтвь произвели рядъ упрощеній, состоящихъ въ утратѣ нѣкоторыхъ образованій; такъ, въ нихъ утратились самостоятельныя формы страдательнаго залога, а также категорія перфекта. Кромѣ того, обѣ вѣтви выработали нѣкоторыя одинаковыя глагольныя образованія; таковы: 1) формы вида, служащія для различія простаго и длительнаго дѣйствій, срв. ст.-сл. метѫ || метаѭ, лит. metù „бросаю“ || mẽtau (то же значеніе съ длительнымъ оттѣнкомъ); 2) формы возвратнаго залога, образующіяся прибавленіемъ къ формѣ дѣйствительнаго залога однообразнаго возвратнаго мѣстоименія, срв. ст.-сл. метѫ сѧ и лит. metŭs (изъ metŭ-si); 3) особенности въ склоненіи причастій наст. и прош. вр. дѣйств. залога и тожественное образованіе причастія наст. вр. страдат. залога.

Указавъ главнѣйшія сходства между вѣтвями литовской и славянской, мы должны отмѣтить и тѣ **различія**, которыя уже въ столь раннее время начали обнаруживаться въ этихъ вѣтвяхъ и которыя, развиваясь дальше и дополняясь другими различіями, повели къ обособленію одной вѣтви отъ другой. Въ области *фонетики* мы укажемъ: 1) неодинаковое развитіе первоначальныхъ краткихъ средне-широкихъ гласныхъ *ă и *ŏ, которые въ литовской вѣтви дали одинъ звукъ *a*, а въ славянской—звукъ *o*; 2) наоборотъ, соотвѣтствующіе первоначальные долгіе гласные въ литовской вѣтви дали лябіализованный гласный (а долгій ае. *ō развился даже въ дифтонгъ o̯u или ou), между тѣмъ какъ въ славянской вѣтви они измѣнились въ гласный *a*; [1]) 3) первоначальные дифтонги въ

лагательному указательнаго мѣстоименія, а—какъ показываетъ исторія нѣмецкаго языка—прилагательное стало принимать эти окончанія по аналогіи къ формамъ указательнаго мѣстоименія.

[1]) Въ одномъ изъ нарѣчій литовской вѣтви (именно въ древне-прусскомъ) первоначальные *ā и *ō совпали тоже въ гласномъ *a*, но въ положеніи послѣ согласныхъ губныхъ и задне-язычныхъ они отражаются въ видѣ лябіализованнаго гласнаго, переданнаго въ текстахъ черезъ ū.

литовской вѣтви оказываются гораздо болѣе устойчивыми, сохраняясь даже до настоящаго времени, тогда какъ въ славянской вѣтви, какъ увидимъ, они превратились въ монофтонги еще въ праславянскія времена; 4) какъ уже указывалось, въ восточной области aріо-европейскаго праязыка первоначальное *s* обнаруживаетъ тенденцію къ измѣненію при извѣстныхъ условіяхъ (т. е. послѣ *i*, *u*, *r*, *k*) по направленію къ š-χ; однако эта тенденція въ славянской и литовской вѣтви проявилась неодинаково, какъ объ этомъ можно заключать по позднѣйшимъ рефлексамъ: въ славянской вѣтви *s послѣ извѣстныхъ звуковъ отражается въ видѣ š лишь въ положеніи передъ палятальными гласными (срв. ст.-сл. сѫшнтн), тогда какъ передъ не-палятальными въ видѣ χ (напр. сѫхъ, срв. лит. saũsas), [1]) сохраняясь въ остальныхъ случаяхъ (напр. въ началѣ слова—сѫхъ), въ литовскомъ же при указанныхъ условіяхъ *s отражается въ видѣ š, но не χ (напр. máišas, срв. рус. мѣхъ, мѣшокъ, júšė=уха), во всѣхъ же другихъ случаяхъ, а также когда на предшествующій узкій гласный падаетъ восходящее удареніе, *s отражается въ видѣ s; 5) праязыковые согласные типа передняго *K̂, пройдя фазу типа *χ̂, отразились въ обѣихъ вѣтвяхъ неоди-

---

[1]) Датскій лингвистъ *Пёдерсенъ* полагаетъ, что первоначальное *s измѣнилось при извѣстныхъ условіяхъ въ š еще на почвѣ aріо-европейскаго праязыка, но быть можетъ только въ восточныхъ его областяхъ, такъ что слав. χ развилось уже изъ этого š (см. H. Pedersen Das indogerm. *s* im Slavischen, въ Indogerm. Forschungen, B. V, 1895, стр. 33 — 87). Однако я считаю возможнымъ выводить слав. χ и просто изъ ае. *s, опираясь на случаи аналогичнаго измѣненія этого первоначальнаго звука, встрѣчающіеся въ иранской и греческой вѣтвяхъ (срв. напр. др.-иран. *haptа* «семь» и соотвѣтствующее греч. слово ἑπτά, т. е. *heptá*, которымъ отвѣчаетъ скт. *saptá*). При такой точкѣ зрѣнія можно допустить, что въ ае. праязыкѣ *s существовало діалектически въ двухъ варіаціяхъ, опредѣлявшихъ дальнѣйшее его измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ или въ сторону χ, или же въ сторону š, при чемъ условія измѣненія въ χ были, быть можетъ, нѣсколько шире по сравненію съ условіями измѣненія въ š.

наково: въ литовской они дали шипящій спирантъ (глухой *š* и соотвѣтствующій звонкій *ž*, напр. nešù отъ ае. K. *nĕ̂k-, vežù отъ ае. K. *vĕ̄gh-), а въ славянской соотвѣтствующій свистящій (*s* и *z*, срв. родственные съ вышеприведенными литовскими глаголы несѫ, везѫ); благодаря такому отраженію, въ литовскомъ получился еще новый звукъ *š*, который и совпалъ съ болѣе раннимъ *š* изъ **s*; точно также въ славянской вѣтви вновь получился звукъ *s* (изъ **k̂*), который и совпалъ съ первоначальнымъ *s*, уцѣлѣвшимъ отъ измѣненія въ χ. Въ области *морфологіи* мы отмѣтимъ для литовской вѣтви, въ отличіе отъ славянской, утрату средняго рода именъ существительныхъ, а также категоріи аористовъ, но сохраненіе древняго образованія будущаго времени.

3) Состояніе славянскаго праязыка.

Прежде чѣмъ разсматривать тѣ звуковыя измѣненія, какія развивались въ разныя эпохи славянскаго праязыка, сдѣлаемъ общій перечень тѣхъ звуковъ, которые онъ унаслѣдовалъ отъ предшествующаго періода. Онъ продолжалъ различать гласные *краткіе* (*ĕ*; *ŏ*[a] двоякаго происхожденія—изъ ае. **ŏ* и **ă*; *ŭ*; *ŭ*) и *долгіе* (*ē*; *ā*[o] двоякаго происхожденія—изъ ае. **ā* и **ō*; *ū*; *ū*) и, кромѣ того, полугласные i̯ и u̯, которые начали уже смѣшиваться съ согласными j и v; далѣе, онъ имѣлъ дифтонги однородные (ei и ou) и разнородные (eu; oi); [1]) изъ согласныхъ къ началу праславянскаго періода существовали: *губные*: *p*; *b* двоякаго происхожденія—изъ ае. **b* и **bh*; *v*; *m*; *переднеязычные*—*t*; *d* двоякаго происхожденія—изъ ае. **d* и **dh*; *s* двоякаго происхожденія—изъ ае. **s* и **k*[1]; *z* троякаго происхожденія—изъ ае. **z*, **g*[1]

[1]) Дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ, какъ извѣстно изъ сравнит. грамм., встрѣчались гораздо рѣже, а нѣкоторые ихъ случаи и совсѣмъ не извѣстны въ славянскомъ семействѣ; поэтому ради большей простоты мы опускаемъ ихъ въ своемъ перечнѣ.

и *g^1h; *n*; *r*; *l*; *среднеязычный* согласный *j*; *заднеязычные* согласные — *k* изъ ае. *k^2; *g* двоякаго происхожденія — изъ ае. *g^2 и *g^2h; χ изъ *s. Къ сказанному можно прибавить, что ударе́ніе въ словѣ продолжало быть свободнымъ, т. е. не было закрѣплено за опредѣленнымъ мѣстомъ въ словѣ, а кромѣ того продолжало различаться дви́же́ніе то́на восходящее и нисходящее.

Съ теченіемъ времени въ праславянскомъ языкѣ почти всѣ перечисленные звуки испытали болѣе или менѣе дальнѣйшія измѣненія, которыя въ главномъ сводятся къ слѣдующему: переходъ дифтонговъ въ монофтонги, ослабленіе нѣкоторыхъ краткихъ гласныхъ и сокращеніе долгихъ въ опредѣленныхъ условіяхъ, смягченіе согласныхъ, исчезновеніе нѣкоторыхъ согласныхъ съ конца словъ и слоговъ, переходъ въ концѣ слога носовыхъ согласныхъ въ носовой назвукъ предшествующаго гласнаго и, наконецъ, образованіе полногласія или же перестановки при плавныхъ согласныхъ, заканчивавшихъ слогъ. Однако не слѣдуетъ думать, что всѣ эти измѣненія произошли въ одно и то же время; на самомъ дѣлѣ они происходили въ различныя эпохи, послѣдовательность которыхъ мы и постараемся теперь установить, пользуясь отчасти сравнительно-грамматическими данными, а также соображеніями физіологическаго характера (см. еще сноску на стр. 361).

I. Къ первой эпохѣ мы отнесемъ завершеніе процесса измѣненія ае. *s при извѣстныхъ условіяхъ въ χ; [1]) мы счи-

[1]) Если въ ст.-сл. формѣ рѣхъ, гдѣ ѣ=ае. *ē, мы имѣемъ однакожъ χ, а не с, то это объясняется тѣмъ, что въ эпоху измѣненія *s→χ здѣсь передъ *s* существовалъ еще согласный *k*, а потому *rēk-s- →*rēk-χ-, утрата же *k* съ конца слога произошла позже. Если, съ другой стороны, въ формѣ умсъ имѣется с, а не χ, не смотря на предшествующій узкій палатальный гласный, то это потому, что здѣсь передъ *s* стоялъ согласный *t* и изъ сочетанія *ts еще не успѣлъ выработаться простой согласный *s*. Такимъ образомъ, процессъ устраненія согласныхъ съ конца слоговъ происходилъ послѣ разсматриваемой эпохи.

таемъ эту эпоху первою, потому что для слѣдующихъ эпохъ уже предполагается наличность звука χ. Необходимо думать, что въ то время, когда первоначальное *s начало перерождаться въ χ, въ славянскомъ праязыкѣ (который могъ быть тогда діалектомъ литво-славянскаго единства) еще не получилось настоящаго s изъ ае. k̂, потому что иначе оно подверглось бы тому же измѣненію въ χ, какъ и первоначальное *s. Когда же изъ ае. *k̂ получилось наконецъ чистое s, то послѣднее совпало съ тѣмъ первичнымъ s, которое не было затронуто измѣненіемъ въ χ.

II. Къ этой эпохѣ мы должны отнести начало измѣненія первоначальныхъ задне-язычныхъ согласныхъ ряда *Q въ соотвѣтствующіе мягкіе шипящіе (т. е. k→č', g→dž') подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ звуковъ (палятальныхъ гласныхъ и согласнаго j или полугласнаго i̯), [1]) почему и самое измѣненіе называютъ смягченіемъ. Этому измѣненію подвергся также и задне-язычный придувной χ, получившійся изъ *s въ предъидущую эпоху, и перешелъ въ мягкій шипящій š'. Разсматривая процессъ перехода задне-язычныхъ согласныхъ въ мягкіе шипящіе съ физіологической стороны, необходимо принять въ немъ цѣлый рядъ промежуточныхъ укладовъ языка, представлявшихъ собою постепенное перемѣщеніе задне-язычной артикуляціи впередъ въ область средне-язычнаго дѣйствія, а съ акустической точки зрѣнія—возникновеніе послѣдовательнаго ряда соотвѣтствующихъ звуковыхъ разновидностей съ возрастающимъ мягкимъ оттѣнкомъ—*k'*....

[1]) При этомъ j (i̯) могъ имѣть разное происхожденіе: 1) изъ аналогичныхъ звуковъ аріо-европейскаго праязыка, т. е. изъ *j (*i̯), 2) изъ ае. *ī въ положеніи передъ гласными, 3) отъ измѣненія дифтонга *eu въ ju̯ въ положеніи передъ согласными (очевидно, самыя измѣненія въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ должны были произойти раньше описываемой эпохи). Такъ какъ въ праславянскомъ звуки j (i̯) разнаго происхожденія смѣшались въ одномъ, то мы въ послѣдующемъ будемъ иногда пользоваться для нихъ однимъ общимъ обозначеніемъ—j.

$k''....k'''$ (или $g'....g''....g'''$; $\chi'....\chi''....\chi'''$) и послѣдующимъ переходомъ въ звукъ t' (d'; $ç'$), при которомъ еще развивался придувной призвукъ шипящаго типа и такимъ образомъ возникалъ соотвѣтствующій мягкій шипящій $č'$ ($d'\widehat{ž}$; $š'$). Очевидно, что для полнаго развитія разсматриваемаго процесса требовался значительный періодъ времени, при чемъ смягченіе —слѣдуетъ думать —возникало не одновременно во всѣхъ случаяхъ: смягченіе посредствомъ j (i̯), какъ болѣе сильнаго смягчающаго фактора, должно было начаться раньше, чѣмъ вліяніе палятальныхъ гласныхъ. [1]) Дѣйствительно, подъ вліяніемъ j (i̯) смягчилось въ $š'$ не только первичное $*s$ въ своихъ отраженіяхъ, т. е. какъ измѣнившееся въ χ, такъ и не измѣнившееся (срв. соврем. рус. с у х ъ—с у ш и т ь—с у ш у || г а с и т ь—г а ш у), но и s изъ $*\hat{k}$ (напр. н о с и т ь—н о ш у). Вполнѣ естественно думать, что одновременно съ послѣднимъ измѣненіемъ происходило смягченіе посредствомъ j въ шипящій и соотвѣтствующаго звонкаго согласнаго $ž$ (изъ ае. $*\hat{g}$ и $*\hat{g}h$), напр. мазать—ма*ж*у, лизать—ли*ж*у.

Примѣчаніе. Только что установленная эпоха позволяетъ намъ сдѣлать предположеніе о томъ, съ какими языками соприкасался тогда славянскій праязыкъ. Судя по такимъ словамъ, какъ «чадо», «*ш*лемъ», заимствованнымъ изъ германской языковой области, гдѣ соотвѣтствующія слова начинались задне-язычнымъ согласнымъ (срв. соврем. нѣм. «*K*ind» и «*H*elm») [2]), мы должны допустить, что въ это время славянскій праязыкъ находился въ общеніи съ германскою языковою областью. Что же касается времени этихъ заимствованій, то они могли произойти какъ до начала смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ славянскомъ праязыкѣ, такъ и въ то время, когда твердые задне-язычные согласные измѣнялись въ соотвѣтству-

---

[1]) Подобная неравномѣрность процесса извѣстна и изъ другихъ языковъ, напр. латинскаго, гдѣ произношеніе k какъ $\widehat{ts}$ передъ палятальными гласными появилось лишь въ VI в. по Р. Х., тогда какъ смягчающее дѣйствіе j на тотъ же согласный обнаруживается еще вѣка за два до этого.

[2]) Въ прагерманскомъ слова эти также начинались съ согласныхъ k и h, которые получились изъ ае. $*\hat{g}$ и $*\hat{k}$ по закону т. наз. перваго передвиженія согласныхъ, начавшему свое дѣйствіе еще до Р. Х. Согласно сказанному, и самыя заимствованія должны были произойти позже этого времени.

ющіе мягкіе, но еще не стали шипящими. Съ другой стороны, можно допустить, что кромѣ германской языковой области съ славянскимъ праязыкомъ соприкасались иранскіе діалекты, вліянію которыхъ можно приписать даже самое возникновеніе процесса смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе на почвѣ славянскаго праязыка, такъ какъ въ эту эпоху въ иранскомъ это явленіе было уже вполнѣ развито, восходя своимъ началомъ къ индо-иранскому праязыку. Что такое вліяніе было возможно, подтверждается и географическимъ положеніемъ иранцевъ, часть которыхъ въ составѣ скиѳовъ, судя по свѣдѣніямъ у Геродота и эпиграфическимъ даннымъ нашего приморскаго юга, заселяла нынѣшнюю южную Россію съ Приднѣпровьемъ и такимъ образомъ могла приходить въ соприкосновеніе съ славянами.[1]) Этимъ же можетъ объясняться и тотъ странный фактъ, что литовскій языкъ, будучи ближайшимъ родичемъ славянскаго, не знаетъ подобнаго смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе даже и до настоящаго времени.[2]) Если же тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ въ литовскомъ слова съ звукомъ č (изъ ае. *k²), напр. č ę́ s a s «время», то присутствіе ихъ объясняется заимствованіемъ изъ славянскаго уже послѣ того, какъ въ послѣднемъ вполнѣ выработались шипящіе, а кромѣ того въ самомъ литовскомъ также развился этотъ звукъ, но только на почвѣ *tj; нужно прибавить, что заимствованіе слова čẽsas произошло въ періодъ времени, когда ẽ еще сохранялось въ праславянскомъ послѣ шипящихъ, лишь позже измѣнившись въ *a* (ѵасъ).

III. Къ древнѣйшимъ эпохамъ нужно также отнести эпоху начала измѣненія *ū въ сторону *ы*, которое вмѣстѣ съ измѣненіемъ послѣдующей эпохи могло начаться ранѣе завершенія второй эпохи. Съ физіологической точки зрѣнія разсматриваемое измѣненіе состоитъ въ потерѣ гласнымъ своей лябіализаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторомъ передвиженіи глубокой задне-язычной артикуляціи впередъ (аналогичную потерю лябіализаціи могъ тогда же испытывать и долгій гласный ā⁰ двоякаго происхожденія, унаслѣдованный изъ литво-славянской эпохи, который подъ вліяніемъ этого процесса измѣнился въ ā). Эта эпоха не могла начаться послѣ слѣду-

---

[1]) См. Миллеръ В. Осетинскіе этюды. Ч. 3-ья (1887), гдѣ авторъ даетъ особый экскурсъ о скиѳахъ на стр. 116—136.

[2]) Въ современномъ литовскомъ мы видимъ лишь начальную стадію этого процесса, именно—измѣненіе твердыхъ задне-язычныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе.

ющей эпохи, для которой—какъ увидимъ дальше—требуется, чтобы къ концу ея ае. *ū уже нѣсколько видоизмѣнилось въ указанномъ направленіи.

IV. Къ слѣдующей эпохѣ относится измѣненіе однородныхъ дифтонговъ, именно *ěi и *ŏu, [1]) въ монофтонги ī и ū. Причина, по которой однородные дифтонги стали измѣняться раньше разнородныхъ, заключается въ томъ, что первые, благодаря физіологическому сродству обоихъ своихъ компонентовъ, легче могли сливаться въ одинъ звукъ. Исключеніе представляетъ разнородный дифтонгъ *ěu, который началъ измѣняться въ jū по всей вѣроятности такъ же рано, какъ и упомянутые однородные дифтонги. Описанная эпоха должна была завершиться уже послѣ третьей эпохи потому, что иначе ū, получившееся изъ однороднаго дифтонга *ŏu, совпало бы съ первоначальнымъ *ū и вмѣстѣ съ послѣднимъ подверглось бы измѣненію въ ы, чего на самомъ дѣлѣ не произошло (срв. напр. рус. т*ы*=ае. *tū и б*у*дить, гдѣ *у* восходитъ къ ае. *bŏu). Подобнымъ же образомъ не подвергся измѣненію второй компонентъ въ сочетаніи jū изъ дифтонга *eu.

V. Къ пятой эпохѣ мы относимъ измѣненіе послѣдняго дифтонга (разнороднаго) въ славянскомъ праязыкѣ, именно *oi*. который въ своей конечной стадіи измѣненія превратился въ *ē* (откуда соврем. рус. ѣ), совпавъ при этомъ съ рефлексами первичнаго *ē*. Съ физіологической точки зрѣнія, это измѣненіе началось съ того, что оба компонента дифтонга взаимно вліяли другъ на друга такимъ образомъ, что первому глас-

---

[1]) Необходимо помнить, что славянскій праязыкъ имѣлъ уже меньшее число дифтонговъ по сравненію съ аріо-европейскимъ, такъ какъ—какъ уже упоминалось—гласные ае. *ă и ае. *ŏ смѣшались въ немъ въ одномъ звукѣ *o*[a]; благодаря этому и первоначальные дифтонги, содержавшіе эти гласные въ качествѣ первыхъ компонентовъ, смѣшались, такъ что вмѣсто прежнихъ шести дифтонговъ оказалось въ праславянскомъ только четыре: ěi; ŏi (=ае. *ăi и *ŏi); ěu; ŏu (=ае. *ău и *ŏu).

ному дифтонга передавалась нѣкоторая палятальность втораго компонента, а этотъ послѣдній могъ съ своей стороны уподобляться первому, нѣсколько расширяясь; въ результатѣ получился уже одинъ палятальный звукъ типа ō, который съ постепенной утратой лябіализаціи превратился наконецъ въ ē. Очевидно, этотъ процессъ не могъ происходить одновременно съ измѣненіемъ однородныхъ дифтонговъ (т. е. во вторую эпоху), потому что иначе полученный палятальный гласный вліялъ бы на предшествующіе задне-язычные согласные такимъ же образомъ, какъ и первоначальное *e* отдѣльное или въ дифтонгѣ *ei*. На самомъ дѣлѣ этого не произошло, и задне-язычные согласные позднѣе, подъ вліяніемъ новаго смягчающаго гласнаго ō→ē (изъ *oi), подверглись уже иному измѣненію, которое мы относимъ къ слѣдующей эпохѣ.

Примѣчаніе. Однако дифтонгъ *oi далъ въ праславянскомъ ē не во всѣхъ случаяхъ: на концѣ слова въ И. мн. и во 2 ед. повел. дифтонгъ *oi имѣетъ своимъ рефлексомъ гласный ī, а не ē, напр. срв. ст.-сл. и др.-рус. рабн, кѣрн, гдѣ -н восходитъ къ указанному дифтонгу. [1])

VI. Какъ мы знаемъ изъ предшествующаго, древнее смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе коснулось лишь тѣхъ случаевъ, когда задне-язычные согласные находились

---

[1]) Замѣтимъ, что въ Мѣстн. ед. окончаніе *-oi, въ отличіи отъ И. мн., дало -ѣ. Интересно, что въ греческомъ языкѣ хотя въ обоихъ падежахъ имѣется въ окончаніи дифтонгъ -οι, но съ нѣкоторою тоническою разницею и быть можетъ неодинаковой длительности, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: Мѣстн. ед. Ἰσθμοῖ, οἴκοι ‖ И. мн. θεοί, οἴκοι. Основываясь на этомъ, ученые склонны предполагать, что и въ праславянскомъ существовало аналогичное различіе, которое и было причиной неодинаковаго отраженія дифтонга -oi въ названныхъ падежахъ. Кромѣ того допускается, что условія, вызывавшія указанные случаи -ī изъ *oi въ концѣ слова, вызывали въ праславянскомъ такое же отраженіе и для исконнаго *-ē, именно въ формахъ матн (лит. motė или mótė) и дѣшти (лит. duktė), а это сходство рефлексовъ *-oi и *ē- въ свою очередь приводитъ къ мысли, что -ī изъ *-oi могло развиться въ праславянскомъ черезъ посредство стадіи гласнаго -ē, съ которымъ предварительно совпалъ дифтонгъ *-oi.

передъ первичными палятальными гласными и j (i̯), а также дифтонгами, первымъ компонентомъ которыхъ былъ палятальный гласный. Въ пятую эпоху развивается новый палятальный гласный изъ дифтонга *oi и въ свою очередь начинаетъ вліять смягчающимъ образомъ на предшествующіе задне-язычные согласные (k, g, χ), но теперь перерожденіе послѣднихъ по неизвѣстной намъ причинѣ принимаетъ уже иное направленіе, давъ въ результатѣ мягкіе $t\widehat{s}'$ (ц'), $d\widehat{z}'$ и s', напр. срв. цѣна (*k²oinā), сѣло „очень“ (срв. лит. gailùs „острый, ѣдкій“), кльцѣ (Мѣстн. ед. отъ клькъ), и т. п.

Примѣчаніе. Есть случаи, гдѣ задне-язычные согласные смягчились въ свистящіе передъ ē изъ *-oi, хотя были отдѣлены отъ него согласнымъ *v*, срв. *цвѣтъ*, *звѣзда*. Однако это смягченіе охватило не всю славянскую языковую область: на сѣверо-западѣ ея, въ чешско-польско-поморской діалектической области, задне-язычные согласные остались въ этомъ случаѣ не измѣненными, напр. польск. *kwiat*, *gwiazda*.

Такое же смягченіе задне-язычныхъ въ мягкіе свистящіе вызывалось и предшествующимъ палятальнымъ гласнымъ ī въ тѣхъ по-видимому случаяхъ, когда удареніе приходилось на послѣдующемъ слогѣ; примѣромъ могутъ служить слова *овцá* (ст.-сл. овьца), *отецъ*, *воскли цáть*.[1]) Хотя въ этомъ случаѣ мы видимъ тотъ же согласный *ц*, какъ и въ предшествующемъ, однако изъ одного факта совпаденія смягченія въ обѣихъ категоріяхъ (кльцѣ || отьць) еще нельзя заключать объ одновременности ихъ возникновенія, особенно если имѣются и противорѣчащіе факты. Такимъ фактомъ здѣсь, по-видимому, можетъ служить то обстоятельство, что то и другое *ц'* неодинаково относится къ окончанію *-n* въ Мѣстн. ед., срв. кльцѣ || отьцн: можно было бы думать, что во второмъ случаѣ (отьцн) смягченіе въ *ц* развилось раньше, именно тогда, ко-

[1]) Существуютъ однако нѣкоторыя категоріи словъ, отступающихъ отъ предположеннаго правила ударенія и такъ или иначе вызванныхъ дѣйствіемъ аналогіи; благодаря этому, мы встрѣчаемъ въ нихъ *к* на мѣстѣ ожидаемаго *ц* (напр. старикá) и наоборотъ *ц* вм. *к* (напр. водúца).

гда тематическіе гласные только начали подвергаться вліянію предшествующей мягкости и такимъ образомъ вырабатывались особенности т. наз. мягкаго склоненія (такъ что въ словахъ типа **отьць** согласный *ц'* тоже участвовалъ въ этомъ процессѣ); напротивъ того, въ формахъ **клъцѣ** и под. окончаніе **-ѣ** (т. е. твердаго склоненія) должно объясняться болѣе позднимъ возникновеніемъ *ц'*, именно тогда, когда измѣненіе извѣстныхъ гласныхъ подъ вліяніемъ предшествующей мягкости уже закончилось. Какъ ни кажется на первый взглядъ правдоподобнымъ такое толкованіе, мы однакожъ не имѣемъ достаточнаго основанія для принятія его, такъ какъ болѣе естественнымъ будетъ допустить одновременность смягченія въ томъ и другомъ случаѣ, предположивъ, что въ словахъ типа **отьць**, съ возникновеніемъ смягченія, склоненіе просто послѣдовало аналогіи мягкаго различія, которое само однако могло сложиться и значительно ранѣе; этого не случилось съ формами **клъцѣ** и под., какъ принадлежавшими твердому склоненію—**клъкъ** и пр. [1])

Примѣчаніе. Есть случаи, когда смягчающее вліяніе предшествующаго *і* сказывалось не непосредственно, а черезъ промежуточный согласный *n* (или по крайней мѣрѣ черезъ носовой назвукъ), а также *r*. Примѣрами могутъ служить такія слова, какъ **мѣсѧць** (ст.-сл. **мѣсѧць**), **кънязь** (**кънѧѕь**, **кънѧꙁь**), **мерцáть** (др.-рус. *мьрцати). Въ первыхъ двухъ примѣрахъ на мѣстѣ рус. *я*=ст.-сл. ѧ имѣлось въ разсматриваемую эпоху сочетаніе гласнаго *і* съ носовымъ согласнымъ или, можетъ быть, уже съ носовымъ назвукомъ, которое и повліяло смягчающимъ образомъ на послѣдующій задне-язычный согласный. [2]) Что касается послѣдняго примѣра

---

[1]) По вопросу о смягченіи задне-язычныхъ согласныхъ въ слав. языкахъ см. статьи проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: 1) Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» или палатализаціи въ слав. языкахъ, въ Уч. Зап. Юрьев. Унив. 1893, № 2; 2) Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation), въ журналѣ Indogerm. Forschungen IV, 1894 г.

[2]) Слово «князь» заимствовано изъ германской языковой области (срв. др.-вхн. chuning) можетъ быть еще значительно ранѣе данной эпохи, до-

(т. е. мьрѣати), то здѣсь смягченіе *к* въ *ц* вызвано гласнымъ ї (ь), стоявшимъ послѣ м, но оно не могло произойти отъ вліянія втораго ъ, потому что онъ развился позже—въ эпоху возникновенія прарусскаго полногласія.

Мы отнесли смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе и свистящіе къ двумъ разнымъ эпохамъ, вѣроятно раздѣлившимся значительнымъ періодомъ времени. Есть основаніе думать, что въ теченіе этого періода совершалось смягченіе и всѣхъ остальныхъ согласныхъ подъ вліяніемъ наиболѣе сильнаго фактора смягченія, т. е. j въ положеніи передъ гласнымъ; срв. рус. пря*ч*у (|| пря*т*ать), свѣ*ч*а (|| свѣ*т*ъ), гдѣ *ч* изъ *tj, тре*пл*ю (|| трепать), гдѣ *пл'* изъ *pj, и другіе примѣры, разсмотрѣнные на стр. 113—114. Что касается размѣщенія этихъ смягченій по времени, то можно думать, что они происходили съ нѣкоторой послѣдовательностью. Раньше всего стали смягчаться *l, r* и *n* (напр. *л*юди, о*р*ю, ба*н*я), при чемъ это смягченіе, общее для всей славянской языковой области, можетъ восходить ко второй эпохѣ, такъ что къ нему примкнули и такіе случаи, какъ мы*ш*леніе, блажи*нх*ъ сѧ и т. п., гдѣ смягченіе *s* и *z* въ шипящіе совершалось черезъ посредство слившихся *l* и *n* съ j. Слѣдующимъ по времени было смягченіе передне-язычныхъ взрывныхъ, т. е. *t* и *d*, въ сочетаніи ихъ съ j. Это смягченіе происходило уже не вездѣ одинаково, принимая въ разныхъ діалектахъ славянскаго праязыка неодинаковое направленіе, при чемъ

стигши которой, оно подверглось указанному измѣненію на ряду съ природными словами, представлявшими тѣ же условія. Срв. еще другія слова, заимствованныя изъ того же источника: в*и*тязь (др.-норд. vikingr), пѣ*н*язь (др.-вхн. pfenning), ст.-сл. оусе*р*зь (гот. *ausahriggs). Послѣднее слово (соотвѣтствующее русскому «серьга») очевидно заимствовано позже первой эпохи, такъ какъ иначе находящееся въ немъ *s* измѣнилось бы въ данныхъ условіяхъ сначала въ X, а затѣмъ въ š, наравнѣ съ природными словами. Но что и до данной эпохи продолжались соприкосновенія съ германцами, доказываютъ случаи, гдѣ *к* измѣнилось въ *ц* (а не въ ч) передъ палятальнымъ гласнымъ, срв. *ц*ята (цата) «монетка, динарій» при готск. kintus.

въ нѣкоторыхъ получались звуки шипящаго типа, тогда какъ въ другихъ—свистящаго, [срв. рус. свѣ*ча*, ме*жа* || польск. świeca, mie*dza*; [1]) возможно, что тотъ и другой типъ начался не одновременно, при чемъ первый болѣе приближался по времени къ II-ой эпохѣ, а послѣдній—къ VI-ой. [2]) Вѣроятно, позже всѣхъ смягчились подъ вліяніемъ j губные согласные, которые вообще труднѣе поддаются смягченію. Сначала они пріобрѣли нѣкоторую мягкость въ сочетаніи съ j, а зачѣмъ согласный j замѣстился мягкимъ *l*, при чемъ это послѣднее явленіе охватило всю область славянскаго праязыка лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетанія губныхъ съ j начинали собою слово (срв. *плюю*=лит. spiáuju, *блюсти*—см. стр. 95, и т. д.); что касается тѣхъ случаевъ, когда такія сочетанія находились внутри слова, то замѣщеніе j черезъ l' происходило лишь въ тѣхъ частяхъ славянскаго праязыка, изъ которыхъ впослѣдствіи развились языки русскій и сербо-хорватскій съ словинскимъ, между тѣмъ какъ въ остальной территоріи изъ смягченныхъ губныхъ съ j выработались просто мягкіе губные (срв. рус. зе*мля* || польск. zie*mia*).

Примѣчаніе. Такъ какъ сочетанія *tj и *dj дали на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ вѣтвей разные рефлексы, при чемъ отраженія въ русскомъ языкѣ отличаются отъ другихъ славянскихъ, то мы можемъ предположить, что уже въ шестую эпоху намѣтились діалектическія различія въ славянскомъ праязыкѣ, одно изъ которыхъ, развивавшее указанныя сочетанія въ направленіи ч—*дж*, послужило зародышемъ русскаго праязыка.

---

[1]) Въ старо-славянскомъ и болгарскомъ сочетанія tj и dj превратились въ *št* и *žd*; это измѣненіе можно объяснить перестановкою j напередъ *t* и *d*, откуда уже получились *št* и *žd* (черезъ посредство χ't и γ'd).

[2]) Нужно прибавить, что съ рефлексами tj совпадаетъ отраженіе группы *kt* въ сочетаніи съ гласнымъ *i*, напр. рус. н о ч ь || п о л ь с к. п о с (срв. литов. na*kt*is); очевидно, что такое перерожденіе группы *kt* совершалось совмѣстно съ измѣненіемъ сочетанія *tj* (въ ст.-сл. и болгарскомъ kt при сочетаніи съ гласнымъ *i* дало, какъ и tj, группу št черезъ посредствующую общеславянскую стадію χ't, которая въ другихъ діалектахъ превратилась въ смягченное *t* съ указанными выше варіаціями въ дальнѣйшемъ его развитіи).

VII. Къ этой эпохѣ мы отнесемъ завершеніе образованія *носовыхъ гласныхъ* и зарожденіе *полногласія-перестановки*, явленій, отражающихъ собою общее стремленіе славянскаго праязыка—устранять согласные съ конца слоговъ (срв. 3 мн. *ne|*son* | tĭ| →ne|sǫ|tĭ; *bor|dā→рус. бо|ро|да, ст.-сл. бр҃|да, пол. bro|da; *rēk|χŭ→ст.-сл. рѣ|хъ). [1]) Зарожденіе упомянутыхъ явленій восходитъ еще къ первымъ эпохамъ славянскаго праязыка, такъ что осуществленіе принципа устраненія закрытыхъ слоговъ потребовало для себя значительнаго періода времени, совпадая при этомъ по времени съ тѣми или другими уже разсмотрѣнными явленіями. Послѣ этого общаго замѣчанія перейдемъ къ болѣе частному разсмотрѣнію развитія носовыхъ гласныхъ и затѣмъ полногласія-перестановки, при чемъ коснемся и предшествующихъ стадій, описаніе которыхъ необходимо для лучшаго уясненія названныхъ процессовъ.

Носовые гласные развиваются изъ сочетанія чистыхъ гласныхъ съ слѣдующимъ носовымъ согласнымъ, принадлежащимъ къ тому же слогу, т. е. въ закрытыхъ слогахъ. Этотъ процессъ происходитъ такимъ образомъ, что носовые согласные, замыкая слогъ, мало-по-малу ослабляются (подобно дру-

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ, какъ **НѢСТИ**, исчезновенія согласнаго *s* не произошло, такъ какъ этотъ согласный удобно сочетается съ взрывнымъ согласнымъ слѣдующаго слога. Подъ это объясненіе подходятъ и такіе случаи, какъ **ЛЮБЛЮ** и пр. (т. е. первоначальныя сочетанія губныхъ съ j внутри словъ), гдѣ губные согласные, удобно сочетаясь съ плавнымъ *л'*, легко переходятъ въ слѣдующему слогу. Исчезновенія передне-язычныхъ согласныхъ передъ j (напр. *med | jā) также не происходило, благодаря тому, что въ этомъ случаѣ согласные рано стали сливаться съ j въ одинъ звукъ, обусловливая уже тѣмъ самымъ переходъ первоначально закрытаго слога въ открытый. Къ сказанному нужно прибавить, что исчезновеніе разныхъ взрывныхъ согласныхъ съ конца слоговъ передъ другими согласными происходило послѣ первой эпохи не въ одно и то же время; къ позднѣйшимъ случаямъ относится діалектическое (русско-болгаро-сербское) исчезновеніе *dj* и *t* передъ *l* слѣдующаго слога, срв. рус. ве⸗ла́, пле⸗ла́+ польск. wio*dł*a, pło*ł*a.

гимъ согласнымъ въ тѣхъ же условіяхъ) по дѣйствію органовъ произношенія—губъ и языка; однако это еще не обусловливаетъ полнаго исчезновенія носовыхъ согласныхъ, такъ какъ опущенное положеніе мягкаго неба сохраняется и послѣ утраты артикуляціи органовъ произношенія, отчего намѣсто носовыхъ согласныхъ получается одинъ носовой назвукъ, присоединяющійся къ предшествующему гласному. Какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, процессъ развитія носовыхъ гласныхъ совершался неравномѣрно, въ зависимости отъ положенія въ словѣ, долготы и краткости гласнаго, а также—при положеніи въ концѣ слова—и отъ того, заканчивалось ли слово только носовымъ согласнымъ, или же за нимъ еще слѣдовалъ какой-либо другой согласный. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію даннаго процесса, мы должны упомянуть о нѣкоторомъ измѣненіи конечныхъ средне-широкихъ гласныхъ, замыкавшихся носовыми согласными, такъ какъ это измѣненіе должно было предшествовать развитію носовыхъ гласныхъ. Характернымъ для этого измѣненія было то, что гласные въ указанномъ положеніи ослаблялись, при чемъ долгіе гласные *ā* (двоякаго происхожденія) и *ē* нѣсколько сокращались (приближаясь такимъ образомъ къ краткимъ гласнымъ внутреннихъ слоговъ), а краткіе гласные *ŏ* и *ĕ* съуживались по направленію къ *ŭ* и *ĭ*. Вслѣдствіе этихъ измѣненій результатъ послѣдовавшаго затѣмъ процесса образованія носовыхъ гласныхъ оказался одинаковымъ у прежнихъ конечныхъ долгихъ гласныхъ и неконечныхъ краткихъ въ видѣ одинаковаго носоваго гласнаго (срв. рыкѫ В. ед. ж., гдѣ -ѫ=ае. *-ām || пѫть, срв. греч. *πόντος*; мѧ „меня“ Вин. ед., срв. скт. форму съ долгимъ гласнымъ mām || пѧть при лит. penkì). Что касается краткихъ конечныхъ гласныхъ *ŏ* и *ĕ*, замыкавшихся носовымъ согласнымъ, то они, превратившись въ *ŭ* и *ĭ*, послѣ утраты носоваго согласнаго остались въ этомъ видѣ безъ измѣненія, хотя возможно допустить, что

въ теченіи извѣстнаго времени и они сопровождались нѣкоторымъ носовымъ назвукомъ (срв. Вин. ед. **родъ**, гдѣ **-ъ**=ае. *-ŏm и **конь**, гдѣ **-ь**←*jěN=ае. *-jŏm). [1]) Замѣтимъ, что такая же утрата носоваго согласнаго съ конца словъ послѣдовала и послѣ первичныхъ й и ĭ (срв. В. ед. **сынъ**, гдѣ **-ъ**=ае. *-ŭm, и **нощь**, гдѣ **-ь**=ае. *-ĭm), благодаря чему создалось условіе, благопріятствовавшее дальнѣйшему смѣшенію этихъ типовъ склоненія съ предъидущими, съ которыми они частично совпали.

Намъ осталось разсмотрѣть тѣ случаи, когда сочетаніе краткихъ *о* и *е* съ носовымъ согласнымъ замыкалось конечнымъ другимъ согласнымъ. Необходимо вообще замѣтить, что конецъ слова въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ не представлялъ того разнообразія согласныхъ, какое было свойственно другимъ положеніямъ; особенною скудостью конечныхъ согласныхъ отличался между прочимъ славянскій праязыкъ, въ которомъ на концѣ словъ кромѣ носоваго согласнаго (двоякаго происхожденія—изъ ае. *m и *n) встрѣчались только передне-язычные *t* (также *d*) и *s*. Въ зависимости отъ того, который изъ этихъ согласныхъ слѣдовалъ за указанными сочетаніями -V̆N, получились неодинаковые результаты:

1) Въ тѣхъ случаяхъ, когда такое слово замыкалось согласнымъ *s*, то краткіе гласные *о* и *е* подвергались *съуженію* (подобно тѣмъ же гласнымъ, замыкавшимся однимъ носовымъ), а затѣмъ *съ переходомъ носоваго согласнаго въ носовой назвукъ удлинялись*, превращаясь въ -ūs и ĭs. [2]) Дальнѣйшая

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ для -jь другой путь развитія, а именно, что сначала и здѣсь *-ŏm дало съуженіе гласнаго ŏ въ й, а затѣмъ уже узкій губной гласный измѣнился послѣ j въ палятальный (ŭ→ĭ).

[2]) Ниже (въ сноскѣ) мы приводимъ воззрѣніе проф. А. Лескина, отличающееся отъ указываемаго здѣсь.

судьба того и другаго носоваго гласнаго не параллельна: узкій губной гласный терялъ свою лябіализацію и въ окончательномъ результатѣ перешелъ въ **-ы**, а палатальный гласный расширился въ средній гласный, переходя такимъ образомъ въ -ę, срв. В. мн. ст.-слав. **рлѣ-ы** || **конѧ** (такой же результатъ получился изъ *-ŏnts и *-ĕnts въ И. ед. муж. причастій наст. вр., напр. ст.-сл. **нєсы** || **колѧ**). [1])

2) Что касается того случая, когда сочетаніе гласныхъ ŏ и ĕ съ носовымъ согласнымъ замыкалось конечнымъ -t, то тогда съуженія названныхъ гласныхъ не происходило, срв. 3 мн. аор. простаго **нд-ѫ**, гдѣ **-ѫ**=ae. *-ŏnt. [2])

---

[1]) При этомъ самое расширеніе узкаго палатальнаго носоваго гласнаго можно было бы приписать вліянію предшествующаго j или слившихся съ j согласныхъ (въ томъ числѣ шипящихъ, срв. В. мн. **мѫж-ѧ**), такъ какъ при отсутствіи этого условія расширеніе не происходило и ĭs дало -ĭ, срв. ст.-сл. В. мн. **пѫтн**, **двьрн**, гдѣ конечное **-н** восходитъ къ *-ĭns безъ предшествующаго j (послѣ шипящихъ это **н** пришлось бы отнести на счетъ аналогіи). Однако необходимо обратить вниманіе на мнѣніе *А. Лескина*, который принимаетъ иной путь развитія, а именно: **konjonts*→**konjenz*→**konjєn* (т. е. онъ не предполагаетъ допущеннаго нами предварительнаго съуженія ĕ передъ конечною группою -ns)→ст.-сл **конѧ**. См. А. Л е с к и н ъ Грамматика старославянскаго языка. Перев. съ нѣм. М. (1890), стр. 18.

[2]) Для конечной группы *-ent у насъ нѣтъ вѣрныхъ примѣровъ, такъ какъ имѣющіеся позволяютъ предполагать въ этихъ случаяхъ конечную группу ае. *-$e\overset{\cup}{n}t$ (=литво-слав. -$i\overset{\cup}{n}t$), дававшую въ ст.-сл. -ѧ, срв. И. В. ед. прич. наст. вр ср. рода **нєс-ѧ**, или 3 мн. аор. сигматическаго **дѣш-ѧ**. Отмѣченная нами роль конечнаго *-t* въ отличіи отъ *-s* свидѣтельствуетъ, что исчезновеніе разсматриваемаго согласнаго въ положеніи за *n* произошло уже въ славянскомъ праязыкѣ, но никакъ не въ литво слав. періодѣ, какъ часто предполагается: въ литовской и славянской вѣтви исчезновеніе произошло независимо.—Для иллюстраціи различій въ рефлексахъ сочетанія *VN въ закрытыхъ слогахъ въ славянской языковой области срв. слѣдующія ст.-сл. формы отъ глагола **ндѫ**: 1) 1 ед. аор. простаго—**нд-ъ**, гдѣ **-ъ**=ае. -ŏm; 2) 3 мн. того же времени—**нд-ѫ**, при чемъ **-ѫ**=ае. *-ŏnt; 3) И. ед. муж. прич. наст. вр. **нд-ы**, гдѣ **-ы**=ае. *-ŏnts; 4) Р. ед. для той же формы—**ндѫшта**, при чемъ ѫ внутри слова восходитъ къ ае. *-ŏnC-.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другаго явленія той же эпохи—*полногласія-перестановки*. Это явленіе, вызванное —подобно носовымъ гласнымъ—тенденціей къ устраненію закрытыхъ слоговъ, заключалось въ томъ, что въ одной части славянскаго праязыка, изъ которой произошелъ русскій языкъ, первоначальныя сочетанія *-ĕr-, *-ĕl-, *-ŏr- и *-ŏl- въ положеніи передъ слѣдующимъ согласнымъ (кромѣ j, съ которымъ они значительно раньше путемъ слитія образовали соотвѣтствующіе мягкіе согласные) развивали послѣ себя такой же гласный, а въ остальной части праязыка славянскаго гласные и плавные мѣнялись своими мѣстами съ удлиненіемъ гласнаго или безъ него, срв.: *берегъ* (полногласіе) + ст.-сл. брѣгъ (перестановка съ удлиненіемъ) + польск. *brzeg* (перестановка безъ удлиненія), праслав. **bergV*; *борода* + ст.-сл. брада [1]) + пол. *broda*, праслав. **bordV*; *молоко* + ст.-сл. млѣко + пол. *mléko*, праслав. **melkV*; *голова* + ст.-сл. глава + пол. *głowa*, праслав. **golvV*. Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что русская полногласная форма *-оло-* получилась какъ изъ праслав. **ĕl*, такъ и изъ **ŏl*, между тѣмъ какъ въ остальныхъ частяхъ славянскаго праязыка такого совпаденія не произошло; въ виду этого необходимо предположить, что въ слав. праязыкѣ діалектически (именно въ части его, соотвѣтствующей русской группѣ) еще до появленія полногласія сочетаніе *el* (съ твердымъ *l*) измѣнилось въ *ol*, откуда затѣмъ произошло рус. *-оло-*. [2]) Это измѣненіе (*el* →*ol*) захватило отчасти и другія области славянскаго праязыка, но лишь при нѣкоторыхъ дополнительныхъ условіяхъ,

---

[1]) Ст.-славянское ѧ предполагается происходящимъ изъ долгаго гласнаго, при чемъ соотвѣтствующимъ краткимъ былъ о.

[2]) Необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что измѣненіе *el*→*ol* произошло еще до смягченія согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, потому что иначе передъ такимъ *ol* согласные были бы не твердые, а мягкіе, напр. было бы не *молоко*, а **м'олоко*.

главнымъ образомъ при предшествующихъ шипящихъ, какъ согласныхъ способныхъ къ развитію лябіализаціи; срв. рус. *жолобъ* + ст.-сл. **жлѣбъ* + польск. *żłob*, изъ **gelbV*. [1]) Литовское *šálmas* (шлемъ, шеломъ), заимствованное изъ славянской языковой области до образованія полногласія-перестановки, предполагаетъ въ языкѣ-источникѣ комплексъ **šolm-* изъ **šelm-*. Нужно еще отмѣтить особенность въ отраженіи вышеуказанныхъ сочетаній гласнаго съ плавнымъ, когда они начинали собою слово,—въ этихъ случаяхъ во всемъ славянскомъ праязыкѣ развились перестановочныя формы, при чемъ въ русской области перестановка не была соединена съ удлиненіемъ (см. сноску 1 на стр. 86), напр. рус. *локоть* изъ праслав. **olkV*, *ровный* изъ **orvV* и др. Что касается т. наз. „втораго“ русскаго полногласія (т. е. такихъ случаевъ, какъ „*смерть*“ и т. п.), то происхожденіе его мы разъяснили на стр. 87—88 и 97 нашей книги[2]), здѣсь же прибавимъ только, что діалектическое измѣненіе **vĭlk-* въ **vŭlk-* („волкъ“) происходило въ праславянскомъ вполнѣ параллельно указывавшемуся измѣненію **melkV* → **molkV*. [3])

---

[1]) Въ чешскомъ языкѣ измѣненіе *el* → *ol* въ этомъ случаѣ предполагаетъ по-видимому первоначально еще наличность слѣдующаго непалятальнаго слога, чѣмъ мы и объясняемъ существованіе въ немъ дублета *žleb* ‖ *žlab*; въ южно-славянскихъ языкахъ разсматриваемое измѣненіе наступало лишь тогда, когда за *l* слѣдовалъ согласный передне-язычный, при чемъ и здѣсь оказывается дублетъ формъ, первоначально зависѣвшій, какъ намъ кажется, отъ палятальнаго или же не-палятальнаго характера слѣд. слога, срв. ст.-сл. **ѵлань** ‖ **ѵлѣнъ** + серб. *чла̑н* ‖ *члѐн* + словин. *člȃn* ‖ *člên* + чеш. *član* ‖ *člen* (польск. *członek*).

[2]) Мы должны еще указать на то, что проф. А. А. Потебня установилъ топическія отношенія между словами перваго русскаго полногласія и соотвѣтствующими сербскими, въ своемъ трудѣ «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) стр. 42 сл. Позже акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ открылъ законы отношенія удареній названныхъ языковъ къ литовскимъ удареніямъ, какъ для перваго, такъ и для втораго полногласія, въ статьѣ «Zur vergleichenden Betonungslehre der litauslavischen Sprachen», помѣщенной въ Arch. f. slav. Phil. IV (1880) стр. 575—589.

[3]) Изслѣдованіе послѣдовательнаго ряда праславянскихъ эпохъ показало намъ, какъ въ теченіе ихъ постепенно измѣнялся звуковой составъ

Примѣчаніе. Нужно думать, что процессъ образованія полногласія завершился по обособленіи восточной (будущей русской) вѣтви славянскаго праязыка, уже послѣ того, какъ она пришла въ соприкосновеніе съ западными финнами. Основаніемъ для такого заключенія служитъ то обстоятельство, что древнѣйшія позаимствованныя слова отъ этой вѣтви ея новыми сосѣдями, западными финнами, еще не обнаруживаютъ полногласнаго типа, срв. финск. *varpu* заимствовано изъ формы *vorbŭ («воробей»), *taltta* изъ *dolto←*dolbto («долото») и др. [1]) Такимъ образомъ, VII-ая эпоха можетъ разсматриваться какъ переходная отъ праславянскаго языка къ прарусскому.

Мы видимъ, что двѣ послѣднія эпохи славянскаго праязыка были временемъ образованія въ немъ нѣкоторыхъ діалектическихъ различій, поведшихъ къ обособленію отдѣльныхъ вѣтвей и затѣмъ языковъ славянскихъ. Но прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ русскаго праязыка, мы желали бы показать, какъ именно эти діалектическія явленія отражаются на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ; для этого мы прилагаемъ здѣсь табеллярное обозрѣніе важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ славянскихъ языкахъ. [2])

Закончимъ обзоръ славянскаго праязыка нѣкоторыми замѣчаніями о явленіяхъ морфологическихъ, которыхъ частію мы уже касались въ предшествующемъ изложеніи фонетическаго развитія, такъ какъ фонетическія измѣненія, происходя въ тѣхъ или другихъ морфологическихъ категоріяхъ, обусловливали и видоизмѣненіе этихъ послѣднихъ; при этомъ иногда происходило частичное совпаденіе различныхъ флексійныхъ типовъ, въ свою очередь путемъ аналогіи вызывав-

---

славянскаго праязыка. Это обстоятельство и было причиною того, что мы не прибѣгали къ возстановленію цѣлыхъ праславянскихъ словъ, чтобы случайно не оказались въ такихъ возсозданныхъ словахъ рядомъ звуки, въ дѣйствительности принадлежавшіе разнымъ эпохамъ. Между тѣмъ нерѣдко въ лингвистическихъ трудахъ встрѣчаются смѣлыя воспроизведенія праславянскихъ словъ и даже безъ точнаго отнесенія ихъ къ опредѣленной эпохѣ.

[1]) См. Mikkola J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors 1893.

[2]) См. также статью проф. Бодуэна-де-Куртенэ «Славянскіе языки»—въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Сравнительная таблица важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ славянскихъ языкахъ.

Славянскій праязыкъ.	Русскій яз	Старо-слав	Болгарскій	Сербскі	Словинск яз.	Чешскій	Лужицкій	Польскій	ПРИМѢЧАНІЯ.
*ē: *bēlъ	бѣлъ (б'ѣл)	бѣлъ	бѣлъ (б'ал)	бијел (бі	bel bẹ̄l)	bělý (bjælæj) bẹlý (bilæj)	běły (б'і°лы)	biały (б'ały) || bielić (б'ел'іц')	Приблизительное произношеніе приведенныхъ словъ изъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ указывается нами въ скобкахъ русскими буквами, и только слова праславянскаго и старославянскаго языковъ нами оставлены безъ такой транскрипціи въ виду предположительнаго характера ихъ произношенія.
*y: dymъ	дымъ (дым)	дымъ	димъ (дім)	дим (dȉm)	dȉm (дім)	dým (дīм)	dym (дым)	dym (дым)	
*ī: *dīnь	день (д'єн')	дьнь	день (ден)	дан (дâн)	dan, den (дан, ден)	den (дæн)	B. dzeń (дже̂н') H. zeń (ж'ен')	dzień (дз̂'єн')	Укажемъ здѣсь существенныя черты принятыхъ нами обозначеній.
*ŭ: *sŭnъ	сонъ (сон)	сънъ	сънъ (сан)	сан (сàн)	sanj, senj (сан', сен')	sen (сæн)	B. son (сон) H. soń (сон')	sen (сен)	¯ (черточка) надъ буквой гласнаго обозначаетъ его долготу.
*CerC: *bergъ	берегъ (б'ér'ък)	брѣгъ	брѣгъ (бр'ак)	бријег (б	breg (брē̆г)	břeh (бр̂жæх)	B. brjoh (бр'ох) H. brjog (бр'ок)	brzeg (бжек)	˘=знакъ краткости гласнаго:
*CorC: *borda	борода (бърâдá)	брада	брада (брáдạ)	брада (бр	brada (брáда)	brada (брáда)	brjoda (бро́да)	broda (бро́да)	˜надъ буквой гласнаго передаетъ носовое его произношеніе.
*CelC: *melko	молокó (мълâкó)	млѣко	млѣко (мл'ákў)	млијеко	mleko (млḗко)	mléko (млéко)	mljoko (мл'óко)	mléko (мл'íко)	ą = узкое *a*.
*ColC: *golva	голова (гълâвá)	глава	глава́ (главạ́)	глава́ (гl	glava (гlа́ва, γl-)	glava (γlа́ва)	B. hłova (γло́ва) H. głova (гло́ва)	głowa (гло́ва)	ę = средній гласный *e* безъ ближайшаго опредѣленія качества.
*CĭrC: *-mĭrtį	смерть (с'м'ér'т')	смрьть	смрътъ (смрат)	смрт (см	smrt (смрт)	smrt' (смрт')	B. smjerć (см'ерч) H. smjerś (см'ерш)	śmierć (с'м'ерц')	æ = широкое или открытое *e*.
*mĭrtvų	мертвый (м'óртвъj)	мрьтвъ	мрътвъ (мрáтаф)	мртав (м	mrtev (мртæв)	mrtvý (мртвæj)	[B. morvy←*morły H. umarły]	martwy (мáртвы)	є или ę = узкое или закрытое *e*.
*CŭrC: *gŭrbų	горбъ (горп)	грьбъ	грьбъ (грап)	грба *ж.*	grb (γрб, грп)	hrb (γрп)	B. horb (γорп) H. gjarb (г'арп)	garb (гарп)	o = средній гласный *o*.
*CŭlC: *pŭlnų	полнъ (полн)	плънъ	плън (план)	пун (пу̏н	poln (полн)	plný (плнæj)	pełny (пóлны)	pełny (пéлны)	o^{a} = широкое или открытое *o*
*eNC: *pentį	пять (п'а'т')	пять	пет (пет, п'ет)	пет (пȇт)	pet (пē̆т)	pět (пjæт)	B. pjeć (п'еч) H. pjeś (п'еш')	pięć (п'ẽ^{n}ц')	ǫ = узкое или закрытое *o*.
*pentų	пять (п'ат)	пять	пети (пéті, п'етi)	пети (пȇ̆	peti (пē̆ті)	pátý (пáтæj)	B pjaty (п'áты) H. pjety (п'éты)	piąty (п'õ^{n}ты)	i^{e} = ı съ окраской *e*.
*oNC: *ronka	рука (рукá)	рѫка	рѫка (раká)	рука (ру	roka (рóка)	ruka (рýка) || roučka (рóўчка)	ruka (рýка)	ręka (рẽ^{n}ка) || rączka (рõ^{n}чка)	ų, į = полугласные близкіе къ w и j.
*tj̑: *svetja	свѣча (с'в'ечá)	свѣштa	свѣща (сфештá)	свећа (сf	sveča (свḗча)	svíce (свíцæ)	svjeca (св'éца)	świeca (с'ф'éца)	ъ и ь обозначаютъ слабые краткіе гласные, близкіе по качеству къ ы и i.
*dj̑: *medja	межа (м'æжá)	мєжда	межда (междạ́)	међа (мѐ	meja (мéja)	meze (мæзæ)	B. mjeza (м'éза) H. mjaza (м'áза)	miedza (м'éдза)	' при буквѣ согласнаго выражаетъ его мягкость; твердость же согласныхъ не имѣетъ особаго обозначенія.
*pj-: *pjū-	плюю (пл'уjý)	плюѭ	плюѭ (пл'ýja)	пљујем (|	plujem (пл'ýjем)	pliju (пл'íjy)	pluju (пл'ýjy)	pluję (пл'ýje)	γ = придувное *г* (напр. въ словѣ „благо“)
*-mj- *zemja	земля (з'емл'á)	ѕємлꙗ ѕємꙗ	земя (зем'æ̀)	земља (ѕ	zemlja (зǽмл'а)	země (зǽмjæ)	zemja (зéм'а)	ziemia (з'éм'а)	l = среднее по мягкости *л*.
									ћ = звукъ средній между т' и ц' (ч).
									ђ=звукъ средній между д' и дз' (дж').
									' общій знакъ ударенія; въ сербскихъ словахъ это—знакъ восходящаго ударенія на долгихъ слогахъ, подобно тому какъ ` = восходящее удареніе на краткихъ гласныхъ, ¯ = нисходящее удареніе на долгихъ гласныхъ, ¨ очень краткое нисходящее удареніе. [1])
									В. = верхне- (лужицкій).
									Н. = нижне- (лужицкій).

[1]) Подробности о восходящемъ и нисходящемъ типахъ ударенія въ сербскомъ языкѣ см въ моемъ трудѣ—Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 210—212.

шее дальнѣйшее ихъ смѣшеніе. Такъ, напр., славянскій праязыкъ вынесъ изъ предшествующихъ періодовъ различіе склоненія гласныхъ основъ муж. рода на -ŏ- (*bogo-) и на -ŭ- (synŭ-); въ В. ед., какъ мы видѣли, въ первомъ случаѣ ŏ въ положеніи передъ конечнымъ носовымъ съузилось въ й, и такимъ образомъ окончаніе этого падежа совпало въ обоихъ типахъ. Въ дальнѣйшемъ это смѣшеніе вызвало и другія уподобленія, вслѣдствіе чего въ конечномъ результатѣ оба типа склоненія дали одинъ смѣшанный. Вполнѣ понятно, что данный морфологическій процессъ могъ начаться лишь послѣ той эпохи, въ которую совершилось указанное фонетическое явленіе. Отмѣтимъ еще смѣшеніе между основами на -jŏ- (*konjŏ-) и -ĭ- (*pontĭ-), происшедшее послѣ того, какъ въ первомъ изъ этихъ типовъ въ В. ед. на мѣстѣ -ŏ- въ положеніи передъ конечнымъ носовымъ получилось также ĭ при участіи предшествующаго j̨ (j); благодаря этому частичному совпаденію, слова втораго типа стали уподобляться и въ другихъ падежахъ первому (напр. ст.-сл. **огню** Д. ед. вмѣсто прежняго **огни**). Не всегда однако дѣйствіе аналогіи вызывалось фонетическими совпаденіями; иногда оно находилось въ связи съ стремленіемъ къ различенію созвучныхъ формъ, при чемъ одна изъ нихъ уподоблялась болѣе ей сродному другому типу; такъ, напр., въ существительныхъ средняго рода основы на -ŏ- должны были бы оканчиваться въ И. В. ед. на -ŭ (=*-ŏ-m) и такимъ образомъ совпасть съ такимъ же падежомъ словъ муж. рода; на самомъ дѣлѣ такое совпаденіе данной формы было устранено аналогіей къ типу словъ того же рода (средняго) склоненія сигматическаго, т. е. съ окончаніемъ -о ← -ŏs (напр. **небо**), и мѣстоименнаго (напр. то= *tŏd); въ результатѣ данныя слова средн. рода получили окончаніе -*о* отличное отъ окончанія муж. рода. Распространеніе мѣстоименнаго склоненія происходило также и въ прилагательныхъ, напр. въ формахъ Р. и Д. ед. муж. и ср. рода (добр*ого*, добр*ому*—по аналогіи къ т*ого*, т*ому*). Что касается

глагола, то мы уже знаемъ, что славянскій праязыкъ устранилъ многія первоначальныя формы спряженія; въ замѣнъ этого въ немъ стали развиваться новыя образованія, напр. варіаціи аористическихъ образованій и описательныя выраженія съ формами глагола „есмь“, „имамь“ и др.; срв. ст.-сл. вєдѣахъ (аористическое образованіе для передачи имперфекта), пришьлъ ѥсмь (перф.), не имать къзлакатисѧ (буд.) и др. Кромѣ того для различенія временныхъ категорій стали служить еще и префиксы, придававшіе въ извѣстныхъ случаяхъ совершенный видъ, а кромѣ того скудость временныхъ формъ вознаграждалась образованіями при посредствѣ т. наз. славянскаго подъема, представляющаго расширеніе литво-славянскихъ подъемныхъ отношеній (см. стр. 230). [1])

4) Русскій праязыкъ.

Представимъ прежде всего звуковой инвентарь, который имѣлся въ основно-русскомъ языкѣ въ эпоху выдѣленія послѣдняго изъ общеславянскаго. При этомъ вполнѣ понятно, что нѣкоторые звуки и звукосочетанія остались общими у русскаго праязыка съ другими его славянскими братьями, тогда какъ иные звуки и ихъ сочетанія представляли особенности, отличавшія русскій праязыкъ отъ другихъ славянскихъ языковыхъ вѣтвей и служившія къ обособленію его въ качествѣ самостоятельнаго языковаго индивидуума.

Къ категоріи звуковъ, общихъ у русскаго праязыка съ другими славянскими вѣтвями, относятся слѣдующіе: а) *глас-*

---

[1]) По вопросамъ славянскаго (также литовскаго) глагола см. труды проф. Г. К. Ульянова: а) Основы наст. времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ (Варшава, 1888), б) Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, ч. I—II (Варшава, 1891, 1895), а также Критическій разборъ послѣдняго труда академикомъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ (С.-Пб. 1897). См. также статью—Meillet A. Des aspects perfectif et imperfectif dans la traduction de l'Évangile en vieux slave, въ его книгѣ Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave (1902), стр. 1—104.

ные: а, о, е, ѣ [1]), і, ы, у, носовые гласные ǫ и ę и, наконецъ, узкіе краткіе гласные ъ и ь, б) *согласные*: всѣ первично-твердые согласные, извѣстные намъ изъ современнаго русскаго языка, а изъ мягкихъ согласныхъ—*ч'* (изъ *k'), *дж'* или *ж'* (изъ *г'), *ж'* (изъ *zj), *ш'* (изъ *х' и *cj), *ц'* (изъ *k'), *дз'* или *з'* (изъ *г'), *с'* (изъ *х'), а кромѣ того плавные *л'*, *р'* и носовой *н'* (развившіеся на почвѣ сочетанія соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ съ j); кромѣ того, чертою общею у русскаго праязыка съ другими славянскими вѣтвями, вынесенною изъ славянскаго праязыка, было въ ту эпоху отсутствіе закрытыхъ слоговъ.

Что касается звуковъ и звукосочетаній типичныхъ для русскаго праязыка, отличавшихъ его отъ другихъ родственныхъ славянскихъ, то мы можемъ отмѣтить слѣдующіе: *полногласіе* въ двухъ видахъ, *ч'* (изъ *tj и *kt^{i}), *ж'* (изъ *dj), сочетанія губныхъ съ л' (получившіяся изъ губныхъ съ j). Нужно однако замѣтить, что и нѣкоторые изъ звуковъ первой категоріи въ русскомъ праязыкѣ имѣли нѣкоторыя особенности, намѣчавшія имъ путь инаго развитія по сравненію съ другими славянскими діалектами. Таковы, напр., звуки *ъ и *ь въ болѣе сильныхъ положеніяхъ (т. е. ъ̀ и ь̀), а также носовые гласные, измѣненіе которыхъ въ русскомъ языкѣ шло въ другомъ направленіи, чѣмъ въ нѣкоторыхъ его сородичахъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Теперь мы обратимся къ обзору главнѣйшихъ звуковыхъ измѣненій, которыя произошли въ русскомъ языкѣ со времени его обособленія отъ другихъ славянскихъ вѣтвей, при чемъ можно установить извѣстную послѣдовательность этихъ измѣненій, сгруппировавъ ихъ въ нѣсколько эпохъ, хотя и не

---

[1]) Начертанію *ѣ* для той древней эпохи должно придавать иное звуковое значеніе, нежели для современной. Несомнѣнно, что тогда этотъ звукъ не совпадалъ съ звукомъ, обозначаемымъ черезъ *е*; предполагаютъ, что это было долгое *е*, но можно думать, что этотъ гласный имѣлъ «дифтонгообразное» произношеніе, при чемъ первая половина была уже второй.

должно представлять себѣ эти послѣднія рѣзко ограниченными: явленія, начавшіяся въ одну эпоху, могли и не закончиться въ ней, но продолжаться и закончиться въ слѣдующую или слѣдующія эпохи, и такимъ образомъ эпохи могутъ какъ бы частично налегать одна на другую. Важнѣйшія изъ этихъ измѣненій слѣдующія: 1) дальнѣйшіе случаи непереходнаго смягченія согласныхъ, 2) переходъ носовыхъ гласныхъ въ чистые, 3) возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ и 4) измѣненіе ’е→’о.

I. *Эпоха непереходнаго смягченія согласныхъ переднеязычныхъ и губныхъ подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними палатальныхъ гласныхъ.*

Согласные, подвергавшіеся такому смягченію, принадлежали къ губному и передне-язычному рядамъ; такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ образовались пары по твердости и мягкости изъ согласныхъ звуковъ этихъ двухъ рядовъ, а именно: п || п’, б || б’, в || в’, т || т’, д || д’, с || с’, з || з’, н || н’, л || л’, р || р’ (три послѣднихъ мягкихъ звука, т. е. *н’*, *л’*, *р’*, кромѣ того были вынесены и изъ славянскаго праязыка, гдѣ они получились отъ слитія соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ съ j). [1]) Причина, обусловливавшая разсматриваемое смягченіе согласныхъ, чисто физіологическая и заключается въ наличности палатальнаго гласнаго, слѣдовавшаго за согласнымъ: приближеніе къ небу средней части языка, свойственное палатальнымъ гласнымъ, сообщалось предшествующему согласному, отчего этотъ послѣдній становился мягкимъ. Нужно добавить, что этотъ процессъ, подобно большинству звуковыхъ измѣненій физіологическаго характера, совершался постепенно, представляя въ ходѣ времени рядъ незамѣт-

[1]) Среди этихъ паръ отсутствуетъ согласный *ф*, который появился значительно позже, когда въ языкѣ появились вторично закрытые слоги и когда затѣмъ конечные звонкіе согласные стали утрачивать свою звонкость

ныхъ переходныхъ моментовъ на пути отъ твердаго произношенія согласнаго къ мягкому.

Если мы обратимся къ отраженію этого смягченія въ современномъ языкѣ, то замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанная причина можетъ быть безъ труда обнаружена, такъ какъ палятальный гласный сохранилъ до сихъ поръ свою палятальность, напр. *в'єл'і́* (вели), *м'ӕл* (мѣлъ). Но есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ причина смягченія согласнаго въ современномъ языкѣ уже не можетъ быть усмотрѣна, такъ какъ за такимъ мягкимъ согласнымъ теперь слѣдуетъ или не-палятальный гласный, или твердый согласный, или—наконецъ—мягкій согласный оканчиваетъ собою слово, напр. *м'а́сă* (мясо), *м'о́дў* (меду), *т'ма́* (тьма), *о́с'* (ось). Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мягкость согласнаго была вызвана также палятальнымъ гласнымъ, который впослѣдствіи или измѣнился въ гласный не-палятальный, или же исчезъ, оставивъ по себѣ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго. Такъ, въ случаѣ „*м'а́сă*“ мягкость *м* была вызвана палятальнымъ носовымъ гласнымъ (срв. ст.-сл. мясо, польск. mięso); въ словѣ „м'о́дў“ мягкость согласнаго была вызвана тѣмъ, что въ данную эпоху на мѣстѣ гласнаго *'о* произносился гласный *е* (срв. ст.-сл. медоу, серб. меду); [1]) что касается мягкости согласныхъ въ случаяхъ „*т'ма*“, „*ос'*“, то она была вызвана гласнымъ ъ (ĭ), слѣдовавшимъ за этими согласными и впослѣдствіи исчезнувшимъ.

Однако не во всѣхъ частяхъ русскаго языка существуетъ столь широкое развитіе непереходнаго смягченія, какъ мы только-что представили. Существенное уклоненіе въ этомъ отношеніи представляетъ малорусское нарѣчіе, гдѣ въ нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ случаевъ не наблюдается смягченія

[1]) Примѣръ *л'о́н* (ленъ), имѣющій такой же гласный и такъ же обозначаемый въ орѳографіи, представляетъ собою особый случай, такъ какъ въ ст.-сл. этому гласному отвѣчаетъ уже не **є**, но **ь**, т. е. ĭ (**льнъ**).

согласныхъ, напр. *мэ́ду*, *дэ́н'*, *пы̯ты* (=влр. пить) и т. п.[1]) Нужно предположить, что діалектическіе задатки этихъ отличій малорусскаго нарѣчія имѣлись и въ прарусскомъ языкѣ, въ которомъ такимъ образомъ уже въ разсматриваемую эпоху намѣчалось развѣтвленіе на два главныя нарѣчія—сѣверно-русское (предокъ великорусско-бѣлорусскаго) и южнорусское (предокъ малорусскаго). Тѣмъ не менѣе нѣкоторые случаи непереходнаго смягченія малорусскій языкъ раздѣляетъ съ великорусско-бѣлорусскимъ; сюда относятся: а) смягченіе, вызванное первичнымъ или общеславянскимъ *ѣ*, напр. *м'і́ра* (=влр. мѣра), а также вторичнымъ или южнорусскимъ *ѣ*, напр. *н'і́ч* (=влр. печь), *н'і́с* (=влр. нёсъ), б) смягченіе, вызванное нѣкогда бывшимъ *ъ* (ŭ), затѣмъ исчезнувшимъ, напр. *дэ́н'*, *т'ма*. Такъ какъ эти случаи развивались въ связи съ явленіями нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ эпохъ, то и объясненіе ихъ будетъ сдѣлано при разсмотрѣніи этихъ послѣднихъ.

---

[1]) Отсутствіе въ подобныхъ случаяхъ смягченія въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи еще не имѣетъ общепринятаго объясненія. Намъ представляются болѣе вѣроятныя слѣдующія два: 1) можно допустить отвердѣніе цѣльнаго слога, т. е. отвердѣніе согласнаго въ связи съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ гласнаго, и быть можетъ еще тогда, когда не развилась полная мягкость; 2) можно предположить въ качествѣ посредствующаго звена выдѣленіе изъ согласнаго, достигшаго полной мягкости, элемента j или j̯ (или—другими словами—разложеніе мягкаго согласнаго на твердый + мягкость), а затѣмъ этотъ послѣдній элементъ могъ со временемъ утратиться и такимъ образомъ получился слогъ съ твердымъ согласнымъ. Подтвержденіемъ для этого предположенія служитъ существованіе въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ такого произношенія, какъ пj́а́т', гдѣ мы имѣемъ на лицо вышеуказанное разложеніе мягкаго губнаго согласнаго; можно ожидать, что въ дальнѣйшемъ это слово получитъ произношеніе *пат', т. е. уже безъ j (j̯), подобно тому, какъ это мы встрѣчаемъ въ родственномъ чешскомъ словѣ *pátý* «пятый». При слѣдующемъ палятальномъ гласномъ въ малорусскомъ этотъ процессъ развертывался быстрѣе, а потому въ этихъ случаяхъ раньше наступила конечная стадія, т. е. полученіе твердаго слога (срв. неравномѣрность процесса въ нѣсколько сходныхъ случаяхъ въ великорусскомъ нарѣчіи: обыскать || объявить и т. д.). Срв. Михальчукъ К., Къ вопросу объ отвердѣніи слоговъ въ малорусскомъ, 1903 (отт. изъ Уч. Зап. Каз. Унив.).

II. *Эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые.*

Необходимо предположить, что измѣненіе это происходило въ болѣе позднее время, чѣмъ развитіе непереходнаго смягченія согласныхъ. Такое предположеніе основывается на слѣдующемъ. Если бы палятальный носовой гласный ẽ успѣлъ измѣниться въ чистый не-палятальный гласный (*а*) еще до процесса смягченія согласныхъ, то передъ этимъ послѣднимъ гласнымъ теперь не было бы смягченія согласнаго. А между тѣмъ въ такихъ примѣрахъ, какъ *п'а́т, м'а́сă* и пр., не смотря на не-палятальный гласный *а*, мы видимъ мягкость предшествующихъ согласныхъ, очевидно сохраненную отъ эпохи палятальнаго носоваго гласнаго. Что касается другаго носоваго гласнаго, т. е. õ, то нужно думать, что переходъ его въ чистый (*у*) происходилъ параллельно съ аналогичнымъ измѣненіемъ уже разсмотрѣннаго носоваго гласнаго. Подтвержденіе этому представляютъ нѣкоторые изъ современныхъ славянскихъ языковъ, еще и теперь сохраняющіе носовые гласные, каковы—польскій и кашубскій, гдѣ модификаціи въ произношеніи того и другаго гласнаго вполнѣ параллельны (срв. пол. mięso || wąsy, gęba || skąpy, rybę || rybą). Но кромѣ общаго заключенія о томъ, что эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые слѣдовала за развитіемъ непереходнаго смягченія согласныхъ (а не наоборотъ), мы можемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ указать приблизительно время полученія въ русскомъ языкѣ чистыхъ гласныхъ изъ носовыхъ. Можно думать, что къ концу X в. въ русскомъ языкѣ слышались уже чистые гласные на мѣстѣ носовыхъ. Къ такому заключенію насъ приводятъ данныя отъ конца X в. въ сочиненіи Константина Багрянороднаго „Объ управленіи государствомъ“, которыя представляютъ собою древнерусскія названія Днѣпровскихъ пороговъ (неясыть или неясытъ „коршунъ“, гдѣ *я*=ст.-сл. ѧ; вьруучи—прич. отъ вьрѣти „кипѣть“, *у*=ст.-сл. ѫ), переданныя греческимъ письмомъ (*Νεασήτ*, *Βερουίτζη*), при чемъ на мѣстѣ носовыхъ гласныхъ стоятъ знаки чистыхъ глас-

ныхъ. [1]) Во всякомъ случаѣ къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* (т. е. въ половинѣ XI в.) носовые гласные несомнѣнно уже смѣнились чистыми, такъ какъ въ этомъ памятникѣ встрѣчаемъ случаи смѣшенія знаковъ носовыхъ гласныхъ съ знаками чистыхъ, срв. напр. написанія—земл*ю* вм. земл*ѭ*, ѫ вм. ѫ и пр.

Относительно самаго процесса перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые также не слѣдуетъ думать, что онъ совершился быстро; на самомъ дѣлѣ оба носовые гласные постепенно измѣнялись въ своемъ качествѣ, прежде чѣмъ утратить носовой характеръ. При этомъ носовой гласный ẽ на пути своего измѣненія постепенно расширялся, пока не превратился въ предѣльный гласный ã и уже въ этомъ видѣ потерялъ свой носовой назвукъ (’ẽ→’ẽ^{a}→’ã→’a). Такъ должно думать на томъ основаніи, что если бы гласный *ẽ пересталъ быть носовымъ еще до своего расширенія въ *a*, то онъ смѣшался бы съ основнымъ *e* и подобно послѣднему не перешелъ бы уже въ *’a*. Другой носовой гласный (õ), наоборотъ, съ теченіемъ времени постепенно съуживался, пока не достигъ предѣльной стадіи узкаго носоваго гласнаго (ỹ) и только въ этомъ видѣ утратилъ свой носовой назвукъ (õ→o̰→ỹ→y). Еслибы онъ утратилъ этотъ послѣдній ранѣе процесса съуженія, то подобно основному *o* не измѣнился бы въ y. [2])

---

[1]) Конечно, возможно допустить, что въ то время при произношеніи разсматриваемыхъ гласныхъ имѣлся еще носовой назвукъ, но столь незначительный, что онъ былъ не отмѣченъ знакомъ носоваго согласнаго. Заслуживаетъ вниманія также названіе еще одного порога—«напрязи», гдѣ бывшій носовой гласный переданъ въ греческомъ письмѣ не посредствомъ α, а черезъ ε (Ναπρεζή). Здѣсь мы имѣемъ, можно думать, приблизительное фонетическое обозначеніе, такъ какъ въ этомъ словѣ гласный *a*, находясь между мягкими согласными и вдобавокъ будучи неударенным (именно—предшествуя слогу съ удареніемъ), имѣлъ болѣе палятальный нюансъ, приближавшій его къ *e* (впрочемъ, не лишено вѣроятности то предположеніе, что здѣсь корень слова представлялъ варіацію безъ носоваго инфикса и потому содержалъ чистый гласный *e*).

[2]) Вполнѣ понятно, что если въ теченіи описываемаго процесса или ранѣе въ русскій языкъ вошли нѣкоторыя иностранныя слова, содержавшія

III. *Эпоха двоякаго развитія *ъ и *ь или—другими словами—эпоха образованія бывшихъ гласныхъ.*

Сущность разсматриваемаго явленія заключается въ томъ, что краткіе гласные *ъ̆ (ŭ) и *ь̆ (ĭ), находясь въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ, измѣнялись въ двухъ разныхъ направленіяхъ, именно: тѣ краткіе *ъ̆ и *ь̆, которые находились на концѣ слова или въ другихъ слабыхъ положеніяхъ, постепенно ослаблялись и наконецъ исчезали, а тѣ, которые занимали болѣе сильное положеніе въ словѣ, постепенно усиливались, измѣняясь по направленію къ гласнымъ *о* и *е*. [1]) Такъ, напр., слова сóн (сонъ) и д'éн' (день) до разсматриваемой эпохи имѣли каждое по два кратких гласныхъ (*съ̆нъ̆, *д'ь̆н'ъ̆), изъ которыхъ первые имѣли болѣе сильное произношеніе, а вторые—болѣе слабое. Со временемъ конечные гласные исчезли, а первые расширились, при чемъ гласный *ъ̆ (ŭ) расширился въ *о*, а *ь̆ (ĭ) въ *е*. Слѣдуетъ думать, что ослабленіе конечныхъ и расширеніе предшествующихъ гласныхъ совершалось не только параллельно, но и въ связи одно съ другимъ, при чемъ расширеніе одного гласнаго какъ бы компенсировало ослабленіе другаго. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда на концѣ слова стояли не краткіе *ъ̑ или *ь̑, а полный

носовой гласный или же гласный съ носовымъ согласнымъ, то они подверглись тому же процессу на-равнѣ съ природными словами. Таковы, напр., слова: князь, витязь, варягъ, гусь и т. п., а также названіе народа *у г р ы* ‖ пол. węgry или wągry.

[1]) То, что гласный *ъ̆ имѣлъ передъ разсматриваемымъ процессомъ звуковое значеніе ŭ, слѣдуетъ изъ указанія родственныхъ языковъ и прежде всего литовскаго, какъ ближайшаго родича языковъ славянскихъ (срв. напр. медъ, ст.-сл. МЕДЪ = литов. medùs; сынъ, ст.-сл. СЫНЪ = литов. sūnùs и т. п.). Такое произношеніе нужно принять, какъ исходную точку въ нашемъ процессѣ, и для прарусскаго языка на основаніи указаній самого русскаго языка, такъ какъ только изъ *ŭ могъ чрезъ расширеніе произойти гласный *о*. Съ другой стороны ъ̆ (ŭ), подвергавшійся ослабленію, постепенно терялъ губность, вмѣстѣ съ чѣмъ уложеніе языка становилось менѣе и менѣе глубокимъ; благодаря этому ослаблявшійся гласный ŭ постепенно измѣнялся въ сторону ы (ŭ → ŭ^{ы} → ы̆^{у} → .... ы̆).

гласный, то *ъ и *ь предшествующаго слога уже не расширялись, а постепенно ослаблялись до исчезновенія, напр. с⸗на́ (*съна́), д'⸗н'і́ (*д'ьн'і́) и т. д. Двоякое развитіе *ъ (ў) и *ь (ї) дало такимъ образомъ въ результатѣ въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е*, т. е. такія чередованія, какъ сонъ || сна, пятокъ || пятка, ложь || лжи, день || дня, отецъ || отца, ленъ || льна, орелъ || орла и пр.

Разсматриваемый нами процессъ, подобно процессу измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые, слѣдовалъ за процессомъ непереходнаго смягченія согласныхъ. Это предположеніе основывается на такихъ случаяхъ, какъ *о́с'* (ось), *д'є́н'* (день), *т'м*а́ (тьма) и пр., въ которыхъ мягкость согласнаго была обусловлена присутствіемъ узкаго палятальнаго гласнаго *ь. Если бы исчезновеніе этого гласнаго произошло еще до непереходнаго смягченія согласныхъ, то въ приведенныхъ словахъ этого смягченія не послѣдовало бы. А такъ какъ ослабленіе и исчезновеніе *ъ совершалось въ связи съ расширеніемъ предшествующаго ъ, то необходимо заключить, что и это послѣднее, т. е. расширеніе, также слѣдовало за эпохой непереходнаго смягченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вправѣ думать, что и процессъ двоякаго развитія *ъ, шедшій параллельно съ измѣненіемъ *ь, совершался въ одну и ту же эпоху съ послѣднимъ. Нужно прибавить, что процессъ двоякаго (въ зависимости отъ различія условій) развитія *ъ и *ь произошелъ —подобно вообще звуковымъ измѣненіямъ физіологическаго характера—не разомъ, но пройдя цѣлый рядъ незамѣтныхъ переходовъ на своемъ пути къ расширенію или же ослабленію. Въ виду длительности въ развитіи какъ непереходнаго смягченія согласныхъ, такъ равно и бѣглыхъ гласныхъ, мы можемъ допустить, что первый процессъ могъ предшествовать второму лишь своей начальною фазою, въ дальнѣйшемъ же продолжалъ свое развитіе одновременно съ начавшимся вторымъ процессомъ (развитіемъ бѣглыхъ гласныхъ). При послѣдующемъ изложеніи мы болѣе убѣдимся въ правильности такой точки зрѣнія.

Процессъ двоякаго развитія *ъ̀ и *ь̀ совершался не вполнѣ одинаково во всѣхъ частяхъ русскаго праязыка; такъ, въ южнорусской части этого праязыка хотя и произошло ослабленіе конечныхъ *ъ̑ и *ь̑ и тоже въ связи съ расширеніемъ *ѣ̀ и *ь̀ въ предшествующемъ слогѣ, но съ тою разницею, что передъ гласнымъ *е*, получившимся изъ *ь̀, въ современномъ малорусскомъ языкѣ — какъ мы уже упоминали — предшествующій согласный имѣетъ не мягкое, а твердое произношеніе; срв. влр. *д'ён'* (бѣлор. *дз'ён'*) || млр. *дэ́н'*. [1])

Непосредственно къ процессу двоякаго развитія *ъ̀ и *ь̀ примыкаетъ явленіе отвердѣнія мягкихъ согласныхъ передъ твердыми, отъ которыхъ раньше они отдѣлялись посредствомъ гласнаго *ъ̀. Однако такое отвердѣніе происходило тогда не во всякихъ группахъ согласныхъ звуковъ, но главнымъ образомъ при соприкосновеніи мягкихъ передне-язычныхъ съ пе-

---

[1]) Кромѣ того, современный малорусскій языкъ указываетъ еще на одну діалектическую особенность въ разсматриваемомъ процессѣ, а именно ту, что ослаблявшіеся конечные *ъ̑ и *ь̑ вызывали не только расширеніе предшествующихъ *ѣ̀ и *ь̀, но вліяли также и на средніе гласные (*е* и *о*) предшествующаго слога, обусловливая ихъ удлиненіе, соединенное съ видоизмѣненіемъ качества звука. Это измѣненіе состояло въ слѣдующемъ. Гласный *е*, вызывавшій мягкость предшествующаго согласнаго, удлинившись дифтонгизировался въ сочетаніе *іе*, въ которомъ элементъ *е* былъ болѣе узкимъ и болѣе переднимъ въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ (напр. *п'ієч «печь») и имѣлъ болѣе открытую и болѣе заднюю артикуляцію въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ (напр. *м'іед); первое изъ этихъ сочетаній совпало съ такимъ же дифтонгомъ, получившимся изъ общеслав. *ѧ (какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными), и вмѣстѣ съ послѣднимъ въ дальнѣйшемъ измѣненіи дало *і*; во второмъ же сочетаніи компонентъ *е* пріобрѣталъ нюансъ е° и, становясь болѣе закрытымъ, черезъ посредствующую стадію ӱ переходилъ тоже въ *і*, какъ и первое сочетаніе; въ обоихъ случаяхъ передъ такимъ *і* удержалась мягкость предшествующаго согласнаго, полученная еще въ первую эпоху. Что касается основнорусскаго гласнаго *о*, то онъ, удлиняясь и вмѣстѣ съ тѣмъ становясь болѣе закрытымъ, проходилъ стадіи: о̄ → о̤ → ӯ → у̯ᵘ → ы̯ (и); поэтому напр. влр. ночь = соврем. млр. н и ч, гдѣ согласный *н* имѣетъ твердое или же полумягкое произношеніе.

редне-язычными твердыми, срв. тѫрж || распьнѫ. [1]) Въ виду того, что такого рода случаи встрѣчаются уже въ памятникахъ XI в., мы вправѣ заключить, что къ этой эпохѣ успѣло произойти въ части случаевъ отвердѣніе согласныхъ, а слѣдовательно и образованіе бѣглыхъ гласныхъ, какъ непосредственно предшествующее ему.

IV. *Измѣненіе* 'е →'о *въ положеніи передъ твердыми согласными.*

Главнымъ условіемъ, вызывавшимъ это измѣненіе, была *твердость слѣдующаго согласнаго*, какъ это явствуетъ изъ сравненія л'ѣч' || л'о́к, јѣл' || јо́лка и пр. Въ литературной рѣчи присоединяется еще другое условіе — ударяемость разсматриваемаго гласнаго, но въ окающихъ народныхъ говорахъ это условіе не обязательно, такъ что явленіе наблюдается также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н'ɛс'і́ || н'осу́ и т. п. Попытаемся выяснить съ физіологической точки зрѣнія изучаемый процессъ. Измѣненіе 'е →'о состоитъ въ постепенномъ перемѣщеніи артикуляціи отъ средней части языка къ задней въ связи съ одновременнымъ и постепеннымъ развитіемъ съуженія губъ (лябіализаціи), характернаго для *о*, при чемъ измѣненіе это на своемъ пути отъ *е* къ *о* должно было пройти цѣлую непрерывную цѣпь переходныхъ нюансовъ е.... е°.... о. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ твердый согласный могъ вліять на переходъ предшествующаго гласнаго *'е* въ *'о*, напр. въ словѣ „медъ“. Съ точки зрѣнія физіологіи *современнаго* намъ произношенія изслѣдуемое явленіе не объяснимо, такъ какъ твердый согласный, оканчи-

[1]) Въ формѣ тѫрж раньше существовалъ слабый ъ между согласными *т'* и *р*, обусловившій непереходное смягченіе согласнаго *т* (затѣмъ отвердѣвшаго); доказательствомъ предполагаемаго гласнаго Ъ служатъ такія формы, какъ т ъ р е т ъ (Сборн. 1073 г.), гдѣ посредствомъ ъ обозначена мягкость перваго согласнаго, сохранявшаяся передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ.

вающій собою слово, имѣетъ резонансовый аккомпаниментъ *ы*, совершенно лишенный лябіализаціи, а потому не способный вызывать губной оттѣнокъ въ предшествующемъ гласномъ. Но это измѣненіе станетъ совершенно понятнымъ, если мы допустимъ, что въ эпоху, когда оно зарождалось, конечное *ъ* еще звучало, сохраняя при этомъ въ той или иной степени свойство лябіальнаго гласнаго, отъ котораго произошло, т. е. краткаго *у*. Понятно, что произносившееся такимъ образомъ *ъ* сообщало лябіальный оттѣнокъ и предшествующему согласному, [1]) а этотъ послѣдній въ свою очередь стоявшему передъ нимъ гласному *'е*. Изъ этого мы заключаемъ, что эпоха измѣненія *'е* въ *'о* не слѣдовала за законченною эпохою развитія бѣглыхъ гласныхъ, но своею значительною частью заходила въ эту послѣднюю. Что касается случаевъ, когда слѣдовавшій за гласнымъ *'е* твердый согласный сочетался съ вполнѣ опредѣленными губными гласными, напр. м е д*у* и т. п., то эти случаи такъ же легко объясняются вышеприведенными соображеніями. Остаются безъ объясненія тѣ случаи, гдѣ за твердымъ согласнымъ слѣдовали не-губной гласный (напр. с е л*а*), или другой согласный (напр. в е с л*а*); можно предполагать, что здѣсь произошло расширеніе явленія, т. е. что звукъ *'е* сталъ получать нюансъ е° вообще при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Описанному измѣненію 'е→'о подверглось не только основное *'е*, но и то *'е*, которое развивалось изъ *ъ въ эпоху образованія бѣглыхъ гласныхъ, напр. п е с ъ (ст.-сл. пьсъ). Слѣдуетъ думать, что гласный *ъ расширялся не одинаково передъ мягкими и твердыми согласными, при чемъ болѣе широкая его разновидность присоединилась къ процессу измѣненія основнаго *'е* въ *'о*.

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, и въ современномъ русскомъ языкѣ мы наблюдаемъ такое вліяніе послѣдующихъ губныхъ гласныхъ *о* и *у* на предшествующій согласный, состоящее въ томъ, что лябіальный укладъ этихъ гласныхъ своей экскурсіей заходитъ въ моментъ предшествующаго согласнаго.

Особенность представляютъ такіе случаи, какъ: твердый, темный и т. д. Въ прарусскомъ языкѣ здѣсь группа внутреннихъ согласныхъ была раздѣлена краткимъ гласнымъ ъ, такъ что основа приведенныхъ словъ имѣла слѣдующій видъ: *твъръд-, *тьмън-. Слѣдуетъ думать, что здѣсь слабое ъ стало исчезать раньше, чѣмъ между другими согласными; благодаря этому, мягкій согласный здѣсь рано пришелъ въ соприкосновеніе съ послѣдующимъ твердымъ (отъ котораго раньше отдѣлялся посредствомъ ъ) и ассимилировался ему по твердости. Очевидно, что эта ассимиляція успѣла произойти до эпохи измѣненія 'е→'о, такъ что *'е* предшествовавшее отвердѣвшему согласному присоединилось къ этому процессу. [1]) Съ другой стороны, такое же раннее исчезновеніе ъ между согласными, изъ которыхъ послѣдующій былъ мягкимъ (напр. *лъгъче), повело къ ассимиляціи перваго согласнаго второму по мягкости (*лекче* или *лехче*); по этой причинѣ предшествующее *'е*, очутившись передъ смягченнымъ согласнымъ, не могло уже примкнуть къ процессу измѣненія 'е→'о.

Такіе случаи, какъ отецъ, гдѣ не смотря на ударенность гласнаго *е* и твердость слѣдующаго согласнаго, не произошло измѣненія 'е→'о, объясняются тѣмъ, что въ ту эпоху согласный *ц* былъ еще мягкимъ; когда же онъ отвердѣлъ, процессъ измѣненія 'е→'о уже миновалъ и вліяніе твердаго согласнаго на предшествующее 'е могло проявиться только въ нѣкоторомъ расширеніи этого послѣдняго. Напротивъ того, передъ твердыми шипящими (*ш* и *ж*) мы обычно встрѣчаемъ 'о (благодаря вліянію аналогіи), хотя они въ эпоху измѣненія 'е→'о вѣроятно были также мягкими, какъ и *ц*.

---

[1]) Если однако за слогомъ *ръ* слѣдовалъ не передне-язычный, а губной или заднеязычный твердый согласный, то *р'* сохранялъ свою мягкость, а потому и не происходило измѣненія 'е→'о, срв. первый, верхъ т. д.; вполнѣ понятно, что это измѣненіе не происходило также въ томъ случаѣ, если послѣдующій согласный былъ мягкій.

Изъ того обстоятельства, что *'е* изъ **ѣ* не подверглось измѣненію въ *'о*, слѣдуетъ заключить, что въ разсматриваемую эпоху произношеніе его отличалось какъ отъ основнаго *'е*, такъ и отъ *'е*, развивавшагося изъ **ь*.

Можно думать, что къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* процессъ измѣненія *'е→'о* въ сѣверно-русской діалектической области уже совершился (срв. такія написанія въ Остром. Ев., какъ **иѳ̓рданъ**, **иѳрданьскам**, **єрданьсцѣи** =греч. *τὸν Ἰορδάνην* и пр., изъ которыхъ можно заключить о произношеніи въ этихъ словахъ буквы **є** какъ *jo*), а потому становится вѣроятнымъ, что дьяконъ Григорій, списывавшій это Евангеліе, уже произносилъ въ обыденной рѣчи 'о вм. 'е въ указанныхъ положеніяхъ, напр. л'о́н, м'о́ду, н'*о*су́ и т. п., хотя на письмѣ и пользовался въ такихъ случаяхъ, соотвѣтственно тогдашнему правописанію, буквами **є** и **ь**.

Описанный нами процессъ измѣненія 'е→'о происходилъ также въ южнорусской вѣтви, хотя съ значительными отличіями по сравненію съ сѣверно-русской. Прежде всего—этотъ процессъ въ южнорусской языковой области не былъ столь широко развитъ, какъ въ сѣверной, ограничиваясь слѣдующими случаями:

1) Основное *'е* измѣнилось въ *'о* въ тѣхъ полузакрытыхъ слогахъ, которые заканчивались посредствомъ *z*; по мѣрѣ ослабленія послѣдняго предшествующій гласный удлинялся и переходилъ въ дифтонгъ је. Первый компонентъ этого дифтонга поддерживалъ мягкость предшествующаго согласнаго, а второй (т. е. *е*) подъ вліяніемъ слѣдующаго лябіализованнаго твердаго согласнаго подвергался процессу измѣненія 'е→'о, напр. **н'је°съ*. [1]) Въ современномъ малорусскомъ языкѣ мы

[1]) Если же слѣдующій за дифтонгомъ согласный былъ мягокъ, то второй компонентъ дифтонга не измѣнялся въ *о*, а мало-по-малу съуживался и такимъ образомъ этотъ дифтонгъ совпалъ съ тѣмъ, который произошелъ изъ древняго или общеславянскаго ē (*ѣ*), срв. соврем. малор. п'і́ч («печь») и п'*і́*ј а т і («пѣть»). Что касается основно-русскаго *е* въ открытыхъ

уже не встрѣчаемъ этого *о*, такъ какъ оно, совпавъ съ основно-русскимъ *о* въ такомъ же положеніи, стало сходно съ нимъ измѣняться дальше и, пройдя стадію ў (срв. *будетъ чтюнъ*, Гал.-волын. грам. 1398 г.), дало въ результатѣ *'і* (н'*і*с). Разница между этимъ *і* и тѣмъ, которое получилось отъ основнаго *о* (н*і*с←*носъ) заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ согласный не развилъ такого смягченія, являясь теперь обычно только полумягкимъ.

2) Основное 'е измѣнилось въ 'о въ тѣхъ открытыхъ слогахъ внутри слова, гдѣ ему предшествовалъ шипящій согласный, а слѣдующій слогъ не содержалъ палятальнаго гласнаго, срв. соврем. малорус. п ш о н о́ || п ш е н и́ ц я, ж о н а́ || ж е н и́ х, ч о л о́. Это измѣненіе объясняется тѣмъ, что шипящіе согласные въ это время имѣли полную мягкость, необходимую для измѣненія 'е→'о, между тѣмъ какъ сочетанія основнаго *е* съ предшествующими иными согласными въ тѣхъ же условіяхъ уже подверглись процессу отвердѣнія и потому не могли слѣдовать процессу измѣненія 'е→'о, срв. соврем. малор. н *э* с ў, м *э́* д у, р *э́* б р а (*э* передъ группой согласныхъ въ первично-закрытомъ слогѣ) и т. п.

3) Гласный 'е, получившійся изъ *ь, измѣнялся въ 'о лишь послѣ шипящихъ согласныхъ и притомъ во вторично-закрытыхъ слогахъ, напр. ч'орний, ш'ол (соврем. ш'о́w). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ измѣненія 'е въ 'о не послѣдовало по той же причинѣ, которая указана выше по отношенію къ основному *е* въ открытыхъ слогахъ.

Описаніемъ процесса измѣненія 'е→'о мы и заканчиваемъ обзоръ фонетическаго состоянія русскаго праязыка, такъ какъ дальнѣйшіе процессы совершались уже въ историческое время и запечатлѣны въ памятникахъ письменности.

слогахъ внутри слова, то въ этомъ случаѣ не происходило удлиненія и указанной дифтонгизаціи гласнаго, поддерживавшей мягкость предшествующаго согласнаго, а потому такіе слоги подверглись обычному въ южно-русской вѣтви отвердѣнію, срв. *нэсу́* || *н'іс* (←н'ўс←н'їёс).

Что касается морфологическихъ процессовъ, совершавшихся въ прарусскомъ языкѣ, то они продолжали собою тѣ тенденціи, какія намѣтились еще въ праславянскомъ. Здѣсь мы ограничиваемся характеристикою того пути, которому слѣдовала эволюція склоненій, начиная съ эпохи аріо-европейскаго единства и кончая прарусскимъ состояніемъ.

Уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ склоненія именъ существительныхъ до нѣкоторой степени дифференцировались по родамъ. Такъ, слова, оканчивавшіяся въ И. ед. на *-ŏ-s, принадлежали къ муж. роду, на *-ŏ-m къ среднему и на *-ā къ женскому. Но кромѣ того существовали и такіе типы склоненій, къ которымъ принадлежали слова разныхъ родовъ; сюда относятся слова съ основами на согласный (всѣхъ трехъ родовъ), на -ĭ- и -ŭ- (также всѣхъ трехъ родовъ), на -ī- и -ū- (преимущественно жен. рода и отчасти муж. рода). Какъ мы уже знаемъ, первая группа, т. е. слова съ древними основами на гласные, дошла до прарусскаго языка съ окончаніями въ И. ед. -*s* || -*ъ*, -*o* || -*e*, -*a*. Слѣдующая группа, т. е. слова съ первоначальными согласными основами, большею частію перешла въ гласное склоненіе соотвѣтствующаго рода (примѣры см. на стр. 184—185), сохранившись въ пережиткахъ т. наз. склоненія съ наращеніемъ. Третья группа именъ (съ основами на -ŭ- и -ĭ-), подверглась болѣе сложному процессу: прежде всего изъ нея исчезли слова ж. и ср. рода съ основами на -ŭ- и слова ср. р. съ основою на -ĭ-; затѣмъ оставшіяся слова съ основою на -ŭ- м. р. начали смѣшиваться со словами первой группы, оканчивавшимися въ И. ед. на -*s*, а слова м. р. съ основою на -ĭ- стали переходить въ соотвѣтствующее мягкое склоненіе той же первой группы и лишь немногія слова, не поддавшіяся этой аналогіи, напр. *путь*, *зять* и нѣк. др., остались пережитками прежняго склоненія; что же касается словъ ж. р. съ основою на -ĭ-, то они составили особое склоненіе, существующее и до сихъ поръ. Наконецъ, древнія основы на -ū- и -ī- ко временамъ русскаго праязыка

уже утратили муж. родъ, а оставшіяся слова ж. р. стали переходить въ другія гласныя склоненія соотвѣтствующаго рода (срв. ст.-сл. **любы** || соврем. рус. любовь, **рабыня** || рабыня). Такимъ образомъ, въ эпоху русскаго праязыка мы застаемъ дифференцированными по родамъ и тѣ склоненія, которыя въ аріо-европейскомъ праязыкѣ такой дифференціаціи не имѣли; недифференцированными остались лишь немногіе пережитки, продолжавшіе тотъ же процессъ уже въ историческое время, къ которому мы и переходимъ.

* * *

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Историческое время развитія русскаго языка начинается собственно со второй половины XI в., отъ которой до насъ сохранились древнѣйшіе письменные памятники. [1]) Строго говоря, памятники эти лишь отчасти отражаютъ состояніе русскаго языка того времени, такъ какъ всѣ они не представляютъ собою настоящихъ русскихъ книгъ, а только списки со старо-славянскихъ оригиналовъ русскими людьми. Правда, старо-славянскій языкъ былъ настолько близокъ тогдашнему русскому, что для пониманія церковно-славянскаго текста не требовалось спеціальнаго перевода, но тѣмъ не менѣе извѣстныя различія между этими языками существовали. А разъ это такъ, то русскіе люди, читая произведенія старо-славянской письменности, невольно допускали въ своемъ произношеніи особенности русской рѣчи, а переписывая, легко впадали въ ошибки противъ оригинала, подставляя тамъ и сямъ написанія, болѣе соотвѣтствовавшія русскому произношенію. Имен-

[1]) О болѣе раннихъ письменныхъ памятникахъ, не дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ, см. въ сочиненіи: Срезневскій И. И., Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ С.-Пб. Унив. въ 1865—1880 гг. С.-Пб. 1885, стр. 95—99.

но на основаніи такого рода отступленій отъ древняго церковно-славянскаго текста изслѣдователь и можетъ до нѣкоторой степени составить себѣ представленіе о древнѣйшей исторической эпохѣ русскаго языка. Для дальнѣйшихъ эпохъ въ распоряженіи изслѣдователя имѣются уже и другіе памятники, не списанные со старо-славянскаго текста, но самостоятельно составленные, съ большею или меньшею однакожъ примѣсью старо-славянскаго элемента, обусловленною привычкой къ старо-славянскимъ написаніямъ. Излагая ходъ развитія русскаго языка въ историческое время, мы расположимъ матеріалъ по столѣтіямъ, при чемъ будемъ подводить итоги въ каждомъ изъ нихъ тѣмъ новымъ чертамъ, которыя выступаютъ въ памятникахъ соотвѣтствующаго вѣка, начиная съ половины XI в. и кончая нашимъ временемъ.

XI-ый вѣкъ.

Число датированныхъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ данному столѣтію, очень ограничено, не болѣе семи; кромѣ того къ этому же столѣтію относятъ нѣсколько памятниковъ, не имѣющихъ даты. Важнѣйшими памятниками являются слѣдующіе: Остромирово Евангеліе (1056—1057 г.), Минеи (1095, 1096 и 1097 г.), два Сборника Святослава (1073 и 1076 г.) и нѣк. др. [1]) По мѣсту своего происхожденія первые два изъ названныхъ памятниковъ писаны въ Новгородѣ, а послѣдніе, т. е. оба Сборника Святославовы — въ Кіевѣ. Въ зависимости отъ этого указанныя двѣ группы памятниковъ кромѣ общерусскихъ чертъ содержатъ и нѣкоторыя такія, которыя отражаютъ діалектическія особенности соотвѣтствующихъ нарѣчій того времени. Конечно, этимъ не огра-

[1]) Изъ этихъ памятниковъ Остромирово Евангеліе хранится нынѣ въ Императ. Публичн. Библ. въ С.-Петербургѣ, такъ же какъ и Сборникъ 1076 г., Минеи — въ библіотекѣ Синодальной Типографіи (въ Типографск. Библ.) въ Москвѣ, а Сборникъ 1073 г.—въ Москвѣ въ Синодальной Библ.

ничивалось діалектическое разнообразіе русскаго языка XI-го вѣка, но изслѣдователь лишенъ возможности говорить о другихъ нарѣчіяхъ даннаго вѣка по отсутствію для нихъ письменныхъ памятниковъ. Въ своемъ изложеніи мы остановимся сначала на чертахъ общерусскихъ, а затѣмъ отмѣтимъ и черты діалектическія.

Указывая общерусскія языковыя черты, свойственныя XI-ому вѣку, мы должны оговориться, что намъ снова придется останавливаться на нѣкоторыхъ уже разсмотрѣнныхъ явленіяхъ, которыя отъ временъ прарусскаго языка сохранились до изучаемаго времени, отразившись въ письменныхъ памятникахъ этого вѣка. Кромѣ этихъ явленій, для которыхъ мы можемъ ограничиться иногда простымъ приведеніемъ примѣровъ, намъ придется отмѣтить и такія явленія, которыя возникли позже, такъ какъ время XI-го вѣка не непосредственно примыкаетъ къ прарусской эпохѣ, но отдѣлено отъ послѣдней нѣкоторымъ періодомъ, отъ котораго мы не имѣемъ письменныхъ памятниковъ и въ теченіе котораго происходило разселеніе и діалектическое дробленіе русской вѣтви славянства. [1]) Эти послѣднія явленія мы разсмотримъ уже съ большей обстоятельностью и постараемся разъяснить способъ ихъ происхож-

---

[1]) Срв. статью А. А. Шахматова Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (Ж. М. Н. Пр. 1899 г., апр.), гдѣ авторъ старается раскрыть соотношеніе между племенами начальной лѣтописи и современными нарѣчіями и говорами русскаго языка. Эти же вопросы, главнымъ образомъ въ отношеніи малорусскаго языка, еще раньше обсуждались въ статьѣ К. П. Михальчука Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины (см. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Импер. русскимъ геогр. общ., т. VII—2, 1877 г., стр. 453 сл.). См. далѣе статью Д. Ушакова—Нарѣчія русскаго языка и русскія народности (въ Книгѣ для чтенія по русской исторіи, ред. проф. Довнаръ-Запольскаго, т. I, 1904 г., стр. 153—176). Небольшая статья В. А. Городцова Древнее населеніе Рязанской области (Изв. Акад. Наукъ, XIII—4, 1909 г.) живо и наглядно рисуетъ, какъ тѣ же вопросы могутъ получать освѣщеніе на основаніи археологическихъ раскопокъ.

денія. Въ общемъ итогѣ русскій языкъ XI-го вѣка характеризуется слѣдующими чертами фонетическими и морфологическо-синтаксическими, по-скольку онѣ отражаются въ памятникахъ этого вѣка: 1) *ж* и *ч* (въ соотвѣтствіи съ ст.-слав. жд и шт, изъ праслав. *dj и *tj); 2) звуки чистыхъ гласныхъ вмѣсто носовыхъ; 3) полногласіе, 4) сложившееся уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ; 5) случаи *ё* изъ *е*; 6) существованіе мягкихъ губныхъ и передне-язычныхъ, а также вѣроятно уже съ нѣкоторой мягкостью и задне-язычныхъ; 7) частичное смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ въ склоненіи существительныхъ подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи, а также фонетическихъ измѣненій; 8) склоненіе простыхъ прилагательныхъ по всѣмъ падежамъ; существованіе въ сложномъ склоненіи длинныхъ окончаній и начало вліянія на него мѣстоименнаго склоненія; 9) существованіе разнообразныхъ типовъ образованія прошедшихъ временъ и прич. наст. дѣйств. на *-а, -аи*. Перейдемъ теперь къ частному разсмотрѣнію указанныхъ явленій. [1])

1) Примѣры *ж* и *ч*, ошибочно поставленныхъ на мѣстѣ старо-славянскихъ жд и шт: заблѫ*ж*ъшихъ, пр*ѣж*е, ро*ж*еныи, прихо*ж*ѫ (Остр. Ев.), зи*ж*ѫштеи, клеве*ч*ѫть, трепе*ч*уште (Изб. 1073), невѣ*ж*а (Мин. 1095) и др.

2) Примѣры начертаній чистыхъ гласныхъ на мѣстѣ

---

[1]) Приводя примѣры, мы опускаемъ надстрочные значки, ставившіеся въ извѣстныхъ случаяхъ надъ буквами, удерживая ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на нихъ опирается какой-нибудь фонетическій выводъ, а также для большей простоты вмѣсто буквы ѫ будемъ писать *я*, вм. оу—*у*, такъ какъ подобныя детали письма относятся къ палеографіи. Для изученія древне-русской письменности съ этой послѣдней стороны укажемъ слѣдующіе труды: Срезневскій И. И. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. С.-Пб. 1885; Соболевскій А. И. Славяно-русская палеографія (лекціи), съ 20 палеографическими таблицами. С.-Пб. 1908²; Карскій Е. Ѳ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Варшав. Ун-тѣ. Варшава 1901.

знаковъ носовыхъ гласныхъ и обратно: бо*ю*сѧ || божѧ, ѧзыкъ || ꙗзыкъ (Остр. Ев.), бѧше (Изб. 1073), крьштѧти сѧ (Сб. 1076), дьѧволъ (Мин. 1095) и т. п.

3) Примѣры словъ съ первымъ полногласіемъ вмѣсто ст.-сл. перестановки: во*ло*димира, новѣг*ород*ѣ, *пере*гнѧвъ (Остр. Ев.), по*лон*ъ „плѣнъ“, по*лон*ьникъ (Изб. 1073), законъ х*оро*нити „хранить“, добро*но*ровие, в*ере*дихъ „вредилъ“ (Сб. 1076) и т. д.

4) Примѣры, доказывающіе, что старо-славянскимъ ъ и ь уже въ XI вѣкѣ соотвѣтствовали въ русскомъ языкѣ въ однихъ условіяхъ (болѣе сильныхъ)—гласные типа *о* и *е*, а въ другихъ (болѣе слабыхъ)—отсутствіе гласнаго: а) ст.-сл. „смоковьница“ встрѣчается въ Остр. Ев. также и съ буквою *о*—смоковьница; тамъ же окончаніе Тв. ед. въ склоненіи типа „рабъ“ встрѣчается въ видѣ -ъмь || -*о*мь; подобнымъ образомъ находимъ чередованіе окончаній -ьмь || -*е*мь (именьмь || именемь), -ъхъ || -*е*хъ (ꙗслъхъ || ꙗслехъ) и т. п.; б) вм. обычнаго „кънигы“ въ Остр. Ев. встрѣчаемъ также книгы (тоже въ послѣсл. къ Изб. 1073—книгамъ) или вм. „сътвори“—створи [1]) и, наоборотъ, вм. обычнаго „ꙗгда“ одинъ разъ встрѣчается написаніе ꙗгъда, т. е. съ лишнимъ ъ, доказывающее, что въ этомъ положеніи ъ уже не имѣлъ звуковаго значенія, а являлся лишь показателемъ твердости предшествующаго согласнаго и игралъ слогоотдѣлительную роль; такія написанія, какъ всакъ вм. „вьсакъ“ (т. е. всякій), доказываютъ, что на мѣстѣ прежняго слабаго ъ уже не произносился гласный, самое же начертаніе ъ обозначало лишь мягкость согласнаго. [2])

---

[1]) Срв. еще въ Изб. 1076 г.: не въздати зъла за зло.

[2]) Иногда на мѣстѣ пропущенныхъ начертаній ъ и ь ставился надстрочный значекъ ʿ или ʾ надъ буквой предшествующаго согласнаго. Относительно употребленія этихъ значковъ въ Остром. Ев. А. Х. Востоковъ замѣчаетъ: «въ первой половинѣ Остромирова Евангелія употреблена ка-

Присоединимъ еще примѣры отраженія памятниками изучаемаго вѣка т. наз. „втораго“ полногласія, подтверждающіе вмѣстѣ съ тѣмъ высказанное соображеніе о рефлексахъ ъ и ь въ русскомъ языкѣ XI в.; такъ, въ Остр. Ев. при ст.-слав. формѣ „влъкъ“ встрѣчается также вълкъ, или при „връху“— полногласная форма вьрьхѫ (ѫ вм. у), чередующаяся съ написаніемъ вьрху и просто вьрха; [1]) отсюда мы видимъ, что и въ случаяхъ втораго полногласія вторые ъ и ь уже не произносились, хотя въ нѣкоторыхъ группахъ согласныхъ иногда и могъ слышаться мимолетный переходный гласный, какъ иногда случается и въ современномъ языкѣ въ качествѣ индивидуальной особенности; что же касается первыхъ ъ и ь, то на мѣстѣ ихъ—надо думать—произносились уже *о* и *е* (срв. написаніе жестосерьдьимъ Д. мн., въ Мин. 1095 г.). Исчезновеніе ъ и ь повело къ тому, что въ языкѣ снова появились закрытые слоги, которые заканчивались тогда какъ глухими, такъ и звонкими согласными. Послѣдніе со временемъ, находясь въ концѣ слова или внутри передъ глухими согласными, приглушаются, но не слѣдуетъ думать, что это приглушеніе наступило непосредственно вслѣдъ за исчезновеніемъ ъ и ь, ибо діалектически (въ малорусскомъ) звонкость ихъ сохраняется даже до настоящаго времени. Что касается согласнаго *в*, то онъ вмѣсто приглушенія подвергался діалектически измѣненію въ полугласный *w* (ў), о чемъ быть можетъ свидѣтельствуютъ такіе случаи въ Изб. 1073 г., какъ *у*селʼенную „вселенную“ (л. 9ᵇ) рядомъ съ написаніемъ *в̆* вм. *у*,

---

вычка ʿ вмѣсто ъра: испълʿнєнѫ, а кавычка ʾ вмѣсто ьря: вʾсакъ, также вм. ѣ, т. е. і слитнаго: еʾмлʾете. Но во второй половинѣ сего Евангелія не встрѣчается уже такого различія между ʿ и ʾ, а употребляется первый знакъ и вмѣсто ьря или ѣ, напр. блгословлʿени». (Грамматика Церковно-Славянскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ, 1863, стр. 5—6).

[1]) Примѣровъ этого рода написаній довольно много какъ въ Остром. Ев., такъ и въ прочихъ памятникахъ XI в.

напр. „и *в*ѣгодьно будеть богу“ (35*б*); [1]) въ тѣхъ же діалектахъ, гдѣ такого измѣненія *в* въ полугласный не было, приглушеніе этого согласнаго, какъ и другихъ звонкихъ согласныхъ, послѣдовало позже.

5) Въ XI вѣкѣ уже существовали въ языкѣ мягкіе согласные передне-язычные и губные. Доказательствомъ существованія указанныхъ смягченныхъ согласныхъ въ разсматриваемую эпоху служатъ такіе примѣры, какъ и*дяше*, ж*ивя*ше, и*мяше* (Остр. Ев.), *бяше* (Изб. 1073 г.) и т. п. Эти написанія свидѣтельствуютъ о существованіи въ это время въ русскомъ языкѣ мягкихъ *д*, *в*, *м* и пр. Единственнымъ же источникомъ для возникновенія мягкости этихъ согласныхъ, какъ мы знаемъ, могли быть лишь смягчающіе гласные, въ томъ числѣ ь. Поэтому въ памятникахъ даннаго столѣтія сѣверныхъ, отчасти и южныхъ, встрѣчаемъ также случаи написанія буквы ѥ вм. *е* послѣ начертаній согласныхъ звуковъ, напр. достанѥть (Остром. Ев.), камѥни (Мин. 1095 г.). умножитѥ (Изб. 1073 г.) и т. п. Въ Изборникѣ 1073 г. кромѣ того мягкость согласнаго отмѣчается иногда особо передъ *ъ*, напр. прогн'ъвахомъ (Изб. 1073 г., л. 80*в*), гн'ъва'етьсѧ (ib. 69*б*).

Что касается задне-язычныхъ согласныхъ, то есть основаніе думать, что въ XI в. діалектически начинаютъ появляться случаи нѣкоторой мягкости задне-язычныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ *кы*, *гы*, *хы*, въ которыхъ одновременно съ измѣненіемъ *ы* въ сторону *і* соотвѣтственно перемѣщалась впередъ и артикуляція указанныхъ согласныхъ; правда, примѣры, подтверждающіе это явленіе, относятся къ области заимствованныхъ словъ (таковы напр.—с*кы*нія Остр., с*кы*птръ

---

[1]) Отмѣтимъ однако написаніе оуселенѣмъ (В. ед.) также въ *Мар. Ев.* (Лук. II, 1), т. е. старо-славянскомъ памятникѣ не-русской редакціи; второе же слово съ начальнымъ *v* встрѣчается еще въ чешскомъ (*v*hodný). Въ обоихъ случаяхъ можно видѣть чередованіе префиксовъ *въ* и *у*.

Мин. 1097), но тѣмъ не менѣе смягченное *к* уже существовало въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ, ибо оно уже появляется на мѣстѣ *ц* въ формѣ Д. Предл. ед. склоненія на *-а*, напр. дѣмъкѣ вм. *дѣмъцѣ (собственное имя) въ Мин. 1096 г. [1]) Необходимо еще отмѣтить присутствіе формъ Д. и Предл. ед. съ окончаніемъ *-кѣ* вм. *-цѣ* отъ прилагательныхъ на *-скъ* въ Изборн. 1073 г.: противу золобѣ женьскѣ (л. 174[г]), въ чл҃чскѣи души (132[б]).

6) Въ разсматриваемомъ столѣтіи на мѣстѣ основнорусскаго *е* при нѣкоторыхъ условіяхъ уже произносился гласный болѣе или менѣе близкій къ *о*, о чемъ подробнѣе излагалось раньше (стр. 402 сл.); кромѣ приведенныхъ тамъ примѣровъ укажемъ василиѡво (Изб. 1073, л. 124[а]) || василево (ib. 125[б]). Первое написаніе встрѣчается только разъ и является ошибочнымъ противъ старо-славянской орѳографіи, очевидно отражая собою произношеніе писавшаго. Въ написаніи того же памятника человѣкомъ (153[б]) буква *е* послѣ шипящаго выражала гласный *'о*; впрочемъ въ памятникѣ встрѣчается и написаніе чоловѣка (179[г]); такое же произношеніе слѣдуетъ приписать и написанію *че* въ словѣ врачевъ, Р. мн. (ib. 48[г]).

7) Смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ склоненія существительныхъ, начавшееся, какъ мы видѣли (стр. 391), еще въ славянскомъ праязыкѣ, къ половинѣ XI в. достигло въ русскомъ языкѣ болѣе значительной степени. Такъ, типы „рабъ“ и „сынъ“ кромѣ И. В. ед. смѣшиваются еще и въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ вслѣдствіе дальнѣйшаго распространенія окончаній втораго типа на первый; сюда относятся падежи Р. ед. и мн.; такъ, въ Изб. 1073 г. (л. 218[г]) читаемъ вмѣсто „отъ льна“—„отъ льну“ [1]), вмѣсто „плодъ“

---

[1]) Именно—въ записи: сѧтаѧ бце помагаи рабу своему дѣмъкѣ на мъногa лѣта аминъ.

[2]) Іепископовъ же омофоръ же· отъ влъны сн· а не *отъ льну* овчинную кожу назнаменуѣть.

или „трудъ“—„плодовъ“ и „трудовъ“ (84б), также—„чаровъ“ вм. чаръ (78г), „грѣховъ“ (69б) при параллельной формѣ „грѣхъ“ (48б); [1]) въ мягкомъ склоненіи аналогичное окончаніе пишется черезъ -евъ, напр. „врачевъ“, (л. 48г) (окончанія -у и -овъ || -евъ перенесены изъ втораго типа). [2]) Съ другой стороны и во второмъ типѣ встрѣчаемъ въ тѣхъ же падежахъ окончанія перваго типа, напр. въ Остром. Ев.—Р. ед. „врьха“ наряду съ „до врьху“ (слово это первоначально принадлежало къ склоненію основъ на -й-, срв. литов. viršùs); можно предположить, судя по современнымъ результатамъ, что уже тогда начала создаваться дифференціація окончаній -а и -у по особымъ оттѣнкамъ значенія и другимъ условіямъ употребленія, независимо отъ первоначальной принадлежности слова къ тому или другому склоненію. [3]) Кромѣ смѣшенія указанныхъ типовъ именъ существительныхъ муж. рода мы встрѣчаемъ смѣшеніе и въ именахъ существительныхъ ср. р. между типами „тѣло“ (основа содержала суффиксальный слогъ -ес-) и „лѣто“ (безъ такого слога); срв. въ Изб. 1073 г., л. 246, гдѣ встрѣчаемъ формы: тѣлесе (Р. ед.), тѣлеса (И. В. мн.), тѣлесъ (Р. мн.) || тѣлу (Д. ед.), тѣлъмъ (Тв. ед.). Толчокъ къ такому смѣшенію далъ

---

[1]) По-видимому, окончаніе -овъ раньше всего появляется въ тѣхъ именахъ, въ которыхъ удареніе во мн. ч. падало на падежное окончаніе.

[2]) Въ Д. ед. «рабу» и т. п. окончаніе -у, вѣроятно, также заимствовано изъ втораго типа (см. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 1910², стр. 406—407) и притомъ, надо думать, раньше приведенныхъ случаевъ, такъ какъ уже совершенно вышла изъ употребленія первоначальная форма Д. ед. перваго типа. Кромѣ окончанія -у распространялось изъ того же источника и другое окончаніе -ови; такъ въ Остр. Ев. встрѣчается богу и богови (т. е. подобно формамъ—сыну и сынови).

[3]) Такъ, въ примѣрѣ «отъ льну» мы видимъ сочетаніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія, а затѣмъ присоединяются и другіе оттѣнки значенія и вообще другіе моменты; такъ, въ XIV в. мы уже встрѣчаемъ: со брегу, до тръгу, т. е. исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ, и т. п.

И. В. ед., совпавшій въ обоихъ типахъ уже въ слав. праязыкѣ. Что же касается склоненія существительныхъ жен. рода на *-я* (*-a*), то въ немъ также начинаютъ появляться случаи смѣшенія нѣкоторыхъ падежныхъ формъ съ другими типами. Прежде всего въ Род. ед. мягкаго склоненія рядомъ съ окончаніемъ *-я* || *-ѧ* появляются формы на *-и*, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ склоненія словъ того же рода на *-ь* (напр. дверь, кость), благодаря чему получалась гармонія съ соотвѣтствующимъ окончаніемъ (*-ы*) твердаго склоненія; срв. въ сѣв.-рус. Род. ед. Евфросини*і*, отроковичи*и* (Мин. 1095 г.). Такимъ образомъ въ женскомъ мягкомъ склоненіи получились три одинаковыя формы для падежей Р. Д. и Предл. ед., что̀ въ свою очередь вызывало потребность дифференцировать Род. падежъ отъ двухъ другихъ (болѣе родственныхъ между собою по смыслу); это и достигалось распространеніемъ въ этихъ послѣднихъ соотвѣтствующаго окончанія изъ твердаго склоненія, напр. въ пустын*ѣ* (Мин. 1096 г.).

Въ предшествующемъ мы отмѣтили случаи смѣшенія разныхъ типовъ склоненія; теперь же мы обратимся къ случаямъ примѣненія одной падежной формы въ двухъ разныхъ падежныхъ смыслахъ въ одномъ и томъ же типѣ. Сюда относится въ склоненіи типа „рабъ“ распространеніе формы Родит. ед. на Вин. ед. въ названіяхъ лицъ и вообще одушевленныхъ предметовъ, напр. „рабъ гн̄*а* своего славить“ (Изб. 1073 г., л. 28[г]). Изъ этого же примѣра легко видѣть, что замѣна прежняго Вин. ед. (сходнаго съ Имен. ед.) другимъ падежомъ была вызвана необходимостью, при свободѣ словорасположенія, внѣшнимъ образомъ отличить объектъ дѣйствія отъ субъекта, что̀ конечно чаще всего требовалось при названіяхъ одушевленныхъ предметовъ. Въ женскомъ родѣ подобной перемѣны не требовалось, такъ какъ соотвѣтствующіе падежи уже отличались по своей формѣ; что же касается названій неодушевленныхъ предметовъ муж. рода и названій

средняго рода, то они чаще выступали въ роли объектовъ дѣйствія, а потому здѣсь и не было достаточнаго повода къ новообразованіямъ. Теперь мы должны уяснить себѣ, почему языкъ воспользовался для указанной дифференціаціи И. В. ед. муж. именно формою Род. ед. Толчокъ къ такому преобразованію могъ идти отъ случаевъ, когда при дѣйствительномъ глаголѣ стояло отрицаніе и названіе объекта ставилось уже въ Род. падежѣ; срв. въ Остром. Ев. (Io. IV, 16—17) выраженія: призови мѫжъ твои (Вин. ед.) || не имамъ мѫжа (Род. ед.). Разсматриваемой замѣнѣ могло благопріятствовать также сходство формы В. съ Род. въ вопросительномъ мѣстоименіи („кого?“), такъ какъ одинаковость въ вопросѣ легко вызывала одинаковость и въ отвѣтѣ. [1])

Намъ осталось указать еще на замѣну окончанія ѧ въ мягкомъ склоненіи не только черезъ *-я* (*-a*), но еще и черезъ *-ѣ*, а именно въ падежахъ Р. ед. и И. В. мн. женскаго рода и В. мн. муж., напр. въ Остр. Ев.: великыя недѣлѣ (Р. ед.), потъ ѥго яко капли кръви (И. мн.); Изб. 1073 г.: отъ троицѣ (при болѣе частомъ—„отъ троица“) л. 8², и др.

8) Прилагательныя (а также причастія) простыя въ XI в. склонялись еще по всѣмъ падежамъ подобно существительнымъ, напр.: на мъногѣ лѣта (Мин. 1096, л. 127, приписка), мъногамъ душамъ (Остром. Ев., запись) и т. п. Что касается сложныхъ прилагательныхъ (и причастій), то они встрѣчаются въ памятникахъ XI в. въ двоякой формѣ—съ повтореніемъ гласнаго (того же или однороднаго) передъ конечнымъ слогомъ и безъ такого повторенія, напр. обидимаго, сирууму (Изб. 1073, л. 27б), ближьнюуму (80в), храняштиимъ (85б), различьныихъ и т. д. || съмрьтьнаго (132²), супротивьныхъ (126²) и пр. [2])

---

[1]) Срв. Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik, II (1908), стр. 339.

[2]) Въ былинной поэзіи, а также, какъ мы видѣли (стр. 337), въ нѣкоторыхъ сѣв.-влр. народныхъ говорахъ сохранились образованія съ *-ыи-* и

Примѣчаніе. Нѣкоторые изслѣдователи окончанія *-аго* и *-уму* выводятъ фонетически изъ *-аего* и *-уему*, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ памятникахъ. Однако мы не находимъ тѣхъ общихъ фонетическихъ законовъ, къ которымъ можно было бы свести такое звуковое измѣненіе. Не считая это преобразованіе фонетическимъ, мы его объясняемъ приноровленіемъ къ формамъ съ *-и-*, гдѣ уже имѣлось повтореніе одного и того же гласнаго. Что касается окончаній мягкаго склоненія *-яго*, *-юму*, то они при нашемъ толкованіи не представляютъ затрудненія, такъ какъ гласные *'а* и *'у* (т. е. съ мягкой экскурсіей) при повтореніи или, точнѣе, продленіи могли дать лишь гласные *а* и *у* (уже безъ мягкой экскурсіи).

Рядомъ съ приведенными образованіями имѣются такія, которыя обязаны вліянію мѣстоименнаго склоненія. Сюда относятся окончанія Дат. ед. муж. и ср. на *-ому* и *-ему*, встрѣчающіяся уже въ памятникахъ XI в., напр. благовѣрьно*му*, ближьне*му* (Изб. 1073) и др., по образцу мѣстоименныхъ формъ то*му*, *ему* и др. Формы Р. ед. съ окончаніями *-ого* и *-его* извѣстны за данное время лишь въ мѣстоименныхъ образованіяхъ, напр. въ Изб. 1073 г.—оно*го*, всяко*го*, нѣко*го*, еди*ного* и пр. Кромѣ того въ И. ед. муж. рода первичное окончаніе *-ы* [1]) (|| -ы) замѣнялось черезъ *-ои* подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы притяжательныхъ мѣстоименій и въ гармоніи съ окончаніями *-ому* и *-ого*, срв. Мин. 1095—бл҃го*и* чл҃колюбьче. [2])

-ии-; срв. въ былинѣ о Святогорѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины, 1873 г., стр. 6):

На тыхъ горахъ высоки*ихъ*
На той на Святой Горы,
Былъ богáтырь чюдны*и*...

[1]) Мы признали первичнымъ окончаніе *-ы*, такъ какъ только оно могло произойти изъ **ъ+і*; къ этому окончанію восходятъ и соотвѣтствующіе рефлексы въ современныхъ славянскихъ языкахъ, а также отчасти въ русскомъ (именно въ бѣлорусскомъ нарѣчіи); это окончаніе встрѣчается и въ памятникахъ XI в., напр. въ Остром. Еванг. с т҃ы (въ записи), Мин. 1095 г. ч ѣ с т ь н ы к р҃ст҃ъ, Изб. 1073 г. ч и с т ы (*л.* 84[а]) и др. Что же касается окончанія *-ыи*, то оно представляетъ собою подновленіе ради гармоніи по виду и числу слоговъ съ другими сложными падежными формами прилагательныхъ.

[2]) Присутствіе окончанія *-ои* (И. Зв. ед. прилагат.) въ памятникѣ новгородскомъ гармонируетъ съ данными современной діалектологіи; на

9) Въ области глагола въ памятникахъ русскаго языка XI в. тѣ же временныя образованія, какъ и въ старо-славянскомъ, т. е. настоящее время, имперфектъ (прош. несоверш. съ аористическимъ окончаніемъ), перфектъ (сложное образованіе для передачи такого прошедшаго, результаты котораго еще налицо), аористъ (прош. совершенное историческое) и будущее (несовершеннаго и совершеннаго вида). Однако мы замѣчаемъ и нѣкоторыя отличія въ этихъ образованіяхъ, зависѣвшія отъ особенностей русскаго языка. Такъ, въ *имперфектѣ* вмѣсто старо-славянскаго сочетанія *-ѣа-* передъ окончаніями (напр. идѣше 3 ед.) нерѣдко встрѣчаемъ написанія съ *-яа-*, напр. идяаше, Остром. Ев.; кромѣ этихъ протяженныхъ формъ существуютъ еще простыя съ однимъ *-ѣ-* (напр. идѣше), которымъ въ русскомъ произношеніи вѣроятно соотвѣтствовали образованія съ гласнымъ *-ъа-*, напр. идяше, каковыя написанія и встрѣчаемъ впослѣдствіи въ качествѣ господствующихъ. Что касается сложнаго прошедшаго съ значеніемъ *перфекта* (напр. неслъ ѥсмь и т. п.), то въ немъ глаголъ „быть“ начинаетъ уже опускаться, срв. въ написи на Тмутораканскомъ камнѣ: „Глѣбъ князь мѣрилъ“ (вм. мѣрилъ ѥсть). При этомъ причастныя формы на *-лъ*, исключительно примѣнявшіяся въ сложныхъ временахъ, удерживали еще это окончаніе и тамъ, гдѣ теперь оно оказывается уже утраченнымъ, срв. въ Изб. 1073 г.: погреблъ, въздраслъ (л. 69б), умьр'лъ (36а) и т. п. Изъ причастныхъ формъ, употреблявшихся самостоятельно, а не для образованія временъ, отмѣтимъ причастія наст. и прош. времени дѣйств. залога, которыя, совпадая своими сложными формами (напр. текыи —прич. наст. и прош.), потребовали различенія; благодаря этому мы встрѣчаемъ въ XI в. причастныя формы *наст. времени* типа „текаи“ (Изб. 1073 г., л. 247а), по образцу

томъ же основаніи мы не ожидаемъ этого окончанія въ памятникахъ южнорусскихъ (срв. выше стр. 321, пунктъ 10-ый).

которыхъ и соотвѣтствующія простыя формы смѣнили свое *-ы* на *-а* (тека вм. теκы); эти замѣны произошли по аналогіи къ существовавшимъ въ языкѣ первичнымъ формамъ того же причастія во второмъ спряженіи, изъ которыхъ сложныя оканчивались на *-яи* (т. е. -'аи), а краткія на *-я* (т. е. -'а).

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ относительно діалектическихъ чертъ, выступающихъ въ памятникахъ XI в. Къ такимъ чертамъ въ новгородскихъ памятникахъ нужно отнести взаимную мѣну *ц* и *ч* (срв. выше стр. 329); [1]) такъ, въ Минеѣ 1095 г. встрѣчаемъ—*ц* вм. *ч*: наставьни*ц*е (вм. -че, Зват. ед.), слн*ц*ьныя (В. мн. муж.), четвероконьи*ц*ьнии и пр.; *ч* вм. *ц*: ручѣ (двойств. число), коньчи (И. мн.), прочьвте и др.; само собою понятно, что эти орѳографическія погрѣшности встрѣчаются рядомъ съ правильными написаніями. Другою чертою сѣверно-русскихъ новгородскихъ памятниковъ XI в. служитъ встрѣчающаяся въ нихъ замѣна 'аС' черезъ *е* или *ѣ* (срв. стр. 328), напр.: въ Минеѣ 1095 г.—въждедая, суграженинъ; въ Минеѣ 1097 г.—дивѣщеся; въ Путятиной Минеѣ XI в.—болѣщиимъ). [2]) Въ аналогичныхъ условіяхъ *ѣ* замѣняется иногда черезъ *и*, напр. въ Минеѣ 1096 г.: лицемирьствовавъ, тьрьпинию, претьрьпилъ єси, невидѣния. [3])

---

[1]) Остромирово Ев. не знаетъ такого смѣшенія; это объясняютъ грамотностью и тщательностью работы списывавшаго, а г. Волковъ высказалъ предположеніе о не-новгородскомъ происхожденіи писца, представивъ рядъ доказательствъ: единственный примѣръ смѣшенія *ц* и *ч*—се коньчь написанъ по подскобленному; древнѣйшія новгородскія рукописи писаны менѣе крупнымъ и менѣе четкимъ уставнымъ почеркомъ (срв. напр. неискусный мелкій почеркъ новгородскихъ Миней 1095—1097 гг.); самая письменность въ Новгородѣ началась нѣсколько позже Кіева, вслѣдствіе чего послѣдній доставлялъ ему вначалѣ нужныя книги (см. Ж. М. Н. Пр. 1897 г., дек., стр. 443—446).

[2]) Соболевскій А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] стр. 88.

[3]) Тамъ же стр. 35.

Что касается діалекта Изборниковъ Святослава, то уже Буслаевъ видѣлъ въ нихъ памятники южно-русскаго языка на основаніи чертъ, которыя онъ признавалъ за малорусскія; таковыми онъ считалъ случаи замѣны *ѣ* черезъ *и* и частое отсутствіе окончанія *-тъ* въ 3 ед. наст., напр. въ Изб. 1073 г., л. 153²—пламени*и*є („пламенѣетъ, пылаетъ“) вм. пламенѣ*ѥ*тъ. [1]) Однако такая характеристика діалекта Изборниковъ Святослава не раздѣляется всѣми изслѣдователями; нѣкоторые видятъ въ діалектѣ названныхъ памятниковъ предка великорусскаго юга, при чемъ полагаютъ, что малорусское нарѣчіе въ кіевскомъ краѣ утвердилось лишь позднѣе, проникнувъ сюда съ юго-запада. [2]) Къ сожалѣнію Изборники Святослава пока еще не изучены съ исчерпывающею полнотою и данныя этихъ памятниковъ еще не сопоставлены съ фактами старо-славянскаго языка, а также другихъ славянскихъ; при такой постановкѣ изслѣдованія, случаи въ родѣ указанныхъ выше—*усел'ену*ю, *вѣ*годьно потребуютъ болѣе тщательнаго обсужденія; точно также написанія к о р*и* с т ь (Изб. 1073, л. 49б, 84²), к о р*и* с т и (ib. 84²) не будутъ считаться внѣ такого обслѣдованія за несомнѣнные малоруссизмы, такъ какъ именно это слово въ такомъ видѣ встрѣчается и въ Маріин. Ев.

Заканчивая обзоръ явленій русскаго языка за древнѣйшую историческую эпоху, т. е. за вторую половину XI в., мы оговоримся, что остановились на ней съ особенною подробностью въ виду того, что она представляетъ какъ бы

---

[1]) См. Б у с л а е в ъ Историч. Христом. (1861)—примѣчанія на стр. 278, 280. Однако формы наст. вр. безъ *-тъ* извѣстны и старо-славянскимъ памятникамъ; срв. также въ записи Остром. Ев.—н а п и ш е, въ записи Минеи 1095 г.—о б р я щ е. Что касается *ѣ*, то изрѣдка это начертаніе въ Изб. 1073 г. замѣнено черезъ *е*, напр. в е р у м, р у ц е и др.

[2]) Рѣшительнымъ защитникомъ перваго взгляда выступилъ А. Е. К р ы м с к і й въ своей статьѣ «Древне-кіевскій говоръ» (Изв. Акад. Наукъ 1906 г., т. XI, № 3, стр. 368—411); представителемъ втораго взгляда является акад. А. И. С о б о л е в с к і й.

исходную базу для изложенія дальнѣйшаго историческаго развитія русскаго языка; при обзорѣ послѣдующихъ вѣковъ мы будемъ уже болѣе кратки, ограничиваясь указаніемъ на появленіе новыхъ чертъ въ памятникахъ или же утрату прежнихъ, при чемъ будемъ приводить лишь древнѣйшіе примѣры. [1])

XII-ый вѣкъ.

Къ памятникамъ этого вѣка, кромѣ книгъ церковныхъ и назидательныхъ (Мстиславово Ев. около 1115 г., Галицкое Ев. 1144, Добрилово Ев. 1164 г., два новгородскихъ стихираря 1157 г. и около 1163 г.; также къ XII или XIII в. по соображеніямъ палеографическимъ въ связи съ языковыми данными относятъ Житіе Ѳеодосія Печерскаго, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ и нѣк. др.), принадлежатъ двѣ грамоты: кіевская—великаго князя Мстислава Владиміровича, 1130 г., и новгородская — преп. Варлаама Хутынскаго, отъ конца этого вѣка, наконецъ нѣсколько надписей, напр. на чарѣ кн. Владиміра Давыдовича до 1151 г., на крестѣ св. Ефросиніи Полоцкой 1161 г. и др.

Русскій языкъ за данное столѣтіе сохраняетъ особенности языка второй половины предшествующаго столѣтія, представляя при этомъ лишь весьма немного новыхъ чертъ; за то въ немъ появляются новые памятники—галицко-волын-

---

[1]) Мы считаемъ себя въ правѣ это сдѣлать въ своемъ Общемъ курсѣ, тѣмъ болѣе, что бо̀льшія подробности читатель найдетъ въ цитировавшихся уже нами Лекціяхъ по исторіи русскаго языка акад. А. И. Соболевскаго; такъ какъ названный трудъ долженъ быть настольною книгой каждаго занимающагося исторіей русскаго языка, то мы считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на общій планъ этого труда. Въ немъ изложеніе расположено въ порядкѣ грамматическихъ категорій—фонетическихъ и морфологическихъ, при чемъ для каждой категоріи указываются примѣры не только первыхъ случаевъ появленія извѣстныхъ написаній и формъ, но также и за послѣдующія столѣтія (кромѣ того авторъ попутно указываетъ нерѣдко параллели изъ діалектологіи современнаго русскаго языка).

скіе, обнаруживающіе въ себѣ ясные признаки южнорусскаго (впослѣдствіи—малорусскаго) типа. Остановимся сначала на первыхъ и преимущественно на грамотахъ, а затѣмъ уже обратимся къ памятникамъ галицко-волынскимъ.

Грамоты и другіе памятники разсматриваемаго времени, соотвѣтствуя въ общемъ по языку предшествующему столѣтію, тѣмъ самымъ подтверждаютъ и сдѣланные нами выводы. Такъ, напр., въ области *фонетики* мы встрѣчаемъ уже болѣе частые случаи *е* и *о* въ извѣстныхъ условіяхъ на мѣстѣ *ъ* и *ѣ* (противенъ—Грам. Мстисл.; за Волховомъ—Вклад. Варл.) и пропускъ послѣднихъ въ другихъ условіяхъ (кто, всеволоду—Грам. Мстисл.; кто, злыми, все—Вклад. Варл.). [1]) Въ области *морфологіи* отмѣтимъ: въ мягкомъ женскомъ склоненіи продолжаютъ встрѣчаться случаи окончанія *-и* вм. *-я* или *-ѣ* (ст.-сл. *-ѧ*), напр. ѳросиньи Р. ед. (надп. на крестѣ), а въ Д. Предл. ед. *-ѣ* вм. *-и* въ томъ же склоненіи; въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ встрѣчается случай мѣстоименнаго окончанія *-ого* въ Р. ед.: великого (надп. на чарѣ); въ глаголахъ сложное прошедшее, служившее для передачи перфекта, попадается безъ вспомогательнаго глагола не только въ 3-емъ лицѣ, но и въ 1-омъ (конечно съ личнымъ мѣстоименіемъ, которое при сохраненіи сложной формы глагола мо-

---

[1]) Такое опущеніе, встрѣчающееся—какъ мы видѣли—въ XI в., обусловливалось утратою въ произношеніи соотвѣтствующихъ слабыхъ гласныхъ, хотя чаще начертанія ихъ по традиціи еще продолжали писаться. При этомъ оказывается, что нарушенія традиціи встрѣчаются преимущественно въ корняхъ, тогда какъ извѣстные суффиксы въ эту эпоху прочно удерживаютъ традиціонныя написанія вслѣдствіе частаго своего употребленія. Такъ, въ тѣхъ же памятникахъ выдерживаются суффиксальныя начертанія *-ѣн-*, *-ѣск-*, *-ѣк-*, напр. во Вкл. Варл.—рыбѣная, хутиньскую, дѣвѣка. Доказательствомъ же утраты слабаго *ъ* и *ѣ* служатъ случаи аккомодаціи согласныхъ, прежде раздѣлявшихся такимъ гласнымъ, напр. *што* (Добрил. Ев. 1164 г.) ← что ← чьто.

жетъ опускаться), срв. въ Грам. Мстисл.: язъ далъ [1]) || далъ єсмь. Кромѣ того въ памятникахъ XII в. продолжаютъ употребляться также и аористическія образованія прош. времени хотя въ грамотахъ они не встрѣчаются. Отсюда нѣкоторые ученые [2]) выводятъ, что эти формы въ данную эпоху уже или не существовали въ живой рѣчи, или же стали рѣдкими. Намъ кажется однако, что отсутствіе или же рѣдкость примѣненія аористическихъ образованій въ грамотахъ обусловливались самымъ смысломъ текста грамотъ, требовавшимъ употребленія перфекта, а не имперфекта или аориста. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что лѣтопись Нестора, дошедшая до насъ въ спискахъ не ранѣе конца XIV в., тѣмъ не менѣе изобилуетъ еще всѣми упомянутыми глагольными формами.

Переходимъ теперь къ галицко-волынскимъ памятникамъ XII в. и отмѣтимъ діалектическія особенности ихъ по сравненію съ прежде разсмотрѣнными памятниками. Къ этимъ особенностямъ принадлежитъ прежде всего нерѣдкое написаніе *ѣ* на мѣстѣ основно-русскаго *е* передъ мягкими согласными во вторично-закрытыхъ слогахъ. [3]) Такъ, въ *Добриловомъ Евангеліи* (1164 г.) [4]) на мѣстѣ этимологическаго *е* ино-

---

[1]) Данный примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ случай перваго появленія формы *язъ* (=ст.-сл. *азъ*), откуда съ утратою конечнаго *з* получилось *я*, вѣроятно сначала въ случаяхъ, когда слѣдующее слово начиналось тѣмъ же согласнымъ (въ такихъ выраженіяхъ, какъ «язъ забылъ» и т. п.), а затѣмъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

[2]) Срв. Колосовъ М. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе (1872) стр. 84; Будде Е. Ѳ. въ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка, стр. 177, допускаетъ существованіе формъ аориста, но не имперфекта, который, по его мнѣнію, можетъ быть даже и вовсе не былъ извѣстенъ въ историческое время. Кудрявскій Д. Н. Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣтописи (Изв. отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, 1909, XIV, 2).

[3]) О происхожденіи этого явленія см. выше—сноску на стр. 405.

[4]) Хранится въ Москвѣ—въ Румянцевскомъ Музеѣ.

гда стоитъ *ѣ* въ такихъ случаяхъ, какъ напр. камѣные, корѣнья, камѣнь, пѣщь, шѣсть, о всѣмь, по южѣмь, будѣть, придѣть и пр. [1]) Кромѣ того галицко-волынскіе памятники представляютъ нѣсколько другихъ особенностей, каковы—случаи замѣны сочетанія *жд* черезъ *жч* (напр. „*ижч*енуть“, Галиц. Ев. 1144 г.), а также случаи постановки въ 3 ед. и мн. въ глаголахъ окончанія *-ти* вм. *-тъ* передъ мѣстоименіемъ *и*, т. е. „его“—В. ед. муж. [2]) (напр. „въдас*ти и*“—Жит. Бор. и Гл., „провожах*ути и*“—Жит. Ѳеод.).

Примѣчаніе. Академикъ И. В. Ягичъ въ своемъ трудѣ «Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» (1889), стр. 9—18, раздѣляетъ южнорусскіе памятники на два типа—собственно галицко-волынскіе или западные и кіевскіе—или восточные. Къ первымъ онъ относитъ памятники, имѣющіе не только *ѣ* вм. *е* въ извѣстныхъ условіяхъ, но также и другія только-что отмѣченныя особенности; ко вторымъ онъ причисляетъ памятники, въ которыхъ отсутствуютъ нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, благодаря чему южнорусскій восточный говоръ сближался съ центральнымъ великорусскимъ, какъ бы представляя собою естественный переходъ къ послѣднему.

XIII-ый вѣкъ.

Число памятниковъ, церковныхъ и грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ XIII в., болѣе значительно по сравненію съ предшествующимъ столѣтіемъ; между памятниками есть также принадлежащіе новымъ діалектическимъ областямъ—смоленскіе, рязанскіе и нѣк. др., при чемъ въ грамотахъ и договорахъ встрѣчаемъ частыя нарушенія традиціонной церковно-славянской орѳографіи; съ другой стороны, изъ кіев-

---

[1]) См. Очерки по исторіи русскаго языка А. Соболевскаго (1884) стр. 2—4; авторъ цитируемаго сочиненія впервые подмѣтилъ и изслѣдовалъ особенности типа галицко-волынскихъ памятниковъ, что составляетъ его большую заслугу.

[2]) Эта черта встрѣчается въ памятникахъ и нѣкоторыхъ другихъ діалектическихъ районовъ, имѣя потомковъ и въ современныхъ говорахъ (См. Соболевскій А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка, 1907[4], стр. 38).

ской области памятники прекращаются, что объясняютъ запустѣніемъ этого края послѣ разоренія Кіева татарами, такъ что для юга Россіи за это время намъ извѣстны лишь памятники галицко-волынскіе, которые продолжаютъ содержать уже извѣстныя намъ черты. Въ виду этого мы въ своемъ изображеніи языка даннаго столѣтія оставимъ въ сторонѣ югъ и обратимся къ характеристикѣ сѣверно-русскаго языка съ его діалектическими различіями, для чего намъ будутъ служить слѣдующіе памятники: новгородская кормчая, съ присоединеніемъ Русской Правды, около 1282 г., договоры и грамоты Новгорода; [1]) ростовское житіе Нифонта 1219 г.; рязанская кормчая 1284 г.; смоленскіе договоры 1229 г. и 1230 г. и двѣ грамоты 1284 г., а также витебская грамота ок. 1300 г.

Остановимся сначала на чертахъ болѣе или менѣе общихъ указаннымъ памятникамъ, а затѣмъ постараемся установить по мѣрѣ возможности и нѣкоторыя діалектическія особенности.

1) Изъ предъидущаго мы знаемъ, что *ъ и *ь къ данному времени успѣли уже развиться въ двѣ стороны, а именно—въ однихъ условіяхъ измѣнились въ *о* и *е*, а въ другихъ исчезли. Въ памятникахъ XIII в. мы встрѣчаемъ не только это явленіе, но еще и случаи вторичныхъ бѣглыхъ гласныхъ, возникшихъ по аналогіи къ первичнымъ бѣглымъ гласнымъ; напр. вѣдеръ (Новг. Кормч.) вм. вѣдръ; съ другой стороны основное *е* слова „камень“ становится бѣглымъ, срв. на камъни (Жит. Ниф.) вм. на камени. Благодаря процессу возникновенія бѣглыхъ гласныхъ, согласные, прежде раздѣлявшіеся слабымъ гласнымъ ъ или ь, затѣмъ исчезнувшимъ, пришли въ соприкосновеніе, а вслѣдствіе этого происходила въ соотвѣтствующихъ случаяхъ ас-

[1]) См. А. А. Шахматовъ Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка (1886).

симиляція ихъ по звонкости, что и отражается въ письменныхъ памятникахъ даннаго вѣка, хотя самое измѣненіе могло получиться ранѣе; срв. *здѣ*, *збираютъ* (Новг. Кормч.), *гдѣ* (Жит. Ниф.).

2) Гласный *е*, измѣнившійся передъ твердыми согласными въ *'о*, обозначается теперь нерѣдко черезъ *о* послѣ согласныхъ не-парныхъ по твердости и мягкости, т. е. послѣ шипящихъ и *ц*; такое обозначеніе встрѣчаемъ напр. въ Д. ед. сложныхъ прилагательныхъ и причастій, а также извѣстныхъ притяжательныхъ мѣстоименій, напр. *лежащому* (Новг. Кормч.), *вашому*, *нашому* (Смол. Грам. 1284 г.); подобнымъ же образомъ пишется иногда *о* вм. *е* въ окончаніи Д. мн. существительныхъ, напр. *купьцомъ*, *нѣмьцомъ* (Смол. Грам. 1284 г.). Послѣ другихъ согласныхъ продолжаетъ писаться *е*, срв. *федоръ* (тамъ-же).

3) Въ твердомъ склоненіи существительныхъ муж. рода раньше начавшіеся процессы аналогіи и дифференціаціи развиваются дальше. Такъ, напр., окончаніе *-у* стало обычнымъ для обозначенія измѣряемыхъ веществъ при количественныхъ словахъ, между тѣмъ какъ въ Предл. ед. утверждается окончаніе *-у* въ сочетаніи съ предлогами мѣстнаго значенія (*въ* и *на*), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ окончаніе необходимо сопровождалось удареніемъ; срв. Р. ед.—взяти ѯ вѣдеръ *солоду*.... а *гороху* ѯ убороковъ (Рус. Правда), Предл. ед.—*въ пиру*, *на търгу* (Новг. Кормч.). Рядомъ съ расширеніемъ окончанія *-у* мы видимъ расширеніе въ томъ же склоненіи и окончанія *-овъ*, которое примѣняется уже и въ случаяхъ безъ ударенія, напр. „*повозовъ* не имати“ (Новг. грам. 1270), *закладниковъ* (Новг. Догов. 1270), *розбойниковъ* (Смол. Догов. 1230). Сверхъ всего этого въ И. мн. того же склоненія утверждается по аналогіи новое окончаніе *-ы* (вм. *-и*), одинаковое съ окончаніемъ В. мн., напр. *чины* (Жит. Ниф.). Несомнѣнно здѣсь оказали вліяніе — твердое женское склоненіе, въ которомъ во мн. ч. уже издавна сов-

падали между собою названные падежи, оканчивавшіеся на *-ы*, [1]) а также то обстоятельство, что и въ самомъ муж. родѣ существовало совпаденіе тѣхъ же падежей въ ед. ч. Упомянемъ еще, что въ мягкомъ склоненіи муж. рода въ Мѣстн. ед. встрѣчается окончаніе *-ѣ* по аналогіи къ соотвѣтствующему твердому склоненію, напр. въ Ярославлѣ (Новг. Кормч.).

Представимъ теперь нѣкоторыя особенности въ памятникахъ разсматриваемаго вѣка, позволяющія установить три діалектическія области въ сѣверно-русскомъ языкѣ: *новгородскій* говоръ, господствующій въ сѣверной полосѣ, и затѣмъ говоры *ростовско-рязанскій* и *смоленскій*, изъ которыхъ первый занималъ востокъ средней полосы тогдашней Руси, а второй—западную часть.

Въ *новгородскихъ* памятникахъ мы встрѣчаемъ по-прежнему смѣшеніе *ц* и *ч* (напр. у купчевъ, отча || проць—Догов. новгор. 1270 г.), а иногда и замѣну ударяемаго гласнаго *а* между мягкими согласными черезъ *е*, напр. освященетъ (Новгор. Кормч.); въ склоненіи существительныхъ особенно замѣтно проявляется роль ударенія при дифференціаціи дублетныхъ окончаній, какъ въ мужескомъ, такъ и въ женскомъ родѣ: кромѣ указанныхъ раньше примѣровъ муж. склоненія, роль ударенія видна и при дифференціаціи окончаній *-ѣ* и *-и* въ женскомъ мягкомъ склоненіи, при чемъ въ Р. ед. присоединяется еще моментъ отличенія partitiv'наго значенія отъ обычнаго родительнаго; срв. въ Новгор. Кормч. „продаже ѓ гривны"—Род. partitiv. || безъ воли, не ползуеши души—обыкн. Род.

Востокъ средней полосы, занимаемый *ростовско-рязанскимъ* говоромъ, представляетъ нѣкоторое сходство съ новгородскимъ говоромъ, но не имѣетъ смѣшенія *ц* и *ч*. За

---

[1]) Совпаденіе по формѣ И. и В. мн. существовало и въ нѣкоторыхъ другихъ склоненіяхъ, а именно: въ склоненіи словъ ж. р. на *-ь* (напр. кость), въ склоненіи именъ ср. р. (напр. лѣто).

отсутствіемъ спеціальныхъ изслѣдованій памятниковъ ростовскихъ и рязанскихъ, мы не въ состояніи говорить о частныхъ діалектическихъ отличіяхъ между ними; судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, въ рязанскомъ говорѣ уже происходило ослабленіе неударяемаго вокализма, но только простое, а не диссимиляціонное, срв. въ Ряз. Корм. такіе примѣры, какъ: словѣсехъ, бѣсѣда (*ѣ* въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ, въ слогѣ первомъ передъ ударѐніемъ), имѣноватися (*ѣ* во второмъ предъударенномъ слогѣ, независимо отъ твердости и мягкости слѣдующаго согласнаго).

Наибольшія особенности по сравненію съ предшествующими діалектами представляетъ *западъ средне-русской полосы*, при чемъ типичными памятниками являются Смол. грамоты 1229 и 1230 гг. Изъ данныхъ этихъ памятниковъ можно заключать, что здѣсь уже начались измѣненія неударяемаго вокализма какъ количественныя (т. е. въ отношеніи длительности гласныхъ), такъ и качественныя. Къ первымъ относится сокращеніе конечнаго *-и* въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ окончаніяхъ; такъ, въ догов. 1229 г. читаемъ: посулишь (вм. *-ши*, 2 ед.), усадитъ (вм. *-ти*, неопр. накл.), въ догов. 1230 г.—поставитъ; одновременно съ этимъ могло происходить подобное же сокращеніе окончанія *-ои* въ Д. Мѣстн. ед. прил. ж. р., благодаря чему оно превращалось въ -oj (такое произношеніе мы приписываемъ начертанію *-ои* въ примѣрахъ — по ногатѣ смольнескои, у рускои земли). Что касается качественныхъ измѣненій въ области неударяемаго вокализма, то здѣсь уже намѣчаются видоизмѣненія *е* и *о* въ зависимости отъ ихъ неударяемаго положенія, а также отъ качества ударяемыхъ гласныхъ, твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ. Гласные *е* и *о* въ слогѣ первомъ передъ ударѐніемъ измѣняются въ направленіи диссимиляціи (распо̀добленія) съ ударяемымъ гласнымъ, а именно: неударяемое *е* склоняется къ *і* (пишется *ѣ*) при слѣдующемъ широкомъ ударяемомъ гласномъ, срв. утвѣрдять, дѣржати (грам.

1229 г.), сѣрѣбра (грам. 1230 г.),[1]) между тѣмъ какъ гласный *о* измѣняется въ сторону *ы* (пишется *ъ*), напр. дъ Травны, нъга (грам. 1229 г.), тъваръ (грам. 1230 г.). Далѣе, гласный *е* склонялся къ *і* въ положеніи послѣ ударенія внутри слова въ особенности передъ мягкими согласными, какъ это показываютъ написанія въ Грам. 1229 г.—останѣться, будѣть, въ Грам. 1230 г.—будѣть, бѣрѣзѣ „берегѣ“; напротивъ того, передъ твердыми согласными *е* измѣнилось въ *'о* какъ послѣ ударенія, такъ и непосредственно передъ удареніемъ, что̀ и отразилось въ одномъ изъ списковъ (именно *Д*) грамоты 1229 г.: стареишому, немцомъ, тажо, ожо, съ жоною, у своее жоны (въ дальнѣйшемъ это неударяемое *о* измѣняется одинаковымъ образомъ съ основнымъ *о*).[2]) Въ области консонантизма для смоленскаго говора характерными являются двѣ черты: переходъ согласнаго *в* передъ другимъ согласнымъ въ полугласный w (срв. въ Грам. 1229 г. *у*здумалъ, на *у*стоко „на востокъ“, *у*зяти, *у*схочеть) и смѣшеніе *и* и *ч*, подобное новгородскому, хотя по-видимому въ менѣе широкомъ объемѣ (напр. въ Грам. 1229 г.—Гочкомь || Готскомь; купчемъ—Д. мн.).[3])

Примѣчаніе. Грамота 1229 г. представляетъ одно загадочное явленіе: вм. конечныхъ *-ъ* и *-ѣ* въ ней иногда написаны *-о* и *-е* (и даже *-ѣ*), напр. берьго «берегъ, на устоко, въсхочете || въсхочетѣ || усхочеть (3 ед.). По мнѣнію проф. Потебни «памятники, подобные договору Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, убѣждаютъ, что въ XIII и XIV в.

---

[1]) Подтвержденіемъ того, что начертаніе *ѣ* передавало палятальный гласный близкій къ *і*, можетъ служить чередованіе написаній: Смолѣньскѣ || Смолиньскѣ (грам. 1230 г.).

[2]) Срв. Ягичъ l. c. 36—37.

[3]) Къ болѣе мелкимъ характернымъ чертамъ разсматриваемыхъ грамотъ можно отнести написанія латинескии, смольнескии (Грам. 1229 г.), показывающія, что *н* сохраняло свою мягкость передъ сочетаніемъ *ск*; срв. сохраненіе мягкости *н* передъ *ск* даже еще и теперь въ бѣлорусскихъ говорахъ, см. Карскій Е. Ѳ. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (1886) стр. 56.

глухіе звуки въ серединѣ и на концѣ словъ произносились въ Свр., къ которому принадлежатъ эти памятники, какъ глухіе гласные, составляющіе слогъ». [1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Приведенныя здѣсь данныя, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV—XV в., особенно въ свр. говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, въ свр. (спорадически) доходятъ вплоть до нашего времени». [2]) Однако я не раздѣляю мнѣнія проф. Потебни по данному вопросу, которое плохо оправдывается данными другихъ памятниковъ, равно какъ и современной діалектологіей, и болѣе склоняюсь къ объясненію проф. Брандта, согласующемуся и съ общими принципами звуковаго развитія языка: «весьма возможно—говоритъ онъ—что такія формы (т. е. берьго, будѣте и т. п.) дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; поэтому и конечные ъ и ь въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинаковую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр. слѣдующее выраженіе: «не бъ ли строите свою тварь» (Христ. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ строите намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе *е* вм. ъ, и мы вполнѣ можемъ допустить, что ь передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія *т'* или *т* объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ». [3]) Съ своей стороны прибавимъ, что подобныя смѣшенія начертаній могли отчасти вызываться графической аналогіей, а также быть можетъ, и. нѣкоторымъ мудрствованіемъ грамотника, для котораго смѣшиваніе отчасти эквивалентныхъ начертаній ъ ‖ *о* и ь ‖ *е* ‖ *п* представляло средство придать своему письму своеобразную ученость, затруднявшую чтеніе.

XIV-ый вѣкъ.

Русскій языкъ XIV в. уже значительно приближается къ современному типу: судя по памятникамъ, въ немъ складываются системы неударяемаго вокализма, происходятъ сокращенія слабыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, нивеллировка системъ склоненія подходитъ къ концу, аори-

[1]) Потебня Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 55.

[2]) Потебня Къ Исторіи звуковъ русскаго языка (1876) стр. 44.

[3]) Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I, Фонетика (1892) стр. 52.

стическія образованія и супинъ въ глаголахъ выходятъ изъ употребленія. Въ это время уже вырисовываются главнѣйшіе изъ современныхъ діалектовъ. Вообще говоря, XIV-ый вѣкъ оставилъ весьма значительное количество памятниковъ изъ разныхъ діалектическихъ областей; оставляя однакожъ въ сторонѣ памятники тѣхъ говоровъ, которые уже разсматривались нами выше, [1]) мы перейдемъ къ памятникамъ тѣхъ діалектическихъ областей, которыя теперь впервые проявляются письменно въ исторіи русскаго языка. Къ такимъ памятникамъ относятся грамоты—московскія, полоцкія, двинскія и галицко-волынскія, а также псковскіе памятники преимущественно церковнаго характера (изъ памятниковъ же другихъ областей укажемъ на лѣтописи лаврентьевскую или суздальскую 1377 г. и новгородскую, [2]) которыя представляютъ собою списки съ прежнихъ не дошедшихъ до насъ лѣтописей.

Изъ всѣхъ произведеній письменности даннаго вѣка наибольшее вниманіе мы удѣлимъ нарѣчію московскихъ памятниковъ, которому суждено было стать доминирующимъ въ теченіе ряда послѣдующихъ вѣковъ. Такой роли московскаго нарѣчія способствовало конечно политическое значеніе, пріобрѣтаемое съ этихъ поръ Москвою, но кромѣ того не мог-

---

[1]) Вполнѣ понятно, что и эти памятники заслуживаютъ тщательнаго изученія, такъ какъ содержатъ данныя, свидѣтельствующія о дальнѣйшемъ развитіи соотвѣтствующихъ діалектовъ; конечно, полная исторія языка должна слѣдить за развитіемъ всѣхъ діалектовъ, но это не можетъ входить въ задачу общаго очерка. Поэтому мы и ограничиваемся указаніемъ данныхъ, относящихся къ вновь выступающимъ въ письменности діалектическимъ областямъ, которыя въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ остальными, развѣтвляясь и видоизмѣняясь, привели къ современному діалектическому разнообразію русскаго языка.

[2]) Языку этихъ лѣтописей посвящены слѣдующія изслѣдованія: Н. П. Некрасовъ Замѣтки о языкѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по лаврентьевскому списку лѣтописи (1897); Б. М. Ляпуновъ Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-ой новгородской лѣтописи. Вып. I (1899): очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Огромную важность представляетъ изученіе языка лѣтописей для исторіи русскаго синтаксиса

ло не благопріятствовать также и то обстоятельство, что это нарѣчіе являлось наиболѣе умѣреннымъ по своимъ фонетическимъ особенностямъ, представляя какъ бы средній звуковой типъ между сѣверно-русскими діалектами. Въ самомъ дѣлѣ, московское нарѣчіе, возникши въ восточной части средне-русской діалектической территоріи, не имѣло тѣхъ довольно рѣзкихъ фонетическихъ особенностей, какія существовали въ новгородскомъ нарѣчіи, т. е. оно не знало смѣшенія *ц* и *ч*, не измѣняло ударяемыхъ *я* и *ѣ* при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и *и*, а съ другой стороны оно представляло меньше особенностей и по сравненію съ западнымъ нарѣчіемъ—смоленскимъ, знавшимъ мѣну *ц* и *ч*, измѣнявшимъ *в* передъ согласнымъ въ полугласный *ŭ* и развивавшимъ диссимиляціонный типъ ослабленія неударяемаго вокализма. Такимъ образомъ въ указанныхъ отношеніяхъ московское нарѣчіе разнилось отъ другихъ сѣверно-русскихъ, но въ то же время сходствовало съ ними по многимъ другимъ фонетическимъ чертамъ; такъ, напр., оно имѣло *'о* изъ *'е* передъ твердыми согласными не только въ ударяемомъ положеніи, но и въ неударяемыхъ, срв. на шолку „на шелкў“, Данилищова свободка (Духов. Ив. Калиты, ок. 1327 г.); но это неударяемое *'о* изъ *'е*, подобно основному, склонялось здѣсь къ *а*, представляя типъ гласнаго å, какъ о томъ можно заключить на основаніи случаевъ смѣшенія неударяемыхъ *о* и *а* въ письменности конца этого вѣка. [1]) Что касается морфологической стороны московскаго нарѣчія, то оно пережило уже въ предшествующіе вѣка вмѣстѣ съ другими нарѣчіями указывавшіяся нами явленія аналогіи формъ склоненія и упрощенія спря-

[1]) Напр. въ москов. Ев. 1393 г. имѣемъ такіе примѣры, какъ: къ Симану ‖ запода, указывающіе на существованіе аканья въ данномъ неударяемомъ положеніи (Срв. Соболевскій Лекціи по исторіи русскаго языка, 1907⁴, стр. 77), а съ XV в. появляются такія образованія по аналогіи, какъ плотятъ (грам. Звенигородскаго князя, 1404 г.).

женія. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь многія вторичныя формы, существовавшія также и въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ напр. на шолку, поясовъ, судовъ (Духов. Ив. Калиты), братьѣ Д. ед. мягкаго склоненія съ окончаніемъ -ѣ вм. -и, виноватого, старѣйшего (Догов. в. к. Сим. Іоан. 1341 г.) и др. [1]); далѣе, появляются уже такіе чисто-русскіе производные глаголы, какъ доканчивати, сваживаты (Догов. Сим. Іоан. 1341). Въ синтаксическомъ отношеніи нужно отмѣтить, что послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ въ названіяхъ одушевленныхъ предметовъ муж. р. начинаетъ примѣняться форма Род. вм. Вин. и во множ. числѣ (хотя рядомъ продолжаютъ сохраняться еще долгое время и прежнія формы), срв.: пожаловалъ есмь соколниковъ печерскихъ (копія грам. Ив. Калиты). Изъ частностей спеціально московскаго нарѣчія укажемъ на особенность въ склоненіи мѣстоименія „весь“, представляющемъ формы съ -и- вм. -ѣ-, напр. со всими (Дух. Ив. Калиты).

Переходя отъ московскихъ памятниковъ къ памятникамъ другихъ областей, можемъ сказать, что памятники *полоцкіе* вообще сходствуютъ съ памятниками смоленскими, какъ напр. по замѣнѣ *в* черезъ *у* передъ согласными, напр. въ Грам. около 1300 г.—*у* Полотеско (← *въ Полотьскъ). Изъ деталей полоцкаго говора на основаніи той же грамоты отмѣтимъ написанія бласловлѣнье, бласловляю (|| благословляю), представляющія пропускъ неударяемаго слога *го*; этотъ пропускъ косвенно указываетъ на то, что согласный *г* произносился въ этомъ говорѣ какъ спирантъ, самый же слогъ находился въ наиболѣе слабомъ неударяемомъ положеніи (на

[1]) Тѣмъ не менѣе на ряду съ новыми формами сохранялись еще и прежнія образованія, напр. И. ед. книгини при болѣе новой формѣ княгиня; нѣкоторыя изъ старыхъ образованій держались даже до XVIII в. и даже далѣе, какъ напр. окончаніе -ы въ Тв. мн.; срв. въ стихотвореніяхъ Пушкина: «съ дубовыми, тесовыми вороты» (Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ), «Hugo съ товарищи» (Домикъ въ Коломнѣ, 7-ая строфа).

второмъ мѣстѣ передъ удареніемъ, имѣя передъ собою еще одинъ слогъ), откуда заключаемъ, что система неударяемаго вокализма въ данномъ говорѣ представляла въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ значительную степень ослабленности. [1])

Памятники *двинскіе*, образуя діалектическую разновидность новгородскаго нарѣчія, раздѣляютъ съ нимъ и смѣшеніе *ц* и *ч*; однако часть ихъ имѣетъ лишь одностороннюю замѣну, т. е. или *ц* черезъ *ч*, но не обратно, или же только *ч* черезъ *ц*; эти различія зависѣли вѣроятно отъ особенностей въ діалектѣ писавшихъ. [2])

Псковскіе памятники указываютъ на нарѣчіе, составлявшее по нѣкоторымъ своимъ чертамъ переходное звено между новгородскимъ и бѣлорусскимъ: подобно первому оно знало смѣшеніе *ц* и *ч*, а подобно второму мѣняло *в* передъ согласными на *у* (т. е. *w*) и было акающимъ; но при всемъ томъ имѣло и свои особенности, какъ напр. смѣшеніе *ш* и *ж* съ соотвѣтствующими свистящими. [3])

---

[1]) Что касается другихъ бѣлорусскихъ чертъ западнаго нарѣчія, отмѣченныхъ въ предшествующей главѣ, то онѣ отражаются въ памятникахъ, начиная съ XIII в., въ нѣкоторой постепенности: въ XIII в. мы уже указали на замѣну согласнаго *в* черезъ *у* передъ согласными и начальныя фазы диссимиляціоннаго момента при ослабленіи неударяемаго вокализма; въ XIV в. кромѣ аканья нужно отмѣтить появленіе твердаго *р* вм. мягкаго, долгихъ смягченныхъ согласныхъ на почвѣ слитія съ слѣдующимъ j, съ которымъ пришли въ соприкосновеніе послѣ утраты ъ; памятники XV в. уже обнаруживаютъ наличность дзеканья; и проч. Всѣ необходимыя данныя по звуковой исторіи бѣлорусскаго нарѣчія читатель найдетъ въ обширной спеціальной монографіи проф. Е. Ѳ. Карскаго Бѣлоруссы, т. II: Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія (1908).

[2]) См. А. А. Шахматовъ Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. (1903), стр. 80.

[3]) Акад. А. И. Соболевскій первый положилъ начало изученію особенностей древняго псковскаго нарѣчія въ своемъ изслѣдованіи—Очерки изъ исторіи русскаго языка (1884), указавъ еще на новыя данныя въ статьѣ —Важная особенность стараго псковскаго говора (Р. Ф. В. 1909 г., № 3—4, стр. 231—234). Изъ другихъ авторовъ, работавшихъ по этому вопросу, на-

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ о состояніи *галицко-волынскаго* говора. Въ памятникахъ его теперь уже вполнѣ обнаруживаются характерныя особенности малорусскаго языка, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующихъ отраженій основно-русскихъ *о* и *е* въ разныхъ положеніяхъ: [1])

а) Этимологическое *о* во вторично-закрытомъ слогѣ нерѣдко отражается на письмѣ въ видѣ *у* (какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными), напр. Ларив*у*нъ (грам. 1366 г.), Радив*у*нковѣ (ib.) || Радивонъковоѣ (1359), К*у*ндрата || Кондратъ (1401), добров*у*льно (1366), чему отвѣчаетъ соврем. добров*і*л'но, щадк*у*мъ (1408).

б) Этимологическое *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ нерѣдко отражается на письмѣ въ видѣ *ю* (передъ твердыми согласными) и въ видѣ *и* (передъ мягкими согласными), напр.: по Божь*ю*мъ (1393), на сво*ю*мъ, будеть чт*ю*нъ (1398); ш*и*стдесять || шести (1359), ш*и*стьцятого (1366), ш*и*сть (1393).

Приведенныя данныя изъ грамотъ второй половины XIV в. и начала XV в. представляютъ посредствующія стадіи въ

зовемъ: Каринскій Н. Языкъ Пскова и его области въ XV в. (1909); Шахматовъ А. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. (Ж. М. Н. Пр. 1909 г., іюль, стр. 105—177); срв. общій обзоръ работъ о старомъ псковскомъ говорѣ въ рецензіи акад. Ягича въ Arch. f. slav. Phil. B. XXXI (1910) стр. 453—458. Изслѣдованіе Каринскаго, а затѣмъ Шахматова дало рядъ новыхъ разъясненій путемъ сближенія особенностей псковскихъ памятниковъ съ церковно-славянскими средне-болгарской редакціи.

[1]) Приводимыя ниже данныя мы заимствовали изъ грамотъ въ изданіи Я. Ѳ. Головацкаго въ журналѣ *Науковый Сборникъ*, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы во Львовѣ, т. I (1865) стр. 180—200, т. II (1866) стр. 35—56, т. III (1867) стр. 135—161; грамоты обнимаютъ время отъ 1359—1451 г. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ помѣщены, какъ приложеніе, въ *Очеркѣ* звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія П. Житецкаго (1876 г.) стр. 353—359. Фототипическіе снимки нѣсколькихъ грамотъ даны акад. Соболевскимъ въ изданіи Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка (1903).

измѣненіи основныхъ *о*, *е* въ *і* во вторично-закрытыхъ слогахъ, при чемъ одновременными фазами измѣненія являются *у* вм. *о* (передъ твердыми и мягкими согласными), *ю* вм. *е* (передъ твердыми согласными), *и* вм. *е* (передъ мягкими согласными). [1])

XV—XVII вв.

Уже въ теченіи XIV в. происходило постепенное объединеніе русскихъ земель подъ властью московскаго князя и въ то же время развивалось вліяніе московскаго говора на другіе, благодаря чему началъ формироваться подъ гегемоніей Москвы типъ великорусскаго нарѣчія. Однако это политическое и языковое объединеніе русскихъ областей Москвою не простиралось на западныя и юго-западныя области вслѣдствіе двухъ причинъ: во первыхъ, силы Москвы требовались дома на случай борьбы съ татарами, а во вторыхъ—на западѣ еще съ половины XIII в. начало усиливаться литовское княжество, которое постепенно подчиняло себѣ западныя и юго-западныя русскія области, подобно тому какъ то же самое совершала Москва съ сѣверо-восточными областями. Такимъ образомъ въ XIV в. русскія области раздѣлились на двѣ обособленныя политическія группы—московскую и литовскую, что̀ естественно вело̀ къ возникновенію отличительныхъ особенностей въ русскомъ языкѣ между тою и другою группою. Соотвѣтственно этому, переходя ко времени XV—XVII вв., мы поставимъ главною задачею изложенія не детали дальнѣйшаго діалектическаго дробленія русскихъ нарѣчій, но общую характеристику особенностей въ ходѣ раз-

[1]) Что касается отраженія этимологическаго *е* въ открытыхъ слогахъ, то въ положеніи передъ мягкими согласными *е* сохраняется (напр. шести —грам. 1359 г.), а передъ твердыми согласными встрѣчаемъ *о*, если только ему предшествуетъ шипящій, срв. чотыри (1400), чотыриста (1401), ничого (1421), нашого (1424), нашому (1403).

витія письменнаго русскаго языка въ московскомъ, а отчасти и въ литовскомъ государствѣ. Остановимся сначала на судьбахъ русскаго языка въ московскомъ государствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что письменный языкъ въ московскій періодъ сталъ болѣе и болѣе отличаться отъ народнаго вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, къ выясненію которыхъ мы и переходимъ. Въ разсматриваемое время, когда грамотность должна была служить не только для цѣлей церкви, но также и для расширявшихся потребностей администраціи, появляется особое грамотное сословіе дьяковъ и подьячихъ, [1]) которые на ряду съ своимъ приказнымъ дѣломъ занимались и списываніемъ книгъ, какъ дѣломъ прибыльнымъ, но выполняли его уже не столь тщательно, какъ прежніе переписчики, видѣвшіе въ этомъ религіозный подвигъ. Отсюда порча текста церковныхъ книгъ стала расти очень быстро, а потому потребовалось наконецъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Это исправленіе совершалось свѣдущими людьми, которые свѣряли новый текстъ съ болѣе исправными старыми, равно какъ и съ оригиналами, при чемъ кромѣ исправленія искаженнаго смысла устанавливали болѣе строгій типъ церковнославянскаго языка, получившаго даже затѣмъ и граммати-

---

[1]) Мы считаемъ слишкомъ одностороннимъ мнѣніе проф. Е. Ѳ. Буддe, будто основой русскаго литературнаго языка послужилъ «говоръ московскихъ подьячихъ и грамотныхъ людей въ московскихъ приказахъ и другихъ государственныхъ учрежденіяхъ» (см. Изв. Ак. Н. X, кн. 1, стр. 417 сн.); съ своей стороны мы не можемъ игнорировать участія въ образованіи русскаго литературнаго языка разсматриваемой эпохи многихъ лицъ хотя и московскаго происхожденія, но не принадлежавшихъ къ приказамъ, а кромѣ того—не мало было писателей, произведенія которыхъ имѣли широкое распространеніе въ московскихъ предѣлахъ, хотя ихъ авторы не принадлежали къ московскому говору. Словомъ, и въ разсматриваемую эпоху, какъ и впослѣдствіи, въ образованіи русскаго литературнаго языка принимали участіе весьма разнообразные общественные элементы, что должно было способствовать болѣе разностороннему его развитію, приказный же языкъ былъ лишь однимъ изъ частныхъ стилей.

ческую обработку (М. Смотрицкій). [1]) Исправленный церковный текстъ, съ введеніемъ у насъ книгопечатанія въ половинѣ XVI в., [2]) естественно получаетъ болѣе широкое распространеніе, а это въ свою очередь ведетъ къ тому, что въ русскомъ языкѣ начинаютъ усиливаться и закрѣпляться церковно-славянизмы, сохраняющіеся и до нашего времени, и притомъ даже такіе, которые раньше нерѣдко замѣнялись русскими формами; срв. Володимиръ (Послѣсл. къ Остром. Ев.)=соврем. Владимiръ, законъ хоронити (Изб. 1076 г.) =совр. хранить, стражеть (Патер. Син. XII в.) = совр. страждетъ, веремя (XII—XIV в.)=совр. время и т. п. [3])

---

[1]) Къ разсматриваемой эпохѣ мы относимъ начало утвержденія въ языкѣ, подъ вліяніемъ грамматической теоріи, предлоговъ-префиксовъ *со* и *во* на мѣстѣ ожидаемыхъ *с-* и *в-*. Справщики, при корректированіи своемъ церковно-славянскихъ книгъ, руководствуясь свойствомъ русскаго языка имѣть *о* въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ ст.-сл. Ъ, примѣняли *о* и въ нѣкоторыхъ такихъ условіяхъ, въ какихъ его не было въ живомъ языкѣ, напр. въ Первопечатной московской библіи 1663 г. написанія: СОВЕРШЕ́НІЕ, СОБЕРЕ́ТСЯ и т. п. (срв. также ново-цксл. ВО ЄДИ́НЪ и пр.). Отсюда получаетъ объясненіе въ современномъ языкѣ такой дублетъ, какъ: *со*боръ (цк.-сл.) || *с*боръ (рус.). На этой же почвѣ, при существованіи рядомъ префиксовъ *с-* || *со-*, возникла затѣмъ въ русскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дифференціація значенія, именно: *со-* пріобрѣтаетъ спеціальное значеніе «соучастія», напр. *со*наслѣдникъ, *со*общество, *со*ревнованіе, *со*участіе.

[2]) Первая книга, которая вышла изъ Московской типографіи, была *Дѣянія апостольскія* (1564 г.). Фонетическій и главнымъ образомъ морфологическій анализъ церковно-славянскаго языка печатныхъ книгъ дается въ сочиненіи проф. С. К. Булича Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, I (1893), при чемъ изслѣдованіе сдѣлано на основаніи трехъ печатныхъ памятниковъ: Острожской библіи (1581 г.), Первопечатной московской (1663 г.) и Новой, представляющей перепечатку Елизаветинской исправленной библіи.

[3]) Тѣмъ не менѣе, отъ разсматриваемой эпохи сохранились и такія письменныя произведенія, которыя чужды книжнаго характера, а отражаютъ простой разговорный языкъ того времени; срв. напр. собственноручныя письма царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшкину 1646—1662 г., представляющія интересъ также по своимъ чисто-фонетическимъ написаніямъ, весьма цѣнныхъ для характеристики московскаго нарѣчія въ данное время; приведу нѣсколько примѣровъ: *неудар. вокал.*—тежолъ, вещ-

Намъ остается еще указать на одну причину, имѣвшую слѣдствіемъ своеобразное произношеніе цѣлаго ряда словъ въ литературномъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что съ половины XVII в., т. е. съ присоединеніемъ Малороссіи, въ Москву приглашаются южно-русскіе ученые, которыми славился тогда Кіевъ; благодаря ихъ вліянію въ Москвѣ утверждается произношеніе нѣкоторыхъ словъ съ *γ* вм. *г* (Бога, благо и т. п.), съ *'е* вм. *'о* (небо, ветхій и др.), а также иногда и особенности ударенія въ нѣкоторыхъ вновь вводимыхъ словахъ (напр. ударе́ніе современнаго слова „числи́тель“, вм. ожидаемаго *чи́слитель, соотвѣтствуетъ ударенію малорусскаго глагола „числи́ти“, срв. у Епиф. Славинецкаго въ переводѣ Атласа Блеу, 50-хъ годовъ XVII в.—ч и с л и́ т с я т. е. „считается“).

Обращаясь къ бѣлорусско-малорусской половинѣ, подпавшей литовскому владычеству, нужно замѣтить, что здѣсь довольно долгое время господствующее положеніе занималъ русскій языкъ, который былъ оффиціальнымъ языкомъ правительственныхъ актовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разговорнымъ высшаго общества. Но съ конца XIV в., когда произошло династическое объединеніе литовскихъ (литовско-русскихъ) владѣній съ Польшею при Ягайлѣ, русское вліяніе въ Литвѣ начинаетъ слабѣть, уступая мѣсто польскому, и это продолжается нѣсколько вѣковъ. Вполнѣ понятно, что польское вліяніе должно было замѣтно отразиться и на языкахъ бѣлорусскомъ и малорусскомъ, тѣмъ болѣе, что просвѣщеніе здѣсь до конца XVI в. въ общемъ оставалось на невысокомъ уровнѣ вслѣдствіе малаго числа школъ и элементарности обученія въ нихъ. [1]) За усиленіемъ польскаго вліянія можно слѣдить

нека (т. е. вешняка́), кнеиня (*е* изъ *я*, *γ'*=j), сказавою («сказываю»), по палямъ, утакъ, перенестъ (неопр.); *консонант.*=чюланы, мошно; *морфол.*—лѣса болшие, глухие, поля нарочетые, птицы всякие, слепова сокола, валятца станутъ.

[1]) Хотя съ конца XVI в. въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ и заводятся православныя школы съ высшимъ образованіемъ для борьбы съ

и по памятникамъ XV—XVII вв., содержащимъ не мало польскихъ словъ и выраженій. Вотъ небольшой отрывокъ для иллюстраціи языка того времени (говорится о недостаточности тогдашняго русскаго просвѣщенія):

«велми много *зашкодило панству* русскому, *же* не могли школъ и наукъ *посполитыхъ* розширяти, и оныхъ не *фундовано*: *бо* коли бы науку *мѣли*, за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели» (A. З. Р. IV, 204—205).

Такимъ образомъ создавался малорусско-бѣлорусскій литературный языкъ слишкомъ смѣшаннаго типа; съ присоединеніемъ же этихъ областей къ русскому государству, языкъ ихъ естественно уступилъ свое мѣсто литературному московскому, болѣе чистому и сильному. [1])

Примѣчаніе. Вслѣдствіе временнаго распаденія русскихъ нарѣчій между двумя политическими цѣлыми, въ нихъ развиваются нѣкоторыя особенности, отличныя въ той и другой группѣ; такъ, въ московско-великорусскомъ отдѣлѣ, въ отличіи отъ литовско-русскаго, съ XIV в. распространяются глагольныя образованія на *-ывать -ивать*, а съ XV в. появляется окончаніе *-á* въ И. мн. нѣкоторыхъ сущ. муж. р.; и нѣк. др.

XVIII — XIX вв.

Намъ осталось сдѣлать общій очеркъ исторіи русскаго языка за послѣднія два столѣтія, въ теченіе которыхъ литературный русскій языкъ достигаетъ одинаковой высоты съ литера-

---

католицизмомъ, но это не могло уже остановить сильнаго польскаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ западно-европейскаго) вліянія на языкъ, тѣмъ болѣе что и сами поборники православія съ цѣлью болѣе широкаго распространенія своихъ сочиненій нерѣдко выступали съ полемикою также на польскомъ языкѣ, а затѣмъ по привычкѣ легко уже удерживали тѣ или другія польскія слова и выраженія и въ русско-церковнославянской рѣчи.

[1]) По историческому изученію бѣлорусскаго языка выдаются труды проф. Е. Ѳ. Карскаго, изъ которыхъ въ особенности отмѣтимъ: Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 1893 г. (отт. изъ Р. Ф. В. 1890—1893); Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ (1896); Бѣло-

турными языками Запада. Эти успѣхи намъ покажутся огромными, если вспомнимъ, что въ Западной Европѣ уже въ XVI—XVII в. дѣйствовали такія литературныя силы, какъ Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, между тѣмъ какъ Россія, можно сказать, почти еще не приступала къ развитію художественно-литературныхъ жанровъ. [1]) Причина такого быстраго подъема литературы лежитъ главнымъ образомъ въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, которая открыла широкій доступъ европейскому вліянію на всѣ стороны русской жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуя и возникновенію художественной литературы и науки по образцу тогдашней Европы. Легко себѣ представить, какія трудности предстояло побѣдить русскому языку, столь мало еще обработанному, чтобы достичь той гибкости и изобразительности, какія мы уже въ немъ находимъ въ XIX-омъ вѣкѣ. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о языковомъ матеріалѣ начала XVIII в., можно обратиться къ письмамъ и бумагамъ самого Преобразователя, ко-

---

руссы, I (1903), II (1908); срв. по поводу первыхъ двухъ трудовъ критическую статью проф. П. В. Владимірова—Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1896 гг.). Для малорусскаго языка укажемъ на трудъ П. И. Житецкаго — Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (1889).

[1]) Правда, существовали напр. переводныя «комедіи», ставившіяся при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, но онѣ были столь неуклюжи по стилю вслѣдствіе обилія церковнославянизмовъ, нерѣдко примѣненныхъ совершенно не къ мѣсту, что совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ произведеніями Запада; о характерѣ языка этихъ комедій можно судить напр. по слѣдующему отрывку изъ комедіи «Іюдиѳь» (1674 г.), представляющему рѣчь Іюдиѳи: «Ей, Боже мой! ничтоже убо окоянѣйшаго нѣсть, яко человѣкъ, и паки ничтоже человѣку нѣсть обычнѣйшаго, яко болѣзнь: жизнь наша ничѣмъ инымъ есть, токмо опасеніемъ, смерть такожде всегдашнимъ страхомъ намъ является; обаче ничтоже намъ благополучнѣйшаго быти можетъ, яко точію добрая кончина смерти. Предъ тремя лѣты и 6 мѣсяцей нещевахъ азъ, яко окаяннѣйшая есмь и прескорбнѣйшая жена на семъ свѣтѣ, зане Богъ ми блаженного и любезного сожителя моего Монасиса чрезъ скорую смерть отъ міра сего взя» и т. д. (см. Тихонравовъ Н. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ, т. I, стр. 141).

торыя достаточно отражаютъ состояніе языка этого времени, давая образцы какъ простаго стиля, такъ и болѣе торжественнаго: первый мы встрѣчаемъ въ письмахъ пріятельскихъ и хозяйственно-распорядительныхъ, а второй, изобилующій церковно-славянизмами, — въ письмахъ дипломатическихъ (срв. въ послѣднихъ такія выраженія, какъ: протчимъ войськомъ— Д. мн., о нѣкоторыхъ дѣлехъ, приступили *есмы* и т. п.). Изъ тѣхъ же бумагъ можно видѣть и какъ быстро въ то время русскій языкъ наводнялся иностранными словами, которыя переходили къ намъ вмѣстѣ съ заимствуемыми предметами и оставались безъ перевода. Чтобы дать понятіе, до какой степени заполнялся русскій языкъ иноземными словами, дѣлавшими его даже мало доступнымъ для пониманія, можно судить по слѣдующему отрывку изъ „Регламента кригскоммисаріату“:

«Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ такъ и изъ нижнихъ г-дъ *офицеровъ* не употреблялъ какъ *драгуна* такъ и *солдата* и всего даннаго изъ казны царскаго величества къ своимъ услугамъ и корысти, чего ради *фискалы* должны въ томъ *обсервовать* и противу тѣхъ у *коммисаріату протестовать* и по *протестаціи* помянутыхъ *фискаловъ* во отлученіе главнаго *коммисаріату*, *оберкригскоммисаръ* долженъ доношеніе имѣть главному *командующему*, дабы того, на кого *протестація* подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ совершенности до *коммисарства* и потому соверша *инквизицію*, требовать *офицеровъ* къ *кригсрехту*, а по тому дѣлу окончаніе чинить какъ *сентенція* будетъ подписана».

И такъ, на долю XVIII—XIX в. выпало урегулировать соотношеніе въ языкѣ стихій русской, церковно-славянской и иноязычной, разработать собственныя лексическія средства для замѣны излишнихъ варваризмовъ, приспособить языкъ для художественной литературы въ прозѣ и стихахъ, а также установить основы орѳографіи, особенно съ перемѣною алфавита. Вся эта работа и была совершена цѣлымъ рядомъ талантливыхъ людей, которымъ Исторія русскаго литературнаго языка и обязана своимъ быстрымъ ходомъ. Представимъ теперь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ дѣятельность писателей XVIII в.

Первымъ русскимъ художественнымъ писателемъ считается Кантемиръ (1711—1744); но такъ какъ произведенія его были изданы большею частію послѣ его смерти (сатиры лишь въ 1762 г.), то его литературное вліяніе на современниковъ не могло быть значительнымъ; не лишне замѣтить, что Кантемиръ примѣнялъ еще силлабическій стихъ и допускалъ много церковно-славянизмовъ. Ломоносовъ, въ совершенствѣ знавшій какъ народную рѣчь (даже въ діалектахъ), такъ и церковно-славянскій языкъ, а также иностранные языки, совмѣщавшій даръ ученаго и поэта, впервые поднялъ русскій письменный языкъ до значенія литературнаго, давъ какъ самые образцы языка, такъ и теорію, а стиху придавъ размѣръ „тоническій“ (по ударенiямъ), на который не за-долго до того указывалъ и Тредьяковскій. Однако Ломоносовъ, какъ мы уже отмѣтили (стр. 10), не могъ устоять противъ вліянія ложно-классицизма, которымъ была захвачена вся Европа, и усвоилъ русскому литературному языку несвойственное ему словорасположеніе по образцу латинскаго, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующаго отрывка (Риторика, § 271):

«Когда мы о вещахъ *разсуждаемъ*, въ которыхъ части такъ расположенныя *видимъ*, что одна другой необходимо *нужна*, и весьма *полезна*; и когда сложеніе ихъ явственно показываетъ, что одна бытіе свое дѣйствительно имѣетъ для другой, которая безъ нея обойтись не *можетъ*: то отложивъ всякое сомнѣніе, изъ того *заключаемъ*, что оная вещь искуствомъ нѣкоего разумнаго существа *устроена*».

Съ именемъ Сумарокова соединяются успѣхи русскаго театра, при чемъ его ложно-классическія трагедіи вырабатывали высокій штиль. Съ другой стороны, комедіи Фонъ-Визина, а также императрицы Екатерины II-ой, дали мѣсто разговорному языку въ литературѣ. Лучшимъ цвѣтомъ поэзіи XVIII в. являются нѣкоторыя произведенія Державина, въ которыхъ стихія русская и церковно-славянская представляютъ высоко-гармоническое сочетаніе, полное силы.

Примѣчаніе. Вполнѣ естественно, что рядомъ съ крупными талантами, содѣйствовавшими быстрому совершенствованію литературнаго языка, были и посредственные, значительно отстававшіе отъ первыхъ. Въ этомъ мы убѣждаемся, обращаясь къ литературнымъ журналамъ конца XVIII в. Даже ихъ беллетристическая проза часто еще по-прежнему пестритъ церковно-славянскими словами и формами, напр.: [1]) улыбающіеся *брега*, *главу* мою (стр. 306), насытишься ты свѣжимъ *млекомъ* (318), *гладъ* (348), *врата* (325), *нощь* (323), *тысящи* (327), *ланиты* (314), насладись прелестнымъ видомъ страны *сея* (305), *зрю* (305), *хощу* (310), мысль моя *преселялась* (308), и т. д. Нѣкоторые журналы кромѣ того отличались орѳографическою неисправностью. Таковъ, напр., «Зритель», издававшійся въ 1792 г. въ СПб. Журналъ переполненъ грамматическими и орѳографическими погрѣшностями, такъ что могъ скорѣе содѣйствовать насажденію безграмотности, чѣмъ грамотности, среди своихъ читателей. Изъ грамматическихъ и орѳографическихъ неправильностей достаточно привести случаи, гдѣ окончаніе И. В. множ. средняго рода передается фонетически: правилы (II 287), дурачествы (49), лицы (25), нравоученіи (103); отмѣтимъ также необычайно вольное пользованіе буквами *ъ* и *е*, напр. въ той же второй части: *ъ* вм. *е* —*шъя* (43), *молънія* (167), *постъля* (115), въ *постълю* (112), *колъсо* (124), *мертвъцомъ* (290), *послѣдъе* (167), *полъзныя* (225), *нъсетъ* (119) и т. д., наоборотъ *е* вм. *ъ*—срв. въ Предл. ед.: въ *душе* (74, 221), въ *сердце* (221, 222), въ *лице* (222) и пр. [2])

Обращаясь къ XIX в., мы прежде всего должны упомянуть о Карамзинѣ, сочиненія котораго представляютъ уже вполнѣ сложившійся языкъ, въ которомъ упомянутыя три стихіи стройно сливаются въ одно цѣлое, при чемъ иностранныя слова и церковнославянизмы уже не загромождаютъ языка. Кромѣ того, Карамзинъ ввелъ въ употребленіе рядъ новыхъ словъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ и затѣмъ вошедшихъ во всеобщее употребленіе (напр. *вліяніе*= фр. influence, *трогательный*=touchant, *сосредоточить*=con-

---

[1]) Приводимъ нѣкоторыя выбранныя нами слова и выраженія изъ повѣсти «Адельгейда Бургундская», помѣщенной въ московскомъ журналѣ «Иппокрена или Утѣхи любословія» на 1800-ый годъ, ч. 7-ая.

[2]) Выраженіе, встрѣтившееся намъ въ Зрителѣ: «...болѣе, нежели ортографическихъ ошибокъ въ нашихъ новыхъ писателяхъ» (III 91), вполнѣ и прежде всего примѣнимо къ самому журналу. Правда, мы встрѣчаемъ въ немъ также фразу «и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе» (II 163), но многія ошибки журнала походятъ скорѣе на авторскія,

centrer и пр.), а въ своей Исторіи Государства Россійскаго удачно употребляетъ и древнія лѣтописныя слова и выраженія. Въ то же время подъ перомъ Жуковскаго стихотворный языкъ поднимается на значительную высоту, чтобы воспитать Пушкина, который (вмѣстѣ съ Гоголемъ) начинаетъ новѣйшій періодъ языка и литературы, когда, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ повѣсти, романа и драмы, въ литературный языкъ вводится уже какъ простонародная рѣчь, такъ и говоры другихъ сословій, напр. купеческаго, духовнаго, для большей живости и яркости при передачѣ разговоровъ. [1])

---

[1]) Укажемъ нѣкоторые труды по исторіи русскаго литературнаго языка XVIII—XIX в.: IX-ый томъ сочиненій Державина, изд. Акад. Наукъ подъ ред. ак. Я К. Грота, посвященный языку Державина; Гротъ Я. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка (см. Филол. Разысканія, 1899[4], стр. 46 — 98); Буслаевъ Ѳ. О преподаваніи отечественнаго языка, 1867[2] (напр. на стр. 136—160 дается перечень выраженій изъ Ист. Гос. Рос., которыя Карамзинъ заимствовалъ изъ древнихъ памятниковъ); *его же* Историч. грам. рус. яз. — Синтаксисъ; Овсянико-Куликовскій Д. Н. Синтаксисъ русскаго языка; Истоминъ В. помѣстилъ въ Р. Ф. В., начиная съ 1892 г., рядъ очерковъ по языку и слогу произведеній болѣе чѣмъ 20 писателей XVIII—XIX в. съ подборомъ примѣровъ по принятымъ имъ рубрикамъ; Будде Е. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка XVII—XIX в., 1908 г. (вып. 12-ый Энциклопедиціи славянской филологіи, подъ ред. акад. И. В. Ягича); *его же* Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина, вып. 1—3 (1901, 1902, 1904 г.); Воскресенскій Е. Языкъ важнѣйшихъ произведеній русской словесности XI — XIX вв., 1900[2]; Чернышевъ В. Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова, 1901 (оттискъ изъ Сборника «Памяти Л. Н. Майкова»).

Глава XVII.

О заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ.

Въ предшествующихъ главахъ мы изучали строй русскаго языка, опираясь главнымъ образомъ на слова природныя, т. е. такія, которыя сложились въ русскомъ языкѣ изъ элементовъ праславянскихъ, восходящихъ въ свою очередь къ аріо-европейскому праязыку. Однако весьма значительную и неотъемлемую часть словъ современнаго русскаго языка составляютъ слова заимствованныя; въ виду этого изслѣдованіе такихъ словъ является существенно необходимымъ, ибо иначе научное изученіе русскаго языка было бы далеко неполнымъ.

Сущность процесса заимствованія коренится въ духовной природѣ человѣка; это явствуетъ уже изъ того, что усвоеніе самого роднаго языка въ дѣтствѣ совершается въ значительной степени при помощи заимствованія или подражанія, при чемъ представленія новыхъ предметовъ и вообще идей усваиваются въ связи съ тѣми названіями, какія употребляются окружающими. Подобнымъ же образомъ вмѣстѣ съ ходомъ исторической жизни народа, при соприкосновеніи его съ другими народами, могутъ заимствоваться новые предметы и понятія, названія которыхъ—большею частію имена существительныя—не придумываются вновь, а тоже заимствуются, не только подчиняясь въ той или другой степени строю языка усваива-

ющаго, но и служа въ свою очередь источникомъ для новыхъ производныхъ словъ (срв. мраморъ<*мраморный*, и т. п.). При этомъ суффиксы самихъ заимствуемыхъ словъ, будучи чуждыми языку заимствующему и потому не обособляясь въ чутьѣ говорящихъ, воспринимаются нерѣдко вмѣстѣ съ корнемъ какъ одно цѣлое и становятся такимъ образомъ новымъ корнемъ (напр. *фигýр-а*=*лат.* fig-ūra). Иногда случается такъ, что съ заимствованіемъ новаго предмета или понятія иностранное названіе его не переносится въ языкъ, а переводится при помощи уже существующихъ въ языкѣ словъ и морфологическихъ частей (срв. слово „вліяніе“, составленное на подобіе французскаго слова „influence“ изъ корня глагола „*лить*“ или „*ліять*“, префикса *в-* и окончанія отглагольныхъ существительныхъ *-ніе*); бываетъ и такъ, что къ существующему уже въ языкѣ слову заимствуются изъ иностраннаго языка новыя значенія (срв. слово „барабанъ“, которое со временемъ получило рядъ новыхъ техническихъ значеній, параллельныхъ значеніямъ франц. слова „tambour“). Вполнѣ понятно, что большею частію заимствованія идутъ отъ болѣе культурнаго народа къ менѣе культурному, чему благопріятствуетъ также еще и то обстоятельство, что обычно именно болѣе культурный языкъ становится предметомъ изученія, а не наоборотъ. Вслѣдствіе естественности и даже необходимости процесса заимствованія послѣднее, начинаясь въ языкахъ съ древнѣйшихъ временъ ихъ существованія, продолжается во всѣ послѣдующія эпохи, при чемъ самые источники заимствованія могутъ мѣняться, въ зависимости отъ перемѣнъ въ культурныхъ связяхъ. [1])

Нужно замѣтить, что съ появленіемъ письменности, а затѣмъ и литературы, рядомъ съ прежнимъ способомъ непо-

[1]) Такимъ образомъ заимствованныя слова могутъ служить показателями того, съ какими народностями соприкасался данный народъ въ ту или другую эпоху (срв. выше примѣч. на стр. 376—377 и 390).

средственнаго заимствованія словъ, съ голоса, появляются еще заимствованія литературнымъ путемъ—черезъ посредство книгъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ заимствованіе относительно своего источника можетъ быть значительно шире, такъ какъ иностранныя книги могутъ происходить и изъ такихъ областей, съ которыми нѣтъ непосредственныхъ связей. Самый характеръ заимствованій того и другаго рода не вполнѣ одинаковъ: при литературномъ заимствованіи слово сравнительно мало поддается измѣненіямъ, чему способствуетъ болѣе или менѣе основательное знакомство съ чужимъ языкомъ, хотя въ этомъ случаѣ заимствованіе не всегда слѣдуетъ иностранному произношенію словъ, но нерѣдко орѳографическому обозначенію ихъ, срв. пэръ ⇐ англ. peer (произн. пир); между тѣмъ въ простонародныхъ заимствованіяхъ иностранныя слова подвергаются большей переработкѣ примѣнительно къ родному языку, нерѣдко при участіи „народной этимологіи“, срв. гульваръ вм. бульваръ. Соотвѣтственно указанному различію заимствованныя слова первой категоріи въ лингвистическихъ трудахъ носятъ названіе „иностранныхъ“ словъ (Fremdwörter), а второй—„усвоенныхъ“ (Lehnwörter).

Что касается источниковъ заимствованныхъ словъ современнаго русскаго языка, то таковыми являются главнѣйшимъ образомъ языки западно-европейскихъ народовъ (греч., лат., франц., нѣм., англ. и др.), какъ наиболѣе культурныхъ, и лишь отчасти не-европейскіе языки, въ томъ числѣ неродственные (финскіе, тюркскіе, арабскій и др.). Но кромѣ этого заимствованія въ русскомъ языкѣ происходили еще изъ близко-родственнаго нарѣчія—церковно-славянскаго, а съ развитіемъ литературы и изъ болѣе древняго состоянія того же русскаго языка.

Изслѣдованіе наше заимствованныхъ словъ русскаго языка будетъ заключаться въ томъ, чтобы дать критеріи какъ для отличенія заимствованныхъ словъ отъ природныхъ, такъ и для опредѣленія источниковъ и эпохъ заимствованія, а за-

тѣмъ—прослѣдить исторію заимствованныхъ словъ въ связи съ ходомъ культуры.

Соотвѣтственно указанной программѣ, мы прежде всего остановимся на опредѣленіи признаковъ, по которымъ можно отличать заимствованныя слова отъ природныхъ. Признаки эти раздѣляются на фонетическіе, морфологическіе и семазіологическіе, и хотя не въ каждомъ заимствованномъ словѣ всѣ они на-лицо, но изслѣдователь все-таки долженъ при своемъ анализѣ каждое заимствованное слово разсматривать со всѣхъ этихъ сторонъ.

Сущность *фонетическихъ* признаковъ сводится, во-первыхъ, къ наличности въ нѣкоторыхъ словахъ такихъ звуковыхъ сочетаній, которыя, являясь чуждыми данному языку, вмѣстѣ съ тѣмъ свойственны какому-нибудь другому, напр. *уа* въ словахъ французскаго происхожденія, или „гармонія гласныхъ“ въ словахъ тюркскаго происхожденія, какъ напр. р*у*н*д*у*к*ъ, т*а*г*а*нъ; кромѣ того, въ случаѣ родственности языковъ на заимствованіе указываютъ звуковыя совпаденія тамъ, гдѣ законы звуковаго соотвѣтствія требовали бы различія, напр. в*л*асы вм. волосы (ст.-сл. власы). *Морфологическій* критерій заключается въ распознаваніи суффиксовъ, префиксовъ и отчасти окончаній чуждаго происхожденія, срв. суф. *-антъ* („фабрикантъ“), префиксъ *анти-* („антифонъ“), оконч. Д. мн. *-омъ* („по-дѣломъ“). Что касается *семазіологическаго* момента, то онъ служитъ къ выясненію того, въ которомъ изъ языковъ данное совпадающее слово является природнымъ, при чемъ основаніемъ для заключенія служитъ разнообразіе значеній въ языкѣ-источникѣ, изъ которыхъ лишь одно или нѣкоторыя перешли въ языкъ заимствующій, срв. слово „резервъ“ при франц. la réserve, имѣющемъ значенія: условіе, оговорка, изъятіе, осторожность, резервъ, запасъ. Переходя теперь къ болѣе частному разбору заимствованныхъ словъ со всѣхъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія, мы ограничимся главнымъ образомъ тѣми языками, изъ которыхъ по-преиму-

ществу поступили заимствованныя слова въ русскій языкъ, начавъ при этомъ съ ближайше родственнаго — церковно-славянскаго, перейдя далѣе къ другимъ языкамъ нашего семейства древнимъ и новымъ и закончивъ языками другихъ семействъ.

1) *Слова, заимствованныя изъ* **церковно-славянскаго**, уже разсматривались нами въ предшествующихъ главахъ, но тамъ ихъ отличительные признаки не были сгруппированы въ одно цѣлое, что̀ мы и исполнимъ теперь. Къ признакамъ *фонетическимъ* относятся слѣдующіе: произношеніе ’ѣ вм. ожидаемаго ’о́, напр. въ словѣ в е т х і й и т. п., см. стр. 77 — 78; нѣкоторыя уклоненія въ области бѣглыхъ гласныхъ, напр. о г н ь || огонь, с о б о р ъ || сборъ и др., см. стр. 83 сноска 1-ая, и стр. 440; рядъ формъ съ перестановкой вм. полногласныхъ, напр. г *л а* в а и т. п., см. стр. 86—87; слова съ сочетаніемъ согласныхъ *шч* (орѳ. щ) и *жд* вм. чисто-русскихъ *ч* и *ж*, напр. о с в ѣ *щ* е н і е, р о *ж д* е н і е и т. д., см. стр. 113—114; нужно прибавить, что такого рода слова, отражающія звуковой типъ языка церковно-славянскаго, иногда отличаются отъ соотвѣтствующихъ чисто-русскихъ также по ударенію, съ которымъ они перешли изъ языка церковно-славянскаго, срв. г л а в у́ || го́лову, в л а с ы́ || во́лосы и др. М о р ф о л о г и ч е с к і е признаки сводятся къ наличности предлоговъ, префиксовъ, суффиксовъ и окончаній въ томъ видѣ, въ какомъ они свойственны языку церковно-славянскому въ отличіе отъ русскаго, напр. ч *р е з* ъ || черезъ, р а з- || роз-, нерѣдкое и з- || вы-; суф. -у щ і й || -учій; оконч. Д. мн. -о м ъ вм. -амъ (по-дѣломъ); и пр. Что касается семазіологическихъ признаковъ, то они сводятся къ особому оттѣнку, обычно свойственному словамъ и формамъ церковно-славянскаго типа, а именно — къ болѣе или менѣе возвышенному или же абстрактному въ отличіе отъ обыденнаго и конкретнаго; срв. напр. значеніе слова г л а в а (у церкви, въ книгѣ, въ государствѣ) || голова, а также примѣненіе окончаній Р. ед. *-а* || -у,

Предл. ед. *-ѣ* || *-ý*, И. мн. *-ы* || *-á* въ склоненіи существительныхъ муж. рода.

Примѣчаніе. Изъ другихъ славянскихъ языковъ, какъ было указано въ предшествующей главѣ, русскій языкъ испыталъ наиболѣе сильное вліяніе со стороны польскаго языка (см. Гротъ Я. К. Филологическія разысканія, 1899[4], стр. 464 сл.).

2) *Слова, заимствованныя изъ* **греческаго** *языка.* Здѣсь мы должны различать слова, заимствованныя изъ греческаго языка византійскаго періода (или непосредственно, или вмѣстѣ съ славянскими переводами) отъ словъ, которыя перешли къ намъ уже въ болѣе позднѣе время черезъ послѣдовательный рядъ народностей—римлянъ и затѣмъ другихъ западно-европейскихъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова той и другой категоріи можно отличить по фонетическимъ признакамъ: такъ, слова съ звуками *i*, *ф* (орѳ. ѳ), которымъ въ западно-европейскихъ языкахъ соотвѣтствуютъ *e*, *th* (напр. с к *и* п е т р ъ = фр. sceptre, стар. *ѳ* е а т р ъ = фр. théatre), принадлежатъ къ первой категоріи. Такъ какъ о словахъ втораго типа намъ придется говорить впослѣдствіи при разсмотрѣніи заимствованій изъ западно-европейскихъ языковъ, то здѣсь мы ограничимся разборомъ тѣхъ словъ, которыя были заимствованы непосредственно въ русскую или же славяно-русскую языковую область. Благодаря существованію раннихъ памятниковъ, мы можемъ изучать эти слова приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ они входили въ русскій языкъ,[1]) и

---

[1]) При этомъ мы будемъ считать уже извѣстными читателю *законы звуковыхъ соотвѣтствій* для языковъ русскаго и греческаго, необходимые для открытія заимствованій и ихъ источника, такъ какъ они были уже разсмотрѣны нами раньше, въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ фонетики (стр. 91—97, 118—122). Поэтому мы ограничимся здѣсь однимъ примѣромъ, который пояснитъ эту роль звуковыхъ законовъ. Зная, что греческому χ въ славянскомъ соотвѣтствуетъ *з* (напр. χειμών = *з и м а*) и, видя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противъ греческаго χ русское *х* (напр. στοῖχος || с т и *х* ъ), мы должны предположить для этихъ послѣднихъ процессъ заимствованія, при

установить *законы заимствованія* фонетическіе и морфологическіе, которымъ подчинялись эти слова при вступленіи въ новый языкъ.

Въ виду того, что многіе звуки греческихъ словъ при заимствованіи перешли безъ перемѣны въ русскій языкъ (напр. *π*=*п*, *τ*=*т*, *κ*=*к*, *δ*=*д*, *ϱ*=*р* и пр.), мы займемся тѣми звуками въ связи съ ихъ начертаніями, которые при переходѣ въ русскій языкъ получили нѣкоторыя особенности. Въ византійскую эпоху въ греческомъ языкѣ цѣлый рядъ древнихъ гласныхъ и дифтонговъ смѣшивались въ одномъ гласномъ *і*, а именно: *ι, η, υ, ει, οι*; а такъ какъ слова заимствовались большею частію соотвѣтственно произношенію, то на мѣстѣ всѣхъ приведенныхъ начертаній въ заимствованныхъ словахъ въ русской письменности видимъ *и*, напр. к*и*пар*и*съ=*κυπάρισσος*, к*и*тъ=*κῆτος*, *и*долъ=*εἴδωλον*, *и*косъ=*οἶκος*. Впрочемъ греческое *υ* передавалось иногда въ древне-русской письменности не соотвѣтственно произношенію, а сходною церковно-славянскою буквою ѵ, напр. кѵпарисъ (замѣтимъ, что греч. буква *υ* писалась тогда въ видѣ ѵ). Со временемъ такія написанія могли вызвать на почвѣ русскаго языка и произношеніе съ гласнымъ *у*, срв. народное к*у*парисъ (Орл. губ.), м*у*ро (бѣлор.) и др. Далѣе, древній дифтонгъ *αι* смѣшивался въ произношеніи съ *ε*, вслѣдствіе чего такое слово какъ *αἵρεσις* заимствовано въ видѣ *е*ресь. Греческое *α* передавалось въ заимствованныхъ словахъ не только начертаніемъ а, но еще и о, въ нѣкоторой зависимости, какъ намъ кажется, отъ ударенности или же неударенности. Дѣло въ томъ, что въ византійскую эпоху въ греческомъ языкѣ уже не различалась древняя долгота и краткость гласныхъ,

---

чемъ направленіе заимствованія можетъ быть выяснено уже послѣ звуковаго сравненія съ другими родственными языками, а именно—тотъ языкъ послужилъ источникомъ, данный звукъ котораго удовлетворяетъ закону звуковаго соотвѣтствія по отношенію къ этимъ языкамъ.

въ замѣнъ чего выступило различіе гласныхъ ударяемыхъ отъ неударенныхъ, образуя такимъ образомъ отношенія по долготѣ, между тѣмъ какъ въ славянской языковой области еще держалось древнее различіе гласныхъ по количеству, при чемъ *а* было болѣе долгимъ звукомъ, нежели *о*. Поэтому греч. ударяемое *а* (*ᾱ*), какъ болѣе долгій звукъ, передавалось въ заимствованныхъ словахъ черезъ ѧ, а неударенное *а* (*α*)—особенно предъударное—нерѣдко черезъ о [1]), напр. поганъ [2]) „язычникъ“ = *παγανός*, корабь и кораблъ = *καράβιον* [3]). Что касается греческаго *ε*, то онъ въ заимствованныхъ словахъ передается обыкновенно посредствомъ аналогичнаго гласнаго *е*, напр. Ермолай = *Ἑρμόλαος*, ленътие = *λέντιον*; иногда однако греческому начальному *ε* соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ, особенно простонародномъ, гласный *о*, напр. Овдотья=*Εὐδοκία*, Остапъ=*Εὐστάθις* (въ литературномъ языкѣ имѣются и болѣе близкія къ оригиналу формы—Евдокія, Евстаѳій). Нѣкоторые ученые полагаютъ, что это измѣненіе *е*→*о* развилось уже на русской почвѣ, но намъ кажется, что такого измѣненія на почвѣ русскаго языка не происходило, случаи же чередованія въ родѣ елень || олень, единъ || одинъ, едва || одва и т. п., представляютъ собою не измѣненіе русскаго *е* въ *о*, но отраженіе древняго чередованія ае. *ĕ || *ŏ (см. выше сноску 1-ую на стр. 93). Возможно, что такія, имѣвшіяся въ русскомъ языкѣ, чередованія способствовали появленію подобныхъ же дублетовъ путемъ аналогіи и въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ, начинавшихся глас-

---

[1]) Что касается конечнаго *-а* (*-α*), то оно всегда передавалось въ заимствованныхъ словахъ начертаніемъ -ѧ независимо отъ ударенія; этому могла способствовать морфологическая роль этого гласнаго, какъ окончанія.

[2]) Здѣсь черезъ ѧ передано собственно греческое предъударное *а*, принявшее однако на славянской почвѣ ударение (быть можетъ — латинское вліяніе).

[3]) Можно думать, что слово попъ=*παπᾶς* получило свое *о* сначала въ такихъ формахъ, какъ попа́, и лишь затѣмъ по аналогіи къ нимъ явилась уже форма И. ед. съ гласнымъ *о*—«попъ».

нымъ *е*. Кромѣ того, нѣкоторые изъ этихъ случаевъ могутъ объясняться и тѣмъ, что въ самомъ греческомъ языкѣ существовали подобные дублеты, перешедшіе затѣмъ и въ русскій языкъ, какъ на это указывалъ акад. Соболевскій, [1]) напр. ἐλεύθερος || новогреч. діалектич. olévteros (срв. рус. *Елевеерій* || *Олферъ*).

Въ области *согласныхъ* заимствованіе совершалось вообще въ соотвѣтствіи съ произношеніемъ и начертаніями словъ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда въ греческомъ произношеніе расходилось съ письмомъ, заимствованіе происходило частію съ голоса, а частію съ буквеннаго изображенія. Такъ, въ греческомъ языкѣ группы *nt* и *mp* стали произноситься какъ *nd* и *mb*, продолжая обозначаться по-прежнему; отсюда и въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ двоякія формы, напр.: л е *нт* а || народ. л е *нд* а, т у *мп* анъ или т и *мп* анъ || т у *мб* анъ. Согласный *b* греческаго языка измѣнился со временемъ въ придувной *v*, сохраняясь однако въ положеніи послѣ *т;* отсюда слова съ группой *μβ* передавались по-русски частію соотвѣтственно произношенію, т. е. черезъ *мб*, а частію—черезъ *мв*, гдѣ буквѣ *β* неправильно придано ея болѣе обычное звуковое значеніе, т. е. *в*, срв. к и *мб* алъ || к и *мв* алъ, а *мб* онъ (XIII в.) || а *мв* онъ. Согласный, обозначавшійся буквою *γ*, въ положеніи передъ палятальными гласными произносился въ византійско-греческомъ какъ j; отсюда въ заимствованныхъ словахъ сочетаніе *γε* передается въ русскомъ двояко—черезъ *је-* или же черезъ *ге*, срв. *ге*рань || *е*рань.

Разсматривая *морфологическія* явленія въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго и почти исключительно относя-

---

[1]) С о б о л е в с к і й А. И., Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4], стр. 33. Противъ этого объясненія возражали, что въ ново-греческомъ такія формы съ начальнымъ *о-* встрѣчаются лишь въ народныхъ говорахъ, а потому и не могли распространяться на область книжно-церковныхъ словъ, къ которымъ онѣ въ большинствѣ случаевъ относятся; но намъ кажется, что и такія слова могли проникать въ русскій языкъ чрезъ посредство «разговорной» рѣчи греческаго духовенства.

щихся къ категоріи именъ существительныхъ, мы встрѣчаемъ особенности, типичныя для греческаго языка; къ таковымъ относятся нѣкоторые суффиксы, напр. *-и́скъ* (о б е л и с к ъ), *-и́тъ* (м а г н и т ъ), *-а́да -и́да* (л а м п а́ д а, п а н и х и́ д а), а также префиксальные слоги, напр. *анти- архи-*. Нѣкоторые же суффиксы греческаго языка въ заимствованныхъ словахъ не такъ типичны, потому что и въ русскомъ языкѣ имѣются аналогичные концевые слоги (срв. орга́нъ, са́ванъ, стиха́рь, патери́къ); при такихъ условіяхъ эти суффиксальные слоги уже не чувствуются чуждыми, хотя они и не представляютъ опредѣленнаго смысловаго оттѣнка. Что касается окончаній, то вполнѣ естественно, что заимствуемыя имена существительныя чаще всего переходили въ формѣ Имен. ед., какъ обычнаго падежа наименованія, при чемъ греческія окончанія подвергались опредѣленнымъ субституціямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ языкѣ заимствующемъ не встрѣчали совпаденій. Слова греческого *перваго* склоненія (ж. р.), оканчивающія на *-α*, не мѣняли окончанія и въ русскомъ языкѣ, такъ какъ совпадали въ немъ съ природными словами ж. р. на *-а*, срв. προσφορά⩲п р о с ф о р а; но слова того же склоненія, кончавшіяся въ греческомъ на *-η* (произносившуюся какъ *і*), не находя прямаго соотвѣтствія въ русскомъ языкѣ, замѣняли свое окончаніе посредствомъ *-ія*, напр. σκηνή⩲с к и н і я. Слова *втораго* греческаго склоненія, оканчивавшіяся на *-ος* (муж. р.) и *-ον* (ср. р.), смѣняли въ русскомъ языкѣ эти окончанія въ обоихъ случаяхъ на *-ъ* (срв. ἐπίσκοπος⩲е п и с к о п ъ; λάβανον⩲л а д а н ъ, σάβανον⩲с а в а н ъ, εἴδωλον⩲и д о л ъ),[1]) благодаря чему греческія сло-

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова муж. рода перенесены прямо въ формѣ И. ед. и тогда они оканчивались на *-осъ*, откуда уже производились затѣмъ и другіе падежи, срв. и́ к о с ъ ‖ Р. ед. и́ к о с а, и р мо́ с ъ ‖ Р. ед. и р м о с а́; слово Х р и с т о с ъ представляетъ собою особенность, такъ какъ косвенные падежи образуются отъ основы Х р и с т- (однако древнимъ памятникамъ не чужды и такія формы Р. ед., какъ Х р и с т о с а).

ва средняго рода переходили въ русскомъ языкѣ въ категорію муж. рода; впрочемъ слова на *-ον* принимали иногда окончаніе *-о*, а кончавшіяся на *-ιον* смѣняли это окончаніе на *-іе*, и такимъ образомъ при заимствованіи сохранялся грамматическій родъ языка-источника (напр. *κάνδηλον*⟹кандило, *λέντιον*⟹лент*іе*); нѣкоторыя имена на *-ιον* по-видимому были заимствованы въ формѣ множ. числа, т. е. съ окончаніемъ *-ια*⟹*-ія*, при чемъ перешли въ русскомъ языкѣ въ женское мягкое склоненіе ед. ч. (срв. *ἐπιτίμιον*⟹е п и т и м і я, *στάδιον*⟹ с т а д і я, но и с т а д і е „ристалище“ Апост. сп. 1220, *στοιχεῖον* ⟹ с т и х і я, но и с т и х і е Сб. XV в.); наконецъ, часть именъ на *-ιον* заимствованы съ потерею конечнаго *-ον* и потому приняли въ русскомъ языкѣ окончаніе *-ъ* (напр. *τετράδιον*⟹ т е т р а д ь, *φανάριον*⟹ ф о н а р ь). Слова греческаго *третьяго* склоненія съ основою на согласный муж. р. при заимствованіи принимали окончаніе *-ъ* и переходили въ соотвѣтствующее склоненіе; при этомъ однако оказывалась разница въ зависимости отъ того, согласовался ли И. ед. съ основою другихъ падежей или же отличался отъ нея; въ первомъ случаѣ такія слова принимали *-ъ* (напр. *ἡγεμών*⟹и г е м о н ъ) въ соотвѣтствіи какъ съ И. ед., такъ и съ основою, а во второмъ случаѣ встрѣчаемъ дублеты, потому что окончаніе *-ъ* приставлялось частію къ И. ед., а частію къ основѣ другихъ падежей (напр. И. ед. *γίγας* || Р. ед. *γίγαντος* ⟹ г и г а с ъ Сб. 1073 г. и г и г а н т ъ Библія 1499 г.). Основы на согласный ж. р. въ византійскую эпоху перешли уже въ первое склоненіе, а потому заимствовались уже какъ слова на *-а* (срв. др.-греч. *λαμπάς* || ново-греч. *λάμπάδα* и рус. л а м п а д *а*). Существительныя ср. р. на *-μα* (Р. ед. *-ματος*), будучи заимствованы въ формѣ И. ед., поступали въ разрядъ именъ на *-а* и потому соотвѣтственно перемѣняли свой родъ. Гласныя основы третьяго склоненія именъ на *-ις* перешли въ русскій языкъ съ окончаніемъ *-ъ* (напр. *αἵρεσις*⟹ересь); въ части случаевъ такого видоизмѣненія окончанія не произошло,

такъ какъ нѣкоторыя слова были заимствованы прямо въ формѣ И. ед., напр. б а з и с ъ, ф а з и с ъ, при чемъ они естественно поступали въ категорію именъ муж. рода (параллельныя формы б а з а и ф а з а представляютъ сохраненіе рода, благодаря субституціи окончанія).

Разсматривая греческія заимствованія съ *семазіологической* стороны, можно вообще замѣтить, что они главнымъ образомъ или представляютъ собою церковныя наименованія, или же относятся къ области наукъ и искусствъ и вообще образованности (срв. исторія, философія, математика, театръ, драма, трагедія, мелодія, тонъ, бумага, тетрадь). Отъ этихъ болѣе или же менѣе старыхъ заимствованій нужно отличать новые научные термины, искусственно составляемые изъ греческихъ корней (микроскопъ, бактерія, аэропланъ и пр.).

Переходя въ народный языкъ, многія греческія слова осмысливались, подвергаясь *народной этимологіи*, или же смѣшивались съ другими созвучными словами, греческими или природными, такъ что путемъ такой *контаминаціи* возникало новое слово. Въ примѣръ перваго можно указать такіе случаи, какъ: к р ы л о с ъ вм. клиросъ, к у р а л е с и т ъ изъ *κύριε ἐλεῖσον* „господи помилуй“, с о р о к о у с т ъ собств. „сороковой (день)“, а толкуется какъ бы—сорокъ устъ и др. [1]) (иногда встрѣчается лишь простая подстановка суффиксальнаго или концеваго слога, напр. ф и н и с т ъ вм. финикъ=греч. *φοῖνιξ*). Ко второму типу относятся случаи, подобные словамъ к р е с т ь я н и н ъ (т. е. христіанинъ+крестъ), п р о с к у р о м и с а н і е „совершеніе проскомидіи“ XV в. (проскомисаніе „совершеніе проскомидіи“ + проскура „просфора“). [2]) Упомянемъ

---

[1]) Укажемъ народное толкованіе слова «кустодія» (κουστωδία, лат. custodia), осужденное слѣд. образомъ въ Уставѣ церковномъ, писанномъ въ 1608 г.: «что нарекутъ кустодію пилатову девицу ключницу, то есть ересь; все то не было; кустодія есть воиновъ полкъ, рекше рать». *Востокова* Опис. Рум. Муз. 717.

[2]) Сюда же относится примѣръ ф и м і а з м ы (=міазмы+фиміамъ) въ разсказѣ *Лѣскова* «Полунощники».

еще о нѣкоторыхъ произвольныхъ дифференціаціяхъ одного и того же слова; такъ, цк.-сл. слово ѦГГЛЪ (*ăγγελος*) въ произношеніи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ является то **ангелъ**, то **аггелъ** (послѣднее произношеніе въ примѣненіи къ дьяволу); подобнымъ образомъ „**антихристъ**“ (съ окончаніемъ *-ъ*, а не *-осъ*), быть можетъ, для отличія отъ слова „Христосъ“.

3) *Слова, заимствованныя изъ* **латинскаго** *языка.* Эти слова проникли въ русскій языкъ не одинаковымъ путемъ въ различныя эпохи.

Въ древнѣйшій періодъ, во время оживленныхъ сношеній съ Византіей, особенно послѣ утвержденія у насъ христіанства, латинскія слова поступали въ русскій языкъ черезъ посредство греко-византійское, т. е. подвергшись уже нѣкоторымъ перемѣнамъ примѣнительно къ греческому языку. Сюда, напр., относятся такія слова, какъ **миса**=лат. mensa (греч. *μῆσα* и *μῆνσα*), **костель**=лат. castellum (греч. *καστέλλι*), **кентуріонъ** = лат. centurio (греч. *κεντουρίων*), [1]) **фортуна** = лат. fortuna (греч. *φορτοῦνα*), **кустодія** (см. выше), **тавла** = лат. tab(u)la (греч. *τάβλα*) и др. Эти слова, переходя на почву славяно-русскую изъ греческаго, естественно должны были подчиняться тѣмъ же правиламъ, какъ и чисто-греческія слова.

Съ XV—XVI в. начинаютъ входить въ русскій языкъ латинскія слова черезъ посредство польскаго языка, въ которомъ они распространились гораздо раньше, благодаря господству латинской культуры какъ школьной, такъ и церковной;

---

[1]) Лат. буква *c* передъ палатальными гласными въ греческомъ передается черезъ *κ*, такъ какъ именно такое произношеніе она сохраняла и на почвѣ латинскаго языка до VI в. по Р. Х., перешедши затѣмъ въ *ц* или близкій къ нему звукъ, откуда слѣдуетъ, что такія слова перешли въ греческій языкъ не позже означеннаго времени. Если рядомъ съ словами «*кесарь*», «*кентуріонъ*» и пр. въ русскомъ языкѣ имѣются «Цезарь и центуріонъ», то это объясняется тѣмъ, что послѣднія взяты прямо изъ латинскаго уже въ болѣе позднее время (см. ниже).

само собою понятно, что это вліяніе должно было сказываться главнымъ образомъ въ западныхъ и юго-западныхъ русскихъ областяхъ, продолжительное время находившихся подъ польскимъ владычествомъ, [1]) срв. соврем. блр. аркýш, млр. áркуш (пол. arkusz изъ лат. arcus) „листъ бумаги“, блр., млр. и влр.-народное акурáт (польск. akurat изъ лат. accurate) „точь-въ-точь“, блр. млр. гармáта (пол. harmata изъ лат. armata) „пушка“, блр. жегнáць (пол. żegnać изъ лат. signare черезъ нѣмецкое посредство, какъ указываетъ на это звонкость начальнаго согласнаго и его шипящій характеръ) „крестить“, блр. коштовáць, млр. коштувáти, срв. влр. коштъ (изъ средне-лат. costare при нѣмецкомъ посредствѣ), блр. млр. окуля́ры (пол. okulary отъ лат. слова oculus) „очки“ и т. д. [2])

Съ XVI в., съ развитіемъ южно-русской образованности (отсюда переходящей затѣмъ въ Москву), гдѣ изученіе латинскаго языка занимало весьма видное мѣсто, въ русскій языкъ начинаютъ входить слова, заимствуемыя уже непосредственно изъ латинскаго языка. Сюда относится цѣлый рядъ школьныхъ и научныхъ терминовъ, изъ которыхъ впрочемъ иные со временемъ утратились; срв. ексордіумъ (начатокъ), наррація (повѣсть), конклюзія (конецъ), [3]) циркуль

---

[1]) Припомнимъ, что у Курбскаго въ его Перепискѣ и Исторіи часто попадаются, подъ вліяніемъ польскаго языка, на-ряду съ польскими словами (напр. година «часъ», мѣскій т. е. мѣстскій «городской» отъ польск. miasto «городъ», альбо «или»=пол. albo, и др.) также и латинскія, срв. плювія (лат. pluvia), церемонія (лат. ceremonia), фабула «басня» (лат. fabula). Здѣсь мы видимъ, какъ легко перенимаются, особенно литературнымъ путемъ, иноязычныя слова, относящіяся къ культурѣ и образованности.

[2]) Другіе примѣры читатель легко можетъ выбрать изъ списка иностранныхъ словъ въ бѣлорусскомъ языкѣ, помѣщеннаго въ трудѣ проф. Е. Ѳ. Карскаго Бѣлоруссы, I (1903), стр. 144—164.

[3]) т. е. три главныя части въ духовной проповѣди, согласно тогдашнимъ правиламъ риторики.

и т. д. Интересно отмѣтить, что теперь и многія греческія слова поступаютъ въ русскій языкъ въ латинизированномъ видѣ, какъ это можно видѣть изъ такихъ примѣровъ, какъ *цикль*, *центръ*, *центавръ*, на ряду съ которыми существовали и продолжаютъ существовать также формы греческаго типа (срв. *Киклады*, *кентръ*—стар., *кентавръ*).

Наконецъ, латинскія слова въ изобиліи входятъ въ русскій языкъ въ теченіи послѣднихъ вѣковъ какъ непосредственно изъ латинскаго языка, такъ и черезъ посредство французскаго и нѣмецкаго языковъ. Непосредственныя заимствованія происходили главнымъ образомъ черезъ школу, т. е. благодаря изученію латинскаго языка; срв. напр. современныя слова—*экстернъ*, *экзаменъ* и пр. Интересно отмѣтить, что школьное изученіе латинскаго языка создало даже цѣлый рядъ латинизированныхъ русскихъ словъ, образованныхъ прибавленіемъ къ русскимъ корнямъ латинскихъ суффиксовъ, напр. *оболтусъ*, [1]) *свинтусъ*, [2]) *сѣкундаторъ*, [3]) *старикація*, *старушенція*, *распекація* и др. [4]) Что касается заимствованія латинскихъ словъ черезъ посредство языковъ французскаго и нѣмецкаго, то они относятся главнымъ образомъ къ области наукъ и культуры; при этомъ многія такія слова на почвѣ русскаго языка приняли внѣшность болѣе сходную съ латинскимъ, чѣмъ въ языкахъ, откуда

---

[1]) Встрѣчается, между прочимъ, въ повѣсти *Тургенева* «Несчастная» гл. X.

[2]) Тамъ же, гл. XXVII.

[3]) Слово бурсацкаго происхожденія: такъ назывался ученикъ, который, по приказанію учителя, сѣкъ своихъ товарищей (см. *Помяловскій* Зимній вечеръ въ бурсѣ).

[4]) У гр. *А. Толстаго* встрѣчается оригинальное присоединеніе латинскаго падежнаго окончанія *-orum* къ русскому слову «вожакъ» въ стихотвореніи «Порой веселой мая» (23-ья строфа):

Толпы ихъ всѣ грызутся
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ клянутся
In verba вожакорумъ.

они позаимствованы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ латинское произношеніе было менѣе чуждымъ русскому языку, чѣмъ соотвѣтствующее произношеніе, нѣмецкое и главнымъ образомъ французское, срв. слова: *пенсіонъ*, *тенденція*, *республика* и др. Нужно еще указать, что въ русскомъ литературномъ языкѣ, подобно языкамъ западно-европейскимъ, встрѣчаются цѣлыя латинскія выраженія и поговорки безъ перевода и съ сохраненіемъ латинскаго письма, напр.: ex abrupto; sic!; ib.=ibidem; statu quo; jurare in verba magistri; sic transit gloria mundi; sit tibi terra levis!; de mortuis aut bene aut nihil; sapienti sat; и мн. др.

Въ заключеніе укажемъ на морфологическія субституціи, имѣющія мѣсто въ латинскихъ словахъ на почвѣ русскаго языка. Въ словахъ *втораго* и *четвертаго* склоненія [1]) окончаніе *-us* (муж. р.) просто отбрасывается, напр. Титъ (Titus), сенатъ (senatus), а *-ius* втораго склоненія субститируется черезъ *-ій*, напр. Ливій, Плиній (Livius, Plinius); окончаніе втораго склоненія *-um* (ср. р.) частію отбрасывается (напр. рецептъ=лат. receptum), а частію удерживается (напр. форумъ=лат. forum), при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ такія слова въ русскомъ языкѣ переходятъ въ категорію муж. рода. Латинскія имена *третьяго* склоненія муж. р. личныя на *-o* (Р. ед. -ōnis) и *-io* (Р. ед. -iōnis) въ русскомъ языкѣ образуютъ И. ед. по основѣ и потому оканчиваются на *-онъ* и *-іонъ* (напр. Катонъ=лат. Cato -ōnis, Сципіонъ=лат. Scipio -iōnis), между тѣмъ какъ слова на *-io* (Р. ед. -iōnis) ж. р. принимаютъ окончаніе *-ія* (напр. абстракція=лат. abstractio, лекція=лат. lectio, религія =religio), [2]) хотя иногда встрѣчается также *-іонъ* съ перехо-

---

[1]) Слова перваго латинскаго склоненія перешли въ русскій языкъ безъ перемѣны своего окончанія, такъ какъ соотвѣтствующее окончаніе (*-a*) имѣлось и въ русскомъ языкѣ.

[2]) При именахъ на *-ція*, соотвѣтствующихъ латинскимъ именамъ на *-tio* (лат. *ti* передъ гласнымъ произносится какъ *ци*), прилагательныя при-

домъ въ категорію муж. р. (напр. легіонъ=лат. legio). Къ сказанному добавимъ, что при заимствованіи изъ латинскаго языка наблюдается та характерная особенность, что перенимаются не только отдѣльныя слова, но и родственныя группы ихъ, напр. названіе опредмеченнаго дѣйствія рядомъ съ названіемъ дѣятеля, напр. дирек*ція* || дирек*торъ*, администр*ація* || администр*аторъ*, авіа*ція* || авіа*торъ*—новое слово, образованное соотвѣтственно указанному принципу чередованія (къ этому присоединяется иногда и названіе глагольнаго дѣйствія съ образованіемъ на *-овать* или *-ировать*). Такимъ образомъ, служа источникомъ заимствованія, латинскій языкъ, въ отличіе отъ греческаго, далъ не только матеріалъ, но отчасти и формальныя средства для словопроизводства въ области этого матеріала, что̀ указываетъ на удобство и жизненность этихъ формальныхъ средствъ. [1])

4. *Слова* **французскаго** *происхожденія* въ русскомъ языкѣ. Французскій языкъ, представляя собою, подобно другимъ романскимъ, дальнѣйшее развитіе народнаго латинскаго языка, естественно долженъ былъ еще дальше послѣдняго разойтись съ представителями другихъ вѣтвей, въ частности съ русскимъ языкомъ (срв. мать || франц. mère, солома || chaume, четыре || quatre, восемь || huit, червь || ver и т. п.). Поэтому, встрѣчая теперь совпаденіе словъ въ языкахъ французскомъ и русскомъ, мы признаемъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствіе природныхъ словъ, такъ какъ слова этой категоріи, какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣ-

---

нимаютъ большею частію еще слогъ *он* (т. е. -ці-он-) соотвѣтственно основѣ латинскихъ существительныхъ, напр. лекціонный и т. п.

[1]) Аналогичная черта, т. е. групповаго заимствованія, издавна сопровождаетъ переходъ латинскихъ словъ и въ западно-европейскіе языки, срв. франц. administr*ation* || administr*ateur*, нѣм. Administr*ation* || Administr*ator*, и т. п. Это обстоятельство могло благопріятствовать и содѣйствовать укрѣпленію такихъ же чередованій и на почвѣ русскаго языка.

ровъ, вообще сильно разошлись между собою, иногда до неузнаваемости, а простое заимствованіе (срв. сюжетъ || sujet, гувернёръ || gouverneur и т. п.), при чемъ направленіе заимствованія шло отъ французскаго языка къ русскому, а не наоборотъ, такъ какъ русскій языкъ въ силу неблагопріятно сложившихся историческихъ условій не могъ служить для нихъ источникомъ заимствованія. Заимствованіе французскихъ словъ произошло въ значительной мѣрѣ не непосредственно, а черезъ посредство нѣмецкое, нерѣдко претерпѣвая при этомъ соотвѣтствующія измѣненія; такъ напр. многіе французскіе глаголы поступили въ русскій языкъ съ суффиксальнымъ элементомъ *-ир-* (нѣм. *-ier*-en или *-ir*-en), широко распространившимся въ нѣмецкомъ языкѣ, напр. *accompagner*⇄нѣм. accompanieren, рус. аккомпан*ировать*, *concourir*⇄нѣм. konkurieren, рус. конкур*ировать*; [1]) впослѣдствіи такое образованіе стало примѣняться въ русскомъ языкѣ по отношенію къ французскимъ словамъ и независимо отъ нѣмецкаго языка, такъ что для нѣкоторыхъ глаголовъ на *-ировать* нѣтъ соотвѣтствующихъ въ нѣмецкомъ языкѣ, напр. манк*ировать* (франц. manquer). [2]) Что касается эпохи заимствованія словъ французскаго происхожденія, то она начинается довольно поздно—лишь съ XVIII в., т. е. со времени Петра В. [3])

---

[1]) Интересно отмѣтить, что природные нѣмецкіе глаголы не имѣютъ суффиксальнаго слога *-ир-*, что отразилось и на русскихъ словахъ заимствованныхъ съ нѣмецкаго: вербовать, малевать, паковать, штурмовать, шпиговать и др.

[2]) Къ примѣрамъ измѣненія французскихъ словъ на почвѣ нѣмецкаго языка принадлежитъ, между прочимъ, слово die Chocolade (⇐франц. Chocolat), заимствованное затѣмъ русскимъ языкомъ также съ суффиксальнымъ *д*, а не *т*; весьма вѣроятно, что такой замѣнѣ способствовали французскія слова на -ade, напр. la limonade (нѣм. Limonade, рус. лимонадъ) и др.

[3]) Обстоятельный списокъ иностранныхъ словъ этого времени приводится въ изслѣдованіи А. Н. Смирнова «Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху» (см. Сборн. отд. рус. яз. и слов. А. Наукъ, т. LXXXVIII, № 2, 1910 г.). Просматривая этотъ списокъ, читатель убѣждается, что для одной и той же сферы явленій слова могли заимствоваться

Сопоставляя русскія слова французскаго происхожденія непосредственно съ французскими словами, мы легко подмѣчаемъ нѣкоторыя общія правила для тѣхъ перемѣнъ, которыя испытали французскія слова при поступленіи своемъ на русскую почву. Въ области *звуковъ* эти видоизмѣненія сводятся къ слѣдующему:

франц. ö (орѳ. eu)⇒рус. ’о (орѳ. ё, е), напр. монтёръ, сапёръ, маркёръ; [1])

франц. ü (орѳ. u)⇒рус. ’у (орѳ. ю), напр. бюро, сюжетъ; слово жюри обычно произносится въ образованной рѣчи съ иностраннымъ звукомъ ü, какъ нерѣдко и слово брошюра;

франц. i (орѳ. i) послѣ шипящихъ⇒рус. ы (орѳ. и), напр. жиронди́стъ, шишъ (срв. франц. chiche „скупой“);

франц. wa (орѳ. oi)⇒рус. уа́, уа′, напр. тротту́аръ, будуа́ръ, Буало; въ положеніи же передъ гласнымъ это сочетаніе заимствуется уже въ видѣ *ой*, напр. рояль (произн. роjа́л′), *фойэ*; [2])

французскіе *носовые гласные* замѣняются сочетаніями изъ чистыхъ гласныхъ + носовой согласный, напр. lampe⇒*лам*па, interessant⇒*ин*тересный; конечное -ã (орѳ. -in, -ain) замѣняется неодинаковыми сочетаніями, срв. Saint⇒ Сенъ- или Сентъ-, gobelin⇒гобе*ленъ*, Augustin⇒ Огюст*энъ*, bulletin⇒бюллет*ень*, bassin⇒бас*сейнъ*, tambourin⇒тамбури́нъ; конечное -i͡õ (орѳ. -ion)

одновременно изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ; это вполнѣ понятно, такъ какъ съ пробужденіемъ интереса къ какой-либо области явленій удовлетвореніе его, какъ въ жизни отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа, происходитъ при помощи всѣхъ доступныхъ источниковъ.

[1]) Сюда относятся также написанія куръёзный, серьёзный, передающія франц. curieux, sérieux; вм. *ьё* въ нихъ нерѣдко пишется *io*. Имя Монтескьё Карамзинъ передавалъ написаніемъ *Монтескьйо*.

[2]) Слово «рояль» подходитъ подъ послѣднюю категорію однако съ тою особенностью, что сочетаніе буквъ *йа* по свойству русскаго письма замѣняется буквою *я*.

субституируется чрезъ *-іóнъ* или *-ьонъ*, напр. п а н с і о н ъ (франц. pension), м и л л і о н ъ (million); также и въ словахъ, оканчивающихся во французскомъ на орѳограф. -illon, -gnon, напр. м е д а л ь о н ъ, ш а м п и н ь о н ъ;

франц. l съ слѣдующимъ непалятальнымъ гласнымъ субституируется по-русски частію посредствомъ твердаго *л*, а частію посредствомъ мягкаго, срв. *л а* м п а || к о м п и *л я* ц і я, въ концѣ же словъ франц. орѳ. *-le* или *-lle*⇒ рус. *л'* (орѳ. -ль), а *-l*⇒рус. *л* (орѳ. -лъ), напр. le role⇒р о *л* ъ, le vaudeville⇒в о д е в и *л* ъ, le voile⇒в у а *л* ъ, le или la quadrille⇒к а д р и *л* ъ, но: le bal⇒б а *л* ъ, le caporal⇒к а п р а *л* ъ;

французскіе *конечные согласные*, по правилу въ отдѣльныхъ словахъ не произносящіеся, при заимствованіи въ русскій языкъ однакожъ субститируются соотвѣтствующими согласными, напр. ballet⇒б а л е *т* ъ, tabouret [1])⇒т а б у р е *т* ъ, début⇒д е б ю *т* ъ, le salut⇒с а л ю *т* ъ, le présent⇒п р е з е *н т* ъ. Этому способствовало не одно правописаніе французское, но также и то фонетическое обстоятельство, что въ этихъ словахъ и въ самомъ французскомъ языкѣ согласный сохраняется и произносится передъ гласнымъ началомъ слѣдующаго слова, а также въ производныхъ словахъ (срв. présenter⇒презентовать; отсутствіемъ такого производнаго можно объяснить отступленія, представляемыя словами р е с т о р а *н* ъ⇐restaurant, и н т р и г а *н* ъ⇐intrigant, хотя въ послѣднемъ примѣрѣ встрѣчаемъ и и н т р и г а *н т* ъ, вѣроятно подъ вліяніемъ формы ж. р.—intrigante).

---

[1]) Производное отъ сущ. *tabour* «барабанъ», заимствованнаго съ арабскаго и существовавшаго въ ст.-франц., но затѣмъ замѣнившагося словомъ tambour; первоначальное значеніе слова *tabouret* было такимъ образомъ—маленькое сидѣнье въ формѣ барабана.

Въ отношеніи *морфологическомъ* мы остановимся на разсмотрѣніи формальныхъ субституцій въ области трехъ частей рѣчи, болѣе частыхъ при заимствованіи, именно—существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ.

Имена существительныя, оканчивающіяся во французскомъ языкѣ на *-e* muet, при заимствованіи въ русскій языкъ субститируются двояко: 1) такія слова, отбрасывая свое графическое окончаніе (*e* muet), заимствуются съ своимъ послѣднимъ согласнымъ въ твердомъ его произношеніи, въ зависимости отъ чего они въ русскомъ языкѣ необходимо поступаютъ въ категорію именъ муж. рода, къ какому бы роду ни принадлежали они во французскомъ языкѣ, срв. *le* filtre⇒ф и л ь т р *ъ*, *le* platane⇒п л а т а н *ъ*, *la* sorte⇒с о р т *ъ*, *la* visite⇒в и з и т *ъ*, *la* réserve⇒р е з е р в *ъ* и т. п.; 2) графическое окончаніе *-e* muet въ русскомъ языкѣ замѣняется посредствомъ природнаго окончанія *-a* ж. р.; эта субституція произошла вообще только по отношенію къ франц. словамъ ж. р. (срв. la lampe⇒ л а м п *а*, la personne⇒п е р с о н *а*), что же касается словъ муж. рода, то сюда принадлежатъ большею частію слова греч. происхожденія на *-me*=греч. *-μα* (напр. le programme⇒ п р о г р а м м *а*) и лишь немногія слова природныя (напр. le vase⇒в а з *а*, le casque⇒к а с к *а*, le masque⇒м а с к *а*, le groupe⇒г р у п п *а*, при чемъ въ послѣднемъ словѣ видимъ двойное *п* ужъ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ). [1])

Французскія существительныя съ такими окончаніями, для которыхъ не было соотвѣтствія въ русскомъ языкѣ, перешли въ литературный русскій языкъ не измѣнивъ своего окончанія, а потому, не подойдя ни къ одному склоненію, они остались несклоняемыми; сюда относятся напр. слова: р а г *ý*,

[1]) Интересно отмѣтить, что польскій языкъ пользуется субституціей окончанія *-a* на мѣсто франц. *e* muet въ болѣе широкихъ размѣрахъ по сравненію съ русскимъ языкомъ, срв. пол. rezerwa, wizyta, klassa, sałata, limonada, kapota (въ этомъ случаѣ польскій обнаруживаетъ параллелизмъ съ нѣмецкимъ).

Жужý; [1]) драпрú, парú; консомé, портмонé, фойé. Кромѣ того, несклоняемыми оказались и слова съ окончаніемъ -о́, не смотря на то, что такое окончаніе существуетъ и въ русскомъ языкѣ, срв. жабо́, пальто́ и др. Очевидно, что всѣ эти слова представляютъ собою результатъ позднѣйшаго заимствованія и притомъ литературнымъ путемъ, вообще предохраняющимъ иностранныя слова отъ перемѣнъ. Указываемыя слова поступили въ русскомъ языкѣ въ категорію средняго рода, за исключеніемъ именъ собственныхъ (срв. Тьеррú и др.) и названій животныхъ (какъ напр. Жужу и т. п.).

Нужно еще отмѣтить заимствованіе въ русскомъ языкѣ препозиціоннаго комплекса *à la* (нерѣдко даже во французскомъ написаніи), обыкновенно для указанія подражанія кому или чему; такъ уже въ Магазинѣ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній за 1795-ый годъ (мартъ) находимъ: „нарядъ à la Turque“ (стр. 195), „чѣмъ-нибудь бѣлымъ à la Hamlet“ (стр. 196).

Къ наиболѣе типичнымъ *суффиксамъ* французскихъ существительныхъ, встрѣчаемымъ въ заимствованныхъ словахъ, принадлежатъ: *-eur* и *-age* м. р. и *-ence* и *-ade* ж. р., срв. граверъ, суфлеръ..., дренажъ, виражъ..., кадансъ, реверансъ..., канонада, бригада... Изъ суффиксовъ, перенесенныхъ въ позднія времена книжнымъ путемъ изъ латинскаго во французскій языкъ, суффиксъ *-teur* субститируется не только въ видѣ *-тёръ* (напр. актеръ, визитеръ), но также и въ чисто латинскомъ видѣ (напр. авторъ, директоръ), а окончаніе *-tion* мѣняется въ русскомъ языкѣ на *-ція*, подобно субституціи въ чисто латинскихъ словахъ (см. выше сноску 2-ую на стр. 463).

Въ области французскихъ прилагательныхъ частыми суффиксами являются *-aire*, *-ique* и *-if*, при чемъ первый

[1]) Названіе собаки (см. Крыловъ Двѣ собаки; въ той же баснѣ встрѣчаемъ въ качествѣ дальнѣйшаго образованія уменьшительно-ласкательное—Жужу*тка*).

суффиксъ въ русскомъ языкѣ видоизмѣняется въ *-ар-* и дополняется природнымъ суффиксомъ *-ный*, второй мѣняется на *-ическій*, а послѣдній, смѣнивъ *f* на *v*, дополняется суффиксомъ *-ный*, напр.: sanitaire⇒санитарный, légendaire⇒легендарный; diplomatique⇒дипломатическій, stratégique⇒стратегическій; administratif⇒административный. Кромѣ того, цѣлый рядъ прилагательныхъ образовался уже на почвѣ русскаго языка отъ заимствованныхъ существительныхъ (какъ это вообще наблюдается при заимствованіи), напр. капралъ<капральскій, ревизія<ревизіонный и т. п.

Французскіе глаголы, переходя въ русскій языкъ, получаютъ суффиксъ *-ую-овать*, нерѣдко съ предшествующимъ сочетаніемъ *-ир-* уже нѣмецкаго происхожденія; напр.: рискýю, аттестýю, адресýю, протестýю, мобилизýю, полирýю, дрессирýю, фигурúрую, парúрую. Нѣкоторые французскіе глаголы позаимствованы обоими способами, при чемъ иногда съ различіемъ образованія соединяется и различіе смысла, напр. командýю || командирýю, формýю || формирýю.

Кромѣ *простыхъ* словъ въ русскій языкъ поступило не мало французскихъ *сложеній*, въ которыхъ иногда и въ русскомъ языкѣ обнаруживается ихъ сложный типъ, благодаря частой повторяемости первой части сложенія, какъ напр. въ случаяхъ: *порт*фéль, *порт*монэ́, *порт*сигáръ, *порт*шезъ; *аван*гáрдъ, *аван*пóстъ. Тамъ, гдѣ этого условія не было, сложное слово въ русскомъ языкѣ чувствуется уже какъ простое, напр. офортъ (eau-forte), одеколонъ, абажуръ, ажурный, шедевръ. Сюда же можно отнести случай заимствованія франц. существительнаго въ соединеніи съ членомъ, очевидно принятымъ за начальный звукъ самаго слова—ломберъ (карточная игра)⇐l'hombre. [1])

[1]) Въ виду такого же явленія въ нѣмецкомъ языкѣ (das Lomber), можно принять, что данное слово перешло къ намъ черезъ нѣмецкое посредство; срв. также: ломберный столъ || нѣм. Lombertisch.

Заимствованія изъ французскаго происходили не только въ области отдѣльныхъ словъ, но также и въ области словосочетанія, т. е. въ *синтаксисѣ*; сюда относятся случаи употребленія дѣепричастія и причастія въ придаточномъ предложеніи, когда въ главномъ предложеніи стоитъ другое подлежащее; такіе случаи встрѣчаемъ у Фонъ-Визина, Крылова и Пушкина; срв. „*Пріѣхавъ* въ Бѣлевъ, по счастію попалась намъ хорошая квартира“ (Фонъ-Визинъ Письма къ роднымъ); „*Не имѣя* третій мѣсяцъ никакого объ васъ извѣстія, нетерпѣніе наше было несказанное“ (тамъ же); „Хотя я и не пророкъ, но, *видя* мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется, пророчество почти всегда мнѣ удается“ (Крыловъ); „Вы согласитесь, что, *имѣя* право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“ (Пушкинъ Выстрѣлъ, гл. I); срв. еще: „Маша не обратила никакого вниманія на учителя. *Воспитанная* въ аристократическихъ предразсудкахъ, *учитель былъ для нея* родъ слуги или мастероваго“ (Пушкинъ Дубровскій, гл. VIII). [1]) Въ литературномъ языкѣ такіе обороты, осуждавшіеся еще Ломоносовымъ, [2]) считаются теперь окончательно неправильностями.

Возвращаясь къ употребленію отдѣльныхъ словъ французскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ, не лишне упомянуть, что въ *народномъ языкѣ* такія слова подверглись разнообразнымъ видоизмѣненіямъ, приспособляясь къ природнымъ словамъ какъ въ звуковомъ отношеніи, такъ и въ мор-

---

[1]) Въ аналогичныхъ случаяхъ въ древне-русскомъ языкѣ встрѣчаемъ оборотъ Дат. самост., срв: «*володимеру бо разболѣвшюся* в се же время бяше *у него* борисъ» (Лавр. Л., подъ 1015 г.); «*кіеви* же *пришедшю* въ свой градъ кіевъ- ту живот свой сконча» (тамъ же, во вступленіи).

[2]) «Весьма погрѣшаютъ тѣ, которые по свойству чужихъ языковъ дѣепричастія отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ. Ибо дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ, на которомъ всей рѣчи состоитъ сила: *идучи въ школу, встрѣтился я съ пріятелемъ*... Но многіе въ противность сему пишутъ: *идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель*...; что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Россійское сочиненіе» (Ломоносовъ Росс. Грамм. § 532).

фологическомъ и смысловомъ; примѣры *звуковой субституціи*: мусью, *па*третъ, *кі*ятеръ, и др.; примѣры *морфологизаціи*: кадр*ель*, дифтер*икъ*[1]) вм. дифтеритъ, *при*ферансъ,[1]) *не*бель, *не*крутъ; примѣры *семазіологизаціи*, часто соединяющейся съ предшествующими чертами: *гульваръ*, *великатный*[2]) вм. деликатный, *галдарея*[3]), *миліатюрный*[4]), *міродеръ* вм. мародеръ[5]) и т. д. Само собою разумѣется, что такія видоизмѣненія заимствованныхъ словъ значительно разнообразятся по мѣстностямъ и сословіямъ (срв. тортуаръ || тротоваръ и т. п.); чѣмъ лица меньше образованы, тѣмъ больше и перемѣнъ, хотя изрѣдка перемѣны встрѣчаются и въ говорѣ вполнѣ образованныхъ, напр. *сурьезный* вм. *серьезный* (очевидно—подъ вліяніемъ слишкомъ значительнаго созвучія съ словомъ „*курьезный*“).

Закончивши грамматическій обзоръ словъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка въ русскій, мы представимъ теперь ихъ *предметную группировку*, т. е. разсмотримъ, къ какимъ областямъ жизни они относятся. При этомъ обзорѣ мы убѣждаемся, на-сколько широко и глубоко захватило французское вліяніе русскую жизнь, такъ какъ заимствованныя французскія слова относятся почти ко всѣмъ сферамъ русской жизни.[6]) Такъ, къ области *искусства* относятся слова:

---

[1]) Чебоксары (Казан. губ.)—въ купеческомъ говорѣ.

[2]) Тамъ же — въ значеніи «важный» вслѣдствіе приноровленія къ смыслу словъ «величавый», «величаться» и т. д.

[3]) Напр. у Гоголя въ «Мертвыхъ Душахъ» гл. I.

[4]) Въ разсказѣ Лѣскова «Полунощники»: личико миліатюрное; у того же писателя можно встрѣтить множество подобныхъ примѣровъ.

[5]) Франц. *marodeur* (слово неизвѣстнаго происхожденія)—о солдатахъ, производящихъ во время похода грабежи въ поляхъ, деревняхъ и усадьбахъ.

[6]) Менѣе всего заимствованныхъ французскихъ словъ мы видимъ въ области *религіи* и *науки*: первое объясняется тѣмъ, что ко времени французскаго вліянія религіозная жизнь въ Россіи уже сложилась и имѣла свои особыя обозначенія, заимствованныя въ значительной степени—какъ мы уже о томъ говорили—изъ греческаго языка; второе находится въ зависимости отъ того, что научные термины вообще создавались искусственно, исходя при этомъ изъ языковъ греческаго и латинскаго.

пьеса, роль, актеръ, суфлеръ, режиссеръ, афиша, антрактъ, партеръ, водевиль, фарсъ, антрепренеръ; пейзажъ, эскизъ, жанръ, профиль, en face, багетъ, сюжетъ, пьедесталъ, бюстъ, торсъ, барельефъ, статуя, гриффонъ, каррикатура, виражъ, фиксажъ, кассета, и т. д. Къ области *государственной жизни* относятся слова: политика, парламентъ, департаментъ, депутатъ, бюджетъ, полиція, жандармъ, почтальонъ, депеша, эстафета, курьеръ, и др. Очень много словъ принадлежитъ къ *военному дѣлу*, которыя заимствовались изъ французскаго также и другими языками (особенно начиная съ XVII в.); срв.: аттака, канонада, кавалерія, артиллерія, инфантерія, корпусъ, батальонъ, бригада, гарнизонъ, солдатъ, офицеръ, генералъ, сержантъ, капралъ, инвалидъ, рекрутъ, фортъ [1]), саперъ, минеръ и др. Къ области *морскаго дѣла* относятся слова—флотъ, эскадра и нѣк. др., но большинство морскихъ терминовъ заимствованы изъ другаго источника, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. *Пути сообщенія* и *средства передвиженія*: шоссе, экипажъ, рессора, вагонъ и др. Къ области *торговли, промышленности* и *производствъ* принадлежатъ слова: кредитъ, балансъ, авансъ, мануфактура, магазинъ, комивояжеръ, фабрика, драпъ, трико и пр. *Одежда* и *мода*: костюмъ, пальто, сюртукъ, камзолъ, жилетъ, корсетъ, капотъ, блуза, корсажъ, вуаль, ботинокъ, мода, модистка и т. д. *Украшенія*: медальонъ, брошь, браслетъ, стразъ и др. Область *жилища, домашней обстановки* и *кухни* представляетъ весьма большое количество словъ французскаго происхожденія: этажъ, бельэтажъ, антресоли, салонъ, кабинетъ, будуаръ, дортуаръ, паркетъ и др.; мебель, гардеробъ, комодъ, туалетъ, ломберный столъ, табуретка, гардина, люстра, абажуръ, лампа, портьера, драпри, ниша, трюмо и т. д.; супъ, бульонъ, котлета, антрекотъ, кувертъ, сервизъ, десертъ, мармеладъ и пр.; легко видѣть,

[1]) Нѣмецкое слово Fort заимствовано тоже изъ франц., о чемъ свидѣтельствуетъ признакъ *-s* для мн. ч.—die Forts.

что перечисленныя слова относятся почти исключительно къ жизни людей достаточныхъ. *Общественная жизнь* и *развлеченія*: parti de plaisir, petits-jeux, серсо, комплиментъ, реверансъ, ангажировать, кадриль, вальсъ, визитъ, преферансъ, карты, талья, тузъ, пикетъ, трефы, пики; дрессировка, тубо, шершъ, авансъ, пиль (pille). Кромѣ того, изъ французскаго перешли нѣкоторыя *фамильярныя* слова и выраженія, какъ напр.: монширъ, машеръ, пассажъ („какой пассажъ!“), пардонъ („просить пардонъ“), амикошонъ, фитюлька (futile?), фатъ, фанфаронъ и нѣк. др.

Примѣчаніе. Не слѣдуетъ однако думать, что всѣ приведенныя здѣсь и имъ подобныя слова являются природными французскими. Нѣкоторыя изъ нихъ въ свою очередь оказываются заимствованными въ болѣе раннее время изъ другихъ языковъ (не говоря уже при этомъ о *латинскомъ* языкѣ, изъ котораго былъ заимствуемъ книжнымъ путемъ цѣлый рядъ научно-литературныхъ словъ, начиная отъ XI в. и до нашихъ дней). Такъ, весьма многія французскія слова заимствованы изъ *итальянскаго* въ XVI в., когда французскіе короли предпринимали походы въ Италію и когда затѣмъ въ правленіе Екатерины Медичи, итальянки по происхожденію, все итальянское стало входить въ моду; напр.: barricade, bastion, brigade, arsenal, affront, brave, bravoure; courtisan, bouffon, charlatan, carnaval, arlequin; arcade, balcon, balustrade, baldaquin, catafalque, costume, aquarelle, buste, adagio, andante, piano, forte; banque, banqueroute. Подобнымъ же образомъ изъ *испанскаго* языка было заимствовано также не мало словъ въ эпоху конца XVI в. и первой половины XVII в., благодаря войнамъ: adjutant, caserne, camarade, risquer; embarquadère, débarquadère; alcôve, corridor, mantille, castagnette, guitare, sérénade, hombre, ponte, dominos, laquais, marmelade, caramel, chocolat, vanille, tabac, tomate, cigare, limon, jasmin, tulipe, indigo, mérinos, cochenille и др. Что касается словъ *германскаго* происхожденія, то здѣсь различаются два слоя—древній, перешедшій во французскій языкъ черезъ посредство средневѣковой латыни, вслѣдствіе чего такія слова значительно утратили свой германскій характеръ, напр. bloc (en bloc), brèche, boulevard, croupe, écran, émail, gazon, loge, maréchal, rang, salle, toupet; болѣе поздніе заимствованія — съ XVI в., когда начинается рядъ войнъ; напр. въ XVI в.—arquebuse, bière, bismuth, cauchemar, potasse, въ XVII в.—bivouac, blinde, blinder, valse, zigzag, zinc, въ XVIII в.—cobalt, glaçure, gneiss, kirsch-wasser, quartier-mestre, quartz, spath, vampire, vasistas, vermout, въ XIX в.—blockhaus, couperose, képi; легко замѣтить, что между заимствованіями, кромѣ военныхъ терминовъ, много словъ относящихся къ горной промышленности, столь распространенной въ Германіи. *Англійскій*

языкъ, благодаря замѣчательному развитію Англіи и Соединенныхъ Штатовъ въ отношеніи торговли, промышленности, государственности и проч., далъ французскому языку очень много словъ, особенно же въ XIX столѣтіи; къ нимъ принадлежатъ: budget, jury, bill, comité, speech, verdict, club, meeting, toast, chèque, spleen, confort, sentimental, humour, franc-maçon, truisme, sinécure, biftack, rosbif, pouding, grog, gin, punch, rhum, sport, boxe, jockey, clown, croquet, bouledogue, groom, raout, whist, boston, touriste, faschionable, flirter, gentleman, dandy, bébé, châle, redingote, plaid, waterproof, mackintosh, yacht, dock, cabine, ballast, rail, wagon, tunnel, express, tender, tramway, stopper, soda, celluloïd, gutta-percha, flanelle, cottage, veranda, square, и мн. др. Укажемъ, наконецъ, нѣкоторыя заимствованія изъ *голландскаго* языка: bac, bateau, cajute, capre, dock, foc, locman, matelot и др.

6. *Слова, заимствованныя изъ* **нѣмецкаго** *языка.* Оставляя въ сторонѣ слова, заимствованныя въ древнѣйшія времена изъ германской языковой области, напр. изъ готскаго языка, уже разсматривавшіяся нами, мы обратимся къ словамъ нѣмецкимъ, которыя начали поступать въ русскій языкъ значительно раньше французскихъ, а именно съ XIII в., когда на берегахъ Балтійскаго моря основался нѣмецкій орденъ меченосцевъ, съ которымъ русскіе должны были вступать частію въ борьбу, частію въ торгово-договорныя сношенія. Впослѣдствіи значительное количество нѣмецкихъ словъ, какъ уже упоминалось, проникло въ русскій языкъ (особенно въ его западныя области) черезъ посредство польскаго, въ которомъ этотъ элементъ и въ настоящее время представленъ гораздо сильнѣе [1]). Особенно же много нѣмецкихъ словъ стало переходить въ русскій языкъ съ XVIII-го вѣка, когда Россія вступила въ болѣе тѣсное общеніе съ западной Европой.

Переходимъ къ указанію важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ слова, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка. *Фонетическіе* признаки этихъ словъ выступаютъ особенно отчетливо при сравненіи съ законами звуковыхъ соотвѣтствій,

---

[1]) Срв. пол. r a c h u n e k «счетъ» ⟵ нѣм. Rechnung, g m a c h «большое зданіе» ⟵ Gemach, d a c h «крыша» ⟵ Dach, и т. д.

установленными между родственными языками. Такъ, если нѣмецкому *ü* (произношеніе котораго нерѣдко приближается къ *i*) соотвѣтствуетъ въ сходномъ русскомъ словѣ *и* (напр. Flügel=флигель), то это указываетъ на нѣмецкій источникъ русскаго слова; точно также соотвѣтствіе нѣмецкимъ дифтонгамъ *au* и *ei* въ русскомъ литературномъ языкѣ звукосочетаній *ау* и *ей* (напр. Hauptwache=гауптвахта, Reissfeder=рейсфедеръ) свидѣтельствуетъ не о родствѣ, а о заимствованіи. Въ области согласныхъ къ подобнымъ соотношеніямъ звуковъ нужно отнести случаи, когда сходныя слова не имѣютъ того различія, которое должно было бы въ нихъ получиться по законамъ звуковаго соотвѣтствія; такъ, напр., въ вышеприведенномъ словѣ „рейс*ф*едеръ“ звукъ *ф* указываетъ на заимствованіе, такъ какъ русское слово, родственное нѣмецкому Feder, должно было бы начинаться съ согласнаго *п*, какъ это мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ родственномъ словѣ *п*еро [1]); также въ словѣ „танеи̯ъ“ согласный *и* указываетъ на заимствованіе изъ нѣмецкаго, такъ какъ другіе изъ западно-европейскихъ языковъ (за исключеніемъ латинскаго) этого согласнаго не имѣютъ. Далѣе, къ признакамъ, указывающимъ на заимствованіе съ нѣмецкаго, относятся нѣкоторыя группы согласныхъ, нерѣдкія въ нѣмецкихъ словахъ и передаваемыя въ русскомъ тѣми же группами вопреки звуковымъ законамъ, напр. *хт* = нѣм. cht (вахта≤Wacht), *шт* = нѣм. st (штофъ≤stoff, штопать≤stopfen, коштъ≤Kost), *шп-* = нѣм. sp- (шпиговать≤spicken).

---

[1]) Впрочемъ можно указать случай, гдѣ нѣмецкое слово, начинающееся съ f, позаимствовано въ русскій языкъ съ начальнымъ *п*, срв. пихта≤Fichte. Другими примѣрами соотвѣтствія согласныхъ въ родственныхъ (а не заимствованныхъ) словахъ русскаго и нѣмецкаго языка могутъ служить (ограничиваемся случаями начальныхъ согласныхъ): *п*олный (*p)=*v*oll; *б*лять (*b)=*f*lehen; *б*ратъ (*bh)=*B*ruder; *т*ы (*t)=*d*u, *т*ри=*d*rei; *д*ва (*d)=*z*wei, *до* (предлогъ)=*z*u; *д*олъ (*dh)=*Th*al, *д*ѣлать=*th*un; *к*то (*k²)=*w*er (*w*- изъ *hw*-); *ч*ервь (*ч* изъ *k*)=*W*urm; *г*овядо (*g²)=*K*uh; *ж*ивой=Queck-; *г*орѣть, *ж*аръ (*g²h)=*w*arm; *с*то (*k¹)=*h*undert, *с*олома=*H*alm; *з*ерно (*g¹)=*K*orn, *з*нать=*k*ennen; *з*олото (*g¹h)=*G*old (срв. выше стр. 93—97).

Примѣненіе шипящихъ въ этихъ случаяхъ указываетъ на заимствованіе съ голоса; при заимствованіи черезъ письмо вмѣсто шипящаго можетъ стоять и свистящій, напр. *статскій* (‖ *штатскій*), статсъ-дама. [1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣмецкая группа *-st-* субститируется въ русскихъ заимствованіяхъ посредствомъ сочетанія изъ взрывнаго шипящаго + *т*, напр. въ словахъ *мачта*, *почта*, гдѣ мы встрѣчаемъ *ч* вм. *ш*; это объясняется тѣмъ, что въ этихъ словахъ сначала произносилось *шт*, т. е. подобно польскому слову *maszt* [2]) и русскому народному *пошта*, но затѣмъ по аналогіи къ такимъ словамъ, какъ „что“ (въ произношеніи=што), стали писаться черезъ *чт*, а это въ свою очередь вызвало книжное (согласное съ орѳографіей) произношеніе этихъ словъ. Отмѣтимъ наконецъ, что русское *ж* въ соотвѣтствіи съ нѣмецкимъ *s* звонкимъ также свидѣтельствуетъ о заимствованіи (срв. *биржа*⇐Börse).

Изъ *морфологическихъ* признаковъ отмѣтимъ слѣдующіе: 1) суффиксальныя окончанія *-ель* и *-ерь* (-ерь), а также— *-та* и *-тъ* съ предшествующимъ согласнымъ *х* или *ф* (срв. муштаб*ель*, вахт*ерь*, ег*ерь*; [3]) шах*та*, фрах*тъ*, му*фта*, [4])

---

[1]) Слова «*ст*амеска», «*ст*улъ» по всей вѣроятности были заимствованы съ голоса, при чемъ нѣмецкій говоръ, послужившій источникомъ заимствованія, не измѣнилъ еще начальной группы st- въ št (въ русскомъ языкѣ слово «стулъ» впервые отмѣчено въ Посл. царя Ив. Вас. Кирил. Бѣлоз. мон. ок. 1578 г., см. Словарь Срезневскаго).

[2]) Въ словарѣ 1704 г. соотвѣтствующее русское слово приведено въ видѣ маштъ, т. е. съ шипящимъ придувнымъ. Что касается слова «почта», то оно еще не встрѣчается въ этомъ словарѣ; польское же слово poczta по всей вѣроятности заимствовано съ русскаго.

[3]) Конечно, подобныя окончанія можно встрѣтить и въ природныхъ русскихъ словахъ (напр. жит*ель*, вѣт*еръ*), но — какъ мы уже имѣли случай пояснить—признаніе слова заимствованнымъ изъ извѣстнаго языка должно опираться не на одинъ какой-либо, а на сумму признаковъ фонетическихъ, морфологическихъ и семазіологическихъ.

[4]) Окончаніе *-та* присоединилось въ этомъ словѣ уже на русской почвѣ (срв. нѣм. der Muff).

шриф*тъ*), при чемъ удареніе, какъ и въ другихъ существительныхъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, падаетъ соотвѣтственно языку-источнику на корневой слогъ, такъ что конецъ словъ неодносложныхъ, въ противоположность словамъ французскаго происхожденія, является неударенным; 2) наличность сложеній съ характерной для нѣмецкаго звуковой физіономіей, составленныхъ изъ двухъ существительныхъ безъ т. наз. соединительнаго гласнаго, при чемъ первый членъ служитъ опредѣленіемъ втораго, напр. аксельбантъ, бакенбарды, балетмейстеръ, брандмайоръ, брустверъ, гофмейстеръ, камердинеръ, мундштукъ, парикмахеръ, почтамтъ, фурманъ, циферблатъ и др.; [1]) какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, удареніе сложеній нерѣдко отступаетъ отъ общаго правила, падая на конечный слогъ.

Примѣчаніе. Что касается рода существительныхъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго языка, то нѣмецкія слова жен. рода, оканчивающіяся на *-e*, субститируютъ это окончаніе посредствомъ *-а* (в а н н *а* ⟵ Wanne и др.), [2]) оканчивающіяся же согласнымъ, частію принимаютъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *-а*, сохраняя такимъ образомъ первоначальную категорію рода (напр. б у х т *а* ⟵ die Bucht), частію же и въ русскомъ языкѣ оканчиваются тѣмъ же согласнымъ, поступая вслѣдствіе этого въ категорію муж. рода (напр. к о ш т ъ ⟵ die Kost [3]) и пр.

---

[1]) Этотъ же типъ сложеній встрѣчается и въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ германской вѣтви, напр. голландскаго. Между тѣмъ въ сложныхъ словахъ, заимствованныхъ изъ французскаго, преобладаютъ другіе типы сложеній: а) изъ прилаг. съ существ., при чемъ прилагательное или предшествуетъ существительному (напр. барельефъ, бельвю, бельэтажъ, бланъ-манже, бонвиванъ, гобой, горельефъ), или же слѣдуетъ за нимъ (робронда, prix-fixe), б) изъ глагола + сущ. (напр. абажуръ, вабанкъ, гардеробъ, кашне, паспортъ), в) слова съ промежуточнымъ предлогомъ (напр. визави, шарабанъ).

[2]) Отступленіе представляетъ слово «штрафъ» (⟵die Strafe), гдѣ гласное окончаніе устранено, а потому жен. родъ смѣнился на муж.; соотвѣтствующее слово въ польскомъ языкѣ также м. р.—strof или sztrof, но представляетъ отличіе по качеству гласнаго отъ того же слова въ русскомъ языкѣ.

[3]) Полное совпаденіе съ польскимъ словомъ (koszt), указываетъ, что слово перешло въ русскій языкъ черезъ польское посредство.

Обратимся теперь къ *семазіологической* группировкѣ словъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго языка. Наибольшее количество этихъ словъ относится къ областямъ военнаго дѣла и одежды, а затѣмъ—къ областямъ искусства, должностей, кухни, построекъ, торговли и нѣк. др.; въ этой же послѣдовательности мы размѣстимъ и примѣры заимствованій: а) военное дѣло —алебарда, шпицрутенъ, юнкеръ, вахмистръ, штабъ, вербовать, гауптвахта, ротмистръ, мундштукъ, рысь (бѣгъ), ефрейторъ [1]), герольдъ, лагерь, плацъ, лозунгъ, рота, штурмъ; б) одежда и туалетъ—галстукъ, обшлагъ, позументъ, аксельбантъ, кантъ, китель, лампасы, лацканъ, фракъ, шлафрокъ, муфта, пантофли, рейтузы, фалда, шлейфъ, бантъ, шнуръ, шнуровать, штиблеты, штрипки, шпора, бакенбарды, парикмахеръ, локонъ, штопать, плисъ; [2]) в) искусства—абрисъ, ландшафтъ, бликъ, мольбертъ, малевать, маляръ, масштабъ, папка, рейсфедеръ, штрихъ, пасквиль, балетмейстеръ, волторна, капельмейстеръ, капельдинеръ; г) должности—гофмаршалъ, фрейлина, шталмейстеръ, брандмейстеръ, камердинеръ, лакей, кучеръ, орденъ, рангъ, штрафъ, ратуша, почтамтъ, почтмейстеръ; д) кухня—кухня, кухарка, бутэрбродъ, вафли, крендель, пастетъ (паштетъ), клёцки, фаршъ, шпиговать; е) постройки—брандмауэръ, шлюзы, шпалеры, фортка, дамба, штукатурить, блокъ, кнопка; ж) торговля и производства—бухгалтеръ, вексель, гульденъ, маклеръ, фрахтъ, штемпель, штука, бракъ, лотъ; грунтъ, кварцъ, мергель, поташъ, торфъ, шахта, шлифовать; з) развлеченія—кегли, ракета, танецъ, фантъ, шулеръ, фейерверкъ, гильза, ягдташъ, патрон-

---

[1]) Слово перешло изъ такого нѣмецкаго говора, гдѣ *ge* произносится какъ *je* (также: *ефесъ* ← Gefäss).

[2]) Не трудно видѣть, что большинство приведенныхъ названій одежды относится къ мужскому костюму и особенно военному, указывая на тотъ источникъ, отъ куда воспринималась русская военная форма; между тѣмъ названія женскаго костюма и туалета имѣютъ преимущественно французское происхожденіе.

ташъ; и) экипажъ—вага, фура, фурманъ, шина; і) медицина—бинтъ, корпія, пластырь, шрамъ; к) книгопечатаніе—шпонъ, шрифтъ, матрица; л) растенія и животныя—клеверъ, сельдерей, вальдшнепъ, страусъ; м) обстановка—ширмы, шкатулка, матрацъ; н) слова фамильярныя—шельма, шлендать, шлепать. Необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ нѣмецкаго, не исконныя нѣмецкія, а въ свою очередь заимствованы изъ другихъ языковъ; сюда напр. относятся: Pasquill, Stiefelette—итал., Lakei—франц.

Всѣ перечисленныя заимствованія относятся уже къ новому времени, начиная съ эпохи Петра. Кромѣ нихъ есть еще рядъ словъ, которыя были взяты съ нѣмецкаго въ предшествующее время, начиная съ XIII вѣка, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ теперь уже не употребляются или же нѣсколько видоизмѣнили свою физіономію. Представимъ эти слова въ той хронологической послѣдовательности, въ какой они намъ извѣстны изъ памятниковъ.

XIII в.: пискупъ т. е. епископъ (Смол. гр. 1229 г.); [1]) провстъ (тамъ же)⇐Probst; фоготь т. е. судья (т. ж.)⇐Vogt; мастеръ въ смыслѣ—глава ордена (Смол. гр. послѣ 1230 г.), [2]) местеръ (Пол. гр. 1264 г.) и нѣк. др. варіан-

---

[1]) Ожидалась бы при болѣе точномъ заимствованіи форма *бискупъ*, каковую и находимъ въ Соф. I л. подъ 1368 г., а также въ Грам. Вит. 1399 г., въ сложеніи же *архибискупъ* (срв. нѣм. Erzbischof) въ Ип. л. подъ 1152 г. Въ приведенной формѣ (пискупъ) заимствованіе усложнено церковно-славянизмомъ.

[2]) Нѣмецкое слово заимствовано изъ лат. ma(g)ister съ удареніемъ на начальномъ слогѣ соотвѣтственно общему правилу нѣмецкой интонаціи; нѣмецкій дифтонгъ *ai* является въ русскомъ словѣ въ видѣ простаго гласнаго *а*, а палятальный компонентъ дифтонга компенсировался вѣроятно палятальностью слѣдующаго слога *стеръ*, а въ формѣ местеръ могъ отчасти способствовать появленію мягкаго окончанія при участіи аналогіи къ Предл. ед., а можетъ быть также и къ И. мн., если послѣдній еще сохранялъ первичное окончаніе *-и*. Срв. еще въ нашей книгѣ стр. 196, примѣч.

ты; рат(ъ)манъ т. е. членъ магистрата въ древней Ригѣ (Пол. гр. 1264 г.); [1]) рыторъ „рыцарь“ ⩵ ср.-вхн. ritter, riter (въ Новг. лѣтоп. подъ 1242 г., см. выше стр. 196); шпильманъ т. е. актеръ, плясунъ—ни шпильманомъ быти, ни позорищь глядати (Ряз. крм. 1284 г.); скорлатъ или скарлатъ—названіе дорогой ткани (Грам. Влад. Вас. Вол. 1288 г., Грам. Риж. 1300), [2]) гѣрцикъ или герьцюкъ т. е. герцогъ (Ип. л. подъ 1235 и 1258 г.).

XIV-ый в.: бархатъ (Пут. зап. Игн. 1392); [3]) шида т. е. шелкъ, шелковая ткань (тамъ же), срв. ср.-вхн. sīde, др.-вхн. sīda; буркгимистръ (Грам. Вит. рижскому бургомистру 1399 г.) [4]); грошь (Грам. галиц. старосты

3-ье. Въ Новг. I л. подъ 1368 г. слово встрѣчается въ видѣ местеръ или—по другому списку—меистеръ; въ XV—XVI в. и даже ранѣе слово извѣстно уже въ болѣе книжномъ видѣ—магистръ (Соф. вр. подъ 1495 г.), маистръ (Пск. л. подъ 1533 г.). Варіантъ мѣштерь (Дог. гр. Пол. съ Риг. ок. 1330 г.) интересенъ по шипящему согласному вм. свистящаго; по эта звуковая особенность заимствованій съ нѣмецкаго встрѣчается также и въ предшествующемъ столѣтіи: Ролфо ис Кашеля или—по другому списку—ис Кашля (Дог. гр. Смол. 1229 г.), с посломь нѣмьцкымь *Ш*ивордомь (Дог. гр. Алекс. Нев. съ нѣмцами 1262—1263 г.). Что касается слова мастеръ въ значеніи «мастеръ, ремесленникъ», то оно встрѣчается еще въ Пов. вр. л. (въ Ип. л. подъ 1161 г. даже съ перемѣной суффикса на русскій—мастыръ), а также и въ грамотахъ, напр. «огородниковъ и мастеровъ» (Дог. гр. Вас. Дм. 1389 г.).

[1]) Грам. Смол. кн. Өед. Рост. 1284 г. начинается словами: «Поклонъ отъ князя отъ Өедора къ *пискупу* и къ *мастеру* и къ *ратманомъ*»; здѣсь мы съ ясностью видимъ, какъ сношенія съ необходимостью приводятъ къ позаимствованію техническихъ названій (въ данномъ случаѣ должностныхъ лицъ).

[2]) Позже—шарлатъ: Өранцюские сукна, а по Русски шарлатъ (Торг. кн., Савв. 128); слово первоначально восточнаго происхожденія.

[3]) Слово восходитъ къ арабскому источнику—barrakân «грубая матерія», откуда и ср.-лат. сущ. barracānus, а также и ср.-вхн. форма barchan-t (‖ barchât).

[4]) Позже—буймистръ (А. И. II, подъ 1600; вѣроятно, первый членъ сложенія видоизмѣнился отчасти подъ вліяніемъ народной этимологіи) и, наконецъ, бурмистръ (Лекс. 1704).

Оты 1351 г.); **квалтъ** т. е. насиліе=Gewalt (Жал. гр. Витовта 1388 г.); **фальшивый** (пол. fałszywy)—съ фальшивыми пѣнезми (Жал. гр. 1388 г.); **фунтъ**—заплатити два фунты перцу (т. ж.).

XV в.: **бунтъ** (Никон. лѣтоп. подъ 1400 г.)=Bund „союзъ“; [1]) **балка** т. е. бревно (Пск. л. подъ 1435 г.), срв. ср.-вхн. balke; **мушкатовый квѣтъ** т. е. мушкатный цвѣтъ (Привилей мѣсту Менскому 1499 г.), польск. kwiat muszkatowy. [2])

XVI в.: **ластъ**=Last, срв. „въ Любки (давали) по ласту соли на бочку на рожь“ (Пск. л. подъ 1543 г.), **буравъ** (А. Ю. подъ 1568 г.); **стулъ** (ок. 1578 г.); **шляпа**—„шляпа нѣмецкая дымчата“ (Платье Бор. Год., 1589 г.), срв. соврем. нѣм. Schlapphut „шляпа съ мягкими полями“.

XVII в.: **ярманка** (А. Ю. 1680 г.); **ротмистръ** (Разр. безъ мѣстъ, 1682 г.); **оптека** (Кн. зап. Царя и В. Кн. Петра Ал., 1682 г.).

Примѣчаніе. Столкновенія и сношенія съ шведами тоже начались еще въ древней Руси, что вело къ позаимствованію отдѣльныхъ шведскихъ словъ; срв. напр. **артугъ** — названіе мѣдной монеты (Новг. I л. подъ 1410 г.). Слова шведскаго происхожденія въ современномъ русскомъ языкѣ подробно разсматриваются въ Фил. Разыск. акад. Я. К. Грота.

7) *Слова, заимствованныя изъ* **голландскаго** *языка.* Голландскія слова начали проникать въ русскій языкъ съ первой половины XVII в., когда русское правительство, какъ и общество, сознало свою отсталость отъ Европы и стало вызывать иноземцевъ („нѣмцевъ“), знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ и

[1]) Слово затѣмъ стало настолько обычнымъ, что служило даже для объясненія другихъ словъ, срв. «**крамола** си есть розрухъ, бунтъ» (Зерцало XVII в.).

[2]) Слово «квѣтъ» (цвѣтъ) вмѣстѣ съ выраженіемъ обязано польскому вліянію.

близко связанными съ нимъ мастерствами. [1]) Но особенно большое количество голландскихъ словъ было заимствовано въ эпоху Петра Великаго, который, изучая корабельное мастерство въ Голландіи, ввелъ очень много корабельныхъ и морскихъ терминовъ въ русскій языкъ. Но не слѣдуетъ думать, что всѣ голландскіе термины были заимствованы нами непосредственно изъ голландскаго языка, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ ранѣе того успѣли перейти въ другіе европейскіе языки, ставъ какъ бы обще-европейскимъ достояніемъ. Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію словъ, заимствованныхъ изъ голландскаго языка, въ грамматическомъ отношеніи и прежде всего представимъ въ таблицѣ тѣ *звуковыя перемѣны*, какимъ подвергались эти слова при переходѣ въ русскій языкъ

Голландскіе звуки въ орѳографич. и фонетич. передачѣ [2])	Русскія звуковыя субституціи въ словахъ заимствованныхъ изъ голландскаго	Примѣры
ee (ə̯i, ə̄— дифтонгообразное произношеніе)	ей, е	reede ⩰ рейдъ kardeel ⩰ кардель
i (ы[3])	ы, и	wimpel ⩰ вымпелъ lichter ⩰ лихтеръ, лигтеръ

[1]) Такъ, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича пушечный мастеръ голландецъ Коэтъ устраиваетъ въ Москвѣ пушечный заводъ (ок. 1631 г.), а другой голландецъ, купецъ Виніусъ, съ товарищами (въ 1632 г.) получаетъ концессію на устройство заводовъ близъ Тулы для выдѣлки чугуна и желѣза; при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1669 г., строится на Окѣ корабль «Орелъ» при помощи вызванныхъ изъ Голландіи корабельныхъ мастеровъ, и т. д. (см. Ключевскій В. Курсъ русской исторіи, III (1908), стр. 340—344).

[2]) Мы указываемъ въ скобкахъ звуковое значеніе голландскихъ начертаній въ виду того, что немногимъ извѣстно чтеніе голландскихъ словъ; данныя произношенія почерпнуты изъ нашихъ собственныхъ наблюденій надъ живымъ голландскимъ языкомъ.

Голландскіе звуки въ орѳографич. и фонетич. передачѣ	Русскія звуковыя субституціи въ словахъ заимствованныхъ изъ голландскаго	Примѣры
ie (ī)	и	boegspriet ⇉ бу(г)шпритъ
ij (əi, ə^{i}j)	ей, и	drijven ⇉ дрейфовать, дрейфить(волж.) lijk ⇉ ликъ
oo (o̤)	о	lood ⇉ лотъ
oe (y)	у, ю	roeper ⇉ рупоръ broek ⇉ брюки, sloep ⇉ шлюпка
ou (ay)	ау, оу, о	pokhout ⇉ бакаутъ barkhout ⇉ баркоутъ, арх. баркоты (Петръ В.: баркъхоутъ) [1]
ui (o̤ə̤)	у, ю, уй, юй, ей, оу, о, ы	kombuis ⇉ камбусъ (Петръ В.: камбюісъ, комбойсъ) sluis (мн. sluizen) ⇉ шлюзъ, шлюзы cruiser ⇉ крейсеръ platschuit ⇉ плашкоутъ, плашкотъ kruis ⇉ крюйсъ, крыжъ
h (x)	г, х	harpoen ⇉ гарпунъ (Петръ В.: barkhout ⇉ баркъхоутъ)
g (x)	г, х, к	galjoen ⇉ гальюнъ dag ⇉ дахъ, dreg ⇉ дрегъ, дрекъ
z (з, з^{ж})	з, ж	zuid ⇉ зюйдъ zwakke hals ⇉ жвакагалсъ
st (c̊шт)	ст, шт	stagzeil ⇉ стаксель, штагсель
sch (c̊шх)	шк, шх	schipper ⇉ шкиперъ, шхиперъ

[1]) Написанія Петра В. взяты изъ его записей русскимъ письмомъ голландскихъ и англійскихъ корабельныхъ терминовъ во время заграничной поѣздки (см. Письма и бумаги имп. Петра В., I, 1887 г., №№ 219 и 220).

Не трудно замѣтить, что наибольшее число варіирующихъ субституцій представляетъ голландскій дифтонгъ *ui*, что объясняется тѣмъ, что онъ наиболѣе отличался отъ наличныхъ звуковъ русскаго языка. Что касается ударенія въ заимствованныхъ словахъ, то оно отвѣчаетъ въ общемъ голландскому ударенію, которое, подобно нѣмецкому, является корневымъ, такъ что въ неодносложныхъ словахъ концевые слоги не имѣютъ ударенія. Однако на почвѣ русскаго языка нѣкоторыя заимствованія получили удареніе на концѣ, большею частію тамъ, гдѣ конечный слогъ содержалъ дифтонгъ.

Въ области *морфологическихъ* модификацій заимствуемыхъ голландскихъ словъ слѣдуетъ отмѣтить субституціи: *-ing*⟹ *-ингъ* и *-ень*: helling⟹элингъ, gording⟹гордень; *-an*⟹*-анъ* и *-ань*: bezaan⟹безань (Петръ В.: безанъ); срв. также haven⟹ гавань (стар. гавенъ). Приведенные примѣры указываютъ на переходъ нѣкоторыхъ существительныхъ съ окончаніемъ *-нъ* въ мягкое склоненіе, чему благопріятствовало то обстоятельство, что въ русскомъ твердомъ склоненіи твердый согласный въ Предл. ед. смѣнялся на мягкій, а также и обычность окончанія *-нь*. Нѣкоторыя существительныя заимствованы въ голландской формѣ мн. ч., т. е. съ окончаніями *-en* или *-s*, но были поняты какъ ед. ч., а потому могли распространять эту форму новыми русскими окончаніями мн. ч., напр. kragen⟹крагенъ, wegers⟹вегерсы. Изъ заимствованныхъ суффиксовъ нужно отмѣтить *-товъ* (голл. -touw), напр. kabeltouw⟹кабельтовъ; имена на *-ns* въ русскомъ языкѣ обычно оканчиваются на *-нецъ* съ бѣглымъ гласнымъ, [1]) напр. krans⟹кранецъ, schans ⟹шканцы (Петръ В.: шкансъ). Названія нѣкоторыхъ сравнительно мелкихъ предметовъ получили на русской почвѣ, подобно заимствованіямъ изъ другихъ языковъ, суф. *-ка*, напр.

---

[1]) Аналогичная черта и въ заимствованіяхъ съ нѣмецкаго: Tanz ⟹ танецъ, Ranz ⟹ ранецъ.

койка, рубка, шлюпка (|| шлюпъ). Голландскіе глаголы на *-eeren* въ русскій языкъ перешли съ суф. *-ировать* (встрѣтившись такимъ образомъ съ аналогичнымъ заимствованіемъ глаголовъ изъ другихъ иностранныхъ языковъ), напр. лавировать, конвоировать, буксировать. Есть случаи прибавки русскаго префикса къ голландскому слову, напр. *под*легарсъ. Народной этимологіей объясняютъ: *л*итерсъ вм. *г*итерсъ (вліяніе глагола „лить"), *дым*сель (подстановка слова „дымъ" къ голландскому слову zeil).

Если мы будемъ разсматривать слова, заимствованныя съ голландскаго, съ *семазіологической* стороны, то замѣтимъ, что почти всѣ они такъ или иначе представляютъ морскіе термины или же служатъ названіями раличныхъ корабельныхъ частей, срв. кромѣ уже приведенныхъ: верфь, кабель, каюта, люкъ, матросъ, рейсъ, руль, тентъ, тонна, трапъ, флагъ, флотъ, флюгеръ, фрегатъ, штурманъ, юнга, ютъ, яхта и др. Сравнительно небольшое число заимствованій относится къ другимъ сферамъ, главнымъ образомъ къ торговлѣ и предметамъ производствъ, напр.: контора, магазинъ, футъ, дюймъ, канифасъ, ситецъ, брюки, пробка, канфорка.

Какъ мы уже указывали, нѣкоторыя слова голландскаго происхожденія ко времени перехода ихъ въ русскій языкъ уже успѣли стать болѣе или менѣе общеевропейскими и могли перейти къ намъ черезъ посредство другаго языка, напр. бухта (срв. нѣм. die Bucht), дюна (нѣм. die Düne), тонна (die Tonne), швабра (нѣм. die Schwabber); нѣкоторые морскіе термины получены изъ англійскаго языка и притомъ отчасти въ эпоху Петра Вел., какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ названій въ записной его тетради—„фалшькиль" (англ. false keel), „квартеръ декъ" (англ. quarterdeck), „гонъ декъ" (gun-deck), „лимберсъ" (англ. limbers мн. ч.) и т. п., [1])

[1]) См. Письма и бумаги имп. Петра В., т. I (1887), №№ 219 и 200.

другіе же—изъ французскаго, какъ напр. эскадра (escadre), контръ-адмиралъ (contre amiral) и др.

8) *Слова* **англійскаго** *происхожденія въ русскомъ языкѣ.* Слова, заимствованныя изъ англійскаго языка, поступили въ русскій языкъ частію въ эпоху Петра Великаго (нѣкоторые морскіе и корабельные термины), частію же и главнымъ образомъ въ теченіе XIX вѣка, когда богатая англійская литература стала популярна въ Россіи, переводилась и вызывала подражанія; мода ко всему англійскому усилилась до такой степени, что многіе слѣдовали англичанамъ даже въ самомъ образѣ жизни. [1])

Переходя къ признакамъ, характеризующимъ заимствованныя англійскія слова позднѣйшаго времени, мы должны замѣтить, что *фонетическихъ* (какъ и морфологическихъ) признаковъ этихъ словъ довольно мало, и они сводятся къ нѣкоторымъ звуковымъ и орѳографическимъ примѣтамъ, каковы: наличность согласныхъ *ч* или *дж* (срв. *ч*е к ъ, с п и *ч* ъ, д *ж* и н ъ и др.; необходимо однако имѣть въ виду, что эти звуки свойственны также нѣкоторымъ другимъ языкамъ, напр. итал., гиндустан., почему при опредѣленіи источника заимствованія необходимо считаться съ одновременнымъ присутствіемъ другихъ признаковъ), чередованіе въ чуждыхъ словахъ начальныхъ начертаній *уа-* и *ва-*, *уи-* и *ви-* и пр. (срв. *уи*ски || *ви*ски, *Уэ*стминстеръ || *Ве*стминстеръ и т. п.), чередованіе гласныхъ *э* || *а* (л*э*ди и стар. л*а*ди, [2]) ф*э*шенебельный и стар. ф*а*шьонабельный, [3]) Ч*э*рингъ-

---

[1]) Такого англомана-помѣщика представилъ между прочимъ *Пушкинъ* въ своей повѣсти «Барышня-крестьянка».

[2]) Срв. напр. «двѣ англинскія *лади*» (Магаз. 1795 г., мартъ, стр. 130; также—іюль 46).

[3]) Кромѣ прилагательнаго «фашьонабельный» намъ встрѣтилось еще и новообразованное существительное, теперь не употребительное, срв.: «Нѣсколько молодыхъ *фашьонаблей* занимали первыя мѣста...» (Библіотека романовъ и историч. записокъ, изд. Ф. Ротганомъ на 1835 г.).

Кроссъ || Чарингъ-Кроссъ, Джэкъ || Джакъ, чэмпіонъ || чампіонъ и др.), *у* || *о* (клубъ и прежнее клобъ, [1]) *оу* || *ау* (клоунъ при индивид. клаунъ); [2]) кромѣ того, въ орѳографіи заимствованныхъ англійскихъ словъ характернымъ является частое присутствіе буквы *э* (срв. кэбъ, кэкъ, бэби, дэнди).

Морфологическіе признаки заимствованныхъ съ англійскаго словъ отчасти подобны голландскимъ; срв. напр. суф. *-ингъ* (митингъ, пуддингъ); есть также случаи, гдѣ англійскія существительныя въ формѣ мн. ч., оканчивающіяся на -s, были поняты какъ ед. ч., срв. рельсъ (rail *ед. ч.* || rails *мн. ч.*), кэксъ (cake *ед. ч.* || cakes *мн. ч.*); сюда же относится и слово пенсъ (англ. pence—мн. ч. къ ед. ч. penny). Со стороны словоизмѣненія, почти всѣ заимствованныя съ англійскаго существительныя поступили въ соотвѣтствующіе типы русскихъ склоненій, за исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя, оканчиваясь на *-и*, какъ напр. янки, виски, бэби, не склоняются. [3])

Что касается *семазіологическихъ* признаковъ, то легко подмѣтить, что бо́льшая часть заимствованій относится къ сферѣ аристократической жизни (high life)—развлеченій и комфорта, напр.: спортъ, спортсменъ, боксъ, крокетъ, вистъ,

---

[1]) Срв. у Грибоѣдова:

Ну, что вашъ батюшка? Все англійскаго клоба
Старинный вѣрный членъ до гроба... (Горе отъ ума).

[2]) Въ этихъ случаяхъ формы съ *э*, *о*, *ау* обусловливаются заимствованіемъ съ голоса, а формы съ *а*, *у*, *оу*—согласно англійской орѳографіи.

[3]) Слово «кофе», заимствованное вѣроятно также изъ англійскаго, у писателей нерѣдко склоняется. Впрочемъ кромѣ англійскаго (coffee) это слово произносится съ гласнымъ *о* въ корнѣ также еще въ голландскомъ (koffij). Относительно хода распространенія кофе въ Европѣ въ одномъ старомъ журналѣ читаемъ: «Нѣкто Просперъ Албинусъ возвращаясь изъ Египта привезъ его въ 1591 году въ Венецію. Нѣкто по имени Ларокъ привезъ его въ 1614 году во Францію. Въ Лондонѣ стали его явно продавать съ 1652, а отсюда распространился онъ по всему свѣту» (Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній, 1795 г., сент., стр. 169—170).

кексъ, клубъ, пикникъ, раутъ, робберъ, спичъ, тостъ, флиртъ, гамакъ, сплинъ, крикетъ, лаунъ-теннисъ, грумъ, жокей, клоунъ, бостонъ, туристъ, фэшенебельный; бифштексъ, ростбифъ, кэкъ, пуддингъ, плумъ-пуддингъ, портеръ, пуншъ, виски, ромъ, грогъ, джинъ, файвъ-о-клокъ [1]); джентльмэнъ, лордъ, мистрисъ, миссъ, мистеръ, сэръ, дэнди, бэби; далѣе, есть группа словъ, относящихся къ общественно-соціальной жизни, напр. вердиктъ, митингъ, бойкотъ, билль; къ области торговли и промышленности относятся названія матерій и одежды, какъ напр.—фланель, плюшъ, пледъ, редингготъ, макинтошъ; къ области передвиженія—вокзалъ, вагонъ, коксъ, тендеръ, туннель, рельсы, экспрессъ, трамвай; постройки: коттеджъ, веранда, скверъ; литература: труизмъ, юморъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя англійскія слова вошли въ русскій языкъ черезъ посредство языковъ французскаго и нѣмецкаго; срв. слова: „бюджетъ“, гдѣ *ю* указываетъ на французское посредство, и „сентиментальный“, въ одной старой переводной статьѣ съ нѣмецкаго (1795 г.) [2]) еще замѣненное природнымъ русскимъ словомъ „чувственный“, при чемъ однако въ скобкахъ прибавленъ и иностранный терминъ (Sentimental).

9) *Слова* **татарскаго** *и* **монгольскаго** *происхожденія въ русскомъ языкѣ.* Само географическое положеніе Россіи, т. е. на границѣ съ Азіей, обусловливало различныя столкновенія съ азіатскими народностями, преимущественно монголо-татарскими, результатомъ чего явилось значительное количество въ русскомъ языкѣ словъ, принадлежавшихъ этимъ языкамъ

---

[1]) Интересно отмѣтить, что это выраженіе, еще не успѣвшее стать въ русскомъ языкѣ простымъ словомъ, присоединяетъ на письмѣ окончанія посредствомъ апострофа: «сидятъ безъ файвъ-о-клокъ'а» (Тэффи «Водевили жизни», въ Рус. Словѣ за 1911 г.).

[2]) См. Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній, 1795 г., іюль, стр. 45.

совершенно другаго семейства. Слова эти стали проникать въ русскій языкъ уже съ первыхъ шаговъ по обособленіи отъ праславянской колыбели, когда южныя степи Россіи занимались послѣдовательно кочевниками, вступавшими въ частую борьбу съ русскими племенами; но главная масса этихъ чуждыхъ словъ поступила въ русскій языкъ за время монгольскаго ига, когда русская культура по необходимости должна была перенимать тѣ или другіе нравы и порядки побѣдителей.

Къ *фонетическимъ* признакамъ словъ, заимствованныхъ изъ татарскаго и монгольскаго, принадлежатъ главнымъ образомъ проявленія гармоніи гласныхъ, подчиняющіяся вполнѣ опредѣленнымъ законамъ соотвѣтственно тому или другому діалекту. Мы не станемъ входить въ изложеніе этого вопроса татарско-монгольской фонетики, а представимъ лишь нѣсколько примѣровъ, на основаніи которыхъ читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о сущности явленія: *арканъ*, *алтынъ*, *клобукъ*, (баши-) *бузукъ*, *кумысъ*; бешметъ, *тютюнъ*, *бирюкъ*. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что за корневымъ *а* въ словѣ могутъ слѣдовать гласные *а* или *ы*; послѣ *о* встрѣчаемъ *у*, а послѣ корневаго *у* какъ *у*, такъ и *ы*; за корневымъ гласнымъ *е* слѣдуетъ такой же гласный, а за гласнымъ *ӱ* (ю)—*ӱ*, и т. п. Необходимо однако замѣтить, что законы гармонической послѣдовательности гласныхъ болѣе или менѣе значительно разнятся по отдѣльнымъ нарѣчіямъ татарско-монгольскимъ, но мы не будемъ касаться этого вопроса въ виду его сложности. [1])

---

[1]) Болѣе детальное изслѣдованіе заимствованій съ татарскаго и монгольскаго должно считаться съ этими частностями, такъ какъ только при этомъ условіи можно добыть болѣе строгіе законы звуковыхъ субституцій и опредѣлить самый діалектъ, послужившій источникомъ заимствованій. Въ качествѣ превосходнаго методологическаго образца можемъ указать на статью акад. В. В. Радлова «О языкѣ кумановъ» (въ приложеніяхъ къ XLVIII-му тому Записокъ Ак. Наукъ, 1884 г.).

Къ *морфологическимъ* признакамъ относится наличность опредѣленныхъ суффиксовъ въ заимствованныхъ словахъ. Таковы суффиксы—*лык* (напр. б а ш *л ы к ъ*), *мак* (напр. б а ш *м а к ъ*), *ан* (напр. я т а г *а н ъ*) и нѣк. др. Относительно ударенія словъ съ этими суффиксами замѣтимъ, что въ словахъ муж. рода въ И. ед. оно падаетъ на конечный (суффиксальный) слогъ, а въ косвенныхъ падежахъ обычно переходитъ на окончаніе, кромѣ словъ съ суффиксомъ *ан*, гдѣ оно обычно сохраняется на суффиксальномъ слогѣ, срв. башлы́къ—башлыка́, но арка́нъ—арка́на.

Что касается *семазіологической* стороны разсматриваемыхъ заимствованій, то слова монгольскаго происхожденія относятся главнымъ образомъ къ области административно-государственной, тогда какъ слова татарскаго происхожденія къ области повседневной жизни, напр. къ одеждѣ, верховой ѣздѣ и пр. Представимъ теперь примѣры заимствованій изъ татарскаго и монгольскаго, расположенные по вѣкамъ, начиная съ XIII в. и взятые изъ древне-русской письменности:

XIII в.: к у м у з ъ—Пьеши ли... кобылии кумузъ (Ип. подъ 1250 г.); т а м г а „видъ подати, введенной у насъ татарами“ (Ярл. Мен. Тем. 1267 г.); [1]) я м ъ „ямская повинность, денежный сборъ на ямскую гоньбу“ (тамъ же); б у р а л о ж н и к ъ (т. ж.), срв. бурулук „волчарникъ“; б а с к а к ъ (т. ж.); д о р а г а́ „татарскій чиновникъ“ (т. ж.).

XIV в.: у л у с ъ—татарское селенье (Ярл. Узб. 1315 г.); к а р а у л ъ—пограничное сторожевое селеніе (Грам. Алекс. митр. 1356 г.)—отъ тат. *кара* „глядѣть, смотрѣть“ и *аулъ* „деревня“; к а п т о р г а—металлическое украшеніе у пояса (Дух.

---

[1]) Затѣмъ это слово встрѣчается въ значеніи «торговая пошлина» (Дух. Ив. Кал. 1327—1328 г.), «клеймо, печать» (Ярл. Тайд. 1351); оно сохраняется еще въ концѣ XVI в., и отъ этого времени имѣемъ глаголъ т а м ж у—т а м ж и т и («и у нихъ товаръ осматривати и тамжити», Тамож. гр. 1571 г.); отсюда и соврем. «таможня».

Ив. Кал. 1327—1328 г.); татауръ—родъ пояса (Дух. Дм. Ив. 1389 г.); ден(ь)га (Дог. гр. 1381—1382 г.); алтынъ= 6 денегъ (Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г.), срв. тат. алты „шесть“; алачюга или олачуга (Новг. IV л. подъ 1379 г.), срв. совр. „лачуга“, тюрк. алачук.

XV в.: башмакъ, срв. прозвище „Данило Башмакъ“ (Соф. вр. подъ 1447 г.), въ собственномъ же своемъ значеніи встрѣчается въ 1642 г. (Плат. цар. Евд.); аргамакъ— дорогая азіатская лошадь (1483); катуна — жена у татаръ (Соф. вр. подъ 1496 г.); качьма — „Татаровѣ намъ кликали: качьма, не бѣгаите“ (Аѳан. Никит.), отъ тат. кач „бѣгать“: наблюдательный путешественникъ для живости разсказа сообщаетъ даже татарское выраженіе, сопровождая его переводомъ; булгакъ—мятежъ, тревога—„вездѣ булгакъ сталъ“ (т. ж.), откуда соврем. *булгачить*.

XVI в.: калпакъ и колпакъ — родъ шапки (Дух. княг. Юл. Волоц. 1503 г.); [1]) кабакъ (Тамож. Весьег. гр. 1563 г.); [2]) епанча — покровъ при саняхъ (Оп. им. ц. И. Вас. 1582—83 г.); кушакъ (т. ж.); колчанъ (Ор. Бор. Год., 1589 г.); тулумбазъ и тулунбазъ—небольшой бубенъ въ видѣ чашки, затянутой кожею (т. ж.).

XVII в.: барышникъ (А. Ю. подъ 1613 г.) — слово производное, предполагающее уже наличность слова „барышъ“, какъ производящаго; куякъ—родъ доспѣха (Ор. Мих. Ѳед., 1640).

Необходимо имѣть въ виду, что многія слова татарскаго типа могли быть заимствованы въ русскій языкъ еще до татарскаго нашествія изъ языка болѣе раннихъ кочевниковъ, напр. кумановъ или половцевъ (извѣстныхъ у насъ съ поло-

---

[1]) Отсюда — глаголъ «накалпачить», представляющій словопроизводственную параллель къ глаголу «наклобучить» или «нахлобучить» (отъ «клобукъ»).

[2]) Отсюда — прил. «кабацкій»: кабатцкое ведро, по кабацкой цѣнѣ (А. И. 1615 г.).

вины XI в.), появленію которыхъ предшествовали въ свою очередь другіе кочевники, напр. хозары, торки, печенѣги. Просматривая слова извѣстнаго „Codex comanicus“, мы встрѣчаемъ въ немъ массу словъ татарскаго типа, извѣстныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ, напр.: [1]) араба „арба“, алацык „лачуга“, орда „орда, дворъ князя“, ӧркӓн „арканъ, длинная веревка“, улус „улусъ, народъ“, катын „жена, женщина“, кӓбiт (каз. кiбiт), јурт „жилище, юрта“, јўзўм „изюмъ“, тамаша „зрѣлище“ (срв. рус.—тумаша), токмак „колотушка“ (срв. выраженіе—дать тумака), сабан „плугъ“, сындык „сундукъ“, сўџўк „кишка, сычугъ“, бакца „садъ, бахча“, балык „рыба“, башмак „башмакъ“, бӧрў „волкъ, бирюкъ“, ӱулџа [2]) „мѣшать, взбалтывать“ (срв. рус. булгачить.) [3])

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ русскій языкъ рано начали поступать слова, происходящія изъ языковъ арабскаго, а также родственнаго намъ персидскаго, переходя частью черезъ посредство тѣхъ же кочевниковъ, частью непосредственно (торговля, а затѣмъ путешествія), а частью

---

[1]) Слова приводятся нами въ транскрипціи русскими буквами, установленной акад. В. В. Радловымъ въ его мемуарѣ «Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus», S.-Pb. 1887 (въ Mém. de l'Acad. Impériale des sciences de S.-Pb., VII-e série. t. XXXV, № 6). Нужно отмѣтить, что говоръ куманъ былъ цокающимъ, такъ что въ большинствѣ тюркскихъ діалектовъ этому ц соотвѣтствуетъ ч. Какъ доказалъ акад. Радловъ чрезъ тщательное сравненіе съ турецко-татарскими языками въ ранѣе цитированной статьѣ «О языкѣ кумановъ», кумапское нарѣчіе относится къ западной группѣ тюркскихъ нарѣчій, въ составъ которой входятъ нарѣчія иртышскія, киргизскія, башкирскія и волжскія, при чемъ ближе всего стоитъ къ волжскимъ и въ особенности къ нарѣчію мишеровъ, т. е. татаръ пензенской, частью саратовской, симбирской и нижегородской губерній.

[2]) Начертаніе ӌ обозначаетъ заднеязычный придувной согласный.

[3]) Соприкосновеніе половцевъ съ русскими (русы «русскій») отразилось въ свою очередь принятіемъ ими ряда русскихъ словъ, напр. изба «изба», пӓц «печь» и др. Кромѣ того въ языкѣ половцевъ были слова происхожденія арабскаго (напр., салам «привѣтствіе», сабур «алоэ, сабуръ», шайтан «сатана» и др.) и персидскаго (напр. казна «казна», откуда — казнацы «казначей», лiмон «лимонъ», базар «базаръ» и др.).

черезъ посредство византійское и нѣмецкое. Раннее соприкосновеніе съ финскими племенами повело къ заимствованію словъ финскаго происхожденія, которыхъ сравнительно немного (собраніе ихъ дается въ Фил. раз. акад. Грота), но за то довольно много финскихъ географическихъ названій (особенно рѣкъ и озеръ), сохраняющихся на территоріи, нѣкогда бывшей занятою финскими племенами.

Библіографическія указанія. Буслаевъ Ѳ. О преподаваніи отечественнаго языка (1867)[2], стр. 436—463. Гротъ Я. Филологическія разысканія (1899)[4], статьи—О словѣ «шпильманъ» въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, стр. 386—389; Слова Областнаго Словаря, сходныя съ скандинавскими, стр. 433—444; Слова Областнаго Словаря, сходныя съ финскими, стр. 445—448; По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ, стр. 455—463; Слова, взятыя съ польскаго или черезъ посредство польскаго, стр. 464—467; Правописаніе заимствованныхъ словъ и именъ собственныхъ, стр. 746—775. Соболевскій А. Греко-славянскіе этюды, въ Рус. Фил. Вѣстн. т. IX, X; Русскія заимствованныя слова, литограф. курсъ лекцій, 1891 г. (этого сочиненія намъ не пришлось видѣть). Брандтъ Р. Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ (1883). Карскій Е. Къ вопросу объ употребленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ (1910). Korsch Th.—рецензія на трудъ Миклошича (см. Arch. f. slav. Phil., B. 8 u. 9). Фасмеръ Р. Греко-славянскіе этюды: II. Греческія заимствованія въ старо-славянскомъ языкѣ (Изв. А. Наукъ, 1907, т. XII—2); III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ, 1909 (Изъ Сборника Отд. р. яз. и слов. А. Наукъ, т. LXXXI); Нѣсколько новыхъ трудовъ по лингвистикѣ (критическія замѣтки по поводу нѣкоторыхъ новыхъ трудовъ о заимствованіяхъ въ русскомъ языкѣ, см. Визант. Временникъ, т. XIII). R. van der Meulen De Hollandsche zee- en scheepstermen in het Russisch, 1909 (срв. рецензію Д. Зеленина, Р. Ф. В. 1910 г. № 2). Matzenauer A. Cisi slova ve slovanských řečech (1870). Горяевъ Н. Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка (Тифлисъ, 1896 г.). Miklosich Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen (1886), а также этимол. словари языковъ, послужившихъ источниками заимствованій. Срезневскій И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, т. I—III (1890—1909). Дювернуа А. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка (1894). Савваитовъ П. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное (въ Зап. Императ. Рус. Археол. Общ-ва, т. IX, отд. слав. и рус. археологіи, 1897 г.). Смирновъ А. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху (1910), см. выше стр. 465 сн.

Коммунистической Академии